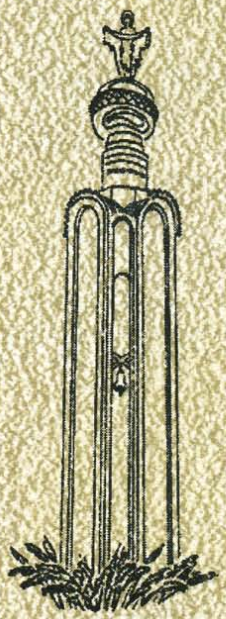
ЗВОННИЦА

БЕЛГОРОДСКИЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

№ 7 · 2006

Мы должны сказать правду и тем обессилить зло, это наш долг перед потомками!

УЧРЕДИТЕЛИ:

Белгородская региональная
общественная организация
«РАДУНИЦА»
(Есенинское общество)

Предприниматель В. Шаповалов

ЗВОННИЦА

БЕЛГОРОДСКИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Том 7

2006

Главный редактор:
Владислав ШАПОВАЛОВ

Редакционная коллегия:

В. П. БАБИНЦЕВ,
доктор философских наук
В. Н. ВОЛОБУЕВ,
член Союза писателей России
(ответственный секретарь)
Н. Н. ГРИЩЕНКО,
член Союза писателей России
Е. Ф. ДУБРАВНЫЙ,
член Союза писателей России
(зам. главного редактора)
В. У. КАЛУЦКИЙ,
член Союза писателей России
В. В. ОВЧИННИКОВ,
член-корреспондент Международной
Кирилло-Мефодиевской академии
славянского просвещения
В. А. СТАРИКОВ,
Народный артист России

© «Звонница», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ

Станислав ТИМОФЕЕВ — Образование на Белгородчине ... 3
Анатолий КОЛЕСНИКОВ — Воспитать достойную смену ... 25

ПРОЗА

Виктор НАБОКОВ — Смотрины. *Рассказы* ... 34
Николай ИЩЕНКО — На хутор к Кузьмичу. *Рассказ* ... 47
Наталия АНДРИАНОВА — Ведьмин круг. *Рассказ* ... 56
Владимир КАЛУЦКИЙ — Гипербореи. *Роман* ... 68
Юрий АНЦИФЕРОВ — Афоризмы ... 95

ПОЭЗИЯ

Вера РЕШЕТНИКОВА — Живи, надежда... *Стихи* ... 100
Людмила НЕЖЕНЦЕВА — Наполни душу светом. *Стихи* ... 109
Борис БОЧАРОВ — Задворки России, как сердцу вы милы. *Стихи* ... 111
Лариса ПОНОМАРЕВА — Третье крыло. *Стихи* ... 114
— Антология одного стихотворения. *Стихи* ... 117
Диана КАН — Печальники и воины славянства. *Стихи* ... 121

ДЕТСКИЙ УГОЛОК

Юрий ЛИТВИНОВ — Две сказки ... 124

РОССИЯ

Александр ФИРОНОВ — Клеветникам России ... 129
— Великие русские ... 136
Виктор ЛЕБЕДЕВ — Русские мысли ... 141
Юрий ГОРБАЧЕВ — Белогорье, боль моя… ... 147
Николай ВАСИЛЬЕВ — Дело моей жизни ... 151
Иосиф СТАЛИН — Цитаты ... 156
Василий РОЗАНОВ — Цитаты ... 157
Федор ДОСТОЕВСКИЙ — Из дневников ... 158
Евгений ДУБРАВНЫЙ — Моя страна ... 162
Лидия МАРКИНА — Наболевшее ... 163
— Будь здоров, гражданин Отечества ... 164

НАУКА, КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ, ПУБЛИЦИСТИКА

Валерия КОЛЕСНИК — Актерское волшебство Виталия Старикова ... 166
Ольга ТКАЧЕВА — Мой город ... 174
Анатолий ШКИЛЬ — Совесть моя чиста. *Г. Гапон* ... 176
А. Крупенков, Т. Приставкина — Белгородский издатель А. Вейнбаум ... 185
Наталья ОВЧАРОВА — Страницы пережитого ... 191
Владимир НЕВЛЕВ — Времена года ... 207
Зинаида ФИЛАТОВА — Блики детства ... 223
Владимир КАЛУЦКИЙ — Песнь песней Богумиловых ... 227
— Наш архив ... 241
Юрий ГОВОРУХО-ОТРОК — *К 110-летию со дня смерти* ... 242

ЮБИЛЕИ

Владимир ЖУКОВСКИЙ — *К 85-летию со дня рождения* ... 252
Виталий БУХАНОВ — *К 80-летию со дня рождения* ... 254
Михаил ТВЕРИТИНОВ — *К 80-летию со дня рождения* ... 267
Александр ДОНЧАК — *К 80-летию со дня рождения* ... 272
Геннадий УРАКОВ — *К 80-летию со дня рождения* ... 275
Дмитрий МАМАТОВ — *К 80-летию со дня рождения* ... 278
Станислав КОСЕНКОВ — *К 65-летию со дня рождения* ... 292
Виталий ВОЛОБУЕВ — *К 50-летию со дня рождения* ... 309

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Анатолий ЕРЕМКИН — *В. Колесник «Русская икона»* ... 320
Валерия КОЛЕСНИК — *В. Розе «Теория богочеловеческой цивилизации»* ... 324
Лидия МАРКИНА — *О. Кириллов «Русские»* ... 327

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Зарегистрирован в Средне-Русском межрегиональном территориальном управлении.
Мининформпечати РФ, свидетельство ПИ № 8-1346.
Формат 70x108 1/16. Объем 21,62 п.л. + цв. вклейка 1 п.л. Тираж 1000 экз.. Печать офсетная. Подписано в печать 20.05.2006
Адрес редакции: 308033, Россия, Белгород, ул. Губкина, д.20, к.13. Тел. (4722) 55-86-06. Отпечатано в ПЦИШ.
Цена договорная

ТИМОФЕЕВ
СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ,
заслуженный учитель РФ,
начальник управления образования
и науки Белгородской области

ОБРАЗОВАНИЕ НА БЕЛГОРОДЧИНЕ

Образование на Белгородчине имеет давние традиции. Первое учебное заведение в нашем крае упоминается еще в 1716 году и относится к разряду «цыфирных школ», созданных Петром Великим. В то время Белгород находился на переднем крае преобразований молодой Российской империи, и для строительства нового государства требовались грамотные специалисты. Важность духовного воспитания не подвергалась сомнению и с целью просвещения народа и подготовки кадров священнослужителей в 1722 году епископом Белгородским и Обоянским Епифанием Тихорским при архиерейском доме открывается славяно-российская школа, переименованная впоследствии, в 1737 году, в славяно-латинскую.

Яркие страницы истории Белгородчины связаны с именем и деятельностью покровителя Святого Белогорья, епископа Белгородского и Обоянского, Иоасафа Горленко (1705-1754). Епископ Иоасаф — один из просвещённейших людей России XVIII века. Владение иностранными языками позволяло ему читать труды иностранных авторов на языке оригиналов. В его личной библиотеке рядом с сочинениями отцов православной церкви стояли книги по истории, географии, медицине, астрономии, механике и другим, сугубо светским наукам. Приняв в свое управление Белгородско-Обоянскую епархию, епископ Иоасаф обратил в первую очередь внимание не только на состояние храмов, но и на имевшиеся здесь очаги просвещения. Во время поездок по обозрению епархии он регулярно посещал словено-латинские школы, много времени и сил отдавал совершенствованию учебно-воспитательной работы в них. Нередко святитель Иоасаф жертвовал свои личные сбережения на поддержание этих учебных заведений. Масштабы и значимость деяний этой исторической личности выходят далеко за рамки узко церковной, религиозной сферы.

Неоценимый вклад в просвещение внес другой видный просветитель XVIII века, почетный член Российской академии наук, богослов, историк и педагог, архиепи-

скоп Белгородский и Курский Феоктист Мочульский. Самым выдающимся памятником его неутомимой деятельности на ниве просвещения было создание в Белгороде духовной семинарии, из стен которой вышли многие выдающиеся деятели России. Среди них: историк Русской Православной Церкви, митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), доктор богословия, профессор Московского университета М. И. Иванцов-Платонов, член-корреспондент Российской Академии наук М. Г. Халанский, доктор медицины, профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии П.С. Платонов и многие другие.

Век девятнадцатый принёс новые веяния, и наряду с духовными начали создаваться светские учебные заведения. Наиболее значимым событием второй половины XIX столетия стало открытие в 1876 году в Белгороде учительского института, девятого учреждения такого рода в России. В Белгороде с 1871 года имелась учительская семинария, осуществлявшая подготовку учителей для начальных училищ, и открытие нового профессионального педагогического института говорит о возросшей потребности в квалифицированных учительских кадрах. В городах Белгородчины действовали мужские и женские гимназии, уездные, городские, начальные, реальные, духовные, приходские, епархиальные училища. Имелись и частные учебные заведения: женские гимназии Федченко-Якубович и Коротковой, профессиональная ремесленная школа Щербаненко, ремесленная школа Мироновой, подготовительное училище Пономаревой, другие.

Важную роль в образовании на Белгородчине играли земские школы, значительное количество которых возникло в последней трети XIX века. Однако и это не дало возможности всем желающим получить даже начальное образование. Свой вклад в просвещение народа вносили существовавшие при храмах церковно-приходские школы. В 1914/1915 учебном году на территории современной Белгородской области имелось 1486 школ, из них 1462 начальные, 10 семилетних и 14 средних. В городах насчитывалось 99 школ, в селах — 1387. В них обучалось 107 тысяч учащихся и работало 2815 учителей.

С приходом Советской власти главной задачей органов образования стала ликвидация неграмотности населения. 1 октября 1920 года создана губернская чрезвычайная комиссия, а на местах — уездные комиссии по ликвидации неграмотности. В Курской губернии, в которую входил в первой половине XX века Белгородский край, ликбезом занимались два педагогических института и четыре техникума. В Короче и Старом Осколе работали кратковременные педагогические курсы. В итоге, в 1930-е годы был осуществлен переход ко всеобщему начальному образованию.

Белгород. Лицей № 9 (в настоящее время)

Социально-теологический факультет БелГУ
(в настоящее время)

Небывалые трудности выпали на долю народного образования в годы Великой Отечественной войны. Многие учителя ушли на фронт. На их место пришли выпускники школ, имевшие среднее или неполное среднее образование. И даже в этих тяжелейших условиях образование выжило. На освобожденных от фашистской оккупации территориях дети снова садились за парты и продолжали учебу. Демобилизованные после войны учителя возвращались в школы. Все это дало возможность в послевоенные годы продолжить работу по завершению перехода ко всеобщему среднему образованию.

Новый этап в развитии образования начался в 1954 году, когда Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Белгородская область. В 1954 году в области насчитывалось 1614 школ, 1022 из которых были начальными и только 102 — средними, остальные — семи- и восьмилетними. Имелись также учительский институт, строительный и индустриальный техникумы, три сельскохозяйственных техникума, три педагогических, три медицинских и девять профессионально-технических училищ.

Нелегкие годы становления образования в Белгородской области ознаменовались интенсивным строительством новых школ. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют такие цифры. Если до 1954 года в городе Белгороде было всего 9 школ на 3 тысячи мест, то к концу 1950-х годов уже насчитывалось 18 на 10 тысяч школьников, а еще через десять лет в Белгороде действовало 29 школ, в которых обучалось свыше 21 тысячи учащихся и работало около 1200 учителей. Сложнее складывалась обстановка в сельской местности. В 1950-х и даже в первой половине 1960-х годов в деревнях и селах большое количество школ размещалось в неприспособленных зданиях дореволюционной постройки. Часто школами служили крестьянские хаты с земляными полами, камышитовыми крышами и печным отоплением. Вот тогда-то и родилась у руководства области идея инициативного строительства школ. Новшество заключалось в том, что начиналось строительство школ за счет колхозов, а тем колхозам, которые были не в состоянии завершить строительство, выделялись бюджетные средства. Благодаря новому методу совместного строительства во многих населенных пунктах выросли прекрасные, просторные и светлые школы-новостройки. За 1954-1959 годы методом инициативного строительства в колхозах было построено 257 школ и школьных мастерских, 275 детских садов и яслей. В первой половине 1960-х годов были сданы в эксплуатацию ещё 51 средняя школа, в том числе 34 сельские. Школы области получили дополнительно новые здания на 84 тысячи ученических мест, из них 53,7 тысячи мест пришлось на сельские школы. В результате около 90 процентов школ были переведены на односменные занятия, а в Валуйском, Корочанском и Ровеньском районах эта проблема была решена полностью.

В Белгороде создаются областные структуры образования. В 1955 году начальником областного отдела народного образования был назначен опытный педагог Василий Матвеевич Гайдуков (1919-1975). Ровно два десятилетия, до последнего дня своей жизни возглавлял он белгородское учительство. За заслуги перед Родиной Василий Матвеевич был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями.

Уже в первый год существования области гостеприимно раскрыл двери Белгородский областной институт усовершенствования учителей. Сотрудники института внедряли в практику новейшие достижения педагогической науки, разрабатывали для школ методические рекомендации по улучшению качества учебно-воспитательной работы.

В 1957 году из Старого Оскола в областной центр был возвращён педагогический институт, эвакуированный в годы войны. Он разместился в здании бывшей мужской гимназии по улице Коммунистической, ныне Преображенской. Сегодня этот памятник архитектуры отреставрирован и в нём находится социально-теологический факультет Белгородского государственного университета. В ту пору в институте было всего два факультета: филологический и физико-математический. Филологический факультет готовил учителей русского языка и литературы, а также иностранных языков. На обоих факультетах обучалось 960 студентов. В связи с объявленной программой политехнического образования будущие учителя физико-математического факультета проходили практику не только в лабораториях института, но и на котельном заводе, ныне «Энергомаш». Все выпускники этого факультета за время учебы в институте овладевали профессиями водителя и тракториста, приобретали навыки столярного и слесарного дела.

В пятидесятые годы в Белгородском педагогическом институте работало около 80 преподавателей, 26 из них были доцентами и кандидатами наук. До 1961 года возглавлял институт кандидат филологических наук, доцент Сергей Николаевич Соколов. В 1961 году его сменил на этом посту Михаил Александрович Николаев. При нём началось строительство четырехэтажного учебного корпуса в северном микрорайоне города, а уже в 1966 году институт переезжал в новое здание. В это время ректором института был кандидат исторических наук Дмитрий Михайлович Забродин, впоследствии занимавший должность заместителя Министра просвещения РСФСР.

В новом здании были созданы все условия для занятий. К услугам студентов были предоставлены 175 просторных аудиторий, хорошо оснащенных и оборудованных лабораторий и кабинетов, библиотека, читальный, спортивный и актовый залы. Рядом с учебным корпусом разместилось пятиэтажное общежитие на 400 мест. В том же году открылся биолого-химический, а в следующем, 1967-ом, — факультет физического воспитания. К концу 1960-х годов в институте работали 189 преподавателей, обучалось 1650 студентов.

В последующие десятилетия ректорами Белгородского педагогического института были: Николай Данилович Глухов (1968-1973 гг.), Петр Григорьевич Коняев (1974-1986 гг.), Лев Евгеньевич Шапошников (1986-1989), Николай Иванович Прохоров (1989-1990 гг.), Николай Васильевич Камышанченко (1990-2002 гг.). В наши дни Белгородский педагогический институт преобразован в государственный университет, а возглавляет его Леонид Яковлевич Дятченко.

Белгородчина — родина многих замечательных начинаний в образовании. Одно из них — школы передового педагогического опыта. Это профессиональные объединения учителей или педагогических коллективов, работающие над определенной проблемой с целью обогащения накопленного и обобщенного педагогического опыта. Школы передового опыта сыграли важную роль в улучшении качества образования. Их работа нашла признание Министерства просвещения Российской Федерации и решением коллегии была рекомендована для распространения во всех регионах.

В 1975 году заведующим областным отделом народного образования был назначен Иван Стефанович Соловецкий. Четверть века возглавлял он образование на Белгородчине. При нем область добилась значительных успехов в образовании и воспитании учащихся, в школьном строительстве. За свой долгий добросовестный труд на ниве просвещения заслуженный учитель школы РСФСР Иван Стефанович был награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Дружбы народов и многими медалями.

Более четверти века система образования в нашей области органически связана с работой сельских учебно-воспитательных комплексов. Рожденные самой жизнью, эти современные общеобразовательные учреждения получили широкое признание не только у педагогов, но и родителей.

Возникновение учебно-воспитательных комплексов, было продиктовано необходимостью восстановления социальной справедливости по отношению к сельским школам. К началу 1970-х годов все очевиднее проявлялось отставание деревни от города в сфере образования. Если в городах строились Дома пионеров и культуры, открывались различные кружки и студии, оборудовались прекрасные спортивные залы, то в сельской местности дети были лишены всего этого. Именно это побудило белгородцев заняться поиском новой, прогрессивной формы организации обучения и воспитания подрастающего поколения на селе. Решить проблему могла только школа, которая могла работать в едином режиме с внешкольными учреждениями музыкальной, художественной, спортивной или другого вида направленности. Превратить школу в центр организации работы с детьми в свободное от занятий время, усилить её влияние на повышение культуры села, создать условия для обучения и развития ребят не хуже, чем в городе — такова цель учебно-воспитательных комплексов. Для создания школ нового типа требовались материальные и нравственные затраты. Нужны были энтузиасты не только среди педагогов. Первым взялся за новое дело председатель прославленного белгородского колхоза имени М. В. Фрунзе Василий Яковлевич Горин. Бессоновская школа-комплекс создавалась на средства специализированного хозяйства и при активном участии всех односельчан. Рядом набирал силу Яснозоренский учебно-воспитательный комплекс. Создавались музыкальные, спортивные школы и совсем необычные для села художественные и хореографические студии, о которых заговорили по всей области, их опыт работы стали перенимать школы других регионов страны. За первопроходцами потянулись педагоги-новаторы Белгородчины, и вскоре в разных районах области стали появляться новые школы-комплексы — Никольская, Майская, Белянская, Новотаволжанская, Городищенская сельские школы. В них наряду с изучением общеобразовательных предметов дети получали возможность заниматься в музыкальных и технических кружках, спортивных секциях, художественных и хореографических студиях. В школьных программах появились новые предметы, направленные на развитие общей культуры сельских ребят, расширение их кругозора: мировая художественная культура, этика и этикет, логика, основы народного и декоративно-прикладного искусства, граждановедение, речь и культура общения и другие.

Опыт белгородцев по комплексному подходу в обучении и воспитании учащейся молодежи в декабре 1978 года был одобрен коллегиями министерств просвещения, культуры, сельского хозяйства Российской Федерации и Комитета по физкультуре и спорту при Совете Министров РСФСР. Он нашел отражение на Выставке достижений народного хозяйства СССР в специальной экспозиции, открытой в октябре 1981 года. В те годы Белгородская область многократно отмечалась как лучшая в стране по развитию образования и награждалась переходящими знаменами Совета Министров РСФСР и ВЦСПС, три из которых были вручены на вечное хранение и находятся ныне в Белгородском государственном историко-краеведческом музее.

Настоящим подвижником стал директор Шелаевской средней школы Валуйского района Василий Савельевич Подерягин. В этой школе он начал работать в 1965 году,

в 1980 году был назначен директором. За годы руководства коллективом он создал в школе атмосферу творчества, постоянного поиска эффективных форм учебно-воспитательного процесса. В своей работе с учителями и учащимися В. С. Подерягин опирается на глубокие знания социальной и личностной психологии. Большое значение придает он кропотливой работе с каждым педагогом, формированию коллектива единомышленников. За многолетний добросовестный труд Василию Савельевичу Подерягину присвоены звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» и «Народный учитель СССР».

Более сорока лет жизни отдала детям преподаватель математики муниципальной средней школы № 5 города Старого Оскола Народный учитель СССР Галина Романовна Шапорова. За годы работы в школе она подготовила свыше 200 учащихся, награжденных золотыми и серебряными медалями. Многие её выпускники, освоив профессию математики, трудятся в вычислительных центрах, конструкторских бюро промышленных предприятий Старого Оскола, Белгородской области и России.

Новая школа в с. Казацкая Степь Губкинского района

В то время, когда в стране преобладали тенденции к закрытию школ, в Белгородской области за последние десять лет введено в эксплуатацию 92 общеобразовательные школы и пристроек к ним на 28700 мест, сельские школы составляют 73 процента из этого количества. В настоящее время 18 процентов базовых общеобразовательных учреждений реализуют обучение старшеклассников по 14 профилям. С 2004 года область участвует в эксперименте по проведению Единого государственного экзамена, который является для образовательной системы действенным средством независимой оценки качества образования.

Государственный экзамен — серьезнейший элемент модернизации российского образования, к которому нужно подходить трезво и не предвзято, постоянно взвешивая все «за» и «против».

Хочу отметить, отношение в Белгородской области, как и в целом по России, в обществе к единому государственному экзамену неоднозначное; педагогическая общественность на местах заинтересованно, а порой и горячо, обсуждает разные грани возникающих в ходе эксперимента не простых проблем, причем острота дискуссии вокруг единого государственного экзамена не ослабевает.

Реконструированная школа № 1 в г. Губкине

Управление образования и науки Белгородской области адекватно оценило сложившуюся ситуацию и на протяжении длительного времени проводило целенаправленную разъяснительную работу в средствах массовой информации, в том числе на радио и телевидении. Волна негативных оценок пошла на убыль.

Мы уверены, единый государственный экзамен объективно проверяет работу одного учителя другим, повышает ответственность педагога за конечный результат. Идет интенсивный процесс освоения новой для всех нас системы объективного оценивания учебной работы учащихся, школ, учителей.

Единый государственный экзамен стал катализатором формирования единой региональной информационной образовательной сети. Уже сегодня образовательная компьютерная сеть объединила школы, Белгородский региональный институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов, региональный центр обработки информации.

В 2004 году по результатам ЕГЭ студентами ВУЗов и ССУЗов области стали 43 процента сельских выпускников области. По результатам 2005 года 39,2 процента поступили в высшие учебные заведения области и 18,7 процента в средние специальные учебные заведения области. Таким образом, Единый государственный экзамен на Белгородчине реально обеспечивает доступность высшего профессионального образования, что чётко видно на примере поступления сельских школьников.

В девятнадцати территориях области функционирует 92 культурно-образовательных центра. Большое значение придаётся в регионе работе с одарёнными детьми. В 2004-2005 учебном году в предметных олимпиадах приняли участие 18 000 учащихся. Победителями и призёрами Всероссийских олимпиад стали одиннадцать белгородских школьников. Участие во всероссийских программах молодых исследователей «ЮНОСТЬ, НАУКА, КУЛЬТУРА», им. В. И. Вернадского, «Шаг в будущее», «Созвездие», «Открытие» позволяет талантливой молодёжи проявить свои способности. Тридцать восемь белгородских школьников стали дипломантами и сорок три — лауреатами всероссийских конкурсов. В 2005 году Белгород стал местом проведения Всероссийских олимпиад по химии и биологии. В 2006 году область также принимала финальный этап Всероссийской олимпиады по биологии.

Деловые партнерские контакты наладили белгородские педагоги со своими украинскими коллегами. Важным этапом в укреплении связей украинских и белгородских учителей стало подписание в 1995 году договора о сотрудничестве по вопросам образования между Белгородской и Харьковской областями. Договором предусмотрены встречи педагогов приграничных областей, проведение совместных педагоги-

ческих конференций, семинаров работников образования различных категорий, конкурсов педагогического мастерства, различных мероприятий с учащимися, обмен научными и творческими работниками. Ежегодно в России, на Украине и в других бывших союзных республиках проводятся конкурсы «Учитель года». А первый международный конкурс профессионального мастерства организовали белгородские и харьковские педагоги. Он состоялся в Эсхарском педагогическом лицее Чугуевского района. Теперь международные конкурсы стали традиционными. Они проводятся каждый год, и принимают в них участие не только учителя Белгородской и Харьковской, но и Полтавской, Сумской, Липецкой, Курской, Орловской, Тамбовской и других областей. В 2005 году юбилейный десятый международный конкурс «Учитель года» проходил на белгородской земле в дни празднования 60-летия Победы в Великой Отечественной войне.

10-й международный фестиваль «Учитель года — 2005»

С начала 90-х годов система высшего образования Белгородчины претерпевает значительные изменения. В октябре 1994 года педагогический институт имени М. С. Ольминского был преобразован в Белгородский государственный педагогический университет, а в июле 1996 года создан Белгородский государственный классический университет, который стал крупным высшим учебным заведением России.

В последние годы в университете ведётся подготовка специалистов по новым специальностям, таким как цифровое телевидение и нанотехнология. В октябре 2001 года на левом берегу реки Везелки был открыт новый университетский комплекс, включивший в себя учебные корпуса, здания социально-культурного назначения, ботанический сад, конно-спортивную школу, жилой дом для преподавателей университета. В настоящее время ведется строительство спортивного комплекса имени Светланы Хоркиной.

Крупнейшим специализированным вузом России в области промышленности строительных материалов и строительства является Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова. По номенклатуре специальностей, составу факультетов, кафедр и лабораторий университет — единственный вуз такого профиля не только в России, но и в Европе. Он создавался на базе Белгородского государственного технологического института строительных материалов, открытого в 1970 году и преобразованного в 1994 году в Белгородскую государственную технологическую академию строительных материалов.

Создание, становление и развитие вуза связано с именем Вилена Алексеевича Ивахнюка, профессора, члена-корреспондента Российской академии архитектуры и

Белгородский государственный классический университет

строительных наук, лауреата Премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники. В период его работы открыт ряд новых специальностей и факультетов, созданы институты инжиниринга, менеджмента, международной аттестации и права, получили развитие новые направления научных исследований. В настоящее время университетский комплекс включает в себя учебно-лабораторные корпуса, опытно-производственную базу, научно-техническую библиотеку, общежития, жилые дома для преподавателей и сотрудников, комбинат питания, Дворец культуры студентов, спортивные залы и площадки. В университете более 40 кафедр и 9 факультетов. Ректор университета — доктор технических наук, профессор Анатолий Митрофанович Гридчин.

Белгородский государственный технологический университет
имени В. Г. Шухова

В 1978 году в поселке Майском Белгородского района был открыт сельскохозяйственный институт, первым в стране получивший статус учебно-научного центра по сельскому хозяйству. Он объединил в себе высшее учебное заведение и научно-исследовательский институт. В 1990 году ректором института выбран доктор биологических наук, профессор Иван Александрович Бойко. В 1994 году институт был преобразован в Белгородскую государственную сельскохозяйственную академию, которая готовит специалистов по агрономии, ветеринарии, зоотехнике, механизации сельского хозяйства, бухгалтерскому учету и аудиту, экономике и управлению аграрного производства. Учебная база включает учебно-производственные лаборатории и мастерские, учебный полигон, ветклинику, учебно-физиологический комплекс, вычислительный центр и другие объекты. С 1994 по 2002 годы ректором сельскохозяйственной академии был Герой Социалистического Труда, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Алексей Филиппович Пономарев, ставший инициатором многих начинаний в подготовке квалифицированных специалистов, способных трудиться в новых экономических условиях, и много сделавший для укрепления материально-технической базы вуза. С 2002 года Белгородскую государственную сельскохозяйственную академию возглавляет кандидат экономических наук Александр Владимирович Турьянский.

В 1960 году в Белгороде приказом Министерства культуры РСФСР было открыто культурно-просветительное училище. Спустя тридцать лет его переименовали в Белгородское училище культуры, в 1995 году оно получило статус Белгородского государственного колледжа культуры и искусств, а 27 мая 2000 года колледж был преобразован в Белгородский государственный институт культуры. Это самый молодой вуз на Белгородчине. За годы существования учебного заведения подготовлено около 8 тысяч специалистов для социально-культурной сферы области. Белгородский государственный институт культуры представляет собой многоуровневую образовательную систему, состоящую из детского музыкально-эстетического центра, колледжа культуры искусств, двух факультетов (организации и управления социально-культурной и библиотечной деятельностью, народного художественного творчества), семи кафедр, культурно-эстетического центра и восьми творческих коллективов. Ректор института — кандидат социологических наук Сергей Иванович Курганский.

В 1978 году в городе Белгороде начал работу филиал Полтавского кооперативного института, в 1981 году реорганизованный в Белгородский кооперативный институт, ставший с 1996 года Белгородским университетом потребительской кооперации. За 28 лет Белгородский университет потребительской кооперации прошел путь от небольшого филиала до современного высшего учебного заведения и занял достойное место в системе высшего образования области и России. Университет входит в число ведущих экономических вузов России. Это подтверждено рейтинговой оценкой, по итогам которой Белгородский университет потребительской кооперации по праву занимает ведущие места среди экономических вузов России.

В состав университета входят: 11 факультетов; 3 учебно-методических центра; научно-исследовательский центр; аспирантура и докторантура; институт теоретических и прикладных проблем потребительской кооперации; центр дистанционного обучения; центр компьютерных технологий; центр культурно-массовой работы; 23 кафедры. В университете создан отдел управления качеством образования.

Университет является одним из ведущих учебных заведений Центросоюза РФ по подготовке специалистов для системы потребительской кооперации. При Белгородском университете потребительской кооперации создан Университетский округ (Университетский комплекс), в который вошли университет, его филиалы и 10 кооперативных техникумов, расположенных в зоне деятельности университета.

Сегодня университет — это современный, динамично развивающийся вуз, отвечающий требованиям времени, обладающий развитой материальной базой для обеспечения учебного процесса, научной деятельности и воспитательной работы, имею-

щий высококвалифицированный профессорско-преподавательский коллектив и значительный потенциал для дальнейшего развития.

Главная заслуга в этом принадлежит высокопрофессиональному, дружному и глубоко преданному идеалам потребительской кооперации профессорско-преподавательскому составу и всему персоналу университета, его ректору, В. И.Теплову, который возглавил вуз (тогда еще филиал) в самом начале пути и вместе с коллективом прошел все этапы его становления и развития.

Достижения университета в 2004/2005 учебном году были высоко оценены Правительством Белгородской области и исполкомом Белгородского областного объединения организаций профсоюзов. Их совместным постановлением за наивысшее достижение в развитии экономики и социальной сферы университет занесен на областную Доску почета с вручением губернатором области Е. С. Савченко соответствующего свидетельства.

Высокое качество подготовки специалистов в университете обусловлено, прежде всего, отличной организацией учебного процесса, его технической оснащенностью, внедрением и развитием новейших форм обучения, высоким уровнем квалификации профессорско-преподавательского состава, активным участием студентов в научных исследованиях.

За последние годы в университете многое сделано по реконструкции учебных корпусов и общежитий, созданию в них современного дизайна, оснащению учебного процесса современным оборудованием, постоянно увеличивается библиотечный фонд.

В 2005 году получил статус высшего учебного заведения юридический институт министерства внутренних дел Российской федерации.

Подготовкой специалистов среднего звена занимаются техникумы, колледжи и училища. В области работают средние специальные педагогические учебные заведения: Алексеевский, Белгородский, Старооскольский, Валуйский педколледжи, и Яковлевское педучилище; медицинские: Белгородские медколледж БелГУ и медицинское училище ЮВЖД, Валуйское медучилище и Старооскольский медколледж; сельскохозяйственные: Алексеевский и Новооскольский колледжи, Красногвардейский и Корочанский техникумы; музыкальные: Белгородское и Губкинское училища, а также строительный, индустриальный и механико-технологичекий колледжи в Белгороде, геологоразведочный и кооперативный техникумы в Старом Осколе; автотранспортный и промышленно-экономический техникумы в Шебекино, Оскольский политехнический колледж и горный колледж в Губкине.

Профессионально-технические училища всегда были кузницей рабочих кадров. Уже в первые послевоенные годы в Белгороде открылись четыре школы фабрично-заводского обучения, впоследствии ставшие профессиональными училищами № 4, 5, 6 и 11. К моменту образования Белгородской области уже действовало девять профессионально-технических училищ, в которых обучалось 2 тысячи 600 юношей и девушек. Переход ко всеобщему среднему образованию в стране потребовал приведения в соответствие и системы профессионально-технического образования области. С 1969 года началась работа по переводу профтехучилищ в средние учебные заведения. Бурное развитие система профессионально-технического образования получила в 1970-1980 годы в связи с развитием Курской магнитной аномалии и новых отраслей производства. Нам удалось сохранить систему начального профессионального образования — все переданные в ведение области в 2005 году профессиональные училища и лицеи продолжают работать, открываются новые востребованные рынком специальности. В 2006 году увеличен приём по профессиям строительного профиля до 20 процентов от общего набора.

Белгородское профессиональное училище № 4 было создано в 1949 году для обучения детей-сирот, родители которых погибли на фронтах Великой Отечественной войны. В те далекие послевоенные годы здесь обучалось по четырем специальностям 120 подростков. Спустя полвека более 700 юношей и девушек получают профессиональную и общеобразовательную подготовку. За эти годы в училище подготовлено более 17 тысяч рабочих, в основном для завода «Белэнергомаш». Сотни квалифицированных токарей, электрогазосварщиков, котельщиков, слесарей, электромехаников влились в прославленный трудовой коллектив.

Выставка-ярмарка учебно-производственной, научной и творческой деятельности учреждений образования

Борисовский профессиональный лицей № 29 одним из первых в стране получил статус «Агротехнический лицей». Сегодня совместно с Белгородской сельскохозяйственной академией и Белгородским государственным классическим университетом инженерно-педагогический коллектив лицея под руководством кандидата педагогических наук, заслуженного учителя Российской Федерации Николая Александровича Долины ведет подготовку специалистов повышенного уровня квалификации.

Лицей располагает хорошей материально-технической базой: это 19 учебных кабинетов, 7 лабораторий для проведения лабораторно-практических занятий, слесарная мастерская, 2 компьютерных класса с выходом в Интернет, библиотека с читальным залом и книжным фондом в 30700 экземпляров. Все нуждающиеся обеспечены общежитием.

Лицей имеет учебное хозяйство — 464 га пахотной земли, на которой возделываются культуры, характерные для нашей зоны. Учащиеся и студенты вместе с получением навыков работы участвуют в получении сельскохозяйственной продукции растениеводства, которая используется для улучшения питания в столовой лицея, реализуется по сниженным ценам работникам лицея и городским учебным заведениям начального профессионального образования.

Постоянно возрастающие требования рынка труда к качеству подготовки рабочей силы заметно увеличивают значение профессионального образования, всех форм профессионального обучения рабочих.

В настоящее время к системе рыночного хозяйствования в соответствии с изменениями в экономическом и социальном развитии страны существенно меняется и политика в области трудоустройства, социальной поддержки и защиты выпускников учебных заведений.

Повышение уровня и качества профессионального обучения обуславливают необходимость реализации комплекса мер, направленных на развитие и сохранение системы профессионального обучения безработных граждан, незанятого населения, повышение уровня квалификации работников.

В первоначальный период перестройки при недостаточном финансировании остро стал вопрос дополнительного финансирования профессиональных училищ и лицев за счет внебюджетных средств. Губкинский профессиональный лицей №1 специализируется на подготовке квалифицированных рабочих для горно-добывающей и перерабатывающей отрасли. Коллектив лицея сосредоточил внимание на оказание платных образовательных услуг юридическим и физическим лицам не только местного региона , но и другим регионам РФ.

Для более полного развития платных образовательных услуг лицеем регулярно проводятся маркетинговые исследования спроса на образовательные услуги путем рекламы в средствах массовой информации, размещения информации на сайте в Интернете, рекламных щитах, досках объявлений предприятий, организаций, центра занятости населения.

В основе развития внебюджетной подготовки, переподготовки и повышение рабочих кадров лицея, лежит создание системы социального партнерства.

Данная система дает возможность полнее учитывать требования работодателей, быстрее реагировать на изменение конъюнктуры рынка труда как на местном уровне, так и на уровне регионов РФ.

Для лицея укрепление связей с предприятиями, организациями, органами по труду и занятости открывает следующие возможности:

- упрощается доступ к информации о региональном рынке труда (кадры каких профессий и в каком количестве потребуются на рынке труда);
- обеспечивается учет требований работодателей по содержанию подготовки рабочих кадров (квалификационные характеристики);
- упрощается процедура корректировки старых и разработки новых учебных планов и программ, отвечающих требованиям работодателей;
- открываются более широкие возможности для организации практики обучающихся;
- появляются возможности для краткосрочной стажировки педагогических работников в целях ознакомления с новейшими типами оборудования и технологическими процессами;
- расширяются возможности трудоустройства выпускников лицея.

Основными заказчиками образовательных услуг по подготовке и переподготовке рабочих кадров являются такие предприятия, как ОАО «Лебединский горно-обогатительный комбинат», ОАО «Комбинат КМАруда», ООО «Строй-Декор» (Губкин), ООО «Далласстрой», ООО «Стройинвестинженеренг СУ-848» (Москва), ОАО «Лужский горно-обогатительный комбинат» (г. Луга Ленинградской области), ЗАО «Ленгидромех» (Санкт-Петербург), ООО «Щебеночный завод» (Краснодарский край), ОАО «Павловскгранит» (г. Павловск Воронежской области).

В настоящее время заключены договорные отношения на подготовку рабочих без отрыва от производства с таким крупным предприятием как ОАО « Комбинат КМАруда».

На базе профессионального лицея №1 получают рабочую профессию студенты высших и средних учебных заведений Губкинского филиала Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова и Губкинского филиала Московского государственного открытого университета, а также студенты Губкинского горного колледжа.

Общий доход от внебюджетной деятельности за период 2003-2005 годов составил 21 млн. 322 тыс. рублей.

В последние годы профессиональные училища Белгородской области устанавливает сотрудничество с аналогичными учебными заведениями за рубежом. Тесные партнерские связи наладили лицеисты профессионального лицея № 22 Старого Оскола с учащимися профессиональной школы немецкого города Зальцгиттера. Между Старооскольским лицеем и профессиональной школой в Германии был подписан договор о сотрудничестве. В рамках этого договора проходит обмен делегациями учащихся, преподавателей и мастеров производственного обучения. Непосредственное общение русских и немецких коллег помогает в решении общих педагогических проблем: обсуждаются учебные планы и программы, посещаются уроки теоретического и практического обучения. Ребята значительно повышают свой профессиональный уровень, знакомятся с новейшим оборудованием, участвуют в рабочем процессе под руководством опытных наставников.

Рынок заставил и профессиональную школу работать по-новому, искать современные подходы, более чутко реагировать на складывающиеся обстоятельства. Оператор ЭВМ, лаборант-эколог, секретарь-референт, ландшафтный дизайнер, предприниматель малого бизнеса — это совершенно новые профессии, которые можно получить в наших училищах и лицеях. Появилась и ещё одна отличительная черта. Теперь ребята не только получают различные профессии, но и выполняют конкретные заказы предприятий, строительных организаций, населения. Из заработанных денег половина идет на укрепление материальной базы училищ, остальные — на зарплату самим учащимся.

За многие десятилетия система начального профессионального образования доказала свою жизнеспособность. Созданная в области материальная база, прекрасный преподавательский состав и накопленный за многие годы опыт позволили сохранить стабильность в профессиональном образовании.

Большой вклад в совершенствование профессионально-технических училищ внесли видные организаторы начального профессионального образования Белгородчины Алексей Васильевич Мокроусов, Алексей Федорович Лебедев, Михаил Федорович Мамонтов, Анатолий Павлович Кочкин.

Одной из главных задач в учебно-воспитательном процессе образовательных учреждений является организация охраны труда и обеспечения безопасности жизнедеятельности учащихся.

Сохранение и укрепление здоровья учащихся, обеспечение санитарно-гигиенических условий классных и внеклассных занятий для них, согласно установленным нормам и правилам, создание безопасных условий труда на занятиях по теоретическому и производственному обучению во всех формах привлечения обучаю-

щихся к общественно полезному труду, на занятиях по интересам, обучение правилам и нормам безопасности и дисциплины труда является важнейшей задачей руководителей, педагогических и инженерно-технических работников образовательных учреждений области.

Забота о том, чтобы ни один учащийся в процессе обучения в образовательных учреждениях не потерял здоровья из-за нарушения требований охраны труда и техники безопасности, санитарно-гигиенического режима и режима труда является повседневной как для руководителей образовательных учреждений, профсоюзных комитетов, так и для каждого преподавателя и мастера производственного обучения.

В целом работа проводится в соответствии с системой действующих образовательных стандартов в области обеспечения жизнедеятельности учащихся, закона РФ «Об образовании», Федерального закона «Об основах охраны труда в РФ», Положением «Об организации работы по охране труда», приказами Минобразования России.

В большинстве образовательных учреждений области ведется плановая систематическая работа по охране труда. Это позволяет обучать учащихся высокой культуре производства, навыкам, способствующим сохранению их здоровья и жизни во время теоретического и практического обучения, а также во время прохождения производственной практики.

В образовательных учреждениях работа по охране труда организована так, чтобы исключить заранее возможные неблагоприятные последствия учебно-воспитательного процесса, а осуществляемые меры по повышению требований правил и инструкций носят предупредительный, профилактический характер.

В целях совершенствования системы обеспечения безопасности жизни и здоровья учащихся и педагогических работников в учебно-воспитательном процессе, включая правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия, в образовательных учреждениях введен прогрессивный трехступенчатый метод контроля.

В штат органов управлений образованием городов и районов области введена должность специалиста по охране труда. Созданы центры технической поддержки по аттестации рабочих мест по условиям труда. Образовательным учреждениям области на охрану труда в 2006 году выделены денежные средства в сумме 140 млн. рублей.

Отличительной чертой нашего времени стало возрождение духовно-нравственного воспитания молодежи.

28 сентября 1996 года была открыта Белгородская духовная семинария. На торжественном акте её открытия председательствовал Патриарх Московский и всея

Архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн
среди воспитанников Белгородской Православной гимназии
во имя святых Кирилла и Мефодия

Руси Алексий II, специально прибывший в связи с этим событием в Белгород. В соответствии с определением Священного Синода от 17 июля 1996 года ей сразу же было придано миссионерское направление. Духовная семинария готовит специалистов в области богословия, филологии, лингвистики, истории, педагогики и религиоведения. Её выпускники — это будущие священнослужители в храмах, православные миссионеры, преподаватели духовных учебных заведений, преподаватели курса «Основы и ценности православия» в светских учебных заведениях.

В Белгороде действует православная гимназия. Она учреждена по инициативе епархии и администрации области и представляет собой среднюю школу, в которой преподавание предметов общеобразовательного цикла органично соединено с нравственным воспитанием детей. Набор учащихся в гимназию производится на конкурсной основе по результатам собеседования. На учебу зачисляются дети разного возраста, начиная с семи лет. Гимназия работает по учебным программам, рекомендованным Главным управлением развития среднего образования Министерства образования Российской Федерации, откорректированным с учетом православной направленности данного учебного заведения. Это позволяет решать главную задачу — объединить православное воспитание и общеобразовательный процесс и на этой основе формировать высоконравственные детские личности, прививать им традиции православной культуры, наиболее полно реализовать способности каждого ребенка. Педагогический коллектив гимназии тесно сотрудничает с учителями общеобразовательных школ Белгорода, преподавателями Белгородского государственного университета, оказывает учителям светских школ методическую помощь в проведении рождественских утренников, вечеров и бесед по православной тематике.

В 1998 году в городе Старый Оскол начала действовать православная гимназия во имя святого князя Александра Невского, основанная на тех же принципах, что и Белгородская. Учредители гимназии — управление епархии, управление образования и науки Белгородской области, Александро-Невский кафедральный собор города Старый Оскол и Добровольное благотворительное братство священномученника Онуфрия, архиепископа Старооскольского. С учреждением Белгородской и Старооскольской епархией стали возрождаться в области и воскресные школы. В настоящее время они имеются во всех городах и крупных населенных пунктах.

Между управлением образования и науки Белгородской области и управлением Белгородско-Старооскольской епархии заключено соглашение о сотрудничестве. Оно предусматривает совместную работу по совершенствованию нравственного, духовного и патриотического воспитания подрастающего поколения в образовательных учреждениях; ознакомление работников образования с основными направлениями деятельности Русской Православной Церкви, историей религии; проведение встреч священнослужителей с преподавателями и учащимися; проведение семинаров, конференций, симпозиумов по интересующим обе стороны вопросам и проблемам; создание в образовательных учреждениях благоприятных условий для проведения факультативных занятий по русской культуре, нравственности и этике, истории религии, совместную разработку и внедрение программ и учебно-методических пособий по проблемам духовно-нравственного развития личности; сотрудничество в проведении сертификации преподавателей, лицензировании и аттестации негосударственных православных образовательных учреждений; патронат епархией нескольких средних и среднеспециальных учебных заведений. Белгородской и Старооскольской епархией разработан образ выпускника белгородской школы. Наиболее ярким примером сотрудничества светских и епархиальных властей в этой сфере, несомненно, является открытие в 2001 году при Белгородском государственном классическом университете социально-теологического факультета. Примечательно, что в числе принятых в эксплуатацию новых корпусов университетского

комплекса находится и храм во имя архангела Гавриила. На территории области действует тридцать три духовно-просветительских центра.

На сегодняшний день 90 процентов школьников изучают основы православной культуры в начальных классах, 75,5 в основном звене и 99 процентов в старших классах. В 2005 году 25 образовательных учреждений области получили дипломы за организацию духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения.

Министр образования и науки РФ Андрей Фурсенко в Белгороде

Вступив в третье тысячелетие, общеобразовательная система в нашей стране переживает большие трудности. Сокращение финансирования, проблемы в системе централизованного снабжения учебных заведений, прекращение помощи со стороны базовых предприятий заметно усложнило ситуацию. И все же, несмотря на обилие проблем, российская школа живет. Это наглядно видно, когда знакомишься с положением дел в образовании, воспитании подрастающего поколения в школах Белгородской области.

Забота об учителе, улучшение его материального положения является предметом неустанного внимания общественности и руководства области. Так в рамках областного благотворительного марафона «Люби своих Учителей» более 850 педагогов смогли улучшить свои жилищные условия. Постановлением правительства Белгородской области от 18 марта 2005 года № 59-пп «О социальной норме общей площади и нормативах потребления коммунальных услуг, предоставляемых отдельным работникам муниципальных и областных учреждений, проживающим и (или) работающим в сельской местности» определен порядок предоставления мер социальной поддержки работникам образовательных учреждений, имеющим высшее и среднее образование, по оплате за жилье и коммунальные услуги. Меры социальной поддержки установлены для специалиста проживающего и (или) работающего в сельской местности в 50% занимаемой общей площади жилых помещений в пределах социальной нормы площади жилья, в 50 % коммунальных услуг за газ, электрическую и тепловую энергию в пределах нормативов потребления указанных услуг, установленных правительством Белгородской области. Расчетные показатели зависящие от количества специалистов и количества потребляемых услуг позволили определить на реализацию указанного постановления в 2005 году сумму расходов 47,1 млн. рублей.

Необходимой и эффективной мерой для привлечения молодежи в сельские районы является предоставление жилья либо кредитов на его приобретение.

Согласно распоряжению губернатора области № 7-р от 12 января 2006 года «О дополнительных мерах материальной поддержки молодых специалистов, работающих в сельской местности» по целевой областной программе «Свой дом» выделены средства на приобретение жилья и предоставление кредитов молодым специалистам, являющимся работниками медицинских учреждений, учреждений культуры, образования и социальной защиты. Утверждено 1000 квот на получение адресной социальной помощи в разрезе районов области на 2006 год из расчета 100 000 рублей на одного молодого специалиста. Таким образом, 100 млн. рублей планируется выделить из областного бюджета для решения этого вопроса.

В области принято Положение по оплате труда работников областных образовательных учреждений, в соответствии с которым сохранены ранее действовавшие на федеральном уровне доплаты и надбавки к заработной плате работников образовательных учреждений. С 1 января 2006 года в приложении № 6 указанного Положения дополнительно расширен перечень надбавок и доплат стимулирующего характера педагогическим работникам и коллективам образовательных учреждений за высокие результаты и качество подготовки обучающихся (за высокие показатели выпускников по результатам ЕГЭ, за подготовку учащихся — победителей и призеров международных, всероссийских и областных конкурсов, олимпиад, соревнований, педагогическим работникам-победителям и лауреатам международных, всероссийских и областных конкурсов профессионального мастерства «Учитель года», «Воспитатель года», «Педагог дополнительного образования»).

Чтобы стать полноценным гражданином, вступающему в жизнь человеку необходимо усвоить определенную сумму знаний и приобрести такие умения и навыки, которые были бы востребованы современным обществом. Новейшие информационные технологии предъявляют свои требования к воспитанию подрастающего поколения, к современному школьному обучению. Это нашло выражение прежде всего в компьютеризации учебного процесса. В школьном образовании совершается подлинная научно-техническая революция.

Первые шаги по внедрению информационных технологий в российской школе были предприняты еще в 80-е годы прошлого столетия. Но они оказались не слиш-

Компьютерный класс в Мухоудеровской средней школе Алексеевского района

ком удачными. Сказывалось как отсутствие материальной базы, прежде всего компьютеров, так и недостаток специально подготовленных учительских кадров.

С целью создания единого информационного пространства в сфере образования в декабре 2002 года был создан областной методический ресурсно-информационный центр управления образования и науки Белгородской области. Вся его работа направлена на формирование высокой информационной культуры в учреждениях образования и распространение ее в области через подготавливаемые высококвалифицированные кадры, поддержку и координацию применения информационных технологий в образовании.

Компьютеризация в школах стала общей задачей образования и предприятий, заинтересованных в притоке молодых образованных выпускников. Большой вклад в оснащение школьных компьютерных классов внесли коллективы акционерных обществ «Белгородэнерго», «Белрегионгаз», горнорудных предприятий городов Старый Оскол, Губкин и многих других. В области идет активный процесс модернизации системы образования. Он включает в себя овладение учащимися основами информатики и вычислительной техники на первой ступени образования, раннее изучение иностранного языка, введение новых дисциплин, таких, как экономика, финансы, право. Это позволяет выйти на достижение современного уровня образования и формирование образованного человека в полном смысле этого слова. На начало 2005-2006 учебного года 95 процентов основных и средних школ области оснащены компьютерной техникой, 60,6 процента из них подключены к сети Интернет.

Белгородский региональный институт
повышения квалификации и профессиональной переподготовки
специалистов

Новые задачи, вставшие перед образовательными учреждениями, потребовали иного подхода к проблеме подготовки и переподготовки преподавательских кадров. Формирование кадровой политики, подготовка, переподготовка и повышение квалификации учителей стали важнейшими и неотложными задачами. С этой целью в 2002 году постановлением главы администрации области Е.С. Савченко был возрожден Белгородский региональный институт повышения квалификации и переподготовки специалистов — ректор Сердюкова Надежда Степановна. Новый институт объединил в себе институт повышения квалификации БелГУ, областной научно-методический центр содержания образования и учебно-методический кабинет начального профессионального образования.

Деятельность института связана, прежде всего, с совершенствованием системы повышения квалификации педагогических кадров. Курсовые мероприятия проводятся в соответствии с планом-заказом управления образования и науки области.

Обучение учителей школ проводится по всем общеобразовательным предметам. Обучаются в институте также психологи, социальные педагоги, руководящие кадры (директора школ, их заместители, руководители школьных методических объединений), резерв руководящих кадров, различные категории педагогов дошкольных образовательных учреждений. Серьезное внимание уделяется повышению квалификации классных руководителей, вожатых, педагогов учреждений дополнительного образования. Развитие информационных технологий привело к необходимости радикально перестроить работу института в направлении повышения информационной культуры педагогических кадров. Только в первый год существования института повысили квалификацию 5425 педагогов Белгородской области. В 2004 году эта цифра составила 4364, в 2005 году — 5188 человек. Кроме проведения учебных курсов, институт занимается научно-исследовательской и методической работой, организацией конкурсов педагогов и учащихся, обобщением и распространением опыта, изданием учебно-методической литературы, информационным всеобучем, изучением состояния преподавания учебных дисциплин, мониторингом качества образования, сотрудничает с образовательными учреждениями других государств.

Образование складывается из двух взаимосвязанных составляющих: обучение и воспитание. Новая ситуация в мире заставляет смотреть на образование не только как на способ подготовки активных, самостоятельных молодых людей, имеющих гражданскую позицию, но и выработку у них толерантности, умения избегать категоричных решений, быть способными к разумному компромиссу. В области предпринимаются конкретные меры по формированию воспитательных систем образовательных учреждений, переосмыслению всей воспитательной работы с детьми, возрождению духовности. Еще одно важное направление работы образовательных учреждений нашей области — это создание условий для укрепления и развития здоровья детей и учащейся молодежи. Принято постановление главы администрации области, предусматривающее открытие филиалов ДЮСШ на базе средних школ, укрепление материальной базы спортивных сооружений, введение дополнительного часа физической культуры в учебные планы учреждений общего и начального профессионального образования. Проводятся областные олимпиады школьников по физической культуре, конкурсы профессионального мастерства среди учителей физической культуры учреждений образования. Введен обязательный экзамен по физкультуре для 5-11-х классов на основе норм ГТО. На базе школ и профессиональных училищ дополнительно открыто более ста филиалов ДЮСШ, пятьдесят одна средняя школа имеет плавательные бассейны.

Стратегическая линия в коррекционном образовании детей с ограниченными возможностями Белгородской области заключается в интеграции их в обычные школы, преимущественно путем открытия специальных (коррекционных) классов, что позволяет обеспечить лучшую социальную адаптацию детей данной категории в обществе.

Система коррекционного образования Белгородской области включает сеть специальных (коррекционных) учреждений, классов, групп: 11 государственных специальных (коррекционных) учреждений 1-VIII видов с контингентом 1284 обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии (семь — для детей с отставанием в умственном развитии, одна — для глухих, одна — для слабослышащих, позднооглохших и с нарушениями опорно-двигательного аппарата; одна — для слабовидящих, одна — для детей с нарушениям речи санаторного типа); 3 муниципальных (коррекционных) школы VIII вида с контингентом 490 обучающихся с отклонениями в умственном развитии; 96 классов компенсирующего обучения с контингентом 1137 обучающихся с ослабленным состоянием здоровья и имеющих пробле-

мы развития, 93 класса для детей с задержкой психического развития с контингентом 839 обучающихся в муниципальных общеобразовательных школах районов и городов; 271 коррекционная группа в дошкольных образовательных учреждениях, из них для детей с нарушениями речи (204), слуха (2 группы в г. Старый Оскол и Губкин), зрения (30 — города Белгород, Шебекино, Старый Оскол и Губкин), интеллекта (19), опорно-двигательного аппарата (16 — города Белгород, Новый Оскол, Губкин).

Для детей с ограниченными возможностями здоровья — выпускников интернатных учреждений успешно функционируют шесть филиалов профессиональных училищ на базе специальных (коррекционных) школ-интернатов и специализированные группы в 4 профессиональных училищах. Кроме этого профессиональное обучение детей с отклонениями в развитии осуществляется непосредственно в стенах интернатных учреждений наряду с общеобразовательной подготовкой на основании заключенных договоров с профессиональными училищами, учебно-курсовыми комбинатами и производственными участками.

Отслеживается работа по постинтернатной адаптации выпускников интернатных учреждений. В 2005 году выпущено 125 детей с ограниченными возможностями здоровья из них 112 (89,6%) продолжают обучаться в ПУ, 2 — трудоустроено (1,6%), 11 выпускников (8,8 %) являются инвалидами. Дальнейшее развитие в области получила служба психолого-педагогической и медико-социальной помощи, которая включает областную межведомственную психолого-медико-педагогическую консультацию, действующую на постоянной основе и 8 зональных и территориальных медико-педагогических комиссий, 426 логопедических групп и пунктов, 417 социальных педагогов и 466 психологов.

Одной из главных составляющих учебно-воспитательного процесса является питание учащихся образовательных учреждений. Правильное питание обеспечивает рост и развитие детей, способствует профилактике заболеваний, продлению жизни, повышению работоспособности и создает условия для адекватной адаптации к окружающей среде.

Анализ состояния питания обучающихся в образовательных учреждениях на начало 2005-2006 учебного года показал, что условия для его организации созданы в большинстве школ и во всех интернатных учреждениях, профессиональных училищах и лицеях области.

Во всех органах управления образованием городов и районов области определены ответственные работники, отвечающие за организацию питания в образовательных учреждениях этих территорий. Ежегодно вопросы организации питания выносятся на заседания коллегий управлений, отделов образования, проводятся смотры готовности учреждений образования к новому учебному году, где в обязательном порядке проверяется состояние школьных столовых.

Большое внимание состоянию пищеблоков, исправности холодильного технологического оборудования уделяется при проведении лицензирования и аттестации образовательных учреждений.

Сегодня разработана программа «Здоровое детство», направленная на улучшение питания детей и подростков в государственных муниципальных образовательных учреждениях, включая учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, соответствующая требованиям дня. Конечной целью данной программы является качественное улучшение организации системы здорового питания детей и подростков, которое отвечало бы всем медико-биологическим и гигиеническим требованиям.

Улучшение питания школьников находится под постоянным вниманием правительства области. С апреля 2006 г. в области стартовала областная целевая программа «Школьное молоко». Целью данной программы является улучшение структуры питания школьников посредством ежедневного употребления молока и молочных продуктов

учащимися 1-11 классов в сочетании с булочкой, создание условий для качественного улучшения здоровья школьников с учетом комплексного подхода в зависимости от состояния здоровья учащихся и индивидуальной непереносимости и формирование культуры потребления молочных продуктов у подрастающего поколения.

Сегодня на территории Белгородской области действуют пять государственных самостоятельных высших учебных заведения и 12 филиалов государственных вузов, а также 4 негосударственных вуза и 6 филиалов. За последние годы численность студентов в них возросла почти в два раза и составляет более семидесяти двух тысяч. В учреждениях высшего и среднего профессионального образования области работает четыре с половиной тысячи преподавателей. Расширилась сеть начальных и средних специальных учебных заведений, совершенствуется и обновляется их структура. В настоящее время в области имеется 30 профессиональных училищ и лицеев, из них двадцать четыре полностью перешли на баланс области. На территории области действует 751 общеобразовательная школа. В них обучается около 156 436 школьников. Впервые за историю Белгородской области появились и успешно работают православная семинария и две духовные гимназии. Сеть дошкольных учреждений включает 481 детский сад, в которых воспитывается 43 426 ребёнка. В общеобразовательных учреждениях работают 19 584 человек, 242 педагогических работника, имеющих звание «Заслуженный учитель Российской Федерации», 290 учителей, награжденных орденами и медалями, 3995 имеют отраслевые награды «Отличник народного просвещения», «Почетный работник общего образования Российской Федерации».

За полувековой период существования Белгородской области заметный след в ее истории оставили крупные организаторы системы образования: первые секретари Белгородского обкома КПСС Михаил Петрович Трунов, Алексей Филиппович Пономарев, губернатор Белгородской области Евгений Степанович Савченко. Именно они стали организаторами массового инициативного школьного строительства на селе, полноценной реализации всеобщего среднего образования, создания учебно-воспитательных комплексов, получивших всенародное признание, укрепления учебно-материальной базы и кадрового состава высших учебных заведений. Однако никогда мы не добились бы таких высоких результатов и успехов в сфере образования, если бы в области не жили и не трудились наши замечательные учителя, мастера своего дела, бесконечно преданные нелегкому педагогическому труду, которые все тепло своих сердец отдают детям. Поэтому есть полная уверенность, что наши дети вырастут людьми добрыми, с широко развитыми духовными потребностями и интересами, честными и образованными, готовыми взять на себя ответственность за будущее своей малой родины и всей страны. Следуя областной программе улучшения качества жизни, главными направлениями в совершенствовании образования и науки для нас стали повышение качества образования и его всеобщая доступность, усиление воспитательной работы с учащимися и укрепление их здоровья, формирование у них навыков здорового образа жизни. Участвуя в приоритетном национальном проекте «Образование» мы стремимся не свернуть и не потерять те достижения, которых добились в области. Образование, несмотря на все трудности и проблемы современного периода, было, есть и будет оставаться основным приоритетом в улучшении качества жизни населения Белгородчины.

Редакция журнала «Звонница»
поздравляет Станислава Петровича Тимофеева
со славным шестидесятилетним юбилеем!
Искренне желаем крепкого здоровья
и долгих лет жизни!

КОЛЕСНИКОВ
АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
Отличник профессионального образования РФ, методист кабинета начального и среднего профессионального образования Белгородского регионального института повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов

ВОСПИТАТЬ ДОСТОЙНУЮ СМЕНУ

В воспитательной работе труд должен быть
одним из самых основных элементов.
А. С. Макаренко

В настоящее время стало модным говорить о кризисе современной воспитательной системы. Распад семьи, криминализация жизни, ухудшение экологической обстановки, безработица способствуют нарастанию из года в год негативных тенденций среди подростков и молодежи. В частности, у значительной части подрастающего поколения происходит крушение нравственных идеалов, формируются потребительское настроение и уродливые формы материальных интересов, развивается физическая неполноценность детей и подростков, распространяются наркомания, проституция, преступность, идеология и субкультура «крутых». Немаловажную роль в формировании этих негативов, к сожалению, играют средства массовой информации. Стало небезопасно жить не только в столице, но и на периферии.

Состояние воспитательной работы сегодня не удовлетворяет общество, семью, школу и самих детей. Поэтому перед современной школой остро встал вопрос о поисках новых целей, содержания, технологии и управления воспитательным процессом.

С этими проблемами столкнулся и педагогический коллектив Городищенской средней школы Старооскольского района Белгородской области еще в 1998 году, когда и приступил к созданию собственной гуманистической системы воспитания под названием «Человек». В традиционной триаде «обучение — воспитание — развитие» он предложил следующую расстановку приоритетов: «воспитание — обучение — развитие». Такая переориентация педагогического коллектива потребовала от каждого его члена понимания, что знания и умения не цель, а средство воспитания и развития личности ребенка.

Создать собственную воспитательную систему нелегко. К ней нужно быть готовым администрации школы, педагогам, нужно учесть мнение родителей, учащихся, общественности. Это целенаправленный и управляемый процесс, стратегия педагогического развития, при которой педколлектив отчетливо представляет как нынешнее состояние учебного заведения, так и его образ в будущем.

Научное обеспечение формирования собственной гуманистической системы воспитания помогли педколлективу осуществить Старооскольский институт усовершенствования учителей и профессор Минского института последипломного образования В. Т. Кабуш, который стал научным руководителем эксперимента. При разработке концептуальных основ педколлективом использовались разные формы и методы, в том числе коллективная мыследеятельность. Наиболее полно она воплощалась в организационно-деятельностной игре «Поиск», целью которой было включить в разработку собственной гуманистической системы воспитания всех членов педагогического коллектива. Игра включала 5 этапов: погружение (теоретическое, методологическое, методическое осмысление проблемы); негатив (анализ состояния проблемы в практике работы школы); позитив (максимальная аргументация требований необходимой системы); моделирование (разработка модели системы применительно к собственному опыту); экспертная оценка (независимая экспертиза разработанного проекта).

В процессе организационно-деятельностных игр работали научно-практические лаборатории, где педагоги разрабатывали основополагающие идеи содержания основных компонентов системы и этапы их реализации. Условно определили четыре этапа в развитии воспитательной системы:

I этап — становление (1998). На данном этапе педагогической целью было создание воспитательного коллектива школы (объединение детей и взрослых); формирование целевой установки (временными творческими группами педагогов вырабатывались главные ориентиры в организации воспитательного процесса, осуществлялось моделирование образа выпускника школы, рассматривались вопросы формирования отношений (налаживание связей с внешней средой));

II этап — развитие воспитательной системы (1999). Он был связан с отработкой содержания деятельности и структуры системы (отслеживание отношений).

III этап — завершающий (2000). Педагогическая воспитательная система окончательно оформилась, заработала в заданном режиме.

IV этап — обновление и совершенствование системы (с 2001 года). Усложняются цели, более разнообразным становится содержание, более тонкими отношения, более разветвленными связи. Появились обнадеживающие результаты в работе педагогического коллектива и чувство уверенности, что выбранный путь оказался верным (это подтверждает систематически проводимая педколлективом диагностика состояния и результатов учебно-воспитательного процесса).

Основным целеполаганием собственной гуманистической системы воспитания педколлектив считает формирование у детей и юношества потребности и готовности совершенствовать свою Личность, развивать свои способности, склонности и интересы, мышление и самосознание, формирование достойного Гражданина своей Родины, воспитание у детей потребности в созидательной деятельности, творческом развитии, положительном отношении к труду как средству самоутверждения и высшей ценности в жизни человека и общества, формирование у воспитанников гуманистического мировоззрения, в первую очередь гуманистических установок и жизненных ценностей в восприятии мира.

Педагогическому коллективу этой школы пришлось много поработать над обновлением содержания воспитательного процесса и его технологий (позитивное восприятие ребенка педагогом, воспитание без принуждения и насилия, обращение личности к самой себе, свобода и творчество, воспитывающие ситуации, игровая деятельность, общечеловеческие ценности и т.д.). Немаловажным в практике своей работы педколлектив школы считает единство взаимодействия социальных институтов воспитания на ребенка (школы, семьи, общественности), т.к. нарушение этой взаимосвязи может привести к отклонениям в развитии личности ребенка и подвергнуть его негативным влияниям в силу социальных обстоятельств.

За последние годы существенно изменилась жизнь детской организации школы «Республика Югория» (юные городищенцы). В этой школе, как в государстве, есть свой Герб, Гимн, действуют Законы:

Закон радости: долой скуку, улыбка на лицах взрослых и детей;

Закон красоты: будь красив сам и береги красоту вокруг;

Закон доброты: будь отзывчив и внимателен к людям;

Закон трудолюбия: трудись сам и уважай труд других людей;

Закон дружбы: хочешь иметь друга — будь им;

Закон уважения: если хочешь, чтобы тебя уважали — уважай других;

Закон чистоты: чисто не там, где убирают, а там, где не сорят;

Закон вежливости: каждый твой поступок отражается на других людях; не забывай, что рядом с тобой человек;

Закон ответственности: каждый должен видеть последствия своих поступков и отвечать за них.

Соавторами Герба, Гимна, Кодексов чести были дети, учителя, родители.

Анализируя результаты воспитательной работы, педколлектив пришел к выводу о необходимости индивидуализации и конкретизации воспитательного процесса. Под индивидуализацией подразумевает сознательный отказ от массовости: каждая личность индивидуальна, а значит, и подход к ней тоже должен быть индивидуален. Массовые мероприятия, как правило, поглощают Личность, они малоэффективны, а часто и бесполезны по своей сути. Вторая беда многих современных воспитательных систем — отсутствие конкретного Дела, на котором будет держаться эта система. Нельзя воспитывать только словами. Воспитание, основанное на пустословии, обречено на провал. Поэтому, памятуя об идеях трудового воспитания и перевоспитания А.С.Макаренко, педколлектив пришел к выводу, что воспитательная система будет оправдана и жизнеспособна в производительном труде. Причем, сам производительный труд должен являться высшей ступенью трудового обучения и воспитания начальной и средней ступеней обучения.

Педколлектив полагает, что научить труду — значит научить жизни, дать знания, переплавить их в убеждения, в руководство к действию. Задача эта государственная, т.к. по существу педколлектив решает кадровую политику завтрашнего дня России. Это немаловажно на фоне нынешней потребительской пропаганды среди молодежи. Сегодня на повестку дня ставится само существование России как государства. Не видеть эту проблему может только незрячий. Печальным итогом последних 15 лет в жизни страны стал не столько экономический кризис, а кризис Личности человека, его деградация. Даже на селе, где люди испокон веков жили трудом на земле-матушке, все больше появляется бомжей, пьяниц, живущих воровством за чужой счет. Больно видеть детей, которые могут поесть только в школе. Имеются такие дети и в Городищенской средней школе.

В Городищенской средней школе обучается и питается 320 учащихся. Из них 55 человек из многодетных семей, 46 человек из малообеспеченных семей.

Для учащихся школы организовано пятидневное двухразовое питание. Ежедневный обед состоит из 4 блюд: первое, второе, третье и разнообразные салаты. В школьной столовой 150 посадочных мест. Столовая снабжена водоснабжением и канализацией. Имеется необходимое оборудование— два холодильника, одна холодильная камера, две электроплиты, один жарочный шкаф, три электромясорубки, посудомоечная машина, электрокотел.

Столовая работает по графику:

9.15-завтрак

11.10 — обед (первая смена)

12.15 — обед (вторая смена)

Стоимость обеда колеблется в зависимости от меню от 7 руб. 60 коп. до 8 руб. 80 коп. В основном такая дешевизна обедов достигается за счет самообеспечения школы своими продуктами. Так, в 2005 году на полях ученической производственной бригады было выращено и заложено на хранение 6615 кг картофеля, 190 кг лука,

778 кг моркови, 1850 кг столовой свеклы, 1000 кг капусты, 170 кг помидоров, 350 кг огурцов, 27 кг фасоли, засолено 420 кг помидоров и огурцов, заготовлено 1800 кг яблок и 30 кг черной смородины.

Дотация школьных обедов осуществляется из двух источников:

- за счет средств ученической производственной бригады по 4 рубля на каждого ученика в день;
- за родительские деньги (2 рубля в день; на эти деньги покупается мясо, мясные продукты, рыба).

Дети получают калорийное высококачественное питание, в меню ежедневно включены мясные или рыбные блюда, разнообразные салаты. Меню составляется с учетом физиологических норм учащихся. Ежедневные порции готовятся согласно принятым нормам. Диетическим питанием обеспечиваются 17 учащихся, нуждающиеся в диете.

На видном месте в обеденном зале вывешено меню, в котором указано наименование блюд, выход продуктов, калорийность. Анализ меню за месяц позволяет сделать вывод, что они соответствуют рекомендациям санитарного эпидемиологического надзора.

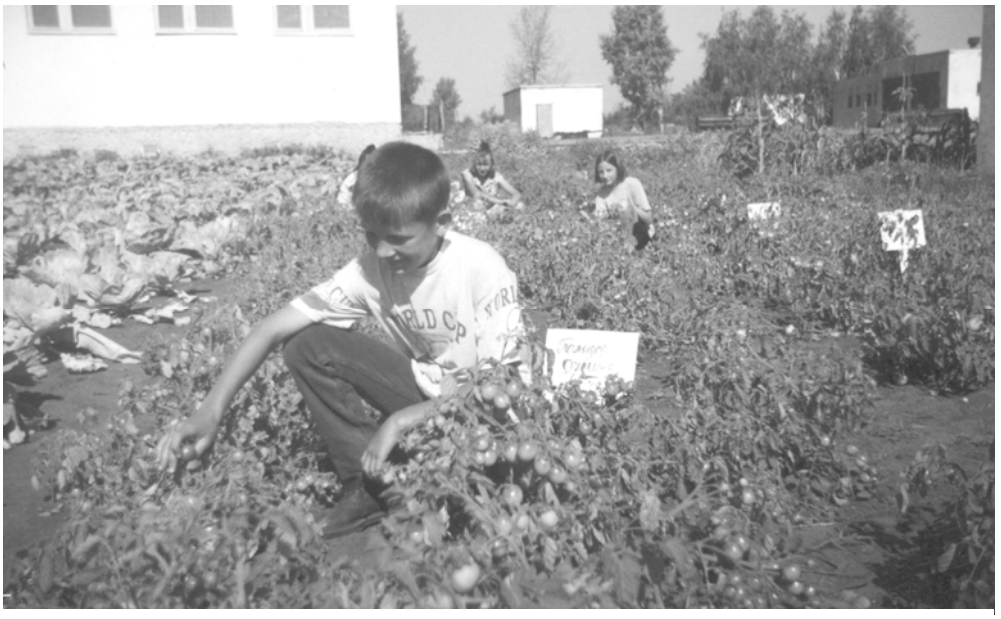
В обеденном зале уютно и чисто. Ежедневно ведется бракеражный журнал. Технологическое оборудование и уборочный инвентарь промаркированы. Осуществляется ежедневная отметка посещаемости учащихся. Согласно графику дежурств ежедневно в столовой дежурят учителя. Дежурный класс старшеклассников сервирует столы. В столовой соблюдаются все нормы приготовления пищи и хранения продуктов питания, санитарное состояние столовой отвечает требованиям санитарии.

Случаев пищевых отравлений не имеется. Срок реализации приготовляемых блюд соблюдается, суточная проба приготовленных блюд хранится в холодильнике.

Качество питания контролирует специальная комиссия. В обязанности комиссии входит контроль и проверка качества блюд, соблюдение норм питания, соответствие дневного меню недельному, ежедневный контроль за дежурными по столовой, контроль за расходованием денежных средств, полученных от родителей.

В школьной столовой

На пришкольном участке

Собственная хозяйственная деятельность на земле позволила решить школе многие жизненно важные проблемы:

а) в первую очередь педколлектив организовал полноценное питание учащихся (для школьной столовой в полном объеме выращивается картофель, столовая свекла, лук, капуста, огурцы, кабачки, перец, помидоры, сахар, растительное масло, яблоки);

б) в условиях постоянного отсутствия государственных средств решены вопросы достаточного самофинансирования учебного заведения (за 8 лет на нужды школы за счет средств ученической производственной бригады было выделено около 2,5 млн. рублей);

в) переориентация воспитательного процесса на основе трудового обучения и воспитания позволила педагогическому коллективу школы многие проблемы решать естественным путем, т.к. произошло преобразование личности как воспитателя, так и воспитуемого, объединенных общими интересами. Это, пожалуй, самый главный и самый значимый результат педколлектива производственной деятельности на земле. Более того, прежде всего «раскрылись» в труде те ребята, которых раньше относили к трудновоспитуемым. Оказалось, что они, как большинство детей, добры и талантливы, только волей судьбы оказались обделенными любовью и заботой взрослых людей. Надо только видеть, с какой радостью несут эти дети домой первые заработанные деньги! А за лето они получают от 800 рублей до 5-6 тысяч.

Руководит деятельностью ученической производственной бригады экономический Совет. В него входят представители от учащихся, учителей, технических сотрудников. Экономический Совет утверждает севооборот, штатное расписание, ставки постоянным работникам, договора с отдельными членами ученической производственной бригады, расценки труда и нормы горюче-смазочных материалов. Экономический Совет вносит предложения по премированию отличившихся членов ученической производственной бригады и распоряжается распределением всех денежных средств от деятельности ученической производственной бригады.

Многочисленные гости, которые бывают в Городищенской средней школе, видя ее материально-техническую базу, воочию убеждаются в достижениях педколлектива. Педколлектив школы создал неповторимый внутренний и внешний облик своей

школы, многого добился в совершенствовании учебно-воспитательного процесса, эта школа инновационного характера. Педколлектив школы является лауреатом Всероссийского конкурса «Школа года-2001», победителем районного и областного конкурсов «Школа года-2002», победителем областного конкурса по самообеспечению сельскохозяйственной продукцией (2001), лауреатом (III место) областного конкурса по благоустройству (2002), победителем I Международного конкурса им. А. С. Макаренко (2003).

Материалы о работе школьной бригады печатались в журналах «Народное образование» и «Сельская школа», «Учительской газете», «Комсомольской правде», «Белгородских известиях», «Российской газете», «Белгородской правде», местной прессе. Школу не раз посещали корреспонденты ИТАР-ТАСС, телевидения г. Старый Оскол.

По просьбе сотрудников московского музея им. А. С. Макаренко школой были высланы в их адрес документы и фотоматериалы деятельности ученической производственной бригады школы.

Педколлектив ведет не только летопись села, летопись школы, но и летопись становления ученической производственной бригады. Собран богатейший документальный материал, ведется фотолетопись и кинолетопись. Фильм школьной студии «Труд — источник здоровья» стал лауреатом областного конкурса школьных фильмов.

Школа не самообольщается своими достижениями и по-прежнему считает, что первопричиной, отправной точкой этих успехов стала и остается до сих пор самостоятельная хозяйственная деятельность, работа на земле. Убери ее — и педколлектив потеряет опору, на которой держится вся школьная жизнь. Как и А. С. Макаренко, педколлектив школы глубоко убежден, что воспитание в труде — ведущее направление педагогической теории и практики.

Другое дело, что в современных условиях школе подчас невозможно заниматься самостоятельной хозяйственной деятельностью из-за отсутствия изначального капитала. На это могут решиться только единицы и в какой-то степени отчаянные люди. Педколлектив начинал свое дело практически с нуля. Взял в собственность 141 га земли. Из техники, кроме старенького учебного трактора ЮМЗ, ничего. Финансирование на горюче-смазочные материалы, зерно, зарплату — не имели. Спонсоров не

Идёт уборка зерновых

имели: с 1985 года каждый хозяйственник стал считать свои деньги, а социальная сфера оказалась не престижной для вложения капиталов. Поэтому педколлектив школы заключал договора в кредит под будущий урожай. В первый год вырастили продукции на сумму 65 тысяч рублей, рассчитались с долгами. Затем прибыль стала расти из года в год: 1998 год —208550 рублей, 1999 год — 561734 рубля, 2000 год — 861497 рублей, 2001 год — 929293 рубля, 2002 год — 656158 рублей, 2003 год — 889439 рублей, 2004 год — 890939 рублей, 2005 год — 895050 рублей.

Большая часть заработанных средств ушла на формирование материально-технической базы ученической производственной бригады. Нужно было уйти от экономической зависимости хозяйств, предоставляющих школе крайне дорогие услуги. Так, например, семенной фонд школе обходился в пропорции 1:2 (брали 10 тонн семян, отдавали — 20).

Покупали за свои деньги сеялки, культиваторы, бороны, автомобили, комбайн.

Большое понимание нашел педколлектив школы со стороны губернатора Белгородской области Е. С. Савченко и главы администрации г. Старый Оскол и Старооскольского района Н. П Шевченко, которые способствовали педколлективу школы в приобретении гусеничного трактора ДТ-75 и трактора МТЗ-82, а президент корпорации «Оскольская нива» Ф. И. Клюка выделил новый комбайн «Дон 1500 Б». Большую моральную поддержку оказывает педколлективу школы начальник управления образования и науки Белгородской области С. П. Тимофеев.

Посевные площади учебного хозяйства выросли до 308 га. В настоящее время в школе имеется 12 единиц сельскохозяйственной техники, необходимый почвообрабатывающий инвентарь (по экономическим расчетам это соответствует рациональному использованию имеющейся в школе техники и сельскохозяйственного инвентаря).

Денежные средства ученической производственной бригады расходуются на многочисленные нужды школы: приобретение компьютеров, костюмов для художественной самодеятельности, премии для учащихся, учителей и технических сотрудников, туристические поездки по родному краю, на путевки в МДЦ «Артек», ВДЦ «Орленок», благотворительную деятельность и т.д.

По заданию Белгородской сельскохозяйственной академии школой ежегодно проводится на полях ученической производственной бригады опытническая работа. Результаты этих опытов не раз представлялись на Всероссийских конкурсах:

1997 год — «Радиометрические и физико-химические исследования Казацких меловых бугров» (Москва) (Гребенкин Александр — III место);

1998 год — Всероссийский конкурс исследователей окружающей среды (Москва) «Радиометрические и физико-химические исследования почв поля ученической производственной бригады школы» (Горожанкина Надежда — лауреат конкурса);

1999 год — Всероссийский конкурс исследователей окружающей среды (Москва) «Радиометрические и физико-химические исследования почв с. Городище» (Горожанкина Надежда — II место);

2000 год — Всероссийский конкурс юных экологов (Обнинск) «Радиометрические и физико-химические исследования почв Старооскольского района» (Пивнева Елена — 1 место);

2000 год — Всероссийский конкурс юных исследователей (Москва) «Изучение сравнительной продуктивности злаковых .культур» (Черепков Евгений — золотая медаль Всероссийского выставочного центра);

2002 год — Всесоюзный конкурс юных исследователей окружающей среды (Москва) — Опыты «Сортоизучение томатов» (Черепков Евгений — IV место), «Эффективность предпосевной обработки семян моркови эпином» (Данилова Ирина — золотая медаль Всероссийского выставочного центра).

В течение учебного года учащиеся 9-11 классов на уроках труда и профессионального обучения получают дополнительные сведения по агротехнике, основам экономики, учатся ремонтировать технику, правильно осуществлять технический уход за ней. Летом и весной они проходят практику на своих полях. В школе имеется оборудованный автокласс. Все это в комплексе позволяет школе готовить высокопрофессиональных специалистов сельского хозяйства, поэтому выпускников школы принимают на работу местные сельхозпредприятия. Каждый год 6-7 выпускников связывают свою судьбу с родным селом или трудоустраиваются на других предприятиях в соответствии с полученной в школе профессией. Отзывы о них, как о специалистах, школа получает довольно благоприятные.

Что нужно современной сельской школе, чтобы через трудовое обучение и воспитание решать вопросы кадровой политики России? Кратко сформулирую перечень:

- хорошие земли (недопустимо отдавать школе неудобья или заброшенные земли);
- необходимый набор техники и сельскохозяйственного инвентаря;
- удобрения и гербициды;
- нужна разумная политика ценообразования на горюче-смазочные материалы и сельскохозяйственную продукцию;
- кредиты;
- нужен государственный подход к проблеме трудового обучения и воспитания, иначе завтра некому будет сеять хлеб, некому будет стоять у станка.

Духовная деградация нации неизбежна без формирования Личности с детских лет. Экономя сегодня на школе, мы обрекаем себя и будущее своих детей на бескрайнюю материальную и духовную нищету. Причем, в России уже сейчас имеются школы, которые не только ничего не просят у государства и готовы решить свои собственные экономические проблемы, но и по мере сил занимаются благотворительной деятельностью. Городищенская школа, например, помогает Старооскольскому дому детства, местному Дому ветеранов, оказываем финансовую поддержку своим учащимся, педагогам, техническим сотрудникам. Поэтому, посылая материалы о своей школе на международный конкурс им. А.С. Макаренко, педколлектив школы надеется, что опыт всех его участников будет обобщен компетентной комиссией и будут выработаны конкретные мероприятия по правовой и финансовой поддержке таких учебных заведений.

Как было уже сказано выше, профессиональное образование и воспитание в Городищенской средней школе Старооскольского района Белгородской области является вершиной трудового обучения. А начинается оно с начальной школы. Здесь дети не только выполняют государственную программу по трудовому обучению, но и занимаются общественно полезным трудом: ухаживают за комнатными растениями, выращивают на клумбах цветы, на грядках — лук, морковь, убирают школьный двор, стадион, сажают кустарники. Дети второй ступени обучения овладевают навыками самостоятельной работы в школьной мастерской, швейном и кулинарном цехе, летом работают на пришкольном участке, в бригадах по благоустройству территории школы и территории села, шефствуют над ветеранами Великой Отечественной войны и педагогического труда, учатся шить и вязать, познают азы лозоплетения через кружковую деятельность (в школе работают 25 кружков по интересам). С удовольствием работают ребята в школьном лесничестве, организуют работу голубого и зеленого патрулей. Члены изостудии полностью оформили школу, создав ее неповторимый интерьер. В школе работают детские комиссии по экономии электроэнергии, озеленению классных помещений, сохранности мебели и учебников, санитарному состоянию. Ребята с детства приучаются бережно относиться к тому, что создано

руками других людей, и сами стараются видоизменить свою школу. В школе имеется хорошая традиция: в первую неделю учебы учителя первых классов ведут своих воспитанников на экскурсию по школе, где рассказывают историю школы, показывают школьный музей, классные комнаты, рассказывают, как строилась школа, почему в ней много цветов, много выставок детских работ, как создавалась вся эта красота. Как правило, такие экскурсии учителя заканчивают словами: «Теперь это ваш второй дом. Сделайте его еще более удобным и красивым».

Выпускники школы по традиции весной высаживают на клумбах свои цветы и занимаются благоустройством территории школы, чтобы 1 сентября новые первоклассники увидели плоды их труда.

Отдавая приоритеты трудовому обучению и воспитанию, педагогический коллектив школы не игнорирует эстетическое, патриотическое, нравственное и другие виды воспитания. Более того, он считает, что труд концентрирует в себе и этику, и эстетику, и гражданственность и все то, что должна иметь Личность. Труд — универсальное и уникальное средство воспитания подрастающего поколения. Учащиеся умеют не только хорошо трудиться, они систематически занимают призовые места на предметных олимпиадах, спартакиадах, в различных художественных конкурсах. К услугам ребят во внеурочное время работа музыкальной и спортивной школ, кружки по хореографии, фольклору, гимнастике, волейболу, теннису, шахматам и шашкам. Это тоже труд. И педагоги стараются внушить детям, что любой вид человеческой деятельности нужен, важен и требует постоянной концентрации силы воли от каждого человека. Главное — быть человеком своего Слова и Дела.

Педколлектив считает, что стоит только в начале пути формирования образа выпускника своей школы. Работа эта требует еще совершенства, пересмотра некоторых проблем, укоренившихся привычек. Но уверенность в положительном результате внушает мысль, что организовано живое, настоящее Дело.

А. С. Макаренко утверждал: «Трудовая подготовка, воспитание трудового качества Человека — это подготовка и воспитание не только будущего хорошего или плохого гражданина, но и воспитание его будущего жизненного уровня, его благосостояния». В этом году уже десятый выпуск школьных бригадников ушел в самостоятельную жизнь. Приятно осознавать, что все они нашли свое место в жизни и достойно трудятся в сельском хозяйстве и промышленности или учатся в вузах страны. Значит, есть у Городищенской школы положительный вклад в воспитание подрастающей смены.

Книга в журнале

НАБОКОВ
ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ

Нет необходимости представлять читателю уже сформировавшего свою профессиональную руку прозаика Виктора Набокова — он представлен своими начальными работами в первом и третьем номерах белгородского журнала «Звонница», как мастер художественного слова со своим ёмким, ни на кого из писателей не похожим, самобытным словом, необычным, рвущимся недоговором слогом, отчего мысль обретает динамику и устремлённость и из-за чего иногда приходится возвращаться по тексту назад для повторного прочтения, чтобы не потерять канву повествования.

Пожелаем же молодому прозаику мужественного пера, сосредоточившего своё внимание не только на «ошмётках коровьих», как выражается сам автор, а на уцелевшем духовно и нравственно костяке подвижников, сохранивших чувство своего национального достоинства и самосознания, на той соборной основе, которая всегда выносила Русь из любой бездны. Судя по рассказу «Оттепель», он это может сделать превосходно.

В. Шаповалов

СМОТРИНЫ

ОТТЕПЕЛЬ

В тот мартовский день восход был ликующим: зашоренное солнце долго пробивалось веерными лучами сквозь белую громаду облаков и, наконец, торжественно раскрылось. На рассвете по делам службы я направлялся на путевую машинную станцию, а часа через три возвращался обратно. Растеплилось к полудню по-весеннему после двух недель знатных морозов. Настывшее небо разъяснилось — хоть голубей выпускай! Тропинка по краю насыпи петляла то вплотную к рельсам, то взбегала к зарослям сухостойного будыльника. Остановился на сосновой порубке вволю надышаться лесом. Отсырели замшелые стволы сваленных деревьев, на желтеющих отпилах пеньков снег совсем стаял, курился на пригреве парок от пожухлой листвы.

Ах, как же голова кружится от необъятной выси и голубого простора, а там, вдали, за оврагом, зыбкие штришки тоненьких берёз. Грустно, что тебя нет рядом. Добрая, ласковая, мне вовек не забыть, как неистово колотила кулачками по моей спине, обзывая бесчувственным. Твои слёзы, когда я говорил, волнуясь, обнимая тебя за плечи. И теперь всё нет времени объясниться. Нам нужна эта оттепель, я так ждал её.

ДОМИК НАД ЯРОМ

Чуть только забрезжило в оконце, запотевшем в тесных сенцах, старый Семён заворочался на дощатом настиле, кожух в изголовье, потянулся за кисетом. Кряхтя, свесил ноги в шерстяных носках, прокашлялся, самокрутку выкурил, почёсываясь, хлопнул по лодыжкам и решил — пора подыматься. С утра любил выйти на выгон за садок отаву покосить. Вздохнул на шатком крыльце, воздух пьянит сыроватой свежестью земли, неспешно пошёл по двору до курятника, отвалил колоду от лаза — зашебуршились куры на насесте. Где-то на дальней Сударевке прокричал спросонья хриплым голосом первый пивень. Мерцающая зелёная звезда истаяла над гнездом ласточки, прилепившей на отпиле под карнизом, покуда в усладу за ухом почёсывал шелудивого кабанчика. Отбитая сточенная коса легонько звякнула на суковатом невесомом черенке. Пошатываясь на подрытой соседом меже, хромал через цветущий садок — фронтовое ранение под Тихвином. С любовью оглядывал яблоневые завязи, наслаждался горьковатой на вкус тягучей вишнёвой смолой. В минуты уединения, в старом саду, где сгнивали упавшие стволы, какая-то странность находила на него — становился беззащитным и трогательным — несвязно бормотал тайные чудные слова, касаясь деревьев, спланованных под вырубку, тёмной лапой, сморщённой и дикой, как отпавшая кора застарелых груш-дичек. Не вспугивая подраненного грача, волокущего измятое крыло, в сыром зыбком тумане плёлся мимо, тяжко вздыхая.

Выходил к старым отрубам, где косил смолоду, смотрел на заросшие будыльником делянки косогорные, и сердце нерадостно поднывало — вернулся наконец-то из райбольницы. Говорили хмурые врачи — камни в почках, оказалось всего несколько крупинок. Выкарабкался, не подыхать же, рубчатый шов краснел — месяц назад катетер сняли. Избавь Бог от такого рая!

В разлатом яру седой утренник покрывал зеленеющую долину, пестрел жёлтый ковёр одуванчиков. Отбросил рядно на росный куст сирени, приладился в полразмаха осторожно подкашивать, сперва возле зарослей вишняка, разохотился прихватывать всё шире, чувствуя приятную упругость в теле.

Под пиджак великоватый, сын Гришка не дотрепал, забирается холод оврага и пронизывает до дрожи. Возвращался прокосом, колок пырнул в стельку глубоких калош, косьём собрал сочащую в тугой валок, уложил в ряднину, прилегая, связал концы. Подсел, навалил на захребетину и поковылял ко двору. Без него жонка редко выходила на выгон — межа не ополота. Ноздри затрепетали от родных запахов.

Последние два года надеялся видеть сына Гришку хозяином. Горемычный, рано потерял зрение, надломленный, которого можно поставить крепко. Допускал для него послабление в нелёгком крестьянском труде и не мог удержать в своих руках. Сын приезжал из города всегда нерадостный, а уезжал просветлённым, с затаённой светлой думой. Когда же произошло душевное опустошение и надлом, размышлял Семён, и не находил ответа.

Стон доносился из летней кухни, хозяин свалил узляк в углу двора, приторкнул косу к штакетнику и поспешил в проём двери, завешенный серым тюлем. На земляном полу жена Антонина, ухватившись за угол стола, билась от невыносимой боли — скрутило ногу. Спустив чулок, судорожно растирала ладонями. Семён увидел, как натянулись сухожилия под коленкой, закаменел и прошептал: «А денатуру у нас нема…» Он от бессилия скрипнул зубами, бежать по соседям и мыкать своё горе, так в каждом дворе то же. Нет нужды говорить про боль, когда земля ждёт ухода, огород — слава Богу — успевай обрабатывать. Некогда нежиться, нетерпеливо крикнул издали: «Да будя там, как-нибудь разомнись!».

Пунцовое зрелое солнце приветливо глянуло в обветшалое подворье колхозника Семёна Ивановича Калашникова, балагура и доброго плотника. Совсем растеплилось, возле двора устроена, ближе к погребице, печурка, мазаная глиной, где суетилась хозяйка, опоясавшись рукавами латаного халата, готовила запарку комбикорма в неподъёмных чёрных чугунах. Тут, под цветущими ветвями запущенной разлапистой яблони, на садовом столе, несуетно ели хамсу под уксусом с рассыпчатой, парящей из малого чугунка, картошкой. Подтрунивали друг над другом — не хотелось идти в сырой холод летней кухни, где не топили давно, но растапливать необходимо — там расторбучилась с широким сводчатым жерлом печь со стылой загнеткой.

Мучило тревожное ожидание худых вестей — младший Гришка бедствовал в городе: снимал угол с кроватью напротив проходной предприятия, где незрячие собирали телефонные станции. Каких переживаний стоило приткнуть в общество слепых! Беспризорная нищета и неуёмное пьянство окружали деревенского парня. Однако дряхлеющему отцу отрадно видеть родное чадо в козыряющей шляпе, с городскими привычками.

Старик строгает бурачину тесаком в дырявый банный таз, приткнувшись боком к верстаку, здесь ступка для табака, решето с худой сеткой, ржавая тёрка, клещи в зазубринах, правилка для гвоздей. Управился с кормёжкой скотины, потом занимается изготовлением мышеловки, приспособив восемь пружин от раскладушки, с отверстиями в заготовке и рычажковыми удушающими петлями. К приезду сына нужно новое топорище расклинить — в поленнице колотых мало.

В полдень на Парадеевку скатывается дрёма, через ухабистую дорогу — кривая хата с упавшими внутрь гнилыми стропилами, запущенное надворье запленила пыльная дикая полынь. Прикурить попросить — проблема! Глухая тишина, квохчет расщеперая наседка. Завлекает хохлаток радужным хвостом петух со шпорами, гребень красно-икристый набок завален, водрузился и скребёт крылом.

Вечерней прохладой собираются жители отдохнуть и перекинуться новостями: учётчик со става с куканом карасиков, кто-то на самосадный дымок притащился в заклеенных калошах, Нюрка — худоба семипудовая — кутается в рыжую плюшевую жакетку. Наш Сенька Гусак прожжённый пиджак скинул загодя, уличный заводила сегодня табачок даром раздаёт, закатал длинные рукава чёрного кителя, подтянул до груди флотские штаны, запахнулся — знай наших! Задымляя, смачно сплёвывал, с гордостью рассказывал: обмундировку племянник прислал, азнишь на Севере служит в морской авиации! Знает хохол какую вошь подпустить! Весело оглянул незадачливых соседей и подморгнул:

— Какие песни спевала Нюрашка до войны! Выйдешь — голосьём поёт, мать моя в девках, мурашки охватят и..., — затаил дыхание Семён, прикрыв веки.

— Что там было дале, Самила, гусья гузка? — тяжеловесная и серьёзная Анна Макарушкина грозила нешуточно, по-вдовьи насмехаясь.

— А ничего и не было, — глаза Семёна полыхнули васильковым цветом, затмились невыразимо-прекрасные чувства далёкой юности, — так услыхавши, прямо в бурьян и заляжешь. Идёт певуха с гульбища, платье светлое, подымисся из лопухов с каменюшкой — рыканёшь во всю глотку как медвюга — и вся любовь! По-обегла застирываться…

Сконфузилась пожилая вдова, хмыкнула — что с дурня взять — и переметнулась к женским посиделкам. Криворукая Софья увлечённо рассказывала, как в девках у священника прислуживала: «Бывалоча до службы присмолит таечком рюмашку и пошёл в алтарь. Зырнёт на меня, убирая лохмы под клобук, — можно, грит, — я ведь на работу иду! Церква двухалтарная была, здоровенная, голосяка иерея мощный — читает распевом на всеношной… Перед колхозами снесли гордость прадедовскую, глыбины разматерили да в овчарню-ти ето пошло. Батька мой, царствие небесное, икону круглую с царских врат перед сельсоветом выменял на две доски, долго хранил на чердаку…»

— Так стыдобинно и посло, — неожиданно громко раздался голос придурковатого Митьки, — пелдовики соссолевнований, плесидатель — кулва, а мы — забеканные ягнята!

Зашикали на него, резво вскочил со скамьи, измерил всех ненавистным взглядом, швырнул замасленную кепку в пыль, проклиная собравшихся, как был босиком — сорвался смешной рысцой к родимой хате. Мудрая Софья молча перекрестила убегающего.

Замечательная память сухонькой старушки завораживала слушателей. Увлекалась, живо представляла в картинах, жестикулируя, причмокивала, отирала тонкие губы удивительно мягкой ладонью с искривлёнными пальцами. Задумчиво подобрала колени в подол, примостилась на дубках, проницательный взгляд с лёгкой улыбкой. Немногие знали, что она была ворожейкой, называли бабулечкой и Софочкой в случае необходимости снять детский испуг. Она заставляла смеяться до коликов в боку и глубоко страдать, когда пересказывала женские причитания: «Путёвый Найдёнов был, скотником и комбайнёром, за боронкой к нему в мехотряд елозила. Умер на Николу, подошла жена голосить к гробу, на последнюю дорогу: «Шо ты наделал, шо наделал, усё бросил шо руками поделал. Я тебя упрошала добром и лихом: брось водку пить, а ты не слухал — продолжа-ал. Люди добрые меня осуждали, шо тебя плохо кормила, да не чисто води-ила. Ты же все лужинки-колюженки обвалял, чагунки и сало пропи-ил». Тах та вот! А вон, сердешнай, до Бекетихи на свадьбу зашёл, да тут опился — родимец его задери».

Повисла над топкими ярами сиротливая, странная луна. После желанного дождя мягко пахло травами и разомлевшей землёй. В вечернем тёплом воздухе неустанно, сызнова выводил рулады соловей. Будто наново почуяли запах парного молока в подойнике из навозного хлева. В прореху плетня хозяйского палисадника просунулся мокрой головкой тюльпан.

В какой уж раз напоминал Семён Гусак, что хутор Воробьёво — не серой птички — разбойника Воробья, который становище с конюшнями имел в Перепелицыном лесу под Лысой горой. Почернелый сруб колодца сохранился и брёвна никакое гниение не берёт. Когда на опушке пас коров — самолично проверял — замулило глубоко осевший, если крепко садануть, звон вглубь уходит. Ещё один колодец Воробья после войны забивали шерстью — родник заливал пахоту — на суглинке Бычкова поля, подводу оческов утрамбовали. Скажите, почему это в Перепелицыном лесу каждую весну горицвету — уйма?

Тем временем вислоплечий учётчик скармливал карасиков дымчатому коту, ластившему хвостом по штанинам. «Старыки сказуют: той-то Горобьец поганый був, ускочил к богатеям, волкодав на ойого бросывся, так вон подняв на хвинку собачагу. Скрыни з добром туточки ховав».

Последние, исконно любящие хуторской уклад, остались коротать в старых хатах, приуныли. Еле различался за земляным валом, на светлеющем западе, погост на взгорье, с крестами, повязанными на Пасху белыми миткальными платками, выступали сварные незапертые ворота. Прошлым летом хуторяне подрядили Гришаню с двоюродным братом — сварщиком — унять тоску. Братки славно поработали, сотворили ажурные створки, загрустил нехорошо слеповатый, глядя меж распахнутых крылос. Поуспокоились парадеевцы, да почитай и некому христаться над угрюмыми яминами — Чернобыль рассялся глубоко и повсюду. Воробьёв хутор — наивысшая точка географическая, до передела областей входила в состав Воронежской. Последнее время регулярно получают только «траурные». Субсидии — с гулькин нос.

Вздрогнул Семён Иванович — в одиночку докуривал самокрутку, снова прилёг в сенцах, говоруны разошлись, смолк собачий перебрёх, в тусклом кругу света от лампочки над крыльцом кублилась мошка — послышался гул и полохнул свет фар по белёной стене курника, дождался. Клацнула дверца, неспоро идёт сын, медлит, оттягивает встречу — знать опять отбрешки и дыхало тяжёлое.

— Ну как там? Самогонку гонят?

— А куда деваться — гонят, пока не вгонят.

Маленькая странность овладевала Гришаней — любил в белой рубашке субботним утром до ясного восхода, когда так трепетно в природе и воркуют голуби, чтобы по-свойски отнять у пастуха кнут и ловко щёлкнуть с матерщинкой. Затаившись, слухать — пивни спевают. Кособокая Нюраша вывела на выпас телка, звон обуха и вбиваемого кола пронимает в яви предутренней так, что будет бередить душу вдали от отчего дома. Вызрело солнышко, заиграло яркими красками в оконцах приземистой хаты. Вдохнул полную грудь исцеляющего и родимого.

Отец не спал ночами, стонал и поругивал сына, воскресным утром, ранком, шёл будить в спаленку со створчатой почернелой дверью, тронул за ноги спящего на лежанке: «Там мать десятку забулавила, карманы — ветер свистит — позашивала…».

Посвежевший Гриня — яйце, сальце — поблёскивая очками, выходил за калитку, увидел Митеху — скрючился как кулик на кочке — который выколупывал засохшую между пальцами ноги грязь.

— Ты чего, Митрей — держи хвост бодрей!

— Пливези табъеток от поносу!

— Ладушки, погнали наши городских, живи!

Понурый человек уходил дальше и дальше, покуда не превратился за трепетным маревом в тёмную точку. Покидая навсегда простор неоглядных полей, зеленеющий меловой откос с отложинами, пестреющие левады и кошары в логах чабрецовых.

По осени неуклюжая машина геологов остановилась возле низкой хатки Семёна Ивановича. Из жёлтой будки высигнул прыщавый, закатал рукава пуловера, деловито распахнул заднюю дверцу. Шаркая подошвами, взлохмаченные мужички вытаскивали что-то страшное. Горбылёвый гроб, обитый красным ситцем, поставили краем на плечо стоящего внизу, придерживали загорелыми руками.

Гнетущая, напряжённая тишина Парадеевки; молчаливый тополь залепетал; качнула хвостом ласточка на проводах, стремительно сорвалась, пискнула на лету. Не выйдет Гришка рассвет встречать, слухать пивней.

На сороковой день отпевали отлетевшую его душу. Батька отрешённо стоял на коленях во дворе перед иконой, ещё на табурете — домашний каравай, справа трепетал огонёк восковой свечки. Седая Антонина тяжело встала с подстилки, отворила калитку, верила, что возвратится душа, заплутавшая в незнаемых далях.

Приволье открывается с бугра на родовом месте погоста, где схоронили хуторского балагура. Клонится жёсткая трава под ветром.

СМОТРИНЫ

В Настиной деревне, если едут свататься по обговоренному, это событие называют почему-то запоем. Вот мол, приехали двор смотреть родители жениха — запой, значит.

Пёстрая толпа: тут и городская молодёжная курточка и порыжелая плюшевая жакетка, рядом укутана бахромчатым платком кошёлка, откуда просунулся малиновым кустистым гребнем петух, на холочке отливают глянцевой зеленцой растопыренные от страха перья. Стоят присмиревшие люди в ожидании поезда из Харькова, скучиваясь под пешеходным мостом. Яростная ругня составителей из дальнего рупора рвёт морозный воздух, пропахший гудроном и дизелями. Из блинной — против краснокирпичного с аркой и колоннами вокзала — в открытую дверь пар за каждым выходящим. Вот выскочил простецкий мужик, в руке тарелка с насметаненным блинцом — услыхал объявление о посадке на электричку, напирает лобастый локомотив, в сутолоке, отбиваясь локтями, смешно давясь, доел тёпленький, возвращать

посудину поздно, кинулся в сторону — другую, сердито махнул рукой, ругнулся, ещё облизал — и в авоську, торчат, голявками один в другой, слёжлые валенки.

Вечером морозец поприжал. Своенравная будущая свекруха, горделиво ломая бровями, поминутно одёргивала добротную шаль, облёгшую до локтей и углом до поясницы. Притопывала в тесных расклятых сапожках на меху, неожиданно высказала, что непорядочно жениться зимой, люди добрые играют по осени, когда продуктов вальём.

Наконец-то прибыл долгожданный воронежский, с получасовой задержкой, протянул подальше, ожидающие встревожились. Красные фонари последнего вагона, дрезина подаёт дополнительные, сцепщик с турчком, повиснув на поручне, отмахнул скрученным сигнальным флажком — громыхнули прицепные.

Сваты загодя не подумали о плацкарте, помчались как ошпаренные за общим вагоном вдогонку, где постанывала колхозная и пролетарская матерщина протянутых рук к теплу и уюту. Корешок хрена с постным маслом, зря разухабились бойкие, как настырные дикари, захватывают кто ловчее — дальше от сквозящего тамбура. Волчий звук разочарования пронёсся в проходе — опять преподали урок наглаженным — за что старались? Всем места в продавленных креслах! И вскоре притерпелись.

Родители жениха Серёги были из той когорты терпеливых людей, которые повидали на своём веку, помнили голодные времена — и по сей день трепетно относились к насущному хлебу — вечно у плиты застиранный мешочек с сухарями внучкиных недоедков. Часто вспоминали лепёшки — драники — с травяной добавкой. Сейчас притихшей молодёжи интересно слушать, как с котомками ездили на Кубань за «пшеничкой». Будущая свекровь наставительно рассказывала, как пришлось двое суток перебиваться, с приработок возвращалась — через плечо два уклунка — терзалась на буферах товарняка, а наутро обнаружила, что один срезали — обокрали.

Наш хворый проводник, на просьбу протопить, виновато моргал белёсыми ресницами и сбивчиво объяснял, что трубка котла внезапно лопнула. Сразу нашлись разумные, которые видели, как он вконец измученный сырыми дровами, растапливал уголь — фугал безмерно солярку, водяное отопление перемёрзло, закупор ледяной пробки и давление резкого повышения температуры сделали чёрное дело. Спасло присутствие большого числа пассажиров, душно, но не холодно. После Валуек вагон оказался полупустым и было слышно, как бесновалась буря за непрогретыми стенами.

Поджавшись, можно покемарить до Хлевища, когда покажется на отшибе сельский клуб с отпавшей глиной и обнажённой дранкой или орсовский магазин с осклизлым крыльцом. Продрогшие поутру разминали затёкшие ноги, готовясь на выход. За индевелым тамбурным стеклом бежит скучная санная дорога — мелькает разъезд, упавший штакетник, сараюшки, дровяной навес, каурая лошадь под попоной у крытой копны. Как-то радостно и нервно курит лётчик-лейтенант, по-детски озорно припав к мёрзлому стеклу. Подъезжаем к городу Алексеевка. В стародавние времена сметливый крестьянин прославил местечко тем, что первым на Руси придумал давить подсолнечное масло.

Господи, почему так неустроенно, непродуманно на нашем пути? На станцию межобластной поезд по расписанию прибыл в шесть с четвертью, а рейсовый автобус по неведомо дьявольским законам строго отправляется в пять минут седьмого. Поэтому безумствуют студенты и пэтэушники, просом катясь с подножек, охая от вывихов и ушибов. Элементарно согласовать отбытие, да, наверное, затурканным землякам нет возможности лицезреть мякиноголовых начальников автоколонны города, пренебрегающих разовыми рейсами до дальних деревень. Ещё одна нервотрёпка — до сердечной судороги — как надсадно орут не успевшие, больные ветераны и рыхлые старухи, поклажей отягощённые. Известно, сколько огорчений доставляет на тягомотных дорогах ожидание попутки. Да если едешь по большому и важному

делу, сватовство — не каждый день. Буйная вьюга перед громадой элеватора будто замирилась, стелется позёмкой. Поспешает, перешагивая по креозотным шпалам, невзрачный мужик в брезентовом дождевике поверх телогрейки, прикрываясь рукавицей от секущего крошкой ветра. Он припадал на правую ногу и, подходя ближе, поправляет цигейковый малахай: «Дождався, приихалы дорогие сваточки, — добродушно широко улыбается и с поклоном, растягивает, — дра-астуйте!» Приглашает всех в затишек пристанционного ларька, поочерёдно за руку знакомится, а сваху даже за локоть приобнял.

Батька жениха морщился, предчувствуя, как хлещет бесовская пурга в открытом поле и впятером жмутся на продуваемых розвальнях. У молодого, когда увидел тестя, челюсть отпала — перед ним стоял, замявшись, немощный старик, от которого несло самосадом, чесноком и конюшней.

— В таку непогодь хороший хозяин собаку со двора не гонит, — выразительно глянула сваха на обнявшихся молодых.

— До грейдера колхозный автобус трахтором тяглы, бульдозером греблы до «московской», — порывы ветра забивали, о чём говорил сват Михайла, поглядывая на женихова отца — Васильевича. Тот не расслышал, подумал, что речь идёт о поллитровке.

— Растуды её — погоду, за здоровье молодых можно прямо — сищас! А есть?

Позже из разговора узнали: большак из хутора до центральной усадьбы колхоза «XXII партсъезда» колхозники нарекли с юмором — «московской» дорогой. Эх, дороженька разбитая да переметённая, с натужным гиком и отчаянными матами. Холодрыга в продуваемом насквозь утлом «Кубанце», суетится водитель в заскорузлых, негнущихся кирзачах — лазит прогревать факелом радиатор. Окутала едкая гарь, мотор поперхнулся, чихнул — клёпаный автобус вздрогнул и тронулся. Решено прорываться кратчайшим путём. На выезде из города выяснилось, что перекопано поперёк, нужно объезжать вкруговую. Заносы, колдобины, смрад невыносимый — терпим, едем смотреть тёщу Антонину Пантелеевну. Будто всевышний причинял всяческие преграды.

Со стаявшего башлыка капает, свату Михаилу тяжело сидеть, закованному в грубую парусину длинного плаща. Успокаивает измученных бессонной ночью и протравленных ядовитым чадом. Подбадривает — с километр придётся карабкаться по сугробам — эка невидаль!

Утопший по самые трубы хутор, редкий дымок горчит, зола за воротами, порывы несут навозный дух из катухов, кисловатый запах силоса. Вокруг перекатами намело, да рыхлый, отвороты забивает — хоть поминутно отряхайся. Высоко задирая колени, пролазим шаг за шагом. Ведущий топтун Михайла раза два падал, теряя равновесие: «Хобы хто помог, ети её, загруз!»

Показалась — напуржило под стреху — незавидная хата, где родилась Настёна, невеста наша. Выпросталось неясное солнце, гости взбодрились. За калиткой, с проволочной петлёй на воротине, нетерпеливо поджидали озябшие соседи. Их не пускали в хату, потому что стол накрыт и стынут в святом углу, на лавке застланной домотканой дорожкой, под утиркой в эмалированном тазу, румяные пирожки, чинённые гречневой кашей. Мужики, скучая, подначивали пропойного Репья раздобыть для сугреву водки. На что расторопная Таня с Сударевки, золовка Антонины, как можно веселее отбрехнула: «Водочка для сватьи…» — понесла в сени неохватную выварку с картофельным гарниром и опахнуло распарным лавровым листом. А мужики оплошали.

Вот и Антонина Пантелеевна, принаряженная в зелёную, толстой вязки, шерстяную кофту, в аляпистой атласной запонке с рюшками, искренне улыбнулась, приглашая проходить до стола. Спускалась по шатким приступкам, сгорбленная, придавленная тяжким крестьянским трудом, напоминая раскрылённую гусыню. Сорговый веник в руке — приезжих обметать — шубы, валенки варежкой не обобьёшь.

Давно не было в старой хате с низкими сволоками такого количества гостей. Привечают распахнутые створки застеклённые — от порога прихожей протянулся праздничный стол до убранного вышивкой и кружевами угла с иконами, где мерцала лампадка. Тут не место городским изыскам и ужимкам брезгливости. С холоду мужики крепко желали выпить и хорошо — до отвала — закусить. А сударушки насторожились, теперь вволю посудачат. Случайно вошедший принимался как посланник небесный — гости потеснились, усаживаясь.

Хозяин ласково оглянул притихших гостей, робко раскупорил золотистую шашечку бутылки, не знал как сказать напутственное слово.

— Спасибо, дорогие, уважаю вас и не забуду! Моя Настёна, меньшая дочерь, выйти замуж захотела и нехаича всё у их будя по-человечески.

— Чи орать «горько», Михайло?

— Рано ишо, Репей, кады рубанёть зять тёщу промеж очей — тоды «горько». Наливай, ординарец… — засверкали глаза Михаила, сказал и повернулся к свату.

Скребёт небритый подбородок, с вечера колготился, затемно уехал встречать на станцию, бедному вечно ночь коротка, набулькал Васильевичу и себе до ризки в гранёные стаканы «столичной». «Шарахнули» залпом, дружно крякнули, тыкая в миски со свиным холодчиком блестящими вилками. Повторили. Хозяин протянул на запивку — спробуй — рубчатую склянку свату. Тот отпил и вылупился: «Во, дела, антонов огонь в кишках!» — тепло разливалось по всему телу, а голова совсем ясная, хмель пропал.

Раскраснелись бабоньки после первой, безотрывно разглядывают жениха. Разряженная Настя отставляет подальше графин от него, осадила неуместную прыть: «Здесь рот не разевай, дюже шеей не ворочай, мне крепдешинку не изгваздай!»

Под гомон и танцы сваты спёрли припасённую за сундуком банку домашнего коньяка, настоенного с душицей, тишком подались без шапок «перекурить». Михайло, захмелев, хвалился богатством нажитым — на струганых досках разложено посреди летней кухни сало, пропахло палёной соломой. «Единолишно богачей жилы, а терь запахалы сорок гектар свеклы и никому делов нема! Разорилы крестьянство и ахають! Терь дурнохлебов развелось — собак мене». Сховались они возле сенова-ла, Михайла присел на поставленную кормушку, тяжело прислонился к жердине и рассказал, как с кумом поругался.

«Добрый пивень у меня був, як вдарит вголос поутру — мёртвый ворохнётся. И вот на престольный праздник, на Пречистую, наведался куманёк Нойка, а самограю нагналы — до самых звёзд, помню, пилы. Ну и поотрубалысь во дворе сыдючи. В августе ночи ишо тёплые, накрылы нас рядном. Ха, утречком скокнув мне на плечо пивень, да как даст голосякой, а Нойка шыблетом стебанул, ха, ну и промахнулся куды метил, хотев по пивню, а каблуком, ха, мне по храпалу! Потом мирился, дюжа осерчал на голосистого, попросыл зарубать, недолго на сковороде скворчав, дак и пошов к окрошке».

Тем временем в хате разыгрался слепой гармонист, на коленях синяя бархатка — знатный частушечник — заслушаешься. Грубо размалёванная пьяная пошла в круг, обряжена в короткие портки, угол мужской рубашки выпустила в расстёгнутую ширинку, бесстыдно задирает скромнягу-парня. Выкаблучивая, качает крутыми бёдрами, прогибается животом вперёд, по-цыгански играет локтями, плавно переходит лебединым изгибом рук к волнообразным движениям молодого тела. Вихляется, прищёлкивает пальцами под всеобщий хохот. В хуторе за разбитной характер прозвали Вехоткой — незнамо что могла отмочить. Зубоскалят пожилые бабы, надвинули шалашиками платки с люрексом, незлобно осуждают: «Днём монашит, по ночам ногами машет».

— Эх, сербияночка моя, — раззадорилась Таня с Сударевки, обозвала мужиков баранами-валухами. Ладненькая, щекастая, в бухарочке розанами — топоток лёгких каблучков — пристукивая, выдала звонким голосом:

У мотани двери сняли
И корову увели,
А мотане приказали —
Самогоночку гони…

…Надарили молодым сто восемьдесят рублей, прикроватный ковёр с лосями, аж три стёганых одеяла, персонально жениху от тёщи — белую нейлоновую рубашку. За опустевшим столом поблёскивала в стопах неубранная посуда, пьянючие Серёга с шурином, обнявшись, громко спорили по национальному вопросу:

— Ты хто? — спрашивал старший брат невесты, потный крепыш.

— Татарин, — заносчиво ответил жених, глянув исподлобья, поигрывая желваками на скулах.

— Ну, тода я — монгол, споём?

Хаз-Булат удалой,
Бедна сакля твоя.
Золотою казной
Я осыплю тебя.

В спаленке с почернелыми створками дверей, за цветастой занавеской, сидя на кровати, Настя подводила ресницы тушью. Необыкновенно привлекательная — горит маков цвет — в розовом девичьем платье, теснит на груди и плечах, но зато любимое. Раздумывала: в каком наряде показаться назавтра. Ох, не на шутку разгулялись ребятушки, только бы не подрались, слышно за три версты, верно, как они рычат.

Дам коня и кинжал,
И винтовку свою,
А за это, за всё —
Ты отдай мне жену.

Невесте загорелось рыскнуть беспривязной тёлкой по вьюжному просёлку. Сорвала с вешалки отцову шапку, водрузила на макушку, накинула телогрейку, придерживая за пуговицу и петельку, метнулась к порогу. На обледенелом крыльце оступилась, подломила тонкий каблучок, посчитала возврат плохой приметой, остерегаясь, чинно вышла со двора. Следом вывалились расхристанные певцы, Серёга в рубашке навыпуск, скользя сапогами, басил:

…На заре юных лет
Ты погубишь её.

Будто мягче хлестала вьюга, трепались светлые кудряшки, набивались смерзающим снегом. Разгорячённая, сразу ухнула в пышный сугроб, провалилась в заметённую колдобину выше пояса, рассмеялась взахлёб, упала как в детстве, скрываясь с головой. Моментально озябла в шёлковом платье, отбрыкиваясь и отдуваясь, искала пропавшую шапку — вот напасть — и не могла найти. Смешнее не придумаешь, загорелось дурёхе подурачиться — и попала в снежный плен, вот будет буча, когда кинутся искать её. Страсть как холодно! Разгребала жалящий снег, руки заломило до запястьев, нешуточно барахталась и наконец-то нашла. Отряхнула цигейковый малахай, самосадом пропах и потищем. Настя любила этот горчайший запах, утонула лицом и не могла надышаться родным духом подкладки. Остро чувствовать запахи, связанные с родиной, впервые выявилось за двести километров, когда матушка переслала однажды свёрток и она, оставшись одна в комнате общежития, прильнула к подарку щекой, не могла надышаться сыроватым хатним духом. От полушалка пахло пряно полынком и сохнущими мотками шерсти, так пахнет протопленная печь

и перина с детскими разводами. Запорошенная и румяная подошла к сараюхе с нахохленной соломенной крышей — решила навестить тётку Софью, старушку восьмидесяти лет. В памяти — потрясающая картина: дробнотелая тётка примостилась на чурбаке, кровянили губы — рвала зубами пересохшие кукурузные початки, очищая таким образом, опустив искорёженную руку непослушную в подол — отшибла вагонеткой на свинарнике, мучилась с кривой и шутила: «Коли пухнут — секирой рубаты до локтив?». Твердозубые чекрыжки лущила безвылазной зимой на полатях.

Всё так же в сенцах пузатые чувалы да косицы золотистого лука, тикали ходики в чистенькой кухне, которая одновременно и прихожая, разделённая голубой переборкой, оклеенной поздравительными открытками и старыми брежневскими газетами. Вспоминали, когда Софья брала девчушкой на свинарник, и Настенька пугалась огромных хрюшек и южащих розовых поросят, большеглазая лепетала: «А сколько у тебя управлялки!». За награду — орден Трудового Красного Знамени — ударница Софья надеялась последние десять лет получить доплату к пенсии и всех расспрашивала: положена ли ей какая-то льгота или нет. Теперь допытывалась у племянницы, которая законов не знала, проживая не в глухой деревне, а в областном городе — непонятно, почему?

«Дед-то Иван доходчивый был — не чета вам, скоромыжникам — рукодельный, робил деревянные гребни, с которых смыкали коноплю, мастер на всю округу, прялки собирал, хомуты, колёса, по-бочарному смолоду… Грамотный, зимой всё Библию читал». По рассказам Софьи выходило: в пятьдесят седьмом году у брата Михайлы к ноябрю жили впроголодь и Настя появилась на свет в крепкий мороз — шапки инея дышали холодом, наросшие на глухую стену возле выстывшей лежанки. Настюшка пухлюсенькая, выглядывает из-под овчинного кожуха, посмактывает нажёванную соску и, капризничая, выплёвывает тряпицу со слюнявым мякишем. Немощный дед Иван тихонько скребёт мышкой на печи — болел и боялся хлебца попросить. Ивана Прокоповича Настя не помнила совсем, потому что он умер, когда ей было два года. Всматривалась, в картонной оправе портрет, представляла статного, седого, с белой бородой до пояса. «Добрый мой человек, вот и пришла к тебе за благословением…». С трепетом, как перед иконой поникла, закрыла глаза, нахлынули слёзы — не зря потянуло в старую довоенную хату.

Наутро провожали сватов, опять пришли соседи. Сухонькая тётка Софья, опёршись на сестру с Сударевки — Таню, танцорку разудалую — в простом, с кистями, коричневом полушалке, стояли поодаль, приклонившись головами, как деревенские подруги, пригорюнившись, сунув руки в рукава. Похмельные мужики подзадоривали Михайлу станцевать на прощание «цыганочку», на что он отвечал глухим хриплым голосом: «Для менэ цэ погано — растуваться со сватом». Прибежал, запыхавшись, мокроносый малец из мехотряда, селепая, затараторил: автобус хуторской обломался, но бригадир приказал молоковозу заехать и забрать гостей до центральной усадьбы.

Зябнувший жених томился на соломе просторных тракторных саней, уткнулся в искристый от пара мех воротника, задумчиво смотрел на колею «московской» дороги. Распахнулась панорама голубеющего леса; волнистые бескрайние поля; блестит след полозьев; рождённое с потугом, яркое солнце резануло по глазам. Разрасталась заря с зардевшими облаками. Скрутило тело жгутом от неудобной позы — опирался локтем и затекали ноги в негреющих сапогах. В провожатые увязался чифирыжник Репей в кургузой «телаге», потирая белеющее на морозе ухо, балаболил с отцом жениха. А Сергей думами оставался там, где среди раздолья живут замечательные люди. И бедный Михайло стоял растерянно у некрашеной калитки, маленький, в головастых армейских валенках с отворотами.

ШТАНЫ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Старший брат Фёдор прислал посылку — матерчатый мешочек с сургучными печатями на боковых привёртках. Семён резал ножом шпагат и жалел — могло бы сгодиться на завязки. Упаковка оказалась пожелтевшей застиранной наволочкой. На пол выпали добротные литые сапоги, свёрнутые голявками и переторочённые суровой ниткой. На краю стола развернулись брезентовые штаны и пара байкового белья.

Он задумчиво разглядывал обломок штампованного сургуча, дышал на него, блестящий рубец запотевал и отходил. Примерял сапоги на шерстяной носок, просаживал ногу, ударяя каблуком в пол и радовался. В сельпо можно купить чёрствый хлеб, фасованную соль, бочковую сельдь с душком, но такое добро никогда. Подгадаешь в покупке парусиновых туфлей, в базарный день доберёшься до райцентра за глубокими калошами и ходи напропалую лето, легко и дёшево. Литые сапоги — вещь неоценимая. А таким штанам, в каких работают портовики, в деревне сносу не будет. Если подберегать и надевать по случаю, тогда на полжизни хватит.

И вот такой случай выпал. Сидел на приступке, курил самосад, только что замостил горбылёвый пол в свиной закуте и наслаждался как одобрительно поюживал кабанчик. По двору валялись сучковатые обрезки, завитая стружка, рубанок и гнутые гвозди. Прикостылял сосед, просил отсыпать табачку. Неторопливый разговор: стельная корова его отравилась, пригласил молодого ветеринара — ни черта не понимает — мазал ихтиолкой горячее вымя. Обстоятельно говорили про макуху, подсолнечное масло и наконец договорились сходить на колхозный ток за семечками — пора приспела — утречком вывезут из буртов на маслобойку.

Жгли сухую ботву на огородах, над садами и крышами гулял сладостный осенний дым. Чумазые пострелята варили нелущенную кукурузу в ведерном чугуне. Улеглась пыль тучного стада, дзынькала струя молока в подойник, блукала незалученная корова и бодала соседский стожок. Натруженное солнце садилось в хмарную тучу, медленно смеркалось.

Малохоженной тропкой по неукосному старнику топкого яра они пробирались молча. Когда выбрались из лога и хромой сосед уговорил передохнуть, задымили, отбиваясь от комаров. Да нужно было время выждать, покуда совсем стемнеет и, присев на подвёрнутую ногу, Семён разговорился:

— В пятьдесят четвёртом году сделал вызов Федько. Мы тоды печку с немым Алёшей перебирали, в тот день. Я и побег к сельскому с метрикой выписку из трудовой требовать. Книжку-то на руки боятся отдавать, кабы не умотал с колхоза. Забулавила баба моя грошей в узелок, лапаю всю дорогу штопаный карман. Ну, прибыл в город Питер, соскочил шустро с третьей полки — добро! Пот глаза заливает, тернусь — рукав чёрный. А тут милицейский сержант, дела такие, стревают на вокзале китайскую делегацию и мне нельзя туточки грязному находиться. Он меня заводит в паликмахерскую: давай, говорит — обдуйте этого гражданина забесплатно, потому как он из деревни! А что, мы люди маленькие, только полюбился я милиции. Ну, Федько быстро нашёл, он старшой, из деревни сразу убёг как зажимать стали, на Кировском устроился, а последнее время в порту ворочал бочки — надсаживался, дак присылал на спробу рыбину, жир до локтей течёт. Радый он встрече, всё как у людей, чин чинарём — выпили и закусили. Как-то один я в комнате остался, скучился да и вышел продыхнуть, с балкона видать — близочко вино на разлив. Замок английский возьми и захлопнись, а ключа у меня нету. Гуляю по Невскому, у тролебуси катаюсь, остановку объявили, и я попёр на выход — против людей ломлюсь, милиционер в турчок. Остановил и к себе зовёт, молчком в люльку затолкнул. Главная милиция на Урицкого, офицер дежурный от стола, на своего: ты, мол, кого при-

вёл, видишь, человек со справкой, вези на место откуда брал. Свистун с мотоциклом к тому самому столбу доставил меня, а я говорю: ну что, сшиб трояк? Вернулся домой и рассказал своей, так и было сто чертей…

Семён глубоко вздохнул, затушил цигарку, поднялся, озираясь кругом. Ночка подкатилась воровская, темень непроглядная — хоть глаз коли. Колхозники промышляли, сторож пьян вдрободан, верный пёс преданно охранял его сон, возлегая поперёк навзничь храпящего в щелястой будке.

Перед буртом мужики договорились возвращаться поодиночке. Сеня нагорнул полный мешок, приподнимая за края, утрамбовал, собрал гармошкой кромку, перевязал кордовой ниткой из комбайнового ремня. Честному бригадиру воровать не требуется, ему задарма подводой подвезут средь бела дня. По законам равноправия рядовые колхозники не упускали возможности разжиться. Безопаснее всего — продираться через терновник, низиной ближе к родной хате. Колючие лапы норовили хлестнуть каждой веткой по лицу. Задыхаясь, вылез из лога, залёг передохнуть. Недальный путь оказался мучительным, будоражила острая как боль мысль: до каких пор труженик вынужден красть? Вот прожил семьдесят лет, отдаю колхозу умение трудиться и здоровье, и смолоду приспосабливаюсь. Я не хочу так жить!

Запнулся и грохнулся грудью, дыхание перехватило, подбородок разбил, отлежал, отдышался, хотел бросить ношу и опять взваливал, двигаясь наугад. Напряжённо вслушивался, хоть бы собака тявкнула — и легче идти. Неясный шорох, так кусты шелестят, что это, кто-то зовёт из темноты, слышнее, различимо: «Шш-еня» и ещё шаг — «Шш-еня». Вкрадчивый шепелявый голос и не голос, ускорил шаги — «Шш-еня, Шш-еня» — и взмок от переживаний. Уже во дворе, когда пил из корца колодезную воду, разоблачился — шоркали складки широких штанин над голенищами.

Через полчаса старый Семён, поджав колени, на русской печи, где под подушкой валенок, уснул накрепко. И приснился в ночь под воскресенье неведомый город, будто и не земля под ногами — облака. Проплывают дворцы изукрашены, купола горят на заре золотом, фонтан брызжет на разгорячённое лицо — чудное видение. Сгорбленный человек улыбался во сне.

БЛИЗКИЙ ЧЕЛОВЕК

«А свадьбы, свадьбы-то пошли, ну Господи, ты посмотри только. Что делается, а? Это праздник для человека. Раз в жизни. Настоящий праздник. Я помню, свадьба была у нас в деревне. Большая, народу много — полсела. Тут и пляски, и старики, и молодёжь. Ах, хорошо-то как на природе. Воздух с речки прохладный, сеном так духмяно пахнет, что грудь теснит. Чуть только выпила я, и головушка закружилась, ноги сами в пляс пошли. Там Ванечка какой-нибудь не очень умело и гармошку дерёт, весело. Платья длинные, рубахи узорами и подпоясаны. Мужик какой не стерпит, заложит руки за голову и понесётся вскачь. Из дому-то вышли, вечер уже и солнце село. Вокруг так тихо… Леса обступают холодные. Хорошо на душе, возможности нет сказать. Радость за молодых. Свадьба народная, весь народ играет. Там уж не смотри, приглашал его аль нет. Костёр большой, жаркий за баней разложен и в кругу. Шуточку как отколят! Народ после поля, разворот душе нужен. И поплакалось мне на той свадьбе, и погоревалось. Жизнь свою вспомнила. А потом уж, под утро, тут и солнышко всходит, легко мне так. И выплакалась я, ничего меня не волнует. Жить да жить. А жизнь она вот какая.

Семья большая, мать рано умерла, отец тут тоже где-то быстро и тихо. Что мы? Бегали, собак по селу гоняли, в школу ходили. Ну, конечно, и поработать досталось. На гумне. Молотить цепами. Ты попробуй, ручушки с первого раза отвалятся, и мозоли пойдут кровавые, а работать-то надо. Двор тоже порядком, как вспомнишь.

И сарай, ну хотя небольшой… Отец был крутой, суровый характер такой, у-у, что ты, и не говори. А на поле пойдёшь, взялся работать, так уж вкалывай, спины не разгибай. Жали вручную. Всё хорошо. Когда там, в конце года расплатятся за твои трудодни, а жить надо, кормиться надо.

Война тут. Про это говорить трудно, как вспомнишь. Ничего нет тяжелее войны. Хоть я не воевала, но под немцами нажились. Страху натерпелись. В землянке в этой всей семьёй, отец живой ещё. Помню, корову отняли немцы, отец поседел к утру. Кормилицы лишились. Веришь, пахали на себе, восьмером, в году так в сорок четвёртом. Лошадей нету, какие там тракторы, и власти никакой. Ни немцев, наши-то погнали их, а мы сами по себе. Живём. Хорошо — леса кругом. Пораньше людей встанешь в лес, срубишь здоровенное бревно по себе. Так строились. Хотелось пожить после войны по-человечески, в своём доме, чтоб над тобой не капало. Трудно жилось и рады были, как кто-нибудь на наших десятидворках заиграет — туда. Невестились, женихались…

А потом судьба забросила в Москву, там дворником, на заводе работала, потом в Сибирь послали, на Енисей. Встречали нас с музыкой…

Ах, да что там. Хорошо, где нас нету. Я деревню помню. Приедешь домой, отсидишься на лавке — и к окну, легко так станет. И на улицу охота к девкам, и на лавке хорошо. Птицы примолкают, всё тише говор по деревне, как будто ночью, как одеялом, кругом всё покрывается, тише, тише собаки перебрёхиваются. Лето первой половины сухое, горит всё кругом, потом по ненормальному как начнёт лить, ну всё, помрём с голоду — не будет хлеба — повалит ливнем да сгниёт на корню. Отойдут дожди, передых вроде, Господи, не надо, хватит уже. Глаза слипаются, спать тянет, про годочки свои вспомнишь, а цвету в этом году и не видала. Не гуляла по садам, не дышала вволю мятной прохладою. А так, как лошадка, всё быстрее, быстрей, утром глаза протрёшь, весь день спиной к солнцу, а к вечеру ног не чуешь, гудит всё тело — домой тянешься.. Так и жизнь вся прошла. Ещё б вот на деточек твоих хоть глазком одним, а потом и собираться туда надо».

Продолжение следует

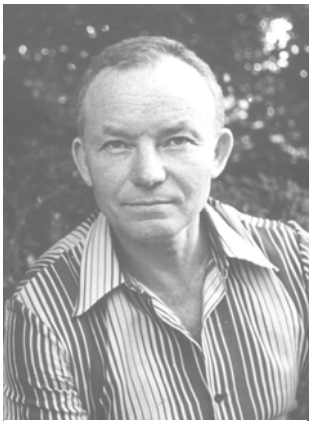

Фото Александра Дорогана

ИЩЕНКО
НИКОЛАЙ НИКАНОРОВИЧ

Я родом из заснеженного декабря, 1938 года, из Борисовки, заповедной сторонки, украшающей нашу Белгородчину.

Помню войну, то есть немцев, по запахам и вкусу: сигаретность, одеколонность и потрясающий горохово-мясной суп…

Семейка? Кроме меня — матушка, старшая сестра Дуня (смиренные, абсолютно советопослушные неокрепостные XX века из самого святого и страдательного крестьянского сословия), старший брат Иван, горбун, лихой сапожник и заливальщик.

Отец, солдат, пришедший с неметчины, тот же Яшка из рассказа Тургенева «Певцы». Широко и красиво пел… И тоже излишне дружил с горькой… Закопали его в 47 году в мёрзлую землю. Этой горестностью обусловилась вся моя жизнь. Пропадал от голода, учился, как все. Остальное исключительно. Выходил в люди «без чьей-либо наводки» и тем более опоры.

С 16 лет свет мерк от костного туберкулёза. Снова пропадал. Относительно выстоял. Навсегда остался с ущемлённой надсадой: ослабленной телесностью.

Нюхом чуял: спасёт божественное для меня солнце — искусство. Ждал от него жизни, счастья и достоинства. Учился профессиональному рисовальному художеству в училище. Многие годы через силу учительствовал. Преподавал в культпросвете.

До этого испробовал земляного труда: обихаживал солидолом комбайны. Служил зав. пневматическим тиром и зав. клубом.

В течение лет сорока писал тексты, вроде бы литературные… Лет 50 рисовал. Сначала так… Затем лет сорок творчески. Систематически представлял свою графику на профессиональных выставках. Лет двадцать, можно сказать, профессионально (ибо учился вокалу) пел романсовый репертуар на сцене.

Иллюстрировал книжки наших славных белгородских литераторов, но не побоялся подступиться и к Достоевскому.

Писал театральные декорации. Жил преимущественно в аскезе и целомудрии. И всё же рванул инфаркт в середине бандитских 90-х годов.

Очень помогли прекрасные люди Белгорода — Г. Г. Голиков, А. И. Сафонов, Ю. А. Селиванов, А. Т. Катков и другие.

Собирался прожить два-три года. Живу уже около 10 лет. Моя любовь ко всему самому чистому, праведному и высокому крепит и держит. Пью из Кастальского святого ключа… Пил, пью и поныне.

Вот, порой печатаюсь… Несколько работ определил в художественный государственный музей на века… Не возражал бы вместе с тем встать в ряды профи. По вязанию кружев из слов… Пусть даже если и у той самой черты… Всё.

Снегин-Ищенко

Май 2006

НА ХУТОР — К КУЗЬМИЧУ

Александр Голенищев, талантливый пейзажист, не чужд был также и портрету. Встретив как-то в электричке занятного человека, скотника Пантелея Кузьмича, он договорился с ним о написании его портрета. Прямо на хуторской ферме недалеко от города.

Позже предложил своему приятелю художнику-графику Андрею разделить с ним такой художественный экскурс, обещавший быть весьма интересным. Тот согласился. И вскоре они были на пути к хутору, где жил и трудился с семьёй Кузьмич, будущий их натурщик.

Попутного транспорта не оказалось, когда они вышли с пригородной электрички через несколько остановок от областного центра, а так как вокруг властвовала погожая осень, то они решили почувствовать себя путешественниками хотя бы и на расстоянии каких-то пяти-семи километров. Им предстоял энергичный марш-бросок среди живописных сельских красот с привалами и лёгкими разговорами.

Такое дело их приятно завело и они бодро, щедро нагруженные художественной «амуницией», двинулись вперёд. Над землёй во всю амплитуду движения глаз величаво плыла послеполуденная нега «левитановской» осени. Им встретилась, казалось, заброшенная узкоколейка. Пересчитав некоторое количество её шпал, они тотчас уступили дорогу угольно-чёрному паровозику с двумя вагонами. Вагоны пестрили цветистостью детства, слышались смех, весёлые возгласы. Машинист и кондукторы выглядели не старше двенадцати-тринадцати лет. Стало понятно: детвора играла в профессиональных путейцев. Художники ещё более оживились, разулыбались. Паровозик с парочкой вагонов, будто сбежавших из железнодорожного музея, за золотом всё ещё густых ракит, предварительно выдохнул на необычных путников прорву жаркого, ватного пара. Они ещё немного прошагали и оказались на целинном лоскутке земли, узорочно декорированной кустами бересклета и пожухлым шёлком трав.

Андрею хотелось озорно поваляться в этой прелести, но он не выказал себя в этом: сугубо серьёзный Александр возразил бы ему. Они не желали искать каких бы то ни было дорог, а шли и шли по гобеленно радужной земле, помаленьку приближаясь к голубовато-лиловому леску, к крапинкам селений.

Голубоватый подвыцветший ситец неба расцвечивали пролетающие косяки птиц. Повсюду, куда ни кинь глаз, колыхалась перламутровая зыбь бабьего лета.

Художники наслаждались врачующим воздухом, вслушивались в тишину, приглядывались ко всему, что могло бы когда-нибудь понадобиться для этюдов, а то и для экспроматических картин.

— Андрей, давай притормозим… Отдохнуть бы что ли… — сказал Александр. — Да и каблук на моём одном штиблете поехал совсем некстати в сторону.

Он нагнулся, закраснел лицом под тяжестью обильно заряженного этюдника и сокрушённо выдохнул:

— И-э-э-эх, чёрт, на волоске каблук… Ну, да ладно, Кузьмич, я думаю, на все руки мастер, там у него что-нибудь придумаем…

— А по мне хоть и босиком… А? Саш, ты как? — оживился Андрей. И сам-себе: «Хотя нет, куда нам, грешным… Землица хоть и тёплая, но колкая. Осенняя — одно слово».

Через час-полтора они свернули на вольно распластанный по-над речкой-шептуньей луг. Он веселил взгляд свежесработанными копнами позднего сена. Тёплое предвечернее солнце лепило всё вокруг выразительными объёмами, насыщало густым приглушённым цветом. На заросли всё ещё плотного, подбитого старой латунью ивняка, невесомо садились голубые стрекозы.

Андрею казалось, что он слышит неслышимые, как бы ультразвуковые шорохи их прикосновений к чуткой, слегка покачивающейся остролистнице.

Постепенно всё более явственней проглядывался лес. В уютной прогалине его, будто обрамлённая им, хорошо была видна скромная сельская церквушка, выголубленная и «вызолоченная» чьими-то добрыми руками. Над единственным, бликующим от солнца крестом зависало какое-то время розовое облачко. Угадывалась также среди зеленей и тёмных латок осенней вспышки маленькая стройная фигурка молодой женщины, идущая по длинному отлогому скату с отсвечивающим ведром поближе к ещё рясным, сомкнутым в одну нарядную коронку, вербам. Отражаясь в ворожбе зеркала-воды, они в двойственности своей будили известную мечту о всех возможных прелестях сельщины, воли, здоровья…

Женщина плавно и широко зачерпнула воды, спугнув белую утиную россыпь, повернулась и пошла назад, в гору, крепким уверенным шагом.

— …Благость-то какая… Ты бы, Андрюха, выдал стихи о чём-нибудь таком… Ну, понимаешь… А? Даже меня пробрало, толстокожего… И отдохнуть не помешает, — сказал Александр и стал примериваться к лёжке-посадке. Андрею пришёлся по душе настрой приятеля.

— Ну что ж, можно и стихи… — мечтательно произнёс он, опускаясь на чистое сухое «ложе» травяного взлобка. Глаза его с тёплым прищуром улыбались. Солнце обоим теплило спины. Андрей начал внятно и напевно проговаривать удивительно живые строки Федора Тютчева:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Прозрачный воздух, день хрустальный,
И лучезарны вечера…
……...
Пустеет воздух, птиц не слышно боле;
Но далеко ещё до первых зимних бурь,
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле. [1)]

Сашка лежал, запрокинув руки далеко за спину и чуть поводя туда-сюда широким храпастым носом. Смотрел на «чистую тёплую лазурь…». Выдержав паузу, Андрей продолжал:

Живя, умей всё пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать, о чём тужить?
День пережит — и слава Богу![2)]

— Ах, если б можно было так, — сокрушённо вздохнул Андрей, — вот читаю, а сам думаю: красиво, но не реально! Умиротворяет, но лишь на мгновенье. Мы ведь желаем так много… И всё нам мало, мало… Вот мы с тобой сколько уже настрогали работ. Были и удачные, а разве мы успокоены? — завёлся Андрей.

И грустно добавил:

— Если бы нам обречь действительно ту свободу, ту, что зиждется исключительно на желанной радостной необходимости… Мы — вроде бы как тот паровозик на рельсах. Они плотно удерживают наши «колёса» только в одной функциональной заданности… И катятся всё по одной узкоколейке. Стоит сойти им с неё, и — трахбах! Крушение! Они не универсальны — и тем жалки. Нам, художникам, это, как никому, понятно! Универсальны были лишь титаны Возрождения. Отдельные героиодиночки. Вспомни, как затёрли буржуа того же Крамского, когда он перестал удовлетворять их вкус (портреты бесчисленные, с фотографическим сходством, сухова-

1) Цитируется по изданию: Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений. Изд. А. Ф. Маркс, СПб, 1913, стр. 128

2) Там же, стр. 109

тые, но классно в ремесленном смысле сделанные). Стоило ему свернуть в сторону своего сокровенного, чего-то принципиально иного, как сразу же ему — крышка. Не дотянув ещё и до пятидесяти, больной, нищий, он ушёл из жизни.

— Да… Примерами подобными переполнена история и русского, и мирового искусства, что тут скажешь, — подтвердил Александр.

— Саш, а ты помнишь, кто был одним из самых свободных и вместе с тем самых благополучных художников, скажем, в 80-х — 90-х годах XIX века?

— Не помню что-то, — попробовал отделаться тот от въедливого Андрея.

— С тобой всё ясно. Не читал ты «Далёкое близкое» И. Е. Репина, или читал и забыл… Там он колоритно рассказывает о Щербове — такой был занятный оригинал. Мастер графического шаржа. И зимой, и летом ходил в кожаной куртке. Жил холостяком. Однажды заказал себе чемодан размером в свой рост и поехал с ним путешествовать в Среднюю Азию. Спал он в этом чемодане, прятался в нём от скорпионов. Ну, как? Не правда ли, отменный чудик? Дом в Петербурге громадный построил. Никому не служил. Никому не угождал. А почему? Да всё потому же… Мир живёт преимущественно материей, зоологией… А дух — так, больше для красных слов. Вроде ласточкиной слюны для гнезда… Что-то она в гнезде вроде бы крепит… Короче — родственничек какой-то состоятельный наследство ему отвалил по уходу своему. Вот и тешил всю жизнь себе душу этот чудик — Щербов.

Сашка лежал, жевал соломинку, потом ,встрепенувшись, молвил:

— А мы — короли! Наконец вырвались из занюханных мастерских! Если мы даже и не застанем Кузьмича на хуторе, я жалеть сильно не буду, думаю, найдётся, что там нарисовать-написать. Так как? А? Андрей… Поддерживаешь меня?.

Тот молчал. Говорить уже не хотелось. Всё, что жило, зудело, дышало вокруг, просилось на холст или графические листы. Выстраивалось в готовые завершённые композиции. Ничто не удручало, не заботило художников. Они словно забыли, что жизнь уже успела их обставить хоть и любимыми, но как-никак требовательными «короедами», т. е., сынишками, дочурками, ведь они — отцы… Им хотелось думать, что не ждут их там, в городе никакие «ярмовые» опостылевшие заказы, всякая оформиловка… И вольными казаками тешатся они тут, а впереди их обязательно ждёт что-то из ряда вон выходящее…

Думалось о самом желанном для любого настоящего художника, какого бы масштаба он ни был: о творчестве. Свободном, выношенном в себе и для себя, а после, если ты человек, а не хамло, если любишь… Думаешь о радости для себя, для людей… То непременно пожнёшь пусть временное, пусть трудное, но чистое непримутнённое счастье! И человеческие лица, и все времена года наилучшей в мире русской природы — всё хочется обнять, понять, притереть к своему, без ложной скромности, уникальному **эго!**

И музыка, музыка жизни, а не её грязь, пошлость… Вон сколько ещё всякой дряни наворочено! …Какой «саранчой», кажется, множится всяческая гнусность, вылезшая из всех тёмных щелей, особенно их теперь проживаемого — так называемого реформаторского — «усечённо-демократического» времени!

…Перешли через кладку на тот бережок речки, на котором они любовались водоноской. Как величаво струилась, переливалась праздником осень! Поравнялись с той церковкой, с деревушкой, рассыпанной ожерельем по обе стороны, чуть поодаль от церковки.

— А всё-таки — какое это несуетное дело — строительство христианских, да и всяких храмов. В том числе и в наших душах. А? Саш? — опять возник Андрей. — Такая несуетность веками складывалась не падкими до наслаждений плотских нашими предками — русичами. Мы владеем бесценным **гимном Памяти,** сотворённым ими и нам во спасение тоже.

— Ну, здоров ты вумные фортели «философские» закручивать! — сказал Сашка, с прищуром вглядываясь в недалёкие уж, после прошитого ими леса, очертания искомого хутора, уж очень желанного для него.

— Ну, знаешь, — чуть раздражённо, как бы для себя самого, тихо, но упыристо продолжал Андрей, — не стоит фортелями философскими обзывать любые здравые культурные рассуждения. Часто наш русский мужик, сам любитель-философ по природе своей, тяжко терпит образованность, знание истории нашей… Унижения боится… Природностью своей хорохорится, простотой одной. Но ведь простота бывает, как известно, хуже… И часто, кстати, наши ближние, поборники простоты и доморощенности, так охотно шпыняют некоторых «философствованием»… Ну, расфилософствовался… мозгосушительство затеял и т. д. С насмешечками эдак подтрунивают… Всегда, заметь, когда встречаются с людьми сердечно и много мыслящими. Умеющими к тому же выразить свои мысли, — постепенно разошедшись, кромсал воздух речью своей Андрей.

И снова:

— Имею я право на свободное выражение? Да — осень чудная. Да — мы отдыхать должны. Но не захлёбываться же в восторге! Возможны у меня, пусть и сейчас, какие-то сложные переживания? Вот я такой! Они кратковременные. Я тоже жду встречи с хутором. Не меньше твоего. Однако… Продолжаю: если на меня нашла, скажем, тучка тёмная… В чём спасение? В способности мыслить! Вдумчиво, разнообразно, руководствуясь единством плохого и хорошего. Понял? Диалектику учил? То-то же. Вот тебе — и успокоение в самом себе. В жизни моей чёрных тучек было, что семечек в гарбузе! Когда человек стремится к разумению жизни, он избавляется от гнёта глупой суеты, от злобствования, от желания во что бы то ни стало унизить ближнего. Разве такая способность не есть благо? Не достоинство?

Сашка шутейно изобразил из себя стойку «послушного ученика». Пялил глаза на Андрея. Чуть дурашливо, по-доброму.

— Мне необходимо крутануть круг до конца, — сказал Андрей, — я продолжаю… Так вот… Я бы пожелал каждому землянину умения «философствовать». И тогда бы не так подло, унизительно, не так хамски, а многие — и больно проживали б свои земные сроки!.

— Тебе бы в писарчуки податься, — серьёзно прокомментировал Сашка, — графика-то твоя — дело нелёгкое, да и не хлебное. Кислоты, травление, надсадное упёртое резание линолеума, других основ — всегда не только адское психологическое напряжение, но и физическое истязание… Зачем тебе такое удовольствие? Ты подумай. Музе-то одной всё равно будем служить. А? Зато — царапал бы ты помаленьку в уголочке где-нибудь сбоку-припёку пёрышком-стерженьком… Или стрекотал бы пишущей машинкой, а то и, поднимем выше, на компьютере стучал.

— Ты знаешь лёгкие дела? Я не знаю. В живописи твоей легче? Не думаю. Живопись-то она тоже все соки выжимает, если только по полной программе выдаваться… Хотя что-то в твоём совете есть… Я совмещать буду. Графику, писарчуковое дело… А почему нет? Репин, Грабарь, Крамской, Чистяков, Петров-Водкин, Коровин — все эти большие художники были одновременно и прекрасными литераторами. Было бы желание да подмога Провидения! А вообще, Александр, мало я в тебе **трепета** замечаю, порой совсем не ощущаю.

— Ха! Трепета… Как же, как же. Ещё каким трепетом я сейчас одержим! Знал бы ты, как трепещет сейчас мой желудок, прямо сотрясается от того, как представлю себе, наверное, точно представлю, угощение на хуторе Кузьмича. Не оставят ведь они нас голодными. Сперва бы — молочка холодненького из погреба... Со сладкой шкурочкой.

Вразброс поставленные чуть лупастые глаза Сашки смеялись, Андрей понимал, что, конечно же, в целом согласен с ним. Александр просто любил подтрунивать над юношеской запалистостью Андрея. Мужиком, на его взгляд, в общем-то дельным, искренним, хотя и с излишне стриптизёрской душой. Всегда он весь… Ну весь — нараспашку. Нате меня! Ешьте! Режьте! Презирайте! Издевайтесь. Поднимайте на пьедестал! Трудно ведь на такой **вынос** жить. Но он — хозяин над собой… **хозяин.**

Однако, всему мера должна быть. Надо было торопиться. Хутор почти рядом. По ту сторону селения солнце к кромке земли, к группе строений приникло. Вокруг солнца — последний ярко-оранжевый сегмент ещё горел. И начал тухнуть. Горизонт подёрнулся ровным серо-розовым сиянием, кое-где украшенным мазочками смутного изумруда.

Художники немного приналегли и, диагонально перечеркнув капустное поле, оказались напротив подворья Пантелея Кузьмича.

Слева от них по-доброму насупленный, похожий на гриб-боровик, основательно темнел сарай. Справа— хата с резными деревянными ставнями и небольшой палисадник… Из него через аккуратную плотность лозиной изгороди вылезали крупные лохматые георгины.

В одном из окон мелькнуло броское девичье лицо. Из открытых сеней выскочил симпатичный ушастик, крепенький хлопчик лет шести-семи, будто из молоденького дубочка вытесанный. И, как заключительная нота многообещающего аккорда, ступила на невысокое ладное крыльцо сама хозяйка: женщина лет сорока пяти. Её красноватые, как бы парные руки, продолжали по инерции двигаться, словно продолжая тем самым только что начатую или завершённую работу.

— А, гости. Хозяин предупреждал меня. Говорил мне о каком-то художнике, а вас, оказывается, двое... Ну ничего. Места всем хватит. Самого-то нет. Дела… Заходите, заходите. Отдохнёте, поужинаете.

Рядом с хозяйкой стоял, незлобиво порыкивая, громадный, головастый пёс. Похоже из породы прикавказских степных овчарок. Видно, ему приглянулись пришельцы. Бородатые. Весёлые.

Через короткое время они, умытые, сидели на мягком диване в горнице. Пахла она яблоками, молоком, травами и немного скотным двором. Последнее сперва смутило Андрея, но он принюхался и обошлось. Зажгли лампы. (Хозяйка сетовала: никак не удаётся свет провести). В святом углу поблёскивала фольгой икона Николы-Угодника.

На просторном столе, покрытом клеёнкой, стала появляться разная вкуснятина: в полуведёрной сковороде — жареная картошка с салом, индюшатина подрумяненная, сочные ярко-красные помидоры, то самое вершковое молоко — предмет дорожной мечты Александра — и в довершение ко всему запотевшая бокастая бутылка самогона с торчащей из горлышка капустно-кочанной затычкой.

«Да-а… Питаньице явно не для слабаков-гастритчиков», — заметил про себя Андрей.

Сооружала ужин та самая девушка, мелькнувшая в окне. На ней — чёрная юбка, голубая кофточка. На лбу — тёмная городьба чёлки. Губы породисто изогнутые, не типично крестьянские. Чёрнослив ные глубокие глаза почему-то печально бесстрастны.

Хлопчик по имени Васька с энтузиазмом, довольно сопя, приволок огорошенным бородочам толстый семейный альбом. Он без стеснения подсел к ним, и, болтая ногами, склонив над альбомом вихрастую голову, начал с помощью указательного пальца и невнятного комментария, охотно проводить «экскурс» в историю жизни своего семейства.

Андрей, хронический женолюб и потенциальный изменщик своей жене, заволновался: девушка глянулась ему необычной диковатой красотой.

— Как зовут Вас? — отвлёкшись от стараний Васьки, спросил он её.

Девушка только мимолётно взглянула на симпатичного гостя и вновь принялась за своё…

— Глухая она у нас! — пояснил Васька.

— Как глухая? Такая милая девушка… И глухая?!

— А так… Глухая и всё. Доля у неё такая — по-взрослому с неожиданным тоном безнадёжности, заключил вездесущий Васька.

После обильного одуряющего ужина, не упустив даже возможности пропустить по 100 граммов крепкого первачка, художники как-то разом сомлели и с удовольствием вышли во двор. Настя (так звали девушку, дочь хозяев) в это время стелила им в сарае на сеновале. Несколько раз она пробегала по двору. Один раз, как заметил Андрей, с каким-то пузырьком…

Он любовался энергичным перебором её сильных стройных ног и всё явственней чувствовал в себе совершенно неуместное в такой ситуации, двусмысленное волнение…

Настя жестами пригласила гостей в сарай на отдых… Проходя мимо неё в оттвор сарая, Андрей как можно эффектней задержался перед нею, расправив плечи, подав голову чуть назад, кивнул головой, выбросил руку в сторону виднеющейся церковки главного селения, в котором, по докладу Васьки, спокойно можно заняться танцами-манцами в тамошнем клубе. Настя опустила веки и со слабой застенчивой улыбкой отрицательно покачала головой. Андрей грустно и мгновенно сник. Настя из прохода выпорхнула.

Андрей глянул на светло-лиловую смуглость неба — оранжевыми свечками зажигались звёзды. Высветился белёсый серпик месяца, коснувшись оголённой яблоневой ветки.

Довольный всем на свете Саша шуршал деловито сеном где-то вверху сарая. Чему-то смеялся. Андрею так не хотелось идти на сеновал. Сна — ни в одном глазу. Спать… Какая скука! Он молчал, думал, так и не заходя в сарай. Чтобы побороть в себе чувственность, он усилием воли переключился на своё привычное занятие: размышлять об общем. Он подумал и в эти минуты о некоей высшей **правде,** хотя о какой правде? Ведь она у каждого — своя. У грешника. У праведника… Нет. Скорее — об **истине.** Извечно недоступной, но влекущей… О Князе мира сего, который, якобы, уводит от этой **истины…**

Он тряхнул головой. Подумал: «Не похоже ли моё повышенное внимание к Насте на расставление силков или заманивание дичи под выстрел? Опомнись, художник, семейный человек. Ты зачем здесь оказался? Утрамбовался художественным инструментарием до предела. В голове было только **искусство.** А теперь…».

В сарае было два отделения. Между ними — лёгкая перегородка из дощечек. В одном — куры уже по-куриному спали. В другом — никак не могли заснуть художники. В головы им шибало какой-то непонятной квинтэссенцией запахов: сена, куриного помёта и… одеколона. Сашка, кажется, успешно преодолел такую оригинальность атмосферы: он слабо похрапывал. Андрей недоумевал: откуда одеколон? «Ах, да… вспомнил он, — Настя с пузырьком туда-сюда бегала… Милая девочка… Хотела ублажить их. А может смягчить соседство кур?.». Он подивился такому вниманию юной женщины, необыкновенной, печальной красавицы. «Ну, дела», — вздохнул он и, словно под воздействием анестезии, провалился в сон.

Утром выяснилось, что вернулся Кузьмич. Он вышел во двор и, увидев художников, внёс свою лепту в разноголосицу звуков блеющего, хрюкающего, кудахтающего и гавкающего дворового хозяйства. Бодренькой хрипотцой крепкого ещё мужика звучал его голос:

— Здорово, творцы! Прибыли меня рисовать? Предупреждаю, позировщик из меня никудышний. Работы под завязку.

— О! Пантелей Кузьмич, — обрадовался Андрей, — просим Вас, вот и Александр, и я, а в лице наших персон-фанатиков — от всего **искусства** области, и выше — России, отдайтесь нам хоть на часок… Без Вашего **образа** назад дороги нам нет! К делам успеете. Вон солнце только росой умылось. Потрудитесь немного для нас в качестве натурщика. Это интересно будет Вам! Потом об этом станете рассказывать своим внукам лет через сто…

— Ну, ты заливальщик, парень, — нашёлся Кузьмич, — мне уже пятьдесят!

— Так что же… — подхватил Андрей. — На таких воздухах, да при такой кормёжке, как у вас здесь — свободно до ста пятидесяти годков можно протянуть.

— А как насчёт моей образины тогда? — спросил Кузьмич, — Неужели в ней что-то есть подходящее? — сказал он, поплевав на задубевшую руку и пригладив седеющую свою чуприну. — Постарел я здесь… Всего пять лет кручусь тут с бычками, овечками, а уже вымотался, как изработанный мерин…

Художники кое-как сведения о хозяйстве Кузьмича вызнали ещё до прибытия на хутор в областном Агропроме по инициативе Александра… Хозяйство «Светоч демократии» должно ежегодно выращивать по несколько сот бычков. Они тут, поближе к заливным лугам, проходили главные, положенные им этапы жизни: ясли, детский сад, краткосрочную школу набирания отборного мясца для того, чтобы потом лечь на столы богатеньких диетчиков мягкой парной говядинкой.

— Васька! — крикнул Кузьмич крутившемуся неподалёку сынку. — Коня накорми и собирайся выгонять племя телячье, а то солнце, видишь, уже где…

Он мотнул головой в сторону изумрудных отав, подёрнутых ещё туманом, у подножий меловых взлобков.

Андрей и Александр, отойдя ото сна, успели ополоснуться в недалёкой, притаившейся в лозах, речке. Они ожидательно бросали взгляды на Кузьмича. В нём таился возможный их успех.

Васька, изменив своим каким-то особым намерениям, подошёл солидно к рукомойнику, приделанному к оголённой, не родящей яблоне, защёлкал клапаном. Подкрался старый и чернеющий кот из-за кустов смородины. Посмотрел на Ваську… Несколько повременив, облизал лапу и принялся водить ею по своему свалявшемуся загривку. Аппетитно запахло яичницей и вершковым молоком. Художники, не сговариваясь, заглотнули слюну…

Позавтракали. Кузьмич, затянувшись крепчайшим самосадом, смущённо спросил:

— А вы что, творцы, будете меня прямо в таком затрапезном виде списывать, или слегка припарадиться?

— Нет, — поспешил внести ясность Андрей, — Вы нам только такой, как есть, нужны. Не приглаженный, не прибранный… **Настоящее искусство сильно вдохновением. Силой душевной. Человечностью. Парадность ему чужда!**

А лицо у Кузьмича гляделось очень даже приемлемым. Нос — мужественный, с крупной площадкой. Глаза полинявшей голубени в лучиках морщин с объёмными подглазьями в глубоких выемках плавятся… Подбородок — находка для скульптора: крепко сколоченный из плоскостей, он напоминал классические гипсы копий с образов римских сенаторов.

Зашли в палисадник. Устроились под раскидистой грушей, торкающейся о ставни окон, в лишь слегка пятнистой тени. Для лучшей обозначённости выразительных объёмов лица натурщика Кузьмичу было великодушно позволено курить, но попросили не очень-то ёрзать на стуле, а главное, не менять положения головы в течение определённых временных периодов сеанса. Поначалу Кузьмич смущался, привыкал. Минут через десяток втянулся.

Андрей рисовал углём, пастелью и мелом (одной из техник чисто рисовальной графики). На белом листе полуватмана проводил сначала лёгкие, почти невидимые линии, после чего вдруг их темпераментно усиливал кое-где сочными ударами толстого угольного стержня.

Александр разложил всё необходимое для масляной живописи. Выдавливал краски из тюбиков. Размешивал плоской колонковой кистью светлую охру, смешивал её с белилами, с чуточкой краплака. Полученным цветом делал первую прописку. Безукоризненно белая тугая поверхность холста слегка пружинила. Так начиналось кудесничество живописца. Работа высшей сложности и невыразимого наслаждения.

— А вам сколько платят за это? — спросил слегка было окаменевший портретируемый.

— Не всегда. И не густо. Мы уж сперва о душе заботимся, о радостности художнического дела самого по себе. Хотя жалеть нас ни к чему. Потому что было б здоровье и желание. Заработать можно, порой изрядно, если свою порой сугубо личную творческую гордыню поприжмёшь, — отвечал как всегда, за двоих, Андрей.

Некоторое время молчали. Падали наземь расцвеченные бронзой и краплаком грушевые листья. Из зарослей георгин посвечивали глаза любопытствующего кота.

У Александра, после многих ожесточённых, но не всегда снайперских мазков, работа пошла с блеском. Губы его с назревающей веселинкой зашевелились в довольстве. Он тихо запел: «О-о-о-й-й-й… Ой при лужке, при лужке, Конь гулял по воле».

Кузьмич с одобрением покачивал головой, глядя на художников. Может ему хотелось подтянуть Александру. Вместо этого он только туманился взглядом. На лбу у него сверкали бусинки пота. Солнце давало о себе знать совсем не по-осеннему. И опять было тихо кругом, покойно. Редкие грушевые листья порой садились на плечи Кузьмича, которых, по просьбе Андрея, тот не смахивал. Они создавали ему чистое, тёплое настроение осенней грусти, и поэтому рисунок у него тоже получался немного грустным, без бодрячества, без пафосной значительности.

Мало-помалу на листе «проявлялся» просто крепкий ещё, но по-своему мудрый, поживший человек с мыслями о конкретике каждодневной жизни.

Иногда сквозь замирающую тишину прорывался тихий голос Александра, поющий о том, как «при знакомом табуне конь гулял на воле…».

В тени громадных, сочных флоксов бельмасто дремали куры, недоспав в своей половине сарая. Мимо по двору деловито прошла хозяйка. Сказала озабоченно:

— Не засиделся б ты, отец. Посмотри на себя, какой ты красавец получился! Хорош, хорош… Хватит с тебя… А то Василёк там с телятами один. С малого какой спрос?.. Вы извиняйте меня, уважаемые художники! Работы у нас невпроворот!.

Андрею нравился этюд Александра больше, чем свой собственный рисунок. В нём чувствовались смелость, отличное владение богатой нюансировочной живописью. В своей же работе он видел немало раздробленности, нежелательной приглаженности. Сказывалась многолетняя отвлекаловка в приватной педагогике. Она, как правило, сушит художника… Но теперь он намерен связать свою жизнь с единственно профессиональным творчеством.

А Александр же давно имел прочную репутацию колориста, динамичного раскованного мастера. Вот и сейчас, в очередной раз он доказал это своим портретным этюдом. Андрей делал выводы. Не огорчался. К чему меленхлюндии?..

Домой художники возвращались снова далеко за полдень. Они вдоволь насладились всем, чего желали. Пройдя с километр по пересечённой местности, свернули в сторону грунтовки, которая вела к бетонному большаку. Случай подбросил им попутный грузовичок вместе с любезным водителем. Они погрузили в кузов теперь уже особенно ценную свою поклажу, молодо запрыгнули в него и, довольные всем происшедшим, тронулись к большаку, чтобы спокойно вернуться в город с одной общей мыслью: как можно скорее заняться в мастерских доводкой сделанного.

1993-2002
Белгород

Фото Юрия Марченкова

Дебют

АНДРИАНОВА
НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Автор, которого мы представляем сегодня, пока ещё неизвестен широкому кругу читателей. Около двух лет назад принесла она в Союз писателей свою рукопись. С тех пор перо её обрело уверенность, темы стали более земными, однако, то, что её волновало всегда, а именно отношения реального и ирреального в жизни, внутренние возможности человеческого сознания — всё это остаётся её главным интересом и движущей силой творчества. Главное — во всех её рассказах есть внутренний свет, которого так иногда не хватает в современном искусстве. Живёт она в Белгороде, растит сына и дочь, работает фармацевтом, а по ночам пишет прозу. Один из её рассказов мы и предлагаем нашим читателям.

ВЕДЬМИН КРУГ

Полоска горизонта посветлела. Летний ранний рассвет. Птаха спросонья вяло запела песню и тут же умолкла. В ответ ей слабо «ухнул» филин. Сладко спится перед рассветом. Только Варваре не спалось, всю ночь глаз не сомкнула, ждала мужа. Как уехал он в район, так и не вернулся. К каждому шороху прислушивалась. Вдруг стукнет калитка и деревенские слухи развеются, как ночной мрак. Может быть, наговаривают на её Васю, что каждую ночь проводит в полюбовных утехах с Полиной, что машина всю ночь стоит у неё перед домом.

Варвара вздохнула и тяжело перевернулась на другой бок, обняв большой живот. На сносях она, вот уже восемь месяцев, как носит под сердцем ребёнка. Малыш недовольно ударил ножкой. Варвара погладила живот, успокаивая ребёнка.

Скрипнула дверь в сенцах, Варвара вздрогнула — прозевала всё-таки, ждала-ждала, а как вошёл, не услышала. Василий на «цыпочках» пробирался в спальню.

Варвара, довольная приходом мужа, подумала: «Брешут бабы, от зависти брешут. Вот он, её муж, домой пришел».

Василий тихо лёг на кровать и повернулся спиной к жене. У Варвары от такого внимания заныло сердце. Обняла рукой плечо мужа, прильнула всем телом к нему и тихонечко спросила:

— Васенька, где ты был?

— Машина сломалась, умаялся я нынче, спи, рано вставать.

Варвара прижалась к мужу и вдруг почувствовала не мужнин запах, а тёрпкий аромат духов Полины. Внутри у Варвары всё оборвалось, сердце заныло:

— Правду, значит, бабы говорят….

На подушку полились тихие, горькие слёзы.

Петухи в третий раз прокричали, вставать с тёплой постели ой как не хочется, каждый день одно и тоже: корову доить, на пастбище выгонять, свиней кормить да в поле идти свеклу полоть — Маше, дочери, помочь. Десять лет дочери, а в поле рвётся, деньги зарабатывать. Вот на пару и ходят: одна — на сносях, другая — девчушка, а отец-кормилец за чужой юбкой волочится. Бабы шушукаются, судачат, а Варвара платок низко на глаза опустит и никого не видит. Стыдно! Тошно-то как! Для чего так маяться?

Варвара опустила босые ноги на пол — сколько ни охай, ни ахай, а по хозяйству управляться нужно.

Подоив корову и выгнав её в стадо, Варвара разбудила дочь — быстрее нужно выходить к школьному автобусу, который возит женщин в поле на прополку свеклы. А Василия не стала будить, пусть поспит, жалко-то как!

Отрезав краюху хлеба, взяв баклажку молока, Варвара с дочерью пошла на остановку. Там уже собрались все женщины с тяпками в руках — разговоры, смех, шутки, прибаутки.

Варваре не очень хотелось подходить к ним, и она села поодаль, на скамейку, возле забора. Маша села рядом, прислонив голову к матери, видно, не совсем проснулась.

Зойка, баба злая и нехорошая, подбоченясь, на всю улицу, громко, чтобы все слышали, произнесла:

— Варя, твой Василий разборки устроил у дома Польки, с Николаем, как два петуха, дрались. Видно, бабу не поделили. Николай ему таких надавал, твой Васька, как пёс шелудивый, домой побежал.

У Варвары в груди защемило — вот почему он так рано пришел домой. А Зойка не унималась:

— Мужу раны зализала?

К скамейке подошла тётя Нюшка да так «цыкнула» на Зойку:

— Язык прикуси, противная баба, а то хвост тебе быстро прищемлю!

Зойка побаивалась строгую старую Нюшку. Высокая, стройная, жилистая от работы, взгляд черных глаз, как плётка, хлёсткий. Подсела старая Нюшка к Варваре и тихонечко говорит:

— Вот, дурная баба, плетёт, что попадя! Ты, Варвара, сходила бы к Соколихе…

— Она же воровка! Как войдёт во двор, так что-нибудь и пропадёт.

— Воровка не воровка, а дело своё хорошо знает, кобеля к дому быстро привяжет.

Подъехал школьный автобус, забрал тружениц, в поле повёз.

Варя всю дорогу над словами Нюшки думала. Знала она и сама про Соколиху, давно сходила бы, и Васька по чужим бабам не ходил бы, да всё стыд мешал…

Варвара повеселела — вот и выход. И откуда силы взялись! Варвара полола свеклу, как на крыльях летела, впереди всех, да ещё и Маше помогала, домой торопилась, срочные дела появились.

На обед пришли домой, Варвара быстро по хозяйству управилась, Маше сказала:

— Доченька, ты вечерком сама прополи свеклу, я плохо себя чувствую.

— Говорила тебе — куда спешишь? — вот и заболела.

— Права ты, Маша, полежу я, может и отпустит.

Проводила Машу в поле, а сама быстрей узелок собирать: хлеб положила, молока, сала кусок, пирога да платочек новенький. С узелком этим к Соколихе и побежала.

У Соколихи дом старенький, толью обшитый, окнами в землю врос, а в комнатах чистенько-чистенько и во дворе подметено, ни одной соринки не найдёшь. Порядок во всём ведёт, хоть старая-престарая, лет-то сколько не помнит. Сама Соколиха сгорбленная, ссохшаяся старушонка, а глаза не утратили своей остроты, так и сверлят буравчиками душу.

— Доброго здоровья, Соколиха!

— И тебе того же. По делу или как?

Варвара растерялась от прямоты вопроса, дело-то деликатное, личное, семейное. Тут подход нужен, расположение, а она спросила, как отрезала:

— Вот гостинец принесла…

— Гостинцы за просто так не носят, у порога поставь, да не тяни, а дело говори.

— Муж мой, Василий, тут к одной похаживает, а у меня ребёночек будет.

— Дурак, твой Васька, кот мартовский! А тебе он не нужен совсем. Собрался уходить — пусть уходит, — дала заключение Соколиха.

Варвара вовсе растерялась, стоит, мнётся с одной ноги на другую, не знает, что и говорить. Такая безысходность навалилась на нее, и она захныкала, совсем как ребёнок.

— Что же мне делать? Люблю я его, семья у нас, дочь подрастает, прибавление в семействе ожидается, а он бегает по бабам. Стыд-то какой!

Стрельнула Соколиха своим взглядом, словно ножом полоснула, а потом ни с того, ни с сего такой ласковой стала. Варвару вообще с толку сбила своим поведением.

— Садись, дочечка, садись, голубушка, любишь — говоришь?

Соколиха вынесла маленький стульчик, накрытый зелёным сукном, на нем лежали гадальные карты, грязные-прегрязные, рассмотреть, что за масть, вообще невозможно.

Варвара присела рядом с Соколихой на низенькое деревянное крылечко. Соколиха разложила карты и тычет в них крючковатым пальцем:

— Смотри, хорошенечко смотри — дурак-то твой под забором издохнет, а ты уедешь из деревни, в большом городе будешь жить, госпожой, красавицей, богатой и знаменитой. Машка твоя босоногая учиться будет в университете, по заграницам разъезжать, а ты будешь дома сидеть, к тебе заграница сама ездить будет, поклоны бить. А родишь ты пацана, хороший мальчик будет, не в отца.

Варвара обомлела от таких слов: совсем старая дура с ума сошла, и так была не в своём уме, а тут совсем ум потеряла. Куда ей ехать, 10 классов образования, дояркой всю жизнь проработала, от тяжелой работы в мужика превратилась, а она — будешь красавицей.

— Соколиха, ты мне мужа в семью верни, чтоб по бабам не бегал, а большого города мне не нужно и богатства не сули.

У Соколихи в глазах озорной огонёк потух.

— Любишь, говоришь. Горю твоему я помогу, гнать будешь, а он будет за тобой бежать. Варвара, отпусти ты его, пусть идет, куда душа его летит, Василий тебе не нужен.

Варвара злиться начала — опять старая за своё, видно, зря пришла за помощью.

— Ты не злись, а слушай! — Соколиха будто прочитала Варварины мысли: — Пойдешь на «бермудский треугольник» (так называли гиблое место возле старого кладбища), там грибы кругами растут, это ведьмины круги. Встанешь в один из них, соберёшь травку, заваришь чай и дай выпить своему дураку. Приворот сделаешь ему. Как ночью на кладбище пойдёшь, волосы распусти, да простую рубаху надень, иди и не оглядывайся, даже если кликать будут. Знай своё дело. Так три ночи подряд, а утром ко мне приходи, дальше учить буду. И брось в поле ходить, отходилась, сами прополют без тебя, красный халат надень, платок с головы сними, пусть твоей красотой любуются.

«Совсем баба спятила, в моём положении в красном халате да простоволосой ходить! Негоже бабе замужней!» — подумала Варвара, а вслух сказала:

— Спасибо тебе, Соколиха.

Соколиха ничего не ответила, всё в карты пальцем тыкала, да под нос что-то шептала.

Варвара вышла от бабки, а в душе смятение: наговорила разного, а что делать, так и не сказала, то ли отпустить Васю к Полине, то ли приворожить.

Возле дома стояла колхозная машина, Василий домой обедать пришёл. Душа встрепенулась, сладко заныло в груди, потянулась к мужу, увидеть захотелось.

Но увидев разбитое лицо мужа, так и ахнула — значит, Зойка правду сказала, не лгут бабы.

— Василий, кто это тебя так?

— Резко затормозил, об руль ударился. Сама знаешь, что сейчас на дорогах делается, молодежь носится, как угорелая. Ты мне примочку сделай, холод, что ли, приложи.

Варвара забегала по кухне, а у самой злость кипит, только на кого, не знает. Накормила своего милого, напоила, примочек на лицо наложила. Очухался к вечеру «кобель» и в ночь ушел к своей полюбовнице.

В Варваре злость пуще прежнего закипела, ближе к полуночи надела простую рубаху, распустила длинные, как смоль, волосы и без страха и сомнения пошла на «бермудский треугольник», место гиблое и в своём происхождении страшное. Кладбище! Шутка ли?

Идёт Варвара, о своей поруганной чести думает, о Василии, и совсем не страшно. Прошла посадку, вот и «треугольник» показался, на поляне кресты старого кладбища чернеют недобрым огнём. Поискала Варвара глазами «ведьмины круги», а их на поляне много-премного, коричневатым огнём так и светятся. Переступила через светящуюся черту, встала в круг, сложила руки на груди, обратилась к небу, прочитала заговор, собрала траву, что в кругу росла, и назад собралась. Тут и страх одолел. Страшно! Что началось вокруг! Трава в пояс поднялась, идти мешает, в рубахе путается, держит на одном месте, идти не даёт, ноги, как ватные, не слушаются, а тут кто-то тихо так звать начал:

— Варварушка, Варварушка…

Тень белая мелькнула в кустах….

Варваре совсем боязно стало, сердце стучит, вот-вот выскочит, а идти-то надо, скоро и посадка кончится, а ноги не идут… Тут ещё филин ухнул над головой… Варвара со страху присела. Тяжесть какая-то навалилась и давит, давит к земле, старается пригнуть, придушить, в землю вогнать, и в ухо холодом шепчет:

— Варварушка ты наша, Варварушка….

Так захотелось посмотреть, кто же там зовёт так ласково, но зубы сцепила Варвара, губу прикусила и быстро поднялась с колен. Сердце стучит, чуть не выпрыгнет, в голове шум, а идти надо, скоро конец тёмной посадки и страхам конец. Но Варваре только казалось, что быстро идёт, а сама ноги кое-как переставляет. Вот и конец посадки, вон и деревня.

Посмотрела Варвара, а впереди неё кресты старого кладбища стоят, ведьмины круги в траве светятся, белая тень мелькает среди старых могил и громко-громко так:

— Варвара, иди к нам, Варварушка…

Не поймёт Варвара, как она шла, как вместо деревни оказалось кладбище? Обомлела она, только теперь поняла, что задом наперёд шла, тут её вовсе страх одолел, ноги подкосились и осела прямо в траву… Филин ухает, кругами над ней летает.

Отдохнула Варвара, сердце от страха отошло. Стала идти, а её кто-то за подол рубахи держит, да так крепко да цепко. А она всё дёргает рубаху. Нет, не отпускает. Белая тень осмелела, все ближе и ближе подходит, всё громче и громче зовёт.

Рванула Варвара рубаху да бежать. Остановилась только у дома родного, вошла в комнату, повалилась на кровать и вмиг провалилась во тьму сна.

Проснулась, а уже петухи поют вовсю и солнце в окно светит. Спохватилась Варвара — за доёнку да в сарай. Еле успела корову выгнать, пастухи уже всё стадо собрали. Вошла Варвара в дом, Машу будить надо, а у самой и руки, и ноги трясутся, от ночной прогулки отойти не могут.

— Маша, ты иди сегодня одна в поле, плохо что-то мне.

Маша молча взяла узелок с едой и пошла к автобусу, понимала, мать-то на сносях.

Только женщины уехали в поле, опустела улица, Варвара к Соколихе пошла. Та хлопотала по хозяйству.

— Доброго вам здоровья, Соколиха.

Соколиха с интересом посмотрела на вошедшую. У гостьи были круги под глазами, а сама бледная-бледная.

— Ну что, была на бермудском треугольнике!? Вот и молодец, не побоялась! Садись рядышком.

Варваре стыдно рассказывать, каких страхов натерпелась, молча села на крыльцо. А Соколиха на ухо Варваре стала шептать, да так долго и нудно, что Варвара всё не упомнила, лишь некоторые фразы.

— Вот так и делай, как сказала. А где твой красный халат-то?

— У меня живот вон какой, а ещё халат красный, засмеют бабы, и так голову пониже опускаю, чтоб насмешек не слышать о своём муже.

Соколиха топнула ногой, рассерчала старая, кричит:

— Что сказала? Надень красный халат, да лохмотья с головы сними! Животом гордиться надо, а не стыдиться, а то судьба твоего сына мимо пройдет.

Варвара от крика на месте подпрыгнула, испугалась и быстро-быстро затараторила:

— Хорошо, всё сделаю, как велела.

— Смотри у меня! — Соколиха пригрозила своим крючковатым пальцем, но потом обняла Варвару за плечи и сказала ласково:

— А чтобы женскую силу взять да мужика удержать, ты на восходе солнца в росе по траве покатайся, а про себя приговаривай: «Заря, заряница, красная девица, подари мне красу на всю весну, подари мне росу, распусти мне косу, чтоб красавицей была, мужа у соперницы увела». Вот увидишь, прибежит, как миленький.

Варвара выслушала Соколиху и скорее домой, уморила своими придирками да приказами. Только в дом вошла, тут и Маша на порог.

— Маша, что случилось?

Маша радостно сообщила:

— Мама, женщинам жалко стало меня, они встали на рядки, да одним махом и пропололи. А меня домой послали за тобой присматривать, чтобы чего не случилось.

«Хорошие бабы в деревне, помогли», — подумала Варвара, а вслух произнесла:

— Маша, давай в сундуке пороемся, может, обновки себе сошьём.

Раскрыла сундук Варвара, а сверху красный халат лежит, ещё в первую беременность носила, примерила, как раз подошел. «Права Соколиха, что там стыдиться да голову опускать, знай наших, теперь всё по-другому будет. А Маше сколько обновок набрали! Вот девичья потеха! Обновки примерять да возле зеркала крутиться!»

Ближе к вечеру и Василий явился, наспех перекусил, в летний душ сходил, как жених, оделся и ушел. Стерпела Варвара ночной уход мужа, лишь губу прикусила, обида и злость внутри шевельнулись. «Скорее бы ночь, да на бермудский треугольник сходить. Все приказания Соколихины выполню, но безобразию положу конец».

Часы пробили полночь. Варвара бесшумно выскользнула из дома. На небе светила огромных размеров луна. Полнолуние. Светло, как днём.

Варвара оглянулась по сторонам. Тихо. На улице ни души. Перебежала дорогу и пошла лугом, по высоким душистым травам. Уже выпала вечерняя роса, подол рубахи быстро намок и прилипал к ногам.

Варвара быстро приближалась к заветной цели, а ведьмины круги, как бы поджидая свою гостью, издалека светились желтыми огоньками. Чем ближе подходила она к старому кладбищу, тем сильнее поднималось изнутри возбуждающее чувство лёгкости и уверенности, бесстрашия и озорства. Варвара открывала в себе доселе неизвестную, дремавшую силу, но как будто знакомую и до боли родную.

Варвара вступила в светящийся круг, заклинала все силы земные, духов лесных, взывала к небу и луне, к любви Венеры, воинству Марса, коварству Сатурна и хитрости Плутона. Всю травушку-муравушку собрала в кругу и поспешила домой, пока петухи не запели, да зорька на горизонте не зардела.

К большому удивлению Варвары, по дороге домой никто не звал, никто не хватал за подол, не пугал, не стращал. Шла легко, освежила лицо ночной росой и в дом вошла. Тихо в комнатах, лишь дочкино дыхание слышно. Василий ночевать домой не

пришел, но Варвара отнеслась к его поступку спокойно, легла в постель и уснула сном младенца.

Проснулась поздно, солнце уж в окно светило, испугалась — проспала! Корову в стадо выгонять надо. Вышла на кухню, смотрит, а доёнка с молоком уже стоит на лавке. Тут и Маша в дом вошла.

— Мам, ты чего встала? Лежи! Я сама управилась. Сейчас картох сварю и завтракать будем.

— Взрослая, ты у меня! Помощница моя!

К Соколихе Варвара больше не ходила. Отваривала траву и поила Василия. Отвар и заговор на Василия подействовали, всё чаще он стал задерживаться дома, а Варваре того и надо. Да и сама Варвара стала замечать, что внутри меняется, увереннее стала, глаза не прячет, а что скажет, то и случится. Василий стал слушаться свою жену и побаиваться. Успокоилась Варвара, а на последнем месяце беременности расцвела бабьей красотой: косу уложит вокруг головы и в магазин пойдёт — мужики вслед так и смотрят. Варвара чувствует взгляды, да ещё пуще павой идёт. Чем она хуже заезжей Полины? Знай наших!

Тут Василий в город собрался. Несмело, бочком подошёл к Варваре:

— В город еду, может чего привезти?

— Хочу конфет шоколадных!

Василий так и засиял — не прогнала, значит, не сердится:

— Будут тебе конфеты!

День выдался душный, то ли на грозу, то ли на дождь. Телята на лугу отвязались, домой прибежали, мычат, как сумасшедшие. Да ещё Соколиха к обеду пришла. Варвара её за стол посадила, потчевала как самую дорогую гостью. Соколиха всё на Варвару смотрит да приговаривает:

— Красавица наша расцвела, подействовала травка-муравка.

Потом резко встала и почти приказала:

— Баню топи, париться приду. И смотри, хорошенечко топи, чтобы дух захватывало. Веничек дубовый намочи, квасок или взвар приготовь. Порадуй бабку, старую кадку.

Засмеялась Соколиха своей шутке и ушла.

Озадачила Варвару Соколихина просьба, на улице разгар лета, жара, душно, парит, а ей баню! Да и Варвара неважно себя чувствует, но что делать, уважить надо старуху.

Стала топить баню. Маша с таким вдохновением восприняла идею о бане, что суетилась больше всех. Баня жаром дышала, дубовый веник в тазу размок, взвар томился в предбаннике, вот уж и солнце за горизонт зашло, а Соколиха всё не шла.

Василий в городе отстоял очередь на склад, загрузил запчасти и домой. По дороге заехал в магазин, выбирал долго шоколадные конфеты, взял самых дорогих, с орехами.

Удивлён он был переменами в своей жене. Что случилось с ней? Что он в Полине нашел, баба как баба, да ещё и морду набили из-за неё. Тьфу! С такими мыслями Василий сел за руль и выехал за город. По прямой километров пятьдесят будет, за час домой доберётся.

Но по дороге встретилась старуха, рукой машет, кричит:

— Ой, подвези, Соколик, спешу, внучка моя в соседней деревне рожает. Как бы не опоздать.

— Раз такое дело — садись.

Помог Василий бабке в кабину попасть, едут по главной дороге, а бабка пальцем тычет в окно:

— Тут вот сверни на просёлочную дорогу, вдоль посадки проедешь, милок, и деревня будет.

Повернул Василий, поехал вдоль посадки. Едут они едут, уже целый час едут, а посадка не кончается.

— Где же твоя деревня? Конца и края посадке нет!

А бабка как спохватится:

— Вот она деревня, всё, приехали, приехали! Останови!

Василий вертит головой, никак не может деревню увидеть. Но притормозил. Странная бабка! С одной стороны лесополоса, с другой поле кукурузное. Какая деревня? Охая, ахая, бабка вылезла из кабины. Тут Василий зевнул, истома окутала тело, в глазах затуманилось. Решил поспать часок-другой.

Солнце уже катились к горизонту, петухи успели пропеть вечернюю зорьку, когда в калитку вошла Соколиха, неся в руках узел со свежим бельём.

В предбаннике Соколиха сняла верхнюю одежду, оставшись в нижней длинной рубашке. Таких сорочек нынче не носят: широкая, выкат в мелкую складочку, горловина вышита красным крестом, отороченная замысловатым кружевом.

Варвара с Машей так и ахнули, когда Соколиха сняла с головы старый платок: черная коса вокруг головы в три круга, а когда распустила волосы, они густой волной упали к ногам хозяйки.

Варвара с завистью смотрела на волны волос, а Машка совсем поникла — не сравнить две её жиденькие косички с косой старой бабки, ей так хотелось иметь такие волосы.

— Я первой красавицей на деревне была, не чета нынешним девкам. Сам председатель сватался!

Маша ахнула:

— И замуж за него пошла?

— Пошла, в девках не сидела. Мой Ваня был мужиком видным, все бабы и девки за ним увивались. Кудри черные, усы большие, всё подкручивал их, как глянет, так и забудешь всё на свете. Да не долго прожили вместе, разлучница Настя, из-за речки, увела моего Ваню.

Соколиха опустила голову на грудь, замолчала. Маша подсела к бабке:

— А дальше что?

Соколиха встрепенулась и пошла по бане приплясывать да притопывать, волосы из стороны в сторону летают, в глазах озорные огоньки:

— А я девка сильная, а я девка славная, кого угодно проведу, самого черта приворожу. Через неделю пришел мой Ваня, стучит в окошко, просится. А я ему в ответ: «Где ж ты соколик был, где, родимый, летал?» «Бес попутал. Пусти домой».

— Пустила?

— Пустила, куда ж деваться. Да недолго прожил. Видно, сердце слабое, приворот не выдержал али сам помер. Помер, мой Ваня, но зато мой! Люблю его, окаянного!

У Маши в глазах испуг:

— Ведьма ты, что ли?

— А ну, девки, пошли парится!

Соколиха шагнула первая:

— Ох, хороша, банька, хороша! А ты, Варвара?

— Не могу, мне рожать скоро, боюсь!

— Не бойся, здоровей будешь!

Шагнула Варвара в густой пар, тело горячими колючками обдало, дух захватило. А Соколиха, как молодуха, веником себя бьет, кряхтит, смеётся, дубовую водичку на камин льёт, пар нагоняет.

Варвара от густоты воздуха выбежала в предбанник. Испила большими глотками холодного взвара, мокрые волосы прилипли к телу. И тут резкая боль охватила железным кругом поясницу.

— Вот те на! В бане, ночью!

Из бани, выпустив клубы пара, выбежала Маша, за ней Соколиха.

— Надо «скорую»!

Соколиха скомандовала:

— Никуда не ходи! Лучшей повитухи, чем Соколиха, во всей округе не найти. Вылей воду из таза, набери чистой и поставь в баню греть, — и мягко, совсем по-детски: — а ты ложись, не бойся, я тебе все косточки раздвину, родишь, что плюнешь. Ложись, ложись, моя хорошая!

Соколиха уложила роженицу на лавку и ловкими руками стала водить по животу, по бедрам. Варвара почувствовала, что боль отступила, и она могла немного отдохнуть. Огромные глаза Маши выражали испуг, жалость к матери, любопытство и растерянность.

Варвара готовилась ко второму приступу схваток, тяжело дышала, но, вопреки всем ожиданиям, боль была тупой и быстро прошла. Маша принесла белоснежные простыни, встала на колени возле матери, прислонилась к руке и тихо заплакала.

— Доченька моя, мне совсем не больно, иди домой, я скоро приду, — успокоила её Варвара.

Варвара от боли и страха впала в беспамятство, сквозь пелену забытья она чувствовала ловкие руки Соколихи, белая простыня падала на неё, укутывала её и тут же холод пробегал по всему телу, снова белая пелена неслась на неё… Казалось, что белой бесконечности не будет конца… Варвара вернулась к реальности с громким криком ребёнка.

Соколиха омыла новорожденного, завернула в простыню и на ухо Варваре:

— Как к груди поднесёшь, так и загадай судьбу мальцу-то, — и на всю баню запела: — Вот малец-удалец, рождённый в рубашоночке, к мамулечке прижмись и соколиком обернись.

И под грудь Варваре положила младенца. Варвара от неожиданности растерялась, но Соколиха отвернулась, хлопоча с простынями. Вдруг она спохватилась и полезла в свой узелок.

— Вот тебе, Варвара, серьги, носи, не снимай, всё счастье в них.

Маше завидно, а Соколиха уже к ней подсаживается.

— А тебе, внученька, кольцо на большой палец, носи, не снимай, на золотое не меняй. Не смотри, что оно из железа, силища в нём несусветная. Ой, заболталась я, петухи пропели, пора домой, запарилась я с вами, девки.

Василий проснулся на рассвете, взгляд удивлённо скользнул по кабине:

— Всю ночь проспал в машине, Варвара не поверит! Опять скажет — у полюбовницы был! Ух, чертова бабка!

Василий плевался, чертыхался, но гнал машину, не жалея, лишь бы быстрее домой добраться. Вот и колхозный двор. Стёпка Шапошников машет рукой, чуть не под колёса лезет. Притормозил Василий.

— В объезд по трассе поезжай, а не через «бермудский треугольник». Обвал ночью был, вся дорога ушла, ещё и посадку прихватила. Говорят, как на «бермудах» обвал, значит, ведьма умерла.

Усмехнулся Василий:

— Придумают же!

— Тут вот бабы говорят…— замялся Стёпка.

— Да, говори ты, черт окаянный, не темни!

— Вчера Соколиха к твоей приходила, они ночь целую в бане плясали, жуткие вопли на всю деревню слышны были, шабаш справляли! А утром померла Соколиха...

Не дослушав, Василий рванул к дому.

В горнице никого, в доме тишина. Он заглянул в другую комнату — никого; прошел в дальнюю комнату, открыл дверь и замер: на белых простынях разметав свои черные густые волосы по подушкам спала Варвара. Скользнув взглядом по телу жены, прикрытой лишь лёгкой простынкой, он обнаружил перемену — живота-то нет! Василий поискал глазами. Вот он маленький комочек, туго запеленатый, лежит на подушке и тихо сопит. Сын родился!

— Дуры бабы! — обрадовался Василий. — Шабаш! Сына рожали, вот и кричала!

Василий засуетился, кинулся к брату, решил отвезти жену в роддом, от слухов и дурных разговоров оградить. Похоже, Варвара ещё не знает, что Соколиха умерла. Пусть узнает, когда из роддома выйдет. Да и примета плохая: в один день похороны и родины. А пересуды уже начались.

Они подъехали, когда Варвара уже проснулась и кормила ребёнка. Василий, как угорелый, бегал по дому, собирал вещи. Она не успела опомниться, как её привезли в больницу и оставили на попечение врачей.

Забрал он жену и сына, когда пересуды кончились. Бабы пошли поздравлять счастливую мать и кто-то сказал ей о смерти Соколихи. Варвара и слезинки не уронила, лишь сделалась задумчивой, да и то ненадолго. Какая радость в доме, маленький ангелочек живёт, улыбается во весь беззубый рот да угукает на всю горницу. Василий с работы домой бежит и к кроватке с младенцем, управится по хозяйству и к сыну, и не оттащишь его от своей крохотулечки.

Варваре жить да радоваться, мужа в семью вернула, от сына не отходит, по дому всё делает, любое желание выполнить спешит. Но нет, задумчивой стала Варвара, а что думает, не говорит.

Глянет Василий на жену, вроде прежняя Варвара, а как запечалится, глаза тёмно-зелёными сделаются, красота зловещей становится, смотришь и глаз не можешь отвести. Василий к ней и так и эдак подходит, а она отойдет от него и не замечает.

Тут как на грех заготовка сена, машина нарасхват, днём в колхозе, вечером — то себе привезти, то соседям. Никому не откажешь — горячая пора.

Пришла как-то Варвара и смеётся:

— Тут к тебе гостья пришла. Удели ей внимание.

Василий посмотрел и обомлел — стоит Полина, у двери мнётся:

— Сена бы перевезти, Василий Фёдорович!

А Варвара то ли в насмешку, то ли всерьёз:

— Ты бы уважил соседушку.

Перевёз Василий сено, но переживал очень, думал, скандал дома будет, а Варвара даже и не вспомнила. Странная она какая-то стала, казалось бы — подошел, поцеловал и она твоя, ан нет. Подойти и то не может, не то что поцеловать. Робость не даёт. Как глянет в зелёные глаза, так и оробеет.

Запил с горя Василий. Вроде бы всё хорошо, а Варвара, его жена — чужая, пропасть непонимания легла между ними. Варваре не нравится баловство Василия, скажет: «Не пей!» —Василий и держится неделю-две, потом сорвётся и опять запьёт, а как выпил, так пошло-поехало, разгуляй в доме у Полины.

Вскоре случилось ещё одно событие, всколыхнувшее неторопливую сельскую жизнь.

Жил в селе всеми уважаемый Фёдор Прокопыч, ветеран войны и труда. Но совсем не за это уважали его селяне, а за сына, который, как говорится, выбился в люди, стал большим человеком в столице. Заместитель председателя банка по экономическим вопросам! Шутка ли? Великий человек, приезжает на «Джипе» и две машины охраны за ним. В школе спонсором был — ремонт, компьютерный класс, больнице оборудование. Любой деревенский каприз за банковские деньги — без проблем! Все крутились возле Фёдора Прокопыча, в глазки заглядывали, авось что-нибудь перепадёт или нальют на халяву. Тоже хорошо! Гуляй, босота!

А тут умер старый ветеран — вся администрация в траур оделась, приспустили деревенский флаг, ходят с мокрыми глазами:

— Не уберегли благодетеля!

Печаль окутала деревню. В этой-то самой печали потянулись и стар и млад в школу, где выставили гроб с телом покойного и где из школьной столовой разносился запах всевозможных яств, щекоча носы и раздражая голодные желудки. Местные пьяницы оккупировали столовую с самого утра, поминали душу усопшего. Охранники банкира в отдельной комнате наливали поминальный напиток налево и направо, давая возможность поварам спокойно приготовить лапшу.

Похороны были пышные, люду было много, в микрофон речи говорили, народ плакал. Печаль была искренней.

Радовался лишь сторож деревенского кладбища, молодой парень, сын главы местного самоуправления, к которому переходили все спонсорские пожертвования, первую порцию которых он уже положил себе в карман. Новая машина уже ждала его в магазине. Как только предали тело земле и помянули усопшего, в столовой произошла ещё одна история.

Ехал наш банкир на джипе, следом охрана, а навстречу им Варвара. Была она в старом тулупчике, косу уложила короной на голове, сверху белым пуховым платком покрыла. Шаг упругий, лицо белое, красный румянец по щекам, а глаза зелёные-зелёные, озорные из-под стрелок бровей.

Как увидели столичные мужики русскую красавицу, так и обмерли. Джип за ней покатил, охрана следом.

А Варвара знай себе идёт да идёт. Смешно Варваре. Охранник выскочил из машины, дверцу открыл:

— Прошу Вас, доставим в целости и сохранности.

Села Варвара — человек-то вроде свой, деревенский. А он водителю командует:

— Братан, дуй в город, в лучший ресторан.

Варваре чудно такое ухаживание, её никто в ресторан не водил, так, по мелочам, то конфет, то пряников. Сидит чинно Варвара, осанка королевская, глаза любопытством сверкают.

После ресторана поехали в поле по бутылкам стрелять. Развлечение столичных банкиров! Варвара смеялась заливисто и задорно, одобряя подвиги своего рыцаря. А тот готов был положить к ногам своей дамы сердца весь мир, но пока скупил все цветы у базарного ларька и положил на колени Варваре.

Время пролетело счастливым мигом, уже стемнело, когда Варвара вспомнила о детях:

— Ой, домой, домой!

Два раза можно было не повторять, вмиг загулявшую спутницу доставили домой. Прощаясь, Александр спросил:

— Красавица, а замуж за меня пойдёшь?

Варвара не смутилась, а прямо посмотрела в глаза:

— Если до утра не забудешь, пойду!

И шмыгнула в калитку.

Дома было тихо, малыш спал, Маша хлопотала у плиты, повернулась к вошедшей и ахнула — перед ней стояла настоящая красавица, глаза сияли, на щеках румянец, а в руках охапка цветов.

— Ой, как здорово! Какая ты у нас молодая, красивая!

— Маша, перестань! Где отец?

— Ещё не приходил, наверное, в запое, с друзьями куролесит.

Поужинали без Василия, легли спать.

Счастье, внимание мужчины, влюблённость переполняли остывшую душу Варвары. Но и другие мысли проносились в голове: «Это же деревня, каждый шаг на виду у баб, а тут? А кто видел? Авось обойдётся, если ещё раз не приедет. Замуж предлагал, а вдруг серьёзно? Пошла бы? Пошла бы…» Так и уснула.

В окошке показался поздний зимний рассвет. Зимняя долгая ночь промчалась, как одно мгновение. Варвара быстро оделась, заглянула в комнату дочери — спит, в комнату мужа — кровать пуста.

— Опять дома не ночевал, — подумала Варвара, — всё в крайности бросается, то у полюбовницы пропадал, теперь в запой ушел. И что ему дома не сидится!?

Варвара подоила корову, выпустила звонкоголосых петухов из сарая на морозный воздух и быстро побежала в дом. Процедила молоко, поставила на плиту кашу, блинов замесила — Машу порадовать ажурными блинами со сметаной, да с парным молоком.

Вот и будильник прозвенел, Маше в школу пора вставать. Через пару минут Маша сидела за столом — шустрая девица, вся в мать — скорая на работу да на еду.

— Блины вкусные!

Поцеловав мать в щеку, Маша хлопнула дверью и выскочила на мороз. Варвара выключила плиту, пошла к сыну. Разметавшись по всей кроватке, малыш спал. Луч зимнего солнца ласкал его лицо. Скрипнула входная дверь. Варвара пошла встречать пьяницу мужа. Но на пороге стояла Маша.

— Мама, там, у ворот джип стоит.

Варвара накинула на голову платок и выбежала за ворота: джип пускал на морозе клубы дыма. Она подошла и постучала. Александр открыл дверцу и, счастливо улыбаясь, произнёс:

— Знаешь, Варвара, а я не забыл! Ты забыла, а я не забыл. Твои слова — если не забуду тебя до утра, то замуж пойдёшь. А я и не забыл твои зелёные глаза, и не уеду без тебя никуда.

Варвара оглянулась по сторонам. На автобусной остановке собралось полсела и все смотрят на них. Любопытно!

— Пойдём в дом. Небось промёрз за ночь.

Александр вошёл в горницу, оглянулся по сторонам:

— Не густо!

Варвара покраснела до ушей за свой нищенский быт, но сказала, как отрезала:

— Но и не пусто. Садись к столу, блинами буду угощать, пока горяченькие.

Варвара подала на стол «ажурные», дымящиеся блины, в тарелку наложила густой деревенской сметаны, налила чай с мятой и молоком. Столичный банкир вспомнил вкус детства: чай с мятой да гречишные блины. Вкуснее, роднее и милее ничего на свете нет!

— Варвара, я за тобой приехал. Поедем в город, блины мне будешь печь. Такая красавица в столице должна жить, мир покорять! Полюбил тебя с первого взгляда. На руках буду носить, день и ночь возле тебя буду, не то что твой муж…

Варвара строго посмотрела:

— Знаешь?

— Всё знаю — у Полины сидит, водку пьют всей компанией.

В наступившей тяжелой тишине в соседней комнате закричал ребёнок, требуя внимания и порции манной каши.

— И про сына знаешь?

Варвара в раздумье вошла в комнату сына. Александр поспешил за ней, подхватил малыша на руки, поднял выше головы :

— Богатырь, русский богатырь и мне такого родишь, непременно такого.

Варвара смотрела на Александра и в один миг пронеслась её недолгая, ничем не примечательная жизнь, и такая же ждёт её впереди. Жутко, муторно на душе у Варвары — выход должен быть! Да и вот он, выход! В сердцах дернула скатерть со стола, стала вещи собирать.

— Звони своей охране, уезжаем! — скомандовала Варвара.

У двери Варвара замешкалась:

— А дом-то как, корова, негоже так уезжать, не сказавши.

— Не волнуйся, всё уладим. Садись в машину, теперь это моя забота.

— Только за Машей в школу заедем, — согласилась Варвара..

Василий, погуляв ещё день, пришёл с повинной домой. Открыл дверь и оторопел: незнакомый мужик сидит за столом, уплетает блины и смотрит телевизор .

— Ты что тут делаешь?

— Тебя жду. Дом и корову в целости и сохранности передаю. Принимай.

— Какой дом, какую корову? Где Варвара?

— Пропил ты Варвару. Ах, какая женщина!

Василий кинулся на незнакомца с кулаками.

— Ты что с моей женой сделал?

Охранник банкира осадил его:

— Была твоя, а теперь чужая. Ты не расстраивайся, дом теперь твой, пропивай спокойно. Всё нормально, мужик, — сказал и хлопнул дверью.

Кинулся Василий к кроватке, а сына нет, вещи по комнатам разбросаны, беспорядок кругом. Завыл Василий на судьбу свою горькую.

Прошло пять лет.

Варваре пришла телеграмма «Срочно приезжай, Василий умер».

Через несколько часов джип затормозил у её бывшего дома. Из машины вышли Варвара с Машей.

Зима, вьюга метет. У ворот стоит одна колхозная машина, на кладбище ехать, гроб везти.

Вошла Варвара в горницу, посередине гроб на стульях стоит, а в нём Василий лежит. Не признала она в покойнике бывшего мужа, лежит старый, сморщенный мужичок, совсем чужой. От прежнего красавца Василия ничего не осталось.

На столе стоит икона, свечи горят, старуха в черном платке склонилась над библией, отчитывает покойника. Полумрак в комнате, блики от свечи по стенам тёмными тенями ходят, зеркало черным полотном завешено. Неуютно в комнате, холодно, пусто, и от пустоты душевной становится жутко.

По селу молва прошла, что Варвара с дочерью на похороны приехала, людей в избу набилось! Все на столичных гостей смотрят. Бабы завидуют, мужики любуются.

Маша у двери встала, дальше не проходит. Удивлёнными глазами смотрит на покойника, не признаёт отца в нём, не плачет, словно окаменела. Да и куда ей, первой красавице столицы? Вся-то она холёная, беленькая, чистенькая, молоденькая, все возле неё крутятся, угодить стараются. Забыла, небось, как навоз выгребала, да пьяного папку домой по грязи тащила. Стоит, смотрит, даже глазами не моргает. Что в её красивой головке творится?

Время пришло с покойником прощаться, пора на кладбище везти. Бабы в голос запричитали прощальную. Варвара первая подошла к покойнику, перекрестилась, а целовать в лоб не стала. За ней Маша, перекрестилась, наклонилась к покойнику и так горестно-горестно:

— Эх, папка, ты папка! Зачем ты водку пил?

За ними все односельчане подходили, причитали, плакали.

На кладбище черный холмик на белом снегу от Василия остался. Односельчане уехали в школьную столовую поминать, осталась Варвара один на один с холмиком. Не заплакала, не запричитала, не пожалела, а стояла молча, красную розу на могилу положила и пошла по кладбищу. Нашла Соколихин дубовый крест, поклонилась в пояс, конфет на могилу положила да цветок живой и говорить стала:

— Спасибо тебе, Соколиха, что ремесло своё передала. Сбылось и последнее твоё пророчество — Василий, как собака, под забором пьяный умер. За серьги спасибо, ни за что на золотые не променяю.

Вдруг у самого уха каркнула ворона. Варвара вздрогнула. Оглянулась — сидит черная ворона на заборе, головой кивает. Соколиха прилетела, прощается….

Замкнулся ведьмин круг….

Рисунок Бориса Пупынина

КАЛУЦКИЙ
ВЛАДИМИР УСТИНОВИЧ
член Союза писателей России

ГИПЕРБОРЕИ

Роман в трех книгах
Книга вторая

Локализация гиперборейцев, как и каждого мифического народа, очень запутанна и неопределенна.

Академик Б. Рыбаков

В ТУ ЖЕ ЗЕМЛЮ

Окончание. Начало в № 4, 5, 6

11

Глухой ночью на Выселках опять появились русские десантники. Прямо в его доме они скрутили руки старцу Илие и зачитали приговор: именем трудового народа изменник приговаривается к расстрелу. Приговор приводится в исполнение немедленно.

Напрасно вопила старуха-жена и цеплялась за руки военных. Забежавший впопыхах старик Лепота тоже кричал что-то о сыне — красном командире — Илию повлекли во двор и прислонили спиной к дубовому забору. В захваченных немцами Выселках действовать предстояло споро, чтобы враги не успели примчаться на выстрелы. Венечка Полетика велел своим пятнистым сподвижникам встать в шеренгу и те подняли автоматы.

И тут сначала одна, а потом целая свора белых собак выскочили невесть откуда. Они окружили собой приговоренного, и ошарашенные солдаты на миг оцепенели. Этого мига оказалось достаточно для того, чтобы между десантниками и собаками появилась маленькая белокурая девочка. Трехлетний ребенок смешно прошлепал прямо к Илие и старик поднял девочку на руки.

— Отставить стрельбу! — скомандовал Венечка и яростно заверещал в группку сбежавшихся староверов. — Уберите ребенка или я за себя не отвечаю!

Вышла вперед полная старушка в монашеском одеянии и полусказала-полупропела:

— Вместо чтобы дитя со стариком стрелять, вы бы финнов в монастыре побеспокоили. Они там в кладовке взаперти держат сестер Веру и Надежду за то, что они в большом лабазе сожгли пьяных мародеров.

— Не морочьте мне голову! — все на той же ноте верещал Венечка. — У меня приказ расстрелять приспешника фашистов! И времени нет вашими девками в монастырях заниматься.

— Там жена красного командира, а на руках у старца теперь дочка русского десантника. А сам Илия спас наши Выселки и всю округу, приняв на себя кару немецкого старосты. Убьете его — нынче же все здесь выжгут, проклятые.

— Ты вообще-то кто? — осведомился наконец Венечка. — Монашка? Вот и сопи в тряпочку, пока и тебя рядом со старостой не поставили.

Белые собаки зловеще рычали, и монашка засмеялась:

— Я-то настоятельница скромного монашеского скита матушка Софья. А вот кто ты, болезный, что распоряжаешься тут, как захватчик? Да знаешь ли ты, что стоит старцу Илие только дать знак, как от вашего отряда белые собаки клочка тряпки не оставят! Сюда даже финны не заглядывают, потому что знают силу этих зверей. Опустите ружья, треклятые! — скомандовала уже матушка, и десантники послушно последовали приказу.

Высоко в небе с утробным гулом на запад плыл косяк русских тяжелых бомбардировщиков. Словно мошкара, вокруг них вились истребители прикрытия.

— На Таллин пошли, морскую базу громить, — сказал Илия и без разрешения отошел от стены. Он приподнял руку, щелкнул пальцами, и собаки враз исчезли, словно растворились.

— У них там, в Таллине, база для снабжения кораблей-диверсантов, что разбойничают на Северном Морском Пути. В последнюю неделю каждый день ее бомбят…

— Ты-то откуда знаешь? — спросил потерявший инициативу Венечка.

— А в книге об этом написано, — ответил Илия.

— В какой еще книге?.. Ты не дури, староста, приказ о твоей казни никто не отменял!

Илия с сожалением поглядел на офицера:

— Дурные приказы выполняют только дураки. А ты вроде бы не совсем из их породы. А что касаемо книги… есть такая, «Гипербореи» называется — из нее все наперед известно.

Венечку словно током ударило:

— Так эту книгу Васька Горюнов написал, змей подколодный! Он что — тоже здесь прячется?

Илия рассмеялся:

— Эк ты хватил! Не знаю я никакого Васьки, а книга тут, у меня — можешь полистать.

— У тебя есть эта книга?.. Но ведь ее лишь кусочком напечатали в уничтоженной районной газете! Правда, недавно один чекист привез из вашей глухомани несколько новых страниц рукописи, и я тогда уже подумал, что дезертир Васька Горюнов тут прячется. Он как-то до войны проговорился, что служил в этих местах и даже вроде бы зазнобу тут имел.

— Матушка Софья, — повернулся Илия к монашке, — припомни вернее, как того сержанта из десантников звали, что Вере голову вскружил и книгу мою увез?

— Артуром его звали, — успела вымолвить матушка, и Венечка с досадой хлопнул себя по ляжкам:

— Ну, правильно! Артур он и есть, а книгу подписал как Василий. Вот звереныш — все следы перепутал.

Илия подозвал девочку и поднял на руки:

— А вот его дочка, Артура вашего. Так он жив, сказываешь?

— Вам тут видней, раз в книге все пишется. Значит — он ее и строчит!

Илия минутку помолчал и спросил:

— Так ты раздумал меня расстреливать? Тогда вот что я скажу, малый. При переходе через фронт вы сильно наследили, и на пути возвращения вас в нескольких местах ждут засады. Потому завтра поутру я дам тебе в провожатые одну девицу — она и выведет вас на советскую территорию. Только ночь придется повоевать — отбить ее у финнов.

— Финнов-то много?

— А ты что — только числом воевать умеешь? Не робей, чекист — с тобою будут мои белые собаки. А пока вели своим головорезам отдохнуть и сам пожалуй ко мне в светелку. Дам я тебе полистать знаменитую книгу, хотя твой Артур-Василий не имеет к ней ровным счетом никакого отношения.

12

Дождь зарядил обложной, до приторности теплый и, видимо, на весь день. Разведчики лежали в канаве у самой ограды городской электростанции уже второй час, но на объекте не наблюдалось никакого движения. Со звуком шлепка куска глины скоро рядом опустились старшина Обернибесов и двое его товарищей.

— Что? — спросил Артур.

— Четыре собаки с проводниками и пятеро автоматчиков были, царствие им небесное.

— Не любишь собак?

— До жути! Но еще больше — их проводников с автоматами. Кинологи, мать их в кочерыжку… У моего хохла-батюшки фамилия была веселая — Оборотень — так я ее при получении военного билета облагородил.

— Тоже удачно. — согласился Артур.— Как думаешь, долго нам тут еще мокнуть?

Старшина огляделся:

— Остальные-то где десантники?

— Ушли на хутор, бабочек ловить… Как нам на станцию проникнуть?

— Очень просто. Раз нет ни движения, ни охраны — значит — она заброшена. Видите — и провода у трансформаторной будки оборваны? Сейчас пойду и все проверю.

«Черт, — подосадовал на себя Артур, — как же я всего этого не заметил?».

— Возьмите с собой человека.

— Не стоит! — отмахнулся старшина. — От одного меньше шуму. Он привычно вытянул тесак, отер его о штанину и засунул обратно в ножны. Потом неуклюже перебрался через край овражка и, оставляя за собой темную полосу на траве, зигзагами побежал к циклопическому зданию станции.

Ребята покуривали в рукава, нервничали, ожидая старшину. Артур отвернул рукав и по часам определил, что рабочий день, будь он на станции, уже должен бы начаться.

Из города уже долетали звуки проснувшейся жизни: тяжко в районе консервного комбината ударили в рельсу, из окраинной улицы два пацана в мешках, вывернутых на манер капюшонов, выгнали небольшое стадо коров.

Ждали.

Где-то высоко, над дождем и облаками, опять прогудели самолеты и по их пробирающему до озноба дребезжащему звуку Артур понял, что это к фронту потянулись немецкие дальние бомбардировщики.

Старшина появился внезапно и почему-то с тыла. Он скатился в овражек и вытер ладони о клок густой травы, выдернутой из дерна с бережка:

— Девка там…— выдохнул он и перевернулся на спину. Старшина судорожно закурил, не прячась, и добавил: — Пусто в станции, только какая-то чертовщина с потолка свисает. Такая дура на канате — шар с наконечником, а наконечник прямо на полу круги пишет.

— Какая девка? — не понял Артур.

— Перепуганная и водочкой от нее тянет… Словом, пойдемте туда — обсохнем и передохнем.

— Точно нет охраны?

Старшина лишь обиженно хмыкнул и, первым поднявшись, пошел по высокой мокрой траве. Вслед ему двинулись остальные.

Громадные металлические ворота станции, предназначенные для проезда грузовиков с углем, были приоткрыты, хотя для прохода в них ржавела по углам калитка. Разведчики вошли внутрь.

Пахло давним запустением, большая куча антрацита в углу покрылась ржавым налетом. Внутри не было ни котлов, ни динамо-машин. Вдоль всей стены справа стекали обильные потоки дождя, но все это Артур отметил для себя лишь мельком. Все его внимание привлек огромный маятник, занимавший самую середину помещения. Сплюснутый по линии горизонтали шар висел на тончайшем, почти невидимом канате, и острием снизу почти упирался в пол.

Артур подбежал к маятнику. Оказалось, что стрелка внизу шара касается большого листа белого ватмана. Видимо — бумагу подложили недавно, потому что неровные кольца рисунка от острия маятника были обведены лишь троекратно.

— Маятник Фуко… — Задрав голову, Артур обошел вокруг висящего шара. Там, в полумраке перекрытий, тускнело кольцо крепления и висели вниз головами несколько летучих мышей. Там же яркой фосфоресцирующей краской светилась крылатая фраза «Per aspero ad astra».

— Вот она, товарищ младший лейтенант, — вернул Артура к действительности старшина. Артур опустил голову и повернулся на голос. Прямо перед ним стояла мокрая продрогшая женщина, со спины подпираемая ладонью старшины.

— Зойка… Окаемова? — глядя на девушку, припоминал Артур. — Секретарь горкома комсомола и член литературного объединения при газете «Сияние коммунизма»?

Та кивнула, не поднимая головы и все так же дрожа. Вокруг остро запахло спиртным.

— Ты еще пьесу написала… Как это?…

— «Юное сердце Марата», — подсказала девушка.

— Вот-вот, — обрадовался Артур, — Венечка Полетика ее очень хвалил, а редактор Праведников разругал вконец… Тут-то ты чего делаешь, Зойка?

Зойка глянула в глаза Артура и сказала, икнув:

— А Курту пьеса тоже понравилась, и мы ее ставим в офицерском казино.

— Какому Курту? — не понял офицер. Повернувшись к старшине, он велел: — Клим, налей ей половину крышечки от фляжки спирту, пусть придет в себя.

Зойка выпила и совсем трезвыми глазами поглядела кругом:

— Артур Горюнов? — узнала она. — А Кузьма Лаврентьевич говорил, что тебя в Москву на самолете увезли.

— Он жив?

— Ну да. Только ни домика себе не строит, ни к соседям ночевать не ходит. Так и торчит сычом на пепелище, даже зимовал там у костра. И немцы его не трогают, вроде как боятся.

— Ты-то чего тут делаешь? — опять спросил Артур. Зойка на миг замешкалась, а потом махнула рукой:

— А, все равно узнаешь… Я с немецким инженером роман закрутила, с Куртом Калецки. Он вот с этим маятником, — указала рукой на шар, — какие-то опыты

проводит. Так его нынче утром на моих глазах неведомые бандиты скрутили и увели. Наверное — убили…

Артур молитвенно сложил ладони:

— Ты — секретарь горкома комсомола! «Пламенное сердце Марата»!…

— Юное сердце, — поправила Зойка и попросила: — Куртку сухую дайте, что ли… — мешковато натянула на себя камуфляж, извлеченный сержантом из рюкзака и продолжила: — А что ж ты мне прикажешь делать, когда вы, вояки, немца в город на своих плечах приволокли? Мне двадцать шесть лет — и другой молодости у меня не будет. А тут Курт — элегантный, эрудированный, чуткий. Да я, может быть, войне даже благодарна, что он появился в нашем городе! И потом — какой он враг — у него даже пистолета нет. Так — инженер в военной форме, вот этот шарик на маятнике охраняет.

— Это я уже слышал, — Артур соображал, как поступать дальше, ведь уничтожать на электростанции вроде бы и нечего. — А скажи-ка мне, Зойка, что у немцев теперь на старом городском аэродроме?

— А черт его знает — туда за версту никого не подпускают — собаками охраняют и электротоком. Только каждую неделю оттуда в небо улетает какая-то ракета, вот как нынче утром.

— Твой Курт к этому отношение имеет?

— Наверное — у него полная голова математики.

— Есть хочешь? —спросил Артур. — Клим, — обернулся к старшине, — разворачивай нашу походную скатерть-самобранку, а потом двинем в Ряшиново, поговорим с умным Куртом-инженером. Ешь, Зойка, ты тоже с нами, только спирту я тебе больше не налью.

13

Две недели в пригороде Канска Нестора Обреновича врачевал местный дьячок Пахом Наказных. Он вытащил пулю, и старик Иона Саблер, разглядывая ее на свет, сказал:

— Узнаю тебя, заряд от Сен-Жермена. По всему видать, Пахом, что за нашим сербом охотится стрелок от масонского братства. Ну не могут они допустить успеха его предприятия! Сколько, говоришь, серб еще проваляется в постели?

— Да вот отоспится — и может вставать. Я его тут редким лекарством уколол — пенициллин — мне его племянница из самоё Москвы прислала. Она у меня, Антонина, — Пахом поднял кверху палец, — у самого Лаврентия служит на побегушках. Пишет — медаль ей выписали за разоблачение какого-то сурьёзного диверсанта.

— А отоспится-то когда серб? — уточнил Иона.

— Чего пристал? — окрысился дьячок, — сам же твердишь, что за ним охотятся. Значит — из дому ему нет ходу.

Иона выглянул в окно на летнюю пыльную улицу и сказал:

— Ну, тогда, отче, я приведу гостей прямо сюда.

— Валяй, — согласился Пахом, — я только луковицей образа для сияния протру да масло в лампадках заменю.

И пока дьячок хлопотал по дому, Иона ходил в город. Не было его часа три. Потом у дома остановился автомобиль с открытым верхом и сквозь сумеречное окошко Пахом разглядел приехавшего военного в пыльной гимнастерке, дородного генерала и священника в фиолетовой рясе. Мелко перекрестившись на образа, он открыл перед генералом и архиереем дубовую дверь горницы.

Ступивший впереди них старец Иона широким жестом представил горницу:

— Хозяин дома отец Пахом и его обиталище, господа. А раненый вот, под окном на топчане… Кажется, он уже проснулся.

Пахом степенно придвинул к лежащему две табуретки и, пока оба гостя крестились на иконы, покрыл их одноцветными накидками.

Нестор спросонья не сразу понял, что эти генерал и архиерей пришли именно к нему. Он попытался встать, но в раненой груди захлюпало и даже не боль, а какая-то истома толкнула его обратно на подушку.

— Лежите, лежите, — генерал успокаивающе погладил его поверх одеяла и представился, назвав себя и протопресвитера владыку Алексея.

— Признаться, — заговорил Корсаков, — я и военный Совет сократил, чтобы с вами поскорее встретиться. Со слов старца Ионы я знаю, сколь важное дело привело вас в Сибирь. Похвально в рядах противника нашего общего врага видеть серба.

— Я…— Нестор осторожно откашлялся, — я словак,— ваше высокопревосходительство.

— Вот как! — он глянул на Иону, а протопресвитер Алексей сказал:

— Ну, это не столь важно, хотя вы наверняка католик.

— Ну да, — подтвердил Нестор. — только грамоту постигал я в русском белоэмигрантском училище в Братиславе, а потом учительствовал в церковной школе в Сербии. Там и сошелся накоротке с патриархом Павле. Началась война — меня вернули в Словакию и поставили под ружье. Да только Павле сказал еще до того, что я избран, и задал мне урок найти три Знака славянского единения. Вот я и ищу. Да только, — он осторожно тронул рукой простреленную грудь, — видно, и еще кто-то их ищет, если идет по моему следу.

— Ну, — успокоил генерал, — безопасность вашу мы теперь берем на себя. Вам сколько лет, поручик?

— Двадцать четыре, мой генерал!

— Превосходно, — Корсаков переглянулся с протопресвитером и добавил: — Значит, к концу века вам будет около восьмидесяти. Времени достаточно, чтобы найти в Сербии библиотеку Ивана Грозного.

— А почему вы ограничиваете поиск концом XX века?

— А вот Иона, — Корсаков указал на Саблера, — утверждает, что, если к тому времени не найдем, то потеряем навсегда и Косово Поле, и всю Сербию. А он мудрый — все видел, все знает.

— Ты уж постарайся, сын мой, — заговорил Алексей, — ибо Сербия, Словакия, Россия — все суть одна родина единого славянства. Потому что нельзя путать Родину и государство: государства воюют между собой, но Родины — никогда.

— Есть различия между этими понятиями? — переспросил Нестор.

— Они несовместимы, — подтвердил священник, — и соотносятся одно к другому, как убийца к убитому. Государства все одинаковы: это армия, чиновники, церковь, налоги, заработная плата, учебные заведения, четкая соподчиненность, насилие. Потому, извечно воюя между собой, государства никогда не достигают побед.

— А Родина?

— О-о… Родина. Родина неповторима и у каждого своя. Родина — это ветер во поле, драка за любимую девушку, это воронье над церковным куполом, это пьяный сосед-ветеран и чудесные книги, которые никогда не вычерпаешь до конца. Родина — это юродивый на паперти и святые старцы, вера, сказания и летописи, в которых история отражена правдивее и полнее, чем в официальном изложении. Родина неизменна при любом государственном режиме и в конце концов на земле совсем не станет государств, но будет одна — великая Родина.

— Вы коммунист, святой отец? — удивился Нестор.

— Отнюдь нет, — отмахнулся протопресвитер, — я всего лишь главный священник Русской белой Армии. А коммунисты хотят построить именно всемирное государство, и потому особенно усиленно уничтожают сейчас Родину, чтоб рус-

ского духа в России не осталось. По-своему Родину у себя в Германии громит Гитлер, убивая лучших людей страны и сжигая немецкие книги. Вот так, попирая один другого, фюрер и генсек работают на третью сторону.

— На масонов?

— Потому, что они сами масоны. И разоблачить их поможет все та же библиотека Ивана Грозного. Они наверняка тоже ищут ее, и — поверьте, в случае обнаружения постараются даже место, где она спрятана, стереть в порошок, будь то хоть строение, хоть храм, а хоть целый город.

— Вот потому, — добавил генерал, извлекая из карманчика френча несколько багряных книжечек, — вы и будете искать библиотеку теперь уже с нашей помощью. Да вы лежите, лежите… По этим документам вы — Владимир Иванович Сухов — старший лейтенант разведуправления Генерального штаба Красной Армии и сын заведующего политическим отделом газеты «Правда». В случае нужды он подтвердит свое родство.

— Но ведь, — Нестор кинул взгляд на скромно стоящего у ног его топчана Иону, — насколько я посвящен — библиотека находится теперь на территории, подконтрольной немцам?

— Это — вопрос ближайших месяцев, — успокоил его Корсаков. — Вот расколошматим их этим летом под Курском, погоним так — до самого Берлина не опомнятся. А вам же пока надо поработать в архивах, поездить по археологическим раскопкам, походить по музеям, поискать частных собирателей. Ну, а в помощь вам, в качестве адъютанта придается… только не удивляйтесь, — генерал поднялся, прошел к окну и дал знак военному, ждавшему у машины. Через минуту стукнула дверь, военный вошел и вскинул руку к козырьку фуражки:

— Старшина Оборотень явился по вашему приказанию, ваше высокопревосходительство!

— Каков? — Корсаков кивнул головой в сторону старшины. — Это ведь он вас обеспамятевшего перевез с баржи прямо в лесную церковь к старцу Ионе. А для всех прочих он вас просто повез на берег в могилу закопать. Довольны ли, старший лейтенант?

— Вполне, ваше высокопревосходительство!

— А вот это оставьте, — посуровел Корсаков. — Вы — офицер Красной Армии, и там принято обращение — товарищ. Усвоили?

— Так точно, товарищ генерал. Разрешите выполнять задание.

— Что ж, приступайте. А для связи с моей Ставкой пользуйтесь услугами главного редактора журнала «Форпост» Личугиным, к нему и отправляйтесь в Москву, как только подниметесь.

— Да я уже сейчас, — опять попытался встать Нестор, но генерал повернулся к Оборотню:

— Старшина! Следите за тем, чтобы он без ведома отца Пахома не вставал и не ходил. Лично спрошу.

Старшина опять взял под козырек. А старец Иона разжал ладонь и спросил старшину:

— Видишь пулю? Уже вторую я вынимаю из словака. Найди мне этого стрелка, старшина, уж очень мне невтерпеж с ним потолковать.

14

«Хранитель Духа Агай опустил девочку Аю босыми ножками на траву и развернул поданный кладовщиком свиток. Он ждал, что прочтет теперь старик Ойна в диковинной грамоте. Но старик вместо чтения лишь переложил свиток в руку Хранителя. Тот недоуменно уставился на незнакомые письмена и перевел взгляд на Ойну:

— Но я не знаю языка, которым написано тут. Ты смеешься над Хранителем, Ойна? Или прочти для меня сам, или я всем скажу, что столетний Ойна выжил из ума и плетет небылицы. Перед незапятнанностью этой девочки я настаиваю, старик!

Недовольно покряхтел Ойна и сказал:

— Чтобы прочесть этот текст, надо пожить в царстве Белых Замерзших Вод. Мудрые Мастера Человечества, которые живут там, разрешили мне отправить к ним в науку гиперборея, но одного. Поверни свиток с другой стороны. Видишь, там чертеж пути в неведомую землю. Ступай теперь туда, Хранитель Духа Агай. Но берегись: если не успеешь возвратиться к дню совершеннолетия девочки Аи, то страна останется без Хранителя и все население ее уйдет в землю.

— Я не хочу рисковать благополучием моего народа, старик. Идет страшная война и, пока мы не разгромим врага, мне нет дела ни до твоей грамоты, ни до страны Замерзших Белых Вод. Я буду с моим народом до тех пор, пока в день ее совершеннолетия не передам хранимый мною Дух девочке Ае, определенной богами в новые Хранители.

Старик Ойна коснулся своего перебитого носа и сказал:

— Ты наивен, Агай, как простой воин. В грамоте содержится откровение о судьбе народа и этой девочки. И для того, чтобы свершилось написанное, именно ты, Хранитель, должен сам прочесть это письмо, ведь оно попросту непереводимо. Ступай моей дорогой, и при сильном желании тебе хватит для дела трех лет, ведь я указал тебе путь.

— А не отправить ли туда жреца, либо военачальника?

— Нет, Агай, Мастера Человечества зовут именно тебя.

Венечка отложил в сторону тетрадку и подумал, что при таком исходном материале сам вполне бы мог написать роман вместо Васьки Горюнова. «Пожалуй — прихвачу эту рукопись. Если ее переложить на стихи — бесподобная поэма получится.

Они
не ведали
победы
Лишь потому,
что ихний
вождь
Был
беспартийным
людоедом,
Он был
на Гитлера
похож!» —

как-то легли строки на страничку новой записной книжки, и Венечка еще раз пожалел о потере старой, истрепанной и верной, той, куда вносил самое дорогое и сокровенное. Он чувствовал, что сейчас его, как говорится, понесет в стихах, но времени было в обрез. Час назад на краю Выселок видели немецкую танкетку, а воевать теперь с немцами или финнами не входило в планы разведки. Венечка повернулся к двери и окликнул сержанта:

— Предатель в дорогу собрался?

— Так точно, товарищ старший лейтенант!

— Тогда веди сюда девок, что мы в монастыре из-под замка у финнов увели.

Сержант скрылся, а через пять минут подтолкнул прикладом через порог Зину и Наташу. Те так и стояли с руками, повязанными веревками еще финнами. У их ног без шума вошли и легли две белые собаки.

— Вы кто вообще? — Венечка повернулся вместе с табуреткой и уставился на женщин.

— Мы… монашки, — тихо ответила Наташа.

— А я думаю — пособники врага, — раздельно и громко сказал Венечка. — Потому что монашки не могут быть советскими патриотами. Ну, поднять головы!.. В глаза смотреть мне, в глаза!. На врага работали?… белье шили?.. песни им в утеху пели?!.

Он порывисто вскочил и кончиками пальцев поднял голову Зины за подбородок:

— Публичный дом в монастыре устроили?!!

Зина дернула головой и зубами впилась в кисть офицера. Тот взвыл и отскочил к столу:

— Сержант!.. Ну-ка баб в сарай и отходите их ремнями так, чтоб ни встать, ни сидеть подлым.

— Сам ты подлый — только с женщинами воевать, — внезапно громко и зло сказала Зина. — Там тех финнов в монастыре всего семеро было, так вы побоялись даже с ними столкнуться: ночи ждали, чтобы по-воровски замок спилить. А издеваться над собой не позволю — я дочь полкового комиссара и жена политрука!

Венечка немного поостыл и велел сержанту выйти:

— Нету в армии больше ни комиссаров, ни политруков, — сказал он уже примирительно, дуя на укушенную ладонь: — Ты что — бешеная — живых людей кусать?

— Тоже мне — человек! — возмутилась от двери теперь Наташа. — Руки хоть развяжи, человек…

— А кусаться не будете?… Хорошо, сейчас развяжу… Ну — проходите, присаживайтесь вон на лавку. Поговорим теперь на равных.

— С тобой что ли? — в голосе Зины звучала непримиримость. — Ты сам кто вообще, если способен на женщину руку поднять?

— Старший лейтенант. Тут с разведкой и карательной функцией — старосту Илию вон имею приказ расстрелять. Да только ситуация маленько изменилась. И его, и вас поведу теперь к своим через линию фронта. Или сопротивляться станете?

Женщины переглянулись, и Зина ответила:

— Пойдем. Только девочек своих пристроим у стариков да к тебе получше присмотримся — уж больно ты бессердечен.

Венечка опять подул на ладонь и совсем мирно сказал:

— Попугал, извините уж. А вообще-то я поэт…

— Ну, вот, — рассмеялась Зина, — еще один стихотворец на мою голову. Радуйся, Наташка, — повернулась к подруге, — твоего поля ягода.

Венечка спросил Наташу:

— Тоже пишешь?

— Почему тоже? — обиделась та. — Я сама по себе.

— Прочти, — попросил офицер.

Наташа удивленно глянула на Венечку:

— Что — прямо сейчас?

— А чего тянуть? Ты хоть раз печаталась?

— Не-е…

— Вот! А я много раз печатался — и в газетах, и даже в журнале «Чекист». Может слышала такую литературную фамилию — Полетика?

— Не-е…

— Давай не мычи — я тебе сразу скажу: есть у тебя искра или нет?

Наташа вопросительно глянула на Зину. Та кивнула — читай! Зина помассировала запястья рук и мягко, как умела только она, заворковала, словно не стихи читала, а попросту разговаривала с подругой. Стихи были новые, их никто еще не слышал.

О третьем годе
Мучилась я, Зиночка, головой.
Прямо скажу, что была я вроде
Порченой какой.
Голова болеть начинает —
Сейчас мне лед, порошки,
А я смеюсь, дрожу — поджидаю,
Прилетят ли мои огоньки.
День ли, ночь ли — вдруг зажигается
Вокруг звезда за звездой,
В хороводы, в узоры сплетаются,
Жужжат, звенят, как пчелиный рой.
Церковь над ними потом воссияет,
Неведомые хоры поют —
Не то меня хоронят, не то венчают,
Не то живую на небо несут.
И так я эту головную боль любила,
Срывала лед, бросала порошки,
Но матушка-сиделка усердно лечила —
Так и пропали мои огоньки.

С последним слогом стиха Зина звонко поцеловала подругу в лоб и сказала Вадиму:

— Тут не просто искорка, тут целые огоньки!

Вадим же, закусив губу, успел подумать: «Ну зачем русскому языку столько поэтов? Куда конь с копытом, туда и рак с клешней».

— Что у тебя за тема поповская? Не можешь написать о социалистическом строительстве, о партии, о товарище Сталине? Зачем тебе талант, если ты его используешь не на пользу рабочему классу?

— Талант, значит, есть? — язвительно переспросила Зина.

— Да, есть, — подтвердил офицер, — но от этого ее стихи только хуже, потому что они вредные. А вредный талант работает только на врага.

— Наверное сам про партию и вождя пишешь?

— Конечно! Хотите — прочту! — в запальчивости он поднялся и поставил ногу на табуретку. Потом размашисто, как народный трибун, вскинул руку и начал, чеканя:

Мы —
дети партии родной.
И нет
завидней доли,
Чем поменяться
с ней
судьбой
Быть
словно витязь
в поле!..

Зина редко, вразбивку захлопала в ладоши, останавливая декламатора. Тот умолк и уставился на девушек:

— Вот как должен писать советский поэт, учитесь!

— Да…— Зина помолчала.— Неплохо… Только стихи какие-то двусмысленные.

— Мне все завидуют, — махнул рукой Венечка. — Вот до войны мне так же завидовал паршивый писателишка Артурка Горюнов…

— Кто?!! — буквально взвилась и пошла пятнами Наташа. Венечка даже испугался:

— Э..этот… Горюнов, Артур… Еще роман о гиперборeях писал, как в тетрадке вашего попа Илии…

— Это он! — почти прокричала Наташа и внезапно взяла офицера за грудки: — Где он теперь, мой Артур?!

— Да… отцепись ты! — Венечка еле отодрал от куртки руки женщины. — Откуда я знаю, где его теперь носит? Я вон эту тетрадку листал — так думал, что это он ее тут недавно сочинял… да что здесь происходит, черт вас подери совсем?

Зина спокойно ответила со своего места:

— Этот парень ей ребенка тут оставил, а сам смотался с редкой рукописью. Рукопись эту Илия потом долго восстанавливал, вот ее ты и держишь теперь на столе. Может тоже наберешься наглости издать ее под своим именем?

Наташа не могла успокоиться, нервно прохаживалась по горнице:

— Давай поскорее выходить, командир, — сказала она, — на большой земле я его непременно найду, раз ты знаешь его довоенный адрес.

— Любишь? — удивился Полетика.

— Души не чаю! Любовь мне дочку подарила и стихи. Давайте собираться, а то нас тут немцы прихватят.

Венечка опять окликнул сержанта, спросил, подготовился ли к переходу Илия?

Потом хлопнул в ладоши, привлекая внимание разгорячившихся женщин и сказал:

— Уходим в сумерках. Взять самое необходимое, а пока отдыхать.

Женщины вышли с пустыми руками, пропустив перед собой белых собак. Венечка прихватил со стола тетрадку и сунул ее в сразу располневшую планшетку.

15

Небо, казалось, имело неисчерпаемые запасы воды, и все семь километров до Ряшиново разведчики и Зоя хлюпали по расползающейся под ногами грязи, радуясь при этом, что в такую непогодь немцы не станут высовываться из своих гнезд.

Дождь был почти горячий.

— Первый за все лето, — сказала Зоя и припомнила: — ты, кажется, стихи писал до войны, Артур, хотя почему-то не печатал их. Может припомнишь что к случаю?

Артур отер мокрый лоб и ответил:

— Охотно. Я ведь родом с этого хутора. Когда возвращался со срочной службы, то еще не знал, что старики голода не пережили. Сочинил — как приговорил:

Я был на земле бродяга,
Прикончивший фляжку до дна.
Ушла из меня отвага
С последним глотком вина.

А ночь стояла такая —
Хоть в пузырьки разливай,
Да сполохами играя
Гремел над землей громограй.

До хутора путь неблизкий:
Надеясь, что злость сорву,
Я посох в ладони тискал,
Втыкая его в траву.

Не ждут там меня сегодня —
И завтра не будут ждать,
Хотя не чужой я вроде —
Там жили отец и мать.

Но вряд ли в окошке тусклом
Мигнет для меня огонь —
В том доме темно и пусто —
Калитки его не тронь.

Не тронь у двери щеколду,
Порожка его не тронь.
Не пей из колодца воду,
Не жги в фитильке огонь!

Куда же спешу, бродяга,
На что же надеюсь я?
К тому ж опустела фляга —
Совсем как смысл бытия…

— Впрочем, — подытожил Артур, — стихи кончились, — начинается проза. Видите вон домик с петушком на коньке крыши? Это мой бывший дом. Там и должен ждать нас сержант с немцем… Поосторожнее, пожалуйста — в непогоду по

этой дорожке можно запросто соскользнуть в колхозный пруд, а он глубокий, хоть и давно не чищеный.

— Рыба водится? — спросил старшина.

— А то как же! У меня там под стрехой и удочки должны остаться. Да вон, кстати, на той стороне какие-то два чудака и в дождь удят. Знают, что теперь самый клев.

Старшина вскинул к глазам бинокль и присвистнул:

— Это же наш сержант… Боже святый! Товарищ младший лейтенант, гляньте, кто с ним!

Артур принял бинокль и навел фокус.

— Вот так штука!

Сержант сидел рядом с плененным немцем и оба в четыре глаза глядели на свои поплавки:

— Словно и нет войны, — возмутился офицер, — ну и дисциплинка у вас, старшина, — сидят, как две мишени — хоть голыми руками бери.

— У нас все семь раз проверяется, прежде чем делается, — успокоил старшина. — Сержант наверняка проверил хутор и окрестности и установил, что немцев тут нет. По бережку до них километра полтора? Тогда вы ступайте сразу к рыбачкам. А я за вашими удочками мотнусь.

— Я устала, — закапризничала Зоя, — я в тепло хочу.

— Проводи ее, Клим, в мой дом, попробуй печку там растопить.

— Печку нельзя — дым может привлечь посторонних. Спирту ей оставлю.

— Но только самую малость! Зойка трезвая пригодится нам при допросе немца.

Разошлись. Через полчаса, стараясь не касаться росистых кустарников, Артур и разведчики подошли к рыбакам. Дождь кончился и те мирно сидели рядом — один в пилотке, другой в черной мокрой фуражке. Они были еще в полусотне шагов, когда сержант с удочкой, не оборачиваясь, поднял кверху руку, призывая к тишине.

Подошли. Расселись рядом.

Два красненьких поплавка мягко покачивались перед рыбаками, распространяя вокруг себя мелкие круги на воде. Потом один резко дернулся, исчез, и немец резко рванул удилище. В воздухе словно из ниоткуда возник серебристый окунь, и, кувыркаясь, тут же упал в траву за спинами сидящих. И тут же второй рыбак выхватил еще одну рыбину.

— Клюет, как на пропасть! — обрадовался сержант, слюня крючок и прямо так, голого, без приманки, закинул его в пруд.

Небо начало кое-где высиниваться, потянуло легким ветерком. Разведчики некоторое время отдыхали, не мешая рыбакам. Они уже натаскали по дюжине рыбин, но клев шел все хуже и, когда из-за кустов вышел Клим Обернибесов, сержант опечалил его:

— Погода меняется — клев пропал.

— Жаль. — Тот все-таки размотал леску и закинул крючок в воду. Третий, деревянный, поплавок палочкой лежал на воде и даже кругов вокруг него не было.

— Моя удочка, — по поплавку определил Артур. — Зоя как там?

— Уснула, — старшина весь ушел в ловлю, а сержант сказал:

— А вот мои удочки всегда при мне. Так поверите — у немца за отворотом куртки тоже леска с крючком была намотана! Рыбак рыбака — как говорится — видит издалека.

Но Артур уже не слушал сержанта. Он видел, что немец потерял интерес к рыбалке и теперь вопрошающе смотрел прямо в глаза офицера.

— Freilein … Зоя?. И заговорил, заговорил, путая немецкие, польские и русские слова. Из его горячечной тирады Артур понял, что немца весьма беспокоит судьба некоей девушки Зои, на которую тот имеет серьезные виды.

— Ока-ё-мова, — осторожно произнес немец фамилию.

— Разговорился, — захохотал старшина, — тебе не о женитьбе надо думать, а о том, как шкуру спасти! Товарищ старший лейтенант, мы на этом пруду видны издали, как вошь на гребенке. Надо до подхода группы капитана Лепоты укрыться хотя бы в вашем пустом доме. Я так понимаю, что немец по нашему ни бельмеса не смыслит, ни мы на его гребаном немецком не понимаем.

И вдруг резко обернулся к немцу и крикнул:

— Шпрехен зи дойч, паскуда?

— Ja… Ja!, — радостно прокричал пленный и добавил, словно смакуя: па-ску-да…

— Тогда договоримся, — с удовольствием добавил старшина и без команды старшего первым пошел к кустарнику. В один след, подталкивая плетущегося за офицером немца, осторожно потянулись вдоль пруда. И уже когда обогнули пруд, замыкавший шествие старшина Обернибесов глянул в сторону нужного им дома, приостановился и присвистнул:

— Ну не дура ли! Демаскирует ведь…

Над трубой дома стоял густой белый дым, видимо — от мокрой соломы …

16

В кабинете Ореста Матвеевича Личугина, на громадном кожаном диване сидел ладный молодой офицер. Бледный до синих кругов под глазами, он, казалось, дремал. Но Орест Матвеевич понимал, что Владимир Сухов таким манером копит силы после двух ранений. Хозяин редко курил трубку, да и теперь не разжег ее — просто ходил по комнате, держа вишневый чубук в правой руке и при разговоре ритмично размахивая ею:

— Я сам еще с молодых ногтей интересуюсь канувшей библиотекой царя. Сокровища ее поистине бесценны. Мало того, что великие князья, а потом и Государи Московские собирали в книгохранилище все династические списки, государственные акты, всякие статистические данные и переписные листы — уже после Иоанна Борис Годунов разослал дьяков по всем монастырям и велел собрать в Москву древние летописи и Жития Святых. При нем завершалось написание грандиозного Лицевого свода — практически первой на Руси энциклопедии. Все эти сведения были основой знаний великих людей эпохи — Иосифа Волоцкого, митрополита Макария, Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева.

Личугин забылся, приостановился, раскуривая трубку. Пустил дым, а потом опасливо глянул на раненого и разогнал сизое облачко руками.

— Этот Сильвестр, монах, справщик рукописей царского печатного двора, очевидно, был из последних, кто пользовался утраченной библиотекой. Сильвестр из моих земляков — я тоже родился в Курске, — Личугин легонько потянул из трубки, выпустил струйку в сторону от дивана: — Наш город вообще дал России и Антония Печерского, и Серафима Саровского — великих святых, и Сильвестра вот Медведева… Да, так Сильвестр вышел-таки на след библиотеки, но Петр I велел его казнить. Якобы за причастность к стрелецкому бунту. На деле же с момента воцарения Романовы постарались уничтожить всю настоящую историю страны со времен Рюрика.

— Зачем? — подал голос Владимир Сухов.

— А это интересный вопрос! — воскликнул редактор, и зачадил, теперь уже не сдерживаясь: — Ставленники Европы, они должны были подтвердить своим царствованием норманскую теорию русской государственности. Завладеть богатейшей Россией — это всегда было мечтой Папы римского и всех западных монархов. К тому времени они поняли, что обгрызать нашу державу — только зубы сломаешь, вот и пошли на откровенный подлог. Уже первый из Романовых Михаил Федорович наглухо закрыл для всех кремлевское книгохранилище. В нем тогда, слов-

но книжные черви, копошились странные переписчики в черных балахонах и поиноземному гладко бритые. Царь тогда создал целую почтовую связь между Москвой и Кёнигсбергом, куда чужие монахи увозили и рукописи, и копии книг и документов. А потом возня в книгохранилище помаленьку затихла, чужие монахи исчезли и все помаленьку стали забывать о библиотеке.

Но воду взмутил наш Сильвестр Медведев. Когда его убили — властям казалось — концы ушли в воду. Но тут на Урале возник знаменитый Василий Никитич Татищев, который по сибирским городам и монастырям собрал летописи, до которых не дотянулись руки властей, и написал свою «Историю Российскую с самых древнейших времен».

Хозяйка принесла чай, гость и хозяин перешли к журнальному столику. Личугин продолжал:

— Да, опять незадача: Татищев подозрительно нелепо ушел из жизни, так и не успев издать своего труда. В Екатеринбург для разбора его рукописей и подготовки их к печати от Петербургской Академии наук был послан немец, профессор Мюллер. Как и следовало ожидать, по его приезде все рукописи Татищева сгорели, а труд Василия Никитича был издан по копиям, якобы снятым с его трудов до пожара тем самым Мюллером. Конечно, Татищев очень удивился бы, открой он изданную под его именем книгу с немецкой начинкой!… Ну, а потом уже Карамзин, Соловьев, Бантыш-Каменский при написании своих «Историй» как основу использовали труд Мюллера. Вот так и получилось, — подытожил редактор, — что нынче в наших школах изучается история России, снятая с немецких калек.

Офицер потянул обжигающую жидкость и спросил:

— Но позвольте! А как же летописец Нестор, «Задонщина», «Сказание о погибели земли Русской»?..

— Все липа, — Личугин позвенел чашечкой. — Помните — я говорил вам о Кёнигсберге, куда перекочевала вся информация из библиотеки Грозного? Вот там и приготовлена была грандиозная фальшивка в виде так называемой Радзивилловской летописи. Когда молодой Петр I ехал в составе Великого посольства в Европу, ее показали ему, как якобы найденную в замке Радзивилла. Это была обширная компиляция со всех украденных в Москве летописей. Царь попросил, и ему пообещали передать ее. Но когда спустя время Петр напомнил, то в Москву прислали лишь копию с фальшивой Родзивилловской рукописи. А сама рукопись, как объяснили…

— Сгорела? — догадался Сухов.

— Именно! — поднял кверху не раскуренную трубку Личугин — И когда мы теперь ссылаемся и на «Повесть временных лет», и на самого Нестора, и на Лаврентьевскую летопись, и на прочие иные — мы, сами того не ведая, ссылаемся всего лишь на бледную копию недостоверной Радзивилловской летописи, откуда все якобы древнерусские сведения перекочевали в наше время! И все для того, чтобы доказать несостоятельность славянства, его изначальную предрасположенность к рабству, его историческую зависимость от запада!

— А как же былины, «Слово о полку Игореве», наконец?

— Это незамутненный источник русской культуры и истории. В нем, кстати, нет и намека на то, что русские когда-то посадили на свою шею варяга Рюрика!

— Вы полагаете — и Рюрика не было?

— Вероятно — был Рюрик — но был он, наверняка, славянином. Да и все те рукописи, которые задействованы в Радзивилловской летописи — тоже суть настоящие артефакты. Но они искорежены в угоду хулителей России. А настоящие летописи…

— Хранятся в канувшей библиотеке Ивана Грозного! — закончил за редактора Сухов. — И потому найти и уничтожить ее — дело жизни и смерти всей западной идеологии. Тогда можно будет уже без всяких уловок объявить своими и запасы же-

лезной руды Курской аномалии, и самоцветы Урала, и неподнятые пласты богатств природы всей Сибири. Да что там говорить! — Личугин слегка перехватил дыма, прокашлялся. — Все наши войны и вся европейская военная суета — все это бои за русские богатства на ближних и дальних подступах. У меня, мой юный друг, на этот счет даже припасена собственная теория — теория о трех сундуках. Суть ее такова…

На большом столе тренькнул и негромко замурлыкал массивный белый телефонный аппарат.

— Минуточку, — запнулся на половине фразы редактор и взял трубку: — Иван Маркелович!.. добрый, добрый день… что вы говорите? Сейчас включу радио… Нет, не один, у мена ваш сын Владимир… Как погиб под Рославлем?… Да, конечно, приезжайте, сейчас же, сейчас же!

Личугин опустил трубку, на этом же столике щелчком вернул жизнь такому же белому динамику. Там гремел очередной марш Семена Чернецкого и, пока играла музыка, Нестор Обренович соображал, как выйти из дурацкого положения с самозванным сыновством перед грядущим сюда с минуты на минуту его мнимым отцом.

Невидимый Юрий Левитан после проникающих аж в нервы зубов радиопозывных величественно заговорил: «От советского информбюро. Вечернее сообщение от 17 июня. В районе Белгорода батальон немецкой пехоты пытался захватить нашу высоту и населенный пункт Авдотьины Колодцы, который обороняло подразделение младшего лейтенанта Горюнова. Несмотря на численное превосходство противника, наши бойцы отбили атаку гитлеровцев, однако противник успел подло уничтожить все мирное население, отравить колодцы. Есть потери в войсках, выведенных в населенный пункт на отдых и переформирование. В результате боя уничтожено до 120 немецких солдат и офицеров, захвачено 8 пулеметов, 70 винтовок и другое вооружение».

— Вот здорово! — обрадовался редактор, и Нестор удивился тому, что негативная, в сущности, сводка, подняла настроение Оресту Матвеевичу. Тот объяснил причину радости:

— Вот и нашелся наш Василий Горюнов!

— Кто это? — не понял словак.

— Расскажу после… Владимир Иванович, сейчас сюда приедет ваш отец — заведующий политическим отделом «Правды» Иван Маркелович Сухов. Но он утверждает, что вы погибли в сорок первом году под Рославлем, у него документ есть. Объяснитесь теперь или подождем Сухова?

— Пожалуй, подождем отца… Так вы остановились на трех сундуках, Орест Матвеевич!

— Ах, да… Извольте. Суть теории такова: если все население земного шара определить в 100 человек, то окажется что в России живут лишь трое из них. Если, в свою очередь, поделить все богатства недр планеты на три сундука, то окажется, что один из них находится в России. То есть мы, русские, сидим втроем на одном сундуке, а все остальные 97 человек — всего лишь на двух сундуках. Отсюда понятно, что эти 97 всеми силами постараются столкнуть нас с нашего сундука. Чем и занимаются теперь усиленно. И надо быть слепым, чтобы не видеть — мы теперь воюем не с немцами, а, по большому счету, с англоязычным, я бы перефразировал — наглоязычным миром. И основная война, дорогой Владимир Иванович, еще впереди — в двадцать первом веке. Нас убивают теперь затем, чтобы на заветном сундуке остался один, а еще лучше — ни одного славянина. Тогда — приходи и набивай карманы самоцветами из нашего сундука… Впрочем — подъехал Иван Маркелович. Что ж, буду рад свиданию отца и сына.

Дверь открылась — в комнату почти влетел старший Сухов.

Словак встал, поморщившись от боли, щелкнул каблуками и представился:

— Поручик Нестор Обренович, с особым заданием от Главковерха Корсакова, имею честь!

Старший Сухов опустился в кресло с белым чехлом и отер испарину на лбу:

— Черт возьми, ведь так и кондрашка может хватить!.. Меня даже не предупредили. Впрочем, вы и впрямь похожи на сына.

Он пристально посмотрел на Личугина, потом опять на Нестора и сказал:

— Вот с этой секунды для всех пусть будет новостью то, что мой сын жив. Собирай вещи, сынок, едем домой. Передайте генералу Корсакову, Орест Матвеевич, что отец взял Владимира Сухова под свое крыло.

— Со мной адъютант, старшина Оборотень.

— Да пусть хоть вурдалак! — согласился Сухов.

И уже от двери добавил:

— Да, когда я проверял материалы для сводки Совинформбюро, что вы только слышали, то мне не понравилась их двусмысленность. Боюсь — как бы там не началось следствие и Горюнова не арестовали. Вы уж вырвите его поскорее с фронта. Тем более, что надо писать сценарий для Эйзенштейна и на эту акцию у вас есть карт-бланш самого Верховного.

17

Капитан НКВД Вадим Полетика под самым носом троих «коллег», спешивших за ним в кабинет, успел прошмыгнуть в туалет. Туалет оказался дамским. Зажавшись в угол, слышал, как трое сначала стучали в двери кабинета, потом начали ломать ее. Он ловил момент, чтобы выскочить, как в помещение вошла Антонина Наказных. Увидев капитана, она округлила от ужаса глаза и прошептала:

— Вы… вас ищут.

— Раздевайся! — почти рявкнул Вадим. Та пошла пятнами и тем же шепотом запротестовала:

— Вы что… прямо в туалете?.. сюда могут войти..

— Верхнюю одежду быстро давай — юбку, кофточку, кокошник, туфли!

Дошло. Она нервно срывала одежду, и ее тут же напяливал прямо на форму Вадим. Сунул пилотку за пазуху, подвернул брюки. Быстро огляделся, с подоконника схватил простынку вчерашних «Известий», завернул в них сапоги. Перед зеркалом поправил кокошник и вышмыгнул в коридор.

Там было пусто. Осторожно, стараясь не торопиться и не вихляться на каблуках, пошел к выходу. Не чуя ног, скатился с четвертого этажа на первый, влетел уже тут в женский туалет. Здесь перед зеркалом высокая строгая дама подкрашивала и жевала губы, и Вадим выскочил вон. Прямо под лестницей сорвал с себя все бабье, надернул и оправил гармошкой сапоги и в окошечко дежурного показал пропуск.

Уже на улице перевел дух и на ходу впрыгнул в маршрутный автобус. Сквозь заднее стекло до поворота следил за подъездом наркомата. Погони вроде не было.

Автобус чадил и скрипел, через несколько остановок Вадим перебежал в трамвай, потом еще долго попутно ехал с нагловатым старшиной на «полуторке» и на окраину столицы добрался минут через сорок. Он видел, что патрули уже тщательно проверяют всех офицеров, не исключая особистов, и потому конец пути прошел пешком, задами окраинных огородов.

Он прибыл на Сербское православное Подворье при митрополите Московском и Крутицком и молодому привратнику в фиолетовой рясе в будочке у ворот назвал пароль:

— Семаргл.

Отзыва не требовалось. Слово, которым снабдил Вадима сам генерал Жуков, сработало мгновенно. Привратник захлопнул окошечко будки, осторожно, чтобы не звякнуть, поставил в угол на приклад винтовку с оптическим прицелом и вышел. Молча, словно не зная языка, поманил капитана за собой, и провел в невысокий трехэтажный дом. На первом же этаже постучал в двери и пропустил офицера перед собой.

Вадим вошел один и зажмурился от яркого света. Он увидел сначала громадную пятисотваттную лампочку в воронкообразном жестяном абажуре, потом большой стол с развернутой черно-белой картой с тяжелыми книгами под ним и двух людей — один старый бородатый в монашеском облачении, другой — молодой советский офицер. В углу на маленьком столике пыхтел самовар, но чашки у собеседников еще были пустые. Очевидно, они увлеченно разговаривали до прихода Вадима, а потому враз смолкли и вперили взгляды в вошедшего.

— Се… Семаргл! — осмелел Вадим, на всякий случай повторяя пароль. Монах махнул рукой и сказал:

— Слышу, слышу глас Георгия Константиновича! Слово это как ключик к замочку, ведомо лишь нескольким посвященным. Знать, припекло с того боку, откуда не ждал?.. Не обижайся на старика, что на ты обращаюсь — мне уже почти семьдесят. Я — митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, в миру Сергей Владимирович, а это — Владимир Иванович Сухов, тоже по этому паролю пришедший. А ты кто будешь, служивый?

Артур назвался. Его пригласили к столу. Алексий сам засуетился у самовара, и скоро запах ароматнейшего чая наполнил комнату. Вадим отхлебнул: да, такого напитка не бывало даже в приемной Лаврентия Павловича!… Кажется, только однажды, еще на тайном свидании с генералом на даче Жукова, он пробовал что-то похожее. Сочный, ароматный, почти сытный!

— Хорош чаёк? — Митрополит сам с удовольствием пил из чашки вприкуску. — Это мне из града Канска с «аэрокобрами» привозят от старца Ионы. А он уж какими-то путями получает его из-за китайских границ, от самого Беловодья!

— Беловодье — встрепенулся Вадим — это уж не то ли Царство Белых Замерзших Вод, о которых я читал в сказке староверческого попа — старосты Илии подо Псковом?

— Так это вы арестовали и вывезли в Москву через фронт Илию?

— Не трогал я его!.. Только книгу прочел и переписал частью. А вы его откуда знаете, владыко, ведь он же старовер?

Митрополит ответил, степенно отдуваясь:

— Старовер, обновленец, язычник… Не суть важно, как называть. Важно, чтобы человек был хороший. Вот ты произнес языческое слово — Семаргл — и я, православный архиерей, принял тебя, как родного.

— Кстати, владыко, — откалывая кусочек сахару от куска, спросил Вадим — этот Семаргл — бог, что ли?

— Нет, это собака.

Вадим поднял голову:

— Собака?… Из страны Гипербореев?

— И не только! Это божественный пес славян, их покровитель и своеобразная эмблема.

— Вот уж не знал! — Вадиму стало интересно. — Но мне почему-то казалось, что подобная зверюга может быть покровителем лишь кровожадных народов. Ну — вроде немцев.

— Правильно! И не случайно у немцев отчеканена вот такая медаль.

Митрополит прошел к бюро у стенки, вытянул маленький длинный ящичек и из него принес на ладони латунно блеснувший кругляш. Вадим взял его. На медали был изображен корпус хищного зловещего зверя с собачьей мордой и по окружности лежали буквы «Die Mutep Giena».

— Что это? — почти брезгливо метнул он медаль на стол.

— Мать Гиена — эмблема Германии. А чему тут удивляться? Германцы и славяне — одного поля ягоды. И покровитель у нас один — собака. Если угодно — белая собака гипербореев. А наш Христос и сонм его святых пришли значительно позже! И принесли с собой меч, как и обещал Богочеловек. И его святые через од-

ного — убийцы и прелюбодеи! Будь моя воля, — разгорячился монах, — я бы ни одного военного и близко к канонизации не подпускал. Это ж надо — вчера положил тыщи невинных, покаялся и — изволь венчик над головой… Александр Невский, в орден его… в качель и колыску! Вот потому и терпим я ко всем верам и их жрецам, хотя лично исповедую православие.

— Самую правильную религию? — съязвил, не удержался, Вадим.

— Самая правильная и единственная это у вас: марксизм-ленинизм-сталинизм, — отыгрался Алексий, — а у нас — исконная, но терпимая к другим.

— Военных вы не любите, хотя идет война, и без нас, как говорится, не спасет ни Бог, ни царь и ни герой.

Митрополит покачал головой:

— Ни причем тут все военные. Особенно подневольные солдаты, мелкие офицеры, вроде тебя. А вот генералы всех армий и всех народов — это коршуны, стервятники. Ты же сам знаешь, что стать генералом можно, лишь раздавив всех, через кого приходится подниматься к чину. И вот для них война — это нормальная среда обитания, это их воздух, их пища и их Бог. И пока мы будем растить на свои головы генералов — войны не прекратятся. Кто они такие без войны? Кто бы знал без мировой бойни Гудериана, Рокоссовского, Манштейна, Монтгомери, Андерса, Эйзенхауэра…

— Вашего друга Жукова? — поддел Вадим.

— И его тоже. И Георгий Константинович хорошо понимает, что нынешняя война — это его звездный час. Не будь ее — он бы сам развязал что-нибудь подобное! И когда в войну втянулась Белая Армия генерала Корсакова, он вообще почувствовал себя пупом земли — вокруг него завертелась все военные машины воюющих стран! По большому счету им всем наплевать, с кем и против кого воевать. Главное, чтобы горели города, двигались фронты, тонули подводные лодки, да чтобы на вооружение ставилось все более убийственное оружие. А солдатики? Они же оловянные, на то и сделаны, чтобы стоять во фрунт и гибнуть за фельдмаршала. Чем больше лягут в ту же землю, тем большая слава воителю. До отдельных ли божьих душ тут?

— А … Сталин? — спросил молчавший до того Владимир Сухов.

— Тут — еще хуже, — митрополит помолчал, словно решаясь на что-то, а потом прошел к бюро и из того же ящичка извлек листок. Уже за столом развернул его:

— Это расшифровка переписки Черчилля с Трумэном, запись датирована 22 июня сорок первого года, днем начала войны. Знаете, как толстяк Уинстон назвал нашу Великую Отечественную?.. Вот что он пишет дословно: «Начавшаяся война в России — это война Сталина с собственным народом при помощи Вермахта». В точку ударил надменный сакс.

Вадим отставил чашку, отер салфеткой губы и опустил салфетку на блюдечко.

— Выйдем — покурим? — предложил он Сухову.

— Охотно! — согласился тот, похлопывая себя по карману, где лежал портсигар. Уже поднялись с разрешения митрополита, когда Вадим спросил:

— А как же быть без генералов-то?

— Мутузить не надо друг друга, почем попадя. Вот в былинные времена сошлись две рати — русская князя Мстислава, и косожья Редеди. Два вождя мудро решили, что лучше им двоим подраться, и победителю достанется все. Так и сделали. В поединке Мстислав зарезал Редедю, а потом два войска попировали на поминках и разошлись по-хорошему. Вы думаете — тогдашним генералам это было надо? Зубами, поди, скрипели. Вот и у нас — нехай бы Сталин и Гитлер побаловались на ножах, а генералов даже подпускать к войне не надо было. И сейчас совсем не Сталин, а все русские люди — белые и красные, язычники и православные — не святые, и не генералы, не Бог, не царь и не герой, как ты изволил выразиться, и прикрыли собой свои жилища.

— Софистика!.. — мечтательно сказал Вадим, и офицеры вышли на крыльцо. У двери стоял старшина, и по какой-то его реплике Вадим понял, что он хохол. Сухов сказал, предлагая Вадиму «беломорину»:

— Мой человек, Оборотень.

Это было последнее слово, которое слышал в своей недлинной жизни хороший человек Вадим Полетика. Не зная того, он на миг поменялся с Суховым местами, а привратник в будке не успел снять с курка палец. Выстрел хрустнул, и Полетика повис на руках словака. Но к будке уже бежал старшина Оборотень, он прямо через окошечко всадил в коричневую рясу пару пуль от своего маленького пистолетика «Вальтер». Он увидел сползающую на пол фигуру с винтовкой и услышал затихающее:

— О, Main Got!..

18

Старый Кузьма Лаврентьевич все-таки слепил в садике за пепелищем хворостяную избушку. В ней теперь сидел с Артуром, капитаном Лепотой и пленным немцем Куртом. Света не разжигали, но накурили изрядно — дым густо тянуло в пустое оконное отверстие. Остальные разведчики спали в саду, одновременно считаясь и собственной охраной. Стояла изумительная летняя ночь. Где-то на северной окраине города, в районе аэродрома, в небо упирались и торчком стояли световые столбы от прожекторов, и от этого остальная часть неба выглядела прохудившимся белесым платком.

Капитан Лепота в углу за столом допрашивал немца. Они говорили негромко, и офицер при этом делал пометки в тетрадке. Артур же и старик предавались воспоминаниям. Дед рассказал, как упал он с небес в речку, в самый омут, как потерял на глубине в пронзительно холодной воде сознание и как очнулся уже на берегу.

— Не соображу даже, сам выбрался, или кто помог. Только двое суток я отлеживался в кустах без движения после того падения с самолета. Ну, а когда оклемался, то ушел потихоньку на Дон, на свой хутор: понимал, что в Верхососенск мне нельзя. Вернулся вот в прошлом году, когда уже весь край оказался под немцем. Пришел начальник милиции — документы потребовал. А какие у меня документы, когда черный чекист меня арестовал на глазах у того ж начальника милиции.

— Постой-постой, — не понял Артур, — как начальник милиции? Ты же сам сказал, что уже под немцем все было.

Кузьма Ларентьевич свернул козью ножку, достал мешочек с кресалом и огнивом.

— Вот бесова привычка, — он имел в виду курево, — привязалась уже тут недавно, хоча старая вера зелье курить не велит… Да, тот самый начальник милиции, что и до войны был. А они его, немцы, и не тронули. А зачем? Уркаганов он всех окрестных знает, у кого самогон — тоже лучший наводчик. А тут еще тюрьма полна ворьем. Так и оставили при должности. Из тюрьмы, правда, выпустили кого невинного, а душегубцев и охочих до чужого добра так и оставили сидеть. Что ты! Без порядка нельзя. Да и город они начальнику милицейскому в пользование оставили. Чего тут брать? Правда, у них какие-то люди на Вылазном кордоне чернозем прямо с дерном вырезают целыми площадями и увозят грузовиками на станцию. Наверное, в свой фатерлянд отправляют: я там в плену был о шешнадцатом годе — землица у них и впрямь против нашей — швах. А тут сами-то они все больше на краю обитают, там, откуда меня в небо комиссар увозил. А в городе все так — вроде и войны нету — тока вот хату мою спалили, гады…

Дед сердито запыхтел и закончил:

— Так что ослобождаю тебя от твоего слова.

— Какого слова?

— Ну, помнишь, ты же еще дощечек с комбината обещал натаскать для веранды. И где она — эта веранда?..

— Не робь, Кузьма Лаврентьевич, — Артур хлопнул старика по плечу, — срубим мы тебе после войны хоромы — лес вон у нас под боком былинный, разбойничий…

И он замолк на полуслове с открытым ртом, потому что изумил его яркий лимонно-оранжевый свет, окрасивший небо в мгновение ока. Враз все четверо из хатушки оказались на улице, и опять Артур увидел уходящий в небо шар, и спустя пару минут мощный гул покрыл окрестности, наваливаясь на город мощными затихающими волнами. Гул уже утих, а огненный шар все уходил в небо, медленно превращаясь в маленькую ослепительную звездочку.

— Последняя? — повернувшись к Курту на русском языке спросил капитан. Немец стоял, придерживая на макушке заломленную фуражку, и, когда звездочка совсем исчезла, торопливо ответил:

— Naturluch, naturlich…— то есть останняя… последняя.

Артур вопросительно посмотрел на командира:

— Вы о чем это с немцем ?

Капитан Лепота щелкнул крышечкой портсигара и прошел под вишню, на пенек. Военный молча опустился рядом на траву. Дед махнул рукой:

— Пойду покемарю… Это они уже шестой шар за месяц в небо пускают, — и скрылся, притворив за собой плетеную дверь.

— И что бы это значило? — Артур уставился на капитана.

Капитан подал папиросу офицеру и предложил немцу. Тот двумя пальчиками аккуратно вытащил «беломорину» из-под резиночки портсигара, но раскуривать не стал, просто стал мять ее в пальцах.

— Брезгует тевтон? — кивнул на него Артур.

— Да какой он тевтон, — махнул рукой Лепота, — полуполяк, полуавстрияк. Если бы не его знания, то по меркам доктора Геббельса, он тоже недочеловек. Но вот голова у него редкая — он тут за главного конструктора.

— Маятник Фуко? — припомнил Артур старую электростанцию.

— Вот-вот. Но главное — он наладил запуск в небо снарядов со шпионской аппаратурой, и эти снаряды — представляешь — способны летать вокруг земного шарика!

— А поподробнее! — загорелся Артур.

— К сожалению, я мало что смыслю в физике, но со слов пленного Курта понял следующее. Ты готов? Тогда держись за пенек, чтобы не упасть от неожиданности. Вот ты местный житель. А назови мне самое большое богатство этого края?

— Ну… лес вон, речка превосходная, чернозем, дед говорил, немцы воруют.

— Вот! — вроде как обрадовался капитан, — а немцы, оказывается, знают! Под нами, дорогой мой фронтовик — богатейшее в мире месторождение железной руды! На всех геодезических картах оно так и называется — Верхососенское железорудное месторождение!

— Ну? А ракеты при чем?

— Курт объяснил, что электромагнитное поле, которое пульсирует над нашим месторождением, попросту вытягивает снаряд в высоту по спектральным линиям этого поля! То есть, снаряд нужно только подтолкнуть — и он уже в поднебесье. В мире нет больше такого удобного… как бы это подобрать слово?

Слово подобрал Курт. Все так же растирая папиросу, он по слогам произнес:

— Аст-ро-дро-м.

Артур внезапно забеспокоился, вскочил с пенька и забегал вокруг вишни.

— Удивлен еси? — с веселыми глазами глядел за ним капитан.

— Так вот почему в небе запросто летали добролеты гипербореев? — толкал он себя ладонью в лоб. — Они попросту отлично знали физику и использовали магнитное поле Земли. Я ведь изначально подозревал, что в тетрадках протопопа

Илии — все правда! И Хранители Духа, и белые собаки, и чудовища, и механические покатила.

— Так и я Илие с младых ногтей верил. Ты слушай дальше и успокойся, — остановил его капитан. — Так вот, с помощью маятника Фуко Курт и его группа физиков как по стрелке магнита определяют напряжение магнитного поля. На аэродром… то бишь на астродром, из Германии привозят уже готовые снаряды и ставят их на пусковые установки. В самое благоприятное время их запускают. И все — вся наша диспозиция из поднебесья просматривается немцами, как на ладони, фотографируй — не хочу!

— А как же эти фотографии доставить на землю? — не понял Артур.

— Вот тоже фокус придумали! — капитан говорил с восхищением. — Как говорил поэт — проявился сумрачный германский гений! Оказывается, что с каждым витком вращения вокруг Земли этот шпионский снаряд все больше сползает к югу — вроде чулка по ноге. Он делает все меньшие круги и опускается все ниже, а потом просто падает как раз в серединку Антарктиды. Там его уже ждут закутанные до кончиков носа и проспиртованные эсэсовцы. Грузят снаряд в самолет, везут к берегу, где у них стоит ледокольный теплоход «Фон Бюлов». На теплоходе все расшифровывается и по радио передается в Берлин. Словом — сейчас вот шарик вылетел, а завтра к обеду фюреру на стол уже положат свеженькую фронтовую сводку… Вот какое богатство лежит у нас под ногами, Артур!

— Так это же… астродром этот нужно немедленно уничтожить к едреной бабушке!

— Ну, — это не нам решать, ведь совсем скоро город будет освобожден, и вся эта мудреная механика очень может пригодиться, — остудил его пыл командир. — Зато нам думать, как поступить с этим головастым Куртом? Живым его немцам оставлять нельзя, а через линию фронта тянуть с собой рискованно: может или погибнуть, или тягу дать… Помнишь, когда мы прошлой ночью сюда с хутора Ряшиново шли, Зойка просила оставить Курта у нее? Дескать — спрячет до прихода наших.

— Нужны ему наши! — присвистнул Артур, — да и Зойка еще та стерва, с сердцем Марата. Её самоё, как говаривал незабвенный Венечка Полетика, еще разъяснить надо.

В плетенухе закашлялся и заворочался Кузьма Лаврентьевич, и это подтолкнуло Артура к рискованному решению. Он глянул на избушку и сказал:

— Курта мы до поры спрячем в здешней тюрьме.

— Не понял? — встрепенулся капитан.

— А тут и понимать нечего. Начальник милиции соображает, небось, что придется ответствовать за прислужничество оккупантам, и поэтому поможет нам. А немцы, хоть до самой руды перелопатят тутошние окрестности — в тюрьме и не подумают искать своего небесного гения.

После подробных объяснений капитану идея понравилась.

— Но как же поступить с астродромом? — опять побеспокоился Артур, — ведь они и без Курта по налаженной дорожке еще не один снаряд в небо выплюнут: много вреда принесут, пока мы город займем.

— Да нынче вот ушел их последний запас, — ответил капитан Лепота, — и новых расчетов по маятнику Фуко у них без Курта никто не сделает. Вот в три часа ночи у нас радиосеанс — там и получим инструкции. Кстати, Артур, — капитан помрачнел, опять потянулся к куреву, — боюсь, что тебя на большой земле ждут неприятности.

— Почему? — насторожился Артур.

— Ребята мои вчера сводку Совинформбюро слушали, так там было какое-то нехорошее сообщение с Авдотьиных Колодцев и твою фамилию называли. Сам я не слышал, но ничего доброго от таких сообщений ждать не следует.

— И что мне делать? — опешил Горюнов.

— Да ничего. Просто лишних бумаг при себе не держи и по возвращении язык не распускай… Ну, поднимай деда. Пусть приведет сюда начальника милиции — надо до рассвета нашего неполноценного в расовом исполнении гения в камеру определять.

19

Был на Ближней Даче у Верховного маленький кабинет, где он принимал только в самых крайних случаях — и самых проверенных. Сюда так и не провели телефона, не было радио и электричества, а единственную комнату освещали большие белые свечи из канделябра-семисвечника. Тут теперь, помимо хозяина, были и сидели каждый на своем диванчике — генерал Жуков, генерал Берия и некто в гражданском платье, не знакомый обоим генералам. Берия с досадой на своих нерасторопных подручных успел подумать, что этого человека он не впервые встречает в самых неожиданных местах, особенно с началом войны. Сидел гражданский на диванчике скромно, лицо его тонуло в тени, но было заметно, что он еще сравнительно молод, и в разговор он не вмешивался. Жуков гражданского раньше вообще не видел.

Только что зажженные свечи горели ровно, с еле заметными ниточками белесого дымка. Пахло ладаном. Сталин в одиночку сидел за столом и здоровая рука его спокойно лежала на зеленом сукне круглого стола:

— Я собрал вас перед началом грандиозного сражения, — заговорил Верховный, — и потому хочу знать теперь из первых уст, что происходит у нас в стране и Армии. То, что вы не терпите друг друга — ваше личное дело, но страна и армия у нас должны быть едины. Товарищ Жуков, вам слово.

Жуков поднялся и стоя пересказал суть недавнего военного Совета у генерала Корсакова и о том, что немецкий ледокольный транспорт «Фон Бюлов» ушел из устья Лены в неизвестном направлении.

— Это хорошо, что Ставка Главковерха обеспокоена ходом событий. Мы закрепим принятые там решения. Теперь лично о вас, товарищ Жуков. Как вы полагаете, с чем связано требование генерала Корсакова об отстранении вас от руководства войсками на Курском выступе?

— Видимо, — пожал плечами генерал, — Корсаков хочет всю славу в случае победы приписать своим Сибирским войскам.

Сталин помолчал, слегка пошевелил пальцами…

— Да, — согласился он. — Но мы и так идем перед ним на неоправданные уступки. Вернули в армию старые звания и погоны, по всей стране распахнули церкви. Теперь вот, по настоянию того же Корсакова и недобитого Алексея Романова придется вернуть верующим патриарха.

Сталин метнул взгляд на встрепенувшегося Берию и сказал: — Да, товарищ Берия, церковным патриархом станет митрополит ленинградский и новгородский Алексий.

— Но ведь он мракобес!

— Как и все прочие церковники, — согласился Сталин, — так вот, товарищ Жуков. Можете передать Корсакову, что на патриарха я еще согласен, а вот вернуть двуглавого орла и трехцветное знамя — это, извините — после меня. Я и так уже далеко отступил от завоеваний Октября. Но вы руководить боями под Курском не будете. У вас все?

— Товарищ Сталин — отстранять меня — это несвоевременное решение. Тем более, что нынче утром я получил сообщение с передовой о том, что в немецком ближайшем тылу обнаружен целый космодром немцев.

— Что? — в один голос переспросили Сталин и Берия.

— Вы не ослышались: площадка для полетов в космическое пространство.

— И — летают? — осторожно осведомился Верховный.

— Да, летают над нашими головами, над головой Корсакова. Над всей Россией и миром.

— Так они могут сбросить бомбу прямо на Кремль?

— Не думаю, товарищ Сталин: с такой высоты до земли не долетит никакой заряд — сгорит. А вот аэрофотосъемку они могут делать по любой местности.

— А сбить его нельзя?

— Слишком высоко. В Академии наук — я справлялся — это называют суборбитальным полетом. Пока туда не забираются ничьи истребители.

Берия зашевелился и сумеречно спросил:

— А человека они не могут в том снаряде запустить?

— Ну, откуда я знаю! — Жуков ответил раздраженно и повернулся к Сталину: — Считаю, нужно внезапной войсковой операцией вырвать прифронтовой Верхососенск у немцев и овладеть космодромом.

Сталин постучал пальцами по столу и недовольно ответил:

— Наверное, Корсаков прав, настаивая на вашем удалении из зоны будущих боев — иначе вы мне тут своими преждевременными операциями всю стратегию исковеркаете. Сегодня же вы получите назначение в полосу Белорусских фронтов, а космодромом мы попросим заняться товарища Берию.

— Слушаюсь, товарищ Сталин. Кстати, у меня там уже работает следственная бригада генерала Фриновского, — с готовностью приподнялся тот.

— Причина? — спросил Верховный

— Преступная халатность частей в обороне привела к тому, что диверсионная группа противника прорвалась в населенный пункт Авдотьины Колодцы и вырезала местное население и часть солдат. Проведем расследование, публичные заседания трибунала в частях и наглядное наказание учиним, чтоб другим неповадно было. Фронт уже очнулся, и теперь там все начеку.

— Ну, правильно… — Сталин помолчал и добавил: — Беспечность никогда еще не оборачивалась к нам с хорошей стороны. Еще со времен язычников терпим беды от беспечности. Кстати, Лаврентий, — вспомнил он, — нашел ли ты в частях автора той самой книги о язычниках… гипербореи, кажется?… что должен нам написать сценарий для патриотического фильма? Эйзенштейн просил напомнить тебе о твоем обещании.

Берия самодовольно улыбнулся, лицо даже залоснилось:

— Да, товарищ Сталин. Им оказался сотрудник наших органов старший лейтенант Вениамин Полетика. Исходная тетрадка у него есть и по ней он уже накатал целую стихотворную поэму — сценарий. Он только что перевел через линию фронта и продажного попа — якобы нынешнего летописца гипербореев, и двух монашек. Попа мы, понятно, кокнем, а баб уже отправили в лагерь под Норильском — пусть там никелевому богу помолятся!

— Позвольте! — встрепенулся несколько пришедший в себя после нового назначения Жуков. — Но ведь автор книги о гипербореях — некто Василий Горюнов, я его перед самой войной к Корсакову от твоих опричников спрятал. Помнишь, Лаврентий Павлович?

— Ну — натурально, — согласился Берия. — Только, понимаешь, какая штука, Георгий. Я сверялся, по сохранившейся районной газетке проверял. Напечатали «Гипербоеев» в Верхососенске — и старший лейтенант Полетика из Верхососенска. Мы искали некую изначальную рукопись с провидческим текстом — она тоже оказалась у Полетики. Он сам признался, что в газете подписал роман псевдонимом: В. Горюнов. Так что настоящего Горюнова, если таковой и был, я не видел и опричники мои, как ты изволил выразиться, его тоже не сыскали.

— Что — съел? — Сталин остановил смеющиеся глаза на Жукове. Хотя — позвольте: где-то я недавно слышал эту фамилию: Горюнов?

— Ну — фамилия не редкая, — Берия развел руками, — и звучала она в сводке Совинформбюро сообщением о тех злополучных Авдотьиных хуторах. Подразделение Горюнова и отбило вылазку диверсантов.

— Что-то много Горюновых для одного разговора, — с сомнением сказал Сталин. — И я бы очень не хотел, чтобы в самый неподходящий момент лишний из них путался под ногами у Эйзенштейна.

— Лишнего — не будет, — заверил Берия. — И этого, единственного, еще накажем за нервотрепку, что он причинил Наркомату накануне войны.

— Накажите, — согласился Верховный. — Но при этом имейте в виду, что в случае удачи авторы фильма «Гипербореи» могут рассчитывать на Сталинскую премию. Это будет широчайшее эпическое полотно о народе-победителе и его вождях… Впрочем, это пока не ваше дело.

Сталин приподнялся и задул верхнюю свечу на семисвечнике:

— Ступайте теперь по своим делам.

Он так и выпроводил генералов стоя. За дверью Берия надел шляпу и спросил:

— А кто этот сыч в штатском, что молчком просидел весь вечер?

— Здрась-те ! — Жуков склонился в шутливом полупоклоне. — И это спрашивает всезнающий Берия? Уж если тебя Хозяин не счел нужным познакомить с этим сычом, то я вообще его в первый раз видел. Впрочем, и в первый-то почти не видел — он ведь в тени просидел.

Жуков первым вышел к своей машине. Но машину Берии пропустил перед собой, и потом тоже велел шоферу выруливать на трассу.

А в малой комнате Сталин разлил из бутылки с тисненой виноградной веточкой рубиновый напиток и поднял фужер тонкого стекла:

— Старый Бесо Закаридзе в самые отчаянные месяцы бесперебойно присылал мне это вино. Нынче оно поступило в последний раз, поэтому дарить вино Магистру больше не смогу: чекисты застрелили старого Бесо, когда он попытался укрыть от ареста сына. Выпьем же в память замечательного винодела.

Гражданский поднялся и тоже поднял стакан.

Выпили.

Сталин поставил фужер, сел и сказал:

— Прав этот проклятый Жуков: настоящие опричники!

20

Артур обхватил голову руками и выл. Выл по волчьи, дико, и слезы в два ручья текли по его небритым щекам. Он сидел за дощатым столом в доме на хуторе Авдотьины Колодцы, где квартировали оставленные им десантники и с сердечной болью слушал своего сержанта. Тот говорил виновато, переступая с ноги на ногу;

— Мы ведь и без вас, товарищ старший лейтенант, от устава ни-ни!.. Все по часам: отбой, караул, смены — как положено. А у соседей! — сержант махнул рукой, — обычный бардак. На окраине самоходчики спирт технический глушили, понтонный батальон на машинах девок катал, минометчики стиранные штаны на стволах сушили.

Сержант не выдержал:

— Да не убивайтесь вы так, товарищ младший лейтенант… ну, они ночью и пожаловали. Работали ножами, гады: как курей резали и местных, и солдат на позициях. Мы уж заметили диверсантов, когда они в колодец в соседнем дворе отраву сыпали. Стукнули крышкой — мы уши торчком. Один гад уже у нас через подоконник перелезал — я сам под окном лежал. Так успел рвануть у него из рук нож и сумку с пояса. Вон они в углу лежат, еще не смотрели, что в сумке. Да и комиссия тут из Москвы прибыла — велели ничего не трогать.

— Кто они?

— Черт их знает! Ночь пасмурная была, а они еще и в камуфляже. Мы, конечно, в ружье — семерых прямо в нашем дворе положили. Сколько ушло — не знаю — темно было. Утром проверили — убитые без документов. Только…— сержант помялся, словно не решаясь сказать что-то.

— Ну, говори.

— Нюх у меня собачий, товарищ командир… Тройным одеколоном от них пахнет… Нашим.

Артур перестал раскачиваться, оторвал руку от головы.

— Подай сумку диверсанта!

Взял зеленый немецкий чехол от противогаза. Брезгливо вытряхнул содержимое на стол.

Зажигалка с тисненым имперским орлом. Плитка шоколада. Записная книжка. Губная гармошка. Презерватив. Ножнички для ногтей. Упаковка непромокающих спичек.

Полный джентльменский набор диверсанта. Жаль — немецкого не знаем.

Артур раскрыл книжку и оторопел: там были стихи — и стихи на русском:

«Вот оно —
счастье великого дня!
Родина
Выбрала только меня!»

— Что за чушь! — Артур повертел книжечку, опять раскрыл:

«Авдотьины колодцы — Сальери, — прочел он. Перевернул еще:

Жечь клеймом
Врагов народа,
Как велит
Родной нарком,
Буду даже
В непогоду,
Буду явно
и тайком!»

И страшное, дикое подозрение шевельнулось в груди Артура. Оно вырвалось наружу криком, которого испугался сержант. Артур кричал от того, что на первой страничке книжки прочел имя хозяина, написанное самим же хозяином: известный русский поэт Вениамин Полетика.

… Артур все понял. Семерых убитых ему Венечкины коллеги не простят.

Артур достал свой фибровый чемоданчик из-под кровати и вынул рукопись. Он не обольщался насчет своего будущего. Он заканчивал «Гипербореев» спешно, уже не думая ни о языке, ни о стиле. Главное было — домыслить содержание, дописать книгу так, как это сделал некогда безвестный автор.

Сержант на цыпочках вышел и еще несколько часов в дом никто не входил. Десантники видели только, что командир подходил к окну, курил густо в открытые створки, и опять писал.

К вечеру пришел капитан Лепота. Его пустили.

Савелий открыл дверь и едва увернулся от табуретки, которую Артур метнул со всего размаха. Капитан присмотрелся:

— Ты… пьян?.. С кем же ты так нализался, десантник?

Артур придвинул к себе другую табуретку и сел. Внезапно он прочел, слегка заикаясь на согласных:

Мы пили водку с домовым.
Скрипел под ветром старый дом.
Клубился чад и плавал дым —
А мы сидели за столом.
Я ж вообще не пью один —
Пусть хоть под ложечкой сосет.
Курил он смрадный никотин
С цигаркою наоборот.

Был домовой лукав и пьян.
И я был пьян. Но не лукав.
И сквозь подсвеченный туман
Ко мне он плакался в рукав:
Как нелегко нам, домовым,
Не то что вам: пришел, ушел…
Он истекал неспешно в дым,
Я спешно утекал под стол.

Савелий выслушал, поднял табуретку и сел рядом.

— Силен, брат — с домовым без меня надрался в дымину. Признаться — я сам от увиденного на хуторе дернул спирту у уцелевших самоходчиков.

Артур потянулся рукой под стол, достал полупустую четверть с самогонкой:

— Сейчас еще дернем, пока меня не приперли к стенке.

— За что?

— Было бы за что — давно бы задавили. Я уж и так петляю от них, как заяц. Теперь вот прижали.

— Да ты-то при чем!

— А-а-а! — махнул рукой Артур, — тебе лучше и не знать, капитан. Но хорошо что зашел — я сам думал к тебе успеть… Вот моя рукопись, час назад закончил. Спрячь ее, пожалуйста, капитан. Не надо ничего с ней делать — просто пусть лежит в потайном месте. Лучше — отправь ее с фронта в Выселки, когда их освободят, хорошо бы к самому Илие тетрадка попала… впрочем — где же кружка?

Савелий Лепота свернул тетрадку в трубку и засунул за пояс:

— Тетрадку сберегу. А ты не сгущаешь краски: это ведь твои ребята хутор спасли — тебе медаль надо за это.

— Будет мне за это и медаль… — Артур гулко выпил, — и белка. И свисток.

Он налил. Протянул капитану. Тот отхлебнул, отодвинул кружку:

— Крепкий, стерва — в самый раз для эпикурейства.

Артур быстро пьянел. Он свернул дулю и сунул себе же под нос:

— Вот тебе роман, вот тебе признание…

Потом мутным взглядом окинул Лепоту:

— Ты кто?

— Савелий, — опешил тот. Артур, покачавшись, спросил:

— Хочешь экспромт?

Но тут по крылечку застучали сапоги, и в горницу вошел офицер и два солдата с автоматами. Лепота поднял руку, словно задерживая их у двери. А Горюнов выдал совсем трезво и без запинки:

Друг седого Эпикура
И Вийона, и Рабле
Савка — добрая натура
И всегда навеселе.

И, браня порядки наши,
(Право, есть чего бранить),
Он за чашей дует чашу
Забывая заплатить.

Пьем аи, ликер и брагу,
Глушим водку о-го-го!
Почитаю я за благо
Быть знакомым у него.

Быть знакомым Эпикура.
И Вийона, и Рабле
Жаль, что общая культура
У меня навеселе!

— Это кто здесь бранит порядки наши? — спросил от порога начальник патруля, но Артур его уже не слышал. Он спал, уронив пьяную голову прямо в крошки черного хлеба на черных досках стола.

— Ты Горюнов? — спросил офицер у Савелия.

— Вот он… Дайте ему хоть отоспаться, товарищ старший лейтенант!

— Берите пьяного под белы руки! — велел начальник патруля солдатам, и те вздернули Артура на ноги, подхватили и поволокли к двери:

— Ничего, — успокоил Савелия патрульный, — после трибунала отоспится. И в лучшем случае — в Норильске!

21

«И три года минуло, и семь, и двенадцать. Столкнули гипербореи недруга в сине море и вознесся их правитель Латон на уровень Богов небесных. Он знал, что безвозвратно в стране Белых Замерзших Вод канул Хранитель Духа Агай, и потому возжелал принять на себя титул верховного жреца. Но Латон не знал о предупреждении старца Ойны, и потому пропустил день совершеннолетия внучки угольщика Гона Аюка.

А она выросла, но не от кого было принять ей Дух Гипербореи. В один июльский день страшный мороз сковал всю страну, и люди начали рыть землянки, чтобы спастись в них от стужи. Сначала они пустили на дрова все ближайшие деревья, потом в ход пошли постройки и дома. Уже через полгода вся страна ушла в землю.

А стужа бушевала. Через год по стране гипербореев проезжали на Архипелаг послы страны Биармии, но они не встретили никого в прежде густо населенной Гиперборее. Только в самой середине этой замершей пустыни они натолкнулись на одинокого старика с перебитым носом и со связкой хвороста на спине.

— Куда ушли гипербореи? — спросили его послы Биармии

— В землю, — ответил старик.

— Но они живы? — спросили его дальше.

— Все, кто ушли в землю — живы, — опять ответил старик.

— И когда же они возвратятся к свету?

— Никогда, — ответил старик, — потому что они сами стали светом.

Мало что поняли из этого объяснения послы Биармии, но когда они прибыли к правителю Архипелага и рассказали ему об исчезновении целой страны Гипербореи, то Делос прежде всего спросил:

— А не встречали вы в той стране больших белых собак, господа послы?

— Нет, — ответили послы, — больших белых собак мы тоже не встречали».

Генерал Жуков отложил в сторону рукопись, которую дочитал только теперь, узнав о гибели «Моцарта». Сказать честно — он встретился лично с этим агентом, успевшим передать ему копию рукописи, вывезенной из Выселок, лишь один раз — когда передавал ему пароль для Сербского Подворья. Генерал даже не знал точно — кто он? Но «Моцарт» был незаменим в гнезде стервятника Берии.

Что же повело «Моцарта» на Подворье? Об этом он должен будет узнать с минуты на минуту — митрополит ленинградский и смоленский Алексий обещал прислать к нему человека с важными сообщениями. И вот он — стук в дверь.

Сюда, в собственную квартиру генерала, охрана обычно не впускала никого. Но насчет посланца от митрополита было особое распоряжение. И когда вошел молодой бледный офицер, генерал, вопрошающе посмотрел на него.

Офицер снял фуражку, отер платочком мокрый лоб и сказал всего одно слово:

— Семаргл.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

Красногвардейское — хутор Колодезный,
август 2002— май 2003

АНЦИФЕРОВ
ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Познакомившись с афоризмами, опубликованными в «Звоннице» № 6, читатели в числе многих других задали автору и такой вопрос: а как афоризмы рождаются? На такой вопрос мог бы последовать пространный ответ. Но ограничим себя в этом желании, тем более, что никакой теории на этот счёт нет и каждый афоризм рождается по-своему. Мы лишь приглашаем читателя поразмыслить, если можно так сказать, о немыслимом, для того, чтобы увидеть, как из этого может получиться афоризм.

Общеизвестный факт. Студенты спросили профессора, что такое вечность, на что тот ответил с полной откровенностью, что он не знает, что такое вечность, но он может, да и то только попытаться, объяснить, что такое мгновение. И нарисовал такую картину. Представьте себе кубический километр алмаза, на грань которого раз в год прилетает ворон почистить клюв. Так вот, время, за которое ворон изотрёт кубокилометр алмаза, — мгновение по сравнению с вечностью. Это мгновение таково, что его величину невозможно измерить никакими приборами. Что же тогда говорить о вечности?

Можно, конечно, сказать, что этот эпизод из области мировоззрения, где другие масштабы, но как тогда быть с понятием, которое вроде бы уже давно устоялось, не вызывает сомнений, но, тем не менее, не более понятно, чем вечность. Для понимания того, о чём пойдёт речь, следующий эпизод.

В феврале 2006 года в одной из передач Центрального телевидения 15-летняя девочка подвергла сомнению известное утверждение — что человек произошёл от обезьяны. Правда, Дарвин никогда этого прямо не утверждал, он лишь высказал мысль о происхождении человека от обезьяноподобных предков. Это потом ему приписали эти слова буквально. И понятие — человек произошёл от обезьяны — стало устойчивым и категоричным. С не меньшим основанием, по мнению девочки, можно предположить, что обезьяна произошла от человека. Скажем, в результате какого-то катаклизма случилась грандиозная мутация. Что при всей фантастичности предположения, тем не менее вероятнее, хотя бы потому, что из более сложного вида (путём деградации) проще получить более простой, чем наоборот. Культурная яблоня, например, если её забросить, сама по себе одичает, а дичка сама по себе не превратится в культурную. Развивая предположение девочки, почему бы не пойти дальше. Люди прибыли на землю, обладая высоким разумом, но под воздействием неведомой силы они деградировали, сохранив лишь часть способностей, которыми обладали. Можно задаться и таким вопросом. А вообще, зачем человеку дан разум? Почему именно ему? Ведь, если согласиться с тем, что в природе всё целесообразно, что та или иная букашка существует лишь для того, чтобы существовала другая букашка, то в чём тогда целесообразность человеческого ума? Неужели только в том, чтобы одинаково успешно творить добро и зло? А может быть, зло он творит из-за своей неполноценности, которая произошла в результате чего-то?

Вовсе не стремясь убедить читателя в истинности сказанного, да и не в этом была наша цель, подчеркнём лишь, что эти рассуждения, тем не менее, логично подвели нас к рождению следующего афоризма: **разум одинаково творит как добро, так и зло.**

Теперь порассуждаем, задумаемся, как читателю будет угодно, о другом и посмотрим, что из этого получится.

Астрологи утверждают, что знак Зодиака у человека зависит от того, под каким сочетанием звёзд он родился. Но так ли это? Бесспорно, что интенсивность влияния того или иного сочетания звезд на человека разная. Но тогда, скорее предположить, что это тонкое влияние эффективнее не в момент рождения ребёнка, а в момент слияния половых клеток. Можно даже предположить, что именно в этот момент закладываются способности, наклонности, характер будущего человека. Иначе как объяснить, что два близнеца, воспитывавшиеся в абсолютно одинаковых условиях, бывают вовсе не похожими: один из них воспринимает только хорошее, а другой только плохое?

Как вам подобные фантазии? Но мы не утверждаем, что они хоть как-то касаются той или иной существующей теории. Но зато мы утверждаем, что эти «ненаучные» научные рассуждения дают нам с вами полное основание сформулировать и такой афоризм: **не все очевидное очевидно, не всё истинное –– истинно.**

Задумаемся об этом…

Ю. Анциферов

АФОРИЗМЫ ОТ АНЦИФЕРОВА

I. О человеке и вокруг него

- Человек часто покупает то или иное не потому, что оно ему остро необходимо, а только потому, что оно продаётся.
- Магазиномания — болезнь переизбыточных потребностей.
- Самое грязное вокруг человека — деньги.
- Искусство — ключ национального характера.
- Истина, как солнце, чем ближе к ней приближаешься, тем скорее хочется закрыть глаза.
- Человек, побывавший глубоко под землёй, смотрит на мир другими глазами.
- Чем больше узнаешь, тем больше остаётся неизвестного.
- Безысходность — понимание того, что чем глубже постигаешь Вселенную, тем больше в ней остаётся непознанного.
- Любое действие влечёт противодействие.
- Зависть — желание быстро получить то, что другим заработано.
- Вовсе не всегда, познав часть, узнаешь целое.
- Чрезмерное благородство сродни глупости.
- Есть только прошлое и будущее.
- Национальная идея та, которую никогда нельзя реализовать, к ней можно лишь как угодно приблизиться.
- Деньги, вмешиваясь во взаимодействия между людьми, всегда ухудшают эти взаимодействия.
- Занятые деньги расходуешь без сожаления, а отдаёшь с жалостью.
- Правовая система окончательно деградировала, если вместо неё расследованиями занимаются журналисты.
- Цивилизация не только укорачивает детство, она всё больше нивелирует личность.
- Самое трагичное в жизни — осознать, что она уходит безвозвратно.
- То, что хорошо в принципе, не всегда хорошо в жизни.
- Совесть — сознательное ограничение своих желаний.
- Мудрость — концентрирование выражение многих человеческих качеств.

- Вера — это то, что чувствуешь, а не то, о чём рассказываешь.
- Разум всегда ищет законченности.
- Истинно свободный тот человек тот, который от всего свободен.
- Совет — концентрированный опыт одних, который никогда не воспринимается другими.
- Мысль — неизвестное, что следует из известного.
- Как бы ни было человеку хорошо, он всегда думает о лучшем.
- Терроризм — социальное явление и его нельзя победить репрессивными мерами.
- Как можно искренне верить в нечто, если не знаешь есть ли оно?
- Как бы ни высоки были полёты человеческой мысли, в конце концов большинство из них сводятся к потреблению.
- Работа — многократное повторение того, чему тебя научили другие.
- Человеческий разум постоянно совершенствуется и столь же постоянно творит добро и зло.
- Только опасности сближают людей, хорошая жизнь делает их хуже.
- Красиво — значит глазу приятно.
- Ничто так не губит талант, как излишняя скромность.
- Смерть не прекращение существования, а превращение из одного состояния в другое.
- Самого интеллигентного человека половое влечение делает самым низменным животным.
- Неразумные животные соединяются исключительно для продолжения рода, разумный человек чаще всего для удовольствия.
- В поисках истины человек может пожертвовать всем.
- Человек, хорошо знающий себя, и о других может судить глубже.
- Нет силы, которая остановила бы стремление разума к истине.
- Гении рождаются не сами по себе, а по потребности.
- Человеку давно пора согласиться, что есть «сущность» изначально недоступная его разуму и настойчивое стремление проникнуть в неё изначально бессмысленно.
- Искусство есть высшая степень концентрированного самовыражения о времени, в котором живёшь.
- Разум — это то, что есть, душа — то, что хотелось бы.
- Нет ничего, чтобы так радовало русского человека, как наказание зла и торжество справедливости.
- Истинно свободен тот, кто от всего свободен.
- Счастлив не тот, кто богат, а тот, кто не ощущает отсутствия богатства.
- Человек не чувствует себя лишённым того, на что он не претендует.
- Самый свободный — человек одинокий.
- Честнее всего человек относится к самому себе и к детям.
- Наша жизнь есть постоянное преодоление самих себя, и только потом всего остального.
- Самая удачная условность, придуманная человеком, — деньги.
- Добрые дела чаще подсказывает душа, а не разум.
- Самая большая победа человека над собой — заставить разум руководить сердцем.
- Не будет желаний, не будет и разочарований.
- Кратчайший путь к богатству — его презрение.
- Вечная общечеловеческая идея — вера в Бога.

- В конце концов за каждого обиженного платишь частицей своего сердца.
- Отравляя себя, курящий ещё сильнее отравляет окружающих.
- Причину конфликта ищи в себе. Л.П.

II. О власти и законе

- Любая власть заботиться о подвластных лишь в той степени, в которой эта забота помогает ей удержаться у власти.
- У власти всегда есть сторонники, приспособленцы и противники. Изменение соотношения между первыми двумя и последними всегда приводит или к её укреплению или свержению.
- Любая власть изначально не может быть хорошей. Она может быть лучше или хуже.
- Парламентаризм — это тот же завуалированный обман народа.
- Человек, привыкший властвовать, никогда не согласится стать подвластным.
- Каждое государство неизбежно порождает бюрократию, которая постепенно подтачивает его.
- Можно всё, но только тому, кто понимает, что всё нельзя.
- Свобода — есть независимость от любой власти.
- Ни что так законно не ограничивает свободу, как закон.
- Законы, начального периода формирования новой политической системы, всегда бывают беззаконными.
- Законы одинаково бесполезны как для порядочных людей, так и для негодяев.
- Эффективность закона больше зависит от того, кто его исполняет, чем от того, кто его пишет.
- Законы как лекарство, чем больше болезней, тем больше законов.
- Самый главный ограничитель свобод — государство.
- Нет плохих законов, есть плохие судьи.
- Чиновники словно пчёлы — без взяток не могут.
- Государство спасают патриоты, от патриотов оно и погибает.
- За каких людей голосуешь, такую и власть получаешь.
- Плохо, когда свободы мало, но ещё хуже, когда её много.
- Государство не столько воспитывает, сколько дрессирует людей.
- Государству не так важно воспитанными ли будут его люди, важнее, чтобы они исполняли законы.
- Там, где нет нравственности, там и законы бесполезны.
- Государство и религия с самого зарождения то сближаясь, то отдаляясь в интересах, на самом деле всегда непримиримо боролись за власть над обществом.
- Самая большая угроза обществу не от инфекции, не от наркотиков и алкоголизма, а от действий государства.
- Создав власть, человек потом всю жизнь борется с ней.
- Законы издаёт государство, а исполняет народ.

III. О Вселенной

- Непостижимо, что Мир непостижим.
- Всё во Вселенной, и она сама, имеет начало и конец, который служит новым началом. И так без конца.
- Всё во Вселенной имеет начало и конец и лишь творение бесконечно.

- Проникая в глубины Вселенной, разум может сгореть, как электролампочка от перенапряжения.
- Что было тогда, когда ничего не было?
- Всё, происходящее в любой точке Вселенной в то или иное мгновение, происходит одновременно.
- Бесконечность и вечность — категории, которые невозможно не только понять, но и предвидеть.
- Время — богатство, которое нельзя купить.

IV. О партиях

- И беспартийность бывает партийной.
- Ничто не приносит такого вреда обществу, как борьба партий.
- Политикам движет не забота о народе, а амбиции.
- Обещания даются по соображениям, а выполняются по обстоятельствам. Е.П.

V. С улыбкой

- Чем больше законов, тем больше возможностей для их нарушения.
- Наводить можно порядок, мосты, а можно тень на плетень.
- Бывает, что и успехов нет, а голова кружится.
- Не бойтесь пулемёта — он ручной.
- Есть отсебятина, а есть оттебятина, это отсебятина, высказанная другим.
- Жизнь хороша уже тем, что не знаешь, когда она кончится.
- Оставляя след в истории, можно наследить. Л.Б.
- Что нужно делать, чтобы ничего не делать?
- Время тоже деньги, но несравненно дороже.
- Если курица не понимала бы красивого, петух никогда бы не одевался бы так ярко.
- Кто отказывается от много и потерять может многое.
- Чтобы остаться в истории, нужно совершить или великую доблесть, или великую подлость.
- Любовь к женщине так же слепа, как удар молнии.
- Нет силы, которая остановила бы размножение чиновников.
- Если бы добродетель и продавалась, платить за неё готовы не все.
- Будь часы и с бриллиантами — главная их ценность — точное время.
- Самая безопасная связь — международная.
- Хочешь быть свободным? Будь им!
- Известно, что время деньги, но только для того у кого они есть.
- Время не только лечит, но и калечит.
- Счастье вовсе не в деньгах, а в душе каждого.
- Трогаться надо с умом, а то умом можно тронуться.
- За ошибки молодости платишь молодостью.
- Русскому человеку свобода не нужна, но и без неё он спокойно жить не может.
- Только великие могут предсказать непредсказуемое.
- Говорят, что человек произошёл от обезьяны. А на самом деле?

Продолжение следует

Книга в журнале

Фото 1963 года

РЕШЕТНИКОВА
ВЕРА ЕФИМОВНА

Вера Ефимовна Решетникова прошла суровую жизненную школу, судьба кидала её по необъятной стране. Тернистый путь можно проследить по стихам — испила она полную чашу нелёгкой жизни нашей.

Родилась Вера Ефимовна перед войной в селе Погореловка Корочанского района в крестьянской семье, где было семеро детей. Из-за недостатков рано пришлось пойти на работу. И только в 1967 году Вера Ефимовна окончательно осела в своём родном селе, где работала заведующей сельским клубом, затем, последние двадцать лет — бухгалтером сельского совета.

Поныне живёт в селе Погореловка.

Стихотворения пишет давно, считай, с молодости, а вот её творчество, в целом, фактически мы не знаем. Книги Веры Решетниковой издают за рубежом — и ни одной на Белгородчине!

Присосавшиеся к искусству проворные дельцы от литературы, активно ворочая локтями с бицепсами, при даре вежливой наглости, затаптывают истинные самоцветы и на фоне общей серятины создают себе высокий имидж не по багажу, благодаря некомпетентности тех, кто определяет этот имидж.

Вот какую оценку творчеству нашей одарённой землячке дают там, за рубежом:

«Поэтесса — настоящий народный самородок, её лиричная, песенная душа поёт свободно и непринуждённо. Ей свойственна искренняя интонация, идущая от глубины сердечного переживания».

К заслуженной оценке иностранцев можно добавить, что Белгородская земля одарила нас в поэзии мужественным началом в лице народного самородка Владимира Михалёва, но чувствовалась какая-то неполнота родной лиры. С открытием другого народного самородка чаши наших поэтических весов уравновесились второй — лучшей половиной человечества.

В. Шаповалов

ЖИВИ, НАДЕЖДА...

…Хранит память тихое, захолустное село моего детства с утопающими в высоченных сугробах хатёнками, крытыми соломой, с ветряками, воинственно вставшими вкруг него, с отарами, бредущими по пыльному шляху.

…Женщины, как на светлый праздник, едущие за много вёрст на сенокос на телегах с впряженными волами. И песни… Напевные, многоголосые, с кричащей в них недолюбленностью сердечной, тоской и болью нечеловеческой.

Сколько раз в юности я уезжала из родного дома, тщетно пытаясь найти пристанище в иных далях; сколько раз, избитая жизненными невзгодами, готова была навсегда забыть этот горькополынный край, и столько же раз с повинной возвращалась к тому, что заставляло меня мучиться неподвластным силе разума чувством, к тому, что так свято хранит память.

Горемычной и прекрасной Родине посвящаю своё творчество.

В. Решетникова

**ВОЗГОРИТСЯ ЗВЕЗДА —
ЗА НЕЁ Я ГОРДА…**

Возгорится звезда —
за неё я горда.
А угаснет она —
я печали полна.
Мне б цветы на снегу,
да чтоб рвать на бегу.
Мне б звезду на лету
ухватить, как мечту.
А коль боль — исподволь,
не жалей, не неволь.
Я себя сгоряча погубила сплеча.
Когда небо в тиши оросило траву:
А душа мне: — Пиши.
А иначе — умру…

1976

ЖИВИ, НАДЕЖДА!

Дыша свободой сладкой всласть,
Мне щедро подарила власть
Свои платформы.
Немилосердно, как бичом,
Наотмашь бьют и горячо
Секут реформы.
С рассвета, что лучист и свеж,
Дерутся бабы из-за меж.
Дерутся рьяно.
На безымянные поля
Глядит кормилица-земля
Тоской бурьянной.

В рутине вязкой бытия
Увязла Родина моя.
Как мало света!
Разгул страстей,
разгул идей.
О, плоть моя, не ешь, не пей
Многие лета!

Вещает мудрый гороскоп
Зари пленительный восход —
Живи, НАДЕЖДА!
Прошу: постой,
не умирай,
Ну кто сказал,
что жизнь — не рай?!
Какой невежда?!

1992

ПТИЧЬЯ СТАЯ

Нет дороже родного дома.
Где так мило всё и знакомо.
Что случилось, страна родная?
Ты сейчас — словно птичья стая.
И стреляют в тебя на взлёте
На негласной большой охоте,
Хищный след за собой заметая,
Ты же к небу опять взлетаешь.
Рвёшься в синее поднебесье
С неизлитою болью в песне,
В грустной песне — вдали от дома,
Где так мило всё и знакомо.

*** * ***

Это время само
наши узы пытает на прочность.
Уж такое оно нам являет сейчас ремесло.
Поднялась во весь рост
затаённая в душах порочность,
ведь кому, как не ей,
в этом мире больном повезло.
Упаси меня, миг,
от дыхания жёсткого мести,
что в безверии зло
над землёй распласталось моей.
И взывают к сердцам
из бескрайнего синь-поднебесья,
над Россией паря,
купола возрождённых церквей.

1998

ПОГОВОРИ СО МНОЙ

Мной даль твоя необозрима,
Ведь поезда всё мимо, мимо
Ведёт, как прежде, рок.
Обиды мне свои прощая,
Впредь ничего не обещая,
Он сделал всё, что смог.
Не допустил желанной встречи.
Мои взволнованные речи —
Пустой, ненужный звук.
Он, им внимая без опаски,
Не предал их большой огласке,
Увидев мой испуг.
И потому стихотворенье
Пишу без должного волненья,
Как будто графоман.
Душа взирает без участья —
В чём счастье, в чём моё несчастье,
Где правда, где обман?
Соединяет нас навеки
Чарующий прибой.
С тобою что бы ни случилось,
Ну, окажи такую милость:
Поговори со мной…

* * *

Ухожу из твоих объятий
В пору летнего звездопада,
Не имея — куда?! — понятья,
Зная только одно: так надо.
Ко твоей удручённой тени,
Что за мною скользит неслышно,
Клоню голову на колени:
— Ты прости, что вот так всё вышло…

* * *

Оглянулись мы друг на друга
После столь необычной встречи.
Не нужны уже были речи, —
Не была я твоей подругой.
И доныне в душе остался
Горький привкус степной полыни…
Как хотелось к тебе прижаться —
Пусть любовницей, пусть рабыней…

НАЗВАЛ ТЫ МЕНЯ СВОЕЮ

Назвал ты меня своею, —
В это я до сих пор не верю.
Ты вот мой — так уж это точно,
Ты со мною и днём, и ночью.
Ну зачем ты мне даришь ласки?! —
Я придумала злую сказку
И, когда её рассказала,
Вместе с ней навсегда сбежала.

Ангел мой или демон страстный,
Мне бывает порою страшно:
Век прошёл, а твой взгляд не тает,
Лишь сильнее меня пытает…

* * *

На весь восточный небосклон —
ХРИСТА распятье…
Что предвещает этот сон —
Боль иль проклятье?!
И осеняюсь я крестом:
— Спаси мя, Боже…
Рассвет пролился за мостом
Такой погожий.

* * *

…Бьют копытами кони синие.
Златогрудые, красногривые.
Кличет вновь, трубя, босоногое.
То, военное, детство строгое.
…Кто сказал, что я — неудачница,
Что на зорьке мне горько плачется?!
Кто назвал меня бесталанною?
Не родилась я в ночь туманную.
Пусть хоть верится, хоть не верится, —
Обняла меня мать-метелица,
Задушевные песни дивные
Тем декабрьским днём подарила мне.
…Сколько юностью светлой пройдено —
Всюду славная моя Родина,
И могучая, и красивая!
Кто сказал, что я — несчастливая?!

1973

КАРТИНЫ ДЕТСТВА

1.

И нечто в плен её берёт:
Она уже и крика ждёт,
И взрыва ждёт, и смерти ждёт,
Но всё равно вперёд идёт.
Всё расковала тишина…
И удивляется девчонка:
Вода заполнила воронку,
А говорили, там — война…

2.

Изрытая войной земля
Укрыта инеем седым
И из землянок едкий дым
Ползёт на скорбные поля.
Хатёнки, взбитые в снега,
Сугробы, что в жнивьё стога,
И много-много звёзд вразброс.
А одежонка так слаба,
Не одежонка — худоба,
Да убоится нас мороз!

Я детство помню наизусть,
Как помню, жизнь, твои уроки.
Весны поющие потоки
Уже давно сбежали с круч.
В руках отцовских — рог пастуший,
И зной нещадный, без отдушин,
И рой слепней над головой.
Лишь родниковою водой
Мы исцеляли наши души.

Когда же бронзовый закат,
Как молоко, цедил прохладу,
Мы бесконечно были рады,
Что день остался позади
С его усталостью и зноем,
С пустой холщовою сумою
На детской вогнутой груди.

3.

…Перекосившийся плетень
свои подмётки подбивает,
живёт, бедняга, и не знает,
грядущий что готовит день.
Сгорит иль не сгорит дотла,
чтоб дать нам толику тепла…
С причёской модной из соломы
ютились ветхие хоромы.
Святой убогостью богаты,
поросшие печалью хаты…
За конопляником крылами
в безмолвье мельница взлетала
и где-то там, за облаками,
израненные оставляла.
В ней старый мельник колдовал,
а мы под тёплой сердцевиной,
продрогшие лихой годиной,
частенько спали наповал.
Ах, только б ветер не утих!
Ах, только б мельник не сердился!
Ах, только бы опять приснился
кусочек хлебушка на миг…

НЕСЕРЬЁЗНАЯ

Хлещет дождь в декабре.
Грязь у ног и лужи.
Видишь — даже на заре
Далеко до стужи.

Заблудилась зима
С синими морозами,
Что-то нынче она
Вовсе несерьёзная.

Поскорее приходи,
Снежная красавица!
Ведь наряды твои
Всем нам очень нравятся.

Зазвени хрусталём,
Закружи порошею!
Мы давно тебя ждём,
Зимушку хорошую!

МОЖЕТ БЫТЬ ЗИМА ИДЁТ?!

Очень уж не терпится
Мне с зимою встретиться,
Посмотреть её подарки,
Взять скорее чудо-санки
И помчаться с белых круч.
Чтоб не дождь, а снег из туч!
Чтоб лохматые метели
Вечерами песни пели,
А сугробы — аж до крыши,
Ещё лучше, если выше!
Я гляжу из-за ворот:
Может быть зима идёт?!

ТРЕФОВЫЙ ИНТЕРЕС

Выпал мне невзначай
Трефовый интерес:
Справа — горит свеча,
Слева — ликует бес.
Прямо пошла… но вновь
Тропка то вкривь, то вкось.
Встреча зовёт с собой,
Гонит разлука прочь.
Справа — зари восход,
Слева — её закат.
Сердце: — Иди вперёд!
Разум: — Вернись назад.
Слева — горит свеча,
Справа — ликует бес.
Выпал мне невзначай
Трефовый интерес.

Я — КОРОЧАНКА

Я — корочанка. Я люблю свой край.
Здесь колосятся золотые нивы,
Здесь слышен голос детворы счастливой,
Здесь столько дела — только успевай.

Я — корочанка. Зеленью густой
Окутан город в лучезарной сини.
Пусть он не шумный, пусть он небольшой.
Но поглядите: до чего красивый!

Шагнули в Вечность Родины Сыны
За край наш, за село, за этот город.
За то, чтоб был он и красив, и молод,
Чтоб Родиной своей гордились мы.

Я — корочанка. Я люблю свой край.
Здесь выбран путь нелёгкий и тернистый,
Здесь столько дела — только успевай,
Здесь на посту застыли обелиски.

1973

* * *

Запечатлён сей миг навек:
Шёл по дороге человек…
Снега большие со двора,
Смеясь, вывозит детвора.
Всё в предвечерней тишине
Напоминает о весне,
И снега хруст, и пенье птиц,
Скворцов-солистов и синиц…
…Вдруг всё померкло предо мной.
В груди — лишь боль, большая боль.
Та, что летала над страной,
Та, что рыдала надо мной,
Та, что вошла в сердца навек…
Израненный протезом снег.
Израненный войною снег.
Шёл по дороге человек…

ВОЕННЫЙ ФИЛЬМ

…Разрывами экран как будто распят,
От гари даже солнца не видать,
И белый свет, расколотый на части,
Оплакивает стужа, словно мать.

Явившаяся вдруг из медсанбата
Девчонка (Бог мой, ей ли воевать?!)
Склонилась над израненным солдатом:
— Родименький, не надо умирать…
Не видно в ней ни страха, ни бравады,
Былиночке трепещущей под стать,
Твердит одно: — Родименький, не надо…
Солдатик мой, не надо умирать…
Одна из огнедышащего ада,
Познавшая все ужасы его,
Выносит омертвелого солдата
Ценой биенья сердца своего…

ВЕСЕННЕЕ

Что, весна хмельная,
В сердце так стучишься,
Ведаешь тревоги
Личные, свои…
Пролетают мимо
Вёсен вереницы,
Будто в поднебесье
Тают журавли.

Каждая приметна
Радостью иль грустью,
Встречей иль разлукой,
Счастьем иль бедой…
Вновь над соловьиным
Милым захолустьем
Народился в небе
Месяц молодой!

* * *

Не хочу возвращаться в лето,
В нём меня ты когда-то встретил.
Не хочу возвращаться в осень,
В ней меня ты когда-то бросил.

Есть на то у меня причины,
Коль вернусь, то лишь только в зиму.
В ней минуты, часы, недели
Нежно сотканы из метели.

Средь заснеженного пространства
Одарила меня убранством.
Я в такой дорогой одежде
Никогда не бывала прежде.

РАЗВЕ ГРЕХ?!

Смеяться, право, не грешно
Над всем, что кажется смешно.
Н.М. Карамзин

Твой неожиданный уход
Однажды собралась оплакать.
Слезинки начинали капать,
Но…

Рассмеялся кто-то вдруг
Так безмятежно, что вокруг
Всё засияло…
Красно солнце
Открыло весело оконце,
Отбросив занавес из туч…
Смеялись радостные дали,
Овраги, рощицы…
Едва ли
Кто устоять от смеха мог.
Смеялся сам чертополох,
Забыв про все свои печали.
Так заразителен был смех,
Я улыбнулась, — разве грех?!
Смеяться, право, не грешно
Над всем, что кажется смешно.

КАЛЕНДУЛА

На радость мне, не на беду,
Цветёт календула в саду.
Оранжевые брызги солнца
Октябрь рассыпал… — стой, не рви!
Ты только бережно дотронься
К осенним сполохам зари…

НАПИШИ

Он не шлёт ей телеграмм и писем.
Поздравлений к праздникам не шлёт.
Сколько лет ей сын родной не пишет.
А она всё ждёт его и ждёт.

Горько в одиночестве тоскливом
Ждать неотвратимого конца…
А с какой надеждою растила
Своего сынишку-сорванца.

Чудится: тихонько скрипнут двери.
Разорвут немую боль души.
Сын забыл…
Но в это мать не верит.
Шепчет тихо:
— Милый, напиши…

НА ЛУГУ ШИРОКОМ

На лугу широком,
Там, где вербы гнутся,
Трогает гармошка
Чуткие лады.
Ясноглазый месяц
В речку окунулся,
Пьёт и не напьётся
Ключевой воды.

В закрома засыпан
Урожай огромный,
Затихают в поле
Мирные бои.
Набирайся силы,
Край мой чернозёмный,
Возвратятся снова
С юга журавли.

Отдыха не зная,
Трудовые будни
Зажигают смело
Новую зарю.
Разметала осень
Золотые кудри,
Озаривши светом
Молодость мою.

НАГРАДА

— Не нагрелись! — говорят в народе.
Очень уж сырое было лето…
Хмурый дождь беспечно хороводил
От рассвета — снова до рассвета.

А хлеба тугие распластались
Над землёю жёлтым полушалком…
Всем, кому их убирать досталось,
Ах, как было этим летом жарко!

Трудно сладить с вязким чернозёмом
Нам, уставшим до седьмого пота,
Аромат спасённых чистых зёрен
Был наградой высшей за работу.

1973

* * *

Вечерочком в роще тихой
Соловей защёлкал звонко,
Возвратилась соловьиха
На родимую сторонку.
Сколько страсти в его звени!
Испытав, почём фунт лиха,
К нему села на колени,
Как когда-то, соловьиха.
В долгожданной этой гостье
Соловей души не чает,
Коль она о чём-то спросит, —
Он ей пылко отвечает.
Пел пернатый так и эдак, —
Снова жизнь — одна отрада!

* * *

Как это грустно и смешно:
На склоне лет — дней юных встреча.
Не те мелодии и речи, —
Всё это было так давно.

Как это грустно и смешно,
И как торжественно печально
Коснуться сути изначальной,
Но недоступной всё равно.

Как это грустно и смешно:
Едва распознанные лица.
А память звончатой зарницей
Глядит, смущённая, в окно.

Как это грустно и смешно…

* * *

Отвергла я твою любовь, —
Так вот откуда все напасти.
Отвергла я твою любовь
В плену у неразумной страсти.

О, небо юности моей!
Там, под восточною звездою,
Ветра солёные морей
Меня ласкали не с тобою.

Отвергла я твою любовь
И вот не знаю счёта бедам.
Тот, кто святое чувство предал,
Сам не познает его вновь.

Быть может лишь через года
Всплывёт весомою утратой
То, в чём, по сути, никогда
Мы не бываем виноваты…

З И М А

Не топтала, не искала
Тропочки-дорожки,
Закружилась, заплясала
По оврагам и лесам.
Наклонилась над криницей
В льдиночках-серёжках,
Загляделася в водицу: —
Я ли не красива?!...

ГОЛУБЫЕ СТИХИ

Ночку всю напролёт хлопотала метель,
Голубую усердно взбивая постель.
Драгоценным нарядом дарила окрест,
Хороводы водила снежинок-невест…

Чудной сказкой предстал новый день января,
Не дома — терема на пригорке стоят,
Разукрашены все неподдельной резьбой
И дымок, словно шлейф голубой-голубой.

Гордо дуб голубым исполином стоит,
Неподвластен судьбе его царственный вид,
Очарована им с незапамятных дней
Голубая у ног его ластится тень.

Изогнулся дугой лес вдали голубой,
В нём при красках иных мы бродили с тобой,
И над всем голубым у заснувшей реки
Зарождаются вдруг голубые стихи.

Восхищая меня, неисхоженный снег
Прячет детства далёкого радостный смех —
То ль в сугробе у ног, то ль за дальней горой…
Очень грустно топтать этот снег голубой…

* * *

Эта лунная ночь безбрачия
В мечтах девичьих не жила.
Что она в её жизни значила, —
Только позже всё поняла.

А тогда была лишь счастливою, —
Прогоняя сомненья прочь,
Колдовской неизвестной силою
Что-то делала с нею ночь

Расставаясь, он безутешную
Прижимал ко своей груди,
И любовь согревалась грешная
У безгрешности нелюбви…

* * *

Запел соловушка над нашей грушею,
Давай-ка, миленький, его послушаем.
И ненароком я спрошу у певчего,
Ах, почему молчал он вчера вечером?..
Иль приключилась с ним беда нежданная,
Иль улетела прочь его желанная,
Обида ль колкая иль зависть белая…
Стонала ноченька осиротелая…
А нынче вновь запел над нашей грушею!
Давай-ка, миленький, его послушаем!..

М У З Е

В каком прекрасном ореоле,
Увы, в иные времена,
Душа была озарена
Мечтою о счастливой доле.
Тебя лишь жду, с судьбой не споря,
И знаю: в том моя вина,
Что чаша выпита до дна,
А там, на дне — печали море.
И удержаться в море том
Смогу, тобою лишь хранима,
Влекут игрой на пантомимах
Сквозные звуки за окном.
Приди, желанная, ко мне:
Удушлив вечер, ночь — вдвойне!

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество — не воля,
Незавидна бабья доля,
Тяжек крест.
Думы даже в день весенний
Лезут в горницу и сени
На насест.

Одиночество — не пытка,
Коль рассвет туманом зыбким
Смоет боль.
И надежды светлый лучик
Мне шепнёт: — Так будет лучше
Нам с тобой.

Одиночество — награда,
Я ему безмерно рада
В час ночной.
Вечно юная Эрато
Вновь склонилась, как когда-то,
Надо мной.

В НОЧНОМ САДУ

1.

Ветер ветви гнёт, что былиночки,
Облаков гряды гонит прочь.
По известной мне лишь тропиночке
И в рассвет ухожу, и в ночь.
Что с тревогою я поделаю?
На неё наложу запрет.
А луна летит, ошалелая,
Проливая стозвонный свет.

2.

Ни малейшего сомненья
Не улавливает взгляд:
Колдовские злые тени
Преисподнею грозят.
Поиграв со мною в прятки,
Беспричинно холодна,
Убегает без оглядки
Неприступная луна…

3.

Боятся Высшего суда
Мои бесхитростные строки,
Ведь в небе звонком и высоком
Я не бывала никогда.
Порою хочется взлететь,
Руками ярких звёзд коснуться.
Но вновь к родной земле вернуться,
И жить на ней, и умереть.

ДРУГУ

…Иною быть я просто не умею,
(Быть таковой порой была бы рада!)
Жалеть меня ни чуточки не надо,
И я себя нисколько не жалею.

Любимой быть кому бы не хотелось,
Истосковавшись по теплу и ласке,
Но я свою мелодию пропела,
И ты не из моей явился сказки.

Всё оттого, что слишком рано осень
Холодным светом мне виски омыла,
Что я когда-то очень, очень, очень
И горячо, и искренне любила…

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

В новогоднюю ночь я к тебе не пришёл,
До утра ожидала напрасно.
Как ни странно, но мне было так хорошо,
Ты же молвишь, что это — ужасно.
Заблудился в ночи в непролазном лесу,
А как в нём очутился — не знаю.
Встретил Серого там и Лисичку-красу,
И была с ними Фея лесная.
То манила меня, то гнала гневно прочь,
Снова в круг колдовской вовлекая.
Догорала костром новогодняя ночь,
Хороша была Фея лесная.
Я не смог убежать, — слишком Волка боюсь,
Не давал он на то разрешенья.
Утоли же в вине, новогодняя Русь,
Все земные мои прегрешенья!

* * *

Не всходила луна,
Была ночка темна,
Вдруг из мокнущей мглы
Прозвучало «курлы»…
Тщетно я к небесам
Обратила свой взор.
Стоном птиц голоса
Окропили простор
И затихли в дали,
В царстве призрачных грёз…
Только стало в груди
Что-то тяжко до слёз.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из Афганистана столько лет
Письма нам идут с военной меткой.
Говорят, что папин я портрет,
И его портрет — сестрёнка Светка.
Папка нам скупые письма шлёт,
Это — чтобы не тревожить маму.
Я его простил за то, что врёт,
Что ни разу не встречал душманов.
Пишет он, что служит в стороне,
Где ни разу не бывало боя…
А сегодня в цинковой броне
Витьку хоронили, как героя…
Дома мы уже который день
Не отходим от телеэкрана.
Ну, а как в глаза глядеть теперь
Витькиной, убитой горем, маме?
Только бы отец пришёл скорей.
Там ведь всё случается нередко…
Покачнулась мама у дверей,
И целует телеграмму Светка.

1989

МЫСЛЕЙ НОВЫЕ РАЗДОРЫ

Закрутила вдруг стремнина,
Понесла меня река…
Перелески и долины,
В небе синем — облака.
В платьях лёгеньких, неброских
Хороводят вкруг полей
Свет души моей — берёзки
В окруженье тополей.
Всплыли и дымы пожарищ,
Испытания годин…
Вот гляжу: плывёт — товарищ…
Подплывает — господин?!
И пошли крушить клин клином
Перипетии судьбы…
Всяк быть хочет господином,
Но ведь будут и рабы?!
Не велики, мол, потери…
(Что-то держит на плаву).
Вот он, вроде, левый берег,
Глядь, а к правому плыву.
Мыслей новые раздоры:
Ты куда несёшь, река?!
Неужели запад оный
Сексуальней мужика?!
Тьфу ты, бесовое семя,
Бред навязчивых идей.
Захлестнуло душу время
Сексуальностью своей…

* * *

Не гадай ты мне, цыганка,
На кофейной горькой гуще,
Что живу я «наизнанку»,
Заблудившись в дебрях пущи.
Не гадай, прошу, родная,
Ведь живёт ещё надежда,
Не такая уж сквозная,
Не такая уж, как прежде,
Но живёт! А я, страдая
Мимолётною усладой,
По-над пропастью у рая,
Ей всегда безмерно рада…

* * *

Девяносто третий год. В осень
Пролилась снова кровушка оземь.
В чёрном трауре стонет столица,
Удручённые взгляды и лица.
Те же беды, всё те же проблемы,
Понапрасну избитые темы,
И, решая всё те же задачи,
Под окном осень стылая плачет…

Продолжение следует

Людмила НЕЖЕНЦЕВА

Родилась в селе Богдановка Новооскольского района Белгородской области. Училась в средней школе № 18 Белгорода. В 1990 году окончила Белгородский государственный педагогический институт. Живёт в селе Беловское Белгородского района. Работает в Беловской средней школе, педагог-психолог.

Разработала авторскую программу «Поэзии живое слово» для работы с одарёнными детьми. Один из разделов программы «Психология поэтической души» посвящён жизни и творчеству поэтов и прозаиков Белгородчины.

Автор программы «Школьный подростковый психологический театр. «Трудные» подростки и одарённые дети в совместной деятельности».

Участник Всероссийского совещания-семинара «Роль инновационных школ-интернатов в обучении одарённых детей из сельской местности» (2003).

Стихотворения публиковались в районной и областных газетах «Знамя», «Ленинская смена», «Белгородская правда», «Белгородские известия», в альманахе «Светоч», в журнале «Звонница».

Автор книг «Дорога к родному дому» (1999), «Дневная свеча» (2001). Готовится к выходу в свет сборник стихотворений «Дикая вишня».

НАПОЛНИ ДУШУ СВЕТОМ...

* * *

Наполни душу светом,
И — запоёт она!
И зазвенят рассветы!
И зашумит весна! —
Где каждая тропинка
Имеет запах, смысл.
Наполни светом Душу —
И в ней проснётся — жизнь!

МАЛЬЧИШКА

Он сидел у реки,
Рыбку он не поймал,
Но зато в две строки
Вдруг стихи написал.
И, счастливый, спешил
Поскорее к друзьям:
— Я стихи сочинил,
Не поверите, сам!!!
Улыбались друзья:
— Почему бы и нет?! —
У тебя ведь в роду —
Дед поэт!

* * *

Кукушка снова плачет в тишине,
Над лесом зорька ранняя зажглась.
Мой дедушка остался на войне
И не узнал, что внучка родилась.

* * *

За рекою — поле, и простор, и воля.
Но и там не скрыться,
Родина, от горя.

ВДОВА

Счастливою стать так хотела,
А что получила взамен:
Встречает любовь — на коленях —
Не в силах подняться с колен.

* * *

Помню: ты называл
Канарейкой меня,
Слушал песни мои
В ясном золоте дня.
Я теперь далеко —
Не услышишь меня.
Не смеюсь, не пою
В ясном золоте дня.
Там, в обнимку с бедой,
На чужой стороне, —
Одиноко одной,
Просто холодно мне.
Без тебя, без друзей,
От родных вдалеке.
Канарейка поёт
На чужом языке.

* * *

О! Если б я была цветком —
Была бы я ромашкой белой.
Цвела бы рядом с васильком —
И робким, и безумно смелым.
В лучах зелёных так свежо,
Свободно и привольно.
Душе легко, душе светло
И не бывает — больно.

* * *

Р. Е. Шаповаловой

Скомканы мечты.
Почернела даль.
Льётся с высоты
Тихая печаль.

* * *

Родине

Я буду петь твои простые песни,
В стихах и прозе прославлять, любя.
Но только духом, Родина, воскресни! —
Ведь мне не жить, Россия, без тебя!

* * *

Дорога в Полевой
Моим воспета сердцем,
Дорога в Полевой —
Дорога в моё детство.
Для сердца нет милей
Родимого порога.
Встречай меня скорей
Судьбы моей дорога.

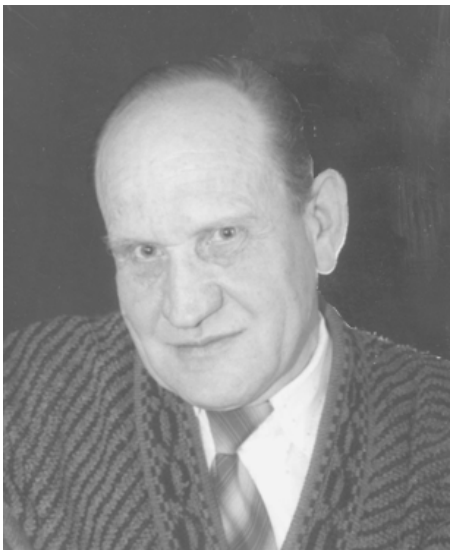
ШПАНКА ИЗ ДЕТСТВА

Весь сад раскраснелся от ягод
Ему для нас ягод не жаль.
Любую, какую захочешь,
Но только скорее срывай. —
Ведь сторож уже спозаранку
Ребят поджидает в саду.

Какая вкуснятина шпанка!
Сорвёшь! — так и тает во рту.

МЕСТЬ

По-живому огнём —
Как рука поднялась?!
Задрожали деревья,
Птица в крике зашлась.
Горсти пепла остались
От пчелиных семей.
Как живёшь ты на свете?
Спишь спокойно, злодей?

Борис БОЧАРОВ

Родился в 1940 году в хуторе Большовском (Большая Яруга) Новооскольского района. С 1955 года учился и жил в Луганске (Украина). В 1994 году возвратился на родину. Живёт в Новом Осколе. Стихи публиковались во многих газетах и в таких журналах, как «Наш современник», «Светоч», «Звонница». В 1999 году вышел в свет его первый поэтический сборник «И смех, и грех».

Задворки России, как сердцу вы милы...

* * *

Как тихо здесь, в краю заброшенном,
Окончил вахту соловей,
И только ветер, гость непрошенный,
Гуляет в зарослях ветвей.
И я сюда явился гостем
В село родное, и один
Стою теперь, как на погосте,
Среди безжизненных руин.
Ласкаю взглядом пепелище,
А память в прошлое спешит,
Как будто бы кого-то ищет,
О чем-то вспомнить норовит.
Зовет меня проведать поле,
Которое кормило нас…
Стою один. И поневоле
Слезинки катятся из глаз.

* * *

Позаколоченные хаты,
Да обомшелые плетни
Стоят, как будто виноваты
Перед проезжими людьми.
Когда-то все сюда спешили,
Хлеб из амбаров выгребать,
Потом, насытившись, решили
Ее забвению предать.
Не дожидаясь директивы,
Сбежали в город мужики,
Оставив в зарослях крапивы
Свои разбитые горшки.
Забытая людьми и Богом,
Она надеждою жила…
Шли год за годом — и дорога
Сюда бурьяном заросла.

* * *

Недавно поле, будто море,
Глаза пленяло красотой,
Резвились волны на просторе,
Сверкали зыбью золотой.

И вот хлеба уже скосили,
Но не закончилась страда —
Вновь потянулись по России
За бороздою борозда.

* * *

Клевера закудрявились кашками,
Горицвет, как костер, запылал,
Где я в детстве шептался с ромашками,
С одуванчиков шляпы сдувал.

И такие родные, желанные
Вновь плывут надо мной облака,
И объятия долгожданные
Распростерла навстречу река.

* * *

Задворки России,
Как сердцу вы милы!
Меня вы с младенческих лет
Породнили
С полями, лесами,
С рекою былинной,
С седыми холмами
И с песней старинной.

* * *

Мой милый хутор!
Родина!
Забыть тебя нельзя:
Здесь столько тропок пройдено,
Здесь верные друзья,
Здесь песня недопетая
И первая любовь…
Края мои заветные,
Я к вам с поклоном вновь.
Но грустную мелодию
Мне ветры принесли,
В ней грусть о милой родине,
Покинутой людьми.

* * *

Там, где черемуха цвела
В тени густого чернотала,
Уже тропинка заросла
И соловьев не слышно стало.
Лишь на юру шумят дубы,
Да воронье перекликается…
Иных путей нет у судьбы,
Пусть всё течет и всё меняется.
Мы все ликуем и поем,
И торжествуем, что влюбились,
Придет пора — мы отцветём,
Плоды бы только сохранились.

* * *

Ведет меня тропинка длинная
Через заречные луга.
Вот и Оскол, река былинная,
Крутые моет берега.

А впереди, как за вуалью,
Едва виднеется село,
За этой сине-синей далью
Моё житьё-бытьё прошло.

Там были встречи и разлуки,
Там вся родня в земле лежит,
Там всё, о чём тоскуют руки,
И всё, о чём душа болит…

* * *

Приюти меня полюшко-поле,
Распахни свой простор золотой,
Разутешь меня вольною волей
И безбрежной плени красотой.

Обойду я тебя по ополью,
Золотого не трону зерна,
Поклонюсь хуторскому раздолью,
Где прошла моей жизни весна.

Снова время тебе золотиться,
А мои побелели виски,
Только мне до сих пор ещё снится,
Как твои собирал колоски.

Не суди ты меня слишком строго,
Что не ездил сюда много лет,
Увела меня в город дорога,
Но оставила в памяти след.

* * *

Припаркую я на время
Серой жизни колесницу,
Сброшу с плеч заботы бремя,
Стану вольным, словно птица.
И, покинув свой «скворечник»,
Золотую свою клетку,
Полечу на луг, на речку,
На поляну-разноцветку.
Непременно же сегодня,
На рассвете зябком, гулком,
Как паломник в храм Господень,
В лес отправлюсь на прогулку.
Полной грудью там вдохну я
Запах трав, как запах хлеба,
И бездонность голубую
Буду пить из чаши неба.

МЫ ИГРАЛИ В ВОЙНУ

С фронта шли на отцов похоронки —
Наши мамы гуртом голосили,
Мы в кустах находили «лимонки»
И патроны в карманах носили.

Мы в войну под бомбёжкой играли,
«Брали с боем» сожжённые хаты,
Разве мы, ребятня, понимали,
Сколько бед от войны, от проклятой.

Смерть, как коршун кружила кругами,
Всё стремилась достичь своей цели…
Мы играли в войну, а над нами
Настоящие пули свистели.

* * *

Никто теперь не скажет точно,
В какой деревне я родился,
В Большой Яруге иль в Проточном
На белый свет я появился.

И вот, как только появился,
На всю округу, что есть мочи,
Я заявил, что, мол, родился,
Что мне нужна жилплощадь срочно.

Недолго думая, два брата,
Мой голос в первый раз услышав,
Решили так: построим хату
Хоть под соломенною крышей.

Когда изба была готова,
Там печь с лежанкою сложили,
И на неё как новосёла
Меня в пелёнках положили.

* * *

Приду в заветные края
И поклонюсь родным пенатам,
Где слушал песни соловья
Мальчишкой возле нашей хаты.

Взойду на гребень меловой,
Любуясь красотой Изгорья,
Приникну белой головой
К родным сединам Белогорья…

* * *

Встречал я всяких чудаков,
И сам был чудаком приличным,
Но никогда на дверь подков
Не прибивал на счастье лично.

Трофей — лосиные рога —
Не вешал над своим порогом,
Хоть ненавидел я врага,
Но за него молился Богу.

Я шкур медвежьих не стелил
В своей гостиной, как вельможа,
Но если нужно, кров делил
Всегда со страждущим прохожим.

* * *

Уже деревья проседью отмечены,
Роняет лист осина и верба,
И осень, как попутчица беспечная,
Стоит у придорожного столба.

Она меняет летнюю картину,
Наводит грусть на тишину полей,
Прядёт, прядёт, как нити паутину
И спутывает ею журавлей.

И никуда от осени не деться,
Не спрятаться в берёзовом дыму:
Ведь убежать в безоблачное детство
Еще не удавалось никому…

Фото Бориса Ечина

ПОНОМАРЕВА
ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА
1970–2005

Больно и грустно, когда уходят молодые. Еще больнее, когда это происходит внезапно. 20 ноября 2005 года не стало Ларисы. Она уже не увидит свою вторую книгу «Уста Магдалины». Первая — «Приснилась музыка», увидела свет в 1997 году, вторая выйдет в 2006-м. Стихи из неё публиковались в № 3 «Звонницы». Теперь читатели смогут познакомиться шире с творчеством Ларисы. Она хорошо чувствовала поэзию, ей удавались стихи в разных формах и манере, но был у неё свой, особенный взгляд. Её поэтический мир увлекает, завораживает, а иногда и пугает. Она никогда не боялась уходить, говоря словами её стихов, «за грань дня и ночи». Но никто не мог подумать, что однажды она может не вернуться.

Лариса никогда не заботилась о написанном, я собирал её записи, сделанные то на клочке газеты, то на салфетке, то в чьей-нибудь записной книжке. Часто просто заставлял переписывать хоть что-то набело. Но больше всего она сочиняла, просто импровизируя, за столом, у костра, в машине. В этой подборке вы прочтете то, что я нашел уже после её трагической смерти. Оказалось, всё она предчувствовала, обо всем догадывалась и давно. И в ту роковую ночь, уходя, расплакалась… На вопрос: «Что случилось?..» ответила: «Прощаюсь...»

Третью книгу она хотела назвать «Третье крыло», по двустишию:

У птицы было три крыла,
Двумя взмахнула, третье уронила…

Хочется верить, что и эта книга еще увидит свет. А мы будем помнить Ларису молодой, красивой, талантливой… И вырастим её детей.

Виталий Волобуев

ТРЕТЬЕ КРЫЛО

* * *

Ты сидел, писал кому-то письма.
У меня трещали руки от разлуки.
Я тебя не ревновала к письмам.
Я тебя не ревновала к строчкам.
Просто я была так одинока.
Неспроста мне страшный сон приснился —
Будто мне прислали гроб с Востока,
А в гробу том —
Синий василёк.

* * *

Моя душа попала в рай,
Всех видит Я моё,
Тебя, любимый, май,
Листву, любовь, как гнёзда вьёт скворчиха,
Как в поле сладкая гречиха цветёт
И светят звёзды подо мной.
Любимый мой не спит,
Он пьёт за упокой.
Возьми в ладони дух святой
И счастлив будь.
Да, выброси часы,
Налей мне в блюдце молока,
Я буду радовать пока
Тебя и домового.
Пока мне Бог не запретит
Смотреть сквозь зеркала на землю.

* * *

Я на небе была два раза,
Говорил со мной Петр-привратник:
— Разве ты не узнала правду,
Почему прилетела рано.
Хорошо здесь, на небе, славно,
Но от скуки воздушные крылья
Превращаются в скучные руки.
Так и ходим, без грешников плохо,
Разругаться святым бесполезно —
С мылом вымыты чистые души,
Чистые, как Воскресенье.
И сидим мы, на землю глядя,
Иногда, на восьмое марта,
Дарим девам на счастье звезды.
Почему прилетела рано?
Ты всего две звезды поймала,
Я тебе приготовил третью,
Как поймаешь ее — прилетай.

* * *

Не идешь, не убегаешь,
Не молчишь, не говоришь,
Только звездочкой сверкаешь,
Только искоркой горишь.

Упади ко мне в ладони.
Обожги и закричи,
Обернись счастливым стоном
Или радугой в ночи.

Я любить не перестану,
Я не перестану жить,
Только пусть не оборвется
Между нами света нить.

* * *

Безалаберная, бесшабашная,
Про таких говорят: — Крыши нет.
А с чего начинается разум?
А с чего начинался свет?

* * *

Не верить. Не любить. Не знать.
Расстаться утром, и не умирать.
Страдать, сердиться, понимать,
Что будет вечер и опять… не верить.

Под ветром. На краю. В раю.
Иду, мечтаю и пою
И улетаю с песней в ад.
Я умерла, а ты не рад...

* * *

Сквозь меня растет трава,
Расцветают цветики,
Я была иль не была
В маленьком конвертике?

Раскроили на одежечку,
Разбросали в ночку темную,
Я была твоей подружечкой,
Вышла вся под похоронную.

СОНЕТ

Я в хоровод теней, топтавших луг,
С певучим именем вмешался.
О. Мандельштам

Я в смятенье, хоровод теней
Разбудил меня и манит в круг,
Ночью на снегу ещё видней
Очертанья нервных губ и рук.

Я зову тебя в молчанье гордом,
Но себя не слышу, стынет звук,
Уходя обратно комом в горло
И смыкается зловещий круг.

Я слепа была, ты приходил,
Я нашла твое истерзанное тело,
Ты спасал меня безудержно и смело.

Я пошла на огонек свечи…
От огня растаял снег вечерний
И смешался с криком — не молчи!

* * *

Не умею я летать наяву,
Лишь во сне вырастают крылья,
Нет, не крылья, обычно метла
Над землею и на три метра.

Черти, ангелы, там неважно,
Кто преследует, лишь бы лететь.
Помогите мне, милые граждане
В воздухе не умереть.

* * *

У Бога мой папа украл мою душу,
А что с нею делать, не знал.
Запрятал в шкафу, иногда вспоминал,
Когда расцветали бесстыжие груши.
Когда заносило метелью глаза,
Медовой пчелиной метелью,
Из шкафа он душу мою доставал
И пил ее, как на похмелье.

МУЗА

Серой мышью вкралась тихо,
Наплела сетей,
Нарожала я поэту
Маленьких детей.
Строки — ямбы и хореи,
Говорят, что ахинея,
Это — срам.
Но любила я поэта
Больше, чем он сам.

* * *

Ты подарил радость.
Но я так давно улыбалась,
Что кончики моих губ
Забыли, как это делается.
Поэтому
Сначала их вздернула
Нервная волна,
Потом
Скрутило в сумасшедшую спираль,
И наконец изогнуло в тугой лук.
Несносно шкодливое чадо —
Сын гражданки Венеры
Не преминул им воспользоваться.
Ты — мой спаситель
Пал его жертвой.

* * *

На плече на левом тонкий месяц,
А на правом — лозы винограда,
Над тобой июль кусты развесил
Из метеоритного распада.
А в ручье, окликнув, засмеялась
Белая беспутная наяда
И с твоей ладони похмелялась
Темным зельем солнечного сада.
Кто ты, Дионис? Мое ль виденье?
Истину познаем мы не в споре.
Так давай утопим все сомненья
Как в былые дни в Эгейском море.
В зарослях густых смоковниц, лавра
Всласть нектаром страсти упиваться.
Прячутся нескладные кентавры.
Чтоб тайком на нас полюбоваться.

* * *

Мне понять тебя —
Что изведать старость.
Извини, я такая глупая.
Чуешь? Не будет беды.
Молодость наступает на волосы,
Веришь — далека моя пропасть,
Только ближе, чем ты.

* * *

Замело любовь листвой,
Я листву сама сожгла
И с обугленной спиной
От меня любовь ушла.
Я просила: — Не гори,
Подожди, не умирай,
Ну зачем тебе тот рай,
Там и так полно любви…

* * *

Сколько женской светлой боли
Ты развеяла в пути,
Подарила, раздарила,
Бабе в поле не уйти.
Схорониться нету силы,
Хрип да песня из души,
Сколько рук тебя душило
И любило от души.

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Мы решили ввести эту рубрику, чтобы знакомить читателей с возможно более широким кругом современных авторов. Не всегда набирается подборка для публикации, да и поток поэтический всегда слишком полноводен для нашего журнала. И все же иногда хочется познакомить читателя с приглянувшимся автором хотя бы одним стихотворением. Хочется надеяться, что имена, представленные в этой рубрике, еще прозвучат более весомо, а читатели станут искать их произведения, чтобы узнать ближе.

Виталий Волобуев

Артемий Лебедев

Москва

МАМА, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА С ДОМОМ!

Я, конечно, не тот, за кого принимают меня фонари и трамваи,
Я давно не поэт, я избитый ментами оборванный бомж.
Фонари и трамваи глупы, а дома меня знают,
И щетинят свои домофоны: сюда я не вхож.

Я вернулся на Родину, где я до этого не был ни разу.
Нелюбимый подкидыш зачем-то приперся в родительский дом.
А у мамки на кухне и в спальне полно всяких разных.
Хорошо, не убили, а мамка пустила в сарайчик, спасибо на том.

Мама, мама, ах, что же ты сделала с домом!
Уломали тебя квартиранты, пустивши соплю,
Козыряя каким-то, когда-то и якобы бывшим погромом…
Знаешь, мама, а я тебя очень люблю!

Мама, мам, я сейчас, я сейчас, я тебя подниму, протрезвлю и умою,
Твой позор мне не гадок, я укрою твою наготу.
Да, я знаю, что было, но я этих гадов урою.
Кто останется жив — не приблизится и на версту.

Да, я встану из грязи и займусь этой черной работой.
Да ведь я не один, ты уж нас нарожала, то-то встанут полки!
Мы прошли через все, мы теперь не боимся ни крови, ни пота.
Мы очистим наш дом и украсим святыми его потолки.

Вот тогда ты и вспомнишь, кого ты любила когда-то,
И откуда теперь у тебя есть какой-то народ.
И заплачешь над тем, что опять нарожала солдатов…
Ничего, покачаешь хоть внуков, потерпи, дай нам день, дай нам год.

Елена Фиронова
Строитель

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Ночь прилегла на скошенном лугу.
Как тонко пахнут травы, увядая!
И от костра горящего бегут
По речке тени, с берега стекая.

Вокруг костра вздыхает темнота.
При свете мир такой загадкой не был!
Земля лежит на краешке моста,
Там, где она соединилась с небом.

Пьют кони воду с блесточками звезд.
Ночь для двоих объятия открыла.
А старенький, знакомый с детства мост,
Все тянет в ночь скрипучие перила.

Елена Чеснокова
Губкин

ОБЛАКА

Облака всё плывут, плывут,
Всё их гонит куда-то ветер.
Где отыщут они приют?
Кто в чужом их краю приветит?
Белоснежно нежны и чисты,
Всё плывут в голубом просторе,
Будто крылья моей мечты,
Парусами в далёком море.
Загадаю по ним судьбу,
Загадаю девичью долю.
Мне б в цыганскую да арбу,
Мне б из душных стен — да на волю.
Чтобы мчаться вслед облакам,
Шаль цветную на плечи кинув…
Да гадать по чьим-то рукам,
Да искать свою половину.

Маруся Богомолова
Москва

И вот начало марта-месяца…
А я планирую повеситься.
Мечтаю тупо об одном,
Как он зайдет привычно в дом,
На свежекупленной веревке
Увидит ручки, ножки, бровки.
Осядет на пол и заплачет:
«Ушла любовь. Свободен, значит»

Сергей Посохов
Губкин

ПЛАЧЬ...

Ты плачь,
Я так люблю, когда ты плачешь,
Когда хрусталь с твоих стекает глаз.
Слезами жизни не переиначишь,
Не плачь нигде, но лишь со мной, сейчас.
Вкус слез твоих единственный на свете,
Я их ловлю горячим языком.
В них дождь осенний,
Дождь весенний, летний.
В них кровь весны, удушенной шнурком.
Не плачь о будущем,
О прошлом и, тем паче,
Зачем грустить о том, чего и нет.
Поплачь о том,
Что здесь, сейчас ты плачешь
А я в глазах твоих
Ловлю хрустальный свет.

Настя Вишня
Москва

БОГИНЯ

Накурено в ванной. Водичка сырая
По струнке текла, заливая нагое…
Богиня плескалась, печально взирая
На обручи бедер и что-то другое.
Она возжелала — придумала принца.
Был принц ей доступен, понятен, ниспослан.
Невзрачный мужчина, гулявший у пирса
Смотрел на неё… Всё случится, но после.
Сейчас — зеркала и зеркальная пытка,
И пена, и ванна, и след от бикини.
Она недоступна, таинственна, пылка,
Как все возжелавшие принцев богини.

Елена Голотовская
Новый Оскол

Я сама нарисовала
Эти грустные глаза.
Если б чуть прозрачней краски,
Получилась бы слеза.
Каждый день молю пощады
У всезнающих икон,
Только ночью ожидаю,
Чтоб опять явился он.

Я сама нарисовала
Этот замкнутый овал,
Эти губы, что в ушедшем
Каждый смертный целовал.
Этот взгляд распутной девки,
Этот вызов тишине…
Даже дождь не смоет краски,
Что начертаны на мне.

Александра Коняева
Новый Оскол

* * *

Ты со мной и не думай спорить.
Не такая во мне натура.
Баба дура не потому, что баба,
А потому, что — дура.

И культуру мою не тронь.
Очень много во мне культуры.
Баба дура не потому, что баба,
А потому, что — дура.

И фигура моя просто шик
Что далась вам моя фигура.
Баба дура не потому, что баба,
А потому, что — дура.

Валерий Сергиенко
Шебекино

* * *

Когда пилят деревья,
Родные и близкие с детства,
Они падают с шумом,
Любимые милые сёстры.
Мне обидно и грустно,
Но я проникаюсь любовью
И жду чуда природы —
Рождения трепетной жизни.

Когда пилят деревья,
Я чувствую горечь потери.
Я ступаю по следу
И след заметает метелью,
Я любуюсь туманом,
Туман оседает росою,
Утопая в безмолвье
Остывшего за ночь рассвета.

Почему-то в хорошее
Хочется свято нам верить,
Даже если безжалостно
Пилят родные деревья.

Сергей Ключковский
Екатеринбург

* * *

Имея, что имеешь, не ропщи —
Вот счастия рецепт, бери бесплатно.
Уходит жизнь, исчезнет безвозвратно.
Хоть смысл в ней есть, его ты не ищи.

Смотри на свет, как на бокал вина
Пьянчужка жалкий смотрит, на свободу
Как смотрит заключенный, как на воду
В пустыне смотрят. Пей его до дна.

Он раз тебе дается и до срока:
Сейчас ты зряч, а после будешь слеп,
Слезам твоим внимать не будет склеп.
Лишь с жизнью канут суета, морока...

Цени же их, считая каждый час
Глотком воды, что жадно губы ловят,
Не зная — что грядущее готовит;
Спеши упиться радостью сейчас.

Сергей Самойленко
Кемерово

* * *

Верхний свет погасив над страной,
ночь стоит за околицей неба.
Кружит головы ветер чумной,
как во время Бориса и Глеба.
Кто там — пень, или заяц, иль волк?
Крест с тобою, проваливай на хер
от греха, будь ты сам Святополк
в наизнанку холщовой рубахе.

Верно, вывернут век наиспод,
будто веко над оком белесым,
раз уж чертополох не берет
колченогого мелкого беса,
раз уж пламенем синим горит
Мономахова шапка на воре,
и по шву потайному трещит
территория страха и горя.

Позвоночник Уральской гряды
выгибает звериную спину,
и поджилки железной руды
так дрожат, что трясутся осины.
Шестипалой звезды черностоп
достает от утроб до колодцев,
и с опаской глядят на восток
двухголовые лица уродцев.

Стой, однако! Незряч поводырь
вел на небо, да сбился с дороги,
наглотавшись нелегкой воды
за здоровье болотной мороки,
из копытца, с рябого лица,
из глазниц простодырой природы,
обмирая от вкуса свинца,
холодея от запаха йода.

Мать честная, куда ж нас несет
взадпятки по родным буеракам!
Видно, задом идет наперед
наша смерть и становится раком.
Поглядим же вприщур сквозь кулак
на простое, привычное дело,
с головой окунаясь во мрак
голубой, ослепительный, белый.

Александр Чекалов

Москва

…а искусство всё требует жертв — всё новых и новых, —
И являются люди, — которым ни страх не знаком,
Ни усталость, ни скука, — зато изнутри созидательный норов
Распирает, — и чешутся руки…

…и вместо того, чтоб чесать языком,
Начинаешь творить, воплощаешь в реальность мечты и прожекты, —
Забивая при этом на быт, на работу, на дом, на семью, —
Ведь «искусство же требует, чтобы мы шли на какие-то жертвы!» —
И безропотно прёшь на Олимп каменюку-нетленку свою, —
Оставляя всю жизнь позади…

…а потом — обнимая за плечи,
Говорят тебе: «Дядя Сизиф, ты не смыслишь ни в чём ни аза! —
На Олимпе хватает камней — и красивее, и, разумеется, легче, —
Ну, так что же? На тщетность усилий, надеюсь, открылись глаза?» —
И уходят…

…а «дядя» — сидит и, окурок мусоля,
Всё пытается — но безуспешно — его прикурить…
Ему хочется полемизировать в поисках правды и соли —
Да и просто желательно с кем-нибудь поговорить —
Между тем, как искусство — всё новых, и новых, и новых, и новых…

Наши гости

КАН
ДИАНА ЕЛИСЕЕВНА

Родилась в 1964 году. Окончила МГУ им. Ломоносова и Высшие литературные курсы Союза писателей России при Литературном институте. Автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Бактрийский горизонт», «Подданная русских захолустий», а также многих поэтических публикаций в центральных и региональных литературно-художественных и общественно-политических изданиях России — журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Мир женщины», «Всерусский собор» (Санкт-Петербург), «Воин России» (журнал Министерства обороны России), «Нижегородская провинция», «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Странник» (Саранск), «Подъем» (Воронеж), газетах «Российский писатель», «День литературы», «Литературная газета» и других. Дипломант Всероссийского конкурса молодых поэтов им. Сергея Есенина, проводимого журналом «Молодая гвардия» (1998). Дважды лауреат журнала «Наш современник» — за цикл стихов 1998 и 2001 годов. Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» (2002). Член Союза писателей России. Живет в Новокуйбышевске Самарской области.

ПЕЧАЛЬНИКИ И ВОИНЫ СЛАВЯНСТВА

*** * ***

Печальники и воины славянства!
В дни осквернённых свернутых знамен,
во дни раздрая, смуты, окаянства
спасает евразийское пространство
сиянье ваших солнечных имен.
Покуда незатменно в небе солнце
и льет на землю царственный покой,
то лишь ленивый всуе не смеется
над вашею божественной тоской.
Но в дни затменья да пребудут с нами
Олега щит и Святослава меч,
орлёное распахнутое знамя,
неспешная аксаковская речь.
Не из гордыни и не для забавы
над бездной, даже падши, воспарим…
Славяне, обреченные на славу
исконным славным именем своим!

ЕВДОКИЯ — ПОДМОЧИ ПОДОЛ

Капельник, синичник, протальник,
на флейтах сосулек игрок,
смутьян, озорник и охальник,
врывается в город марток.
Он скор на мужские уловки
и скромниц не видит в упор:
«Гляди, Евдокия-весновка,
подмочишь длиннющий подол!…»
Ну, кто тебя уполномочил
куражиться так, милый март?
Гляди, с каждым часом короче
юбчонки кокеток-девчат!
В коротких юбчонках продрогши,
бегут на свиданье с судьбой…
Лишь Дуня с подолом подмокшим
всегда остается с тобой.

* * *

Ветер, вдрызг пропахший ноябрем,
детище самарских подворотен, —
мы по Красной Глинке с ним идем
и опять мечтаем о свободе.
Почему (никак я не пойму!),
будучи влюбленной в розы мая,
я опять, потворствуя ему,
красные гвоздики покупаю.
Вновь дыханьем каждый лепесток
грею, не умея надышаться,
хоть давно не верю — видит Бог! —
я в свободу, равенство и братство.
Да, не верю!… Почему ж подчас,
словно в золотом застойном детстве,
от лукавых вольнодумных фраз
сладко захоланывает сердце.
Захолонет и — щемит, щемит…
Не пора ль уже охолонуться?
В предвкушенье будущих обид
на печальный опыт оглянуться.
И — неважно мне, кто лев, кто прав!…
Сраму только мертвые не имут…
Революционный красный шарф
ветер-бомж закинул мне за спину.

* * *

«Прости меня!…» — кричу вдогонь,
От ветра заслонясь…
Но в степь уносит чалый конь
тебя, мой юный князь.
Уносит прочь мою судьбу
твой верный чалый конь
с каурой вызвездью во лбу,
рожденный для погонь.
Лишь ветер с губ моих сорвет
любви напрасный зов.
Небесной пылью занесет
певучий след подков.
И будет сниться в вещих снах —
таких, что свет немил! —
стремян порожних перезвяк
да перезвон удил.
Когда же через тыщу лет
обратно долетит
прощальным эхом твой ответ:
«Родная, Бог простит!…»
Приблудный ветер — твой дружок,
что весточку принес,
покорно ляжет возле ног
и заскулит, как пес.

* * *

Где ты, вдохновение мое?
Где ты заблудилось-заплуталось?
Иль тебя склевало воронье?
Или просто — в прошлом ты осталось?
Где, воткнув в сугроб букет цветов,
пьяный Витька — муж подруги Томы —
вдохновенно пишет про любовь
на снегу под окнами роддома.
Витька, Витька — жаль моя и боль,
тайная моя любовь до гроба,
про свою бессмертную любовь
пишет на подтаявшем сугробе.
И Тамара, все еще бледна,
кроху-дочь укутав одеяльцем,
гордо улыбаясь из окна,
свысока грозит шутливо пальцем.
Ну, а я в толпе друзей семьи
лихо пью шампанское из горла…
И — поют на сердце соловьи,
а в зобу навек дыханье сперло.

* * *

Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.
Здесь так легко рукой до звезд
достать сквозь облака.
И — тишина… И лишь один
здесь свищет средь ветвей
разгульный одихмантьев сын
разбойник-соловей.
Почти не зная, почему,
ступив на зыбкий мост,
вдруг ощетинился во тьму
мой верный черный пес?
И ворон гаркнул в пустоту:
«Врага не проворонь!», —
когда споткнулся на мосту
мой богатырский конь.
Здесь мой рубеж последний врос
на долгие века…
…Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.

* * *

И царь, и кузнец, и строитель, и плотник…
Но ропщут угрюмо деды:
«Табашник. Скобленое рыло. Щепотник,
у нас исторгавший брады!…»
Кружатся над Русью имперские вихри,
врываются в сон золотой.

Крепись, император Петрушка-антихрист!
Державный топор под рукой.
Опять на душе неприютно и тяжко —
вокруг то дурак, то подлец.
«Наполни мой кубок, ты где, Алексашка?…»
«Я тут, — подлетает, — мин херц!»
Противиться воле царевой не смея,
замкнувшись молчком в терему,
посконная Русь, как жена Евдакея,
глядит в непроглядную тьму.

* * *

Черноглазый Меджнун,
разлученный с Лейли.
Белокурый Ромео,
влюбленный в Джульетту.
Кто бы плакал о вас,
если б вы не прошли
через кровоточащее сердце поэта?
Обветшалых времен
проржавелая кровь
рассыпается в прах,
осыпается в Лету…
Кто бы знал,
что на свете бывает любовь,
если б не кровото́чило сердце поэта?

* * *

Глубинка сирая, крепись!
Трудись, родная, дотемна!
Такая, знать, приспела жисть,
что ты столице не нужна.
Задорно заголивши пуп,
кокошник сдвинув набекрень,
с любым залетным — люб, не люб! —
ей нынче пировать не лень.
С любым, как с любым, в пляс идет,
весельем чумовым зайдясь…
Поберегись, честной народ!
Ей все равно, что грязь, что князь.
Москва, Москва… Как та свинья,
которой не до поросят,
когда залетные князья
её саму вовсю палят.

* * *

Покуда брюзжало тайком диссидентство
в курилках, на кухнях за сытным столом —
смеялось-искрилось счастливое детство,
и синие ночи взвивались костром.
Оно отсмеялось, оно отыскрилось,
подернулось горестным пеплом утрат…
И не объяснит, как все это случилось,
уже не товарищ, не друг и не брат.
Ужель нас за то упрекнете? Едва ли!
Вы, дети великой и страшной войны,
что не холодали мы, не голодали,
что звонко смеялись и в ногу шагали,
что самое лучшее время застали
мы — дочери ваши и ваши сыны.
Вот так и живем с ощущеньем утраты
огромной страны, превращенной в туман…
Мы не диссиденты и не демократы.
Мы — дети рабочих и внуки крестьян.
Не ждите от нас покаянья — пустое!…
В своей ностальгии отнюдь не вольны,
мы дети советской эпохи застоя —
желанные чада великой страны.

* * *

— Куда-куда, окольная дорога,
бросаясь прямо в ноженьки, ведешь?
— Веду тебя в село Большая Ёга.
Да не боись, милок, не пропадешь!
Что ни бабулька — то ягулька в Ёге.
Напарит в баньке и накормит всласть.
Как сына, перекрестит на пороге.
научит, как в дороге не пропасть.
Свои-то хлопцы поспились когда-то…
А ты какой ни есть, а все — жених!
Ты на ягулек не лупи глаза-то,
внимательней взгляни на внучек их.
Поднимутся ранёшенько с постели —
за всем в хозяйстве надобен догляд.
Они прядут тонёшенько кудели.
Они белым-белёшенько белят.
Забудешь все, когда сметаны кринку
подаст тебе такая егоза,
с дерзинкой, ждинкой, льдинкой и грустинкой
пытливо посмотрев в твои глаза.
На кой те ляд заморские красотки,
когда своих — расейских! — завалились!
На дело спорых, а на слово кротких
Премудрых Распрекрасных Василис?!

ЛИТВИНОВ
ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Поэт, прозаик, драматург, сказочник. Родился в1954 году в селе Хохлово под Белгородом. Среднее образование получил в Белгородских школах №2 и №29. Срочную службу отслужил в радиационно-химической разведке. Работал монтажником-стропальщиком в СУ-3, художником-оформителем, актёром театра кукол. Окончил сценарный факультет ВГИКа (мастерская Н. В. Крючечникова и А. Я. Инина). С 1987 года — заведующий литературно-драматургической частью Белгородского государственного театра кукол.

Автор книг «Записки Сказочника» (повесть-сказка, пьесы-сказки), «Две книги стихотворений», «Происки прозы» (киноповесть, рассказы), более десятка пьес и интермедий, которые были поставлены в нескольких театрах кукол России и Украины. Один из авторов коллективного российско-немецкого альманаха-антологии «Другие люди». Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

Песок и Замок

сказка

Танюшке, с любовью и радостью,
которые всегда ожидают меня рядом с ней.

Песок продавали в среду. Огромный самосвал целый день возил его по Загородной улице, и поначалу он, вроде бы, никому не был нужен. Но потом нашёлся один запасливый человек, который так и сказал:

— Возьму-ка я этот песок про запас. Вдруг когда и пригодится. Сваливайте его вот здесь, у забора.

Самосвал свалил песок одной большой кучей. Водитель самосвала взял деньги и уехал покупать бензин, или другую какую-нибудь жидкость, необходимую для укрепления дружбы между людьми и механизмами. Запасливый человек ушёл, и надолго, то ли делать новые запасы, то ли учитывать старые. А песок остался лежать у забора.

Иногда лежать бывает интересно, например, в засаде. Иногда полезно — если отдыхаешь. Но быть сваленным про запас — скучно и обидно. Каждая песчинка ощутила это всеми своими микроскопическими гранями, и решили они на свой страх и риск расползаться кто куда, в поисках приключений или ещё чего-нибудь интересного. А тут как раз в четверг на рассвете мелкий

дождичек пошёл, так что некоторым песчинкам удалось, прилипнув к дождинкам, откатиться от кучи на один, два, а то и на три сантиметра.

Неизвестно, к чему бы привели поползновения песчинок лет через двести-триста, да только сразу после дождичка кучу песка обнаружили дети, три мальчика и девочка. Песок, аккуратно омытый дождичком, очень им понравился. Мальчики тут же принялись азартно обсуждать, как замечательно будет бросаться таким замечательно мокрым песком друг в друга и в разные стороны, или вырыть в нём глубокую и страшную пещеру. А девочка вдруг сказала восхищённо:

— Какая невозможно большая куча. Прямо настоящий замок, а не куча. Большой замок…

— Это же песок! — Не унимались мальчики. — У кого это бывает замок из песка?

— У феи Песочного печенья, — объяснила девочка.

— Да какой же это замок? — Продолжали допрос мальчики. — Где его башни? Где стены с бойницами?

— Они пока не готовы, — предположила девочка, — надо помочь немного фее и всё достроить. Вы ведь знаете как?

— Мы-то знаем, — не позволили усомниться в своих познаниях мальчики, — это не сложно…

— Вот и хорошо! — обрадовалась девочка. — Значит, я вам буду помогать. Что мне делать?

И мальчики тут же начали наперебой рассказывать, что надо делать. А потом показывать — как делать, и дело стало делаться.

Сначала была вылеплена сторожевая башня, ведь печенье нуждается, прежде всего, в хорошей охране. Потом соорудили покои феи, где она тут же начала придумывать новые сорта и формы сладкого лакомства. Один из мальчиков затеял лепить изюмную башню, и ему все помогали, потому что изюма в печенье должно быть много, и башня для него получилась немаленькая. А вот о необходимости кокосовой башни долго спорили, но всё же слепили и её.

Стены пришлось возводить уже на следующий день, в пятницу.

А в субботу с большим удовольствием пристраивали мармеладную, шоколадную и просто сахарную башенки, а также всевозможные мосты, мостики, переходы и балкончики.

Замок получился чудесным, даже расчудесным. В такой фея Песочного печенья могла безбоязненно звать в гости даже Королеву всех фей, и той бы это очень понравилось.

Дети расходились очень довольные своим строением и договаривались назавтра украсить башни и покои замка флагами и флюгерами.

И вдруг в ночь с субботы на воскресенье хлынул дождь. Не какой-то там весёлый утренний дождичек, а мрачный ночной ливень. У песка появилась заманчивая возможность — с бурными потоками воды растечься по всей Загородной улице, прочь от серенького забора… Да только не было теперь никакого песка. Был замок феи Песочного печенья, что величаво стоял в ночи в ожидании флагов и флюгеров и хранил сладкое лакомство детей всего мира. Каждая песчинка ощутила себя незаменимой частичкой замка, и ничто не могло разъединить их. Поэтому весь замок стоял крепко и держал удары стихии геройски. Мужественно и неколебимо высилась над покоями феи Сторожевая башня. Кокосовая и Шоколадная самоотверженно поддерживали

меньшую Сахарную башню, а Мармеладная и Изюмная так грозно рассекали потоки воды, что ни одна стена не была подмыта, ни один мост не был снесён бурным потоком.

Утром в воскресенье тучи рассеялись, и даже облака разбежались. Взошло солнце и осветило замок феи Песочного печенья. Каждая песчинка в его стенах и башнях победоносно сверкала всеми своими микроскопическими гранями. Солнцу стало так весело, что оно запело. Правда, люди, даже дети, не могли услышать этой космической песни, но они все без исключения почувствовали, насколько этот день был светлее и радостнее других. В две тысячи раз — не меньше.

25-30 апреля 2005 года

Камень и Цветок

двойная легенда

В месте пустынном, безводном, удалённом от путей и дорог, а потому почти необитаемом выходил из земли камень. Огромный валун. Эры полторы выходил и возвысился основательно. Да оценить его размеры было некому.

Одиночество камень не угнетало, у камней чувство целостности крепче чувства родства. Вода не точила, хотя где-то глубоко под собой он и ощущал её ленивое, но упорное движение. Время вообще не беспокоило, он был одной из точек его отсчёта. Лишь ожиданием, пусть малого, но соизмеримого его размерам внимания, тяготился камень. А его-то как раз и не было в этом пустынном, безводном, почти необитаемом месте. Случались только казусы да недоразумения. Ветер какой-нибудь угорелый, бывало, наткнувшись на него, свиснет то ли удивлённо, то ли досадливо, но уж никак не с восторгом или уважением. Не догонишь, не переспросишь, что он имел в виду под своим «Фи-и-ю-ить!». Туча саранчи пролетала однажды. Полдня трещала, но всё о своём: о еде, о харчах, о жратве. Даже те, что лбы о камень расшибали, только и успевали прошкварчать: «Здесь зелень есть?! Где зелень?!!».

В кои-то веки забегала дважды в тень камня пустынная ящерица. Тень даже ей показалась недостаточно прохладной, а привычно зарыться в песок она не смогла — слишком плотной была почва вокруг камня. Ящерица и сама дорогу в этот край пустыни позабыла, и другим заказала.

Однажды произошло нечто потрясшее камень не столько в буквальном, сколько в моральном смысле. Невероятное соединение маловероятных событий произошло в один миг. На камень среди ночи свалилась усталая, отбившаяся от стаи перелётная птица. Полежала, распластавшись, пришла в себя и полетела, не дожидаясь рассвета, дальше, ведомая не знающим усталости инстинктом. В птицах камень ничего не смыслил, и даже пёрышко, оставшееся от ночной гостьи, не подсказало ему, что она была обыкновенной серой уткой. Но в пёрышке — невзрачном и мёртвом — обнаружилась живая икринка речной улитки. Из неё очень скоро — а на взгляд камня, мгновенно — вылупилась микроскопическая улиточка. Она скушала сберегавшую её в зародыше икорную оболочку и, не найдя другой еды, закрылась в практически невесомой раковинке, которую почти мгновенно унёс один из ветров.

В тот миг камень и треснул. От досады. Не весь, не целиком, не сверху донизу, а только башка его каменная треснула ровно посередине. С этой трещины, собственно, и начинается история Камня и Цветка.

Как бы не серчал Камень на всяческие ветры, но именно они натаскали в его трещину пыли дальних и ближних земель, превратив её за пару сотен лет если не в клумбу, то в большущий цветочный горшок, напоминающий по форме ладью размером с банную шайку.

И вот как-то, не однажды даже, а, пожалуй, что и вовсе единожды во все времена земные, прилетел в место расположения Камня матёрый ураганище. Оттуда прилетел, откуда прежде лишь ветерки беспечные припархивали. С юго-запада. Сутки напролёт нёс ураган — из неведомых земель в незнаемые — причудливые запахи, невиданные предметы, удивительных птах и насекомых. И семена. Самые разные.

Одно из них, желтовато-коричневое, глянцевое, похожее на миниатюрную фасолинку, буквально вонзилось в подобие цветочного горшка на голове Камня. И было тут же прибито дождём.

В тот миг Камень испытал нечто похожее на уважительное удивление перед силищей юго-западного урагана, сумевшего дотащить в столь отдалённые, пустынные и безводные места дождевые тучи. И в таком количестве, что вода лилась с небес три дня и две ночи.

Камень знал два вида растений: подвижные и неподвижные. Первые — перекати-поле — это желто-серые полупрозрачные шары, гонимые ветром, вторые — мордовник — это синевато-серые непрозрачные шарики, крепко держащиеся за верхушки коротких, жестких стебельков, утыканных колючкоподобными листочками. То, что выросло на голове Камня из залётного семени, было чем-то третьим. Оно зазеленело! Листья его были нарезаны продолговатыми дольками и, казалось, готовы от малейшего движения воздуха разлететься прочь с тоненьких жилочек, на которых висели непонятно как. Но не разлетались, а лишь издавали едва-едва различимые звуки. Это был шелест. «Цветок» — сложил Камень непривычные звуки в слово, слышанное им то ли от чумоватого южного ветра, то ли от самого прыткого перекати-поле, а может быть, от трескучей саранчи.

Растение же было белой акацией, и до первого цветка ему предстояло расти и расти. Но там, где оно взошло — на голове Камня, в месте пустынном, знойном и безводном — ему суждено было только чахнуть и чахнуть. Об этом акация и начала очень скоро шелестеть и трепетать на все лады с премилой, робкой и неутихающей наивностью: «Прощай, небушко безоблачное, я засыхаю. Прощай, ветерок суховеюшко, я вяну. Прощай, солнышко жгучее кипучее, я чахну. И ты, Камень великий, подобный горе, остановивший ураган, тоже прощай, я погибаю».

Ни капли лжи и лести не обнаружил Камень в последних словах Цветка. Величина его была очевидной, учитывая местоположение, он вполне мог именоваться горой, да и ураган был им остановлен, если и не весь, то уж та часть урагана, что несла семечко белой акации, — безусловно!

Пусть не пророком, но героем вне всяких сомнений почувствовал себя в кои-то эры Камень. В своём отечестве! Правда, увидел и объявил это первым всё же чужеземец.

«Глубоко копнул малыш. В самую суть мою проник корешком своим крохотным, — восхитился Камень. — Ай да Цветок! Что же откроет он, когда вырастет? Что откроется ему…».

А росток продолжал, между тем, свои трепетные стенания: «Не тянуться мне к тебе, небушко знойное, не шептаться мне с тобой, ветерошенько жаркий, не источать ароматов в твоих утренних лучах, солнышко жгучее. Не играть на тебе тенью и не щекотать бока твои палыми листочками и семенами зрелыми, Камень мой, ставший и приютом, и опорой, и…». И речь ростка стала вдруг бессвязной. А Камень так надеялся услышать что-нибудь действительно величественное. «И спасителем!» — додумал он недоговоренное, как ему чувствовалось, Цветком до конца. А может быть, и договорил, потому что листочки белой акацийки вдруг затрепетали с новой силой: «Спасите! Спасите! — зашелестела она. — Кто-нибудь, дайте воды. Хоть каплю… Воды мне, водицы. О, небо! О, ветер! О, Камень!».

Из всех, к кому взывал Цветок, лишь Камень знал, где вода. В кромешной глубине, прямо под ним. Туда он и ухнул. Откуда вышел, туда и ушёл. В землю по самую макушку, до самого водоносного пласта. А воде дай только дырочку, она её найдёт и выйдет. А потом — не остановишь.

Сегодня в путеводителе «Короткая дорога из Агаки в Яуку» можно прочесть: «В долине Белых Акаций есть живописное озеро почти идеально круглое по форме и с крохотным каменным островом в самом центре. Доказано, что остров естественного происхождения. На нём — опять же в самом центре! — растёт трёхсотлетнее дерево, которое местные жители называют Матерью всех деревьев, трав и цветов. По легенде именно семечко этой древней акации раскололо камень, сдерживавший во тьме пещер воды реки Даржицы. И с той поры она, образовав озеро, вытекает из него. Река почти ежегодно меняет русло, разделяется на несколько потоков, ни один из которых никуда не впадает, все они необъяснимым образом теряются в песках окружающей долину пустыни».

Далее на семи с половиной страницах обычная путеводительская пестротень: отели, мотели, заправки, закусочные, расписание автобусов и аэропланов. И ни слова о главном, о том, что шелестят все без исключения акации долины при любом ветре. А зачастую и в безветренные ночи. Тогда, кстати, слова их наивной песни звучат особенно связно, и можно разобрать следующее:

«О, славься, Камень!
Великий, подобный горе,
Укротитель всех ураганов!
О, славься, спасительный Камень,
Воду жизни нам давший в пустыне,
Облаками наполнивший небо,
Суховеи стреноживший зыбким туманом.
О, славься и славься, наш Камень!
Спаситель акации первой…»

В этом благодарственном гимне сегодня сто девять тысяч пятьсот семьдесят пять строк. Завтра будет одной строкой больше.

5-6 января 2004 года (записано)

Фото 1983 года

ФИРОНОВ
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ
1953–2003

Александр Павлович Фиронов родился в селе Старая Безгинка Новооскольского района Белгородской области. После окончания пединститута работал в сельской школе. С 1989 года и до своей безвременной кончины работал старшим преподавателем Белгородского пединститута (ныне — университет). Автор более 10 статей и учебных пособий, в их числе: «Русская советская поэзия на современном этапе» (Белгород, 1990), «Образ России в поэтическом мире Николая Рубцова» («Славянский мир: единство и многообразие.» Материалы Российской научно-просветительской конференции. Белгород, 1995).

«КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ»
Самая «молодая» ветвь русской патриотической поэзии

Любовь к Матери-Родине, родной земле — чувство, издревле присущее русским людям и, естественно, нашедшее отражение в поэзии и других сферах духовной жизни — от времен «старины глубокой» («Светлая-пресветлая Русская земля!») до наших дней.

Это чувство особенно обострялось во время смертельной опасности, неоднократно нависавшей над страной, и тогда появлялась иная тональность стихотворений, а старые звучали как клятва, как призыв, как набат.

Примеров — множество, и они достаточно широко известны. Отметим только, что среди авторов таких стихотворений оказывались не только люди бойцовского духовного склада (автор «Слова о полку Игореве», Денис Давыдов, Николай Гумилев, Сергей Наровчатов и многие-многие другие), но и поэты совсем иного склада души, в «обычное» время, далекое от героической тематики (Василий Жуковский, и множество дотоле неизвестных авторов; причем часто возвышали голос женщины — как сегодня Нина Карташова или совсем юная Марина Струкова).

Но с наступлением «нового времени» возникла (не могла не появиться) новая ветвь в русской гражданской поэзии. Ее появление имеет прямую зависимость с возникновением идеологии как общественного института. То есть мы ходим сказать,

что поэзия-отповедь явилась ответной реакцией на идеологическую агрессию со стороны внешних враждебных сил. И, как следствие последней, появление внутри страны «пятой колонны». Основоположником новой поэтической традиции явился Александр Сергеевич Пушкин — «начало всех начал» — со стихотворением «Клеветникам России». Русский гений понимал, что «**лукавый** Запад»[1)] вел против России политику экспансии (экономической, военной, а с некоторых пор идеологической). Польские события (националистическое сепаратистское восстание) — всего лишь предлог для раздувания русофобской кампании.

И ненавидите вы нас...

Гениальный Лермонтов сразу уловил новизну самой тематики пушкинских стихов:

Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом...

Лермонтовское «Опять народные витии...» явилось откликом на посвященные «польскому вопросу» антирусские выступления французской печати.

Близость к пушкинскому посланию «Клеветникам России» улавливается уже в первой строчке (У Пушкина: «О чем шумите вы, народные витии?..»). По духу полное совпадение позиций.

Стихи Пушкина хорошо известны, а вот Лермонтова просто необходимо процитировать полнее, тем более, что из него современные «витии» из «пятой колонны» пытаются сделать чуть ли не поэта-диссидента.

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенный,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря;
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя…

……..
Вам непонятно, вам несродно,
Все, что высоко, благородно...

К сожалению, у нас усилиями недоброжелателей страны и народа внутри страны (явление не только российское, что подтверждается многими примерами, например, поэмой Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка» — но в России наиболее распространенное и, при нашем попустительстве, сильное), — у нас патриотическая поэзия Пушкина и Жуковского, Лермонтова и Федора Глинки, Фета и Тютчева, А. К. Толстого и Кольцова, многих других поэтов последних трех столетий печатается и изучается крайне мало.

Предложите на любом уровне ответить на вопрос: каковы патриотические мотивы в лирике (даже!) Пушкина? В лучшем случае услышите лепет о няне и Михайловском. Вообще зрелые стихи всех наших лучших поэтов как-то оттесняются, а подчеркиваются, наоборот, ранние, незрелые, скоропалительные строки. Наш великий Пушкин в течение всей жизни сохранял дух молодости, даже юности, но при этом никогда не отличался инфантильностью, был «не мальчиком, но мужем», мужем с государственным умом. И «Клеветникам России» — отнюдь не единственное стихотворение подобного содержания. В этом же ряду — «Бородинская годовщина» (написанное в том же, 1831 году).

1) Эпитет, как всегда у Пушкина, невероятно лаконичен, точен и емок — выделено мной — А.Ф.

Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье...
.....
Но вы, мучители палат,
Легкоязычные витии,
*(даже фразеология почти та же — **А.Ф.**)*
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
*(выделено А.С.Пушкиным — **А.Ф.**)*

Как современно все это звучит, как повторяется история! Как прав был Лермонтов, открывший «нового» Пушкина!

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы
*(так и произошло сегодня — **А.Ф.**)*, до Лимана?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?

Именно так и произошло, примерно через полтора столетия, и усилия «клеветников» здесь нельзя недооценивать.

Но — повторим за нашим великим поэтом — «Россия, встань и возвышайся!». Пушкин обладал не только гениальным поэтическим даром — он был провидцем в исторических, политических, геополитических вопросах и не случайно, что в изменившихся условиях — с наступлением эры идеологических, то есть «холодных» войн — он явился основоположником определенной поэтической традиции, которую мы условно назвали «стихотворение-отповедь» врагам России. Есть основания полагать, что без гневных стихов «нового» Пушкина могли не появиться строки Н.Языкова, Д.Давыдова, А.Хомякова, других современников Пушкина[2)] . Так, Николай Языков в стихах с характерным названием «К ненашим», обращаясь к своим доморощенным космополитам, гневно восклицал:

Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины...
.....
... Народный глас... —
Он чужд, он странен, дик для вас.
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат...

Вот оно — впервые отчетливо обозначенное определение, обращенное не вовне, а к идеологическим противникам, космополитам внутри страны: «ненаши». Это противостояние уходит в глубь веков, но прежде оно носило либо религиозно-этический, либо сугубо политический характер.

Теперь же — повторим — оно переросло в идеологический спор, который со стороны «лукавого» Запада перерастал, с периодичностью примерно раз в полстолетия, в конфликт военный, но так ничему и не научил «ненаших» до сего дня! Проследим, как это было, обращаясь к поэтическим «отповедям» **наших** великих поэтов.

*2) Да и гневные строки из лермонтовского «Смерть поэта», возможно, написаны не без влияния «нового Пушкина»: «Не мог щадить он **нашей** славы...» (Выделено мной — **А.Ф.**)*

Крымская кампания. Крах, затем «сосредоточение» (Горчаков!) и подъем величия российской Державы. Политическая эпоха, отраженная в стихах великого Тютчева.

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!..
Ложь воплотилася в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...
Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы...
О край родной! — такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

В одном из писем Ф.И.Тютчев «твердому и достойному образу действий» правительства противопоставляет «жалкое и даже омерзительное поведение петербургских салонов», заискивающих перед иностранцами.

Проходит еще полвека. Новое «ополченье»: мировая война. Революции. Несмотря на расслабленно-безответственное поведение «интеллигенции» «клеветникам России» ответили. Александр Блок в «Скифах»; Сергей Есенин («Страна негодяев» и др.). Иван Бунин в «Окаянных днях» поставил точный диагноз «пятой колонне»: «не народ» устроил смуту, «а вы». Максимилиан Волошин «иудин грех» либеральной интеллигенции увидел в том, что страну «распродали на улицах: не надо ль // кому земли, республик, да свобод,// Гражданских прав?..»

Тридцатые годы. Возрождение Державы. Советский патриотизм. Возвращение в литературу категории народности.

Фашизм идет напролом. «Лукавый Запад» хитрит, раздваивается, предает... Наша Победа. «Пятая колонна» фактически ликвидирована. Начало «холодной войны». Еще до завершения второй мировой войны А.Даллес разрабатывает план длительной идеолого-психологической диверсии против нас. «Мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников... своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания»...[3)]

Эта необъявленная война велась постоянно, активизировалась в период «оттепели» через движение так называемых диссидентов (читай: отщепенцев) и достигло в наши дни с началом «перестройки» размеров, угрожающих самому существованию России и русского народа. Одним из главных приемов в подлой деятельности «клеветников России» стала явная или замаскированная русофобия.

А что же поэты? Возникает псевдопатриотическая лжегражданственность, декларирующая неизменность каких-то принципов, о которых после развала страны никто из них, конечно, не вспомнил (Р. Рождественский, Е. Евтушенко и многие другие). Нобелевский лауреат-диссидент И.Бродский пишет о России в таком глумливом тоне:

Та лужа во дворе, как площадь двух Америк...
И к звездам до сих пор там запускают Жучек
плюс офицеров, чьих не осознать получек.
Там, наливая чай, ломают зуб о пряник.
Там мучает охранник во сне штыка трехгранник...

3) Цит. по кн.: Б. Олейник. Два года в Кремле. Днепропетровск, 1992.

Там в церкви образа коптит свеча из воска.
Порой дает раза соседним странам войско...
Пивная целый день лежит в глухой осаде...

Довольно цитировать эту гнусность. Но были (и есть), творили (и творят) — в режиме наибольшего благоприятствования поэты, продолжающие ту же самую, от Пушкина идущую традицию «отповеди». Вот Станислав Куняев:

Опять разгулялись **витии —**
шумит **мировая орда:**
Россия! Россию! России!..
(*выделено мной, с целью показать близость*
к «Клеветникам России» не только направленности стихов, но
*и фразеологии — **А. Ф.**)*

Но что такое «мировая орда», «мировая закулиса» и т.д. Может быть, это миф, болезненная наша реакция. Ответ обнаружить нетрудно, тем более что сегодня эта самая «закулиса» (выражение Н. Ильина) свои цели и не особенно скрывает.

«Мы очень признательны руководителям средств массовой информации... за то, что они в течение более чем сорока лет соблюдали предельную осторожность относительно освещения нашей деятельности... Сегодня мир... предрасположен к созданию Единого Мирового Правительства. Сверхнациональная власть интеллектуальной элиты и мировых банкиров более предпочтительна, нежели право народов на самоопределение». Это из обращения Дэвида Рокфеллера к представителям СМИ на очередной встрече Бильдербергского клуба в 1991 г. в городе Санд (Германия)[4] . Считается ли с этими реалиями наша «элита» из либеральной интеллигенции? Если нет, то это просто непростительное легкомыслие, пренебрежение заветами автора «Клеветникам России». Если да, то это прямое предательство — понимать и делать такие, например, выводы, как сделал «гуманист» Б.Окуджава: «Патриотизм — чувство несложное», «присущее даже кошке». Мысля категориями Окуджавы, предательство — чувство, конечно, куда более утонченное, поскольку ни кошке, ни, тем более, собаке несвойственное. Или Окуджава и впрямь полагал, что существует какая-то «третья» позиция — между патриотизмом и предательством? Е.Евтушенко (обозвавший нас, как известно, «русскими коалами») заметил, что в стране (к его страху) появились люди, которые «ищут каких-то масонов» (которых, конечно, в природе нет?), а в последней — длиннющей, с претенциозным названием поэме «Тринадцать» назвал расстрелянных защитников Дома Советов «гидренышами». В отличие от Евтушенко я среди расстрелянных увидел как раз «**лица**», а в «расстрельщиках» и поддерживающих их толпе **«ряшки» и «хари»** (терминология Е.Евтушенко: так видит людей ведомый на казнь Степан Разин в псевдореволюционной и школярски-поверхностной «Братской ГЭС»). Так что же происходит? Чем объясняется «перестройка» и «переоценка» всего и вся, весь этот блуд на крови? Попробуем объяснить, обратившись к той же державной поэзии.

В 1991 году опубликовано стихотворение Глеба Горбовского (в сборнике с есенинским, символическим названием «Сорокоуст»), написанное в 1965 году, которое многое проясняет.

Ругать Россию модно —
дозволено в верхах...
На сцену выйдет морда
и роется в грехах.
Тот стихотворец светский
сегодня кроет Русь,
кричит, что он советский!
Не русский! Ну и пусть...

4) См. «Русский порядок», 1994, № 4-5 (17-18). С.4.

Не всякий может сыном
остаться в пляске дней.
За что же он Россию!
За то, что дышит в ней!
Для нас Россия — это
Как в сердце жизни гул.
Кто из больших поэтов
Хоть раз ее лягнул?
Державин, Тютчев, Пушкин?
Есенин или Блок?
Лишь борзописцы сучьи,
что лают под шумок…

Замените слово «советский» на «общечеловеческий» и вы вряд ли точно ответите, что стихотворение написано в 65-м, а не сегодня; но сегодня они, по словам того же Горбовского, «в чинах и в силе, сосут заморское винцо // Они примазались к России, // чтоб очернить ее лицо». Они — «ненаши». И в случае чего — разбегутся, как с тонущего корабля близкие им по духу животные (простите, но «крысы» — из того же сравнительного ряда, что и «кошка» Окуджавы, — только сравнение здесь, по-моему, более уместное). Поэзия «отповеди» — это не поэзия «проповеди», и поэтому лексика здесь иная:

Вся сволочь мира!
Вся земная падаль!
Все — кости нам глодать!..

Виктор Лапшин

Но в иных образцах стихотворная «отповедь» поднимается до уровня высочайшей патетики, и обвинительные интонации сливаются с гимном во славу России, а то и с заклинанием о ее спасении.

Прости, великая Отчизна!
Не утомлю тебя хвалой.
Но не справляй последней тризны
Над этим прахом и золой.
Не допусти такого срока!
Да сгинет в прорву Сатана!
И подвиг святости высокой
Зачтут Иные времена.
И повторят твое названье
И всякий зверь, и всякий гад...
Земля моя! Мое сказанье!
Мой неизбывный Вертоград!

Николай Тряпкин

Более чем полуторастолетний спор «наших» с «не нашими» достиг сегодня критической отметки, причем, имея количественный и качественный перевес (силу в правде), а также поддержку в народе (но не в «светской черни»), «наши» оказались (пока) в проигрышном положении, так как «клеветникам» принадлежат почти все средства массовой пропаганды.

Поэтому поэты-державники, и прежде всего крупнейший поэт наших дней Юрий Кузнецов, идут с открытым забралом, ставят вопрос:

Кем мы втянуты в дьявольский план?
Кто народ превратил в партизан?..

Поэзия отразила обнадеживающую тенденцию: идет собирание русских сил. Как отметил Лев Аннинский, «наступает время, когда немыслимо делается изъять себя

из «национальности». Для народов, имеющих «кусок земли», духовный переворот конца двадцатого века, поставивший во главу угла Нацию, логичный путь к себе»[5] .

«Путь к себе» для народов будет непрост (для многих), но планов «Рокфеллеров» Л.Аннинский, очевидно, не знает... «Всемирная отзывчивость», о которой, как о русской черте, писал Достоевский (по поводу Пушкина), мессианские порывы русского духа слишком дорого обошлись нам за последние сто лет. Наступила пора собирания сил. Тем более, как отмечал тот же Ф. М. Достоевский, «общечеловечность» и «национальность» не противоречат друг другу. Возвращаясь к поэзии наших дней, отметим, что тенденция собирания сил в кулак, явственно различимая в поэзии («в кольце врагов займемся руским делом» — Ю.Кузнецов), сосредоточения на «русском вопросе» — вовсе не отказ от мессианской роли России. Об этом говорят процитированные выше строки Николая Тряпкина и Виктора Лапшина, которые имеют следующее продолжение:

Нам избавлять придется кровь и слово —
Заветом и штыком!..
Но никого в беде мы не бросали,
Чужие для родных;
Мы их спасем,
Как тыщу лет спасали,
Мы их спасем —
От них.

1985

Подведем итог. Сегодня в русской патриотической поэзии наиболее активна и плодотворна ее самая «молодая ветвь». Если 60-70-е годы, в период расцвета «тихой лирики», наиболее полно раскрылись поэты, в чьих стихах преобладали интонации признания в любви к Родине, они были проникнуты теплотой патриотизма (Рубцов, Соколов, Передреев, Жигулин и другие); если во «время военной кручины» рождалась поэзия прямого действия (фронтовое поколение), то сегодня поэзии приходится **отстаивать** нашу духовность, нашу историю, нашу Россию. И давать отповедь «клеветникам России».

Как мы убедились, несколько стихотворений, написанных А.С.Пушкиным в тридцатые годы прошлого века, положили начало мощной традиции, которая отчетливо прослеживается на протяжении всей нашей истории, особенно в периоды экспансии со стороны Запада и активизации «пятой колонны» в ослабленной России.

Еще один вывод: все большие поэты в России обладали (и обладают) не просто государственным, державным, но и — подчеркнем — **имперским** мышлением. Можно, конечно, это объяснить принадлежностью к старинному аристократическому роду (Пушкин), долголетней службой на дипломатическом поприще (Тютчев), участием в великой войне (примеров много), в эпицентре мировых событий, например служба в армии на Кубе Ю. Кузнецова во время Карибского кризиса, наконец, просто своевременным прочтением И.Ильина («Что дает миру расчленение России»)...

Но есть одно объединяющее объяснение — духовный инстинкт великого народа, которому, в силу ряда исторических, геополитических, духовных и иных причин, как говорил Пушкин, «волею провидения» было суждено из века в век создавать великую империю. Тем же, кому А.Сахаров дороже Христа, невдомек, что Россия может быть только Империей или... — ничем, останутся осколки. Так что же

Еще ли росс — больной, расслабленный колосс?

1999

5) Вопросы литературы — 1993, вып. III. С.27.

РОССИЯ

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ

Цель данной публикации показать, что большинство фундаментальных технологий созданы в России, Русскими людьми. Показать, что Россия страна Великой РУССКОЙ культуры, науки и образования. Ведь по образованности Русский народ твёрдо занимает первое место в мире даже в сегодняшних условиях, когда Русская наука и образование подверглись такому жестокому разгрому, а дегенераты всех мастей заполнили телевидение, шоу бизнес и все СМИ. Там не нашлось места для РУССКИХ!

Александровский И. Ф. Создал **1-ю в мире подводную лодку** (1861) с механическим двигателем, и **1-ю в мире** движущуюся мину (**торпеду**).

Гагарин Юрий Алексеевич — (1934-1968). **1-й в мире человек в космосе**. Русский.

Ганичев Александр — русский гений, в 1957 году **создал систему залпового огня «Град»**, второе в мире по популярности оружие после автомата Калашникова. Состоит на вооружении 55 стран. А теперь у нас есть «Ураган» и «Смерч». Последний назван ошарашенными американцами «системой XXI века». Конкурентов у него за рубежом не имеется.

Горохов Арсений — 1-й в мире разработал **компьютер,** ЭВМ.

Жуков Георгий Константинович. (1896-1974). Русский. **Самый талантливый Маршал 2-й мировой войны.** Гений. На исходе жизни Жуков сказал слова, обращённые к русской молодёжи: «УЧИТЕСЬ! ЗНАЙТЕ, ЧТО НАШИ ВРАГИ НЕ СИДЯТ, СЛОЖА РУКИ».

Калашников Михаил Тимофеевич (р. 1919). Создал **лучший в мире автомат АК.** В мире более 70 миллионов АК. Идеальное оружие.

Катаев Семён Исидорович — русский. **1-й в мире** изобрёл **телевидение** в 1931 г. (раньше Зворыкина).

Королёв Сергей Павлович (1907-1966). Русский. 1-й в мире открыл дорогу в космос. В 1953 — 1-я в мире баллистическая ракета. В 1957 году 4 октября **1-й искусственный спутник земли —** 83,6 кг. 3 ноября 1957 спутник с Лайкой — 500 кг. В 1958 1-я в мире космическая лаборатория — 1327 кг. (В это время США не могли

запустить даже апельсин. Их ракеты взрывались, не взлетая). 2 января 1959 — 1-й в мире Лунный модуль. 12 февраля 1961 — станция «Венера». 12 апреля 1961 — **1-й в мире человек в космосе,** и т. д. «Свершилось то, о чём мечтали лучшие умы человечества. Первой страной, проложившей дорогу в космос, стала наша страна. Большое вам, русские, спасибо!» С. П. Королёв.

Кулибин Иван Петрович (1735-1818) **1-й в мире прожектор**. 1-й семафорный **телеграф**, лучшую оптику, **1-й в мире автомобиль**.

Курчатов И. В. (1903-1960). **1-й в Европе ядерный реактор в** 1946 г. В 1949 г. Русская атомная бомба, 1953 г., термоядерная бомба. В 1954 г. **1-я в мире атомная станция** — АЭС. Проект РДС — Россия Делает Сама.

Лодыгин А. Н. (1847-1923). Русский. В 1872 году изобрёл **1-ю в мире лампочку**. Лампу накаливания. Русский свет. Электротермия.

Ломоносов М. В. (1711-1765). Русский. **1-й в мире исследовал природу молнии, электричество,** опередив учёных мира на сотню лет. Труд о сохранении и приумножении Русского Народа. Фундаментальное открытие во всех отраслях науки.

Макаров С.О. (1849-1904). Два кругосветных плавания, строительство **ледокола «Ермак», арктическое плавание** в 1899 и 1901 гг. Изобрёл **мини-катер, корабельные переборки,** увеличил ход торпед. Погиб на броненосце «Потёмкин». Его лозунг — «Помни войну».

Менделеев Дмитрий Иванович (1834-1907) В 1869 г. **1-й в мире** открыл **периодический закон химических элементов.** Создал **таблицу**. Написал более 500 фундаментальных работ, без которых не мыслима мировая наука. **Бензин,** бездымный порох, удобрения, воздухоплавание, и т. д.

Понятов Александр. Создал **1-й в мире** профессиональный **магнитофон и видеомагнитофон.**

Попов А. С. (1859-1906). Русский. Изобрёл в 1895 г. **1-й в мире радиотелеграф, 1-й в мире радиоприёмник.** «Я русский человек, и все свои знания, весь свой труд я имею право отдать только моей Родине».

Ползунов И. И. (1728-66). Русский изобретатель. Создал в 1763 г. **1-й в мире паровой двигатель.**

Сикорский И. И. (1889-1972). Русский. Изобрёл **1-й в мире вертолёт.** Самолёты «Гранд», «Русский витязь», «Илья Муромец», положившие начало многомоторной **грузовой авиации.** В 1919 г. эмигрировал в США.

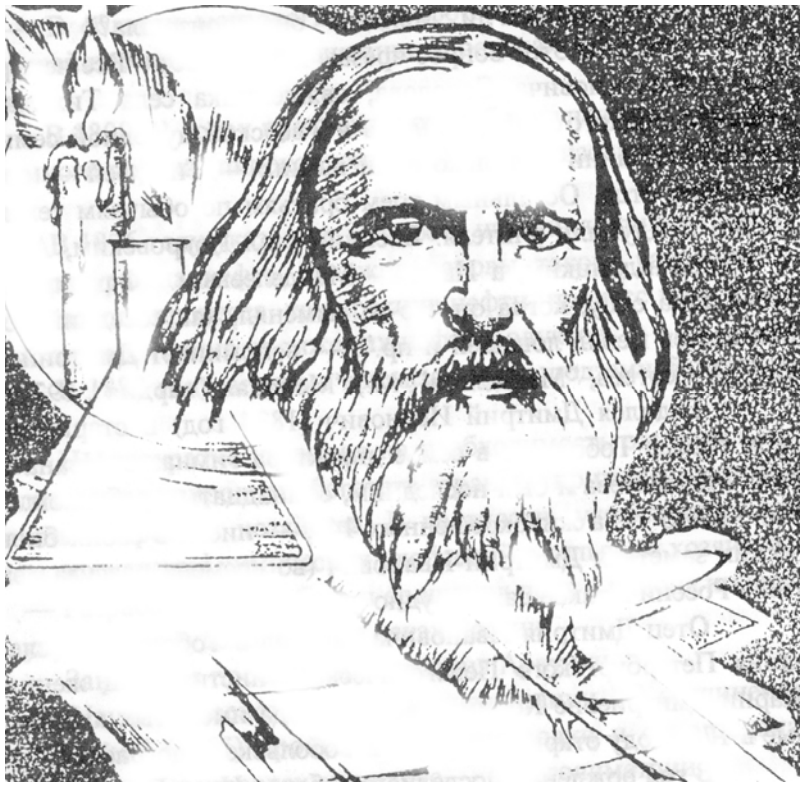
Суворов Александр Васильевич (1729-1800). Русский Полководец. **Ни одного поражения.** Более 30 крупных побед в мире. Суворовский солдат бил 13 вражеских. Взятие Измаила, Итальянский поход, в 70 лет переход через Альпы. Швейцария, Турция, Польша, Пруссия, и т. д. Лозунг Суворова **«Победа или смерть!» Суворовская «Наука побеждать»** стала незыблемой основой Русской армии.

Терешкова Валентина Владимировна (1937 г. р.). **Русская, 1-я в мире женщина-космонавт.** Герой России. Кандидат технических наук.

Это далеко не полный список ВЕЛИКИХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ!

Об одном из великих людей расскажем подробнее.

Несмотря на то, что ЮНЕСКО объявил 1984 год годом Д.И. Менделеева, а в журнале «Recherché» за этот год Д. И. Менделеев был назван «самым великим учёным всех времён», портрет его можно увидеть гораздо реже, чем «гения всех времён и одного народа» Альберта Эйнштейна. Кстати, на Западе исчезло имя Д.И. Менделеева и в таблице периодической системы элементов, она теперь там безымянна.

Художник С. Лугинин

Дмитрий Иванович Менделеев, русский по происхождению, родился 8 февраля 1834 года (по новому стилю) в Тобольске, умер 2 февраля 1907 года в Петербурге.

Родился Дмитрий Иванович в старинном русском городе Тобольске в семье директора гимназии Ивана Павловича Менделеева и был последним, семнадцатым ребёнком. «Детей было всего 17, а живокрещённых 14», — писал в своих биографических заметках Дмитрий Иванович.

Журнал «Наука в СССР» (издание Академии наук) по случаю 150-летия со дня рождения великого учёного в предисловии к статье академика Ю.А. Овчинникова под названием «Наука и промышленность — вот мои мечты…», писал: «Д.И. Менделеев — гордость русской и мировой науки — с течением лет становится всё более дорог новым поколениям. Гениальное наследие творца Периодической системы элементов составляет фундамент многих современных научных направлений, служит неисчерпаемым источником новых идей и исследований».

Различные энциклопедии дают краткие сведения о жизни и деятельности великого русского учёного, но одно перечисление проблем, которыми занимался Д.И. Менделеев занимает довольно много места. Вот основные научные интересы его:

— Величайшей заслугой было открытие в 1869 году Периодического закона химических элементов, одного из основных законов естествознания, и создание на его основе периодической системы элементов. Современная формулировка периодического закона звучит так: свойства элементов (проявляющиеся в простых веществах и соединениях) находятся в периодической зависимости от заряда ядер их атомов. На основе периодического закона Д.И. Менделеев исправил атомные веса некоторых, уже открытых, элементов и предсказал открытие и свойства ряда новых (галлий, скандий, германий). Синтезированный в 1955 году 101 элемент менделеевской таблицы получил название «менделевий».

«Политехнический словарь» (М., 1980) так оценивает значение сделанного Д. И. Менделеевым открытия: **«Закон и система Менделеева** принадлежит к числу

важнейших обобщений естествознания, **лежат в основе современного учения о строении вещества»**.

— Написал классический труд «Основы химии» (1869-1871), где изложил неорганическую химию с точки зрения периодического закона (ещё при жизни автора «Основы химии» издавались восемь раз и были переведены на многие иностранные языки).

— Создал первый русский оригинальный учебник «Органическая химия» (1861), за что ему была присуждена Демидовская премия Петербургской академии наук. «По богатству и смелости научной мысли, оригинальности освещения материала, влиянию на развитие и преподавание химии этот труд Менделеева не имел равного в мировой химической литературе» («Самые знаменитые люди России», М., «Вече», 1999).

— Разработал в 1887 году химическую «гидратную», теорию растворов (гидраты — соединения водорода с другими химическими элементами), явившуюся одной из основ современной теории растворов.

— Изучал зависимость объёмов газов и жидкостей от температуры и давления и вывел в 1874 году общее уравнение состояния идеального газов, связывающее объём и давление газа с его массой и температурой — основное соотношение газодинамики.

— Открыл (в 1860 году) существование критической температуры (критическая температура — наибольшая температура, при которой возможно существование жидкости в состоянии равновесия с паром. Отметим, что имеющее важнейшее промышленное значение сжижение газов осуществимо только при его охлаждении ниже критической температуры. Критическая температура — это также температура перехода некоторых проводников в сверхпроводящее состояние).

— В области метрологии разработал физическую теорию весов, точнейшие методы взвешивания и основал Главную палату мер и весов.

— В 1890-91 годах предложил способ получения нового вида бездымного пороха (пироколлоидного) и организовал его производство.

— В 1876 году указал на важность изучения влияния высокой температуры на нефть, заложив основы такого важнейшего технологического процесса, как крекинг нефти, процесс получения лёгких моторных топлив из тяжёлых нефтепродуктов.

— В 1888 году впервые высказал идею подземной газификации угля.

— Неоднократно указывал на необходимость рационального использования природных богатств страны и применения химии в различных отраслях хозяйства. В частности, уделял внимание вопросам применения химических удобрений в сельском хозяйстве.

— Разрабатывал проблемы орошения почв в районе нижней Волги, улучшения судоходства на реках России.

— Занимался проблемами освоения Арктики.

— Научно обосновал в своей диссертации «О соединении спирта с водой» (1865) процесс получения водки и стал родоначальником нового направления в науке — алкоголиметрии.

Д.И. Менделеев — автор более, чем 500 научных трудов по химии, физике, метрологии, воздухоплаванию, экономике, народному просвещению, народонаселению и др.

В честь Д.И. Менделеева учреждены премии АН СССР (теперь России) за выдающиеся заслуги в области работ по физике и математике, его имя носят учебные заведения, научные общества, гигантский, в полторы тысячи километров протяжённости, подводный хребет в Северном Ледовитом океане, город на Каме, вулкан на Курильских островах и даже станция московского метрополитена.

По указанию В.И. Ленина, было издано полное собрание сочинений Д. И. Менделеева в двадцати томах. Но по вине профессора Ю. А. Эшмана, редактировавшего издание, «полное собрание» было изувечено.

«Научные» редакторы Академиздата свыше ста раз вторгались в драгоценные для каждого русского человека менделеевские тексты, вырубая при каждом вторже-

нии от нескольких слов или фраз до нескольких страниц! А в очень значимой для потомков работе «заветные мысли» выброшена целая девятая глава, что составило 20 процентов всего сочинения. Вот далеко не всё, что выкидывали ненавистные русофобы.

Дмитрий Иванович высказал бесспорную мысль: «Земля навсегда останется первою основою народности и государственности». А в примечании счёл нужным уточнить эту мысль: «Конечно, существуют народности, подобные евреям и цыганам, не имеющие своей страны и лишённые своей государственности, но эти бродячие пережитки какого-то прошлого, ещё возможные в наше переходное время, наверное не выживут (сольются) столетий, наступивших с XX веком, если не обособятся каким-либо способом, например, тем, который предлагают сионисты. Есть глубокий смысл в том представлении, что человек создан из земли. Без неё немыслимы и заводы, производящие питательные начала… А так как на одном месте земли можно жить союзно, но нельзя быть в одно время многим, то смысл государства и относящейся к нему земли чем дальше, тем будет стоять твёрже и прочнее, пока всё непрочное (пожалуй даже — порочное) не сольётся с прочным, охватывающим мир. Количество людей должно под конец быть пропорционально количеству земли. Не оттого ли мы, русские, размножаемся сильнее соседних народов, что у нас земли всё же больше, чем у них? Этого надо не забывать».

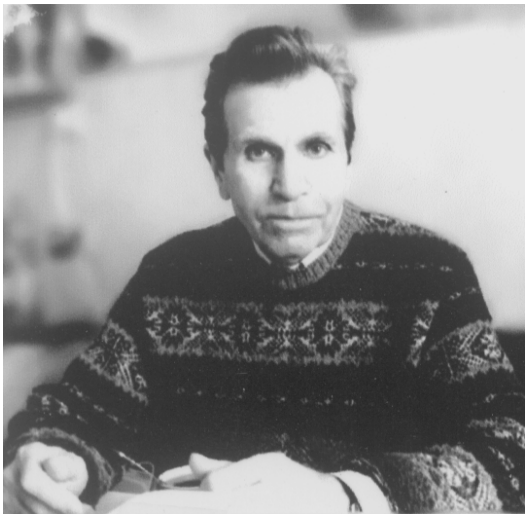
На стр. 421 XXIV тома Менделеев пишет: «В чём другом, только не в самообожании можно упрекнуть русских людей, умеющих уживаться со всякими другими». Тут стоит многоточие в скобках, заменяющее 7 вырезанных строк: «Это нас сильно отличает не только от китайцев, достоинствам которых должно отдать многое, но и от англичан, гордящихся — не без правильных оснований — своим первенством во всём передовом мировом значении, не говоря уже о евреях, считающих себя единственным народом Божьим и за эту гордыню лишённых всех благ независимого государственного преуспевания».

Это сказано более ста лет назад!!!

«Следствия социализма очевидны: застой и неизбежность порабощения новыми или свежими народами, чуждыми утопических увлечений социалистов; для них общее благо низводится исключительно только до сытости».

Сейчас, когда великие народы запуганы малыми настолько, что готовы потакать их самым прихотливым требованиям, лишь бы не быть заподозренными в национализме, полезно вспомнить мысль Менделеева из его сочинения «К познанию России». Мы приведём её полностью, обозначив жирным шрифтом ту часть цитаты, которую некогда вымарал Эшман.

«Стремление подчинить всё государственное сложение идее национализма составляет мысль, в особенности господствующую во времена Николая II и вызывающую образование единой Италии и единой Германии, но затем почти оставленную, **не потому, конечно, что коммунизм её вытеснил, а вероятнее всего потому, что восстаний и войн впереди не увидели конца в самой Европе, а вне её сочли удобным и «прогрессивным» придерживаться иных начал. Национализм, по мне, столь естествен, что никогда, ни при каких порядках, «интернационалистами» желаемых, не угаснет, но, в-первых, на всё, думается мне, придёт своё подходящее время, а теперь оно уже никак не за крайности национализма; во-вторых, малым народцам уже практически необходимо согласиться навсегда с большими, так как в будущем прочно лишь большое и сильное; в-третьих, разбредшиеся народы в виде цыган и евреев, без своей земли и государственности, не могут даже входить в счёт и, в-четвёртых, национализму необходимо более всего принять начало терпимости, то есть отречься от всякой кичливости, в которой явная бездна зла, а потому в этого рода делах практичнее всего терпеливо ждать течения совершающегося. Тем не менее государственное единство прежде и больше всего определяется господствующею народностью, которая выражается яснее всего в принадлежащем ей языке».** (Т. XXI, стр. 416).

ЛЕБЕДЕВ
ВИКТОР ИГНАТЬЕВИЧ

Автор этих честных строк-раздумий русский человек, коренной белгородец. Родители из крестьян, бежавших с детьми из села в город от вымирания ещё до Священной Великой Отечественной. После войны — школа, работа слесарем, токарем, литфак пединститута, служба в армии. Потом трудился на предприятиях г. Белгорода, чтобы была «крыша» и заработок для благосостояния семьи. Село, тяпка и лопата сопутствовали в жизни ему всегда. Его стихи, прозу, рисунки печатали и в областных, и в городских газетах, журнале «Звонница». В 1999 году вышла книга стихов «Я Вас благодарю». Готова к изданию рукопись для новой книги поэта «Что скажут люди?»

РУССКИЕ МЫСЛИ
размышления после новогодней елки

1.

Во второй половине зимнего дня, не спеша, жду на остановке автобус. Глазею на окружающих. Люди, видимо, ещё не отошли от навязчивых новогодних эстрадных телезвёзд, которые сами не знают, кому светят, но морокуют — на какую бы «фабрику» ещё устроиться. Погода сегодня, как по заказу — солнечная, небольшой морозец. Снежинки, как пушинки от одуванчиков, так и норовят сесть на девичьи ресницы. Вокруг оживлённо. Молодёжь безудержно хохочет, вспоминая ночные «приколы». Кое-кто из студентов жадно глотает ледяное пиво, выручив хозяев ларьков, которых кругом, как на деревенском лугу кротовых кучек. Смотрю на шумную, бестактную толчею ребят из лицея, бесконечно взрывающих что-то в сугробах и я, к своему удивлению, даже не в обиде на них. А они, нет-нет да и зацепят меня кто локтем, кто плечом. Им хочется порысачить, гоняя навеселе импортными ботинками мёрзлую банку из-под «Кока-колы». Показался троллейбус, и вот полетели в кустарник пустые и недопитые пивные бутылки. Копытя снег, стороня пожилых людей, молодёжь не промахнулась в двери, а, будто разноцветная медуза, заполонила все уголки передней и задней площадок. С лошадиным гиком и ржанием донеслось: «Кто не успел, тот опоздал!» Вроде бы шутка к месту, но…

2.

Мне подумалось, уж чего-чего, а пословиц и поговорок у нас хватает на все случаи жизни. О росе, о косе, о новой метле… Много. Новый год, как говорят, — новая метла, новые порядки. Немало их было, порядков и беспорядков в далёкие пятидесятые годы. Почему в те годы? Да потому, что истоки моей биографии там. Родился перед Великой Отечественной, в школу пошёл в голодном 1946 году. С этого горемычного времени идёт отсчёт моей сознательной жизни. Прожитое-пережитое… от «великого вождя всех народов»; от руководителя КПСС, который грозился показать кузькину мать, всех обогнать и перегнать; от «бровеносца в потёмках» — коллекционера автомобилей; от человека больше всех беспокоившегося за государственную безопасность страны, делавшего в общественных местах облавы, желая наладить производственную дисциплину; от генсека КПСС, первого и последнего президента СССР, «прораба перестройки», у которого было хобби — бороться с пьянством и алкоголизмом, за что чуть не получил пустой бутылкой по родимому пятну; от первого президента России, который обещал возродить страну и за это его сравнили с Петром Великим; до сегодняшнего дня, когда стало модным заниматься горными лыжами и носить, чтобы не упали штаны, «чёрный пояс».

3.

Бесконечные заботы, работа… Как быстро летели годы, я всё верил и верил. Верил всем руководителям страны по очереди их восхождения к власти. Мысленно оглядываюсь на прошедшее, а мне не ещё, а уже шестьдесят пять… С копейками. А сколько осталось? Успею ли уверовать в кого? Случилось так, что с молодости, после школы, когда впервые пришёл работать от звонка до звонка на производство, верил в себя. С какой-то необъяснимой надеждой, помню, впервые увидел в красном уголке стенд «Профсоюзная жизнь». Там было: состав профкома, состав комиссий, список очерёдности на получение квартир, на путёвки… К нижнему краю стенда был прибит красный ящик с выдвижным дном. Заклеенным чёрной изолентой. Сверху ящик был похож на копилку и на нём выцветшей зелёной тушью значилось: «Для вопросов и предложений». Давно это было, временами — не верится. Тогда я бесповоротно для себя решил: надо овладевать рабочей профессией, пусть хлеб для меня будет трудный, но свой, честно заработанный. Так говорил мой отец. Ещё он говорил, что мастерство должно быть не просто ловкостью рук и ума, но и теплотой души.

4.

Сижу на окрашенной синей краской скамейке, забрызганной сквозь тополиные ветки зимним солнцем, думаю о своём происхождении. Ведь я такой же здешний житель, как большинство моих белгородцев. Кстати, недавно пересматривал свой старый семейный альбом. Встретилось там пожелтевшее фото военного времени 1943 года. Смотрел на одежду, которую нам тогда дал старик-фотограф. Он давал её и другим, выжившим после освобождения города. С аритмией в груди смотрел я на мать, сестру, на брата после ранения, нашёл там и себя у материнских коленей — перепуганного пацана. Эта фотка посылалась отцу-фронтовику в госпиталь, мол, живы, чего и тебе желаем. После войны он привёз её домой, увидел нас живыми и со слезой перекрестился. А в другой руке с напухшими венами, как бикфордов шнур, он держал потную, скомканную и вылинявшую пилотку с потёртой пехотной звездой. А в школе мне завидовали дети, ведь у меня дома был живой отец.

О моём поколении с его фронтовым детством сегодня говорят с удивлением. Получается, мы не воевали, как наши отцы, но какую-то причастность к этому имеем. У нас было фронтовое детство. Сегодня уже наши дети и внуки смотрят по ТВ на

страсти в Чечне и Осетии, видят глаза детей, обездоленных и осиротевших. Хорошо, когда есть возможность отвлечь их от горя вниманием и заботой. Хотя слово «хорошо» хочется сказать по другому поводу.

В те далёкие годы у нас, послевоенной детворы, не было никакой возможности на реабилитацию. В голод и повсеместную разруху, мы выживали, как могли. Переростки и молодые фронтовики учились в вечерних школах, а мы — мальчишки, ходили в шароварах, сшитых неизвестно из чего, носили в классы стеклянные чернильницы с деревянными ручками для чистописания и все мы были, конечно, с неглаженными галстуками. На большой перемене сам директор школы выдавал нам по кусочку хлеба, величиной со спичечную коробку «Гигант». Хлебушко мы относили домой, за что нас матери встречали добрым взглядом и лишний раз не спрашивали: «Сегодня к доске вызывали?». На что мы отвечали: «Нет, спрашивали с места». Если спрашивали с места — оценку не ставили.

Прошли почти невыносимые времена, а на памяти все беды и малые до боли радости. Припоминаю, когда молодежь ходила по вечерам в горсад на танцы, кто в солдатских сапогах, нагуталиненных так, что поблизости комаров не было, кто в парусиновых туфлях, намазанных зубным порошком «Свобода», а кто в клееных из авторезины галошах, блестящих от высохшего яичного белка. Там играл духовой оркестр. Люди встречались, знакомились, выясняли отношения. Это было место городской сходки (улица Ленина), в народе его называли «грачей». Везде был рабочий люд, который трудился на строящихся предприятиях. Работали грузчиками, токарями, слесарями…

Выпускали цемент, кирпич, позже шифер, а кто-то осваивал меловые карьеры. Вот и складывались по-разному судьбы, а грехи отмаливать было негде — почти все церкви были разрушены. Жили, как говорят, без царя в голове, но зато везде нас убеждали, что мы семимильными шагами шли к социализму, а на горизонте призраком алел коммунизм, в неизбежность которого, в его победу, верили все поголовно. Везде были лозунги: «Народ и партия — едины!», и «Дело партии — дело народа!». И вот при такой жизни мы заканчивали средние школы, ПТУ, техникумы, институты. Родители радовались нашими рабочими, инженерными профессиями. Везде были объявления-приглашения на работу: «Требуются… Требуются…» Мы получали квартиры. Уже и у нас стали рождаться дети. Жизнь продолжалась.

Что бы не вещали мне сегодня новоявленные блюстители беспорядков, я никогда не откажусь от своего прошлого. Говорят — надо покаяться. Скажите, в чём я виноват? Я что, должен отказаться от истории моего народа, где были ГУЛАГ и огромные успехи, поражавшие весь мир? Ведь это — наша Родина, с её разнодумающими о народе правителями, с нашей верой в непоколебимость КПСС. Сейчас говорят: «Вы жили в обществе слепых». А говорят те, кто тогда сами жили в этом обществе, а в наши дни перебегают из одной партии в другую, но стоят бессовестно со свечами под образами. За блок коммунистов и беспартийных в Верховный Совет СССР тогда голосовали 99 % граждан страны. Вот как люди верили советской власти, а о другом не ведали и не помышляли.

Недавно была дискуссия работников искусства. Там один литератор с экрана ТВ изрёк: «Где тебе хорошо, там и твоя Родина». Интересно, что он лично сделал доброго в смутное для страны время? Он созерцал или работал? Он своим художественным словом, своим творчеством вселял уверенность в благо жизни, или прививал людям безысходность и безверие?

Мы знаем, у нас лёгких времён никогда не было. Тогда, после войны, надо было выжившим учиться, ударно работать, растить детей. Ударники пятилеток на первомайской и октябрьской демонстрациях были похожи на иконостасы. От тяжёлых работ и аплодисментов, мозоли на ладонях были у всех. Знать и уважать вехи созидания и страдания своей страны — необходимо. И как же нам тогда, при таких трудностях в строительстве социализма, можно было обойтись без патриотизма?

Помню, ещё в начальных классах, в первый день школьных занятий, на доске было всегда написано мелом слово «Родина». Сегодня это понятие стали делить на «малую» и «большую». У меня Родина — Белгородчина, она является достойной частью моей России, а Россия малой никогда не была. Это — моя отчизна.

Бывает невыносимо больно, когда её бездушно и бездуховно оплёвывают. Как-то Чубайс сказал: «Люди в советское время жили по-принципу — где бы ни работать, лишь бы не работать». А я и не знал, что мы были лодырями с мощной армией, лесами новостроек, лучшей наукой и образованием, славным спортом…

У моего поколения патриотизм прививался с молоком матерей, а теперь, оказывается, чувство патриотизма надо возрождать. Принимаются специальные постановления по приведению граждан в это чувство. Родина, Отечество — это земля, где родился, вырос, научился говорить на родном языке. Вот и уходили наши отцы на Отечественную войну не по контракту, а во имя спасения своей Отчизны, своей Родины, где матери, отцы, жёны, дети, где родимая земля. И как же этим не дорожить? Ведь это моя состоявшаяся судьба.

5.

Задумываешься: а что, если бы победила столыпинская реформа, если бы не было Октябрьской революции, если бы не победили в Великую Отечественную, если бы не вынесли Сталина из мавзолея, если бы не вывели войска из Афгана, если бы не проиграли холодную войну, если бы не миф о «перестройке», если бы не разобрали «на сувениры» берлинскую стену? Если бы, если бы… Хоть, говорят, утро вечера мудренее, но хоть бы догадаться, что будет завтра с утра. А с нашими заморочками, возможно, разберутся внуки и правнуки.

Вопросы задавать всегда легче, чем отвечать на них. Вот и получается: сам себе задавай и сам отвечай.

6.

В сегодняшней прессе, заигрывающей с «крутыми», читаем:

— Надо спасать планету культурой для руководителей.

Надо, но как? События в Югославии, Ираке, продолжающееся вмешательство в судьбы Прибалтики, Белоруссии, Украины, Грузии… Во Франции у руководства страной стоят очень культурные мужики. Так откуда там громкие противостояния народа с властью? Оказывается, если властелин забывает о народе, то это является полным бескультурием и безразличием с его стороны. Так что если бы организовать всемирные курсы повышения квалификации культуры, то туда можно было пригласить многих политических лидеров страны. Только вряд ли у них найдётся желание перед всем миром признать себя ущербными.

Я вижу со своей низкой колокольни: нельзя совместить бизнес и поэзию, очень трудно мирно сосуществовать культуре с политикой. Получается, из общего понятия культуры вытеснены её составляющие — честь и совесть.

7.

Говорят, народу никогда не угодить. Говорят, если часто угождать, то народ это может неправильно понять. Подумает — власть его боится. Вот Пётр Великий много сделал для России, а Петербург построил на людских костях. Всеми царями народ был не доволен, и Ленин сказал: «Фабрики, заводы — рабочим, землю — крестьянам». До сих пор отдают, да уже и не к чему — мы, говорят, живём в другом государстве. За давностью лет Ленину его слова простили. Пожилые люди в деревнях ждут — не дождутся, кому бы свои земельные паи повыгоднее продать, так, чтобы

хватило на лекарства. Лично обрабатывать землю нечем, да и мочи нет. А за аренду акционерам дают на току зерна с гулькин нос.

Раньше были пятилетки «качества», «количества»… и ждали, когда «призрак коммунизма» появится у порога. Сегодня лодку нашей страны надо постоянно конопатить. Хоть бы уж не плыть (не зная куда), а удержаться на плаву. У нас стало мало промышленных предприятий, значит — рабочие профессии не нужны. Да и молодые специалисты — ВУЗовцы на распутье, не знают, куда им податься. Места заняты «делягами» с купленными дипломами. А что говорить о пенсиях? Разве они могут угнаться за магазинными ценами и за оплатой за коммунальные услуги? Кажется, все об этом знают. Ну и что? И знайте на ваше оставшееся здоровье.

8.

Так что, если мы никогда хорошо не жили, так и не надо начинать? Надо. И хочется начинать. Мы такие. Не надо только нам мозги «пудрить», «компасировать», «сушить» и…

Кому-то хорошо на раскладушке или на сене в саду у колодца в соловьиную пору лежать и смотреть на звёздное небо, а кто-то в ванной, облицованной золотой плиткой, пускает пузыри от инфаркта или инсульта. Так что удачу, любовь, семейное счастье каждый понимает в меру своего восприятия жизни. Кто-то бесполезно борется за права, которые, якобы, у него есть, кто-то пересматривает своё отношение к окружающему. Хорошо, если бы к нам вернулись вера и надежда, только без фанатизма. А то уже начинаем забывать, как делать добрые дела. Просто так. Без всяких намёков на что-то.

9.

В селе стоит моя хатка, как сейчас говорят — «дача», словно слушая дыхание моих родителей, пусть земля им будет пухом. Там я часто беседую с Михалычем, пожилым и почтенным фронтовиком, который в сухую погоду проходит нашей тихой улочкой с передышками на лавочках и пеньках, с сумками назад-наперёд, в которых бережно переложены мягким байковым материалом от старых стиранных рубах — серые хлебины, крупа, постное масло, селёдка или камса в рассоле… В разговоре с ним я не спешу расспрашивать о былом, потихоньку говорю о свежих криминальных теленовостях. А он, редко глядя в глаза, только слегка уточняя мои слова, покачивает головой, трогая заскорузлыми пальцами свою синюю кепку-восьмиклинку, у которой козырёк стал, как кожаный, говорит осторожно, по-сельски, что ему осточертела эта цветная духовка со своей брехнёй.

— Михалыч, а кому сегодня надо верить?

— Надо-то надо, ето у нас у кровушки, но невера к нам приходить, мил-человек, не по нашей вине. Помнишь, кады родное правительство вывернуло наизнанку наши карманы и сказало: «Денюшки отдадим попозже». Плакали наши денюшки. Ишшы ветра в поле и ванькуй дальше. Цари приходють и уходють, а долги нам не отдають. Много было всякого. Теперича гляди, пензии повышають. А как с етой пензией в копирацию итить, если следом за почтаркою-Нюркой спешать с города мои дети с унуками? У городе-то как? Усем колбаски-варёнки хочица. А её, если уронишь, то она до пупка подпрыгивая. Кошка от ей убегая из хаты. Наш тракторист Комунарик шутя говорит, что ею хорошо вулканизовать камеры. Вот тебе и ха-ха… Слухай, сычас говорять про какую-то корзину. Не дам ладу, не пойму у свою голову. А я на свою корзину надеюсь, что двоюродный брат Хведька сплёл. Что у ей с подвала достану, то и моё. Я старый пехотинец, прошлую осень картоху по-пластунски убирал.

Он рассказывал мне о плохом здоровье внука, которого привезли домой из чеченской неразберихи, ругал тамошних командиров-генералов, что если б можно было, он их до рядовых разжаловал бы и пустил на пузе по «зелёнке».

— Мы положили на войне с хрицами мульёны людей. За Родину! А опосля войны, опосля Победы сколько? А для чего кладём? А? Сам себе думаю — ну в сорок первом немец напал, а в нонешний день чего кладём?

— Михалыч, дорогой, скажи, зачем кладём?

— Дуркуешь, видно, усё сам ведаешь. Ну, давай погырчим. А то кады ишо свидимся? Давай не будем шептать у кулак. И козе ясно, что такое усё делается у борьбе за власть. Они бушкаются, бывшие комуняки, а мы усему верим. Во, какие мы люди. И другими уже не будем. У нас закваска такая. Старичьё.

Он зажмурился, перекрестился, глубоко вздохнул и зашмыргал мягкими домашними шлёпанцами по пересохшей до трещин, чуть заметной тропинке, цепляя ещё кое-где попадающиеся кизяки.

10.

А ещё я вспомнил, как наливал ему у своей хаты, года два назад, сто граммов самогонки, чтобы он не простудился, когда гнал по моросящему дождю 9 Мая домой свою корову Зорьку. Он был с виду грустным-грустным и рассказывал мне о своём новом горе. Оказалось, он где-то на лугу потерял любимую медаль «За отвагу». Говорил, что мои сто граммов были тогда для него, как фронтовые. Помню, он уважительно похлопал меня по плечу и, догоняя Зорьку, обернувшись на улыбке, закусывая молодой крапивой, сказал: «Слухай, ты знаешь, если б лицованную майку не пододел, увесь бы промок. Усё, пока!»

И я тогда подумал: так к чему же его слова о трудностях? Они для него ничего не значат с его сильным русским духом, с его простым укладом жизни, с его верой в себя. Ведь он до сих пор ещё нужен детям, внукам, пока дышит с посохом в руке. Клокочут во мне его слова: «Другими мы уже не будем. Брехня, что у нас нету тяму. Есть. Просто нашим детям и внукам не дають хорошо, с душой работать. Развели по усей Росеи какую-то наркомахвию. А мы веками любили пахать и сеять. Говорят, что виноваты во всём наши доверие и забота. Слухай, а без добра и веры как же дыхать? А? Никак не можно. На то мы и русские».

11.

Новое время… Что ты положишь в новогодний мешок Деду Морозу? Хорошо, если бы там было наше, заработанное. Стою на бывшей площади Революции, держу руку в кармане с валидолом, смотрю на сверкающую ёлку, невиданно украшенную так, что в мои прошедшие годы, такая бы не явилась и во сне. Ко мне пришли строки: «Всегда мне быть российским Ваней, о хлебе, о земле пою… Люблю я жизни наковальню — судьбу отчаянно кую».

Земляки мои, земляки… Пусть будет у вас в новом времени совет да любовь, да честно заработанный хлеб. У нас сегодня богатая Россия — бедная. Для кого бедная? Да, бедность — не порок, но вот если бы нашей молодёжи на нашем пыльном шляху, — побольше уверенности в себе. Я часто вспоминаю наш герб Союза шестнадцати республик, на котором при солнце обнимались Серп и Молот.

ГОРБАЧЕВ
ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ

Родился в Ровеньках. Служил в армии, работал в ровеньской районной газете, «Ленинской смене», в ждановской — «Приазовский рабочий», потом докером и слесарем-сборщиком портальных кранов. Вернувшись в Ровеньки, стал строителем. Вместе с Юрием Макаровым организовывал литературное объединение «Мозаика»

Учился в литературном институте в семинаре Н. С. Евдокимова.

Печатался в журнале «Крестьянка», в коллективных сборниках Донбасса, в «Белгородской правде» и «Ленинской смене».

БЕЛОГОРЬЕ, БОЛЬ МОЯ!
Триптих

1.

Они, конечно, помнят всё. Эти сине-зелёные ели, молчаливые летописцы тысячелетий…

Длинный язык ледника медленно слизывал горы и засыпал ими русла рек, выплёскивая на берега серебро и золото нерестящихся рыб. Жестоко выдавливал озёра — эти голубые глаза ковыльных степей, в которые так любили смотреться звёзды и луна. Зловонное холодное дыхание его гнало животных и птиц на тёплый, но незнакомый юг.

Впереди ледника — огромный вал. Он нависал над сосновыми и еловыми лесами, вставшими на его пути. Но слишком мала мощь этих первых ратников Белогорья. Сила ломала силу: в грязном, бурлящем водовороте вспучивались и пропадали деревья, превращаясь в щепу; зелёная пена измельчённого разнотравья смешивалась с тем, что жило в океане, но уже распластанным и однородным в своей массе. Всё это двигалось и двигалось, нарушая и разрушая сложившуюся гармонию.

Белые горы — порождение вала. Сине-зелёные ели— потомки тех, кто, погибая, успел заронить семена жизни. Необычайно красивы они: белые горы и ели на фоне просини неба. Покой и изящество, невинная чистота — вот из чего сотканы вы. Первозданность чарует и заставляет размышлять: что знаем о времени, в котором жили вы? Для нас — это чистые листы.

Правда, века писали историю. Неумело, коряво, не чернилами — кровью!

Века, века! Вы, как степные палы, пронеслись над краем, испепеляя жизнь и вновь создавая её.

Это — рок? Создавать и разрушать. Или закономерность? Выживут только сильные… Немилая сердцу история милого мне Белогорья…

Сначала уходило зверьё. Туры отступали степенно и важно. Тенью срывались козы и серны. Стражи ковыльных степей — сурки — изумлённо свистнув, исчезали в подземных лабиринтах. На юге серело небо, постепенно закрывая пылью солнце. Гул многотысячной конной поступи, визг кибиток, непонятные на слух крики «ул-л-а…», растекались по степи, зловеще струились по распадкам и низинам, изгоняя запрятавшихся вепрей, волков, лисиц…

Первыми встречало врага Белогорье. И неважно, кто в тот момент населял его: северяне, скифы, славяне. Все они поклонялись единому богу, который научил воинов твёрдости сердца и крепости духа.

Как всегда, белогорцев было мало. Но они не привыкли отступать. Отдавать возделанные поля, постройки — не в их натуре. Щитом служили зелёные дубравы. Донец, Айдар и Оскол — водной преградой, ковыльная степь — шапкой-невидимкой, позволявшей незамечено разить врага. Их участь — предрешена. Это знают все. Тучи стрел, звенящие, как комары в ночи, накрывали ратников. И они, сражённые, падали — лицом к врагу. Погибали с мыслью — простой и великой: дети и жёны спасены, жизнь продолжается…

На смену им вставало второе, третье, десятое поколение. Недолга жизнь землепашцев и скотоводов, бортников и рыбаков, но прежде — воинов, ратоборцев. Вот так, медленно, строка к строке, писалась история Белогорья. Кровью, но с бережной трепетной болью, коряво, но без прикрас.

2.

Они, конечно, помнят всё. Эти сине зелёные ели, молчаливые летописцы тысячелетий…

В отличие от нашей, их генная память — безукоризненна. Для них столетья — миг. Для нас они — вечность.

Двадцатый век!

Век отрешенья от престола и восхождений на него!

Красное зарево высветило верховья Дона, и искры его полыхнули далеко по губерниям.

Трезвонили колокола церквей, и гул этот разносился окрест. Выстрелы освещали убийц и обречённых. Всадники, страшные в своём безудержном гневе, мчались друг на друга. Тени их, увеличенные во сто крат, распластались на ледяной глади Тихого Дона. Огромные шашки с оттяжкой врубывались в его податливое тело; дикие кони рвали его плоть зубами, кромсали копытами. И, казалось, что не отблеск пожарищ, а самая настоящая кровь струится из-под его ледяной кольчуги. Боль и позор той ночи легли на поседевшую голову Дона.

Плакал седой Дон, вторили ему меньшие братья: Оскол, Айдар и Донец. Слёзы горечи переполнили их русла:

— Как же так: брат на брата, сын на отца, русский на русского?

А нерусские, затянутые в кожу френчей, за бронёй поездов, сквозь пенсне, из кабинетов Кремля равнодушно взирали на бойню. Россия для них — место жительства. Российского в них — только прописка. Кровь текла иная — чужая.

Век живых пророков и век могучей поступи первых пятилеток, задорных маршей, посвященных трудовым победам.

Но уже другие марши неотвратимо врывались в ритм жизни Белогорья. Немецкие танки наматывали на гусеницы и подминали под себя твою степь, как какую-то

Бельгию или Голландию. Итальянские, испанские мулы — не без темноволосых погонщиков — решили нагулять жир на травах, взращенных на тучных чернозёмах.

Новый ледник, с очеловеченным лицом, не пейсами — чёлкой на лбу — надвигался уже с Запада.

Они шагали, как в кино, вдавливая траками и каблуками сапог воронцы — алое пламя степей; они пили воду: горькую — от слёз, жгучую — от ненависти; они хотели стереть с лица земли тебя, Белогорье. В твоей истории это не раз повторялось. Они её не знали. И сеяли зло, не ведая, что в тучных чернозёмах оно прорастает гневом.

Через год вернулись. Мало мулов и погонщиков, ещё меньше танков. Одни — оборванные, повязанные женскими платками, обутые в соломенные галоши — давили морозы, другие — с повисшими клочьями шерсти и выпирающими из-под кожи худыми мослами… Наелись, напились, надругались…

Это было начало конца. Гроздья гнева поспели к сражению под Прохоровкой. Не южнее, и не севернее. Именно там, где под землёй много металла. Он, как магнит, стянул тысячи танков, орудий, самолетов. У компасов нервно бились стрелки, постоянно теряя «норд». В такт ей бились сердца участников приближающегося сражения. Невиданного по своей мощи. Но победного для Белогорья, отозвавшегося первым салютом.

3.

Они, конечно, помнят всё. Эти сине-зелёные ели, молчаливые летописцы тысячелетий…

Мы бежали, зажав в руках медяки. Моросил дождь, но мог ли он помешать исполнению нашего заветного желания.

— Вы виткиля?

— С Ровенёк…

— А-а-а…

И катилось босоногое детство от украинского магазина обратно, в Россию, где не ломились прилавки от полосатых, как арбуз, сахарных конфет, где только в сладкомпресладком сне можно было увидеть вкусных ржаных лошадок. И плакали под сенью разлапистых елей, по-детски наивно вопрошая друг друга:

— Как же так? Равная среди равных?

Жизнь дала ответ. Не сразу. Но резко хлестнула жестким и забытым словом — граница. Было Белогорье порубежьем. Им и осталось.

Двадцатый век.

Век роста спецхозов — фабрик мяса, молока, яиц и их развалов; век пустых прилавков и городских свалок, заполненных гниющим мясом, колбасой; век огромных очередей и пустых кошельков..

Он не был похож на другие ледники. Те — двигались. Этот — взрывал Россию изнутри. Волчий оскал спрятан за розовощёкими мальчиками-консультантами, вскормленными у корыта партии, на Старой площади и вдруг ставшими умудрёнными демократами.

В народе о них говорили: чикагские мальчики.

СМИ не скупились на ярлыки: самый, лучший… Как лейбы крепили похвалы новоявленным могильщикам социализма то на грудь, то на… В общем, туда, у кого она эффектнее смотрится.

Они долго будут в нашей памяти. Опухшие от мыслей щёки премьера; ничего не обещающий взгляд цветовода-приватизатора; скептично взирающий сквозь линзы очков министр финансов… и над всем этим елей фальши Кремлевской Анны Карениной:

— Дарагие рассияне!

Отчего мелеете Айдар, Оскол, Донец? Разве меньше стало горя на русской земле или выплаканы все ваши слёзы Выйдите из берегов и осмотритесь.

Раньше русской формой одежды были совковые телогрейки и литые резиновые сапоги, а сейчас — спортивно-инкубаторские костюмы от хрен знает кого. Да разве одно Белогорье шагает по реформе с адидасовскими лампасами набекрень? Вся Россия обута в кроссовки, затянута в одинаковое и обезличена. В кои века, пришелец или свой, называл человека быдлом, свиньёй, существом… Последнее, правда, подходит. Да, мы существуем. Вины в нас нет: великие реформаторы отдали, продали, подарили всю собственность, которую создавали не их братья, отцы, деды. Наши. Осталась самая малость — продать землю. Твою землю, Белогорье! И память, связанную с ней. Те, кто мыслит продать — свою, обетованную, хранят в шкатулках. Видите ли, запах родины, пота… А наши чернозёмы? От чего тучны они? Скажите, мудрые и старые реки.

Всплеснут, пока не могучей волной, Айдар, Оскол, Донец и зажурчит на перекатах:

— Святой кровью, крестьянским потом политы они…

Белогорье, Белогорье! Боль моя и надежда!

Фото Бориса Ечина

ВАСИЛЬЕВ
НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ
первый секретарь Белгородского обкома КПСС с 1964 по 1971 гг.

ДЕЛО МОЕЙ ЖИЗНИ
Переживания, размышления

К моменту моего избрания первым руководителем области я был уже зрелым человеком, за моими плечами была тяжёлая война, длительный период хозяйственной работы и работы в партийных и советских органах. За этот период было всё: и хорошее, и плохое. Правительственные награды и поощрения, серьёзные наказания, синяки и шишки. Жизнь меня обкатала. Я привык бороться с трудностями и преодолевать препятствия. Моим девизом были слова песни из кинофильма «Дети капитана Гранта»:

Кто весел, тот смеётся,
Кто хочет, тот добьётся,
Кто ищет, тот всегда найдёт.

Или другое: заповеди из Библии,

Просите, и дано будет вам;
Ищите и найдёте;
Стучите, и отворят вам.
Ибо всякий просящий получает,
Ищущий находит,
И стучащемуся отворят.

Может быть, мои принципы наивны и излишне картинны.

Но это было так и не иначе.

У меня сложились твёрдые убеждения о том, как надо жить и работать, усвоенные принципы вошли, как говорится, в мою кровь и плоть, они превратились в характер. Наивысшим критерием жизни было: верой и правдой служить своему Отечеству, внести свой личный вклад в развитие и процветание моей Родины.

С назначением меня на должность руководителя области такая возможность появилась, появилась впервые в моей жизни, и я готовился к большим свершениям.

Без тени рисовки могу утверждать: белгородский период был наиболее насыщенным, наиболее интенсивным и плодотворным в моей жизни. И если спросят меня, что я совершил в своей жизни, с гордостью отвечу, что все свои силы отдавал развитию Белогорья, превращению его в один из процветающих регионов Российской

Федерации. Поэтому мне захотелось рассказать моим современникам, внукам и правнукам, будущему поколению белгородцев, о том, что было моим жизненным кредо, что произошло за семь лет моей работы в Белгороде. Если не сделаю это я, пока ещё есть живые свидетели тех, поистине бурных лет и революционных преобразований, то это уже не сделает никто.

Поднявшись над рутиной суеты и однообразной повседневности, глядя в глаза вечности, я решил описать свои переживания и размышления, всё дело моей жизни.

Разумеется, беспристрастного освещения пережитого не бывает, может быть, и сам вижу своё прошлое другими глазами, и в действительности что-то было не так. Но абсолютно убеждён, что главное, основное, что характеризовало тот период, освещаю верно. Было семь лет патриотического горения, самоотверженного труда, когда на карту была поставлена моя карьера: творец, созидатель или авантюрист. Здоровье и сама жизнь, как на фронте.

Однополчане:
сидит С. К. Поздняков , командир дивизиона;
стоят: слева М. А. Гнидин, Н. Ф. Васильев,
В. Г. Смирнов

Кто-то, скажет, что это преувеличение, гипербола, нет, дорогие друзья, это действительно так было. Если на фронте я получил контузию, тяжёлое ранение, то здесь от чрезмерного напряжения перенёс гипертонический криз в 1968 году и на полгода почти полностью потерял свою трудоспособность.

Всё это мы делали не ради славы, личной наживы, а ради того дела, к которому мы были призваны.

И ещё одно. Я не мог примириться с утверждением о том, что сельскохозяйственное производство, это чёрная дыра, а работники сельского хозяйства скопище пьяниц и дураков. Эти рассуждения о неполноценности людей, работающих в сельском хозяйстве, меня унижали, звучали оскорблением, и мне хотелось разобраться в том, где корень зла. И это тоже было одним из побудительных мотивов моей работы.

Меня всегда оскорбляли рассуждения русофобов, считавших, что сидят в русских людях какие-то зловредные черви, которые им покоя не дают и толкают их на неразумные свершения, бунты, революции, перевороты, пугачёвщину, что мы ленивые пьяницы.

Мне всегда хотелось доказать, что мы как народ, как нация не хуже, а лучше других. В изложении моих взглядов переплетаются рассуждения о высших материях и повседневности, но в жизни так и бывает.

Мы были первопроходцами, пионерами специализации. И пошли по этому пути потому, что в основе всё тот же мой генетический код, заложенный моими родителями, к которым я сохраняю нежную любовь и уважение. Наверное, что-то отложилось во мне от национальных особенностей русского народа. Только русские способны так самозабвенно мечтать, работать, сражаться во имя мечты о лучшей жизни народа, не за личное, а за общее. Они открыты к добру, в них талант и широта, раздумье о неведомом завтра.

Только великий народ способен на самопожертвование во имя великой цели.

Такая цель у нас была, и мы готовы были за неё положить свои головы.

Хочу напомнить всем слова Сталина, сказанные им 24 мая 1945 года на приёме в Кремле: **«Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и прежде всего русского народа. Я пью прежде всего за здоровье русского народа, потому что он является выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа, потому что он заслужил в этой войне общее признание — как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа, потому что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение... и это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, над фашизмом. Спасибо русскому народу за это доверие. За здоровье русского народа».**

Русский знает себе цену, знает, что надо делать. Свобода и счастье людей — его высшая цель, и ради этого он готов идти на борьбу, на любые муки и страдания.

Русские живут и действуют не во имя себя или своих материальных интересов, а во имя своих идей, они живут не для себя только, а для всего общества.

В русском характере коренятся такие выдающиеся человеческие качества, как величайшее трудолюбие, честность, справедливость, правдолюбие, искренность ума и чувства, подъём на общее дело, уникальная терпимость, мужество и бесстрашие. Вместе с тем, русские всегда были интернационалистами, весь Советский период нашей истории сплачивали все нации в единую братскую семью.

А все эти качества помогали и помогут русским перенести испытания, спасти наш народ от беспредела.

Но для этого надо поднять чувства ответственности за свою Родину.

Всем нам надо упорно работать над поставленной задачей.

Есть очень хорошее стихотворение А. К. Толстого, посвящённое русскому характеру:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубить, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой.

Мы не руководствовались принципом «как бы чего-нибудь не случилось», был объявлен бой обломовщине, неподвижности, инертности, апатии, расчёту на «авось». Мы не соглашались на принцип «хоть что-нибудь», наш принцип «или всё, или ничего».

Мы зачастую и сами до конца не осознавали, на что мы были способны. Люди делали больше, чем мы предусматривали в своих планах.

Думается мне, что и я, и мои единомышленники, стоящие рядом со мной: М. П. Трунов, А. Ф. Пономарёв, В. М. Ильин, Д. И. Костин, В. А. Окороков были людьми не от мира сего, были фанатами. Работали над идеей, которую мы сами

Поздравление с 80-летием
Слева А. В. Романцов, рядом с ним Н. Ф. Васильев, Н. И. Рыжков,
В. П. Логинов, министр мелиорации России

сформулировали и упорно проводили её в жизнь. Ну и народ белгородский, как свою собственную идею, воспринял эти преобразования и свершения.

У нас была идея, горячее желание провести её в жизнь. Для того, чтобы реализовать её в жизни, нужно было улучшить управленческую деятельность. В наше время это выражалось в совершенствовании стиля и методов работы. Это был расчёт, с помощью которого мы добивались успеха. Но это не простой набор правил, который можно занести в реестр, затем вызубрить и применять их в зависимости от обстоятельств. Это, конечно, намного шире, и приходит оно не сразу, а постепенно. **Поэтому я учился этому искусству, занимался самоанализом и самовоспитанием**, выработал некоторые принципы.

Знал очень много людей, которые, как соловьи разливаются, рассказывая о своём видении проблемы, и, часто отвлекаясь, начинают говорить обо всём, о чём они знают, а знают, как правило, много и поэтому много говорят. Придёшь к такому начальнику, потеряешь 2-3 часа и уйдёшь ни с чем.

Я постарался выработать у себя способность слушать. Не думайте, что это так просто. Мне это удавалось только в результате длительной тренировки.

Надо забыть о личных предубеждениях во время слушания, не торопиться с заключениями.

Сколько раз убеждался в том, что, по моему мнению, надо действовать так, как говорит первый собеседник, но затем, выслушав второго, приходишь к выводу, что истина в другом направлении. Человеческой натуре свойственно обвинять кого угодно, но не себя, поэтому начал постигать науку самокритики.

Если я был не прав, признавал это быстро и решительно. У меня никогда не было культа собственной личности и непогрешимости всех моих действий.

Арсенал средств для того, чтобы добиться результатов, бесконечно разнообразный и многогранный.

Лучший способ добиться положительных результатов — поощрять соперничество.

Я предъявлял очень высокие требования ко всем руководителям областных и районных организаций. Но никогда не переходил определённую грань во взаимоотношениях с людьми. Ведь возможности первого человека в области практически, кроме своей совести, элементов самоконтроля, ничем не ограничены. Конечно, есть Москва, вышестоящая инстанция, но, как говорится: «до Москвы далеко, а до Бога высоко».

Днепропетровск, 1963 год
Сидят: слева Л. Е. Лукич, Н. П. Толубеев, Л. И. Брежнев, Н. Ф. Васильев, Ярцев

Использован материал из книги:
Н. Ф. Васильев. «Это было при мне»
Издательский Дом Шаповалов
Белгород, 2001

Фото 1902 года

СТАЛИН
ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ
1879-1953

…Надо готовиться к прямому столкновению с Гитлером…

Всё это ляжет на плечи русского народа, ибо русский народ — великий народ. Русский народ — это добрый народ, а у русского народа среди всех народов наибольшее терпение, у русского народа ясный ум, он как бы рождён помогать другим нациям. Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, опасные времена. Он инициативен, у него стойкий характер, он мечтательный народ, у него есть цель, потому ему и тяжелее, чем другим нациям, на него можно положиться в любую беду, русский народ неодолим и неисчерпаем.

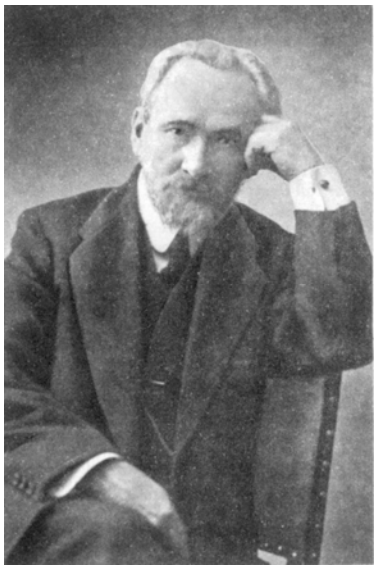
……

Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплёваны прежде всего за рубежом, и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Нас ещё рассматривают как варварскую страну, как сырьевой придаток. Мне припишут множество злодеяний. Мировой финансовый капитал всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия никогда бы не могла подняться. Сила СССР в дружбе народов. Острие будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы ещё не всё сделали. Здесь ещё большое поле работы. С особой силой поднимет голову нацизм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм. Только на какое-то время (*подчёркнуто нами — **ред.***).

Возникнут национальные группы внутри наций, конфликты. Появится много вождей-пигмеев — предателей внутри своих наций. В целом, в будущем развитие пойдёт более сложными и даже бешеными путями. Повороты будут предельно крутыми. Дело идёт к тому, что особенно взбудоражится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом. И всё же, как бы не развивались события, но пройдёт время и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего Социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь поднимут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Своё будущее они будут строить на нашем прошлом. (*подчёркнуто нами — **ред.***).

1939, ноябрь

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения Василия Васильевича Розанова

«А я хочу быть русским» — вот наш девиз. Для этого я «по-московски» буду изучать и наблюдать, чтобы прежде всего познать их и обо всём в них догадаться: без всякой науки познания мы будем всегда бессильны. Но затем в долгой работе жизни, в десятилетиях борьбы жизненной, — везде я буду «наблюдать русского человека» и вот ему, родному, — помогай работой, дачей, умной книгой, дачей заработка, указанием пути. Будем пахать свои цветочки и свои поля, и хорошо обработанная своя землица выбросит чужие и враждебные тернии.

Русская точка зрения на вещи совершенно не походит на французскую, немецкую, английскую; совершенно другая; она оспаривает их, и почти хочется сказать — побеждает их… Вся сосредоточенность мысли, вся глубина, все проницания у нас относятся исключительно к душе человеческой, и здесь по красоте и возвышенности, по верности мысли русские не имеют соперников.

В. Розанов

О Русь, Русь! Только ль втихомолку
Ты будешь плакать и стонать,
И хищного в овчарне волка
Отцом-надеждой называть?

Н. А. Некрасов

Без комментариев:

«Когда я думаю о тайных жестокостях, происходящих в этом обширнейшем государстве, я испытываю неописуемое отвращение и мечтаю лишь о том, чтобы поскорее отсюда уехать».

«Я часто повторяю себе: здесь всё нужно разрушить и заново создать народ».

«Когда я вхожу в какой-нибудь дом, кусты роз и гортензий кажутся мне не такими, какими они бывают в других местах. Мне чудится, что они покрыты кровью».

«Вся Россия — та же тюрьма и тюрьма тем более страшная, что она велика и что так трудно достигнуть и перейти её границы».

«Вообразите полудикий народ, которого милитаризовали и вымуштровали, — и вы поймёте, в каком положении находится русский народ».

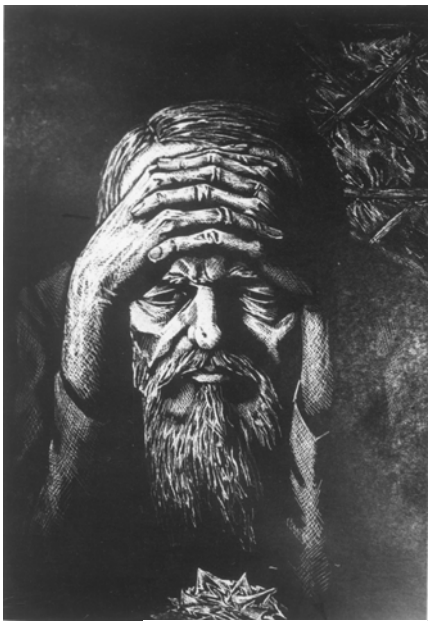
«Здесь можно двигаться, можно дышать не иначе как с царского разрешения или приказания… Кажется, тень смерти нависла над всей этой частью земного шара»…

«Их внешность, рост, всё в них лишено малейшей грации», «Не видно было ни одного красивого женского лица», «Ни одна из них не показалась мне красивою, а большинство отличается исключительным безобразием и отталкивающей нечистоплотностью». «Ведьмы в засаленных капотах, в стоптанных туфлях, шлёпающих на каждом шагу».

Написано почти двести лет назад «добропорядочным французским аристократом, Маркизом Астольф де Кюстином. А как это перекликается с сегодняшним «Россия-сука» (Абрам Терц).

С. Куняев. «Поэзия. Судьба. Россия». т. 2, стр. 440

Благодарим же Провидение за честь принадлежать к народу русскому...

Гравюра Станислава Косенкова

ДОСТОЕВСКИЙ
ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ

НЕТ НИЧЕГО ВЫШЕ НА СВЕТЕ СЧАСТЬЯ СЕМЕЙНОГО

Семья свята, но и жалость и справедливость так же святы, как и семья, и если б так вышло, что семья должна стоять на безжалостности, то не стоило и стоять семье. Всё счастье, что это не так.

Запись к «Дневнику писателя», 1875-1876

…воспитание детей есть труд и долг, для иных родителей сладкий, несмотря на гнетущие даже заботы, на слабость средств, на бедность даже, для других же, и даже для очень многих достаточных родителей — это самый гнетущий труд и самый тяжёлый долг. Вот почему и стремятся они откупиться от него деньгами, если есть деньги. Если же и деньги не помогают, или, как у многих, их и вовсе нет, то прибегают обыкновенно к строгости, к жестокости, к истязанию, к розге. Я вам скажу, что такое розга. Розга в семействе есть продукт лени родительской, неизбежный результат этой лени. Всё, что можно бы сделать трудом и любовью, неуступной работой над детьми и с детьми, всё, что можно было бы достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером — всего того слабые, ленивые, но терпеливые отцы полагают всего чаще достигнуть розгой: «Не разъясню, а прикажу, не внушу, а заставлю». Каков же результат выходит? Ребёнок хитрый, скрытный непременно покорится и обманет вас, и розга ваша не исправит, а только развратит его. Ребёнка слабого, трусливого и сердцем нежного — вы забьёте. Наконец, ребёнка доброго, простодушного, с сердцем прямым и открытым — вы сначала измучаите, а потом ожесточите и потеряете его сердце. Трудно, часто очень трудно детскому сердцу отрываться от тех, кого он любит; но если оно уже оторвётся, то в нём зарождается страшный, неестественно ранний ценизм, ожесточение, и извращается чувство справедливости. Всё это, конечно, в том только случае, если жестокость происходит от эгоизма родителей и если хозяин нивы, не посеяв сам, потребует с неё доброй жатвы.

«Дневник писателя», 1877

Всякий ревностный и разумный отец знает, например, сколь важно воздерживаться перед детьми своими в обыденной семейной жизни от известной, так сказать, халатности семейных отношений, от известной распущенности их и разнузданности, воздерживать себя от дурных и безобразных привычек, а главное — от невнимания и пренебрежения к детскому их мнению о вас самих, к неприятному, безобразному и комическому впечатлению, которое может зародиться в них столь часто при созерцании нашей бесшабашности в семейном быту. Верите ли вы, что ревностный отец даже должен иногда совсем перевоспитывать себя для детей своих. О, если родители добры, если любовь их к детям ревностна и горяча, то дети многое простят им и многое забудут потом не только из комического и безобразного, но даже не осудят их безапелляционно за иные совсем уже дурные дела их; напротив, сердца их непременно найдут смягчающие обстоятельства. Но совсем другое дело может случиться в семействах несогласных и ожесточённых.

«Дневник писателя», 1877

…что же станет с Россией, если русские отцы будут уклоняться от своего гражданского долга и станут искать уединения или, лучше сказать, отъединения, ленивого и циничного, от общества, народа своего и самых первейших к ним обязанностей…

«Дневник писателя», 1877

Семья слишком свята, чтобы взводить на неё клевету. Семья не может держаться жестокостью.

Разврат есть неправдивость поступков сознательно, грязь в семействе.

Записи к «Дневнику писателя», 1875-1876

…отец перед детьми всегда должен быть как бы добрым, наглядным примером всего того нравственного вывода, который умы и сердца их могут почерпнуть из науки.

«Дневник писателя», 1877

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ РУССКАЯ ЖЕНЩИНА»

Есть женщины, которые точно сёстры милосердия в жизни. Перед ними можно ничего не скрывать, по крайней мере ничего, что есть больного и унизительного в душе. Кто страждет, тот смело и с надеждой иди к ним и не бойся быть в тягость, затем что редкий из нас знает, насколько может быть бесконечно терпеливой любви, сострадания и всепрощения в ином женском сердце. Целые сокровища симпатии, утешения, надежды хранятся в этих чистых сердцах, так часто тоже уязвлённых, потому что сердце, которое много любит, много грустит, но где рана бережливо закрыта от любопытного взгляда, затем что глубокое горе всего чаще молчит и таится. Их же не испугает ни глубина раны, ни гной её, ни смрад её; кто к ним подходит, тот уж их достоин; да они, впрочем, как будто и родятся на подвиг…

«Маленький герой», 1857

…для женщины в любви-то и заключается всё воскресение, всё спасение от какой бы то ни было гибели и всё возрождение, да иначе и проявиться не может, как в этом.

Подпольный человек, «Записки из подполья», 1864

Нравственное влияние женщины, даже на самого стильного духом мужчину, не только полезно, не только всегда необходимо, но и вполне натурально. Это второе и окончательное воспитание человека. И ещё… все отношения <между

мужем и женою>должны быть всю жизнь основаны на внутреннем взаимном, обоюдном уважении.

Павлу Исаеву <пасынку> Дрезден, 1871

В нашей женщине всё более и более замечается искренность, настойчивость, серьёзность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине всё это было выше, чем у мужчин. Это несомненно, несмотря на всё даже теперешние уклонения. Женщина меньше лжёт, многие даже совсем не лгут, а мужчин почти нет нелгущих, — я говорю про теперешний момент нашего общества. Женщина настойчивее, терпеливее в деле; она *серьёзнее*,чем мужчина, хочет дела для самого дела, а не для того лишь, чтоб *казаться.* Уж не в самом ли деле нам отсюда ждать большой помощи?

«Дневник писателя», 1873

…всеобщее образование женщины внесёт новую, великую интеллигентную и нравственную силу в судьбы общества и человечества…

«Две заметки редактора», 1873

Аввакум: задача женщины не в красивом виде.

Записные тетради, 1872-1875

И сколько в ней <русской земле> несомненно честных людей и особенно честных женщин! Женщины у нас подымаются и, может быть, многое спасут, об этом я ещё буду говорить. Женщины — наша большая надежда, может быть, послужат всей России в самую роковую минуту…

«Дневник писателя», 1876

…в ней <русской женщине> заключена одна наша огромная надежда, один из залогов нашего обновления. Возрождение русской женщины в последние двадцать лет оказалось несомненным. Подъём в запросах её был высокий, откровенный и безбоязненный. Он с первого раза внушил уважение, по крайней мере заставил задуматься, невзирая на несколько паразитных неправильностей, обнаружившихся в этом движении. Теперь, однако, уже можно свести счёты и сделать безбоязненный вывод. Русская женщина целомудренно пренебрегала препятствиями, насмешками. Она твёрдо объявила своё желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно. Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался разврату стяжения, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклонению идее, служению идее. В жажде высшего образования она проявила серьёзность, терпение и представила пример величайшего мужества… Дай Бог тоже русской женщине менее «уставать», менее разочаровываться.

«Дневник писателя», 1876

Да, не русскому отрекаться от своих женщин. Чем наша женщина ниже какой бы то ни было? Я уже не стану указывать на обозначившиеся идеалы наших поэтов, начиная с Татьяны, — на женщин Тургенева, Льва Толстого, хотя уж это одно большое доказательство: если уж воплотились идеалы такой красоты в искусстве, то откуда-нибудь они взялись же, не сочинёны же из ничего… Короче, я не буду защищать прав русской женщины на высокое положение среди женщин всей Европы, но вот что только скажу: не правда ли, мне кажется, **должен существовать такой естественный закон в народах и национальностях, по которому каждый мужчина должен по преимуществу искать и любить женщин в своём народе и в своей национальности? Если же мужчина начнёт ставить женщин других наций выше своих и прельщаться ими по преимуществу, то тогда наступит пора разложения этого народа и шатания этой национальности.** Ей-богу, у нас уже начина-

лось нечто подобное в этом роде, в последние сто лет, именно пропорционально разрыву нашему с народом. Мы прельщались польками, француженками, даже немками; теперь вот есть охотники ставить выше своих англичанок. По-моему, в этом признаке ровно ничего нет утешительного. Тут две точки: или духовный разрыв с национальностью, или просто гаремный вкус. Надо воротиться к своей женщине, надо учиться своей женщине, если мы разучились понимать её…

«Дневник писателя», 1876

…может быть, русская-то женщина и спасёт нас всех, всё общество наше, новой возродившейся в ней энергией, самой благороднейшей жаждой *делать дело,* и это до жертвы, до подвига. Она пристыдит бездеятельность других сил и увлечёт их за собою, а сбившихся с дороги воротит на истинный путь.

«Дневник писателя», 1877

Но быть доброй женой и особенно матерью — это вершина назначения женщины.

А. Ф. Герасимовой, 1877

Вся ошибка «женского вопроса» в том, что делят неделимое, берут мужчину и женщину раздельно, тогда как это единый целокупный организм. «*Мужа и жену создал их*». Да и с детьми, и с потомками, и с предками, и со всем человечеством человек единый целокупный организм. А законы пишутся, всё разделяя и деля на составные элементы. Церковь не делит.

Записная тетрадь , 1881

Женский вопрос. В природе всё рассчитано на нормальность, всё рассчитано на святого и на безгрешного. (Мужчине 30 лет и женщине 30.) Красота даётся женщине вначале, чтоб привязывать мужчину, ибо нравственная связь ещё слаба. Потом и не надо уж красоты, любят женщину, потому что сживутся душами (органическое соединение).

Записная тетрадь, 1881

…жизнь всякой женщины, что бы она там ни проповедовала, это — вечное искание, кому бы подчиниться… так сказать, жажда подчиниться. И заметь себе — без единого исключения.

Князь Сокольский, «Подросток», 1875

Русские женщины дурнеют быстро, красота их только мелькнёт, и, право, это не от одних только этнографических особенностей типа, а и оттого ещё, что они умеют любить беззаветно. Русская женщина всё разом отдаёт, коль полюбит, — и мгновенье, и судьбу, и настоящее, и будущее: экономничать не умеют, про запас не прячут, и красота их быстро уходит в того, кого любят.

Андрей Петрович Версилов, «Подросток», 1875

…она < Пульхерия Александровна Раскольникова> казалась гораздо моложе своих лет, что бывает почти всегда с женщинами, сохранившими ясность духа, свежесть впечатлений и честный, чистый жар сердца до старости. Скажем в скобках, что сохранить всё это есть единственное средство не потерять красоты своей даже в старости.

Рассказчик, «Преступление и наказание», 1866

…да здравствует русская женщина, и нет ничего лучше её безгранично прощающей любви на нашем русском свете.

«Зимние заметки о летних впечатлениях», 1863

Наболевшее

ЕВГЕНИЙ ДУБРАВНЫЙ

МОЯ СТРАНА

В. Шаповалову

Моя страна, куда тебя уводят?!
Куда влекут, свободою маня?
Ты им нужна лишь только для пародий,
Лишь для поставки жертвенных ягнят.

Они тебе в лицо смеются, дряни!
Они танцуют на твоих гробах,
Для них ты символ глупости и пьяни
И образец безгласного раба.

О, как им дорог наш простор и дали!
Как греют душу и ласкают глаз…
Они давно в гробу нас всех видали,
Им дали нет родней, где нефть и газ.

Им нет роднее забугорных банков,
Где пол-России в долларах лежит…
А на помойках роются подранки
Да старики и нищие бомжи.

Всё глуше говор в деревнях и сёлах
И всё наглее черные грачи…
Но звон растёт тревожный, невесёлый,
Россия, Русь! Чего же ты молчишь?!

28.11.2005

Наболевшее

ЛИДИЯ МАРКИНА

WO-O-OW

С колен не встали
вставшие с колен.
Г. Поженян

Да, я согласна с Поженяном,
Что мы попали снова в плен,
Мы несвободу пожинаем,
Родной язык сжигая в тлен.
Я часто слышу возглас: «WOW!»
Он радость призван передать —
Родных мы слов уже не знаем,
Хотим Америку догнать.
Но WOW значит также «лаять»,
Мяукать кошкой и визжать.
Пока зверью мы подражаем,
С колен нам никогда не встать.

29.03.1997

К вопросу о междометии WOW как индикатору утраты национального самосознания русской нации

17 марта 2005 года скончался поэт Григорий Поженян. Газета «Новая» от 16.03.06 (№ 19) отметила годовщину смерти некрологом. В нём, в частности, говорится о горечи и беспощадности Г. Поженяна по отношению к обществу, получившему свободу, но не сумевшему её оценить и удержать. С душевной болью читала я его строки:

Что за судьба: из сплена снова в плен.
Разъятые не держат небо своды.
С колен не встали вставшие с колен.
Свободные остались несвободны…

Как филолог, я солидаризируюсь с ним полностью. Наша несвобода началась с утратой общепринятых норм, выражения эмоций на уровне междометий. Вдумайтесь в английское междометие WOW. У него несколько значений в качестве междометия в зависимости от ситуации общения:

1. Здорово, блеск!;
2. Безобразие!; какая гадость!
3. Вот беда! ой!

В нашем обществе принято его первое значение, для передачи положительной эмоции. Но разве в нашем языке недостаточно своих слов?! WOW запустили заокеанские кукловоды. Казалось бы: что из того, что мы воспользуемся инородным словом? Слова можно и нужно заимствовать, если в языке реципиенте (язык, принимающий слово из другого языка) нет соответствующих понятий, например «компьютер». Мы вынуждены были заимствовать это обозначение для языка-перципиенте (язык-донор, у которого берут слово языку). Но для выражения восторга у нас существует множество слов и выражений. Внедрение в нашу языковую культуру английского слова WOW есть не что иное как разрушение нашего национального самосознания и достоинства.

Л. Маркина

БУДЬ ЗДОРОВ, ГРАЖДАНИН ОТЕЧЕСТВА!

Если ты здоров, значит, ты нормально соображаешь, значит, нормально работаешь, значит от тебя обществу нет вреда, от тебя нормальные дети рождаются. Значит ты не сеешь зло, вражду, терроризм, не даёшь мерзавцам зарабатывать на твоей беде. Так что твоё здоровье — это твоя ответственность перед прошлыми поколениями и перед будущими, и перед Россией.

Человек должен понять, что на нём лежит ответственность за своё здоровье: родителей перед детьми, детей перед родителями, а всех перед родом — нацией. Общество состоящее из здоровых граждан — здоровое, как не может общество граждан России, состоящее на 90% из нищих, быть здоровыми и тем более богатым.

Это совершенно неправильная постановка вопроса — здоровье моё, как хочу так с ним и поступаю. Ты рождён на свет, и зачем-то ты рождён. Для чего — для того, чтобы ты продолжал род, чтобы ты не только сохранил то лучшее, что тебе дано, но и приумножил его или хотя бы не опоганил. Значит ты ответственен за своё здоровье, и это уже не твоя личная ответственность, а собственность твоего рода, нации. Ты — гражданин России — обязан быть здоровым. А значит ты должен выполнять свои обязательства перед родом, а значит ты не должен себя травить наркотиками: табаком, пивом, водкой.

Ранее не отпевали в церкви и не разрешали хоронить на общем кладбище самоубийц. Но ведь ты — потребляющий наркотики: курящий и пьющий — тоже самоубийца.

Задача врача, для которого клятва Гиппократа не пустой звук, помочь оступившемуся и заболевшему восстановить душу, а через душу и тело. Задача врача-шарлатана, ненавистника русского народа — либерала-западника лечить и залечить, при этом предварительно обобрав заболевшего и без того обобранного.

Здоровье — это труд. Ваше здоровье в ваших руках. Как только ты доверил своё здоровье врачу-шарлатану, заворачивайся в простынь и иди сам пока можешь на кладбище. Три часа в неделю ты обязан работать на своё здоровье.

Ты должен знать, что как только в наш организм попадает враг: инфекция, наркотики и так далее, то поднимается температура в организме (так заложено Творцом-Богом) и температурой в 40-42 градуса враг убивается. Ты помнишь, когда ты первый раз выпил — тебя стошнило, когда ты первый раз закурил — тебя стошнило — так организм реагирует на отравление наркотиками. Так не травись! Разве нормальный человек станет есть мясо, протравленное на костре, мясо напичканное канцерогенами, ядами — именуемое шашлыками. Посмотрите на никогда не мытые руки шашлычника.

Помни, что здоровье клетки твоего организма выдерживают температуру до 44,7, поэтому занимаясь гимнастикой, многократно выполняя одно и тоже движение, ты поднимаешь температуру в своём теле, и ты не только улучшаешь работу твоих органов, но и подавляешь врагов, попавших в твой организм, в том числе подавляется развитие раковых клеток.

Помни: ты нужен здоровым себе, чтобы не быть никому обязанным, чтобы облегчить старость родителей, нужен детям, то есть, последующим поколениям.

Помни: болезнь — это вынужденное страдание, а борьба с болезнью — это осознанное страдание.

Помни: родила ребёнка, отдышись 10-15 минут и немедленно требуй ребёнка и корми его, ибо ты родила ребёнка со стерильно чистой среды, среду засеиваешь ты своим молозивом. Врач, который не даёт тебе ребёнка в течении более чем 20-30 минут — это твой враг и враг твоего рода и враг этот хочет, чтобы потомство твоё было слабым и больным. Прояви настойчивость и волю во имя здоровья твоего потомства.

Помни: и никогда во время беременности и кормления ребёнка грудью не потребляй сама и не корми тем более ребёнка — **кефиром**. Ни в одной стране мира **кефир** не используется в качестве детского питания. Кроме России. Кефир готовится с добавлением дрожжей, поэтому сахар находящийся в коровьем молоке, полностью перерабатывается в наркотик, в алкоголь. И ты, потребляя кефир, уже в утробе делаешь своего ребёнка наркоманом-алкоголиком.

Внимание:

В последнее время внедрена мода сползающих на бёдра брюк, обнажающих пуп. Вроде под благовидным предлогом. И в самом деле — это действует на добропорядочные умы противоположного пола особым образом. В газете «Белгородская правда» была карикатура художника Белевцева с текстом: увидел пуп и сразу влюбился, с первого взгляда. Разумеется в пуп.

Шутка заслуживает внимания, но сглаживает остроту проблемы.

Не так всё просто у архитекторов нашей новой жизни. Дело в том, что под этой «модой» кроется злой умысел, и она рассчитана на профанов. Всё просчитано до таких тонкостей, что достопочтенному человеку и в голову не взбредёт. Обнажённые части тела способствуют застуживанию почек и яичников, что ведёт к стерилизации (обеспложиванию), уж не говоря о болевых последствиях и в целом об утрате репродуктоспособности нации.

Почему?

Почему усиленно рекламируется пиво и курево?

Почему молодым мамам навязывают памперсы для младенцев?

Почему… впрочем, дадим слово замечательному нашему поэту Дмитрию Маматову:

Вошла величественно дама,
За нею Пушкин вышёл в зал…
И вдруг любимая реклама —
Прокладкой мокрой по глазам!

«Почему» — можно продолжать долго. Ведь истребление русского народа идёт методами истребления индейцев, только на более высоком технологическом уровне. Сейчас технология изготовления химических веществ разного назначения шагнула настолько далеко, что в любой продукт можно внедрить вещества привыкания, вещества, изменяющие человеческое мышление с утратой реального восприятия мира, вещества, ведущие к медленному отравлению и даже с летальным исходом.

Делается это очень просто: пропитали бумагу сигарет лёгким наркотиком и тебя уже тянет глотнуть дыма, хлебнул пива и ты уже на крючке.

Этого требует, кроме вышеуказанных целей, и рыночная конкуренция. Каждый производитель заинтересован в как можно большем сбыте своего товара. А контроля нет!!! Всё делается специально. Потому повальная эпидемия.

КОЛЕСНИК
ВАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВНА

Родилась в Белгороде. Окончила Харьковский государственный институт культуры. Имеет многолетний опыт работы в учреждениях культуры и искусств Латвии, Украины, Москвы и Белгорода. Более 20 лет посвящено культуре родного края. Заслуженный работник культуры Росии, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и документоведения Белгородского университета потребительской кооперации, автор исследования «Русская икона как ментальный комплекс», ряда публикаций, посвященных философско-культурологическому подходу в постижении ценностных основ Православия. Возглавляя в 1987-1992 годах Белгородское областное отделение Всероссийского фонда культуры В. Н. Колесник объединяла усилия творческой интеллигенции в деле духовного возрождения края. Ею анализировалась феноменология творчества В. М. Шаповалова, С. С. Косенкова, А. П. Мамонтова, В. Ф. Желобка, В. Ф. Блинова, А. С. Работнова и других деятелей культуры и искусств.

Предлагаемая вниманию читателей статья, посвященная Народному артисту РФ В. А. Старикову, является фрагментом из готовящейся к изданию книги о философии творчества знатных белгородцев.

АКТЕРСКОЕ ВОЛШЕБСТВО ВИТАЛИЯ СТАРИКОВА

философско-культурологический аспект творчества

О творчестве Виталия Алексеевича Старикова написано много. Безусловно, появится еще не одно исследование, раскрывающее широту актерского диапазона, виртуозную технологию исполнительского мастерства, многообразие тем и глубину их прочтения, точность в подаче образов артистом.

Театроведам, искусствоведам, журналистам жизнь актера предстает благодатной почвой для очередной статьи, а может быть и книги.

Виталий Алексеевич признанный мастер сцены. Его деятельность многогранна и успешна: актер, журналист, педагог.

Так угодно Богу, что моя жизнь была богата на встречи с талантливыми людьми. Анализируя творчество художников, поэтов, писателей и актеров, я стремлюсь к постижению философии культуры этих личностей. В чем секрет феномена незаурядного человека?

Феноменология творчества волновала не одно поколение наших предков и современников. Феномен Виталия Старикова можно характеризовать как: постоянная духовная работа, высокая гражданская позиция, наивысшее для художника качество —

профессионализм. Профессионализм Виталия Алексеевича — это залог его жизнеутверждающего мировоззрения, широкого и смелого мышления, образованности, духовного родства с классическим наследием и передовой мыслью современности, высокое чувство ответственности и долга перед Словом и Зрителем, глубокое понятие Чести, гражданская зрелость, высокая планка самопознания и самосовершенствования.

Виталий Стариков обладает сценической красотой, вобравшей в себя этические идеалы классической русской сцены. В нем непобедимое обаяние. Он всегда красив, статуарен, эмоционально-психологически выразителен и точен в тончайших нюансах роли. В далеком январе 1995 года в газете «Смена»-«Зебра» цитировались высказывания коллег об артисте. Щепкинцы отмечали его «интеллигентность, внутреннюю культуру, разноплановость» (В. Протасова), «трудоспособность… естественность и спокойную уверенность, аналитичность ума, умение в каждой роли выстроить мыслительный процесс» (Н. Черныш), «прекрасные внешние данные, голосоркестр и, конечно, дар Божий» (Е. Ярцева), «самый красивый актер в нашем театре, всегда собран, подтянут, очень внимателен и тактичен в партнерстве… честен в работе, в подходе к материалу» (Г. Ежова)

Наверное, у людей разных возрастов, профессий, духовно-нравственных ориентиров, представление о том: «кто он актер нашего времени?» — будет разным. Для меня, как почитателя таланта В. Старикова, актер — это воплощение русской интеллигенции, которая знает, что такое классический театр.

Актерское волшебство, за которым стоит школа, талант, жизненный опыт духовного делания — вот то, что отличает творчество В. Старикова.

К сожалению, сегодняшний современный театр строится на разрушении текста, на разрушении образного строя классического произведения. Беспечное отношение к классике, изуродованная декламация и жестикуляция, формальные изыски, ненормативная лексика стали чуть ли не «хорошим тоном», данью моде.

Виталий Алексеевич во многих своих интервью подчеркивает, что «талант есть созидательная сила». Он убежден: «Текст необходимо сохранять и если осовременивается пьеса, то исходить нужно только из первоисточника. Отношение к изображаемому, может быть современным. Даже американские римейки текст сохраняют. Ромео и Джульетта гоняют на мотоциклах, но текст, при этом, сохранен. Искусство сохраняется тогда, когда там есть Дух Святой. Что бы человек ни созидал, в этом должен быть Дух!»

В творчестве актера меня подкупает то, что Виталий Алексеевич никогда не приспосабливает художественный образ к своим возможностям. Он стремится к полному, глубинному перевоплощению. У артиста нет больших или маленьких ролей. Каждая из них это этап жизни мастера.

Владимир в «Крестителе» С. Таюшева, князь Серебряный в одноименной пьесе А. Толстого, Митчелл в «Трамвае «Желание» Т. Уильямса, Сергей в «Леди Макбет Мценского уезда» Н. Лескова, Осип в «Ревизоре» Н. Гоголя, Скалозуб в «Горе от ума» А. Грибоедова, король Генри в пьесе «Лев зимой», Ракитин в «Месяце в деревне» И. Тургенева, Лопахин в пьесе «Вишневый сад» А. Чехова, Сирано де Бержерак в одноименной пьесе Э. Ростана, царь Федор в спектакле «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого — далеко не полный «послужной список» актера. Все эти роли предоставили актеру счастливую возможность созидания. Виталий Алексеевич отмечает, что эта работа является проверкой на верность заветам классической школы. «Главное в этот период не потерять себя в полном единстве с образом, не потерять характер действующего лица в полном раскрытии своей индивидуальности».

Мне, как зрителю, хочется подчеркнуть, что актер очень тонко чувствует эту грань. Он всегда психологически точен в каждой роли.

В спектакле «Царь Федор Иоаннович» (реж. Ю. Чернышев) (1995) В. Стариков играл царя Федора. В свое время интеллигенция нашего города бурно обсуждала обилие режиссерских изысков в этом спектакле. Журналисты отмечали «ощущения явного давления формы над содержанием, иногда даже вопреки исторической правде». Обо всем этом вспоминаю для того, чтобы подчеркнуть, что предлагаемые обстоятельства для актера были далеко не простыми.

Белгородский областной театр им. М. С. Щепкина. 1975

В царе Федоре В. Старикова нет педалированного юродства. Перед нами чистый, наивный, незлобивый, с распахнутой душой земной человек. Актеру удалось показать очень сложные ощущения царя, который тяготится царской властью. В душе его — закон человеческий, который больше закона государственного. Живет и сверяет он свои дела по закону человеческому, по закону совести.

Философско-культурологическое постижение творческих устремлений личности актера Старикова объясняет интонационное богатство рисунка его роли. Личность глубокая, совестливый человек, страдающий и переживающий, тонко чувствующий может соотнести свой жизненный эмоциональный опыт с эмоциональным опытом в театре.

Как здесь не вспомнить И. Канта: «две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» (И. Кант. Соч. в 6 т. М. 1965, т. 4, часть 1, с.499-500).

В одном из интервью В. Стариков, делясь впечатлениями о спектакле «Лев зимой», отмечает: «А «Лев зимой»? Казалось бы, причем здесь православие и этот буйный английский король, у которого понятия о нравственности христианству не очень-то соответствуют?! У него не соответствуют, а у меня — соответствуют. И есть в спектакле моменты, которые мы с Владимиром Андреевым (кстати, он глубоко верующий православный человек) оговаривали и к которым вели роль Генри. И главное, что мы хотели сказать зрителю, состоит в следующем: если ты всю жизнь жил для себя, в свое удовольствие, то ты останешься в старости один, без любви, потому что ты предал ее. Христос есть любовь. А ты лишил себя любви, значит и Бога».

К слову, на Втором Международном театральном фестивале «Золотой Витязь» в ноябре 2004 года в Москве этот спектакль белгородцы играли на Таганке. Режиссер В. Андреев удостоен премии за лучшую режиссуру, а В. Стариков за лучшую мужскую роль.

Поставленный народным артистом СССР, главным режиссером В. Андреевым в Белгороде и спектакль «Старинная лампа» принес В. Старикову удовлетворение в работе. Заслуженные артисты России М. Русакова и В. Стариков удостоены диплома на Международном театральном фестивале на Волге «Он и Она».

Казалось бы, небольшая роль слуги Хлестакова — Осипа, дала актеру возможность доставить зрителям огромную эстетическую радость. В Стариков блестяще донес до нас жизненную логику этого человека, подчеркнул колоритные штрихи русского национального характера. Его простодушно-плутоватый Осип неподражаем. Это удивительно запоминающийся образ.

Николай Жегин в статье «Вы, нынешние, — нут-ка!» («Культура» № 44 10-16 ноября 2005), анализируя роль Скалозуба в исполнении Старикова в спектакле «Горе от ума» (постановка Бориса Морозова) пишет: «Старая Москва «с человеческим лицом», быть может, более всего явлена в фигуре полковника Скалозуба, в превосходном исполнении Виталия Старикова. Не монстр, не маска, каким его когда-то изображали, даже любознателен, хотя что правда, то правда соображает туго».

Наверное, многим белгородцам, которые редко ходят в театр, а знают Виталия Алексеевича как ведущего программ ГТРК и считают диктором номер один на нашем телевидении, представить его в такой роли сложно.

Жизнь в Москве в 80-е годы прошлого века, работа в Центральном Доме Советской армии, посещение всех спектаклей театра Советской армии и ведущих театров

В этом году артисту Белгородского государственного академического драматического театра им. Щепкина Виталию Алексеевичу СТАРИКОВУ присвоено звание Народного артиста России

1995 год. Никита Романович Серебряный ("Князь Серебряный").

1997 год. Великатов ("Таланты и поклонники").

2003 год. Генри ("Лев зимой")

2003 год.
С народным артистом СССР Владимиром Андреевым.

2002 год.

1996 год. Интервью с Патриаршим Экзархом всея Беларуссии митрополитом Минским и Слуцким Филаретом.

2006 год. Иерусалим. Благодатный огонь.

Москвы сделали свое дело со мной как со зрителем. Редко хожу в провинциальный театр. Если иду на спектакль, то на конкретных исполнителей.

Скалозуб в исполнении В. Старикова и Фамусов в исполнении Н. Черныша в спектакле БГАДТ это высочайший уровень настоящего русского театра. Этот спектакль надлежит посмотреть каждому белгородцу и гостю нашего города. Увидеть то, как герой В. Старикова смотрит, молчит, ходит, садится и держит слово.... дорогого стоит. В кровь и в плоть вошел этот образ. На вербальном и невербальном уровнях считывается характер образцового служаки, привыкшего к седлу, «с четко спрямленными как на параде мозгами»…

В. Стариков — диктор ростовского телевидения. Ростов-на-Дону. 1984

Виталий Алексеевич готов находить себя в новом качестве. Но в каждой роли, в каждом новом деле он остается самим собой. В газете «Смена-Зебра» № 22 от 17 марта 2004 года В.Стариков отмечает: « а в тех ролях, которые я играю, стараюсь найти свой монолог, в котором утверждаю православный образ жизни. «Месяц в деревне» взять — там, прежде всего понятие о чести. Хотя, образ моего героя Ракитина можно трактовать по-разному. Например: слабый мужик, который ничего не может, любит, а к действиям не способен. Мы же с режиссером Анатолией Морозовым пытались показать, что для Ракитина честь — это не пустой звук и понятие греха для него существует, несмотря на всю страсть. Он себя останавливает, сдерживает, жертвует. Разве это не кодекс православного человека?!»

Режиссер Анатолий Морозов в статье «Шаровая молния обжигающей истины» («Театральная жизнь», 1998 № 11-12, с.44) пишет: «именно сегодня, когда система оболванивания и уничтожения личности правит, казалось бы, бал, зритель которого я знаю, приходит в театр, чтобы поднять голову, ощутить свое человеческое достоинство, возыметь надежду в завтрашний день, почувствовать себя человеком. Легко возразить: «Да не такой сегодня зритель, не за этим он приходит в театр!»… В столицах, может быть, и не такой, а в глубинке, смею думать, такой. И не премьерный зритель, а самый простой обыденный, включая школьников и пэтэушников, замирает и взрывается аплодисментами, когда Виталий Стариков, в роли Ракитина из «Месяца в деревне», нахлобучив себе шляпу, в финале, произносит: «Честь имею!» — и уходит с высоко поднятой головой. Зритель здесь аплодирует не только актеру, но, прежде всего, ему, Виталию Старикову, за ощущение понятия чести в себе».

Путь к этому успешному исполнению роли был далеко не прост. Как отмечает сам Виталий Алексеевич ему нравилась постановка тургеневского «Нахлебника» с блестящей работой Грибова. А пьеса «Месяц в деревне», с предложенной ролью Ракитина, казались актеру «чужими» и не очень интересными. Герой представлялся ноющей мямлей… Виталий Алексеевич неоднократно повторял в своих интервью, что режиссер А.А.Морозов «в режиссуре — философ, в каждой роли он умеет найти необычайное звучание»…. Режиссер тонко чувствующий актера, любящий его, уважающий не только за профессионализм, но и за гражданское понимание чувства долга, ответственности, совести, чести — помог актеру блестяще сыграть эту роль. По образному выражению А. Морозова удача в театре , это чудо, « когда растворяется грань между актером и персонажем. Актером и режиссером, режиссером и автором, тогда на сцене совершается нечто, неопределяемое одним словом. И это не жизнь в ее правдоподобии, но это и не искусство в его профессиональном исполне-

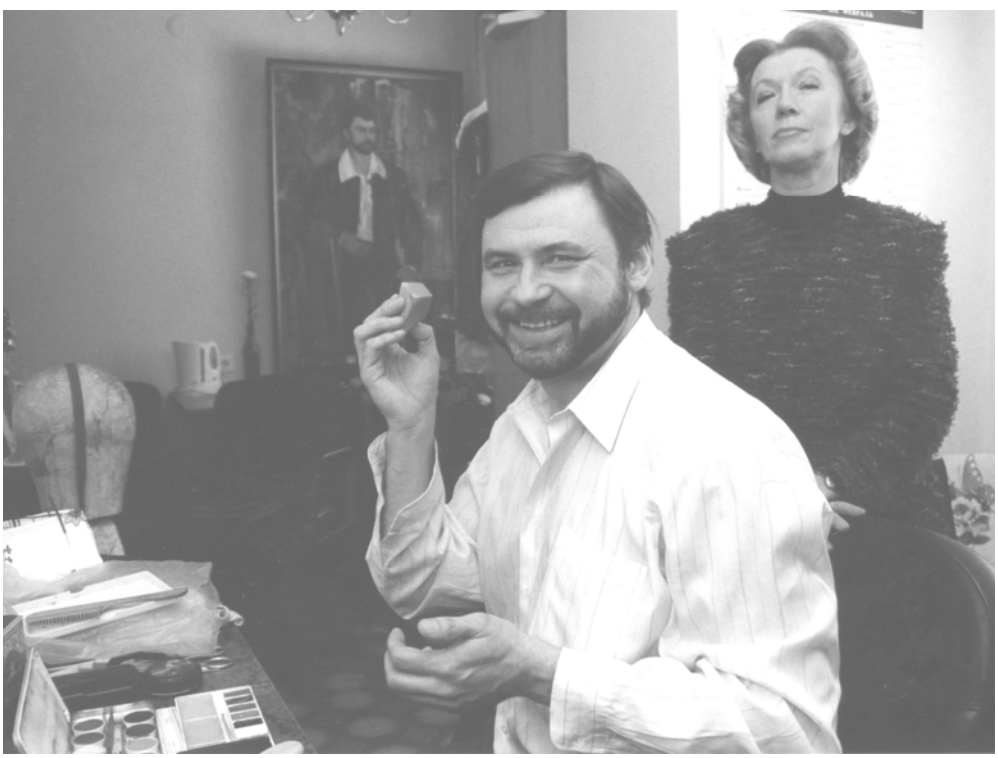
нии, это что-то « над» и «вне». Это как шаровая молния, зыбко дрожащая в воздухе, готовая или ринутся в неизвестном направлении, или взорваться, обжигая всех и вся неким мгновением истины». («Театральная жизнь» 1998г. №11-12, с.44)

Исполнение роли Ракитина принесло В. Старикову звание лауреата премии М. С. Щепкина и привело к «отрадному» результату. «Мы столько обнаружили в нем сегодняшнего! Ракитин — это личность, тонко чувствующая, обладающая способностью любить так, что любовь становится его сущностью, как и для самого Тургенева потом станет его чувство к Полине Виардо. При этом для Ракитина понятие чести — «великая вещь». Любовь Ракитина не получила своего «бытового» завершения, — не в силу его слабости, а в силу его понимания нравственного долга и чести» — отмечает актер. Именно философия жизни самого В. Старикова, миропонимание гражданина, актера, журналиста, педагога, страстное убеждение в том, что никогда Россия не была и не будет страной без чести и совести, наполняет душу высотой Духа. Все это помогает актеру в наше суетное время, достучаться до каждого зрителя, в котором есть хоть малая толика этой самой порядочности.

Если имеешь дело с одаренным актером, то в процессе работы с ним над ролью может измениться первоначальная концепция образа.

Трудной была работа у актера над образом князя Владимира в спектакле «Креститель». Виталий Стариков отказывался от предложенной роли. Пьеса ему казалась слабой и престранной, с точки зрения православия.

В ней равноапостольная княгиня Ольга (бабушка) являлась внуку в видении и призывала к убийству. Под влиянием актера пьесу переписывали. Как подчеркивает Виталий Алексеевич: «Этот спектакль важен для меня тем, что впервые театр заговорил о православии. Я играл в нем не святого, на что вряд ли бы решился, а человека, только приходящего к вере. Мы ведь все, так и продирались к вере, как князь Владимир: через языческое мироощущение, через признание чего-то, что непременно должно существовать за пределами нашей жизни. Когда в финале со сцены зву-

С женой Людмилой. 2004

чит подлинная молитва князя Владимира, у меня всегда возникает ощущение, что вот здесь мы закончили играть, и началась реальность. Это я, Стариков, говорю! Может быть, звучит парадоксально, но сцена это место, где человек может быть самим собой. Если чувства, которые пытаешься изобразить, не твои, — это резонерство, пустота. Всегда должна быть внутренняя точка опоры, «совпадение» с ролью. А если образ отрицательный — это то, что я отрицаю, не приемлю». («Белгородская правда», 19 марта 2004)

Паратов («Бесприданница»)
2000 год

Владимир, в исполнении В. Старикова, у меня как у зрителя рождает множество исторических, культурологических и художественных ассоциаций. Трактовка роли сознательно лишена какой-то одной нарочитой ноты. Она переведена в регистр общечеловеческих отношений. В этом образе подлинное выражение духовной жизни народа в ее истинном объеме (во всей сложности и реальности противоречий). В наше время стало модным говорить о своих православных корнях и убеждениях. Но говорить о христианской психологии и антропологии, не касаясь вопроса о христианском понимании пластичности души, невозможно. Как истинный художник В. Стариков вкладывает в образы своих героев свои раздумья о мире, отражает пластичность собственной души и собственную нравственную рефлексию.

Гносеологический аспект нравственного отношения к самому себе будет неполным, если остановиться только на одном смысле его: «познай самого себя». Для русского человека, моральная саморефлексия выступала в форме «оперативных» оценок своих мыслей, поступков, действий, желаний и чувств. Она помогала человеку переосмыслить свое поведение, побудить его к извинению, прощению, покаянию. У Свт. Иоанна Златоуста есть слова: «Грех — это рана, покаяние — лекарство. В грехе — стыд, в грехе — позор; в покаянии — дерзновение, в покаянии — свобода, в покаянии — очищение от греха».

Не скрою, меня как зрителя не все в спектакле «Креститель» эстетически радовало. Но финал пьесы — прозрение князя Владимира, призыв к духовному просветлению, покаяние потрясли до глубины души. Молитва Владимира (Старикова) помогла каждому участнику спектакля (и на сцене, и в зале) получить благодать, восполнить духовные силы, активизировать собирательную волю к Добру. Нравственный долг актера, личности сильной, наполненной, особенно ярко высвечивается в этой работе. Роль так насыщена содержанием и человеческими чувствами, что поражает магическим воздействием на зрителя. Слушая молитву Владимира, зрители встают, ощущая необходимость проведения анализа своих внутренних движений души. Их помыслы устремляются в тот духовный мир, где царит гармония. Не случайно, на Руси, молитву называли «дыханием духа». Живой не может не дышать, духовно живой не может не молиться. Древние подвижники, встречаясь, спрашивали друг друга не «как поживаешь?» или «как твое здоровье?», а «как твоя молитва?»

Как зритель, я благодарна актеру и журналисту Старикову за то, что всем своим жизненным и творческим проявлением он убеждает нас в том, что «Для молитвы неба хватит, потому что в небе Бог!»

На вологодском фестивале «Голоса истории» в 2001 году Виталий Стариков удостоен диплома за роль князя Владимира в спектакле «Креститель».

Наверно, наивно думать о том, что у Виталия Алексеевича все гладко и успешно. Он в самом расцвете творческих сил, в прекрасной форме, в продуктивном возрасте, а ролей не так уж много — две роли в год.

Анатолий Морозов, вспоминая о встречах с удивительными актерами в разных городах России, подчеркивал, что их немного в каждом театре, с которыми хотелось бы работать, но они есть. Те, кто более, чем просто профессионалы». Отмечая БГАДТ, А. Морозов называет: «Марина Русакова и Виталий Стариков, Николай Черныш и молодая Людмила Шмелева. Они все личности и несут свой крест и верują!» (Театральная жизнь» №11-12 с.44)

С сыном Никитой. 2005 год

Виталию Алексеевичу много дано, поэтому и спрос с него велик. Мне всегда больно и грустно, когда от некоторых белгородцев слышу вопросы, касающиеся религиозности В.Старикова «действительно ли Виталий Стариков так глубоко религиозен, как старается казаться?», «Стариков, чем ближе к святым отцам, тем неприступнее становится…».

Всем этим людям хочется ответить — «ему не надо казаться, он таков, какой есть». С ним легко потому, что он умен, образован, стабилен, поразительно надежный человек, естественен, но не все это понимают и готовы оценить по достоинству. Всегда восхищаюсь его органикой в актерских и журналистских работах.

На телевидении он всегда выразителен. Он предстает доверительным собеседником каждого телезрителя, а не всех. Неслучайно, Виталий Стариков дикторскому мастерству учился у Игоря Кириллова, Евгения Кочергина, Анны Шатиловой, Веры Шебеко.

Актер, журналист, педагог подает материал в православных передачах так, что он наполняется интимным дыханием. Зрителю разных возрастов кажется, что именно с ним говорят о сокровенном. Более двенадцати лет занимается В.Стариков православной журналистикой. Ведь чего греха таить, многих привлекала в 90-е годы прошлого века эта тема. Но как-то само собой от нее отошли многие журналисты, а Стариков остался.

В выступлении на III-х Международных Иоасафовских чтениях в г. Белгороде в декабре 2005 года, с пронзительной точностью Виталий Алексеевич характеризует истинное положение дел: «Журналист теперь ценится за умение сделать скандал, развлечь или заявить о собственной персоне. На телевидении сейчас засилье массовиков-затейников, конферансье, а не вдумчивых журналистов. И, даже, обращающиеся к религиозной теме, юные дарования, работают с фактом, а не смыслом, часто не способны в факте раскрыть смысл. Один пример: репортаж из Холковского монастыря. Фраза: «У него была несчастная любовь, он решил больше никогда не жениться и поэтому ушел в монастырь». Сами понимаете, для православного человека такая трактовка кощунственна, смысл иночества извращен».

Мне не раз приходилось участвовать в различного уровня конференциях, давать интервью, воочию видеть и слышать выступления коллег. Каково бывает недоумение, когда смотришь потом информацию по телевидению и начинаешь себе задавать вопрос: «А где все это было и откуда этот материал?» Вот уж воистину: «Нам не дано предугадать, как Слово наше отзовется…».

Тысячу раз прав Виталий Алексеевич, когда говорит: «Чтобы тебе поверил зритель и в его душе произошел катарсис, надо самому хорошо прочувствовать разницу между словами «служить» и «прислуживаться», надо самому жить по чести. Ответственности и вдумчивости не хватает многим журналистам, работающим в пространстве светского вещания»…

За фильм «Возрождение Белгородской епархии» (2001) В. А. Стариков удостоен Специального приза Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.

Знаковым событием в жизни святого Белогорья стал фильм Виталия Старикова о «Схождении Благодатного огня», созданный по благословению архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна.

В течение 10 лет жители города и области имеют возможность видеть православную программу В. Старикова: «Путь, истина, жизнь», выходящую по благословению правящего архиерея и с одобрения губернатора. Эта программа, наряду с другими передачами («Истоки», «Православное обозрение») белгородского телевидения, подготовленными В.Стариковым, убедительный результат высокого служения делу духовного возрождения России. В нем четко просматривается концепция В.Старикова как журналиста: представлять православие не как явление, относящееся к прошлому, а дать современную модель православной жизни. «Мы должны не пытаться подменить телепрограммой богослужение — это и невозможно, а показать красоту православия так, чтобы человеку захотелось помолиться, захотелось прийти в храм, стать лучше, добрее... Каким будет телевидение, таким будет и народ».

Безусловно, путь к заслуженной награде Ордену Русской православной церкви Преподобного Сергея Радонежского III степени был далеко не простым. Глубокое изучение православной истории, поездки по святым местам, общение со священнослужителями и прихожанами разных городов, журналистская практика, постоянная работа над собой, преданность делу и душа, взыскующая Красоту и стремящаяся жить по Чести — вот это его путь к Храму, а у каждого из нас он свой.

Огромный объем журналистской, актерской и преподавательской работы В. А. Стариков выполняет с честью. Он умеет ладить с людьми, умеет их понимать. Виталий Алексеевич коммуникабельный человек. Ему веришь, потому что он знает то, о чем он говорит и, если он так делает, значит так надо. В его делах всегда ощущается моральная ясность.

К сожалению, я не знакома с его семьей, но по публикациям, по репликам Виталия Алексеевича, по всему его жизненному проявлению понимаешь, что он мог состояться как личность, имея хорошие тылы. У такого человека прекрасная семья, подругому и быть не может, ибо он стремится к гармонии и умеет гармонизировать свою жизнь в наше далеко не простое время.

Вся его жизнь убедительное доказательство, что он глубоко верующий человек. Виталий Алексеевич часто повторяет: «Мне всегда интересно жить». Это одно из важнейших качеств жизни православного человека — благоговение перед жизнью.

Печально, но это свойство личности утрачено не одним поколением наших современников. «Что такое сердце милующее?» — спрашивает себя святой Исаак Сирин и отвечает: «Возгорание сердца у человека о всем творении, о людях, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари …»

Эстетические отношения искусства к действительности в XIX в. многих русских просветителей складывались под девизом: «Содрогание о зле есть высшее на свете благо». Отрадно, что в наше стремительное время есть такое явление в общественной жизни как творчество Виталия Старикова. Оно аккумулирует знания и духовный опыт русской классической литературы, философии, основ православной культуры и искусства, психологии творчества, истории театра. Искусство В. Старикова отражает верный «сколок» жизни и активизирует собирательную волю к Добру и Красоте.

Деятельность В. Старикова является убедительным примером патриотического служения Отечеству в философском понимании патриотизма как нравственного качества, в наибольшей степени выражающего общественное начало в природе человека, его социальную сущность.

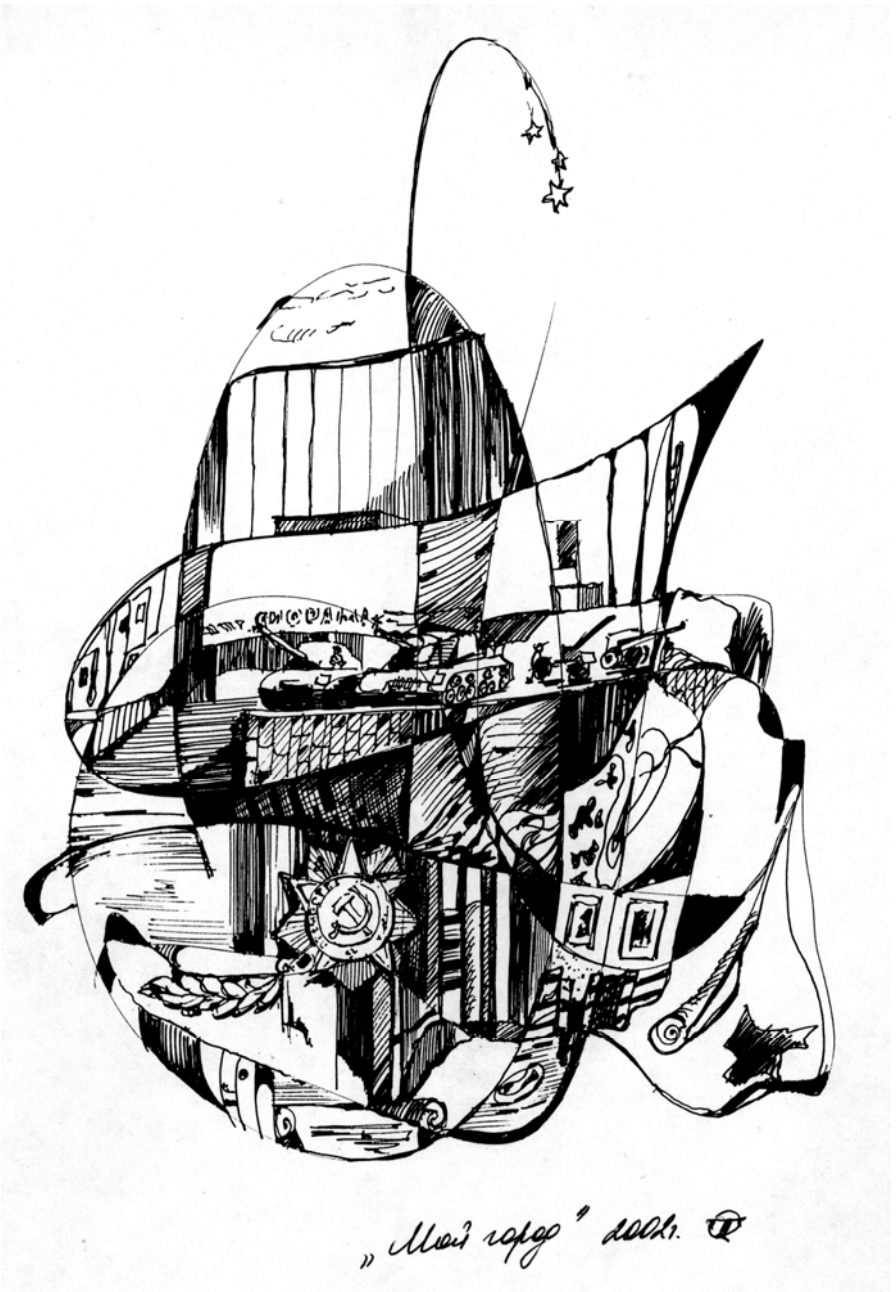

ТКАЧЁВА
ОЛЬГА ИВАНОВНА

МОЙ ГОРОД
из графического цикла

Родилась в Белгороде 12 декабря 1970 года. В 1993 году окончила художественно-графический факультет Курского государственного педагогического института. Имеет 12-летний стаж педагогической работы в учреждениях образования и культуры. Неоднократная участница областных художественных выставок графических и живописных работ. На XII Областной молодежной выставке стала дипломантом в номинации: «За уверенное решение творческих задач». В 2001 году была участницей Московской творческой школы изобразительного искусства «Новые имена». В январе-феврале 2002 года в Областной научной библиотеке состоялась персональная выставка живописных работ Ольги Ткачевой. В данный момент работает преподавателем факультета дизайна Белгородского государственного института культуры. Имеет ряд публикаций по вопросам философского осмысления изобразительного творчества художником и зрителем.

ШКИЛЬ
АНАТОЛИЙ ДОРОФЕЕВИЧ

Родился в 1936 году на Украине. Образование — высшее техническое: окончил радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники. Работал инженером на заводах, в проектных и конструкторских институтах Екатеринбурга и Белгорода. Неоднократно награждался почётными грамотами, ему присвоено звание «Лучший по профессии». Стихи и прозу публиковал в периодической печати ещё со школьных лет. Большой интерес читателей вызвала статья «Пушкин в Весёлом Подоле». Помимо профессиональной деятельности интересуется литературой, историей, искусством, краеведением.

К столетию со дня трагической гибели Георгия Аполлоновича Гапона

От редактора:

Минуло сто лет со дня жестокой казни «попа Гапона» — так учили презрительно называть его в советской школе. Большевистские горе-историки извратили нашу отечественную историю до неузнаваемости. Пришло время очистить доброе имя замечательного патриота России, Священника с большой буквы Георгия Аполлоновича Гапона от мусора, нанесённого на эту историческую личность заидеологизированными функционерами-услужниками прошлого режима. Мастера поддела истории так глубоко вбили в наше подсознание отрицательный стереотип, что даже сейчас, при нынешнем нашем частичном прозрении, когда я слышу это словосочетание — «поп Гапон» — сразу у меня срабатывает чувство отторжения к этому человеку.

Нам внушали: «…Он пытался обработать рабочих в духе преданности царю и православной церкви, настроить их против революционеров, проповедовал идеи классового мира». («Большая Советская энциклопедия», том 6, стр. 116, третье издание, 1971 год). То есть, боролся против злодейской и кровавой марксистско-ленинской революционности.

Читать эту вышеприведённую большевистскую выворотку надо следующим образом: Георгий Апполонович Гапон был за мирное, эволюционное, без жертв развитие общества, без классовой схватки, что всегда оборачивается большой кровью, за разумные реформы, облегчающие жизнь трудящегося человека, а, следовательно, и укрепляющие, а не разрушающие государство; выступал против интернациональных революций, привнесённых из экспансивного Запада, повлёкших геноцид русского народа в целом и подрыв его генофонда. То есть, мыслил нормально! Как здоровый человек, а не космополиты с нарушенной психикой.

Читаем далее в той же энциклопедии: «По инициативе Гапона была выработана петиция и организовано шествие рабочих к царю». В петицию были включены: «…введение 8-часового рабочего дня, предоставление демократических свобод… требования рабочих могли быть осуществлены только революционным путём. Большевики предупреждали об этом».

Вишь, как «заботились» большевики о рабочих!

Опять несусветная ложь!

Прочтение вышеуказанного текста следующее:

Им, большевикам, до лампочки были эти рабочие с их требованиями! Им нужна была кровь этих самых рабочих для насильственного захвата власти в свои руки при помощи обмана: «Земля — крестьянам, заводы — рабочим!»

Ну что, рабочие и крестьяне? Олухи? Получили «землю и заводы?»

Ещё — как прячут своё подлинное обличье «вечные революционеры»: «28 марта 1906 года в Озёрках (под Петербургом) судим группой рабочих и повешен». Обратите внимание: **«группой рабочих».** Где вы видели рабочих Рутенберга, Евно Фишелевича Азефа и подобных им — прямых организаторов и исполнителей убийства Георгия Аполлоновича Гапона?

Дело в том, что Георгий Аполлонович по своей душевной простоте и чистой незапятнанной морали не мог отвязаться от назойливых «революционеров», таких как, скажем, тот же Азеф. С одной стороны Азеф был вроде за пролетариат, руководил убийствами русских государственных деятелей, втираясь в доверие наивнякам из охлоса, а с другой, будучи двойным агентом, предавал революционеров царской охранке, за что грёб огромные деньги — ну, истый Иуда!

А следующее — ещё более серьёзно!

Г. А. Гапон основал «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», где, согласно уставу, членами этой организации могли быть рабочие **«…непременно русского происхождения** (подчёркнуто нами — В.Ш.) и христианского вероисповедания». (Большая Советская энциклопедия», том 24-1, стр 10, третье издание, 1976 год).

Ишь, как взвыли большевики и прочие эсеры! Георгий Аполлонович как истинный русский человек исключал их из игры, хотя для того, чтобы пролезть в это национальное движение, оставалась лазейка: христианского происхождения могли быть и иные — все народы, населяющие страну, вне зависимости от национальной принадлежности, чем сразу воспользовались мастера подделa — бого-перевёртыши.

«Русского происхождения» — нож в сердце ревнителям закона о национальной розни, по всему миру насаждающим эту рознь по принципу: держи вора!

Как видим, Священник стремился создать русское национальное православное государство в противовес подлым западникам, которые веками стремились покорить Россию с целью захвата её несметных богатств, а народ превратить в легко управляемое безнациональное месиво. Поэтому **национальное государство** — тоже нож в сердце «вечным революционерам».

Такова подлинная правда истории, очищения от большевистских извращенцев.

И коль в России уже в течение столетия идёт революция за революцией, то не худо зарубить себе на носу зловещий план одного из главных современных теоретиков нового «мирового порядка» Збигнева Бжезинского:

«Хотя Соединённые Штаты расположены далеко, их роль со ставкой на сохранение геополитического плюрализма в постсоветской Евразии просматривается на общем фоне как постоянно возрастающая по значимости в качестве косвенного действующего лица, явно заинтересованного не только в разработке ресурсов региона, но и в предотвращении того, чтобы только Россия доминировала на геополитическом пространстве региона. Действуя таким образом, Америка не только преследует масштабные стратегические цели в Евразии, но и демонстрирует свои растущие экономические интересы, а также интересы Европы и Дальнего Востока в получении неограниченного доступа к этому до сих пор закрытому району.

Беспокоит то, что в российской политической элите есть люди, которые действуют так, будто они предпочитают, чтобы ресурсы региона вообще не разрабатывались, если Россия не в состоянии всецело контролировать туда доступ. Пусть богатства останутся неразработанными, если альтернативой является то, что иностранные инвестиции приведут к более непосредственному удовлетворению экономических, а следовательно, и политических интересов других государств. Такой частнособственнический подход имеет корни в истории, и требуются время и нажим извне, чтобы он изменился». (Збигнев Бжезинский «Великая шахматная доска». Изд. «Международные отношения». М., 1998. Стр. 168-169).

Задум написан десять лет назад, сейчас он осуществлён: гитлеровцы непосредственно оккупировали нашу территорию, бжезинские — через наших домо-

рощенных посредников. Захват наших богатств им мало. В мире запахло гарью джихада. Свои руки мазать кровью они не станут. Тот же Бжезинский нашёл выход: «Мы уничтожили Советский Союз… Америка будет строить мир без России, на обломках России и за счёт России».

То есть, за счёт Русской крови.

— Пожалуйста, — отвечает нам доморощенный истеблишмент, — только сначала мы обуем и оденем армию, накормим её, снастим современным оружием, обучим, а потом… будьте любезны…

Масоны-декабристы… революционные демократы… эсеры… большевики…, наконец, «демократы» в кавычках — всё это звенья одной и той же преступной цепи. В мутном потоке нашего бренного жития вспыхивали яркими искринками имена патриотов, чинивших отпор вселенскому злу. В этот почётный ряд героев, славных сынов Отечества золотыми буквами вписано имя Георгия Аполлоновича Гапона.

В. Шаповалов

«СОВЕСТЬ МОЯ ЧИСТА»

И познаете истину, и истина сделает вас свободными
Евангелие от Иоанна 8.32

В начале XX столетия в бурной жизни столицы Российской империи он был достаточно заметной личностью. Знакомится с известными общественными деятелями, художниками, артистами, писателями. О нём узнают даже император и императрица. Его слава растёт. То был священнослужитель Гапон. Своими проникновенными проповедями он привлекал сотни верующих.

Георгий Аполлонович Гапон родился 17 февраля 1870 года в селе Беляки Полтавской губернии в крестьянской семье. Там же он получил и первоначальное христианское воспитание. Когда в семилетнем возрасте пошёл в школу, то, будучи очень одарённым мальчиком, обратил на себя внимание священника, преподавателя Закона Божьего. Поэтому, хотя мечтал быть врачом, он всё же решил стать священнослужителем: лечить человеческие души полезнее, нежели болезни. После школы поступил в Полтавское духовное училище, затем окончил семинарию и выдержал тяжёлый экзамен в Петербургскую духовную академию, в которой учился с 1898 по 1903 год. Его повседневным правилом стало служение правде и народу. Духовными учителями его, прежде всего, были Лев Толстой и Тарас Шевченко. «Кто понимает учение Христа, — писал Толстой, — у того будет и вера в него, потому что учение его — истина». И в Христе Гапон видел идеал служения человечеству. Шевченко открывал глаза на тяжёлую жизнь простого народа, затрагивал в душе тончайшие струны благородства и отзывчивости на человеческие беды.

Образование и положение в обществе давали возможность Гапону вести вполне обеспеченную и спокойную жизнь, что, кстати, и делало подавляющее большинство людей из его сословия. Но он не мог равнодушно смотреть на обнищание крестьян, изнуряющие условия труда рабочих на производстве. Чтобы быть ближе к обездоленным, вместе с бездомными ночует в ночлежках, посещает трактиры, где собираются рабочие. Часто отдаёт нуждающимся последние деньги или одежду прямо с себя. Человеческая боль всегда находит отзыв в его сердце. Но где выход? Что необходимо сделать, чтобы улучшить жизнь людей? Политические партии того времени к этому кардинальному вопросу подходили по-разному. Социалисты-революционеры (эсеры) для этого применяли террор против чиновников, полицейских и высокопоставленных лиц. Большевики вели агитацию за вооруженное восстание и другие методы революционной борьбы. Но это был насильственный путь, связанный с многочисленными жертвами, с которыми Георгий Гапон согласиться не мог. К тому же, как писал русский философ XX века Николай Бердяев: **«В революции не бывает и**

не может быть свободы, революция всегда враждебна духу свободы». Георгий Аполлонович был истинным христианином, верным последователем учения Христа, который был решительным противником насильственных методов, о чём сказано в Евангелии от Матфея и Евангелиях других авторов:

«Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злому» (Евангелие от Матфея 5, 38-39).

«Тогда подошли и положили руку на Иисуса, и взяли Его. И вот один из бывших с Иисусом, простёрши руки, извлёк меч и, ударив раба первосвященника, отсёк ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: Возврати меч твой в его место, ибо все взявшие меч, мечом погибнут» (Евангелие от Матфея 26, 50-52).

Георгий Гапон. Петербург. 1905

Если революционеры действовали в глубоком подполье, то Георгию Гапону не надо было прятаться от власти, как преступнику, ибо его вера, убеждения и мировоззрение носили мирный характер. И он вступал на легальный открытый ненасильственный путь, не прячась от полиции и с ведома правительства. С одним из руководителей Департамента полиции С. В. Зубатовым Георгий Гапон создаёт организацию «Собрание российских фабрично-заводских рабочих». Численность членов этой организации быстро растёт и к концу 1904 года уже превышает 10 тысяч человек. Рабочие получили долгожданную свободу собраний и взаимопомощи, организацию досуга и самообразования. На вечерах проводятся учёба, воскресные концерты, лекции, рекомендуется применять легальные забастовки, предъявлять хозяевам ультиматумы, когда рабочие жаловались на рабские условия труда, штрафы за наименьшие провинности. Георгий Гапон заверял, что всё изменится к лучшему, царь просто не знает всей правды. Так и возникла идея пойти с петицией к царю. Её подхватили сотни тысяч людей, и остановить их было уже невозможно. В это время Гапон был самым популярным человеком в массах. Его имя переходило из уст в уста от рабочих к крестьянам. Его портреты можно было найти везде — в городе и деревне. Он первый всколыхнул городской пролетариат. Некоторые считали его даже пророком, явившемся от Бога для защиты рабочего люда. И вот в воскресенье 9 января 1905 года рано утром со всех концов Петербурга люди колоннами двинулись к центру города на Дворцовую площадь. Следует сказать, что, выражаясь современным языком, демонстрация не была санкционирована властью. Но рабочие этого не знали и думали, что всё законно: ведь они шли с хоругвями, иконами, царскими портретами и священником впереди. Если бы царь Николай II и его правительство могли предвидеть, к каким последствиям приведут события этого дня, они, пожалуй, действовали бы по-другому. Но министр внутренних дел Святополк-Мирский доложил царю, что в столице всё спокойно и государь может не волноваться. Царь покидает столицу. Правительственные меры не допустить демонстрацию оказались недостаточными, а генерал-губернатор Петербурга великий князь Владимир Александрович решил «проучить смутьянов» и отдал приказ войскам расстрелять безоружных людей. Было убито и ранено свыше

Г. Гапон. Последний снимок

5 тысяч людей (только по официальным данным погибло 130, ранено 299), среди них люди преклонного возраста, женщины и дети. Этот день прозвали «кровавым воскресеньем». Своими действиями царь и его правительство подписали себе смертный приговор. Как писал вождь большевиков В. И. Ленин: «События 9 января 1905 года явились началом революции 1905-1907 годов, без генеральной репетиции которой революция 1917 года была бы невозможной». Несмотря на то, что дом Романовых правил Россией почти 300 лет, 9 января была убита вера в царя, что и привело к падению дома Романовых в 1917 году. Следует сказать, что представители революционных партий социалистов приложили много усилий, чтобы шествие к Дворцовой площади состоялось, и даже участвовали в составлении петиции. Но когда демонстрация закончилась трагедией, постарались скрыть своё участие, а всё свалить на Гапона, обвинив его в провокаторстве. В политике цинизм и ложное обвинение — обычное дело, но обывателю порой трудно разобраться в том, что власть всегда держится на обмане, и он может долго заблуждаться. 9 января было началом трагедии не только для России, но и для Георгия Гапона. Священный Синод лишил его сана священнослужителя, а царское правительство объявило опасным преступником. В ответ Гапон проклял солдат и офицеров, которые убивают своих братьев, а царя назвал изменником. Было отдано распоряжение немедленно арестовать Гапона. Но ему, проявив мужество и выдержку, всё же удалось избежать жандармских ловушек, а затем и с большим риском перейти границу. За границей он опубликовал несколько оскорбительных открытых писем царю Николаю II. 17 октября 1905 года правительством был издан Манифест об амнистии преступников, и Гапон смог возвратиться в Петербург, хотя и оставался лишённым гражданских прав. Рабочие встречают его, как героя. И от него, как от лидера рабочего движения, революционеры в декабре 1905 года потребовали вывести рабочих на улицы и поддержать восстание в Москве. Но ещё свежи были воспоминания о трагических событиях 9 января, и он решительно отказался, чтобы не допустить новой кровавой бойни. Этим незамедлительно воспользовались его политические враги, которые пристально за ним следили и выжидали время, чтобы его скомпрометировать и ослабить влияние на рабочее движение. Его обвинили во всех смертных грехах. Гапон был вынужден опубликовать 18 февраля 1906 года заявление, в котором, отвечая на развязанную травлю, писал: «Я прислушиваюсь больше к голосу своей совести. Совесть моя чиста». Особенно в нападках упорствовали эсеры и большевики. Гапону приклеили ярлыки провокатора, убийцы и агента царской охранки. 30 апреля 1906 года Гапон был найден повешенным со следами жестоких истязаний и обезображенным лицом на одной из дач в пригороде Петербурга — Озёрках. Дачу, на которой произошло убийство, снял на лето некий господин Путилин. Как установила полиция, под этой фамилией скрывался эсер Рутенберг, но тот уже успел быстро сбежать за границу. Позже стало известно, что санкцию на убийство Гапона дал один из организаторов партии эсеров и

руководитель её «боевой организации» Евно Азеф, искусный интриган и провокатор. Он одновременно был тайным сотрудником царской охранки, о чём члены партии, разумеется, не подозревали, даже когда Азеф выдал полиции съезд представителей партии эсеров в Харькове. По его доносу полицией было казнено 7 членов «боевой организации» и выдан почти весь её состав. В тоже время он руководил несколькими громкими террористическими актами, в том числе убийством министра внутренних дел Плеве, великого князя Сергея Александровича и др. Азеф действовал расчётливо и безжалостно. И то, что ему долгое время удалось скрыть своё двойное лицо, говорит о том, что он заблаговременно устранял малейшие признаки грозившего ему разоблачения, и судьба Георгия Аполлоновича была предрешена. Азеф действовал в «своём ключе». Убийство Гапона возложил на Рутенберга, а сам принял все меры, чтобы оказаться в стороне от этого преступления. Как в древние времена. Понтий Пилат, благословив Христа на распятие, сказал, что он к этому не имеет никакого дела и умывает руки, так и Азеф после убийства Гапона заявил, что он к этому не имеет никакого отношения, а убийство Гапона — частное дело Рутенберга. Была предпринята попытка как-то оправдать совершённое злодеяние. Очередной раз Гапона цинично и безосновательно обвинили в том, что он якобы являлся агентом охранки, собирался выдать полиции членов «боевой организации» и за свою якобы провокаторскую деятельность понёс заслуженную кару. Но рано или поздно тайное становится явным. В конце концов, выяснилось, что агентом охранки был Азеф, который за свои «услуги» получал от полиции крупные суммы денег. Члены Центрального Комитета партии эсеров были поражены, когда им стало известно, кем был Азеф на самом деле. Их негодованию не было границ. Когда на квартиру Азефа в Париже пришли представители ЦК Чернов, Савинков и Панов «поговорить» с ним, тот, хорошо зная, чем всё это может закончиться, благоразумно постарался скрыться в «неизвестном направлении». Заметая следы, менял паспорта и петлял по странам Европы. Нигде долго не задерживался, пока, в конце концов, не поселился в Германии, разумеется, сменив фамилию. Что касается убийства Гапона, то есть предположение, что он стал жертвой сговора Азефа и охранки, которая дорожила своим очень ценным агентом и, чтобы его не «засветить», был принят и осуществлён тщательно разработанный коварный план устранения Гапона. Такой вывод можно получить, если попытаться установить исполнителей и заказчика убийства Гапона.

Исполнители — члены «боевой организации» партии эсеров, причём основную роль здесь сыграл Рутенберг. О том, как он заманил Гапона в ловушку, устроенную на даче в Озёрках, и там с сообщниками учинил над своей жертвой самосуд, Рутенберг откровенно пишет в своих мемуарах. В них каждая строка дышит неприязнью к Гапону, причину которой нетрудно понять. Рутенберг пишет, что якобы отец Георгий предложил ему за 25 000 рублей стать агентом и выдать приготовление какого-нибудь террористического акта, а «сделку» оформить на конспиративной встрече с вице-директором Департамента полиции Рачковым. И, как свидетельствует далее Рутенберг, после информирования ЦК партии и Азефа, тот «предложил» ему во время предстоящей встречи, ни много, ни мало, убить одновременно и Гапона, и Рачковского. Но вот незадача. Встреча вот-вот должна состояться, но каждый раз что-то мешало, и она так и не состоялась. Рачковский не явился. Рутенберг тогда ещё не знал, что Азеф — тайный агент полиции, а Рачковский — один из полицейских чинов высокого ранга, с которым Азеф непосредственно «сотрудничал». Об этом стало известно значительно позже. Сам Рутенберг стал «пешкой» в кровавой игре, затеянной Азефом и охранкой. Цель была достигнута: Рутенберг во всём обвинил Гапона и решил убить его одного, без Рачковского. Что и было сделано. И невдомёк ему, что в этом и заключалась цель злонамеренного замысла. Его разработчики оказались вне подозрений. Читатели имеют возможность самостоятельно оценить «искусство» проведённой операции. Не удивительно, что полиция исключительно высоко ценила «заслуги и мастерство» Азефа, отличая его «способность быстро ориентироваться в

самых сложных и запутанных обстановках». Его месячный оклад был доведён до жалования министра. Невероятно, но факт. А ведь полиция такие деньги зря платить не будет. Примечательно, что, когда после убийства Георгия Гапона, Рутенберг упорно пытался доказать, что он только выполнял волю Азефа и ЦК партии, все его старания оказались тщетными. Получалось, что он совершил убийство по своей инициативе. В этой неприглядной истории вызывает большое сомнение и то, что Рутенбергу якобы предлагалось вознаграждение 25 000 рублей, сумма по тем временам огромная. Для сравнения, жалование царского министра было 1 000 рублей в месяц, губернатора — 500. рабочие зарабатывали не более 200 рублей в год. Оплата агентов охранки зависела от «услуги». Так, к примеру, «гонорар» Льва Голинберга за доносы на Ленина и Крупскую был 40 рублей в месяц, Азеф в начале своей агентной деятельности получал 50 и т.д. Со временем, при усердной службе вознаграждение возрастало, но даже 500 рублей были редким исключением. Воспоминание Рутенберга — единственный, с позволения сказать, «документ», в котором Гапона обвиняют в сотрудничестве с охранкой. Но это делает его злейший враг и убийца. Заслуживают ли какого-либо доверия его слова? Тем не менее, такая точка зрения впоследствии была растиражирована и по сути дела навязана обществу. Многие в неё верили, хотя на самом деле Георгий Гапон агентом охранки не был. Все подробности и обстоятельства его гибели неизвестны до сих пор. Так трагически оборвалась жизнь Георгия Аполлоновича Гапона. Ему было всего лишь 36 лет. Когда его хоронили 3 мая 1906 года на Успенском городском кладбище, могилу завалили венками и цветами. С речами выступали рабочие, которые говорили, что Гапон погиб от злодейской руки, что о нём говорили неправду и требовали отмщения убийцам. На могиле поставили деревянный крест с надписью: «Герой 9 января 1905 года Георгий Гапон». Но не лучшая судьба ждала Гапона, если бы он дожил до того времени, когда к власти в 1917 году в России пришли большевики. Подтверждением этому служит то оскорбительное место в истории, которое ему отвела официальная историография. Он был не только политическим противником, но и священнослужителем, а всё это не сулило ему ничего хорошего. В таких случаях, как писал «лучший поэт советской эпохи» Маяковский, мы бы спросили: «А кто ваши родители? Чем вы занимались до 17-го года? Только бы его и видели».

Со дня смерти Георгия Гапона прошло 100 лет. Латинская пословица «De mortuis aut bene, aut nihile» переводится: «О мёртвых или хорошо, или ничего». Да и наши далёкие предки говорили: «Мёртвые сраму не имут». Но с Георгия Гапона до сих пор не сняты беспочвенные обвинения его политических врагов ещё начала XX века. Эти обвинения безосновательны. Гапона обвиняли в том, что он был провокатором, что он якобы повёл людей под солдатские пули. Но что Гапон не был провокатором, видно хотя бы из того, что когда демонстрация шла с петицией к царю, он шёл в первых (!) рядах, сам тоже попал под шквальный огонь солдат и лишь чудом остался живым. Как известно, провокаторы так не поступают. Они, как правило, прячутся за спины других. **Именно в то время Ленин назвал Гапона вождём петербургских рабочих.** Следовательно, безосновательны обвинения в том, что Гапон виновен в смерти людей, расстрелянных царскими солдатами. Он мог бы сказать словами самого Христа: «Из тех, которых ты мне дал, я не погубил никого» (Евангелие от Иоанна, 18.9). Обвинение Гапона в том, что он был агентом, опровергнуть не просто. Известно, что у царской охранки были сотни тайных агентов. И как доказать, что среди них не было Георгия Гапона? Чтобы ответить на этот вопрос, было потрачено много времени. В закрытых архивах изучались многочисленные подлинные документы тех лет: тайны вербовки сексотов охранки, их доносы, оплата труда, техника конспирации, была проанализирована многолетняя переписка знаменитых сыщиков, деятельность тайных агентов, труды ответственных чинов полиции, которые перешли на сторону революции, и многое другое. И что же? Вывод один: обвинение Гапона ничем не подтверждается. Если бы он получил за осведомительство хоть

копейку, это было бы зафиксировано в финансовой отчётности охранного отделения. Но в открытых большевиками в 1917 году архива МВД и жандармерии до сегодняшнего дня не найдено ни одного документа, который подтвердил бы его связи с полицией. Между прочим, в Российской империи был секретный **закон, запрещавший вербовать тайных агентов среди священнослужителей и депутатов Государственной Думы.**

Труп Г. Гапона

Георгий Гапон был честным, неподкупным человеком. Известно, что ему было предложено работать даже в правительстве Витте, но карьеристом он не был и согласия не дал.

Революционеры обвиняли Георгия Гапона в том, что он не был противником монархии. Ну и что из этого? Сейчас в Европе есть страны с монархическим строем, как, например, Великобритания, Швеция, Бельгия, Норвегия и др., которые достигли такого уровня развития, о котором мы пока что можем мечтать. А Испания возвратилась к монархическому правлению даже после республиканского и диктаторского периодов. **Георгий Гапон выступал, а после него и большинство политических деятелей мира, за легальный ненасильственный путь развития, за постоянное настойчивое сотрудничество с существующей властью, чтобы общими усилиями улучшать жизнь людей.** И не его вина в том, что царь Николай II и его правительство проявили близорукость, даже жестокость и неспособность вести диалог, так необходимый для обеих сторон.

Георгия Гапона можно поставить в один ряд с такими выдающимися деятелями XX столетия, как Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг. Их объединяет то, что все трое погибли от рук убийц и все трое были сторонниками ненасильственных методов борьбы. Только Георгий Гапон был первым. Он выступал ещё в начале XX века, а Ганди и Кинг позднее. Возможно, тогда время Георгия Гапона ещё не пришло.

Под руководством Ганди Индия добилась независимости, а сам Ганди стал национальным героем. Кинг был одним из руководителей ненасильственной борьбы за гражданские права негритянского населения США и также стал национальным героем Америки. Как видим, легальный ненасильственный путь развития, если овладевает массами (и они не позволяют властям себя обманывать и собой манипулировать), имеет большие потенциальные возможности, которыми, к большому сожалению, в России не воспользовались, за что пришлось заплатить очень большую цену. И хотя Кинг был сторонником легальных методов борьбы и, к слову, как и Гапон, был священником, никто не обвинил его в том, что он провокатор и агент ФБР. Не обвиняли и Ганди в том, что он агент английских колонизаторов, хотя сотрудничать с ними ему приходилось. А сколько бесчестия и поругания пришлось пережить Георгию Гапону. И даже после его смерти обвинениям, казалось, не будет конца. Так,

Панихида на могиле Гапона

например, в БСЭ т. 6, издательство «Советская Энциклопедия», М., 1971, как обычно в таких случаях, то есть бездоказательно, априори на стр. 116 утверждается, что «Гапон — агент охранки… получил задания от охранки проникнуть в боевую организацию эсеров». Нелепость этих обвинений очевидна: Гапона в боевую организацию охранка заслать не могла, так как он не был её агентом. На самом деле, настоящий агент уже несколько лет был внедрён в ряды боевиков охранкой и настолько успешно, что занял в этой террористической организации самый высокий руководящий пост. И в наши дни авторы некоторых статей и даже книг, не утруждая себя надлежащими «аргументами и фактами» и находясь в плену сложившейся порочной «традиции» или по инерционности мышления продолжают чернить Гапона и обвинять в том, чего на самом деле было.

Воистину нет пророка в своём Отечестве. Но истина рано или поздно восторжествует. В Святом Писании сказано: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого» (Евангелие от Луки, 6.22).

Георгий Аполлонович Гапон прожил свою короткую жизнь честно, как верный ученик Христа. Он, как и Христос, боролся против несправедливости, лицемерия, за лучшую жизнь для простых людей и старался это делать ненасильственным методом, как и учил Христос.

История человечества подтвердила, что этот путь самый рациональный. Георгий Гапон, как и Христос, познал лютую ненависть своих врагов, их издевательства и испил горькую чашу до дна.

Жизнь Георгия Гапона, отданная людям, и его мученическая смерть, принятая за людей, найдут в будущем воплощение в произведениях писателей, поэтов, художников и деятелей киноискусства.

Ещё в древние времена говорили: «Не может быть великим тот народ, который не чтит своих героев».

КРУПЕНКОВ
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

ПРИСТАВКИНА
ТАТЬЯНА АФАНАСЬЕВНА

Александр Николаевич Крупенков родился в 1951 году. С 1962 года живет в Белгороде. Около четверти века занимается краеведческой и поисковой работой. Основные направления его деятельности: поиск неизвестных воинов, погибших в боях за Белгород, и их семей, декабристская тема, история Белгорода, возвращение имен незаслуженно забытых белгородцев, сохранение памятников истории, культуры и архитектуры. Автор многих книг и статей по истории родного края и краеведению. Лауреат Всероссийской премии «Прохоровское поле»

Татьяна Афанасьевна Приставкина окончила Белгородский государственный педагогический институт в 1979 году. С 1985 года работала в Белгородском областном краеведческом музее. С 1999 года — заведующая Белгородским литературным музеем, филиалом БГИКМ. Автор более 20 публикаций по истории художественной культуры края, музейной педагогике. В 2005 году окончила аспирантуру БелГУ, защитила кандидатскую диссертацию по специальности общая педагогика, история педагогики и образования.

БЕЛГОРОДСКИЙ ИЗДАТЕЛЬ А. А. ВЕЙНБАУМ

На главной улице Белгорода — проспекте имени Ленина (ныне — Гражданский проспект), напротив Смоленского собора, находится старинный двухэтажный особняк под номером 41, памятник архитектуры. Когда-то это был один из самых красивых домов в городе. Сегодня только немногие старожилы знают, кому он принадлежал, и называют его «Домом Вейнбаума». А в старину его знали все белгородцы. До 1917 года здесь находились гостиные номера, магазин и типография известного белгородского купца 2-й гильдии Александра Александровича Вейнбаума. В этом же здании размещался один из аптекарских магазинов Когана. После Октябрьской революции дом не раз менял своих хозяев, и все же в течение долгих десятилетий белгородцы связывали его с именем купца Вейнбаума и его главным детищем — типографией.

А. А. Вейнбаум

Известно, что в Белгороде в XIX веке существовала типография. Первое упоминание о ней, которое удалось обнаружить, относится к 1873 году. Безусловно, существовала она и раньше. Ведь уже в 1871 году в уездном Белгороде издавались и печатались «Курские епархиальные ведомости». Содержателем типографии был Минес Моисеевич Гордон, а размещалась она в доме Григоровой по Смоленской улице. В одном из своих рекламных объявлений М. М. Гордон сообщал: «В моей типографии, находящейся в Белгороде, принимаются всякого рода заказы, как-то: повестки для мировых учреждений, мировых съездов, формы и платежные книжки для волостных правлений, афиши, объявления, бланки для отношений и пр. заказы исполняются в возможно скорое время по самым умеренным ценам».

В 1890 году типография все еще принадлежала М. М. Гордону и находилась по прежнему адресу, но уже через два года у нее появилось новое наименование «Типография А. А. Вейнбаума», а фактическим ее владельцем стал Александр Александрович Вейнбаум. Поменялся и адрес типографии. В 1892 году она уже размещалась по улице Корочанской (позже Императора Николая II, Гражданская, ныне проспект им. Ленина) в доме Яковлевой, со временем ставшим известным под названием «Дом купца Вейнбаума».

Об А. А. Вейнбауме, последнем владельце типографии, сегодня мало кто знает, хотя он заслужил право на нашу память.

Родился Александр Александрович в 1867 году и проживал в Белгороде с женой Августой и дочерью Ниной. Глава семейства принадлежал к купеческому сословию и кроме типографии содержал гостиные номера и магазин, которые располагались в том же доме по улице Корочанской. Что представлял собой магазин и гостиные номера, известно из очерка А.Фирсова «Белгород и его святыни», опубликованном в 1910 году в «Историческом вестнике» и изданном потом отдельной брошюрой самим Вейнбаумом: «Особенно хорош книжный, писчебумажный и музыкальный магазин А. А. Вейнбаума, помещающийся на главной улице под гостиницею, принадлежавшею тому же хозяину. Последняя, носящая название «Номера для приезжающих», имеет одиннадцать очень высоких, замечательно чистых, прилично меблированных, с отличными кроватями, номеров, ценою от 50 к. до 2 р. в сутки; имеется здесь прекрасная ванна и телефон. В гостинице можно получать от $1^{1}/_{2}$ до $3^{1}/_{2}$ дня обед из двух блюд за 60 коп., а из трех за 75 коп. Есть в городе и несколько других «номеров для приезжающих», но они хуже описанных».

Немалые доходы приносила купцу Вейнбауму и типография, в которой он печатал по заказам различную продукцию: бланки, афиши, объявления, куверты, свадебные и визитные карточки, обложки для ученических тетрадей и т.д.

Большую ценность в наше время представляют брошюры, изданные А. А. Вейнбаумом. Их было немного, печатались они небольшим тиражом, и сегодня являются библиографической редкостью. Вот некоторые из них: И. Кулегаев «Заметки о пре-

подавании естествоведения в младших классах городских училищ (1903), «Смоленский собор города Белгорода. К 200-летию прославления чудотворной иконы Божией матери (2 октября 1703 года. 1703-1903)», «Отчеты о деятельности городской управы за 1910-1913 годы», «Церковное прославление святителя и чудотворца Иоасафа, епископа Белгородского по воспоминаниям очевидцев и современников» (1916).

А. А. Вейнбаум с семьей

В течение более десяти лет издавал А. А. Вейнбаум рекламную газету «Белгородский листок», в которой печатались различные объявления и реклама. К сожалению, полного комплекта этой газеты обнаружить нигде не удалось. Даже в крупнейшей Российской государственной библиотеке в Москве сохранились подшивки газеты только за 1910-1914 годы. А жаль! Ведь они представляют огромный интерес для историков и краеведов, занимающихся изучением истории Белгорода начала XX века.

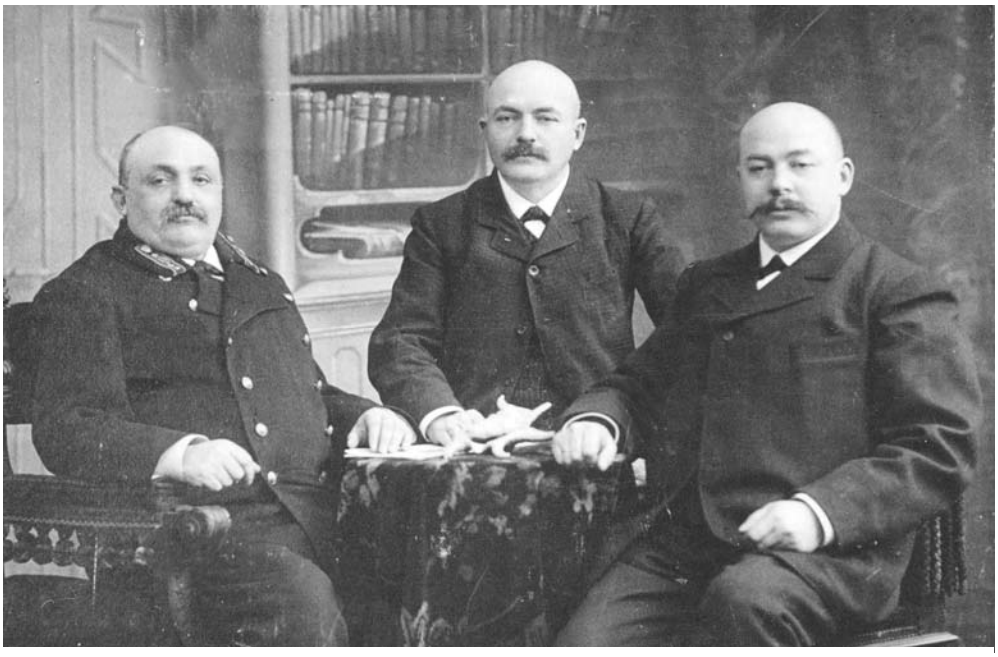
И все же, в первую очередь потомки должны быть благодарны А. А. Вейнбауму за то, что он донес до них запечатленные на открытках виды старого Белгорода. Несколько сотен почтовых открыток с изображением достопримечательностей: храмов, монастырей, зданий, улиц и площадей выпустил издатель А. А. Вейнбаум. Печатал он их в Швеции, в Стокгольме. А продавал в Белгороде. В том же очерке А. Фирсова сообщалось: «В магазине Вейнбаума можно приобрести открытые письма с видами Белгорода. Полная коллекция, состоящая из 37 открыток, стоит всего 1 р. 25 к.». Белгородцы могут познакомиться с открытками в Белгородском государственном историко-краеведческом музее, его филиале — Белгородском литературном музее.

А. А. Вейнбаум дорожил своим делом и вкладывал в него все свои знания, силу, энергию и немалые средства. В 1910 году он добивается у городской управы разрешения на установку в доме электрического двигателя с динамо-машиной, что было новшеством для Белгорода. Через два года устанавливает в типографии новые скоропечатные машины, в результате чего цены на продукцию значительно снизились.

Постоянно заботился он и о престиже своих гостиных номеров. Если в 1910 году там имелся всего один телефон, то уже в следующем к услугам гостей предоставляют два: городской и земский. В гостинице была открыта образцовая кухня, в ваннах устроен душ.

Занимался Александр Александрович и общественной деятельностью. В течение многих лет он состоял членом сиротского суда по Белгородскому уезду.

Нескольким поколениям белгородцев, родившихся и живших при советской власти о Вейнбауме ничего не было известно. На надпись на фронтоне дома «Типографія и магазинъ Вейнбаум», сохранявшаяся по проспекту Ленина, просто не

А. А. Вейнбаум (первый справа)

обращали внимания. После очередного ремонта надпись просто уничтожили. Дела и имя издателя канули в неизвестность.

В фондах Белгородского краеведческого музея хранится рукопись «Воспоминания старейшего белгородского полиграфиста Гавриила Стефановича Тарасова». Воспоминания эти явно тенденциозны, субъективны, написаны с классовых позиций в духе ненависти к «угнетателям» рабочего класса, ко всему «проклятому царскому прошлому». В них содержатся и фактические ошибки. Тем не менее, они представляют историческую ценность, так как являются свидетельством той далекой эпохи. «У родителей нас было 12 детей. Учиться дальше трех классов нашему сословию тогда «не полагалось». Поэтому я в 1910 году 12-летним мальчишкой вынужден был идти работать, чтобы зарабатывать и помогать семье. …Хозяин типографии Вейнбаум был иудейского вероисповедания. В связи с этим царское правительство всячески его притесняло, не давало возможности расширять свою типографию. Тогда он пошел на хитрость. Он принял крещение и стал исповедовать христианскую веру. Это дало ему возможность сразу же расширить свою типографию вдвое. Если раньше, до принятия крещения, у него работало 25-30 человек наборщиков, печатников и переплетчиков, то после рабочих стало 60 человек. Кроме того, Вейнбаум имел картонажную мастерскую в Харькове, где тоже работало на него несколько десятков рабочих.

Как только Вейнбаум стал христианином, в одном из углов наборного цеха он повесил небольшую икону, а пред ней зажигали лампаду. Лампада эта целыми днями горела в темном углу. Для ее заправки так называемое «деревянное» масло хозяин покупал на штрафные деньги с рабочих. Дело в том, что работать приходилось в темном, подвальном и сыром помещении по 10-12 часов в сутки. Безрадостная и изнурительная работа заставляла многих рабочих во время работы выпивать. Хозяин безжалостно их штрафовал. Часть штрафных денег он и тратил на масло для лампады, остальные присваивал себе». Прервем воспоминания печатника Тарасова, чтобы исправить ошибку. Нам неизвестно, какого вероисповедания был А. А. Вейнбаум. Но по национальности он не еврей,

А. А. Вейнбаум

о чем читатель узнает из других воспоминаний. Но об этом несколько позже.

Далее Тарасов переходит к революционным событиям и гражданской войне в Белгороде. «…Полиграфисты не забыли своих кровных врагов, одним из которых был бывший владелец типографии Вейнбаум. Разыскать его и предать суду получил задание бывший наборщик Д. С. Ростовцев, который выехал в город Харьков, где и обнаружил спрятавшегося Вейнбаума. Состоявшийся суд приговорил Вейнбаума к высшей мере наказания — расстрелу. Высшая инстанция Советского суда приговор утвердила, и он был приведен в исполнение». Так трагически оборвалась жизнь одного из самых известных людей в Белгороде — издателя Александра Александровича Вейнбаума. Но ставить точку на этом месте, как оказалось, рано. Дальнейшую развязку история купца А. А. Вейнбаума получила в наши дни.

В 2001 году сотрудники Белгородского литературного музея нашли внучку А. Вейнбаума Ирину Георгиевну Янопольскую, дочь Нины Александровны Вейнбаум. В посемейном списке за 1894 год с дополнением до 1918 года, хранящемся в Белгородском областном государственном архиве, имеется запись послереволюционных лет только о его дочери: «Нина Александровна Вейнбаум распоряжением Курской казенной палаты от 15 февраля 1917 г. исключена из белгородского купечества за выходом в замужество». О том, как сложилась судьба Нины, ее семьи, поведала в своих воспоминаниях И. Г. Янопольская, передавшая в литературный музей фотографии А. А. Вейнбаума, его братьев, семейные реликвии.

В 2002 году внучка Вейнбаума приезжала в Белгород, осматривала сохранившийся дом, Белгород; встречалась с краеведами, творческой интеллигенцией. Воспоминания Ирины Георгиевны значительно дополнили страницы жизни и смерти Вейнбаума. В рукописных воспоминаниях Янопольской, переданных в литературный музей, мы читаем: «Отец мамы Александр Александрович Вейнбаум был родом из семьи обрусевших венгров... Моя бабушка — Мальвина Николаевна Эйнбаум, немка (ее полное имя Мальвина Тереза Августа) была сиротой. Когда бабушка и дедушка повенчались, ее опекун выдал им в качестве приданого сумму денег, на которые они купили маленький писчебумажный магазин.

Бабушка сидела за кассой, все остальное выполнял дедушка... Ко времени, когда мама стала гимназистской белгородской женской гимназии, семья уже имела собственный двухэтажный дом на улице Николая II с типографией, магазином и гостиницей. Этот дом много раз печатался на почтовых открытках.

Александр Александрович был почетным гражданином Белгорода. В этот же период он был представлен, как тогда формулировалось, за заслуги перед отечеством, к получению дворянского звания. Вейнбаум имел намерение расширить издательское дело, накануне революционных событий он заказал в Финляндии два вагона хорошей бумаги. И. Г. Янопольская отмечает добродушный характер дедушки, любившего молодежь: в доме часто собирались гости. Звучала музыка, декламации. Это воспоминание под-

А. А. Вейнбаум

утверждается и в сведениях представительницы еще одной линии семейства Вейнбаума, проживающей в Белгороде, Татьяны Михайловны Коноревой .

Трагически заканчивается рассказ о жизни и смерти А. Вейнбаума: «...в 1918 г. у Вейнбаумов было конфисковано все имущество. Вскоре после этого в дом пришли люди, увели родителей мамы и, без суда и следствия, обоих расстреляли...». И сегодня, помимо переданных подлинных фотографий, нот, где стоит печать магазина А. Вейнбаума, трогательного образца вышивки, выполненной рукой гимназистки — Ниночки Вейнбаум, в фондах белгородского литературного музея хранится уникальная коллекция открыток с видами дореволюционного Белгорода, где запечатлен Дом купца Вейнбаума. Некоторые краеведы усматривают в крошечной фигуре попавшего в кадр человека самого А. Вейнбаума.

После Февральской революции во дворе дома Вейнбаума разместилась типография, в которой с июля по ноябрь печаталась большевистская газета «Известия Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов». Об этом напоминает мемориальная доска с левой стороны входа в здание, установленная 28 октября 1987 года в канун 70-летия Октябрьской революции. Другая мемориальная доска с правой стороны дома, где раньше был вход в аптекарский магазин Когана, сообщает, что «В этом здании в ноябре-декабре 1917 года находился штаб сводного отряда революционных матросов, солдат и красноармейцев во главе с членом Петроградского Военревкома И. П. Павлуновским, разгромившего под Белгородом батальон корниловцев».

До Великой Отечественной войны на первом этаже слева размещался магазин «Охота», а справа — книжный магазин. С образованием Белгородской области появилась необходимость в строительстве Дома Советов. Его сдали в эксплуатацию в 1957 году, а до этого в течение четырех лет областное руководство занимало бывшую гимназию. Однако из-за недостатка помещений комсомольский и организационный отделы Белгородского обкома КПСС разместились в нескольких комнатах Дома купца Вейнбаума. С 1955 по 1989 годы на первом этаже располагалась городская АТС-3, на втором с 1956 по 1962 годы — управление связи. В 1962 году второй этаж заняло областное управление сахарной промышленности, а затем управление хлебопродуктов.

В конце 1980-х годов, когда по городу прокатилась волна разрушения старинных зданий, нависла опасность и над этим памятником истории и архитектуры. По замыслу главного архитектора города С. С. Михалева, на его месте планировалось строительство нового пятиэтажного дома. Под давлением общественности главному архитектору пришлось отступить, но не отказаться от своих планов. Он заявил, что все будет сделано на западный манер. Дом будет снесен, но сохранен его фасад, который войдет в переднюю стену нового дома. Это могло привести к уничтожению здания. Для спасения дома было приложено немало сил.

Сегодня, после реставрации, памятник архитектуры, взятый под охрану государством, обрел новую жизнь: в нем располагается управление культуры администрации Белгородской области — координатор усилий по сохранению и развитию духовного наследия Белгородчины.

Все фотографии А. А. Вейнбаума публикуются впервые

ОВЧАРОВА
НАТАЛЬЯ ГЛЕБОВНА
член Союза писателей СССР, России

СТРАНИЦЫ ПЕРЕЖИТОГО

Чем дальше уходят годы, тем чаще и острее вспоминается пережитое. Тревожат вопросы: чем жил? Ради чего? Что было в жизни главным, определявшим те или иные поступки в тех или иных обстоятельствах? Что руководило мной, что мешало и помогало? Какое значение имели в этом окружающие меня люди?

Себя судить трудно. И тогда ищешь корни, начала, истоки своей житейской психологии. Они многозначны и относительны, слишком неоднородно, непредсказуемо складывалась мозаика жизни.

1.

Я родилась в самой Вологде, но так как отец мой был из Пскова, а мама — архангельская, корней — то есть родни — у меня в Вологде не было. Первые мои годы прошли в Заоникиево, неподалёку от Вологды, где в зданиях бывшего монастыря располагалась колония трудновоспитуемых детей, которой заведовал мой отец. Мама работала там учительницей. Впоследствии колонию перевели на Кавказ; родители мои разошлись, когда мне было пять лет. Мама вскоре вышла замуж снова; отчима назначили заведующим Шелыгинской неполной средней школой, которая находилась тоже недалеко от Вологды, но совсем в другой стороне.

Чудесное было местечко — Шелыгино. Красивая белая церковь возле обнесённого каменной оградой, заросшего сиренью и берёзами кладбища. Сторожка. Поповский дом. Двухэтажная деревянная школа, где мы жили. Пара хозяйственных построек — и всё. Вокруг берёзовые рощи, цветущие луга, речка посреди них, лес с рябиново-черёмуховыми опушками. Детство и юность были полны простора. Выйдешь на крыльцо, и перед тобой открыт весь мир: хочешь, беги в лес, по грибы или ягоды, хочешь — на речку, купаться или ловить решетом во взмутнённой тобой же воде юрких пескарей. Хочешь — на хутор к подругам, помогать ворошить душистое сено, полоскать в речке бельё или учиться плести кружева. Или в детский дом, что располагался неподалёку, на взгорье, в бывшей барской усадьбе: там тоже было немало у меня друзей. Да и дома хватало занятий: поливать и полоть огород, окучи-

Мама — Полина Дмитриевна Бурная с дочерью Натальей. 1929

вать картошку, кормить кур, помогать маме в уборке… У мамы во всём был заведен строгий порядок, она и нас приучила к этому. Встал утром — прежде всего причешись, убери постель, а затем уже всё остальное. Упаси бог на чью-то грубость ответить грубостью — мама считала, что в этом случае кто-либо из двоих должен быть умнее. Капризы вообще исключались, потому их и не было. В своё время мама окончила Петрозаводскую учительскую семинарию, говорила, что их там хорошо воспитывали, требовательно, но деликатно. При всей упорядоченности нашей жизни ничуть не ощущалось стеснения личной свободы…

Мои родители были очень гостеприимны, и у нас, особенно летом, бывало много гостей. Да и так, в свободное время, учителя собирались у нас, пили чай, разговаривали о школьных делах, пели под гитару — на ней играли и мама, и отчим, научилась и я… Не помню, чтобы у нас в семье были ссоры, о ком-либо плохо говорили; наоборот, всегда сочувствовали людям в беде, старались помочь советом и делом… В учебный период в школе почти целый день было полно народа. И, вероятно, благодаря всему этому общительность стала моей второй натурой. И моей большой помощницей в жизни.

Квартира наша состояла из комнаты и кухни. Летом я спала в классе, где стояли шкафы со школьной библиотекой. В десять-двенадцать лет я уже познакомилась с трагедией Анны Карениной, знала наизусть многие сказки и стихи Пушкина, лермонтовскую — очень сильную по духу — поэму «Мцыри», не однажды перечитывала рассказы Тургенева, Чехова, Горького… Я радовалась всему доброму, ясному, горячо переживала низкое и плохое. Скромная природа русского севера таила в себе глубокую поэтичность, и, сколько себя помню, я тоже сочиняла сказки, стихи об окружающей жизни, находя в лице своих друзей активных и непритязательных слушателей.

А на вечерней заре, когда всё вокруг замирало, сама зачарованно слушала таинственно-звучный, умиротворяющий колокольный звон…

Всё близкое, дорогое, хотелось не только помнить, но и запечатлеть. О своей шелыгинской юности — намного позднее, я написала повесть «Сгореть на ветру», которая была издана Центрально-Черноземным книжным издательством, в Воронеже, в 1971 году. Повесть о светлой и тихой Берёзовке, где жили трудолюбивые, чистые сердцем люди. Сколько таких Берёзовок, неповторимых в своей схожести, существовало тогда на Руси…

И шелыгинский период моей жизни, и сама повесть, вошедшая потом в роман «Кукушкин лён» под названием «Зори над Шолдой» (Воронеж, ЦЧИ, 1978), очень дорогие для меня страницы моей биографии, хотя и не являются точным её повторением. Там родилась неугасимая любовь к природе, способность широко общаться с людьми самого различного плана, понимая — и принимая их такими, какие они есть, доброжелательно. И свойство видеть, запоминать: до сих пор мысленно представляю панораму былого Шелыгино, хотя давно уже снесены и школа, и церковь, и дет-

ский дом. И нет половины окружавших его деревень… Помню лица многих людей, и о каждом можно сказать что-то своё, отличительное, что осталось во мне навсегда, стало основой моего творчества. Именно оттуда пришли поэмы «Галя» и «Витька», о друзьях моего детства. (Сборник стихов «Первая завязь», Белгород, 1959; сборник «Любовь и мужество», Белгород, 1962; сборник прозы и поэзии «Люди добрые», Белгород, 2003), а также многие стихи и рассказы («Бубенцы», «Ромашки», «Белые лилии Шейбухты», «Замшелый сруб и ковш берестяной», «Мне жаль Шелыгино, которого уж нет» и другие), печатавшиеся в газетах и различных сборниках.

2.

В 1939 году умерла моя мама, а с нею ушло и беспечальное детство. Отчим вскоре вновь женился, у него образовалась своя семья.

Наталья Овчарова и её подруга Галя Куваева — прототип героини поэмы «Галя». 1941

В 1940 году я окончила среднюю школу № 21 г. Вологды, поступила в Ленинградский государственный университет. Но в связи с тем, что ввели платное обучение — а это было для меня нереально, пришлось вернуться в родные края. В районо меня направили учителем начальных классов в Мосейковскую неполную среднюю школу, тоже недалеко от Вологды. Школа располагалась в бывшей барской усадьбе, на краю берёзовой рощи; учителя были очень схожи с нашими, шелыгинскими, знали моих родителей. Я легко там прижилась. Только теперь я была не тем, кого учат, а тем, кто учит. В семнадцать лет мне пришлось постигать простые истины, которые я интуитивно ощущала и раньше: класс это не просто энное число мальчиков и девочек, каждый из них — своеобразная особь, и без понимания этой особи, без проникновения в её мир, ничего не достигнешь. Так же, как без проникновения в сам учебный процесс, ибо учитель преподносит всем ученикам один и тот же материал, а воспринимает его каждый из учеников по-своему. До сих пор помню вихрастого, озорного Валю Сучкова, который схватывал знания буквально налету. Вертлявого Андрюшу Чекмарёва, который без конца задавал вопросы, но не слушал ни одного ответа. Медлительного, «непробиваемого» Колю Волкова, который, будучи уже в четвёртом классе, почти не умел писать и самой главной мечтой которого было стать колхозным пастухом — причём летом он работал подпаском, и его ценили… Сколько приложила я усилий, души, придумывая — и находя в журналах — разные, охватывающие всех игры, даже пьесу ставили в совхозном клубе, чтобы объединить их, заинтересовать, заслужить их доверие… Обо всём этом я попыталась рассказать в повести «Не просто любить» — в том смысле, что мало просто любить детей, свою работу. Нужно очень много думать, искать, находить контакты с детьми, чтобы каждый из них получил ту долю знаний, которая ему посильна и доступна, и никак не меньше.

Повесть «Не просто любить» была издана в Белгороде в 1963 году, затем, с продолжением, в Воронеже, в 1966 году. А в 1981 году обе повести вошли в книгу «Не осенний мелкий дождичек» (ЦЧИ, Воронеж), где героиня — Заслуженный учитель, посвятивший школе всю свою жизнь. Тут уже присоединились впечатления от рабо-

ты ответственным секретарём Белгородского областного отделения педагогического общества, широкого общения с педагогами во время журналистской и писательской деятельности. В романе «Кукушкин лён» (это роман в повестях) у меня есть повесть «Поперёк судьбы», о первых шагах молодой учительницы в школе. Той же, очень близкой моему сердцу, теме, посвящена и повесть «Вишни под окнами» (Сборник «Женщина — имя твоё», Воронеж, 1983; сборник «Товарищ по фронту» Воронеж, 1976; сборник «Люди добрые», Белгород, 2003) В сборнике «Женщина — имя твоё» она называется «Дневник Микаэлы», где мы видим, как героиня повести, день за днём, всё больше сближается со своими учениками. Что очень и очень непросто.

3.

…Мои педагогические поиски были недолгими: началась война. В феврале 1942 года мне предложили работать в редакции районной газеты: люди ушли на фронт, нужна была замена, а я уже имела небольшой опыт сотрудничества.

Телефонов тогда почти не было, автобусов тоже, я ходила пешком в колхозы, МТС, на предприятия, собирая материал. Видела жизнь в самых различных её ракурсах. Везде было тяжело, но труднее всего приходилось сельским женщинам, земля требовала больших сил, а машин, лошадей не хватало… Зайдёшь, бывало, в избу, по рекомендации председателя — к передовику. А там полно детворы, на столе лишь картошка с молоком от своей коровы, но хозяйка всё равно старается приветить, угостить, рассказывая о своей работе, о муже, ушедшем на фронт, о том, что все ждут не дождутся, когда кончится эта проклятущая война. Хотелось по-доброму написать о каждой такой самоотверженной труженице, но газета была небольшая, приходилось обходиться короткими деловыми строками. Однажды случилось, что с фермы моим попутчиком оказался пожилой сторож. Всю дорогу до села он рассказывал о сыне, который был на фронте, о том, как много приходится выполнять всяких дел на ферме, помимо сторожевания. «Десять рук имей, и то не хватило бы», — говорил он. Я о нём тоже написала несколько добрых строк. Но после выхода газеты в редакцию позвонил председатель колхоза и сказал, что этот человек крайне безответственный и нерадивый. Мне было очень неприятно, я сильно пережила свою ошибку. С тех пор — и всегда — обязательно перепроверяла все данные, прежде чем что-либо писать.

Вечерами я дежурила по выпуску газеты в типографии, а в свободное время, как многие тогда, дежурила на общественных началах в госпитале. Дать раненому попить воды, или «утку», умыть его, поправить постель, прочитать или написать письмо, помыть пол в палате — всё делала легко и охотно. Одного не могла: покормить лежачего. Так волновалась и переживала за беспомощного человека, что не могла удержать ни тарелку, ни ложку.

Время было тяжёлое, многие шли на фронт добровольно. Наше поколение выросло на песнях и стихах Октябрьской революции и гражданской войны, воспитана была великая готовность к подвигу ради свободы родной страны. По всему городу были развешены плакаты: «Родина-мать зовёт!», «Что ты сделал для фронта?» И я, как другие, тоже стремилась на фронт, но мне сказали, что не отпустят: работать некому.

В конце июля 1942 года к нам в редакцию зашёл военный с двумя кубиками в петлицах, сообщил, что он — представитель штаба 7-й отдельной армии Карельского фронта. Набирает девушек для секретной работы.

Я как раз печатала на машинке, одним пальцем, очередную статью. Он сразу спросил:

— Вы машинистка?

— Нет. Литературный сотрудник.

— В райкоме комсомола сказали, что у вас есть машинистка.

— Кассир — машинистка. Она сейчас в банке.

— Как вы полагаете, она не пойдёт на фронт?

— Нет, — сказала я, зная, что наша Вера меньше всего жаждала попасть на войну.

— А вы — не пойдёте?

— Меня не отпустят.

— Напишите прямо сейчас заявление, и никто вас не задержит.

Я тут же написала заявление. И через два дня уже ехала в эшелоне с нашим сопровождающим и ещё шестью девчатами. Пытаясь представить, какие секретные задания нам предстоит выполнять, была уверена: в любом случае — героические.

4.

Оказалось совсем иное. Нас привезли в прокуратуру армии, где три дня обучали секретному делопроизводству, готовя из нас секретарей прокуратур. В последний вечер работники прокуратуры устроили нам небольшие проводы: беседовали о сути предстоящей нам службы, просто разговаривали, пели, даже немного потанцевали. Я прочитала свои стихи о нашем приезде, о том, что мы обязуемся служить безотказно и добросовестно. Говорили о прошедших в этих местах боях, о том, что наши части сейчас стоят на переформировке в разных пунктах. За проведённые вместе дни мы сдружились с девчатами, жаль было расставаться. Прокурор армии, бригвоенюрист Герасимов, бывал на наших занятиях, беседовал с каждой из нас отдельно. Мне он сказал:

Георгий Тихонович Овчаров со своим другом Славой Карудзе. Польша, 1945

— Вас, Наташа, я направляю к лучшему прокурору нашей армии. И человек он неплохой. Правда, все эти три дня он мне звонит, просит не присылать к нему женщину-секретаря, так как не может заниматься её сундуками и капризами. Так что вам не очень просто придётся входить в должность.

Это звучало шуткой, и я лишь улыбнулась: у меня не было ни сундуков, ни капризов, что может предъявить мне тот лучший в армии прокурор?

Наутро, на попутном грузовике — она шла в 73-ю морбригаду, куда направили Марусю, и та, по праву хозяйки, заняла место в кабине, мы с Тоней ехали в свои части. Ехали по разбитой песчаной дороге, в болотистых местах накрытой бревенчатым настилом. И по обе стороны тянулся сосновый лес… Тоня — высокая, видная, но очень стеснительная — жила вдвоём с мамой, никогда никуда не уезжала из дому, с первых минут в эшелоне жалась ко мне, словно прячась под крылышко. И сейчас, на тряской дороге, всё пыталась держать меня за руку… Я тоже беспокоилась: както она приживётся на новом месте?

Но вот и деревня, где расположилась 3-я морбригада Тони. Вот и прокуратура. На крыльцо вышли встречать нас несколько человек, очень гостеприимные и приветливые. Прокурор Зайцев — невысокий, быстрый в движениях, сразу показал Тоне комнату, в которой ей предстоит жить. Сказал, что теперь она у них хозяйка и пусть распоряжается ждущим нас в печке обедом. Тоня раскраснелась, быстренько освоилась, я за неё могла только порадоваться.

— Ну, а теперь будем звонить Малевичу, — сказал Зайцев, когда обед закончился. И включил рацию: — Фома Ефимович, у нас тут твой секретарь, приезжай забирать. Хватит ли грузовика? Думаю, хватит, — И, улыбаясь, обернулся ко мне. — Спрашивает, велик ли багаж. Ну, я его успокоил.

Прошло сколько-то времени. К дому подъехал грузовик, в комнату вошёл высокий худой человек, с крупными чертами лица и чуть ироничным проницательным взглядом. Сразу обратился к Тоне:

— Вы мой секретарь?

Та испуганно отшатнулась:

— Нет, не я, она…

Я шагнула к нему:

— Секретарь Бурная прибыла в ваше распоряжение.

В штабе нам не выдали обмундирования, сказали, что обмундируют нас в части. Я была в короткорукавой футболке, сатиновой юбке, лёгких спортивках — не очень-то много мы имели тогда вещей…

Прокурор взглянул на меня испытующе:

— Вы действительно соответствуете своей фамилии?

— Увидите, — совсем не по уставу сказала я, просто не зная, что ему на это ответить.

Они немного поговорили с Зайцевым. Наконец, мой прокурор поднялся:

— Сейчас позову шофёра, чтобы он взял ваши вещи.

— Не надо. Сама донесу, — кивнула я на небольшой чемоданчик, что стоял у моих ног.

Он хмыкнул, тронул рукой пилотку, которая казалась маленькой на его чёрной, густой шевелюре. Разрешил:

— Ну что ж, идёмте.

Мы вышли, за нами на крыльцо высыпали и все провожающие. Мы расцеловались с Тоней, она весело помахала мне рукой. Прокурор сел в кабину, рядом с водителем, я забросила чемодан в кузов, влезла сама. Машина сходу рванула, помчалась по таким кочкам и рытвинам, что чемодан запрыгал в пустом кузове, а я еле успевала держаться за крышу кабины. На миг подумалось: выкинуть меня, что ли, хотят? Не выкинут, не получится. Огляделась: мы мчались по большому кочковатому лугу с еле намеченными колёсными колеями. Впереди синел лесной массив. На его опушке машина остановилась. Прокурор вышел из кабины, опять разрешил:

— Идёмте.

Я сбросила наземь чемодан, спустилась по колесу. Подхватив свой «груз», пошла вслед за прокурором по узкой болотистой тропе между сосен. Ноги тонули в воде по щиколотку…

Он шёл впереди, дымя своей трубкой, и вдруг обернулся:

— Вам не сыро?

— Нет, — сказала я. В спортивках моих хлюпало, но меня это не беспокоило, я привыкла бегать босиком ещё не по таким лесным болотинам… На секунду мне показалось, что в глазах прокурора мелькнули смешинки. Но он уже снова шагал и больше не оглядывался.

Мы пришли к землянке, крыша которой едва высилась над уровнем земли. Вслед за прокурором я спустилась по нескольким ступеням. Пол из брёвен, между которыми поблёскивала вода. Такие же стены. Три жердяных топчана, железная печурка. Небольшое оконце под потолком, столик в две доски, прибитый к стене под ним…

— Вот ваш топчан, — указал прокурор налево. — Размещайтесь. Мне нужно в штаб бригады. Скоро придёт следователь, пойдёте с ним обедать.

Я вымыла в луже спортивки, повесила их сушиться на сук ближней сосны. немного прошлась по тропе вглубь — невдалеке виднелись ещё крыши таких же зем-

лянок. Сосны, мох, вода. В наших местах, где я росла, не было сосен — ели. Но черники хватало. А сколько здесь её, там, где посуше! Лес, родной мой, любимый лес… с тобой мне никогда не было одиноко.

Вскоре пришёл следователь — коренастый, чуть лысоватый и очень спокойный.

— Как я понимаю, вы наш новый секретарь?

Я кивнула.

— Что ж, идёмте обедать. Для среднего командного состава у нас нынче столовая без крыши, — пошутил непонятно. — А почему вы босиком?

— Сейчас обуюсь, — я побежала к сосне, чтобы снять с ветки свои спортивки.

Следователь посмотрел на мокрые мои туфли, сказал рассудительно:

— В сырых идти не годится. У меня есть запасные сапоги. Только размер сорок третий. Может, наденете?

— Спасибо. Конечно, надену! — обрадовалась я.

И мы пошли по водянистой тропе, он впереди, я позади, радуясь сухому теплу сапог. И думая о том, что у меня получается два обеда. У Тони я наелась так сытно, что думала, долго уже не захочу есть. Но голодный паёк военного времени был таким тощим, что в принципе есть хотелось всегда.

«Столовой без крыши» оказалась поляна, посреди которой стояли сделанные из распиленных вдоль стволов столы и скамейки. Следователь пошёл к полевой походной кухне, что дымилась неподалёку. Принёс две глубокие миски пшённого супа с мясными консервами. Пахло так вкусно, что у меня закружилась голова. И я съела весь вкуснейший в мире суп! И миску такой же, из пшена и консервов, каши.

Прокурор уже ждал нас в землянке.

— Идёмте в баню, Никифорыч. Ординарец приходил, всё готово, — сказал он и взглянул на меня. — Вы в баню хотите? После нас?

— С радостью! — отозвалась я. — Дорога была такая пыльная, жара…

Часа через полтора они вернулись в сопровождении немолодого солдата-ординарца, который и проводил меня, уже в надвигающихся сумерках, в не так далеко стоящую от нас баню. Спросил:

— Придти за вами?

— Спасибо. Сама приду. Отсюда же виден свет в открытых дверях нашей землянки.

Радовалась, что можно не торопиться. Отдохнуть в тишине от всех впечатлений дня. Постирать вещи — с собой у меня было всего две смены белья. И платье. Хорошо, что следователь дал мне сапоги. В чистых чулках, во всём свежем, шла я по чавкающей лесной тропе к недалёкому свету, который должен, обязан был стать мне родным, к которому я непременно должна была привыкнуть…

Уже подходя к землянке, услышала голос прокурора:

— Что-то долго нет нашего секретаря. Не заблудилась бы. Хотя, мне кажется, она не из пугливых.

— Свой парень, лесовик, не заблудится, — спокойно сказал следователь. — Да вон, вроде идёт, слышите шаги?

Я спустилась по ступенькам, обрадованная этим «свой парень», ведь следователь был сибиряк, с виду простой, но внутренне сурово-сдержанный, слов зря не бросал. Это я поняла сразу. И совсем не ждала, что обо мне будет беспокоиться прокурор.

Мой топчан был отгорожен плащ-палаткой. На столе стояли котелки с ужином. На пылающей печурке — котелок с чаем…

— С лёгким паром, — сказал прокурор, — садитесь ужинать, Наташич. Мы уже заждались вас.

Это «Наташич» прозвучало у него, как «Никифорыч» по отношению к следователю. И у меня сразу отлегло от сердца: они приняли меня, как младшего товарища…

За ужином прокурор спросил меня о родителях, о доме. Я коротко рассказала о Шелыгино, о моих учениках, о газетных походах… Прокурор слушал, попыхивая трубкой, иногда улыбаясь. Следователь — спокойно, молча.

А перед сном прокурор сказал мне, указывая на полку, прибитую над его топчаном:

— Мы понимаем, что вы здорово наголодались, Наташич. Там есть хлеб и масло… У вас должность командирская, вы тоже будете получать дополнительный паёк… А пока берите и ешьте, когда захотите. Договорились?

Следователь только подтверждающее кивнул головой.

Вспоминая их, я часто думаю о том, что мне повезло в жизни, я попадала к очень хорошим людям. И всегда, даже сейчас, на девятом десятке лет, улыбаюсь, как бы слыша вопрос прокурора:

— Вам не сыро?

Когда мы шли по болотистой водянистой тропе…

Через несколько дней бригада совершила ночной марш. Мы ехали в том же грузовике, что находился в распоряжении прокуратуры и военного трибунала. Сидя среди железных ящиков с документами, я, как и все остальные, дремала, при встряске на особенно глубоком ухабе открывая глаза. Кругом мелькало всё то же: лес, лес, лес…

На рассвете остановились среди лесистых сопок. Сопку, где разместился штаб бригады, до нас кто-то уже обжил, нас ждали пустые землянки. Прокуратуре отвели землянку на самом краю глубокого лесного оврага. Она была похожа на небольшую баньку с сенцами и твёрдо стояла поверх земли. Здесь нам предстояло зимовать.

У меня есть книжка А. С. Пестанова, бывшего военного корреспондента, работника политотдела: «Солдаты морской пехоты», рассказывающая о боевом пути подразделений морской пехоты, сражавшейся в годы Великой Отечественной войны на Карельском фронте. «18 октября 1941 года было подписано постановление Государственного комитета обороны о формировании 25 морских стрелковых бригад, — сказано там. — Уже в первые дни октября в один из городов Омской области стали прибывать команды добровольцев с боевых кораблей Тихоокеанского флота Краснознамённой Амурской и Каспийской военных флотилий».

Наша 70-я морская стрелковая бригада формировалась в Омске. Зимой и летом 1942 года, наряду с другими бригадами, она принимала участие в боях за оборону Ленинграда на Свирском участке Карельского фронта, где укрепились финны. Когда я пришла в неё, она была переведена в резерв 7-й Отдельной Армии. Мы стояли недалеко от Лодейного поля. Главная задача была — готовиться к предстоящим боям, строить мосты и оборонительные сооружения, ремонтировать дороги. Бригада считалась учебной — приходило новое пополнение, людей нужно было учить всему. Придан был и участок передовой.

С работой я освоилась быстро: регистрировать поступающие бумаги, переписывать начисто — иногда в нескольких копиях — исходящие. Нередко носила документы на подпись начальнику штаба, начальнику артиллерии, связи — в зависимости от того, какой службы это касалось. По вечерам к прокурору и следователю приходили друзья, играли в шахматы, разговаривали. Всё это были морские офицеры, много повидавшие, много знающие люди. Слушать их было интересно и поучительно. Адъютант командира бригады Бобров приносил гитару, чудесно пел под неё стихи Есенина… В деревне Люговичи, что отстояла от нас километрах в пяти, в церкви был бригадный клуб, там проходили репетиции художественной самодеятельности, в которой я тоже участвовала — пела любимые всеми песни того времени. Фронт был километрах в двадцати, лишь изредка слышался отдалённый гул… Внешне это была просто жизнь, нас не бомбили, не обстреливали — так надёжно укрывали леса. Но на душе было неспокойно, я никак не могла освоиться с мыслью, что в такой грозный для родины час люди идут на преступленье, чтобы избежать фронта, идут

Надежда Григорьева, Евгений Носов, Наталья Овчарова.
Курск, 1953

на членовредительство. Таких случаев было немного, и всё же были: один солдат «ненарочно» отрубил себе указательный палец, другой, тоже «ненарочно», отстрелил, рассчитывая, видимо, попасть в обоз с подобным увечьем… Доказать предумышленность было нетрудно, способы эти повторялись… Помню, следователь, положа руку на полено, так и сяк примерялся топориком, чтобы убедиться, можно ли – случайно — отрубить только один палец, не задевая других. Само повторение подобных случаев доказывало, что это вовсе не «ненарочно»…

Этих людей судили и отправляли в штрафную роту, которая действовала на самых опасных участках фронта. По долгу службы мне приходилось бывать на открытых заседаниях военного трибунала, я видела реакцию бойцов. Их лица выражали гнев, презрение, и в то же время сквозило что-то вроде жалости, сочувствия… Видела, что и провинившиеся ведут себя по-разному. Кто стоял молча, понурив голову, признавая свою вину, кто каялся со слезами…

Прокурор и следователь постоянно бывали в подразделениях, знакомя бойцов с уголовно-процессуальным кодексом, стремясь разъяснить, предупредить подобные случаи. И так шли наши дни…

О своих днях в прокуратуре я тоже написала повесть — по живым ещё тогда впечатлениям, но она не была опубликована.

Весной 1943 года должность секретарей в прокуратуре бригад была упразднена и меня направили делопроизводителем-казначеем в отдельную сапёрную роту той же бригады. Располагалась она через дорогу от штаба, тоже в лесу, но это был совсем другой мир. Совершенно другая работа, мне незнакомая. Вёлся учёт всему, начиная с прибытия-убытия личного состава, о чём мы ежедневно подавали в 4-ю часть — то есть канцелярию бригады — строевую записку. На основе неё учитывался расход продовольствия и прочего, прочего, прочего… Вещевое, фуражное, денежное снабжение. Масса накладных, которые привозил старшина. Счастье, что командир роты прикрепил ко мне уже немолодого бойца Чихутова, который на гражданке был счетоводом. И прежде помогал старшине. Без его советов и подсказок я, наверное, никогда

бы в этом обширном делопроизводстве не освоилась. Чихутов был северянин. Любил поворчать, если я что-то не понимала, но товарищ он был надёжный. Ни разу не слышала я, чтобы он где-то посмеялся над моей неопытностью. А за это можно было простить трудяге Чихутычу любую его воркотню. Тем более, что месяца через два-три я освоилась с делами, и теперь он сам порой о чём-либо у меня спрашивал…

И были ещё учебные стрельбы. И марши. Сапёры же постоянно уходили на задания: строили дзоты, мосты, чинили дороги, минировали и разминировали, по заданию командования, участки передовой. Я уже знала всех в лицо, и было тревожно, когда группа возвращалась не вовремя, или что-либо с кем-то случалось.

У меня была отдельная землянка; строители-сапёры вывели дверцы печурки в тамбур, чтобы зимой дежурные дневальные могли подтапливать её. Так что я не замерзала в самую стужу… Помню, как хотелось хоть чем-либо украсить моё лесное жилище, но ничего не было под рукой, кроме газет, которые имелись в Красном уголке, и я выстригала из газеты — старой, конечно, «кружевную» занавесочку на окно…

Командиры взводов тоже имели отдельную землянку. Командир роты — глубоко уходящий в землю блиндаж… Три больших взводных землянки, кухня, склады, баня, Красный уголок, где, кроме газет, были шахматы, гитара, мандолина, где мы проводили комсомольские собрания и репетиции художественной самодеятельности. В роте было большое хозяйство. И командовал ею строгий, сам очень дисциплинированный — профессиональный военный, и очень неплохой в душе человек, который умел требовать дисциплину, но не позволял никого зря обижать.

Я постепенно сдружилась и с командирами, и с бойцами. С детства я привыкла с уважением относиться к людям, и это вызывало ответное уважение. В первом взводе меня даже называли — шутя, конечно, почётным членом: любили посидеть там кружком возле горящей печурки, поговорить обо всём на свете, спеть хором… Там я научилась украинским песням. Услышала узбекские, грузинские напевы…

Эта страница моей биографии запечатлена в повести «Тихий фронт», которая вошла в книгу «Вернусь живым» вместе с другой повестью «Земля под ногами» (Воронеж, ЦЧИ, 1974), о чём речь впереди.

В марте 1944 года, в связи с переформировкой, меня направили в 16-й батальон резерва офицерского состава, который размещался в селе Паша. Я там была четыре месяца, и успела вволю наработаться в строевой части батальона — бумаги везде есть бумаги, и помощь тоже всегда нужна. Командовал батальоном Николай Николаевич Калитиевский, начальником строевой части был Алексей Петрович Юшков. Машинисткой работала — по вольному найму — Тамара Дудникова, с которой я подружилась. И жила у них в доме, где остались они вдвоём с сестрой, так как семья их была эвакуирована. Навсегда запомнилась мне медлительная, с низкими берегами, полноводная река Паша. Где по вечерам алые зори мягко окрашивали воду и, словно в зеркале, отражались в воде лодки местных жителей… И клуб, тоже в сельской церкви, где звучала нередко чудесная музыка: война была рядом, и село заполняли военные, но жизнь оставалась жизнью. Вернее, война становилась жизнью. И я всегда вспоминаю, как зимой, когда я училась в вологодской десятилетке и приходила на воскресенье домой, в понедельник, ко второй смене, надо было возвращаться обратно. На улице мороз, снег ходит кругами, глянешь в окно — обдаёт холодом от снежной заверти. Но выйдешь в неё, окунёшься, сначалаознобно, поднимешь воротник, надвинешь поглубже шапку и идёшь. Ибо идти надо. И ты уже не сбоку, а среди метели, и она уже нечто привычное, освоенное… Надо идти.

У Тамары Дудниковой, уезжая, я оставила свои тетради со стихами, письма от родных и подруг, фотографии. Но ей тоже потом пришлось уехать со своей частью, и мои «архивы» пропали.

В начале июля 1944 года я была направлена из резерва в 135 стрелковую дивизию, прибывшую с 1-го Украинского фронта, для подкрепления в предстоящем

Леонид Жуховицкий, Наталья Овчарова, Николай Шитиков, Дина Изотова
Курск, 1953

прорыве обороны финнов на реке Свирь. Из штаба дивизии меня направили в 497 стрелковый полк, делопроизводителем по учёту офицерского состава и наградам. Мы дошли до Свири, но прорыв уже был свершён, и, переночевав в лесу у реки, мы получили приказ идти на станцию Паша, где нас ждали эшелоны для отправки в Финляндию.

И жизнь снова повернулась ко мне совсем иной стороной — совершенно другой характер работы. Совершенно другие пути-дороги. Но люди оставались всё те же — свои, родные, русские, дорогие сердцу и памяти. Ибо всюду находила я добрых друзей. А в полку встретила и свою любовь, надёжного, верного друга всей последующей жизни. Которого уже нет, к сожалению, который в душе всегда со мной…

Иногда говорят: пишите о войне правду. На войне, как и в жизни, было всё. Но каждый из нас судит о чём-либо лишь по тем граням, с которыми ему пришлось столкнуться. Я служила в регулярных войсках, противник был всегда впереди, отдельно, и это определяло многое.

Наш командир полка, полковник Михаил Порфирьевич Иванов, был умный, большой души человек. Умел уважать и беречь солдата. И его все любили и уважали в полку, а отсюда — дисциплина и порядок

В нашей строевой части штаба полка — было нас всего пять человек: начальник, старший лейтенант Таланков, делопроизводитель по учёту рядового состава младший лейтенант Солод, писаря Лысенко и Толстых, и я — тоже была дружественная деловая обстановка. Работы всегда было много, выполнять её приходилось в самых порой неподходящих условиях: на марше, во время привала, в полуразбитой хатёнке, когда невдалеке гремел бой, в землянке под скалой, без окон, при свете крошечных стеариновых плошек… Причём требовались исполнительность и точность: ошибись в одной букве, и сообщишь о гибели совершенно не того человека. Или человеку, по высланным вами документам, дадут награду, а получить он её не сможет: буква не та… Я вела учёт офицерского состава и всё, что касалось наград. Прошёл бой, нам приносят сообщения, кто выбыл по ранению, кто погиб. Приносят короткие, в несколько строк, представления к награде… Моё дело — написать по этим строкам реляцию, чтобы человеку дали именно ту награду, которую он заслужил, к которой его представляли. А там — целый статус… И каждая реляция должна быть оформлена в четырёх экземплярах — для чего мне порой придавали на помощь ротных писарей. И

чтобы полковник всё одобрил и подписал… А потом, когда награды придут, оформлять — вручал их командир полка, удостоверения к ним. И это — для всего состава полка. И порой — после бессонного ночного марша, чуть ли не на ходу.

Но горше всего было писать извещения, досылать пули врага в сердца матерей. Хотелось к скупым словам «пал в бою» добавить несколько слов о том, как это случилось… Несколько слов сочувствия… Но бланки требовали строгости. Да и откуда можно было об этом узнать? Кто в убийственной горячке боя мог бы проследить, запомнить, кто и как именно погибал?

Ко мне приносили фотографии, письма погибших офицеров, чтобы отослать на родину. И случилось однажды, что я поддалась чувству жалости, вздумалось пощадить человека в его великом горе, и что потом тревожило меня много лет… Было это уже в конце войны, в Польше. К нам поступили молодые офицеры, прямо из училища. Я их зарегистрировала, занесла в книгу учёта все их данные, потом повела их к полковнику на командный пункт, находившийся километрах в двух от наших тылов. По дороге младшие лейтенанты — в новеньких шинелях и фуражках, в новом обмундировании, не тронутые ещё никакой бедой — расспрашивали меня о боях, а один, самый молоденький, даже посетовал:

— Жаль, что война кончается. Получить бы ранение и орден, и пусть бы кончалась.

Мне хотелось сказать ему, что иногда человеку хватает одного боя. Но я промолчала.

Командир полка познакомился с ними, распределил по батальонам. Мы с ними попрощались. А ночью был бой. И этот молоденький офицер погиб. Мне принесли его документы. Среди них была открытка: «Дорогая мама, я прибыл в свою часть. Ночью идём в бой. Вернусь, напишу».

Я держала в руке эту открытку, и слёзы жгли мне глаза. Представила, каково будет матери читать эти оказавшиеся предсмертными строки. И не смогла, не вложила открытку в пакет. Отправив его, сразу же пожалела: назавтра тем более не пошлёшь, получит после извещения, что может подумать? Обрести надежду? А через день-два поняла, что теперь уже послать её совсем невозможно. И хранила эту открытку много лет. Лишь в 1972 году, когда мы ездили с мужем на встречу с нашими однополчанами в Коломну, где формировалась наша дивизия и где в школе № 29 существовал клуб «Поиск», я передала туда эту открытку. А они нашли по ней родных погибшего мальчика. И его племянница, Нина Цыренбазарова, прислала из Бурятии мне письмо с просьбой рассказать о том, что я о нём помню, — ещё была жива его мать. Я могла рассказать лишь о том, что написала сейчас. С Ниной мы долго переписывались.

Но это случилось после. А пока — о Финляндии. Мы стояли под Ихантало, недалеко от Выборга, тоже в лесах. Штаб полка находился недалеко от передовой. Наша землянка была вырыта под скалой, не имела окон. При свете стеариновых плошек хорошо не напишешь, я выходила работать на улицу. Садилась на камень, столом служил ящик из-под снарядов… В Карелии, за два года, как я уже говорила, я не испытала ни бомбёжек, ни артналётов — нас надёжно укрывали леса. Тут я тоже поначалу не ощущала никакой опасности, тоже лес кругом… Но возле землянки, под скалой, было вырыто глубокое укрытие. Мне казалось — до нас, наверное.

И вот я пишу. День солнечный, тёплый, кругом тихо, даже слышно, как перекликаются птицы. Из землянки вышел писарь Толстых — пожилой (мне тогда все, кому было под сорок, казались пожилыми), постоянно мёрзнущий среди болотистой сырости, в бессменной своей ватной телогрейке.

— Опять, младший лейтенант, сидишь на сыром камне! На, хоть телогрейку подстели, — снял он со своих плеч любимую одежку.

Я взяла, подстелила. Сидеть стало удобнее. Толстых ушёл работать. И вдруг — какой-то пронзительный, незнакомый нарастающий свист. Писаря выскочили из землянки и — в укрытие. Где-то грохнуло, заржали лошади. Снова

Дни литературы в Красногвардейском районе. 1978

нарастающий свист… тот же Толстых высунулся из укрытия и буквально за руку стащил меня в каменную яму. «Чего они испугались?» — успела подумать. Грохнуло рядом, возле нас.

Когда артналёт кончился и мы вылезли из укрытия, увидели: телогрейка Толстых пробита осколками. Что сталось бы с моей головой, не заставь он меня укрыться…

В дни затишья я по-прежнему выходила работать на то же место. И как-то по тропе мимо проходил старший лейтенант Георгий Тихонович Овчаров, заместитель командира батареи 120-миллиметровых миномётов. Я его знала в лицо, как и большинство офицеров полка. Он поздоровался, остановился, сказал, что идёт на наблюдательный пункт, сменить комбата. Поинтересовался, чем в данный момент я занимаюсь. Немного поговорили. На другое утро он снова прошёл по нашей тропе, но уже обратно. Опять поговорили. Он пригласил меня к ним в батарею, которая располагалась в лесной низине, в полукилометре от нас. Пошутил, что нас обстреливали из-за них: финны пытаются их засечь. Теперь уже я стала ждать, когда он пройдёт тут снова… Так мы познакомились. Так началась наша дружба.

Естественно, за минувшие годы мне не однажды предлагали дружить. И порою мне кто-то нравился. Но чуть познакомишься ближе, становится ясно: это не твоё, это — чужое… У меня не было близкой родни, лишь сестрёнка Лена, от отчима, на десять лет моложе меня, мы с ней переписывались. И всегда, сразу после смерти мамы, я очень ощущала своё одиночество на всём белом свете. Чужое — отпугивало, словно во мне сразу обрывалось что-то… Юра был свой, родной по духу человек. Он ничего от меня не требовал, мы радовались, встречая друг друга, радовались самому простому разговору… Нам было интересно узнавать что-то друг о друге. И на батарее его товарищи встречали меня дружески просто. Наверное, это самое ценное в общении людей — дружеская простота. Когда идёшь к друзьям с открытой душой, зная, что тебя приветят, поймут, защитят.

…В начале сентября финны сдались. На этой земле наступил мир! Наш полк отвели в местечко Ханнила. Отдых, переформировка, — и подготовка к новым боям. Полковник был тяжело ранен, лежал в госпитале, в Ленинграде. Мы подчищали все недоделки, наводили порядок в делах… Наконец вернулся полковник, провёл смотр

всем подразделениям. В день 7-го ноября состоялся полковой вечер. 19-го ноября был день артиллерии, полковник собрал офицеров на праздничный ужин. Во время этого ужина Юра сказал мне:

— Переходи жить ко мне, в батарею. Останемся живы, будем вместе.

Порой я думаю о том, что каждый из нас чем-либо обделён в жизни. Я рано потеряла родителей, у меня не было на родине родных «корней», не нянчились со мной в детстве дедушки и бабушки, дяди и тёти. Не было школьного выпускного бала: я болела и не смогла пойти. Не было свадьбы: будучи в 1945 году, осенью, в отпуске, в России, мы просто расписались с Юрой в загсе… Зато всегда были рядом хорошие люди, которые научили ценить в жизни всё доброе. Истинное. Надёжное. Честное.

Я вышла замуж, как говорили у нас в деревнях, «самоходкой», никого не спрашиваясь и без «объявления». Окружающие восприняли это, как само собой разумеющееся. Лишь полковник сказал мне на другое утро, когда я принесла ему документы на подпись:

— Юра Овчаров — надёжнейший из надёжных. Я всегда в нём ценил это. И ценю.

22 декабря 1944 года мы вновь погрузились в эшелоны. Новый, 1945-й год, встретили в селении на реке Висле. А потом пошли маршем на Краков, приняли участие в его освобождении, после чего полк получил наименование Краковский.

…Путь от Вислы до Кракова был неимоверно тяжёл: мы шли и шли, день, второй, третий, по разбитой, в мёрзлых комьях, дороге, между пустынными полями и перелесками. Лошади с трудом тянули высоко нагруженные ящиками со снарядами брички, тяжёлые пушки и миномёты. На редких привалах негде было присесть, кругом снег, снег, снег… Ночлег приходился то в поле, то в придорожном лесу. Именно тогда я воочию увидела жуткое лицо войны: между елями всюду лежали присыпанные снегом трупы убитых немцев. Противник отступал так поспешно, что не успевал похоронить погибших. Ещё более жутко было видеть затянутый дымом Краков, пылающие дома, полное разорение вокруг… Наши батальоны сходу вступили в бой. Мы, второй эшелон полка, разместились, кто как мог. Нам довелось работать в доме с выбитыми стёклам, где стужа была такая же, как на улице. Но надо было работать, хотя пальцы не держали от холода ручку. Тем более, что вскоре стали поступать из подразделений сообщения о погибших и раненых.

В тот же день, уже в сумерках, мы снова двинулись — на Катовице. Крутила вьюга, орудия и повозки вязли в снегу. Конец пути, как всегда, был неизвестен. Наконец остановились в каком-то селе, но все дома там были забиты людьми до отказа, не то, что лечь, стать было негде. Приходилось пристраиваться кое-как, где удавалось.

В Катовице, насколько помнится, мы стояли неделю, несли комендантскую службу, получали пополнение. Затем снова двинулись, теперь уже с непрерывными боями. В старой фронтовой тетради у меня сохранилась короткая запись нашего пути: Боленцын, Фарендорф, Шейнау, Розенгруд, Фриденау, Дитампсдорф, Нойвальде, Бреслау… К сожалению, записаны далеко не все города и сёла, которые мы проходили. Видимо, те лишь, где бои шли наиболее сильные.

Боленцын — село на берегу Одера, где состоялся очень тяжёлый бой. В результате река была форсирована. Наша и другие воинские части заняли на другом берегу Одера так называемый «пятачок» — полосу берега в несколько километров длиной и очень узкую в ширину. Помню, мы стояли в каком-то селении, как раз на краю этой полосы. Враг укрепился в предгорьях. Для прорыва на «пятачок» была свезена масса орудий всех родов и калибров. Из-под крыши разбитого дома нам пришлось видеть, как в течение двух часов на позиции немцев низвергался буквально шквал огня. В том числе и впервые увиденных нами «Катюш»…

Мы, солдаты второго эшелона, шли вслед за нашими частями по следам только что прошедшего боя и видели то, что от него осталось. Передать это словами невозможно. Поля трупов. Исковерканная, иссеченная взрывами земля… До Одера Польша смотрелась нищей и разорённой. За ним — каменные дома, явный достаток

в жизни: мы впервые увидели там в коровниках электричество, автопоилки… Противник уходил так быстро, что мы еле поспевали за ним. Но где-то, видимо, на заранее подготовленных позициях, останавливался и давал бой… А села и городки оставались пустыми, люди уходили вместе со своими войсками, видимо, боясь нашего мщения. Придешь в дом — ещё плита тёплая и чашка кофе стоит на ней…

О пережитом нами в Польше я написала повесть «Земля под ногами», вошедшую в сборник «Вернусь живым», о чём я уже сообщала выше. Эта повесть вошла в мою книгу «Кукушкин лён». В журнале «Звонница» (№ 6, 2005, Белгород) опубликована моя поэма «Жизнь бессмертна», о моём фронтовом пути, где тоже есть эпизоды из нашего боевого похода.

О безжалостной горячке сражений написано уже много книг, с рассказами очевидцев, прямыми участниками битв. Привыкнуть к этому было нельзя. Смотреть — невозможно. Но смотреть приходилось, с закрытыми глазами по войне не пройдёшь. Увиденное навсегда западало в память. Отсюда — стремление поведать, рассказать. Но, сколько бы ни рассказывали, всё рассказать о войне невозможно. О действительно великой, народной, освободительной для нас войне 1941-45 годов. Минули десятилетия, но в сердцах тех, кто прошёл через неё, она жива…

Наш боевой путь закончился в городе Бреслау (ныне Вроцлав), где окружена была группировка противника. Фронт ушёл далеко на запад. Наши части вели в Бреслау забирающие много жертв уличные бои: гибли не только от пуль и снарядов, падали стены обгоревших домов, погребая под собой наступающих бойцов… Полк наш понёс большие потери. И 30 апреля нас вывели с передовой, в лагерь Оперрау, километрах в шести от Бреслау.

6-го мая противник в Бреслау сдался.

Мы понимали: день Победы близок, но не знали точно, когда это свершится.

В ночь на 9-е мая мы долго не спали: два молодых офицера из батареи Юры (а он в боях стал командиром батареи 76-мм пушек), что жили в соседней с нами комнате, спорили на какую-то футбольную тему, и так настойчиво, шумно, что Юра не раз ходил останавливать их. Неожиданно ночь наполнилась множеством выстрелов, стреляли изо всех видов оружия, вразнобой, беспрерывно, безостановочно. Юра вышел на крыльцо барака — узнать, что случилось. Вернулся, счастливо улыбаясь:

— Победа! Часовой ничего не знал, я пошёл к дежурному телефонисту, а он: «Победа, товарищ комбат! Только что звонили — заключён мир! Да я не захотел вас тревожить!» Представляешь: не захотел тревожить!

О конце войны уже знал весь лагерь, к нам пришли товарищи, мы проговорили до утра, ещё не веря, но понимая — война кончилась! Дошли! Выжили! Победили!

Никто не спал почти до рассвета…

9-го мая, днём, весь полк был выстроен в парадном порядке. Полковник поздравил нас с великой Победой. Вручил многим солдатам и офицерам ордена и медали. В тот день и мне, наряду с другими товарищами, был вручён орден Красной Звезды.

А к вечеру командир полка собрал всех офицеров на праздничный ужин. Не было для всех нас счастливее того дня. День этот — 9-е мая — и сегодня для нас не угасающий праздник. И день святой памяти о погибших товарищах…

Вскоре нашу дивизию расформировали, создали из неё один, 587 стрелковый полк. Командиром остался наш полковник. И мы с мужем были зачислены в новый полк, теперь 4-й гвардейской дивизии. Входила она в Центральную группу войск; мы совершили многодневный марш в Австрию. Сначала стояли в местечке Лембах, у австрийских Альп. Там проходила демаркационная линия с американцами. Затем были в Бад-Фишау, километрах в 50 от Вены. Город Шопрон — в Венгрии. Село Хаймашкер, тоже в Венгрии, возле озера Балатон. Все новые, интересные места необъятной Земли нашей. Со своими особенностями природы, населения, необычной своей красотой. Но как я тосковала по своей России! По своим северным лесам, по

По грибы. Овчаровы. 1980

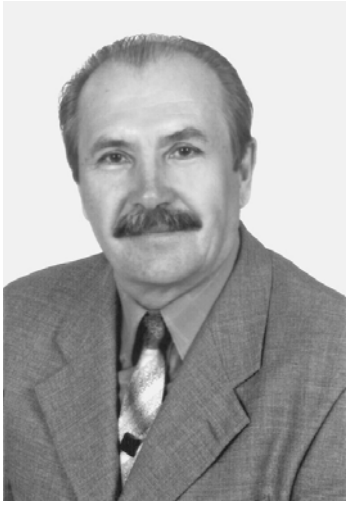
людям, с которыми рядом жила и взрослела. Хотя мы жили в составе полка, среди своих, российских товарищей, чужая земля оставалась чужой.

Меня демобилизовали в декабре 1945 года, Юру — в марте 1947 года. Долгие недели шёл до российских пределов наш воинский эшелон с демобилизованными. Ехали мы в Курск, на родину мужа, к его родителям. Зная, что живётся сейчас в России тяжело. Готовясь одолеть и эту, предстоящую нам, нелёгкую полосу жизни…

Сколько оказалось в моей жизни дорог — всегда неожиданных. И каждая открывала что-то новое, удивительное. Я в это верила и на этот раз. Верила — и ждала.

То, что я пишу здесь — не воспоминания в общепринятом смысле слова. Короткие страницы пережитого, вошедшего в мои книги. Вернее, скорей то, что как раз и не вошло в них… Отдельные факты. События. Мысли. Словно идёшь широкими шагами, видя, замечая до сих пор, может быть, не замеченное. То, о чём и не думал серьёзно никогда… И что на самом деле составило фундамент твоей жизни. Её основу. Люди. Мы повседневно сталкиваемся с самыми разными людьми, но задумываемся ли о сути наших столкновений? О том, как отражается это в дальнейшем. И как мы сами смотримся с точки зрения этих людей?

Продолжение следует

НЕВЛЕВ
ВЛАДИМИР КУЗЬМИЧ

Родился в 1940 году в семье сельских учителей в селе Крестики Оконешниковского района Омской области. Трудовую деятельность начал в 1957 году учителем математики и физики в селе Тарлык Любинского района Омской области. Закончил одновременно в 1963 году Омский педагогический институт (физмат) и Омский институт физической культуры. Работал по направлению в Целинограде (Казахстан). Служил в армии, в том числе на Кубе. После трудился преподавателем, зам. директора техникума, в райкоме партии. С 1978 года живет в Белгороде. Закончил в Москве аспирантуру, защитил в Ленинграде диссертацию. Работал зав. кафедрой в Белгородском ИУУ. Сейчас трудится в Белгородском университете потребительской кооперации на кафедре социальной работы. Имеет шесть монографий и около 300 научных публикаций. Член авторского коллектива «Белгородской энциклопедии». Профессор, член-корреспондент Международной Академии наук педагогического образования. Занимался журналистикой, выпустил шесть поэтических книг. Стихи печатались в Москве, в Белгородской области, на родине – в Омской области. Предлагаются отрывки из его книги воспоминаний «Времена года».

ВРЕМЕНА ГОДА

В нужное время (предисловие)

Я прожил разную жизнь — где-то очень восторженную и содержательную для души и сердца, где-то серую и в чем-то тяжкую. Оглядываясь назад и оценивая свое прошлое, я практически ни о чем не жалею и не хотел бы повторять все снова — было как было. Так было наверно нужно обстоятельствам, госпоже-удаче, судьбе-разлучнице.

В моей жизни было много разных событий и замечательных встреч с интересными, выдающимися, но всегда с очень добрыми, приятными и порядочными людьми. Иногда это были совпадения судьбы, иногда это были поворотные моменты истории, иногда — обстоятельства и случайности. Я часто думаю, что, как принято сегодня говорить, наверное просто родился в нужное время и в нужном месте. Может так, а может иначе…

Моя жизнь так была насыщена, что у меня всегда присутствует ощущение, что я прожил за троих. За кого, пока не знаю. Поэтому считаю, что не рассказать об этом моим детям, родственникам, близким будет не только большой грех с моей стороны,

но и непорядочно. История этого времени должна быть увековечена хотя бы на примере одной семьи и в небольшом жизненном пространстве.

Прежде чем начать это повествование, долго собирался с духом, силой воли, осмыслением необходимости. Долго выбирал форму изложения — кратко или подробно, в виде мемуаров или эссе. Остановился на простом повествовании в виде воспоминаний и размышлений, как говорили раньше, в назидание внукам.

К этому еще подтолкнули два события. Внучке в школе дали задание нарисовать генеалогическое дерево родителей, и она стала подробно расспрашивать о всех дедушках и прадедушках, бабушках и прабабушках. И оказалось, что даже я всего не знаю.

Сын в аэропорту Внуково, по дороге в Иркутск, встретился с Маршалом Д. М. Язовым и они долго беседовали. Сын закончил военное училище и звание лейтенанта ему присваивал Язов. Я спросил сына:

— Ты ему сказал, что ты внук директора школы, в которой он учился.

— Нет, не сказал. Я думал, что ты родился в Боголюбовке.

Да, чувствую, здесь большая моя вина. Хотя дети по десять раз пересмотрели все родительские документы, где-то что-то я упустил.

Поэтому посчитал, что пора начинать — иначе может оказаться поздно. У мусульман есть правило, что каждый правоверный должен знать своих предков до седьмого колена. Это у них, до недавнего времени остававшихся неграмотными. Оказывается, дело не в грамотности.

Мы, считающие себя цивилизованными, знаем родственников до третьего, редко четвертого колена. Правильно делают школы, заставляя детей изучать историю и родословную своей семьи.

О чем я все-таки сильно жалею, что за суетой дел и мелочами жизни не уделял достаточно времени и внимания своим родителям, родственникам, мне близким людям, друзьям детства и юности. Все оставлял на потом. Но, увы, потом не получилось — время, как и самолет, не летит назад.

Всё, что здесь написано — это чистая, где-то грустная и горькая правда, рассказанная очевидцем тех дней и событий, в той интерпретации, в какой он воспринимал и представлял увиденные события, время, людей и позволяли его совесть и душа. Как бы там ни было, я сижу за столом, держу удобную авторучку и думаю, как хорошо, что написал несколько страниц. Но вся моя жизнь еще впереди, и её нужно положить на бумагу, подобрав нужные слова, точные сравнения, определив главное в прошлом и настоящем.

Человеческая память обладает удивительным свойством — мы помним до мелких подробностей, что было давно, и совершенно не помним, что было совсем недавно. Почему это так бывает?

Книга первая

МОИ ИСТОКИ

Оконешниковская земля

Родился я до войны, за год до её начала, в семье сельских учителей. Село, место моего рождения, носит распространенное на Руси название, связанное с православием, но в теплой вариации — Крестики. Находится оно в порубежном когда-то районе — Оконешниковском Омской области.

Если подняться из Омска по Иртышу вверх километров на сто в сторону Казахстана, к Черлаку, то слева начинается Курумбельская степь. Здесь множество озер —

и с горько-соленой и пресной водой. В озерах водится много рыбы, здесь же изобилие летающей и водоплавающей птицы. Соответственно, множество зверья — степных волков, лис-корсаков, кабанов. Еще помню, как рассказывали старики, что в начале XX века сюда забредали из Заилийского Алатау и поймы озера Балхаш самые настоящие тигры. Последние очевидцы их видели во время войны.

В направлении на юго-восток эти края переходят в Барабинскую степь. Недалеко от этих мест находится знаменитое озеро Чаны, куда местные рыбаки ездят, особенно в безрыбные годы, промышлять ценные породы рыб.

Эти края издавна заселены русскими переселенцами. Первыми жителями этих мест были казаки Ермака и казаки-разинцы, спасавшиеся от царских карателей. Затем переселили сюда азовских казаков. После молдавского поражения Петр I отдал Азов снова туркам. Так и появились здесь азовцы. Легенды разные — одни говорят, что это было организованное переселение. Другие — что казаки ушли на Иртыш в знак протеста Петру I за сдачу Азова. Тогда были основаны здесь Чистово, Крестики, Орловка, Язово (Азово в местном произношении). Хотя недалеко есть и другое Азово — центр немецкого национального района.

Затем эти земли заселялись новыми переселенцами из Центральной России, Эстонии, Латвии, как до революции (родственники моей бабушки по отцу из Орловской губернии), так и в первые годы Советской власти. В 60-е годы сюда приехали первоцелинники из Центрального Черноземья, Украины и Белоруссии.

Старые, исконные сибиряки называли себя чалдонами. Чалдон или челдон переводился как человек, казак с Дона. Есть другая, более научная трактовка. В переводе с тюркского означает русский, который перешел на сторону татар, принял ислам и воюет за их веру. Чалдоны считали себя истинными сибиряками и с пренебрежением относились к переселенцам, особенно с Украины. Среди них была распространена фамилия Урусов. Урус — по-татарски означал русский.

Дедушка и бабушка — Семен Осипович и Василиса Кирилловна Танцура. с. Боголюбовка. Декабрь 1941

Вперемежку с аулами местных сибирских казахов, селами, были и казачьи станицы, являвшиеся частью Сибирского казачества. Достоверно известно, что местные казаки участвовали в Болгарской войне, в числе Сибирских казачьих полков. До сих пор сохранился в этих местах и действует в Ачаире мужской монастырь, который был основан на Иртыше как казачий для увеченных воинов в Болгарии. Сегодня ходит даже специальный теплоход «Омск — Ачаир».

В село Крестики мои родители были направлены учительствовать. Отец, Кузьма Михайлович Невлев, учитель истории, в свои 27 лет был уже директором местной средней школы. Мама, Евдокия Семеновна

Танцура, преподавала биологию, химию, географию. По законам того времени родственники, в том числе муж и жена, не могли работать в одной школе. Поэтому при регистрации брака они оставили прежние фамилии.

Квартира директора школы по старой русской традиции находилась в самой школе. Когда я родился, то старшеклассники по решению комсомольского бюро ходили меня нянчить, пока не приехали мамины сестры, а мама ходила давать уроки. Моя первая фотография — на фоне географической карты.

Родители — Евдокия Семеновна и Кузьма Михайлович Невлевы. Омск. 1937

С моим рождением связано несколько семейных событий. Так как я родился первым у родителей, то они, как истинные комсомольцы того времени, назвали меня ни больше и ни меньше как именем пролетарского вождя — Владимиром. Второе, день рождения с 6 октября перенесли на 6 ноября, поэтому я не очень веселился в день своего рождения, так как шла подготовка к 7 ноября и это закрывало индивидуальное торжество на фоне Всемирного пролетарского праздника. Став чуть старше, я этим даже очень гордился. Но вся моя семья отмечает мой день рождения 6 октября.

Когда шло деление учреждений, то поступили следующим образом. Среднюю школу открыли в Крестиках, а участковую больницу — в Язово. Фактически я увидел свет, родился под вечер в роддоме села Язово. Хотя место рождения обозначено — Крестики. Вообще-то, какая разница.

Мой отец преподавал историю и, как я понял, занимался краеведением. В частности, он изучал этимологию названия села. Легенды, как он рассказывал, были следующие. Первая — шел зимой караван русских купцов и в сильный буран люди легли около верблюдов, как тогда это делали в бескрайних казахских степях, и не поднялись — замерзли. Весной купцов похоронили тут же — у дороги. Поставили небольшие кресты — дерева было мало, вот вам и название Крестики. После кто-то — купцы или их дети поставили на возвышенности каменный крест — предупреждение.

Вторая легенда — село раньше находилось в другом месте. Сбоку от села — огромное озеро в камышах, так первые поселения были с другой его стороны. Случился пожар в засуху и все дома вместе с людьми заживо сгорели. На месте домов поставили кресты, но селиться на этом месте не стали — страшное.

Третья легенда, тоже драматичная. Из степи налетали банды казахов — разбойников (ушкуйников). Они не только угоняли стада и поджигали степь, но могли заарканить и утащить волоком человека — либо парня, либо девушку. Потом выставляли близ села на шесте их голову. Эти головы хоронили отдельно, ставили особые кресты.

Какая из этих легенд была истинной — сегодня сказать сложно. По мнению отца, от всего было взято понемногу. Вообще-то, сибирские казахи были высокие, крепкие, добрые и смирные люди. Их стада паслись рядом с русскими и конфликтов не было, почти. Они были из северного джуза, более 300 лет назад присоединились к России. Разбойниками были южные кочующие казахи, которых не любили все. По-моему, они не примирились и воюют до сих пор.

У этого края есть и другие истории. В Язово почти все были Язовы, которые учились в Крестинской средней школе. Среди них был и Дима Язов. Он, как и все, учился у моих родителей, заходил к нам, а, может, и нянчил меня. Как говорили мои родители, он был очень добрым мальчиком и очень порядочным. Таким он остался на всю жизнь.

Потом он стал Дмитрием Михайловичем Язовым, Маршалом, Министром обороны СССР. Стал тем легендарным Язовым, который сам пошел в тюрьму. Когда он сидел в Матросской тишине, то солдаты и офицеры из охраны без приказа, из-за великого к нему уважению ходили строевым шагом мимо его камеры. В Крестиках он закончил среднюю школу. Когда началась Отечественная, он учился в знаменитом Омском пехотном училище, откуда был направлен под Сталинград, где выжил из немногих его сокурсников. Отец тогда был призван в Ачинск переучиваться на новые самолеты.

Недалеко от этих мест, в Новосибирской области, находится город Татарск. Здесь до сих пор живут мои дальние родственники по материнской линии отца – Каревы и Сиротины. Это родина знаменитого летчика, первого трижды Героя Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина (1913–1985). Утверждают, что его предки жили в этих местах. В селе Любчино Оконешниковского района, на родине матери, прошло детство легендарного героя-пограничника с острова Даманского на реке Амур — Ивана Ивановича Стрельникова, Героя Советского Союза (1939–1969).

Но были и другие в моей жизни совпадения. В Целинограде мой тесть, Глотов Михаил Георгиевич, дружил с соседями Селиховыми — Александром Ивановичем и Ольгой Александровной, уроженцами Омска. Он был инженер-строитель, она — врач, училась с моей мамой на рабфаке в Омском мединституте. Когда в 1985 году в Челябинске проходили Всероссийские педагогические чтения, где я участвовал, то был в гостях у Селиховых. Мы долго беседовали и Александр Иванович мне поведал, что его отец еще до 1917 года переехал в Омск из Крестиков. Последнее время жил у второго сына в Москве и похоронен на Ваганьковском кладбище. Да, мир тесен.

Несколько слов о педагогическом коллективе Крестинской школы. Он был небольшой, но наполовину мужской. По происхождению — рабоче-крестьянский. Образование — учительские институты и педучилища. Коллектив был дружный и веселый, один из учителей был баянист. Вместе ездили заготавливать под Оконешниково дрова для школы, вместе отмечали праздники. Мужчины вместе ушли на войну, откуда большинство не вернулось.

В 70-е годы мои родители проезжали эти места и заходили в школу. По-прежнему там преподавал только учитель математики, который вернулся с войны. В августе 2001 года я проездом был в Крестиках, встретил мужчину, бабушка которого всю жизнь преподавала в начальных классах. Тогда она была еще жива. Но старую школу уже снесли, рядом стояло новое здание. Оно мне не понравилось, какое-то было неухоженное. Мне сказали, что школу несколько раз посещал Маршал Д. М. Язов.

Одним из последних событий моей крестинской жизни был приезд в конце октября 1941 года эвакуированных детей из Ленинграда. Отец еще работал директором школы. Детей разместили по квартирам, многих взяли учителя. Дети были бледные, изможденные, очень подавленные, потому что у большинства из них погибли близкие. Мама часто их подкармливала. Были очень хорошие дети, образованные, культурные, хорошо учились. Они практически все после остались в Сибири.

Помню в 60-е годы к отцу приходил молодой мужчина, они потом часто общались. От отца я узнал, что это бывший эвакуированный мальчик, тогда он преподавал историю в Омском машиностроительном институте. Много детей умирало сразу. Со многими из бывших ленинградцев-блокадников, детей и взрослых, я общался в Сибири, Казахстане. Они постоянно болели, жили недолго.

Вместе с хорошими детьми было много хулиганистых, воровитых подростков. Они нахальничали с девочками, даже насиловали. Не хотели учиться, курили, постоянно воровали. Издевались над учителями, особенно молодыми. Насколько я помню, они все пропали по тюрьмам и лагерям.

К концу ноября 1941 года всех мужчин-учителей и старшеклассников призвали в армию. Отец после кадровой службы вернулся авиационным механиком, поэтому

в Ачинске их полк готовили под Сталинград — обучали летать на новых самолетах, а попали они под Москву. Уже после направили под Сталинград, в город Калач. В декабре этого года родилась моя сестра Лариса и мама с ней ездила к отцу в Ачинск. 1941–42 учебный год мама еще работала в школе. Декретный отпуск тогда был не положен и нянчились со мной и сестрой, как я уже говорил, то ученики, то приезжали по очереди мамины сестры — тетя Вера и тетя Маруся, которые при этом еще сами ходили в школу.

С сестрой Ларисой.
с. Боголюбовка. 1946

В отсутствие отца мама стала больше общаться с местными женщинами. Работала агитатором, проводила политзанятия, читала по домам газеты со сводками с фронта. Война сблизила всех. Хотя у нас был маленький огородик, она покупала и обменивала на вещи некоторые продукты. Учила женщин разным видам засолки, другим заготовкам. Местные солили капусту зеленую и вилками, а мама научила их белой засолке. Они все удивлялись и говорили:

— Не капуста, а настоящий кипер (по старому — сахар).

С каждым днем жить, как и всем, становилось все труднее. Нас спасало то, что у родителей была корова. Это была красивая, красно-белая крупная животина, которая не только давала много молока, но и на редкость была умная. Без отца мама на ней ездила за сеном, дровами.

Помню, мы втроем ехали на телеге мимо озера. То ли мама задремала, то ли сестра стала ворочаться и выпала из телеги. Мама открыла глаза, обомлела и побежала искать сестру. Телега остановилась напротив камыша. Слышу — корова стала фыркать, наклонила голову и шерсть на ее шее встала дыбом. Я испугался, смотрю — напротив нас в камышах очень красивый волк. Он посмотрел на меня и, хотя был очень маленький, я встретил его очень добрый взгляд, который запомнил на всю жизнь. Он повернулся и убежал, корова успокоилась. Тут подошла мама с сестрой, которая была недалеко, и все поняла. Она поправила упряжь и мы благополучно поехали домой.

Должен сказать, что летом волки были незлые, сытые. В камышах было много еды. А вообще, в войну в Сибири было нашествие волков, которые ушли от мест военных действий. Но для них началась война в Сибири — были объявлены большие награды за их отстрел. Например, награда — мешок лучшей муки, что в военное время было сказочным богатством. Все равно это была мелочь по сравнению с тем, сколько волки губили скота, собак и даже людей. Залезали в конюшни, овчарни, никого не боялись. Люди в феврале забирали молодняк, овец, птицу, собак в дома или чуланы, коридоры.

Летом 1942 года маме стало с нами невмоготу, она уволилась и решила ехать на корове к своим родителям в Любинский район. Проверила телегу, сложила ящики с книгами, которые отец перед уходом на фронт упаковал, небогатый наш скарб. Продала патефон, спортивный велосипед и другие вещи. Перед этим недели две дала побольше отдохнуть корове, хорошо кормила. И где-то в июле мы трое отправились в дальний путь.

Ехать нужно было до Оконешниково, далее через Калачинск до Омска — это километров 120. Затем через Кировский район города, точнее через окраину Куломзино (сейчас станция Карбышево), вдоль железной дороги до Любино и там еще 20 км до Боголюбовки. Всего около 200 километров, как минимум.

Ехали неделю. Питались, видимо тем, что мама доила корову. Давала ей попастись и отдохнуть. Несмотря на военное время, нас никто не обижал. Солдаты из про-

ходивших эшелонов нам махали, а в Омске военные без промедления помогли проехать строго охраняемый мост через Иртыш как семье фронтовика. Спали в телеге, видимо мама не спала — караулила корову. Моя первая в жизни Одиссея закончилась благополучно у дома моих дедушки и бабушки — Семена Осиповича и Василисы Кирилловны Танцура.

Корова прожила с нами благополучно всю войну, добросовестно кормила нас молоком, дождалась с нами отца с фронта. Когда мы жили в другом доме, у нее обнаружили бруцеллез. Это была ошибка или, я так думаю, злой умысел. Сначала мы кипятили молоко, а потом сельсовет приказал зарезать. Мы все очень плакали, а мне ее жалко до сих пор. Она была полноправным членом нашей большой семьи.

По истечению многих лет, возвращаясь к этому событию в жизни нашей семьи и размышляя над извечным русским коровьим вопросом, я понял, почему корову в деревне величают второй матерью, а в Индии корова считается священным животным.

Боголюбовские зори

Покоренная Сибирь заселялась с севера — от Урала по Иртышу строились города и крепости. Некоторые из них сохранили свой статус и сегодня — Тюмень, Омск, Павлодар; другие его утратили — Тобольск, Тара, Тюкалинск. Крепости стали районными центрами — Крутинка, Саргатка, Любино. На запад от Иртыша раскинулась необжитая степь, по которой передвигались кочевники-казахи, калмыки со своими стадами. Эта местность стала заселяться в конце XVIII и, особенно, в начале XX века в связи со строительством Транссибирской магистрали. У сёл Любинского района интересная история — те, что расположены вдоль Иртыша, имеют возраст 200-300 лет; остальные основаны в начале XX века. В этих местах и жили мои родственники — сначала по материнской линии, затем и отцовской.

Земля, где я провел лучшее время своего детства — это село Боголюбовка, которое находится в направлении на север в километрах 70-ти от Омска, в пригородном Любинском районе. Село основано в 1909 году в столыпинский период истории России переселенцами из Самарской губернии и, в большей части, из Украины. Это выходцы из Белоцерковского района Киевской и Таврической губерний. Здесь я жил в 1942–1954 годы, сначала в семье дедушки и бабушки, а затем с родителями в своем доме.

Здесь поселились верующие люди — боголюбцы. В самой Боголюбовке церкви не было никогда, к 1917 году это была небольшая деревня, у которой не было денег на церковь. После революции, как мы знаем, церкви не строили. И, вообще, в Сибири церквей всегда было мало. Ближайшая деревянная церковь была в десяти километрах в Большемогильном, куда раньше ездили боголюбовцы молиться.

Кто дал название селу — не знает никто, но примерно в 40-ка километрах по другую сторону железной дороги от Любино находится небольшая, более старая деревня Боголюбовка, но Москаленского района. Значит, название дали русские, переселившиеся из Поволжья — из Самарской и Нижегородской губерний, которые были одними из первых жителей в этих местах.

Расположено село на равнинной, лесостепной местности, где-то в центре Западно-Сибирской низменности в километрах 20-ти от одной из крупнейших рек Сибири — Иртыша. Кстати, далее Иртыш течет на север, где за городом Тобольском впадает в Обь. Как нас учили в школе, они вместе с притоками образуют самую крупную речную систему в мире. Это вполне реально, ведь притоки то какие — Ишим, Тобол, Тара, Бича, Тартас и другие, которые в Европейской части России могли быть самостоятельными крупными реками.

Климат там резко континентальный — зимой до 50 градусов мороза, летом до 40 жары с сильными ветрами. Местность вокруг села ровная, местами болотистая. Болота здесь называют «лягами», вокруг которых ходило много легенд. В войну в них

вроде бы прятались дезертиры. Одна из них называлась Смолина ляга, в которой кулак по фамилии Смолин убил своего сынишку за то, что он вступил в пионеры. В детстве мы свободно бегали в лесу вокруг села, ходили за грибами и ягодами. Но к Смолиной ляге нам было категорически запрещено даже подходить.

Боголюбовка на виде сверху имеет Т-образную форму, где две широкие двусторонние улицы размещены под прямым углом с запада на восток и с севера на юг. Одна из них начиналась от центра села и шла на Дергачевский край, другая — от шоссе (раньше называли профиль) и упиралась в березовую рощу. Обе улицы посибирски были очень длинные. Кроме этого еще две небольшие односторонние улицы — за фермой (говорили — за огородами) и за школой. Через каждые три дома шли переулки (проулки). Мы жили на улице, которая шла от шоссе, на другом ее конце — ближе к березовой роще.

Дома в селе строились из березового сруба, обмазывались внутри и снаружи глиной. Полы деревянные, встречались и земляные. Печи — «русские» и «голландки» — клали из самодельного кирпича. Крыши крылись дерном внутрь на жердях, были помазаны глиной, которая каждое лето обновлялась. Встречались крыши из камыша, реже из соломы. В селе было несколько бревенчатых домов, а также из самана и пластов дерна (пластянки). Кочующие казахи на окраине села, чаще в нашем краю, копали землянки. На землянках и пластянках иногда были по-восточному плоские крыши. Вообще-то, каждый строил свой дом так, как было принято на его прошлой родине — на Волге, на Украине, в Крыму, на севере России, но с поправкой на Сибирь.

Первым поселенцем Боголюбовки называют Филиппа Леонтьевича Мироненко, хотя в моей памяти эта фамилия не осталась. Часть первых жителей были русские, но большая доля украинцы. Многие носили польские фамилии, но были: украинцы, поляки, молдаване. Войтов — бывший пленный австриец. Село было в основном украинское, речь — русская, быт и традиции — больше украинские, образ мышления — сибирский.

Первым старостой был Чередниченко — участник Первой Мировой войны. Это был пожилой человек, очень жесткий и строгий. Его усилиями, примерно в 1915 году, на деньги Большемогильской волостной казны Тюкалинского уезда был вырыт Казенный колодец, который существует до сих пор. Колодец большой, имеет много вкусной воды. Все жители села получили от государства большие наделы пахотной и сенокосной земли с лесами.

О Чередниченко ходят легенды. Во время гражданской войны в селе колчаковцев не было, но один раз заехал небольшой отряд всадников. Нашли старосту и потребовали водки и девок. Староста им показал:

— А этого не хотите!

И послал подальше. За буйство и строптивость старосту исхлестали нагайками, но не расстреляли. Вроде заступился подъехавший офицер. Село не числилось в «красных». Отряд с тем и уехал.

В это же время проводилась массовая мобилизация мужчин в колчаковскую армию. Призвали из села, насколько я знаю, одного деда Гаврилу Божко. Добровольческая армия Колчака разбежалась, а дед Гаврила вернулся через месяц домой — худой, обросший, грязный. Тоже сбежал. Позже он был хорошим колхозником, жил тихо, незаметно, как бы чего-то боялся. А чего ему бояться — он-то был писарем. Помню, как один из дедов, когда выпили, шутя, сказал:

— А ты, колчаковец, молчи!

В окрестных деревнях, да и в самом Любино, я еще застал несколько дедов, которые успели побывать липовыми «колчаковцами».

В Боголюбовке никого не выдавали, лишнего не болтали. Народ был работящий, непьющий. Но когда гуляли на праздники, то гуляли с удалью, буйно — с тройкой с колокольцами и бубенцами, ряженными, частушками; были искусными на выдумки и веселую дурь (дурковали). Одевали вывернутые шубы, на шеи — связки лука, ма-

зали лица сажей и били в печные заслонки. Шуму было на весь мир, когда уставали — на несколько голосов красиво пели украинские песни. По утрам, как ни в чем не бывало, шли работать.

По приезду в Боголюбовку мы поселились в доме дедушки Семена и бабушки Васи Танцура. Здесь, кроме них, еще жили три младшие дочери — или, как мы их называли, тети Вера, Мария, Екатерина. Тетя Вера закончила школу, а тетя Маня и тетя Катя еще ходили учиться. Сыновья — дядя Вася, военный врач-хирург и дядя Федя, танкист, бывший студент Омского автодорожного института, были на фронте.

Старшая дочь — тетя Мотя была замужем и жила с сыновьями Пашей и Геной отдельно через два проулка, с другой стороны улицы, рядом со свекром и свекровью дедом Степаном и бабушкой Фимой Прилипко. Муж тети Моти — Павел Степанович тоже был на фронте.

К пяти членам дедушкиной семьи добавилось трое — мама, я и маленькая сестра Лариса. И еще наша корова Пеструшка. С нами проблем не было — мы спали на печке. Корове тоже нашли место. Мама устроилась на работу в школу и днями пропадала там. Отец, как и все наши мужчины, находился на фронте. Дедушка меня любил, относился очень хорошо, баловал — мы были два мужика на нашу большую семью. Он, помню, столярничал, а я рядом играл кубиками и чурочками — других игрушек в войну у детей не было.

Днями я носился на улице и сразу нашел друзей. Был тяжкий 1942 год — немцы стремительно приближались к Волге. Было очень голодно — кроме картошки и некоторых овощей ничего не было.

Дедушка на телеге с бочкой подвозил солярку и мазут к тракторам. Приезжал очень поздно, усталый и грязный. Но мы, дети, ждали его, как Бога. Бабушка заворачивала ему с собой еду и он обязательно привозил нам ломоть хлеба от «зайчика». Чему мы очень верили. Хлебом это было трудно назвать — отруби вперемежку с лебедой, картошкой, иногда свеклой. Хлеб пах лесом и травами. И ничего вкуснее я в жизни не ел. Я тут же бежал на улицу и делил хлеб на остальных — у них и такого хлеба не было. Ребята иногда съедали мою долю и я шел домой голодный, за что бабушка меня ругала.

Дома нам доставался хлеб похуже, с подгоревшими корками. Хлеб бабушка пекла в русской печи на капустных листах, поэтому иногда булки были или в золе, или обгорелые. Мне это не нравилось и тогда бабушка пугала:

— Ешь, а то жена пол не будет мыть!

Я почему-то боялся и ел, но потом от мытья полов меня никто не освободил — ни в армии, ни когда я женился.

Но голодная любовь к хлебу у меня осталась на всю жизнь. Я не так люблю пироги, торты, бисквиты, пирожные, как хлеб. Могу с великим удовольствием съесть свежий батон или несколько ломтей свежего хлеба, без всего — просто так. И быть счастливым, как слон. И таких людей в жизни я встречал много, особенно у кого было голодное военное детство. Удивительно, что эту привычку у меня перенял мой сын. С тех пор у меня выработалась и другая привычка — я легко переношу голод, даже длительный, и никогда не страдаю «жором», всегда плохой аппетит.

Несмотря на старания бабушки и мамы, я заболел рахитом, а может была и частичная дистрофия — не было сахара, рыбы, мяса, фруктов. У Ларисы было чуть получше — мама её еще кормила. И тогда дедушка купил окотную овечку, бабушка стала ее доить и поить меня овечьим молоком. В Боголюбовке никогда коз не держали, овечку посоветовали тавричане — люди Таврии жили с овцами и знали от них пользу. Как бы то ни было, но это мне очень помогло. Теперь со всей ответственностью могу заявить, что овечье молоко очень лечебное и полезное — опробовал на себе.

Молоко было густое и немного коричневое, как кофе со сгущенкой. Но одна из теть говорила, что это от цвета овечки. Овечка была очень красивая — коричнево-красная и очень кудрявая. У ягнят шерсть завитушками, но потом она распрямляет-

ся. У этой овечки кудряшки так и остались. Помню, овечку очень любил. Все говорили и я считал, что она моя, звали ее, по-моему, Шуркой. Она поила меня все лето молоком и я стал заметно поправляться. У меня была синяя кружечка, с которой подходил к бабушке, когда она доила и пил парное овечье молоко. Мне оно не нравилось, особенно после коровьего, но старших я все-таки слушался. Тогда старших слушались все дети. Шла война, дети рано взрослели.

Осенью случилась беда. В переулке рядом с нами были кусты, в конце — березы и болото. Там всегда паслись овцы, в том числе и моя. Среди белого дня, в обед, выскочил огромный волк и на глазах у людей унес мою овечку. Унес мгновенно, нахально, так что взрослые не успели ахнуть, а спущенные собаки не догнали. Только потом трактористы километрах в двух нашли коричневую шерсть. От этого или другого я сильно заболел. Пошли дожди, потом наступила суровая зима. Но ту любимую овечку помню до сих пор. И потом, всю жизнь из копытных я больше всех люблю овец. Они всегда мне кажутся такими же наивными и простыми, как добрые люди.

Наступило снова лето и мы с друзьями стали углубляться в лес в поисках ягод, грибов и различных съедобных трав — рогоза, дудок, козликов. Тогда я научился опускать травинку в муравейник и потом облизывать кислый муравьиный сок. Немного о том, что окружало село и о братьях меньших.

Местность вокруг села в значительной части лесистая. Из деревьев преобладает береза и осина, попадаются боярышник (боярка) и ирга (юрга), заросли шиповника, лозы и тальника. Сосна была редкость и только посаженная. По селу в большом количестве растут желтая акация, тополь, клен. В садах — вишня кустарниковая и яблоня двух видов: ранетка, плоды которой с голубиное яйцо, и дикая — величиной с горошину. Последняя очень твердая, деревянная, после морозов становится мягкой, съедобной. Из крупных ранеток варили знаменитое сибирское варенье — целиком с палочками или делали повидло, а мелкие сушили и зимой добавляли к другим ягодам в пирожки. Дети осенью ими объедались, но нужно было поймать срок — когда их приморозило, но не заморозило.

В березовых и осиновых лесах — околках (от старорусского — укол, кол — старый, естественный лес) растут вкусная ягода костяника (костянка) и грибы. Особенно ценятся грузди, белые грибы, лисички, подберезовики (абабки), подосиновики (красноголовники), свинушки (коровники), волнушки, сыроежки, валуи. Осенью местами бывают опята, весной — шампиньоны (печерицы). Другие грибы здесь не собирают.

В полях под лесом много полевой земляники — ягоды по-местному. В шести километрах от Боголюбовки в лесу находилась небольшая деревня в одну улицу — Ягодное, название которой дали из-за обилия вокруг ягод. Сегодня деревни уже нет, сохранилось лишь кладбище. Весной и летом буйное разнотравье, особенно полевых цветов. Таких, например, как горицвет, колокольчики, васильки, шалфей, лютики, гусиные лапки.

Из зверья водились волки, лисицы, зайцы; из птиц — куропатки, косачи (тетерев-косач), утки, перепелки, на которых здесь охотились. Иногда охотники убивали журавлей, гусей. Весной прилетали скворцы, грачи, ласточки; зимой — снегири, синицы. Из остальных птиц — вороны, сороки, воробьи, коршуны, совы. Змей не было, но летом было много ящериц.

Я подробно остановился на описании местной природы потому, что она мне очень дорога. Здесь я провел свое счастливое босоногое детство, вырос среди этих лесов и полей. Животный мир здесь представлен не очень богато, климат очень суровый, все-таки Сибирь! Выживали только сильнейшие — и люди, и звери.

Жизнь продолжалась, часто полная трагических событий. В феврале 1944 года случайно погиб младший сын Матрены Семеновны, мой двоюродный брат Геночка, который был старше меня года на три. Это был красивый и тихий мальчик. Очень любил наливать в бутылки воду и играть на них как на ксилофоне. Кто его научил этому — не знаю, но на единственной сохранившейся фотографии — он с бутылка-

ми. Дед Степан послал Пашу за соломой в поле, дал своё ружьё на всякий случай — в феврале гуляли волки. Когда запрягли лошадей, неожиданно увязался семилетний Гена. Паше тогда было около 14 лет, по военным временам — если не парубок, то хлопец.

Когда приехали на место, Паша стал привязывать лошадей, а Гена неожиданно потянул за ствол ружье на себя. В Сибири волки нападают сзади, поэтому туда и был направлен ствол. Курок за что-то зацепился и ружьё выстрелило в живот Гене. Через сутки он умер. Когда дети ехали домой, то дед Степан уже стоял на улице — почувствовал беду. Так он себе и не простил гибели внука. Крепкий старик, охотник, бывший солдат очень быстро сгорел и примерно в 1947 году умер. А каково было отцу на фронте, у которого сын погиб дома, в Сибири.

В Боголюбовке до войны было много охотников. Отцы ушли на войну и ружья достались пацанам. Они сами набивали патроны, делали дробь, ходили на охоту, даже с картечью на волков. Через год напротив тети взорвался подросток, заряжая патроны.

Ружья всегда висели заряженные. Были случаи, когда мальчишки, балуясь, направляли ружьё друг на друга, задевали курки и по неосторожности убивали. Убивали друг друга и на охоте, когда в кустах, ослепленные восходом или заходом солнца, принимали другого за волка. Особенно охотники боялись восхода и старались, чтобы солнце светило в спину и ослепляло зверя. По всей Сибири — от Урала до Саян, где я бывал, знал великое множество таких случаев.

Танцуров колодец

Моя жизнь в Боголюбовке началась и протекала среди родственников и близких мамы. Передо мной её свидетельство о рождении, выписанное Ольшанской церковью после крещения.

«Выпись № 213 из метрической книги, часть первая, о родившихся за 1914-й год, выданная причтом Св. Преображенской церкви села Ольшаницы Васильковского уезда Киевской губернии.

Месяц и день: март 15.

Имена родившихся: Евдокия.

Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания: села Ольшаницы крестьянин Симеон Иосифович Танцюра и его законная жена Васса (без отчества), оба православные.

Звание, имя, отчество и фамилия восприемников: села Ольшаницы крестьянин Игнатий Яковлевич Бабич и Елена Гавриловна Максименко.

Кто совершил таинство крещения: Протоиерей Роман Диаковский с псаломщиком Виктором Высоцким.

Рукоприкладство свидетелей записи по желанию: нет, видимо были неграмотные.

Что эта метрическая запись согласна с метрической книгой о родившихся, хранящейся при Св. Преображенской церкви села Ольшаницы Васильковского уезда в том с приложением церковной печати подписями удостоверяем 1916 года 1-го марта Приходской священник села Ольшаницы Васильковского уезда Протоиерей Роман Диаковский, Диакон Крупский (имя неразборчиво — Пахом или Павел)».

Некоторые выражения я переписывал на современном языке и без твердого знака в конце слова.

Мой дедушка Семён был из очень бедной, многодетной семьи, в которой были только братья — Максим, Дементий. Имена других я не знаю. Фамилии, подобные Танцюра (по-украински), были не очень, но распространены на Украине — Мисюра, Сосюра и другие. Объяснить их происхождение я не могу, хотя знаю, что мисюрка — это головной убор–шлем с надплечиями, спускавшимися на кольчугу у древнего воина Киевской Руси.

Дедушка Семён рождения примерно 1885–1890 годов, служил в Царской армии, участвовал в Первой Мировой войне, имел какие-то награды. Но при Советской власти они куда-то исчезли или выбросили. По-моему он был пехотный гренадер, так как был высокого роста и крепкий. Всю жизнь, насколько я помню, у него всегда был бравый вид.

Жил он в селе Ольшаницы (Ольшаны), которое относилось то к Васильковскому, то к Белоцерковскому уездам Киевской губернии. Это село несколько раз упоминал в стихотворениях Тарас Шевченко, недалеко — в Черкасской губернии была его родина. Рядом были такие известные города, как Фастов, Тараща, Канев и другие. В этих местах легендарный Щорс собирал свой отряд.

По возвращению из армии дедушка уже не занимался хлебопашеством, а работал на железнодорожной станции Ольшаницы здесь же в селе — кем не знаю, но начинал со стрелочника. Когда он уезжал в Сибирь, то ему выделили за заслуги бесплатный товарный вагон.

Многие из Танцура работали на железной дороге, а племянник дедушки Василий Дементьевич уехал в 30-е годы в Москву, где строил метро и был передовым метростроевцем. Мама перед войной была у него в Москве, и я заходил в его квартиру на Новокузнецкой в 80-е годы, но его в живых уже не было. У мамы хранилась его военная фотография.

Бабушка была из довольно зажиточной семьи, ее девичья фамилия — Щербина. Про свою фамилию она шутила:

— На зубах щербина, на горбу торбина.

Её мать была немая или почти немая, звали ее Ганна. Родители прабабушки были искусными мастерами и торговали украинскими тканными коврами. Одно время жили в Измаиле за Одессой. Прабабушка Ганна была очень красивой и богатой, поэтому вышла замуж. Но брак был не регистрированный — это я сужу по свидетельству о рождении мамы, там бабушка без отчества. Хотя в жизни она была Кирилловна.

Существуют две семейные легенды. Первая, что одним из наших предков был грек — одесский рыбак, который утонул во время шторма, а семья переехала в Измаил к родственникам. Наверное, что-то было, потому что мой родной дядя Василий Семенович, полковник медицинской службы, после демобилизации поселился в Одессе, где долго жил и там умер.

Вторая, что муж бабы Ганны погиб во время Болгарской войны. И прабабушка от горя онемела. Да еще брак был не зарегистрированный, а родилась моя бабушка Василиса. Сейчас этого не узнать, а я из-за своего малолетства спросить не успел.

Село Ольшаницы окружено дремучими лесами, которые идут к самому Днепру, где при княгине Ольге жил славянский народ — древляне. Всю гражданскую войну одна власть сменяла другую — петлюровцы, махновцы, белые, немцы, зеленые, коричневые. И все грабили народ. Спасало то, что дедушка в гражданской войне не участвовал, а работал железнодорожником, кормил большую семью, понемногу копил деньги на дом. Здесь в 1910 году родилась дочь Матрена, в 1914 — моя мама Евдокия, примерно в 1920 сын Василий. Тогда же умерло несколько младенцев. Всего у дедушки с бабушкой было 15 детей, из которых в живых осталось семеро — двое сыновей и пять дочерей.

После окончания гражданской войны Украину одолевали бесчисленные банды, что отражено во многих кинофильмах советского периода. Мама мне много рассказывала про это время, что в детстве играла пишущей машинкой, которая осталась от махновцев. При немцах в их доме располагался вроде какой-то штаб. Они жили на краю села и все бандиты заезжали, заскакивали к ним, а затем наведывались к дальнему родственнику, который был, оказывается, бандит.

Но остальные Танцура, а их было огромное множество, были очень хорошие и добрые люди (добра людына). Троюродный брат мамы был сельский активист, по-

моему председатель сельрады. Женился на очень красивой девушке и начали счастливо жить, построили хатку. Но его жена нравилась бандиту. Когда наш родственник спал днем у окна, его застрелил этот бандит. Убийцу, как всегда, не нашли. После похорон вдова пригласила бандита ночью домой к себе. Когда он зашел, заколола вилами, а сама повесилась. Детей еще не было. Это история истинная. Мама называла имена, но я запамятовал. По-моему её звали Одаркой а его Степаном. Вечная память их прекрасной и чистой любви. Какой был сильный и трагичный народ!

Жизнь начала налаживаться — дедушка построил новый дубовый дом, тетя Мотя училась в церковно-приходской школе, и уже закончила один класс моя мама. Но случилась беда. Приходит вечером один из бандитов, который хорошо относился к дедушке Семёну, и предупредил, что его семью родственник с бандитами проиграл в карты, и что если в течение двух суток они не уедут, то их вырежут.

По истечении многих лет я думаю, что этому предшествовало несколько причин. Первая — дедушку Семёна звали в банду, бандитам нужен был крепкий молодой мужчина, тем более бывший боевой солдат. Но дедушка категорически отказывался. Вторая причина была та, что на Украине в начале XIX века шло засилье американского баптизма. Рядом с их домом баптисты построили свою церковь, куда несколько раз заходила бабушка. Это тоже злило бандитов, они считали себя защитниками и истинными православными христианами. Хотя я знаю по жизни, что бабушка была глубоко верующей и никогда не была баптисткой — видимо заходила из чисто женского любопытства. Потом в Сибири, в Боголюбовке при Советской власти одна из немногих в селе ездила молиться за десять километров в Большемогильскую церковь.

Дедушка взял вагон, в течение дня погрузился, продал дешево новый дом и поехал с семьей аж в Сибирь. Там уже жили односельчане. Поехали теща, дедушка, беременная бабушка, тетя Мотя, мама, маленький дядя Вася. Ехали долго — месяц. Это было примерно в 1925-1926 году. Из украинских вещей того времени у нас сохранилась красивая деревянная шкатулка, в которую на крышке было встроено большое увеличительная стекло. Мама рассказывала, что в шкатулке находились цветные картинки или фотографии царской семьи — все вместе и по отдельности. При рассмотрении через увеличительное стекло создавался стереоэффект и ощущение близости живых людей. Куда делись изображения — не знаю, но в старой шкатулке мы долго хранили документы.

Семья дедушки приехала в мае, было очень холодно и все испугались после теплой Украины. На окраине Боголюбовки, за школой, купили землянку. Дедушка сразу выкопал колодец, который жив до сих пор — его называют Танцуров колодец. Родившийся ребенок умер, умерло еще несколько детей. Самой большой — в 15 лет умерла Наташа от тифа. Перед войной, предположительно в 1939 году умерла бабушка Ганна и похоронена в Боголюбовке, я примерно знаю, где ее могила. Мама рассказывала, что у бабушки Ганны она была любимая внучка. К сожалению, фотография с бабушки Ганны не сохранилась, а может ее и не было вовсе.

Дедушке дали пахотную и сенокосную землю с лесом, очень красивое место. На Танцуровом участке или наделе мы потом косили сено, нам было там всегда хорошо — видимо присутствовала добрая аура. Дедушка одним из первых в селе вступил в местный колхоз и был очень хорошим колхозником.

До этого люди жили вокруг Боголюбовки почему-то на хуторах — видимо на наделах. Как-то мы ехали на лошади в сторону Любино, и мама показала мне одинокий старый крест на опушке леса. Рассказала, что здесь жили их хорошие знакомые из Украины. Здесь же похоронили свою бабушку. Потом они куда-то уехали из этих мест. От дома не осталось и следа, могила сравнялась с землей. Стоял только наклонившийся крест.

Тетя Мотя, мама, а потом дядя Вася пошли в школу. Учиться было очень трудно — они совсем не знали русского языка, говорили на украинском. Тетя Мотя окончила начальную школу, поработала в колхозе и примерно в 1929 году вышла замуж

за земляка из Ольшаницы Павла Степановича Прилипко. В 1930 году у нее родился сын Паша, в 1937 году — сын Гена. Мама помнила деда Степана по Украине. Невысокого роста, чернявый с шикарными, пышными черными казачьими усами как у Буденного, он жил в Ольшаницах и ходил к знакомым рядом. В молодости служил в армии. За усы получил уличное прозвище — дед Жук, а семью называли — Жуками, бабушку — баба Жучиха.

В 30-е годы в Боголюбовку приехал комсомолец из Любино или Омска по ликвидации неграмотности взрослого населения и по набору на рабфаки в институты. Этот комсомолец поступил в Омский мединститут, а мама — на рабфак того же института, через несколько лет — дядя Вася. Все, кроме мамы, закончили мединститут. Мама, незадолго перед смертью, рассказала мне, что была в больнице у Омского железнодорожного института и видела врача — бывшего комсомольца. Он еще работал, хотя был старенький. Она его узнала, но постеснялась подойти, тем более, что он ее не узнал — она раньше была очень маленькой и худенькой девочкой.

Жизнь в Боголюбовке продолжалась. За это время дедушка построил новый дом на другой окраине села. В старом доме жили Липовские — я помню низкий домпластянку с двускатной почти плоской крышей, а теперь на этом месте живет моя троюродная сестра по отцу Зоя Николаевна Пакелева-Сергеева. Во втором доме жили Стаурские.

Перед войной, когда был голод 1937 года, семья Танцура уезжала на Дальний Восток — на остров Даманский. Как мне рассказывал в Одессе дядя Вася, работали в леспромхозе на пилораме. Тетя Мотя с семьей и бабушкой Ганной остались в Боголюбовке. Павел Степанович был призван на срочную службу на Дальний Восток пограничником, где служил вместе с известным на всю страну Никитой Карацупой. Они были дружны и Карацупа назвал или хотел назвать своего сына Павлом.

Павел Степанович был в армии очень хороший спортсмен, особенно по гимнастике. Я видел у него фотографию, где лучшие спортсмены большого подразделения стоят в майках или без них — все мускулистые и счастливые. И тут же пограничники в форме, буденовках и с собаками. Среди них и Карацупа с собакой. Родился Карацупа в Днепропетровской области, но призывался из Северного Казахстана из-под города Атбасар — это между Акмолинском и Кустанаем. Сюда в одно из сел в 20-е годы переселились родители Карацупы. Прилипко и Карацупу сближало то, что оба родились на Украине, оба переселенца и могли розмовлять на українскїй мові. Фуражка пограничника хранилась у Павла Степановича до конца его жизни. Долго жалел, что не пошел тогда в академию — его уговаривали и даже приказывали.

Семья Танцура жила на Дальнем Востоке неплохо, но из-за китайцев перед самой войной вернулась в Боголюбовку, где купили свой последний здесь дом. В нем я провел свое военное детство.

Дедушка привез с Востока несколько долбленых дубовых бочек с медом. Мед мне не достался, но дубовые бочки помню хорошо — бабушка в них хранила зерно и никакие мыши их не могли прогрызть.

Маме жилось тяжело, в стране был голод, да еще вдобавок несколько раз обворовали дочиста, пока она летом работала в экспедиции по ликвидации эпидемии на Алтае. Особенно она жалела о фотографии молодой бабушки, где она была истинная красавица. Родители далеко, тетя Мотя помочь ничем не может — муж в армии, двое детей. И тогда мама с Тоней Черновой, еще одной подругой, оставляют мединститут, поступают на второй курс учительского института на естественно-географический факультет и за год заканчивают. Местом работы выбирает Боголюбовку, хотя было направление на Дальний Восток. Дедушка очень расстроился, когда узнал, что мама оставила мединститут.

Вторая династия, которая сыграла важную роль на начальном этапе моего формирования как личности — это семья Прилипко. Они не родственники, на юридическом языке — мы в родственных отношениях, на деревенском — они наши сваты через тетю Матрену Семеновну.

Прилипко приехали в Боголюбовку на несколько лет раньше Танцура. Жили они победнее, потому что дедушка Семен был более мастеровым и работящим. У Прилипко было четверо сыновей — Зиновий, Павел, Иван, Моисей (Мусий). Все четверо — участники войны.

Старший, я его буду называть по-местному, дядько Зинько был большого роста, очень физически сильный, с огромными кулаками. При этом был тихий и спокойный, работал скотником. Женат он был на сибирской латышке тете Вере. Латышей в Сибири было много — их остались целые селения в Омской области. Из Латвии сегодня приезжают изучать их этническую культуру. Но где они познакомились, я не знаю. У них было семеро детей — шесть дочерей и сын Иван. Две дочери завербовались на Сахалин и там умерли, Татьяна, которая немного меня нянчила, уехала в Казахстан, Иван был женат на немке в Квасовке, остальные жили в Омске. Там у них в начале 70-х и умер дядько Зинько, где тетя Вера — не знаю.

Второй по рождению — дядько Павло, муж тети Моти, любимый зять дедушки Семена. Они любили посидеть, пофилософствовать за столом со стаканами «сельхознапитка» местного производства. Дядько Павло парнем в 20-е годы батрачил у местного хозяина Кривошеева, который его сильно эксплуатировал. Мне рассказывал Павел Степанович, что он так был зол на хозяина, что хотел его застрелить. Но потом он женился на моей тете. Сохранилась фотография, где тетя Мотя — невеста в венке, а рядом совсем молоденькие мама и дядя Вася. Вскоре его призвали на срочную службу. Служил он около четырех лет. По возвращению из армии работал председателем Сельского совета в Боголюбовке до самой войны. Он был коммунист, уважаемый человек на селе и в районе.

Мы с ним были дружны до последних дней его жизни. Он очень много дал мне полезных советов в мужском воспитании, практических делах, видении жизни и понимании ее смысла, житейской мудрости, определении различия между добром и злом. Он был большой философ в жизни, хотя по происхождению — сельский батрак. Как мужчина он был красавец — типичный, чернявый до жгучести, украинец с большими красивыми глазами, с пышным волосом и резко очерченным подбородком. Он и в старости был красивее тети Моти. Умер он в декабре 1957 года, похоронен в Боголюбовке рядом с родителями, на могиле — деревянный обелиск со звездочкой.

Третий сын, дядько Иван, закончил военное летное училище. После войны служил авиационным механиком, попал под сокращение — жил где-то на Алтае. В 60-е годы его призвали снова в армию, в какие части не знаю. Но на фотографии я видел его подполковником — он служил тогда на севере Узбекистана в Нукусе. В 70-е годы он погиб в автомобильной катастрофе. До войны он ухаживал за нашей мамой, кажется и он нравился ей. Но тогда не было принято, чтобы два родных брата женились на двух родных сестрах — вроде к большой беде. Брак не состоялся. Женился он на боголюбовской простушке из семьи Сподиных. С его сыном Володей одно время я дружил, когда тот несколько лет жил в Боголюбовке у стариков Сподиных и учился в школе. Потом он нашел других друзей. После того, как он с ними залез в магазин за конфетами, приехал отец и забрал в воинскую часть. После отъезда никто из нас Володю Прилипко не видел.

Четвертым был дядько Мусей, самый маленький и подвижный. В 30-е годы был комсомольцем, сельским активистом, боролся с самогоноварением, начиная с деда Степана. Тот его за это дело поколотил, и дядько Мусей ходил до «сельрады». Закончил пехотное училище, воевал под Москвой в составе знаменитых Сибирских дивизий. Получил ранения, ему полностью по плечо ампутировали правую руку. По возвращению из армии одно время работал в Любинском райвоенкомате. Там он познакомился с будущей женой — тетей Надей, чернявой и по-сибирски красивой женщиной.

Позже вернулся в Боголюбовку в родительский дом под соломенной крышей. Работал бухгалтером в колхозе. Мне всегда было жалко до слез смотреть, как он левой рукой пытался закурить или одной рукой косить, но так и не научился. Иногда чаще, чем остальные, он ездил в Любино. Позже, взрослым я узнал от отца, что он

Мама слушает стихи. Омск. 1987

был сотрудник районного отдела КГБ по Боголюбовскому сельсовету. Но он ни на кого не доносил, как я понял, поддерживал порядок, чтобы люди спокойно жили. Всем и так было тяжко после войны. Я уже говорил, что в Боголюбовке не было церкви, но не было и доносчиков.

У Моисея Степановича было три дочери — Галя, Люба и Рая. Когда мы жили рядом с ними, то росли втроем — я, Лариса и Галя. Мы были погодки. Ходили в лес, за ягодами, грибами. В свободное от домашних дел время разговаривали, мечтали. Сейчас Галина живет в Выборге, Люба — в Кургане, Рая — в Германии. Дядько Мусий умер после операции на легких в 80-е годы в Омске, тетя Надя — чуть позже в Кургане. Он дружил с Пашей и серьезно, подолгу разговаривал со мной. Примерно в 1953 году, летом, мы втроем шли по Пашиному переулку, они о чем-то говорили, а потом остановились, повернулись ко мне и дядько Мусий мне сказал:

— Вовка, запомни, ты будешь писателем!

Я тогда этому не придал значения, но сейчас думаю, что частично предсказание сбылось — в жизни я написал и издал много всего.

Продолжение следует

ФИЛАТОВА
ЗИНАИДА ВЛАДИМИРОВНА

Моё рождение пришлось на первый послевоенный 1946 год. В голодном 1947 году я была брошена на одной из улиц Старого Оскола. Выжила. В четыре года обрела новых родителей. А дальше — как у всех благополучных детей — детский садик, школа, Дом Пионеров. Способности в учёбе — средние, зато общественная активность была на высоте: спорт (была чемпионкой области по лёгкой атлетике — прыжки в высоту), туризм, драмкружок. В 1964 году окончила среднюю школу № 5 в Старом Осколе и поступила в Белгородский педагогический институт на филологическое отделение.

В этот же год я познакомилась со своим будущим мужем Александром Филатовым и в апреле 1965 года стала его женой. Тогда же Саша получил диплом, а я перевелась на заочное отделение, и мы уехали жить и работать в школу в его родное село Топлинку. Здесь мы прожили 17 лет, здесь у нас появился сын Саша, вышли в свет два поэтических сборника Филатова, здесь он был принят в Члены СП СССР. Это были самые светлые годы моей жизни.

В 1982 году мы переехали в Белгород (село попало под затопление). Более сорока лет мною отдано школе. И сегодня я продолжаю отдавать своё сердце детям в гимназии № 1.

В 1988 году, после тяжёлой болезни, Александра Константиновича Филатова не стало. Наступил новый период в моей жизни. Теперь, по истечении стольких лет, могу с уверенностью сказать, что моя встреча с Сашей и наша любовь была нам дана свыше. Его творческое горение после смерти, его поэтические лучи проникли в меня. Появились стихи. Первые мои пробы были оценены Ю. А. Чубуковым (редактор газеты «Знамя»), И. А. Чернухиным.

В 2001 году вышел первый сборник моих стихов «Я к тебе — издалека». Это был подарок моих друзей к 55-летию. А к 60-летию московская поэтесса Татьяна Пучко переиздала её на свои средства. Такое в наши дни — редкость. Спасибо ей! Возможно, у меня мог уже выйти не один сборник стихов, но тут уж моя вина: не умею искать спонсоров, не умею просить… Характер!

Поэтому я с радостью приняла приглашение В. М. Шаповалова на творческое участие в очередном литературном журнале «Звонница».

БЛИКИ ДЕТСТВА

ЭТЮД № 1

Над смыслом пушкинских слов: «Нет правды на земле»… я задумалась много позже. А всё, что было связано со мной, было правдой. Правдой были слова моей матери: «Ты, Зина, лентяйка». И это, действительно, так, потому что не хотела собирать бесконечные нитки с пола, разбрасываемые матерью-портнихой, ненавидела плинтусы под кроватью лишь потому, что только я могла до них дотянуться, чтобы промыть. Мама была тучной женщиной и во время уборки я становилась её шваброй — худая и длинная. Я ненавидела плинтусы, а мама, как мне казалось, ненавидела меня за то, что при всех её усилиях я не становилась упитанной девочкой, а значит, показателем достатка в семье.

Это были пятидесятые годы. Я — их приёмная дочь и стала ею в четыре года. Добрые люди, они хотели сделать меня сытой и счастливой, а я, которой уже сегодня за пятьдесят, почему-то этому противилась.

Что я помню. Сначала кроватку свою среди многих таких же. Потом одну большую кровать и на ней тётю и дядю, а я между ними и мне тепло… Их звали мамой и папой, и я быстро научилась их так называть. А дальше пошли трудности: фамилию Жабура я произносила Тапула, мотоцикл — мототык, Зина — Тына. И это в четыре года! Но как хотели мои мама и папа сделать из меня умную девочку. И правильно, что хотели. В пять лет я уже довольно бойко читала.

Однажды, после зимней прогулки, иззябнувшая, я притулилась к горячей духовке и взяла «взрослую» синюю книжку, на которой крупными белыми буквами было написано: «Грипп». Грипп — это гриб, который я легко и красиво рисовала: кружок стоит и кружок лежит. Один на одном. И вдруг — вместо понятного — непонятное: вирус? Что это такое? Подумав, я решила, что здесь просто не дописали. Вирус — вы русский. А дальше, оказывается, это страшная эпидемия, от которой люди умирают. И, чтобы не заразиться, все люди должны надеть марлевые повязки. А я, папа и мама — без них, и можем умереть. Я заплакала. Маме было неинтересно узнать причину моих слёз. Она наперёд уже знала: каприз — значит, моя очередная болезнь, которая моих родителей всегда раздражала. Меня растёрли козьим жиром, дали противный порошок и уложили в постель. И тут же, как обычно, стали упрекать друг друга.

— Я же тебе говорил…

— Но ты же сам мне сказал…

— Да ты видишь, что она ненормальная: как что — сразу в слёзы.

Укрытая тёплым одеялом, я почти засыпала и лишь изредка судорожно всхлипывала. Я боялась остаться вдруг без мамы и папы. Это было первое признание в любви к моим родителям, а у них — шанс его почувствовать. Но им было не до меня. Они уже пожалели, что связались с таким ужасным ребёнком и корили друг друга.

Позже я много раз плакала по разным причинам и точно знаю, что уже ни одна моя слеза не была слезой любви, вернее подтверждением моей любви к родителям.

Я росла взбалмошной и строптивой. Часто моя строптивость превращалась в ожесточённость. Конечно, меня родители по-своему любили, но их любовь была самодостаточной. Я никак не вписывалась в их идеал дочери. И поэтому: «Яблоня от яблони…», «Сколько волка ни корми…» Всё это я слышала не раз и однажды задумалась: почему они так говорят? Я же их яблоко и их волк. Почему же они ругают только меня, а не себя? Наверное, это было первое осмысление своего «я».

В раннем своём детстве я никак не могла найти разницу между хорошим и плохим поступком. Во всех тогдашних поступках начало было всегда хорошим, а, значит, и я была хорошей девочкой Зиной, такой хорошей, что все умилялись, когда я с выражением, с высоты табуретки декламировала: «Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полёт…» О, как гордился мой поддатенький папа моим патриотизмом перед гостями. А вот Ленина я воспринимала добрым стареньким дедушкой и, чтобы его никто не забывал любить, мы дружно в садике повторяли: «Деда Ленин говорит — надо маму слушаться». Совсем другое дело — Сталин! На всех открытках тех лет он занимал всё пространство, а мне почему-то всегда хотелось его немного отодвинуть, чтобы увидеть, что там, за его широкой спиной. Я ковыряла по нему пальцем, но он не сдвигался. Один раз я решила нарисовать большую яблоню рядом с ним и так увлеклась, что ветви с красными яблоками оказались прямо на лице Сталина. Одно у него на носу, а два других на голове. Бегу к папе: смотри, как красиво! А папа вдруг снимает ремень и — бедная моя попка! Ну, где мне было понять, что моё хорошее, даже красивое, у взрослых считается плохим.

Как-то ранним весенним утром я проснулась от рыданий моей матери. Она тормошила меня и сквозь слёзы и причитания я расслышала: «Сталин умер!» Связать, да ещё с просонья слово «умер» со всеми, кого каждый день хоронили (мы жили недалеко от городского кладбища) я со Сталиным не могла и, чтобы хоть как-то успокоить её, я сказала: «Не плачь. Умер — это фамилия Сталина. Я — Жабура, а он — «Умер». Не помню, успокоила ли я маму, но она укрыла меня одеялом и я опять уснула.

Продолжение следует

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЗИНАИДЕ ФИЛАТОВОЙ

Александр ФИЛАТОВ

* * *

Зине

Когда венок из трав надела
И села в старый грузовик,
Как пела пеночка, как пела
Из придорожных повилик.

Когда сошли на перепутке
И поклонилась до земли,
Как ликовали незабудки,
Как подорожники цвели!

Когда порог переступала
И целовала хлеб ржаной —
Какое новое светило
Взошло под солнцем и луной…

Татьяна ОЛЕЙНИКОВА

* * *

От зари и до новой зари:
«Говори! Говори! Говори!...»

Не ослушалась. Заговорила.
Душу людям и слову открыла.

Только вдруг из кромешной ночи:
«Замолчи. Замолчи. Замолчи!...»

Тишине и молчанью внемаю —
И себя, как никто, понимаю.

Помню, как это было вначале.
Знаю, — чем разрывалось молчанье —
От зари и до новой зари…

Александр ГИРЯВЕНКО

* * *

Я будто слышу оклик: «Зина!».
Слово и мысль
Сошлись
На этом имени —
Последнем островке
Средь моря боли,
Где, как Топлинка,
Потонула жизнь.

Виталий ВОЛОБУЕВ

**ЗИНАИДЕ ФИЛАТОВОЙ
НА РОЖДЕСТВО**

С детской верою в Сына распятого,
Не умею держать я поста.
Я люблю Зинаиду Филатову,
Как рождённого ныне Христа.

Ей досталось своё восхождение —
Были ясли, Голгофа и крест,
И святое потом возрождение,
И сияние горних небес.

Её слово — от боли Божественной,
Её жизнь — это Вера и Свет,
И сама она — к небу восшествие,
Нам проложенный к вечности след.

Где б я ни был — сквозь все расстояния,
Сквозь любови, потери, стихи…
Только к ней я иду с покаянием.
И она отпускает грехи.

7 января 2006

Редакция журнала «Звонница»
поздравляет Зинаиду Владимировну Филатову
со славным шестидесятилетним юбилеем!
Искренне желаем крепкого здоровья,
долгих лет жизни и творческих удач!

КАЛУЦКИЙ
ВЛАДИМИР УСТИНОВИЧ

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ БОГУМИЛОВЫХ
Велесова книга

«Велесова книга» в переводе А. Асова
Изд. «Менеджер», Москва, 1994

Чем дольше живет человечество, тем коснее становятся его представления о себе самом и о мире. Я списываю на погрешность немногочисленных ученых, раздвигающих границы познания. Повсеместно же утверждаются шаблонные религиозные установки и потому от сибирских снегов до Огненной Земли в основном люди видят себя потомками христианской традиции, Восток молится непогрешимому Магомету, а конфуцианская философия сковала недвижный Китай. Утвердились священные писания, посягать на которые считается ересью. Как ересью считается же всякое иное слово, выпадающее из канона, пусть даже способное обогатить мир и раскрасить его в новые цвета.

Судьба отвергнутого «с порога» предания постигла и знаменитую «Велесову книгу». Сегодня в ученых и религиозных кругах не преминут лягнуть этот сохранившийся чудом образчик славянской языческой истории. Я уже не говорю о рядовых раввинах и бакалаврах — сам почти святой в кругах интеллигенции академик Дмитрий Сергеевич Лихачев полагал, что дохристианская история Руси недостойна изучения как варварское время. Он так прямо и сказал: «В I веке восточных славян еще не существовало — они не оформились в единый народ» («Новый мир, 1988, № 6, стр. 257).

Подозревать уважаемого академика в нелюбви к Родине у меня нет оснований, — может, он попросту не хотел распылять силы на изучение запредельных времен. Но мнение его сыграло в нашем случае дурную роль: ссылаться на мнение Дмитрия Сергеевича принято у апологетов отрицания «Велесовой книги» как на непререкаемый авторитет.

Я мог бы, конечно, привести здесь мнение иных, не менее значимых, ученых — хотя бы академика Бориса Рыбакова — но это втянуло бы меня в бессмысленный спор. Я предлагаю иную форму разговора о «Велесовой книге». Попытаюсь показать, что она занимает именно то место в становлении мировоззрения славян, которое без нее пустовало бы.

А. Х. Востоков, не признававший древние рукописи в XIX веке

Но прежде мы должны определиться в системе координат, найти в пространстве и времени свое место, и место «Велесовой книги». Поверьте, это сколь важно, столь же и непросто. И если мы «заскользим» вниз по общепринятой хронологической шкале, то можем просто «провалиться» в вечность. Ибо общепринятая нынче шкала отсчета лет «от Рождества Христова» просто мала для нашего повествования.

Более того — эта шкала вообще мало пригодна для «высвечивания» исторической перспективы. Сомнению ее подверг еще великий Ньютон, а нынче целый институт математики академика Фоменко доказали несостоятельность такого летосчисления. Кстати, считать годы «от Рождества Христова» начали в Европе лишь с XVI века по булле Папы римского, с подачи еврейского филолога Иосифа Скалигера. Мировая еврейская традиция считать время «От сотворения мира» таким образом сменилась еврейской же традицией хронологии «от Рождества Христова». Понятно ведь, что при «состыковке» этих двух временных шкал прежде всего преследовалось подтверждение библейской истории, а никак не исторической истины. Более того, при составлении национальных историй в угоду новой хронологии исключались или вымарывались целые временные блоки. И судьба эта постигла прежде всего языческие предания, которым из-за неразберихи с датировкой просто не оставалось места в фолиантах.

Зато церковь принялась агрессивно проповедовать именно библейскую традицию. Несогласные с нею провозглашались еретиками, они горели на кострах, их имена предавались анафеме. Постепенно прикосновение к языческой теме уходило в прошлое, становилось фрагментарным, покрывалось патиной времени. Пожалуй, в Европе оно и кануло бы в вечность, если бы великий Петрарка не вдохнул в языческую античность силу Возрождения. Здесь язычество обрело легитимность уже как этика, как высокое искусство. Легенды и мифы Древнего Мира воспринимались людьми нового времени как образцы подражания. Небиблейкая Вера, Любовь, Красота вернулись в обиход Нового и Старого света.

Иное дело Россия. После ее Крещения язычество было выведено за рамки закона и уже никогда не возвращалось обратно. Государство, Церковь, Заграница опустили на русские плечи тяжелую плиту православия, и из-под этой плиты уже не прорастали побеги самобытности и самодостаточности. Оказалось очень удобно на плечах безмолвного народа «ехать в рай», и , похоже, слезать с наших плеч пока никто не собирается. А поэтому сегодня активно прививают нам православие нового времени и так же активно отрицают такие свидетельства славянской самости, как «Велесова книга».

…Но вернемся к хронологии. И если согласимся, что невозможно верно определить время создания этой книги в линейной хронологической перспективе, то возьмем перспективу объемную. Помните — есть такой телевизионный рекламный ролик — девушка ходит между зависшими в пространстве мобильными телефонными аппаратами — и выбирает нужный. При этом, с точки зрения девушки, картина, геометрия зависших аппаратов, все время меняется, хотя на самом деле они остаются неподвижными. Теперь давайте и мы представим различные исторические события вне увязки с линейным временем, а как бы подвешенными в пространстве произвольно. Мы же, путешествуя между ними, можем наблюдать на разных прямых линиях совсем рядом одно с другим, скажем, событие полета Юрия Гагарина, падение

Трои и сожжение Джордано Бруно. Все это не как простые исторические даты, а как бы раперные точки бытия, опора мироздания. Короче, я зову вас не на широкую дорогу истории, а в некое сферическое измерение без границ, где с Ноева ковчега можно ступить сразу на Аппиеву дорогу. И это будет логично, потому что в Пространственной хронологии мы как бы видим события всех веков сразу. И она гораздо более точна, потому что ставит в равные условия события языческой и библейской древности, хотя и сохраняет последовательность возникновения этих и иных событий.

А последовательность эта, применительно к созданию «Велесовой книги», такова. (Условимся для облегчения разговора оперировать общепринятыми терминами и представлениями). Когда Бог велел Ною готовиться к потопу, то приказал ему записать всю допотопную историю человечества. Ной послушался, а свитки упрятал в каменный пенал и закопал недалеко от своей хижины, как полагают, где-то в Африке. После потопа он извлек подмокшие свитки и велел теперь уже своим сыновьям Симу и Иафету переписать манускрипт.

Сыновья работу сделали. Но поскольку саму запись Ной произвел письменами без пробелов и гласных букв, то у сыновей, при переписи, от одного источника появились два разных текста. Тот перевод, что сделал Сим, известен теперь иудеям и христианам, как книга Бытия, а перевод Иафета положил начало некогда равному Библии труду — Авесте и Ведам. Вот теперь сравните, как уже в первом пересказе изменился смысл допотопной истории человечества. Чего уж говорить о многочисленных ее позднейших списках!

БИБЛИЯ	**ВЕДЫ**
В начале сотворил Бог небо и Землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною: и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош: и отделил Бог Свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью…И сказал Бог: да произведет земля душу живую…и стало так… И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма…	В начале не было ни сущего, ни не сущего. Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним. Не было ни смерти, ни бессмертия. Не было дня и ночи. Но было нечто, что дышало, не колебля воздуха. И не было ничего, кроме него. Мир был сокрыт мраком. Все было неразличимой пучиной, пустотой, порожденной силой жара. Первым пришло желание, Семя мысли. Потом появились боги. Но создали ли они мир? Откуда Это творение появилось? Не создало ли оно себя само? Надзирающий над миром может Об этом знать, а может и не знать.

Как видим, один и тот же оригинал братья перевели по-разному. Безграмотному Хаму оставалось лишь поверить одному из братьев на слово. Хам не поверил никому и сохранил миру множество местных культов.

Тогда же потомки Ноя стали расселяться по миру. Сим и Хам облюбовали теплую Переднюю Азию, прилегающую Африку, а дети Иафета ушли к Востоку, Северу и Западу Ойкумены. На южной оконечности Урала они заложили свою столицу — город Аркаим и стали именовать себя ариями — от слова Ра: солнце, то есть — людьми солнца. Арийцы стали основателями замечательной языческой традиции, по которой их мироздание и нынче можно считать образцовым. Они знали, что весь Мир, вся природа, рождены Богом-вседержителем, а каждый человек, в свою очередь, рожден Природой. Таким образом человек становился прямым родст-

венником и наследником Бога. Вопреки библейской традиции, в авестийском мире человек не грешен, а свят от рождения. Как с равным, с каждым человеком на земле Бог заключал особый союз, или *роту*, и этот союз был основой миропорядка. Человек знал: раз у меня пала корова, значит — я нарушил *роту*. Я нарушил миропорядок, и мироздание по моей вине дало трещину. Я достоин наказания, но оно не от страха перед Богом, а за мое отступничество от *роты*. (Кстати, отголоски союза, *роты* — и поныне сохранились во многих арийских языках. Вспомните украинскую *ра*ду, немецкий бундес*рат*, русский у*ряд*). В подспорье человеку Вседержитель даровал множество иных богов и духов, а уж сам человек, в свою очередь, воздавал хвалу этим богам.

Ф. А. Изенбек, спасший дощечки с «Велесовой книгой» в годы гражданской войны

Все в языческом арийском мире было разумно и понятно.

И пока семиты — потомки Сима, обустраивали земли Палестины, арийцы уверенно заселяли поднебесный мир. На далеком западе они основали будущую столицу мира — город Рим. Юг своей ойкумены арийцы отметили городом Иерусалим. Далеко на Востоке, в землях смуглых потомков Хама, заложили и укрепили Каракору(и)м. Отмечу, что концовки в названиях городов не случайны — они несли в себе память о первом человеке авестийской традиции — приближенном к Богу праведном Йиме. РИМ, ИерусалИМ, АркаИМ, Каракору(И)М — вот южная граница расселения Ариев, если проследить ее на сегодняшних картах. Все племена, населяющие планету в Западном полушарии выше этой черты — суть арийцы. Более того — доарабское население Египта — все его фараоны, военачальник, рабы и ремесленники — тоже арийцы. Здесь, как и на далеком Урале, солнце тоже называли словом Ра, как и у кельтов Британии слово «ги» означало «тяжелый», как у македонских ремесленников слог «ба» связывался с деревом и повсеместно сочетание «мо» означало — смерть.

И пока еврейский народ сочинял свою библию, арийские народы тоже не сидели без дела. Грандиозные эпосы сочинили греки и римляне, замечательную изустную традицию оставили кельтские друиды Кастилии.

Не сидели без дела и славяне.

Впрочем, пока разогревался от внутреннего напряжения древний мир Египта и Греции, славяне, равно как германцы и персы, мирно уживались в обширных степях Предуралья . Они еще были одним целым — синеглазым светлоголовым народом с одним языком и одними богами. Но уже персы-огнепоклонники поглядывали на юг, откуда влекли их тепло и пряности, уже германцы завистливо взирали на запад, где лежало вечно влекущее их жизненное пространство, уже мечтатели-славяне слагали песни о прародительнице Птице Сва, способной вывести их в пространство бессмертия.

Вот отсюда и начинается «Велесова книга».

Ее не могло не быть, как не могло не быть германского эпоса о Нибелунгах.

Ее не могло не быть, как не могло не быть индоиранских «Вед».

Она была столь же закономерна, как индусская Рамаяна.

Она столь же обязательна и исторична, как еврейский «Исход».

Отсутствие в мировой культуре «Велесовой книги» равнозначно отсутствию на звездном небе Большой Медведицы. «Велесова книга» — явление астрономическое.

Ю. П. Миролюбов, сохранивший тексты «Велесовой книги»

В двух словах ее смысл сводится к рассказу об исходе славян из Семиречья в Причерноморье. Книга объясняет, почему мы, русские, оказались хозяевами нашей земли.

Вот в этой точке и ломаются сегодня копья. Если признать, что книга — подлинная, то и сомнений в исторической правоте славян нет. Значит для сомневающихся — отступиться от наших самоцветов, не претендовать на нефтеносные поля Сибири и вообще, как говорится, — «на чужой каравай рот не разевай». А если книга подложна — то и права наши на отчую землю надобно оспорить.

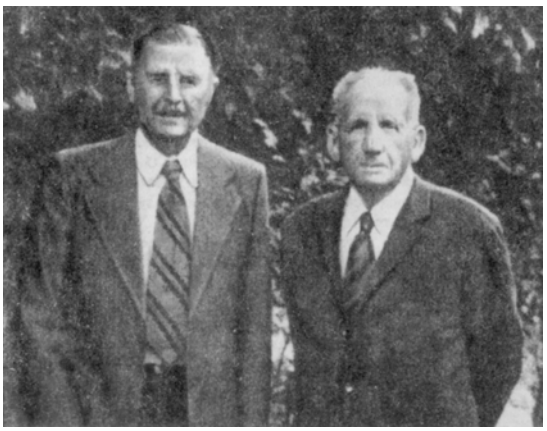
И ведь оспаривают. Пусть не напрямую, пусть пороча исторический документ — но ведь хают «Велесову книгу»! Причем, чаще всего, даже не читая, не подержав ее в руках! Дескать, ваши же ученые признают, что до принятия христианства у славян не то что письменности — даже языка внятного не было.

Ну — насчет ученых мы уже поговорили. А насчет языка…

Начнем с того, что нынешний русский язык полностью сложился как раз в дохристианскую эпоху. Народные сказки и былины сложены на языческие мотивы, оттуда же прибаутки и загадки, оттуда же и весь славянский фольклор, и неповторимый народный костюм. Более того — тысячелетие христианства на Руси не обогатило народное творчество ни темами, ни героями, не дало толчка мысли и всю эту тысячу лет мы лишь растрачивали накопленные предками-язычниками богатсва духа. Не случайно ведь то Стоглавый церковный собор, то люди Никоновых новшеств железом пытались выжечь народное творчество из души народной — да лишь искалечили некоторые образцы его подвига. Вспомним языческие колядки, «привязанные» к Рождеству, вспомним языческого Купалу, перекованного в христианского Иоанна Крестителя.. По большому счету, на сельских улицах, в праздничных горницах во все века христианства от души славили в песнях и плясках кого угодно, но никак не Христа…

Конечно, в таком отношении к Спасителю виноваты мы сами. Принять Христа фарисейски — это исказить веру, что мы успешно и делаем. В XX1 веке нахлынула волна новой, чуть ли не насильственной, христианизации. Возводятся на скорую руку кособокие серийные церкви, плюнув на канон, во священники потянулся скаредный люд. Эффект — обратный, как и следовало ожидать. О нынешнем христианстве тоже никто сердечных песен не сложит, хотя мне очень жаль Христа. Умница Николай Лесков как-то передал потрясающий сюжет, словно списанный с нынешнего дня. Там некий генерал приезжает инспектировать кавалерийскую часть. Видя под седлом полудохлых кляч, он обрушивается с бранью на полковника. Полковник оправдывается: дескать — конюх овса недосыпает. Тогда генерал делает гениальный вывод. Он кричит: «Ты говоришь — конюх овса недосыпал. Конюх скажет — Господь урожая не дал. А Господь скажет: « Я вам не конюх!». Так вот — чем грешить на Бога — лучше на самих себя попенять.

«Велесова же книга» выдержана в строгой языческой традиции. Если мы вернемся в нашу объемную хронографическую вселенную, то ее возникновение обнаружим где-то рядом со временем Рождества Христова. Тогда в Аркаиме правил царь

Б. А. Ребиндер и Н. Ф. Скрипник, работавшие с «Велесовой книгой» в последние годы

по имени Арий Оседень. Славянскую же ветвь арийского корня возглавляли тогда муж и жена по имени Богумил и Слава. Они и вывели своих многочисленных соплеменников из района Аркаима в земли к северу от Черного моря, в долины Дона и Днепра, тогдашних Танаиса и Борисфена. (Кстати, тогда же двинулись на запад и племена германцев. Они объявили себя истинными арийцами — сыновьями Ария Оседеня — в отличие от арийцев первой волны — людей солнца. Поначалу германцы оседлали Кавказ и междуречье Каспийского и Черного морей. И доныне именно там в представлениях немцев находится знаменитая Валгалла — страна погибших героев. Третий рейх считал район Цхинвала астральным центром нации и именно поэтому фашисты так рвались на Кавказ и даже водрузили над Эльбрусом знамя со свастикой. Но этот рассказ не входит в нашу тему).

Не стану пересказывать всей «Велесовой книги». Прочтите — она совсем невелика. Но чтобы не утерять нити повествования, добавлю еще, что племена Богумилова народа вели его дети — сыновья Сева и Рус, и дочери Древа, Скрева и Полева. От них и возникли названия исторических областей славян — древлян, кривичей, полян, русов и северян. Кстати, наша Белгородская область суть земля северян, то есть племени прародителя Севы. Это гордое имя вплоть до 1917 года значилось в титуле Государей Великорусских, которые, в числе прочего, именовались «повелителями всея Северныя страны». Тогдашние школьники, в отличие от нас, нынешних взрослых, хорошо знали, что «на севере от Киева большия пространства от запада к востоку получили название страны Северской или Северной. Ныне это часть губернии Черниговской (Новгород-Северский), Орловская, Курская, Воронежская губернии и за нею степи по Дону, где ныне Земля войска Донскаго». А в «Календаре для народного чтения» за 1868 год я прочел стихотворение некоего Арсения Карого, подсказавшего мне, что автор знал «Велесову книгу» задолго до ее недавнего обретения. Оно так и называется:

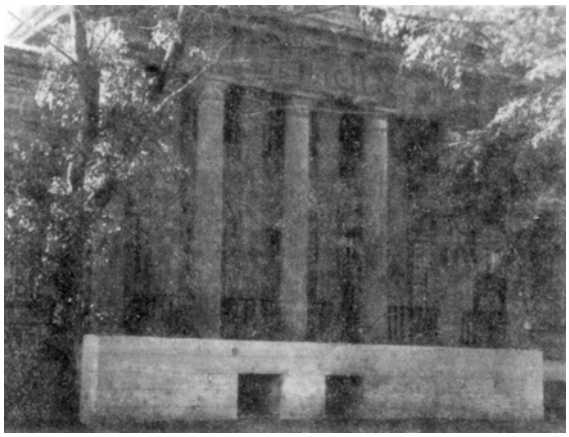
СЕВЕРЯНЕ

И мы ушли из Семиречья,
Туда, где смерти нет совсем.
Сва-птица, Матерь человечья,
Примерь на нас победный шлем,

Чтоб киммерийцы в Черноморье
Нам уступили в час борьбы.
Нам путь в грядущее проторен
По мановению Судьбы.

И с нами в рубище багряном
Там, впереди, на тыщи лет,
Сам Сева, давший северянам
Свои и Имя, и Завет.

Это стихотворение прямо перекликается с «Велесовой книгой» и в отражении темы исхода славян, и в передаче мифической сути похода. А привел я это стихотво-

Усадьба Задонских в Великом Бурлюке, где были найдены дощечки с «Велесовой книгой». Состояние усадьбы в 1980-х годах

рение затем, чтобы не загружать читателя учеными рассуждениями на темы «Велесовой книги» в духе академика Ю. Бегунова. Я преклоняюсь перед талантом этого человека, давшим превосходное толкование памятнику. Академик сумел найти его лингвистический код, он по-своему расшифровал многие неясные места книги, даже попытался установить авторство шедевра. Я думаю, что всякому неравнодушному человеку надо познакомиться с трудами академика Бегунова. И если он не убедит вас в своей правоте — все равно вы обогатитесь редкостными знаниями по истории языческого славянства.

Теперь конкретно о рукописи. Хотя слово это в отношении найденного экземпляра книги мало применимо. Когда в 1919 году белый полковник Теодор Изенбек в разграбленном имении под Волчанском, именно в наших местах, нашел несколько десятков дощечек, нанизанных через отверстия на ремешки, с непонятными значками-царапинами, он никак не мог принять находку за книжные страницы. Ситуация торопила, и полковник с мешком этих дощечек покинул имение. Потом он оказался за границей и передал эти дощечки журналисту Юрию Петровичу Миролюбову.

Журналист развязал мешок, и извлек частью изъеденные червями, частью сколотые и полустертые прямоугольнички. Они были приблизительно одного размера — около 38 сантиметров в длину, около 22 в ширину и в 0,6-1 сантиметров толщиной. На каждой дощечке просверлены по две дыры и пластинки были скреплены ремешками в книгу. На первый взгляд — шрифт выглядел как санскрит — с прямыми параллельными линиями, под которыми стояли буквы, прижатые без интервалов. Такая манера письма на Руси называлась «сплошняком» и использовалась летописцами еще с дохристианских времен. Алфавит письма выдавал в нем так называемую «буквицу» — предшественницу и почти аналог кириллицы. Сам Юрий Миролюбов не смог до конца разобраться с рукописью, но он сделал ее широко известной в ученых кругах. И только в 1957 году, по воле ученого Сергея Парамонова-Лесного деревянная тетрадка получила название «Велесовой книги» — по одной из дощечек, посвященных пастушьему богу Велесу.

Кто автор этой книги, и как она называлась изначально — мы, видимо не узнаем никогда. Однако именно она позволила нам глянуть на самих себя под другим углом, другими глазами, в ином хронологическом пространстве. Книга не подтвердила человеческих жертвоприношений у славян, она раскрыла нам светлые образы большинства языческих богов и показала прочную увязку русской традиции в общемировой истории. Например, идея Троицы, зародившаяся изначально именно в среде арийских народов, ярко выражена и здесь. Я уж не говорю об идее славянского братва, залившей светом всю книгу, а ведь именно эта идея плавно перетекла и в эпохальное «Слово о полку Игореве», и во всю последующую русскую речь и литературу. «Велесова книга» показала невероятное духовное богатство людей своего времени, бывших детьми самого Бога! Мир тогдашнего славянина был гораздо насыщеннее, чем наш с вами компьютерный мир. В каждом колодце у него жил водяной, за

каждой печкой — домовой, а все селение охранял медноусый Перун, благосклонно довольствовавшийся, как жертвою, ржаным квасом и репою. Неколебимая *рота* оставляла мир справедливым и понятным. И такой мир не нуждался в мелких вождях и всеобщих героях. Само небесное спокойствие охраняло славян и не случайно из той поры до нас почти не докатилась слава богатырей и пророков. В них просто не было нужды и на весь языческий эпос хватило одного дохристианского богатыря. Но какого — Святогора! И святость его в той, языческой традиции, от прямого родства с Богом. Он был гарантом, как бы мы теперь сказали, людского благополучия и не случайно именно он передал свой меч Илье Муромцу — первому богатырю святохристианской формации.

А «Велесова книга», словно протянутая нам на зависнувшей ладони праотца Богумила, в отличие от меча Ильи Муромца, никем не подхвачена. Ну, нельзя же всерьез считать «языческой традицией», скажем, оскорбительное стихотворение Эдуарда Багрицкого-Дзюбина «Славяне», что заканчивается безграмотным «провидением»:

Рычат исступленные трубы,
Рокочут рыдания струн,
Оскалив кровавые зубы,
Хохочет безумный Перун.

«Рокочут рыдания»… Словом — не славяне, а звери. А тут еще и вождь народов Сталин добавил в свое время: «До Октябрьской революции у нас не было Отечества».

А у нас — было! И оно — в «Велесовой книге». Оно в «Голубиной книге». И в «Баяновом гимне». И в словах горестного Сергия Радонежского, сказанных им Мамаеву посланнику в ответ на требование сдать татарам Русь: «Се место наше. Его же суди нам Бог». Через столетия перехватил он призыв неведомого певца гимна Велесова: «Отцам нашим и матерям — слава! Так как они учили чтить богов наших и водили за руку стезей правой. Так мы шли, и не были нахлебниками, а были русскими славянами, которые богам славу поют и потому — суть славяне (ВК. Исход из Семиречья, 111 8, 2).

Мрачное наше время безумно еще и тем, что буквально в нынешнем году по всей России в школах отменяются экзамены по истории. Нынешние правители теперь смело могут заявлять своим хозяевам через голову Сталина: «У нас вообще нет Отечества!»

А вы говорите — «Велесова книга»! Да ее не то, чтобы перенять с руки Богумила — ее скорее отрубят вместе с рукой. Нам не дают возможности обратиться к собственному прошлому с тем, чтобы мы ни на что не рассчитывали в будущем. Тем более — в мире есть живой пример тысячелетнего следования авестийской традиции. Разве не вызывают ужаса у нынешних хозяев жизни ведические цивилизации Индии и Китая? Вы хотите, чтобы еще и Россия освободилась от вековых пелен? Не позволим!

…В нашей Пространственной хронологии мы прикоснулись лишь к немногим историческим фактам, но и они буквально кричат: без славянской истории, без его эпоса картина мира тускла и неполна. Я уж не говорю о художественных достоинствах русских летописей — они и сейчас образец изящности. И если библейская Песнь Песней западным миром почитается за вершину поэзии, то славяне такой вершиной вправе считать «Велесову книгу» . Чего стоят, к примеру, такие строки:

И Свентовиду мы славу рекли —
Богу и Прави, и Яви!
Песни ему воспевали свои.

Светом мы бога тогда нарекли -
Светом, отличным от Нави…

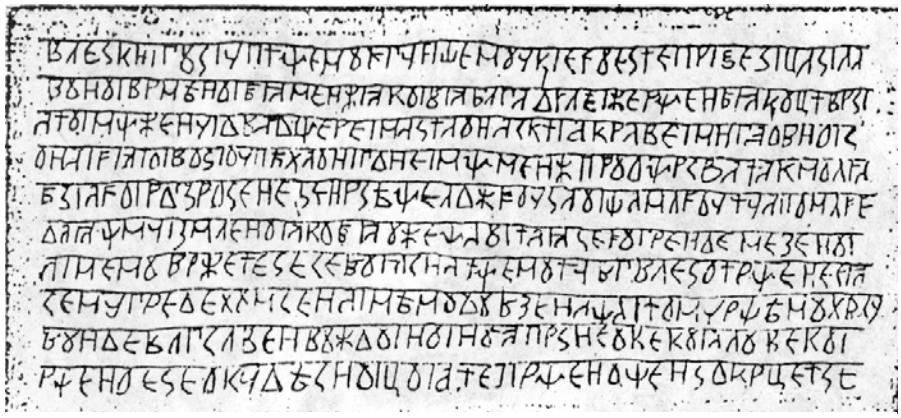
А ведь это почти дословный пересказ дощечек. И если бы за перевод взялся поэт накала того же Заболоцкого, то рядом с достойными переложениями «Слова о полку Игореве» мы имели бы и общедоступный вариант «Велесовой книги».

«Велесова книга» пришла навсегда. Можно объявлять ее подложной, можно отменять уроки истории, можно даже убить читателей этой книги.

Но авторов ее уже не убьешь. И потому она — навсегда.

Литература:

1. А. Асов. Велесова книга. Саратов, 1993.
2. Авеста. Легенды и мифы Древнего Востока. М. 1994.
3. Библия. М. 1997.
4. Г. Носовский, А.Фоменко. Царь славян. М. 2006.
5. В. Истрин. Возникновение и развитие письма. М. «Наука», 1965.
6. Б. Романов. Повесть об Апостолах. СПб. 1999.
7. Е. Классен. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до рюриковского времени в особенности… М. университетская типография, 1854.
8. Э. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
9. М. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале Х1Х века. М. 1956 .
10. Палея. Рукопись Румянцевского фонда Гос. б-теки. М., шифр Ф. 256.297
11. Житие Преподобного Сергия. Свято-Троицкая лавра, собственное издание, 1904.
12. Веркович. Веда Словена. Белград, 1874. (На сербском языке).
13. Ж. Блер. Таблицы хронологические, объемлющие все части всемирной истории. Из-во Моск. У-та, 1808
14. Беседа с первой американской рабочей делегацией. Брошюра. М. ОГИЗ, 1927.
15. История Всемирная и Русская. СПб, типография Ф. Елеонского, 1887.

Фотография дощечки «Велесовой книги»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В нашем журнале открыта рубрика «Полемика», где авторы выражают разные точки зрения на те или иные проблемы в искусстве и науке. Такой подход к тем или иным вопросам, полагаем, даёт возможность ближе подойти к истине, ведь, как говорят, именно она рождается в споре.

Мы призываем мыслящих людей высказаться по данной проблеме — особенно специалистов отрасли, преподавателей и учителей: хватит ли у них мужества сказать то, что думают, или трусость загонит их в русло общепринятых, согласно конъюнктуре времени, установок.

Проблема, конечно, существует, и её, мы считаем, надо решать в пользу того народа, которому принадлежит это национальное достояние, ибо здесь много наносных и противоречивых суждений, начиная от уничижения шедевра и полного отрицания его подлинности до признания «Велесовой книги» «явлением астрономического» порядка (В. Калуцкий), то есть — космического.

Хочется добавить некоторые моменты из истории «Велесовой книги», упущенные В. Калуцким, и тенденциозное отношение к ней ряда учёных, которое могут допускать лишь недруги русского народа.

Бесценные «дощечки» были обнаружены в имении Задонских-Неклюдовых, которое находилось в Великом Бурлюке Харьковской области. Большая библиотека (вывозили на «гарбах» — высокобортные телеги) была разграблена в годы революции, а владельцев усадьбы по-ленински изрубили шашками красногвардейцы. Но так как исполнители большевистских идей были людьми абсолютно тёмными, то, что такое книга, они ещё как-то сообразили, а вот «деревяшки» оставили в покое. Их-то и подобрал, и сохранил, и вывез из мятежной России белый эмигрант Ф. А. Изенбек. Во время Второй Мировой войны гитлеровцы изъяли накопленные Фёдором Артуровичем Изенбеком — 600 художественных картин, а вместе с ними, как полагают, и «дощечки», так как в той команде фашистских «прихватизаторов» находился и П. Пфейфер, который ранее интересовался этими «дощечками» и даже предлагал хозяину свою помощь в расшифровке текстов.

И вот в ноябре 1953 года американский журнал «Жар-птица» (Сан-Франциско) публикует следующий материал:

> **Колоссальная историческая сенсация**
>
> При некотором нашем содействии — воззвании к читателям журнала в сентябрьском номере журнала — и журналиста Юрия Миролюбова отыскались в Европе древние деревянные «Дощьки» V века с ценнейшими на них историческими письмами о древней Руси.
>
> Мы получили из Бельгии фотографические снимки с некоторых из «дощьчек», и часть строчек с этих старинных уник уже переведена на современный литературный русский язык известным учёным-этимологом Александром А. Кур и будет напечатана в следующем, декабрьском номере нашего журнала.
>
> **Редакция**

Это был фотостат с «дощечек» и то неполный, так как журнал публиковал их из номера в номер и в 1959 году прекратил своё существование...

А где же оригиналы?

После разгрома фашистской Германии архив «Ahnenerbe», где находились и «дощечки», перешёл в руки советского командования и был вывезен в СССР. Александр Игоревич Асов, который сделал современный перевод «Велесовой книги» и опубликовал его, пишет: «Затем они тайно хранились (и по сию пору хранятся) в Мо-

скве» в специально отстроенном по указанию Сталина архиве для немецких документов. «К ним не допускают никого. Они как бы не существуют, подобно иным тайным военным трофеям».

Добавим от себя: а так как сейчас русские в своей стране не являются владельцами собственного богатства и архивов в том числе, то эти сокровища могли преспокойно перекочевать на Запад, как это нам показывали на экранах телевизоров колонну фургонов с немецкими (масонскими) архивами, следовавшими за границу…

Теперь нужно прояснить, кому это надо?

В нашей стране заведено незыблемое правило: если определил кто из верховной элиты (и в науке!), как следует толковать то или иное историческое или научное явление, так толпы защитителей научных степеней и ринулись бараньим стадом по указке.

Помню, в моей жизни был такой случай. Во время учёбы в университете, сразу после войны, в языкознании господствовала концепция академика Марра. Моей двоюродной сестре Галине Шаповаловой дали дипломную работу на одну из модных тогда тем по языковой типологии академика. Подошла защита. А тут Иосиф Виссарионович Сталин выступил со своими выкладками по вопросам языкознания. Все силы положила моя Галочка на этого Марра, но диплома ей так и не дали. Выдали справку о том, что она окончила университет (без защиты).

Но это куда ни шло!

Вся научная рать ошалело отскочила от Марра (тогда ходила даже поговорка: от Марра осталась одна хмара) и устремилась по пути, указанному вождём.

В точности, как в наше время.

А. И. Асов пишет:

«В журнале «Вопросы истории» за 1977 год, № 6 академик Б. А. Рыбаков, историк В. И. Буганов и лингвист Л.П. Жуковская опубликовали статью «Мнимая «Древнейшая летопись». Это было первым и единственным отзывом на Велесову книгу Бориса Александровича. Его выступление серьёзнейшим образом ударило по позициям сторонников изучения Велесовой книги, тем более что многие из них были воспитаны на его трудах».

Таким образом, становится понятным, кто такой Б. А. Рыбаков.

Окончательно утвердил «общественное» мнение о «Велесовой книге» академик Д.С. Лихачёв: «…наряду с подлинными открытиями последних десятилетий… появляются и открытия мнимые. К числу таких явных мнимых открытий относится и так называемая «Велесова книга».

И — всё!

Известный русский учёный О. А. Платонов в своей книге «Криминальная история масонства» (Издательство «Алгоритм». Москва. 2005) даёт следующие сведения: «Лихачёв Дмитрий Сергеевич, 1906-1999, литературовед, текстолог, будущий академик, член кружка «Хильфернак» (СССР), 1920-е) и «Космической Академии» (СССР, 1920-е)».

Думается, объяснений больше не требуется…

Установка дана, и вся научная рать взяла под козырёк! Высказывания «светилы» было достаточно, чтобы тема оказалась закрытой. Такова сущность нынешней «науки». Даже в нашем патриотическом Белгородском государственном университете некоторые из несущих студентам знания в этой отрасли слыхом не слыхали словосочетания «Велесова книга». А те, кто что-то слышал, или знает суть, в чём дело, уходят от темы в сторону установленных «норм поведения». Трусят…

На всём протяжении нашей славной истории «цивилизованный» Запад стремился умалить наше прошлое, показать нас диким народом без рода и племени, скрыть и уничтожить наши национальные памятники старины и прародины. Немалую роль в этом подлом деле сыграли и проникшие в русскую культуру и науку, руководство архивами и музеями недруги русского народа, накинувшие замок и на «Велесову книгу».

А ведь что проще: показать эти «дощьки» — и сразу всё определится…

Но тогда откроется подлинное лицо рыбаковых, лихачевых и прочих вечных каменщиков, перекраивающих мир по своему усмотрению и уродливому подобию.

В. Шаповалов

КРАТКИЙ СЛОВАРИК ОБЩИХ СЛОГОВЫХ ОСНОВ АРИЙСКОГО ПРАЯЗЫКА

Приводимое здесь слоговое письмо имеет единое значение для всех языков индо-европейской группы и пишется как кириллицей и глаголицей, так и латиницей. Словарик может рассматриваться, как дополнение к санскриту или даже как одна из его ветвей. Не имеет строгой научной основы и создан из практики знакомства с памятниками мировой литературы, русской словесности и диалектными источниками.

А

Ад место
Аз точка, направление
Аи неуравновешенный
Ай верхний
Ан через, сквозной; грандиозный
Ас скрытое, защищенное
Ар емкость
Ая подверженное теплу, неге

Б

Ба/ бу дерево
Бе/ бя беда; полет
Би два
Бо всеобщее, достаток
Бл неприятное, отталкивающее

В

Ва мягкий
Ве часть круга, круг, речистый
Вер истина, жизнь
Вес посвященный
Ви напротив
Во созидание
Вой страшный

Г

Га/та путь, движение
Ге родовитый, племенной, элитный
Ги тяжелый
Го масса; высота.

Д

Да есть
Де начальный
Ди усиленное, однозначное, личностное
До прибыль
Ду/жо гнутый
Ды вверх

Е

Еж закрепление
Ец предел

Ж

Жа ограничение, неугодное
Же/о подвижный
Жи текучесть

З

За одежда, доспех, укрытие
Зе водный
Зи отпускать, грузить
Зо видеть
Зы звук, колебание

И

Иг/х острота ощущений
Ил рядом
Им составляющая
Ис попытка
Их глубокий, внутренний

К

К мужчина, человек
Ка сущее
Кор/со сердцевина; мясо
Кри запечатленное

Л

Ла счастье, грация
Ле расти; плутовство
Ли каменный, основательный, прочный
Ло лежать, торчать
Лу/лю светлый, острый
Лы длинное , долгое

М

Ма сущее, содержание
Ме белый
Ми множество, состав
Мо/р смертный
Му параллельный
Мя символ

Н

На верх
Не/ни новый, голубой
Ни/ны к вам, ко мне; я
Но вниз
Нь/ть/рь отсутствие движения
Ня ласка

О

Об активный
Ог/х видимый
Од направление
Ок разоблаченный, прозрачный
Ол значимый, стоячий
Он великий
Оп основание, упор
Ор уничтожение
Ос между, промежуток, центр.
Оч приметный, зримый

П

Па здесь; человек
Пе очаг
Пи передача
Пл накидка
Пу точка.
Пы искус

Р

Ра свет, солнце*: основной слог санскрита*
Ре/ро смещение, перемена
Ри начертание
Ру/ры поток, река
Рь препятствие
Ря / яр весомый, глубокий

С

Са пришедший
Сва/фа женщина
Се зерно, порошок
Су нелегкий, жесткий
Сы неполноценный

Т

Та закрытие
Те/ле перемещение
То/фо звук
Тя трудный

У

Уг безысходность; схождение
Уд трудовой
Уж активный, подвижный
Уз совместный
Ук острый, колючий
Ум логичность
Ур/р металлический
Ус правильный, ровный
Ут удаление; зажатость

Ф

Фа жизненное, светлое; поглощение

Фи оттенок

Х

Ха ничтожный

Хи сокрытое

Ц

Це/цо/со кольцо, замок, скрепление

Ч

Ча успех; водный, жидкостный

Че черный; человек

Чу оставь меня

Ш

Ша/ща воздушный, небесный, заботливый

Ши острие

Шо защита

Шу испуг, падение

Щ

Щи сила

Я

Яг /яг послушный, бегущий, преследующий

Яз неприязнь, болячка

1	2	3	4	Названия букв	У	ОУ	ОУ	Ѿ	оукъ
Ⰰ	Ⱑ	Ⱑ	Ⰰ	аз	Ф	Ф	Ф	Ф	фрыть
Ⰱ Ⰲ	Ⰱ		Ⰲ	буки	Х	Х	Х	Ѡ	херъ
Ⰲ	Ⰲ	Ⰲ	Ⰲ	веди		Ѡ	Ѡ	Ѡ	омега
Ⰳ	Ⰳ	Ⰳ	Ⰳ	глаголи	Ц	Ц		Ц	ци
Ⰴ	Ⰴ	Ⰴ	Ⰴ	добро	Ч	Ч		Ч	чрьвь
Ⰵ	Ⰵ	Ⰵ	Ⰵ	есть	Ш	Ш		Ш	ша
Ⰶ	Ⰶ		Ⰶ	живете	Щ	Щ		Щ	шта
Ⰸ	Ⰸ		Ⰸ	зело	Ъ	Ъ		Ъ	еръ
	Ⰷ	Ⰷ	Ⰷ	земля	Ы	Ы		Ы	еры
Ⰺ	Ⰺ	Ⰺ	Ⰺ	ижеи	Ь	Ь		Ь	ерь
Ⰻ	Ⰻ	Ⰻ	Ⰻ	иже	Ѣ	Ѣ		Ѣ	ять
Ⰼ				(й)	Ю	Ю		Ю	
	(h)		Ⰼ	гервь	Ꙗ	Ꙗ			
Ⰽ	Ⰽ	Ⰽ	Ⰽ	како		Ⱑ			
Ⰾ	Ⰾ	Ⰾ	Ⰾ	людие	Ѧ	Ѧ		Ѧ	юс малый
Ⰿ	Ⰿ	Ⰿ	Ⰿ	мыслите		Ѩ		Ѫ	
Ⱀ	Ⱀ	Ⱀ	Ⱀ	нашь	Ѫ	Ѫ		Ѫ	юс большой
Ⱁ	О	О	Ⱁ	онъ		Ѫ		Ѫ	
Ⱂ	П	П	Ⱂ	покои		Ѯ			кси
Ⱃ	Р	Р	Ⱃ	рьци		Ѱ	Ѱ		пси
Ⱄ	С	С	Ⱄ	слово		Ѳ	Ѳ	Ѳ	фита
Ⱅ	Т	Т	Ⱅ	твердо		Ѵ	Ѵ	Ѵ	ижица

Сравнительная таблица азбук: 1. Велесовица. 2. Кириллица X-XI в. 3. византийский унициал IX-X в. 4. Глаголица болгарская

К вопросу о внезапной гибели
Слободана Милошевича

СПИСОК ВНЕЗАПНЫХ СМЕРТНЫХ СЛУЧАЕВ

Организация международного еврейского шпионажа, скрывающаяся под безобидным именем «Информация энд Сервис Ассошиашион» (Агентство по информациям), с главной резиденцией в Нью-Йорке — не что иное, как вспомогательный орган порабощения национально мыслящих народов. В организации этой занято около 5 000 платных и 50.000 бесплатных агентов. Местным начальником службы шпионажа состоит Сидней Валлах, член «Американского еврейского конгресса», а главным руководителем международной шпионской организации — бывший журналист Франк И. Принц. Принц регулярно докладывает о своей работе Луи Дембицу Брандейсу (верховный судья в Вашингтоне) и получает от последнего инструкции. Этот грандиозный аппарат фактически уже проник во все официальные организации шпионажа. Есть и такие вожаки, которые даже чванятся тем, что в их полном распоряжении находится весь аппарат американского министерства юстиции, к услугам которого в случае необходимости они могут обратиться.

В тайной картотеке шпионской организации можно найти, между прочим, имена, адреса и личные данные свыше 10.000 проживающих в США граждан и находящихся под постоянным наблюдением мужчин и женщин, подозреваемых в антисемитизме. Такие списки существуют во всех странах, где эти структуры ещё могут проявить свою деятельность.

Особенно мрачной организацией, построенной на еврейском шпионаже, является строго секретный «ликвидационный аппарат», составленный из членов ложи «Бнай Брит» и известный под именем «Американского общества бдительности». Члены этой организации обучаются всем видам убийств и клятвенно обязуются по приказанию свыше участвовать в «ликвидации» важнейших неугодных персон. Упомянутая организация находится под руководством адвоката Самуила Унтермейнера, председателя «не сектантской антинационал-социалистической лиги».

В США уже давно тайком ходит по рукам посвящённых так называемый «список внезапных смертных случаев» среди американских политических деятелей, взявших на себя смелость выступить против еврейского засилья в органах власти. Не проходило года, чтобы то или другое лицо не стало жертвой этого террора. В этом списке можно прочесть следующие имена:

1. 1932 сенатор Бронсон Кюттинг из Новой Мексики;
2. 1935 сенатор Хюзи П. Лонг из Луизианы;
3. 1935 губернатор Ален из Луизианы;
4. 1936 сенатор Томас Шелл из Миннесота;
5. 1936 бывший член конгресса Луи Т. Макс Федден из Пенсильвании;
6. 1936 сенатор губернатор Нитчи из Мериленда;
7. 1936 генерал Шарль Н. Шарилль из Нью-Йорка;
8. 1940 сенатор Людкин Огайо;
9. 1940 сенатор Бора из Идахо.

У всех этих лиц было одно общее: они были либо открытыми противниками засилья евреев в руководящих органах, либо непримиримыми противниками рузвельтовской политики, являясь неудобными из-за своей политической деятельности. Все они или были убиты, или же внезапно скончались при весьма таинственных загадочных обстоятельствах.

О.А.Д. Из немецких архивов времён Второй мировой войны

ГОВОРУХО-ОТРОК
ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
1854-1896

К 110-летию со дня смерти

Юрий Николаевич Говорухо-Отрок (псевд. — Ю. Николаев, Г. Юрко и др.) [25.I (6.II).1854, с.Таврово, Белгородский уезд, Курская губерния —27.VII (8.VIII). 1896, Москва] — рус. писатель, литературный критик. Родился в дворянской семье. Детство провёл в имении отца (с. Таврово). Учился в гимназии, затем в Харьковском университете.

Те, кто знал Юрия Николаевича в ранней юности, отмечали, что он поражал своей наружностью: «Умное, выразительное и одухотворённое лицо смуглого и несколько сутуловатого мальчика прямо так и бросалось в глаза», — пишет Н.Черняев — близкий друг Юрия Николаевича. Другой наш выдающийся земляк — Н.Н. Страхов назвал Ю.Н. Говорухо-Отрока «светлым явлением нашей литературы за последние годы».

Выдающийся русский философ Василий Васильевич Розанов упоминая о том, что Говорухо-Отроку так и не удалось «написать полный и обширный обзор» его любимейшего произведения «Гамлет», даёт следующую характеристику Юрию Николаевичу, с которым общался лично: «Как ни странно будет сказать, этот приземистый, черноволосый, типично *русский* человек — был сам Гамлет; точнее — та трансформация этого вековечного и универсального типа, которая для русской действительности была оттенена и обрисована такими верными и тонкими штрихами Тургеневым. Говорухо-Отрок обильно пережил глубочайшие сомнения; он был благороднейшая и *тонкая* натура, тонкая именно в ощущениях истинного и ложного в человеке, достойного в нем или только грубой подделки под достойное. Печальная задумчивость никогда почти не оставляла его…»

Русский общественный деятель Л.А. Тихомиров в некрологе вспоминал: «Как живой стоит передо мной Говорухо-Отрок, молодой, почти мальчик, с умным и тонким лицом, в каждой чёрточкой полном нервной силы…»

Здесь нам не обойтись без характеристики той эпохи, которая пришлась на долю нашего талантливого соотечественника, ибо она получила яркое отражение в его литературном творчестве: «Человек **здесь** умер; в значительной степени в новой цивилизации человек **умер**». (Говорухо-Отрок).

Как современно звучат эти слова!

Точную картину общества второй половины XIX века даёт Василий Васильевич Розанов: «Тесен в литературе нашей круг людей, остающихся ещё верными заветам, смыслу и духу земли русской. Против широко раскинувшихся рядов противников эта кучка гонимых, эта партия литературных гёзов едва имеет несколько разрозненных

имён. Грустна судьба их. Без личного счастья, без какого-либо привета, в нужде и часто унижении. Задыхаясь среди безжалостной клеветы, они отстаивают предметы своего культа с очень слабой надеждой на их сохранение и только с верой, что эти предметы суть лучшее, драгоценнейшее из всего действительного. Угрюмо проходит их жизнь; они почти не перекидываются словом друг с другом, едва имеют возможность не терять из виду один другого. И когда выбывает товарищ — едва имеют время оглянуться на него и сказать торопливо: *вечная память*».

Сколько же их «ПРОТИВНИКОВ» — и доморощенных, и пришлых — налетело, особенно сейчас, на богатый русский кусок: «Как это не боишься ты этих пришлых? Ой, гляди!» (М. Горький).

Очень мрачную картину даёт Василий Розанов, впрочем сейчас она ещё мрачнее.

Действительно, в обществе того времени отсутствовала чёткая ясная стержневая ориентация, которая бы объединила нацию в целом в её главной задаче — самосохранения. « Всё во мне есть! — восклицает один из героев Максима Горького, — А стержня — нету! И все мы такие смешанные изнутри. Как нас ни гни — кланяемся и больше ничего!»

Общество раскололось на два противоположных полюса — высший свет во главе с паразитическим дворянством и рабочая скотинка, прозябающая в полной темноте и невежестве, изнурённая каторжным трудом настолько, что это не дало ей возможности созреть духовно. Имущий класс отгородился от народа ложными, губительными для человечества, идеалами — образом барской жизни, французского языка, недоступного простолюдинам, вывихом ума в сторону Запада, не видя, что вся история этого пресловутого Запада состояла на том, кого бы сожрать, что и привело их всех, непутёвых, к собственной гибели и утрате того, на чём они сами стояли и что мы называем нацией и Отечеством…

В точности как в наше безвременье, только разница в том, что та, прежняя, элита неосознанно рыла себе могилу, а эти, переродившиеся комбуры, обеспечили себе и своим потомкам процветание капиталом. Будто сегодня Говорухо-Отрок говорит: «Против золота и закон бессилен; он властвует только над лохмотьями…».

Ныне наше общество — очень больное общество, и я боюсь, что диагноз этой болезни — рак, уже глубоко пустивший метастазы по всему телу. Это общество не только не лечат эскулапы власти, а всеми силами загоняют болезнь вовнутрь, способствуя разложению души славянского народа с целью её духовного погребения. Повал «Железного занавеса», который ограждал нас от прелестей «мирового сообщества» — сатанизма, разврата и порнографии, наркотиков и разбойной жизни, лжи и обмана, килерства и экстремизма, отрав и подделок — привёл нас не к свободе личности, а к свободе безобразий, которые не могли явиться нам и в жутком кромешном сне. Так испаскудить нашу жизнь, как удалось «демократам», ещё никому не было под силу! Сейчас можно услышать, какая у нас нынче идеология? И часто отвечают: да у руководства страны нет её! Неправда, она есть — это идеология обмана. Человечество встало на ложный путь, который в итоге приведёт народы земного шара к самому худшему варианту соцобустройства — царующему злу, имя которому — рабство с душком национализма.

Мировые силы зла держатся на трусости людей, на разъединении народов, на стравливании их между собой. Они хорошо знают психологию человека и это оружие используют в полную силу. В славянской натуре нет стихии разрушения во имя собственного утверждения, миротворческие гены заложены нам предками на бесконечную цепь поколений, что явилось благодатной почвой, на которой жируют вечные устроители мира и по своему хищническому образу и подобию строят «общий дом». Оказалось, что рабство — самая универсальная форма существования человечества. Менялись формации, а главная их суть оставалась той же. Ведь феодализм, капитализм, марксов социализм не что иное, как настоящее рабство, разнятся они лишь видом эксплуатации в зависимости от развития способов производства. Таким образом, наименование формаций — это декоративный атрибут одного и того же явления, которое сейчас приобрело более «цивилизованные формы». И если одна формация сменяется другой ценой крови, то ни одна из формаций не стоит и единой жизни, утверждаясь за счёт этой жизни. И если прогресс работает, в основном, на избранных, то зачем вообще такой прогресс? У человечества есть все возможности, подаренные Богом или Природой, чтобы стать счастливой Планетой. Но мыслящее человечество

Тавррово. Дворянское гнездо. 2001

сейчас на грани бессмыслия и все силы тратит на то, чтобы оставаться несчастливым. В этом абсурд разума или его полное отсутствие.

Да и сама природа постаралась жизнь на земле замешать на абсурде — на пожирании одним видом другого, что гомос сапиенс перевёл в социально-политическую сферу. Ума у природы на большее не хватило. Глядя на жизнь, как она задумана и создана самой природой, невольно приходишь к мысли: если в этом процессе кто-то участвовал, условно скажем — «бог», то он является всевышним злом. Сам человек скроен очень плохо. И по своему подобию создал себе среду обитания.

«Чтоб мир переродился, иль погиб», — сказал ещё Вильям Шекспир.

Посмотрим, куда он переродится!

Но вернёмся к нашему замечательному земляку.

В 1874году Ю.Н. Говорухо-Отрок примкнул к харьковскому революционному кружку, ходил «в народ», судился по «процессу 193-х», приговорен к ссылке, замененной тюремным заключением в Петропавловской крепости. Отсидев три года в одиночной камере, был сослан в Харьков, где одиннадцать лет жил под надзором полиции без паспорта и права выезда.

Отрезвление и осмысление действительности произошло в тюрьме, и он резко меняет свои идейные и политические убеждения. Советская литературная энциклопедия (том 2, 1964 год) пишет: «Отмежевавшись от прежних революционных взглядов, обратился к «почвенничеству» и славянофильству. В рассказах этого времени в ложном свете рисовал революционных деятелей, (надо читать: не в ложном, а в реалистическом свете — как экстремистов-бомбистов — *В.Ш.*), изображая в качестве положительного героя человека, отступившего от революции («Fatum», 1881, «Развязка», 1882), то есть нормального человека — надо понимать, а не одержимых идеей разрушения революционеров, злонамеренная деятельность которых привела в итоге к двум трагедиям в русской истории в 1917 году и в 90-х годов XX века.

Литературной деятельностью начал заниматься с начала 80-х годов XIX столетия и уже к началу 90-х годов регулярно сотрудничал в газете «Московские ведомости», где с 1889 заведовал литературным отделом и театральной хроникой. Автор статей о И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом, А. Н. Островском, А. П. Чехове, П. Д. Боборыкине, Н. А. Добролюбове, Н. К. Михайловском и др. Говоруха-Отрок считал себя последователем А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова.

В своё время литературная деятельность Говорухо-Отрока была высоко оценена его современниками. Однако соотечественники стали постепенно забывать эту выдающуюся личность и следует отдать должное Зое Тимофеевне Прокопенко — доктору филологических наук, профессору Белгородского государственного университета, которая по сути воскресила это имя и открыла ему второе дыхание. В своём предисловии к первому тому собрания сочинений Говорухо-Отрока она пишет: «Юрий Николаевич Говорухо-Отрок 80-90-е годы XIX века был широко известен как писатель, литературный и театральный критик, публицист и философ, свободно чувствовавший себя во всех жанрах печатного слова. Эту свободу он буквально выстрадал за свою короткую жизнь. За увлечение идеей «хождение в народ» он был арестован в 1874 году, три года провел в одиночном заключении и вышел на свободу противником революционных переворотов, глубоко верующим человеком.

Он первым попытался рассказать русскому обществу не о героических, а о трагедийных судьбах революционеров-террористов, указать на бесперспективность их

борьбы и сделал это с глубоким сочувствием к бесцельно и напрасно растраченным молодым силам.

Естественно, что прежние единомышленники не простили Говорухо-Отроку его «ренегатства», практически встречая почти каждое его выступление в печати полемическими выпадами в адрес «предателя». Все это Юрий Николаевич достойно отражал с присущем ему тактом и темпераментом».

В связи с кончиной Юрия Николаевича в прессе появился ряд статей с оценкой его деятельности.

В журнале «Русское слово» сообщалось, что «русская литература, бедная выдающимися дарованиями, понесла на днях новую тяжелую потерю.

Не стало выдающегося русского критика, неутомимого борца за права эстетики, заклятого врага всякой тенденции — откуда бы она ни исходила — Юрия Николаевича Говорухо-Отрока…»

Далее З. Т. Прокопенко сообщает: Юрий Николаевич Говорухо-Отрок был похоронен в Москве в Скорбященском монастыре. Через два года по подписке друзей и почитателей его таланта были собраны деньги на установление памятника на его могиле. Рисунок памятника был сделан другом покойного, известным художником Виктором Михайловичем Васнецовым. Белый мраморный крест выполнен в мастерской Василия Ивановича Орлова. Об этой работе В. М. Васнецов писал И. В. Цветаеву: «Кроме «Святого Георгия» для Третьяковской галереи, мастерская Орлова исполняла мой рисунок памятника — в мраморе — Говорухо-Отроку, что на кладбище Скорбященского женского монастыря.

Можно только сожалеть, что могила Говорухо-Отрока утрачена навсегда. Мы в долгу перед памятью этого человека и гражданина земли русской. Сегодня мы имеем возможность восполнить этот пробел и вернуть нашего соотечественника Юрия Николаевича Говорухо-Отрока современникам, издав Собрание его сочинений и восстановив часовню, а при ней памятник по рисунку В. М. Васнецова в селе Таврово на Белгородчине».

В. Шаповалов

В издательстве Шаповалова вышел первый том собрания сочинений нашего земляка Юрия Николаевича Говорухо-Отрока — широко известного в 80-90 годах XIX века писателя, литературного и театрального критика, публициста, философа и общественного деятеля.

Работу по подготовке издания осуществила доктор философских наук профессор Белгородского государственного университета Зоя Тимофеевна Прокоценко. Она также составила указатель произведений писателя, приложение к изданию, написала критико-биографический очерк — фундаментальное исследование жизни и творчества замечательного писателя-патриота Ю. Н. Говорухо-Отрока.

«СЧАСТЬЕ ХОРОШО, А БРЮХО — ЛУЧШЕ»

Ю. Н. Говорухо-Отрок. Собрание сочинений, т. 1.
Белгород. Издательство Шаповалова. 2005. 512 стр.

Мне нравится эта фраза Юрия Николаевича Говорухо-Отрока, потому что в ней хорошо и ясно отражено разочарование писателя в народовольческом движении. Участие в нем стоило ему трех лет одиночного заключения. Свою гражданскую миссию писатель увидел в необходимости отразить мировоззрение определенной части российского общества и развенчать его ошибочность, фальшь и пошлость. Начинали народники с «лаптя», как с модной идеи, а закончили тем, что осели в своих поместьях, выезжая иногда в столицу, чтобы стряхнуть с себя провинциальную хандру.

Разумеется, были среди народников и те, которые шли на плаху за свои убеждения, но они оказались в меньшинстве.

Ю. Н. Говорухо-Отрок не ставил задачу быть пророком для последующих поколений, но, помимо своей воли и благодаря силе своего таланта, стал им. Вдумчивый читатель найдет в его творчестве перегласовку с нынешнем временем. Ю. Н. Говорухо-Отрок описал нигилизм, в основе которого лежало отрицание миропорядка. Нынче в определенной части общества царит «пофигизм», т. е. безразличие к окружающему миру. Девиз «пофигистов» написан на пакетах и рекламных щитах пока по-английски, чтобы не раздражать остальное общество, но гниль «пофигизма» медленно и неуклонно расползается во все слои общества. Это девиз: «Enjoy yourself! («Наслаждайся!») Он-то и служит цементирующим веществом, объединяющим нигилизм 19 века с пофигизмом 20-го века.

Трансформация нигилистической идеологии XIX-XX веков представлена в следующей таблице:

Нигилизм	**Пофигизм**
Отрицание общественных ценностей: идеалов, моральных норм, культуры, форм общественной жизни.	Потеря высших ценностей, идеалов, моральных норм, культуры, форм общественной жизни. Культ «Золотого Тельца».
Обезбоживание мира	Формальное исполнение религиозных образов без проникновения в их суть.
Отчаяние как форма поведения человека.	Безволие, апатия, лень, самоуничтожение наркотиками.
Культ физической силы в условиях физического или социального неравенства.	Культ физической силы в условиях физического неравенства, ксеноробия.
Убийство как способ восстановления социальной справедливости.	Убийство как способ избавления от соперников или конкурентов.
Коррупция чиновничества, взяточничество, мошенничество, воровство.	Коррупция чиновничества, взяточничество, мошенничество, воровство.

Сопоставляя левую и правую половины страницы, нельзя не вспомнить высказывание царя Соломона: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.» *(Экклесиаст, I, 9).*

Народничество начиналось с благих намерений. Нужно отдать должное, что разночинцы и мелкопоместные дворяне видели страдания народа и по-своему хотели ему помочь. Только человек с отзывчивой душой не может пройти мимо умирающего от голода крестьянского мальчика. Он приводит к нему доктора.

«Они вошли в маленькую покривившуюся хатку. Воздух был спертый, удушливый. На лавке лежал мальчик лет двенадцати, без кровинки в лице, прикрытый рваным полушубком. Услышав, что вошли, он полуоткрыл глаза.

— Тятька… пить…

Отец подал.

— Что ж он у вас целый день один? — спросил Арбузов.

— Кому ж быть? Баба тоже не работе…

Порошин, видевший много умиравших, тотчас заметил, что мальчик в агонии. В полубреду метался он по лавке, что-то бессвязно бормоча. Вдруг он широко открыл глаза! Они были тусклы и безжизненны.

— Мамка… Где… Глянь… ушла, ушла… Корова! Мамка! — обрывисто вскрикнул он и замолк.

Порошин взял пульс, приложил ухо к сердцу…

— Умер, — сказал он, поднимаясь». *(с. 122)*

Итак, крестьяне работают, не разгибая спины, но не могут даже сносно накормить ребенка. Мать не в состоянии сидеть у умирающего ребенка, т. к. гнет спину либо в поле, либо на скотном дворе. У дворянина доктора находятся лишь дежурные слова: «Бог дал — Бог взял», после чего он выходит из избы. Но есть радикально настроенные люди, которые хотят изменить положение дел, но единственное, что они могут сделать — это организовать покушение на кого-либо из власть имущих, включая царя и премьер-министра. Умеренно настроенные народники, которых автор показал, в частности, в образах Веточки и Сенечки, не могут вызвать у автора ничего, кроме иронии или сарказма. Общество «Наши», в котором они состоят, регулярно собирается, чтобы обсудить чрезвычайно важные вопросы. Сенечка выступает с докладом о способах очинки школьных карандашей, а Веточка пишет в газету статью о «значении выеденного яйца в деле народного образования». Образ яйца не нов. Новатором здесь был Дж. Свифт, который в «Путешествиях Гулливера» описал вражду двух империй, Лилипутии и Блефуску, между которыми постоянно велась война. В Лилипутии закон предписывал разбивать вареное яйцо с тупого конца, в Блефуску этому закону не подчинялись и разбивали яйцо с острого конца. До одиннадцати тысяч фанатиков пошли на смерть, лишь бы не подчиняться повелению разбивать яйцо с острого конца. Были напечатаны сотни томов, трактующие этот вопрос, но книги, поддерживающие теорию тупого конца, были запрещены, а вся партия лишена законом занимать государственные должности. Между тем в Алькоране этих империй записано следующее: «Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее». С позиций стилистики здесь наблюдается климакс образа. Ю. Н. Говорухо-Отрок использует антиклимакс, сведя образ до выеденного яйца, т. е. к ничтожно малой величине. Писатель саркастически высказывается о сфере образования. Но не лучше дело обстоит и в медицине. В «Юнкере Дубяге» выведен образ начинающего врача, «Конечно, я «фордыбачил». Конечно, я… требовал «радикальных реорганизаций»; конечно, я «строго и серьезно» внушал… фельдшеру последние выводы науки; конечно, я сразу прозрел в экономике… склонность к злодейским мыслям и поступкам; конечно, я выписывал для больных пятирублевый портвейн и заграничные препараты неслыханных цен». Не правда ли, актуально для нашей России?! Но писатель тут же показывает совершенно другие примеры, ибо Добро всегда побеждает не только в сказках. «Узнал я, например, что Александр Петрович (начальник больницы, — *прим.* ***Л. М.***) чуть ли не половину своего жалования тратит на больницу, что поэтому заграничные препараты и пятирублевый портвейн гораздо раньше были известны там, чем я произвел по этому поводу шум; узнал я, что он и помимо больницы возится с солдатами, как с детьми, отдавая им чуть не все свое время, а поэтому совсем не занимается частной практикой, которая, лишь бы он захотел, могла бы приносить ему большой доход». *(с. 241)*

И опять переклички с современностью: мы узнаем в Александре Ивановиче доктора Рошаля, которому после событий в Беслане было присвоено звание «Доктор Года». А сколько их, неназванных и неизвестных, продлевают наши жизни — низкий им поклон!

В таблице сопоставления нигилизма и пофигизма отмечено отчаяние как превалирующее настроение нигилистической части общества. Ницше даже назвал это

«болезнью эпохи». Он объяснял это отсутствием подлинно христианского мировоззрения, обезбоживанием миропорядка. Ю. Н. Говорухо-Отрок отвечает на это «Легендой о Сатане».

Когда Сын Божий явился к людям, чтобы искупить их грехи, Сатана не поверил его могуществу. Он употребил всю свою власть, чтобы посеять в людях неверие. С иступленным торжеством Сатана наблюдал казнь Христа, но его торжество сменилось ужасом, когда он услышал песню:

Христос воскрес из мертвых,
Смертию смерть попра,
И сущим во гробех живот дарова!

Окруженный силами небесными, сошел Христос в мрачную бездну ада и остановился напротив Князя Тьмы. И по мановению руки Сына Божьего ангелы небесные наложили на него цепи.

— Доколе в час моего воскресенья хоть один человек скажет с верой и умилением сии слова: «Христос воскрес», дотоле не распадется цепь сил, — сказал Иисус.

Сатана всеми силами старался распилить цепь, но как только он почти доходил до конца, на земле раздавался возглас: «Христос воскрес!» И цепь срасталась снова. Но у Сатаны нашелся надежный помощник. Он умело искушал людей. Он затронул их гордость, тщеславие, похоть. Он не уставал внушать людям: «Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет Воскресенья». Он высмеивал тех, кто не верил ему. Он уверил людей, что все бедствия, все несчастья, все несовершенство происходит оттого, что они верят в Бога, в вечность, в Христа, в Воскресенье, в победу над смертью.

И они поверили ему и отвергли Бога, вечность, Христа и Воскресенье.

Остался один старый ученый. Он познал всю мудрость мира, но пришел к выводу, что он ничего не знает. Это был последователь древнегреческого мыслителя Зенона. Память о себе он оставил так называемыми «Зеноновыми кругами». Напомню Вам эту историю. На все вопросы учеников Зенон обычно отвечал: «Не знаю». Опечалились его ученики, т. к. видели, как много знает Учитель, и как мало знают они. В ответ на просьбу объяснить значение слов «Не знаю» Зенон взял палочку и начертил на земле два круга, большой и маленький. Он сказал: «Пусть внутри большого круга будет заключено мое знание мира, а в маленьком — ваше. Все, что вне кругов, означает неведомый нам мир». Вот, что увидели ученики:

«Как видите, граница моего соприкосновения с неведомым намного больше вашей, ***поэтому не каждый знает, как много надо знать, чтобы знать, как мало он знает***».

Это же понимал и старый ученый из «Легенды о Сатане». Горько плакал он, сознавая, что жизнь прошла, а он так ничего и не знает. Вдруг старику показалось, что кто-то шепчет у изголовья: «Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет Воскресенья». Помимо своей воли он повторил эти магические слова. Но только успел он проговорить их, как тысячи серебряных колокольчиков прозвенели: «Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть Воскресенье». Это был шелест цветов, кустарников и деревьев. Его подхватил ручей и тысячи птиц.

Таким образом, природа играет основную роль в сохранении миропорядка, разрушаемого людьми. Большую роль играют и животные. Восточная легенда «Поцелуй любви» говорит о спасении души человека котенком, которого человек пригрел перед смертью.

У старого Шейха не было детей. Это так печалило старика, что под конец он решил жениться на молодой и красивой женщине, которая родила бы ему наследника. Вскоре у него родился наследник, но старый Шейх случайно раскрыл тайну его рождения. Отцом принца был молодой и красивый придворный. Это так поразило старика, что он умер от паралича сердца. Принц оказался никому не нужным, т. к. мать и ее любовник проводили свое время в пирах и празднествах.

Но вот принц из ребенка сделался юношей, и о его странных поступках по всей стране ходили рассказы. Беспутные оргии заканчивались убийствами. Обесчещенные девушки и опозоренные женщины выбрасывались на улицу. После отказа одной из девушек стать его женой казни последовали одна за другой. Земля была залита кровью бесчисленных жертв. Но однажды молодой Шейх услышал звук, жалобный и тихий. Это был стон умирающего котенка. Вдруг с Шейхом что-то случилось. Он соскочил с коня, подошел к котенку, зачерпнул из ручья воды, чтобы утолить его предсмертную жажду, обмыл его раны и перевязал их своим мягким пушистым платком. Маленькое животное с благодарностью взглянуло на него, а Шейх вдруг приник губами к его головке, и одинокая слеза, не скатившись, застыла на щеке его. Вскочив на коня, опустив голову, Шейх поехал, не замечая, куда. И кто-то метким ударом кинжала в спину убил Шейха — так велика была людская ненависть к нему.

И предстал Шейх на суд Божий. Бог взял в руки весы. На одной чаше весов была кровь Спасителя. К другой чаше подходили обиженные и оскорбленные и бросали один за другим по смертному греху Шейха. Переполнилась чаша грешника и перетянула чашу искупления. Тогда вострубил Ангел любви, призывая тех, кто мог свидетельствовать о любви Шейха.

И тут появился маленький котенок. В зубах у него был окровавленный платок. Он бросил его в чашу искупления, и она перетянула чашу грехов. Так один лишь добрый поступок по отношению к животному помог избежать геены огненной!

Но я пишу эти строки в не менее жестокое время, чем то, что описано в восточной легенде. Льется кровь из-за локальных конфликтов, терактов и просто несчастных случаев. Каждый второй россиянин упрекнет меня: «Людей убивают, а вы о котятах убиваетесь!» Чтобы не бросить тень несправедливости на Ю. Н. Говорухо-Отрока, посмотрим, с каким состраданием к простому человеку он описывает издевательства полицейского над мужиком, который хочет всего-навсего получить сдачу в железнодорожной кассе, где он покупал билет на поезд.

«Блюститель, очевидно, освирепел и пустил в ход самые энергичные меры; но мужик все барахтался…

— Эй, вы! Попридержите, попридержите! — задыхаясь от борьбы и волнения, взывал блюститель к окружающим.

Но толпа, собравшись в кружок, смотрела с каким-то тупым равнодушием.

— Нет, постой… ты у меня ляжешь… И не таких… Постой…

И он всею своею огромной тушей начал напирать на маленького, очевидно слабосильного мужичонка, который барахтался и сопротивлялся молча, плотно сжав почти посиневшие губы; кровь из разбитого носа капала на губы и подбородок, но он не обращал на нее внимания и лишь время от времени машинально втягивал носом струю воздуха…» *(с. 136)*

А вот аналогичная сцена из армейской жизни. Прапорщик избивает денщика.

«… Прапорщик, озираясь во все стороны, вдруг подскочил к денщику и осторожно не с размаху, но со всей силы, ударил его по лицу. И тут же, озираясь, опять отскочил. Денщик стоял, как каменный, без движения, все держа руки по швам… Вер-

но уже прапорщик повторял свою проделку не раз, потому что лицо денщика было окровавлено!» *(с. 259)*

Народовольцы надеялись, что, убив царя, они освободят народ от издевательств и унижений. А нам остается удивляться, что смена общественного строя ничего не дала народу, т. к. дубинка полицейского и кулак «деда» сейчас остаются основными демократизаторами и регуляторами миропорядка.

Итак, мы видим, что Ю. Н. Говорухо-Отрок был писателем-реалистом, беспощадно обнажавшим коррупцию власти и одновременно фальшь и пошлость основной части народовольческого движения.

На первый взгляд, отдельно от реалистических произведений стоит рассказ Fatum, что в переводе с латинского означает «судьба», «рок», «предначертание». Очевидно из-за этого автор предисловия, цитируя современников Ю. Н. Говорухи-Отрока, присоединяется к мнению о его мистицизме. *(с. 30)*

Возможно, во времена Ю. Н. Говорухи-Отрока жизнь Сергея нужно рассматривать с позицией злого рока. Он делает предложение Нине, получает отказ, после чего живет, как во сне, плывя по житейскому морю. Помимо своей воли оказывается народовольцем, берет в руки пистолет, стреляет из него в офицера царской охранки, бежит от преследования. В течение пяти лет скитается, но чувство вины побуждает его сдаться правосудию. Предварительно он заходит к Нине проститься, слышит от нее признание в любви. На этот раз он говорит: «Я не люблю Вас…» И лишь в момент казни приходит озарение: они оба все эти годы глубоко и искренно любили друг друга. Об этом говорят их глаза, встретившиеся в последнем прощальном взгляде, но на шее Сергея уже затягивается веревка, а Нина вечером умирает в больнице.

Так о чем же этот рассказ? Объяснить это помогает теория психоанализа З. Фрейда, который дает название подобной ситуации «фиксация на травме». Услышав от Нины отказ, Сергей переживает сильную душевную травму, которую в той или иной степени переживает любой мужчина, получивший отказ. Далеко за примерами не нужно ходить. Если бы в 1828 году А. С. Пушкин не получил отказ от Анны Олениной, неизвестно, как сложилась бы его судьба. О силе и благородстве его чувства к отвергнувшей его девушке говорят слова:

Я Вас любил так искренно, так нежно,
Как дай Вам Бог любимой быть другим.

Если бы Ф. И. Тютчев не получил отказ 16-летней Амалии Лерхенфельд, он не написал бы лучшее свое произведение «Я встретил Вас». Эти стихи поэт написал в 63 года, встретив 60-летнюю красавицу Амалию случайно в Карлсбаде, куда они оба приехали лечиться: «Здесь жизнь заговорила вновь…» Не значит ли это фиксации на травме. Отвергнутые мужчины могут прожить внешне благополучную жизнь, но душа их всегда будет кровоточить.

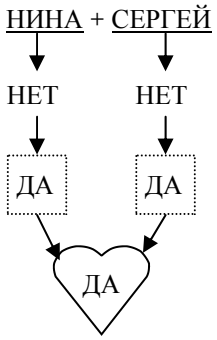
Однако в рассказе «Fatum» есть не только психологический, но и филологический фактор, который с позиций структурной лингвистики называется изменением смысловой структуры слова. Речь идет о слове «Нет», которое звучит в тексте два раза, но оба раза его нельзя понимать буквально, т. к. в обоих случаях оно означает «Да». Обратимся к тексту рассказа. Нина ответила Сергею отказом, который сам автор определяет как фатумный момент в его жизни. Но вот несобственно-прямая речь Нины: «Не любила?! — Зачем, зачем он не понял. Он — так много понимавший? Нет — зачем не почувствовал… Ведь она была ребенок, ведь ее ошеломило, смяло; ведь ее сердце, чистое, детское сердце — ничего не могло подсказать ей. «Нет», — сказала она тогда… И она не лгала… Зачем же он не сумел перевести этого «нет»? Ведь оно просто значило: «Нет, я не знаю, что значит любить… Зачем он не подождал, зачем не приучил ее к себе…» *(с. 39)*

Второе «Нет!» говорит Сергей, прощаясь навсегда с Ниной. «Она не удерживала его, оцепеневшая, без мысли, без движения… А в мозгу, наперекор всему, смутно, но уверенно мелькало: «Он любит меня…»

Он отворил было уже дверь, но вдруг воротился. Хотелось крикнуть: «Неправда! Я солгал! Я люблю тебя.» *(с. 43)*

И наконец, сцена казни. «Их глаза встретились.» И вдруг это мертвое лицо тронулось улыбкой, такой же доброй и печальной, как тогда — давно! Давно, бесконечно давно. В той маленькой комнате, когда, бывало, он поднимет голову от книги и встретит глазами ее лицо…» *(с. 52).* Мысленно я за Нину произношу слова Суламифь, возлюбленной царя Соломона: «Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне.» *(Песни Песней, гл. 6, стих 3).*

И у меня в воображении рождается Ожерелье Любви, которым мне хочется иллюстрировать этот рассказ. Но у него должно быть другое название — Amor.

Пунктирной линией отмечено слово «Да», которое подразумевалось, но не было высказано ни Сергеем, ни Ниной.

Мне остается поблагодарить профессора З. Т. Прокопенко, которая воскресила для нас незаслуженно забытого автора; я заканчиваю свой очерк о нашем выдающемся земляке его же словами: «Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть Воскресенье!»

Лидия МАРКИНА
кандидат филологических наук, доцент

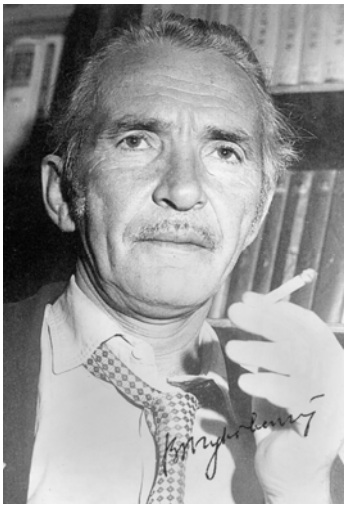
Соч.: *[*Ю. Николаев], Последние произведения графа Л. Н. Толстого, М, 1890; [Ю. Николаев], Очерки современной беллетристики В. Г. Короленко, М., 1893, [Ю. Николаев], Тургенев, М., 1894. Собрание сочинений, том 1, Издательство Шаповалова, Белгород, 2005 г.

Лит.: Памяти Ю. Н. Говорухи-Отрока. Сб. статей, М., 1896 г, Гаршин В. М., Полн. собр. Соч., том 3 — Письма, М. — Л., 1934, с. 487-90, История рус. лит-ры XIX в. Библиографич. указатель, под ред. К. Д. Муратовой, М. — Л., 1962.

В. В. Розанов. Памяти усопших: Ю. Н. Говорухо-Отрок. Сочинения. М. Издательство «Советская Россия». 1990, стр. 216-222.

В. В. Розанов. Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма /В.В. Розанов. М., Аграф, 2000. — 361 с. Кн. посвящена Н. Н. Страхову и Ю. С. Говорухе-Отроку.

Ю. Н. Говорухо-Отрок. Критико-биографический очерк. Доктор философских наук З. Т. Прокопенко. (в книге: Говорухо-Отрок, Собрание сочинений, том 1, Издательство Шаповалова, Белгород, 2005).

ЖУКОВСКИЙ
ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ
1921-1995

ЭХО ПРОНЗИТЕЛЬНОЙ ПЕСНИ
К 85-летию со дня рождения

В человеческих оценках мы, к сожалению, как были, так и остались «датчанами». Отмечаем не выход талантливой книги, или рождение удивительной картины. Не сценическую удачу или музыкальный успех, а очередную дату, авторский юбилей. Будь-то лишь из них и состоит жизнь творческого человека. А ведь жизнь эта совсем в другом.

Известно, что творческие люди всегда немножко капризны. Это обычно называют сложность характера. Разумеется, испытывать эту сложность чаще всего приходится тем, кто постоянно находится рядом.

Две дочери и жена Владимира Степановича только с благодарностью говорили о нём. Он любил детей. Хотя был с ними достаточно строг и старался исподволь воспитывать в них трудолюбие, честность и гордость. Его знаменитая фраза «Честь имею» — была практически девизом всей его жизни. Он и в творчестве был таким же.

Фронтовой друг Вячеслав Чудновский, получив очередную книгу в подарок, писал Владимиру Степановичу: «Поверь (без всякого подхалимажа), читал почти не отрываясь, как читают вообще очень интересную книгу. Хороши характеры и что особенно хорошо — о молодёжи написано верно и вообще книга дышит современностью, пронизана ею, написана о наших детях».

Чудновский удивляется в письме: «И откуда ты знаешь столь хорошо все эти мотоциклетные дела. Я сам водил мотоцикл, участвовал в судействе мотокроссов, имел связь с автомотоклубом, но не знаю и доброй половины того, что знаешь ты».

Просто Владимир Степанович не терпел делитанства. Расхожая фраза о желании дойти во всём до самой сути была его внутренней потребностью.

Владимир Степанович был человеком компанейским. Но с особым чувством достоинства. Когда он замечал, что переступается ему лишь видимая грань, тут же звучала всё та же историческая фраза: «Честь имею!».

Тем не менее к нему тянулись, ему несли рукописи, искали с ним встречи в неформальной обстановке. У него был свой круг творческих ребят. И были свои сим-

патии. Он не любил благополучных и всячески старался поддержать неудачников. Тех, кому в жизни приходилось особенно туго. Пожалуй, более всего симпатизировал Владимир Степанович Георгию Астахову, чьи рассказы отличались сюжетной нетрадиционностью и не совсем обычной стилистикой.

Но как ни странно, литературное окружение не очень его привлекало. Его больше влекло к художникам, скульпторам. Он часто бывал у них в мастерских, где нередко разгорались не в меру горячие споры и где Владимир Степанович был особенно строг и категоричен в оценках.

Может быть, за это и уважали его здесь. И писали его портреты, лепили скульптуры.

Долгое время Жуковский вёл в отделении Союза писателей секцию прозы. Он очень чутко улавливал литературные способности каждого, отыскивал особенности творческой манеры и старался помочь развить их. Но на семинарах был суров, и беспощадно требователен. Графоманство обнаруживал моментально и и тут же без экивоков оглашал приговор.

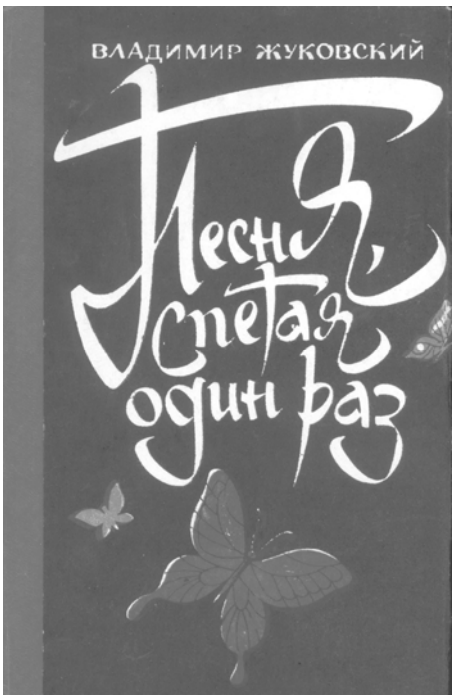
Думаю, немало литературных самолюбий разбилось о жёсткую принципиальность талантливого писателя.

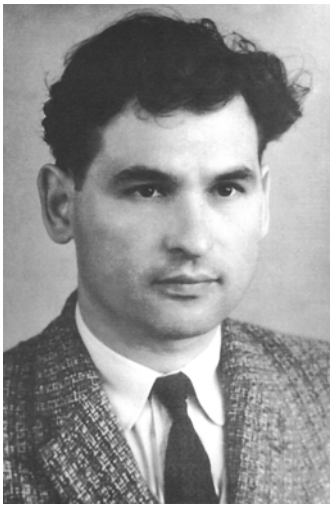
Иногда Владимир Степанович как бы проверял своих учеников на способность восприятия вымысла. И часто рассказывал различные байки, внимательно наблюдая за слушателями. Одна из них о том, как он в мутной реке ловил косой щук.

По реакции, а порой по мимике он чётко определял есть ли у молодого литератора задатки создавать выдуманный мир, без чего не может быть подлинной литературы.

И всё же, несмотря на некоторую жёсткость в оценках, многие начинающие литераторы и сейчас хранят тёплые чувства благодарности к своему строгому учителю, к его творчеству, к его удивительно добрым книгам, среди которых в особом ряду стоит повесть «Песня, спетая один раз». Эхо этой пронзительной песни до сих пор звучит в душах благодарных белгородских читателей.

26 июня 2006 **Евгений ДУБРАВНЫЙ**

БУХАНОВ
ВИТАЛИЙ СТЕПАНОВИЧ
1926-1965

ПРИЗВАННЫЙ БОРОТЬСЯ ЗА СЧАСТЬЕ

К 80-летию со дня рождения

Мы ленивы и нелюбопытны...
А. С. Пушкин

С поэтом Виталием Бухановым я «познакомился» в Москве, в разгар «перестройки».

Случайно оказался на руинах библиотеки завода тепловой автоматики. Длинный коридор был завален книгами: новые хозяева или арендаторы, помнится, кавказцы, купили или арендовали помещения под офисы и выбросили русскую литературу за ненадобностью. Некоторые заводчане бродили по коридору с мешками, набивали их лежавшими под ногами Гладковым, Островским, Шолоховым, Твардовским...

«Откопал» в грудах литературы «Искорки России» Буханова, сборник стихов «Трилистник» Николая Сидоренко, что написал предисловие к «Искоркам...», «Русь изначальную» Валентина Иванова, сборник рассказов Аркадия Аверченко. Поднял также «Окно в минувшее» — с описанием и прекрасными репродукциями русских икон — тоже валялись под ногами. «Хорошо хоть, — переговаривались книжники, — на мусорку не велели сразу вывезти». Но, думается, кто-нибудь спас бы литературу и там.

Книги перешли к друзьям. Слава Богу, они у классиков пока ещё есть.

Стихи Буханова я читал и раньше. Но в «Искорке России» открыл для себя поэта заново. Он поразил меня знанием природы. Каждое стихотворение дышит такой любовью к родной земле, что при чтении захватывает дух. В его стихах как живые бьются криницы, цветут незабудки, шумит рожь, шуршат камыши над Донцом, тянет от заводей тиной да ивами, мелькают ласточки, проходит гроза над лугами и степью, открывают мир дети, предстают хлеборобы, крестьяне, трудом которых всегда держалась русская земля. И пронзительно звучат на фоне этой красоты прощальные слова — предчувствие поэта:

...И нет отца.
Нет друга с этих пор,
И сердце уж не то,
В нём свет едва лишь бьётся,
Такую боль души

Не всякому понять, —
Я жизнь свою
Ни разу не итожил:
И не дал я того,
Что с радостью мог дать.
И своего не взял, —
Я слишком мало прожил.
Не плачь по мне, кукушечка, не плачь…

Об этих стихах Николай Сидоренко, поддерживавший в своё время великого русского поэта Николая Рубцова, отозвался так:

«...Виталия Буханова нельзя читать, спешно листая страницы... Голос его неторопливый и негромок, стихи — доверительный разговор с читателем о близком и дорогом с колыбели. Муза поэта скромна до застенчивости... Из-за воспоминаний поэта наплывут ваши собственные... Виталий Буханов видит жизнь не столько в общих чертах, сколько в подробностях... предельно любит Русь... в природе и человеке... он судит и поёт по праву современника и патриота, с оружием в руках оборонявшего Родину в тяжёлую годину войны».

Белое наше село в перелесках,
Тополь высокий, обрыв меловой.
Словно вчера удивлённое детство
Здесь неторопко бродило со мной…

Замечательно точно подметил особенности творчества поэта писатель Владислав Шаповалов:

«Я был несколько удивлён, когда внимательно прочитал все десять книг В. Буханова и почти не встретил стихов о войне! Как же так! Человек воевал — и вдруг... Правда, есть несколько поэм на военную тему. Но в поэме Виталий Буханов больше тяготеет к эпической форме, близкой к повествованию, о чём может быть особый разговор. В поэзии же он остался «чистым» лириком с определённым тематическим кругом — любовь, природа, родина... его нежный лиризм не воспринял войну. Война — антипод прекрасному, и, может быть, здесь загадка поэтической лиры Буханова, не включавшего в свои десять книг даже фронтовых стихов: его очень «трепетная» лирика не восприняла отвратительное. Зато с предельной любовью он

Виталий Буханов. Геленджик. 1962

пишет о родной природе, о прекрасных людях, живущих на этой священной земле, о славных делах земляков на поприще созидания, а не разрушения... Ещё в десятом классе он написал: «Мы призваны временем отстаивать право на счастье».

Этот завет, как никогда, звучит актуально сегодня, когда счастье у подавляющего большинства людей беззастенчиво, нагло отнимается агрессивным меньшинством жирующих прихватизаторов всенародного добра, наработанного несколькими поколениями».

Виталий Буханов с детьми. 1962

Виталий Степанович Буханов родился в 1926 году в селе Беловском под Белгородом в крестьянской семье. Восемнадцатилетним подростком-добровольцем ушёл в армию, был связистом, пулемётчиком, освобождал Белоруссию и Польшу, награждён медалью «За победу над Германией». Окончил литературный институт имени А. М. Горького, был принят в Союз писателей СССР. Его книги «Северный Донец», «Крутые берега», «Степные цветы, «Земляки» и многие другие нашли признание нескольких поколений читателей. Писал поэт о родном крае:

Тут Казачье —
Предки — днепровская Сечь,
Там Пушкарное —
Жил порубежник суровый.
И сплелась у Оксаны русская речь
С украинскою мягкой, певучею мовой;

о земляках, боевых друзьях:

...Замешаны мы
Из крутого теста.
С таким поколеньем не страшен враг:
Мы знаем, кто мы, и наше место
Не в дальнем обозе,
А в первых рядах.

Таким он был и остался навсегда.

Умер Виталий Буханов безвременно в 1965 году, как отметил Н. Сидоров, «...молодым, полным творческих замыслов».

Об этих замыслах, и не только о них, а и о вполне осуществлённых делах я узнал, открыв переписку поэта с замечательным русским писателем Валентином Ивановым, автором романа «Русь изначальная», «Повести древних лет» и других.

Письма не только не устарели, но, наоборот, становятся всё более современными, так как душа и творчество поэта в них переполнены любовью к родной земле и землякам, тревогой за них.

Вот отзыв Буханова на роман «Русь изначальная»: «Какое наслаждение доставляет эта книга сердцу русскому! Сколько радости она приносит! Сколько гордости за русский народ — великодушный, смелый, незлобивый, светлый умом и сердцем своим — поднимает в русском человеке эта книга из глубин души его!.. Как сильно передан русский дух, мужание молодой Руси, которая потом повесит Олегов щит на вратах самого Царьграда!»

Буханов обращается к автору за советом:

«Дорогой Валентин Дмитриевич! Вот уже около трёх лет я вынашиваю большую поэму из русской истории (это не мешает мне думать и о романе). Время действия — десятый век, до Крещения Руси. Сюжет и в сердце, и в

голове созрел, я вижу хорошо всю фабулу поэмы. Сейчас меня заботят две вещи. Первое. Я хотел бы лучше знать языческую мифологию Древней Руси... Не могли бы Вы мне посоветовать что-либо по этому вопросу. И второе. Эпическая поэма из жизни Древней Руси — может ли она быть написана белым стихом или лучше всё же рифмованным? Ваш Вит. Буханов. Белгород, 1962 г.»

Ответ Виталий Степанович получил. А также подарок — «Повести древних лет». Откликнулся на них восторженным отзывом. И высказал В. Иванову своё мнение о строении романа:

«...в романе могут быть даны разные люди в смысле их характеров. А именно, как в жизни: люди, которые в романе развиваются; люди, которые уже сложились и в романе действуют как бы без развития; люди, которые прежде были с каким-то «секретом», скрытные, и вдруг раскрывающие свою сущность; люди, о которых заранее уверены их знакомые, что они — подлецы и в трудную годину окажутся подлецами законченными; люди, на которых прежде особого внимания не обращали, но они оказались сильными личностями и умели сделать много для Родины в трудную для неё минуту; люди открытые, о которых сразу скажешь: этот не подведёт, и т. д.»

Далее Буханов приводит очень интересный пример:

«Я знал односельчанина до войны, сущность которого была видна не только моему отцу, но и мне, четырнадцатилетнему мальчишке. Не надо было быть ни физиономистом, ни матёрым психологом, чтобы сделать верное определение: в горькую пору этот прохвост покажет себя не героем. И что же? Так оно и вышло...»

И описал, как жители села, оккупированного немцами, (Буханов в их числе), увидели однажды на нейтральной полосе идущую к селу тёмную фигуру. Сельчане ждали. Немцы не стреляли. Как и наши — со стороны леса. Человек шёл к немцам. Вскоре односельчане узнали его и ахнули: к немцам пришёл... бывший парторг!!!

«Не буду рассказывать, — продолжает дальше Буханов, — как повёл себя этот человек у немцев. Это была такая подлость. Он пришёл с убеждением: всё кончено и надо как-то жить. Как-то? Нет! Они жил подлецом, каких не рождала здешняя земля. Мои односельчане видели это. И он, этот гад, который разглагольствовал о партии до войны, стал активным и при фашистах. На глазах у людей, среди которых вырос, жил, работал.

...Теперь, когда прошло двадцать лет, я снова интересовался, не с заданием ли от наших пришёл в село этот человек. Оказалось, нет. Просто трус, мелкая душа...»

Не правда ли, поразительный рассказ? И как впечатляет этот сложившийся «характер». Сразу же вспоминается «перестроечное» время, когда приспособленцы от партии тут же от неё «открестились», перекрасились в демократов, захватили всё, чем можно было руководить и владеть, и стали управлять снова — «строительством» уже не коммунизма, а капитализма. И если сложатся обстоятельств — да что там — уже сложились — и феодализма, рабовладельческого строя! Вспоминаются и оправдания приезжающих на Белгородчину немцев, воевавших здесь: мол, мы хотели уничтожить строй, коммунистов, а не народ! Как же! Прихлебателей, иудо-большевиков в любом обличье — власовском ли, продажно-партийном — они привечали и поощряют до сих пор. Ещё бы — представитель партии, парторг, символ строя — служит фашистам! Пусть люди думают, кто ими управлял! Судя по нынешней жизни, всё это повторяется, и будет множиться впредь. Пока русские Иваны дремлют, пропивают последние гроши и ждут сверху очередной «манны небесной». Да не за горами и новые Степаны Разины, недаром их предчувствовал Василий Шукшин.

И дальше Буханов вновь говорит о героях современных романов и повестей:

«...у нас и главных героев пишут так, как на инкубаторе вырабатывают цыплят — одинаковых, белых... А ведь характер человеческий уже сам по себе, в силу того, что он характер, проявляет себя в жизни своей непохожестью, своей особой складкой.

В. С. Буханов (сидит). г. Белосток. 1945

...С сучком осиновым в груди не напишешь «Один день». Не напишешь «Орину — мать солдатскую», а вот «Треугольную грушу», чего же — можно написать и с пустым сердцем. Это я к тому, что от этой «Груши» не заплачешь. И сердце не защемит. И не задумаешься о чём-то».

Вот как точно ещё в годы оттепели Буханов выразил своё отношение к вознесенским, популярным среди невзыскательной, одураченной клоунадой эстрадных действ публики.

В пику им поэт

«...читал «Русь изначальную», радовался за русских людей, за их победы... Моё убеждение: человек формируется задолго... в четырнадцать — уже характер, знаю я таких подростков, прекрасных отроков, убеждения которых — главные — не поколеблешь. Знал и прежде, когда был на оккупированной территории. Многим подросткам я доверял больше, чем взрослым. Ошибок не было... Человека я видел в мелочах...». *Вит. Буханов, Белгород, 1963 год.*

Очень поддержал Буханова совет Валентина Иванова во времена нападок на поэта белгородских завистников:

> «Милый Виталий Степанович, коль хотите жить, не слушайтесь и не читайте критиков. Единственный критик ваш — читатель».

Суждения о литературе Буханова не устарели: «...сердце моё не устаёт наслаждаться одной вещью — это «Старик и море». И когда я прочёл замечание Кашкина, редактора двухтомника Хемингуэя, что «Старик и море» страшно затянутая вещь, я не поверил ему. Нет, и теперь не могу согласиться».

Воистину Буханов, как и другой наш замечательный земляк А.В. Никитенко, «...своё суждение имел». И какое истинное!:

> «Когда я припомнил слова Чехова о том, что Диккенса надо наполовину сокращать, то не согласился с Чеховым. Понимаете, есть в произведениях больших писателей такое нечто, к чему надо относиться очень бережно... если бы послушать Чехова и сделать усекновение Диккенса, то Диккенс перестал бы быть Диккенсом. Так и в случае со «Стариком...» Хемингуэя. Меня даже обидело это высказывание Кашкина, может быть, и хорошего человека. А я поражаюсь мастерству таких писателей, у которых вроде бы и нет в романе бурных сцен, захватывающего сюжета, а читать — не оторвёшься. Таковы рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни», поэма «Мёртвые души», «Русь изначальная».
>
> ...беда, не могу я повидаться с Вами, кое о чём посоветоваться. Правда, якобы в мае будет в Москве какой-то съезд писателей. И меня хотят послать на этот съезд. Так что, возможно, я и зайду к вам. Но я не уверен, что моя поездка сбудется, уж больно не люблю я слушать речей, а ведь съезд-то, прежде всего, бесконечные речи, споры, из которых не рождается (как из морской пены богиня) истина».

Вспомним поголовное стремление нынешних чиновников на «форумы»!

И снова Буханов благодарит Иванова:

> «Спасибо Вам за Ваши письма. Они помогают мне понять моих героев, героев будущих поэм и романа. Как хорошо вы мыслите: резко, отчётливо. Определённо! Вот этой резкости у меня, кажется, нет». *Вит. Буханов, Белгород, 1963 г.*

А вот Правда поэта о сельской жизни:

«Будучи студентом, каждое лето жил на родине и видел тяжёлую жизнь села. Сердце разрывалось от того, что я видел. Но я не мог объяснить причин такого бедствия, казалось, что виновата война, но и войной объяснить всего я не мог, было много другого. И вот товарищ мой нападал на меня, что я болею болью моих односельчан. Друг говорил, что я не умею смотреть на страдания философски, как на временное и даже обязательное явление, что на все я смотрю «снизу», глазами крестьян, что не так уж плохо в селе, как мне кажется (кажется!!!), что надо приучаться смотреть на жизнь, на исторические сдвиги «сверху», глазами тех, кто ведёт, а не тех, кого ведут... Я согласился, что да, действительно, я слишком часто смотрю глазами односельчан, глазами матери и соседей, смотрю «снизу», а надо бы «сверху», глазами усатого дедушки, который заботится обо всех и знает всё...»

Великолепно сказано! Доныне беда с крестьянами и не только с ними длится-тянется под наблюдением «сверху» «благодетелей», «путеводителей», что умеют безошибочно вести-обувать, а народ всё следует безропотно по дороге к..!

Далее Буханов отвечает на письмо Иванова:

«Мне Ваше письмо помогло глубже, осмотрительнее отнестись к событиям под Белгородом, о которых я думаю написать. *(Понятно, почему об этих письмах никто «не знал» раньше — **А. Г.**)*. Без этого взгляда «сверху» не будет и всей правды, о которой знают рядовые воины. Но правду эту надо уметь разглядеть...»

А вот слово Буханова о «Слове о полку Игореве»:

«...романом я в эти дни не занимаюсь: вся душа моя отдана другому делу: поэме из жизни XII века на Руси. Три года уже изучаю «Слово о полку Игореве», есть неясное для меня, а спросить некого. Перечитываю Ваше письмо — первое, оно очень густое, хорошее и помогло мне понять резче многое.

Меня очень привлекает личность автора «Слова», но со многими предположениями о нём я не согласен и выработал свою точку зрения. Перечитал на темы о «Слове» художественные и научно-исследовательские произведения, выписал А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Очень толковой работой нашёл книгу проф. К. В. Кудряшова «Про Игоря Северского», очень не понравилась работа генерала В. Г. Фёдорова «Кто был автором «Слова» и где расположена река Каяла».

Валентин Дмитриевич, не смогли бы Вы высказать свои суждения по «Слову» и по тем толкованиям, с которыми Вы знакомы. Мне кажется, что Вы крепко помогли бы мне в работе, тем более что пишу-то я не научную работу.

...Однажды засиделся над переводами «Слова» и, осенённый, вскочил и побежал к хорошим знакомым. Я решил проверить своё открытие на слушателях, которые не догадывались о моём открытии... Я предложил послушать по одной странице из «Слова» сначала в рифмованном переводе Н. Заболоцкого, потом в нерифмованном — Майкова. Прослушали. Спрашиваю: какой перевод лучше передаёт торжественность повествования и дух величественной русской старины? Спросил одного человека, другого, третьего, четвёртого... и все в один голос назвали лучшим перевод Майкова! То есть, нерифмованный перевод! Я был изумлён и рад бесконечно своей догадке, интуитивному решению писать поэму белым стихом. Именно белый стих лучше передаёт музыку древней героической и трагической эпохи. И даже в этом есть доля того поэтического успеха, который пришёл к «Слову» с его открытием. Пусть, только доля, но доля немалая — музыка! А музыку-то я и искал! Размер — музыка. И теперь вспоминаю, что и Вы предложили белый стих...

О природе в жизни древних у меня сложилось такое мнение: для них она не была только средством к жизни, хотя это, надо понимать, и было основным: зверопушной промысел, бортничество, рыболовство... Древним славянам очень рано доступно понимание красоты, лепоты, то есть, эстетическое чувство. Иначе не родилось бы столь рано искусство славян. Мне кажется, что душа славянина издревле была поэтичной, ему всегда были доступны тонкое понимание души другого человека, сострадание, жалость, радость. Ведь изобретение свирели не было только необходимостью сзывать стадо на

А. П. Буханова. Белгород. 1958

пастбище. Человек слышал прекрасное пение птиц, и ему хотелось выдумать такую дудку, чтобы она заговорила на таком же языке, как и соловей или клест. Задумываюсь, почему стал не только возможен, но и любим пейзаж в живописи, пейзажисты Шишкин и Федор Васильевич с его «Мокрым лугом». Славянину, по-моему, красота доступнее была всегда именно потому, что он был, как никто на западе, человеком природы, человеком, любящим мирный труд и свою землю, с которой он не сходил веками. Его душу не изъедал меркантильно-торгашеский мир. Русский человек, мне кажется, издревле был наделён душой с мажорным восприятием жизни природы. Вместе с тем он всегда чувствовал своё родство со зверями и деревьями, с птицами и цветами. Он с ними разговаривал, как с существами, которые могут его понимать...

Вит. Буханов, Белгород, 1964 г.»

Когда читаешь такое, в душу проникает радость: не уходят, не пропадают, несмотря ни на что, бесследно поэты, русские мыслители, с не очень нужным и понятным даже родне при жизни творчеством, не говоря уже о глухоте правителей мира сего. Поэты возвращают нам родные, не забытые и не забитые до конца ещё, истоки: откуда и зачем мы, славяне. И, прежде всего, главные, из которых вытекает: в единении, помощи, дружбе наша сила! Приходит и чувство гордости за земляка: говорил на равных с лучшим русским писателем, интерес их друг к другу был взаимным. Вспоминается, что недавно ушедший из жизни поэт Дмитрий Маматов переписывался с Евгением Носовым, другой поэт Александр Филатов — с Павлом Мелёхиным и Николаем Перовским, Сергей Ташков — также с Николаем Перовским…

Думается, что настоящее Слово, мысли о Родине, её судьбе, предках и потомках, не убьют ни нынешнее телевидение, ни наплыв действительно мусорной псевдолитературы. До тех пор, пока **«душа хранит всю красоту былых времён»**.

А. М. ГИРЯВЕНКО
член Союза писателей России

В. Буханов. Искорка России. М. Советская Россия. 1967.

В. Шаповалов. Искорка России золотая. Потомкам: Антология военной прозы и поэзии Белгородчины, т.1. Белгород. Издательство Шаповалова, 1995.

В. Федоров. Белгородские цветы (памяти Виталия Буханова). Литературный Белгород. Белгород, 1970.

В. Иванов: Наша история — наша вечная гордость, наша нетленная поэзия. В книге: Слово исповеди и надежды. Письма русским писателям. М. Молодая гвардия, 1990.

ЗОЛОТАЯ ИСКОРКА БЕЛОГОРЬЯ

Виталий Степанович Буханов прожил недолгую но трудную и яркую впечатлениями жизнь. После него осталось добротное творческое наследие. Не каждый провинциальный поэт удостаивается чести быть опубликованным в центральных издательствах. У В.С. Буханова таких книг две: «Искорка России» («Сов. Россия», М., 1067 г.) и «Песнь о крылатом сердце» (Военное издательство министерства обороны СССР, М., 1966). Кроме того, две книги, изданные в Харькове — в Воронеже и одна в Белгороде.

Проходят годы, но не иссякает интерес к творчеству Поэта, который сам себя называл «Искоркой России». В этих словах определён круг его поэтических интересов. Он воспевает Родину. Безусловно, в поэзии трудно быть первопроходцем. Многие поэтические образы уже были добыты и использованы в стихах другими поэтами. Поэтому каждый «поэт деревенщик» вынужден иногда «брать поэзию из поэзии» (выражение С. Маршака) т.е. воспевать красоту природы образами роз, соловьёв, крыльев, синих волн, спелых овсов или скошенной травы.

Всё это есть у В.С. Буханова, но он добавляет к этим стёршимся образам флористику Белогорья: Румянку, Червеницу, маки, клевер, шиповник, Иван-чай. Поэтов принято отмечать за необычность и новизну рифм, размеров, аллитераций и ассонансов, — всего того, что составляет формальную сторону поэзии. Но вместо звукописи мы наблюдаем ни на кого не похожий почерк, который я назову буханописью. В описании Родины он пользуется четырьмя стихиями: вкусом, запахом, звуком и цветом. Для наглядности я представлю это графической схемой:

Запах Родины — это неповторимое сочетание запаха ржи («Ветер качает рожь»), мяты («Свежей мятою пахнет утро»), ржаного хлеба («Вкусный запах ржаного хлеба»), свежескошенной травы («Криница») полевых цветов («Степные цветы»), опавших листьев которые шуршат под ногами («Осенние листья»), сжатых нив подгоревший дымок (Без названия; первая строка: «Я многое вынес беды и грёзы») и т.д.

Цвет Родины преимущественно красный. Ему поэт посвящает стихотворение «Красный цвет на Руси». Прежде всего он связывает красный цвет со своим любимым месяцем июнем.

Звонкий месяц июнь
Щедр на краски багряные
И слывёт он
Румянцем славянского года.

Он также ассоциируется с красным флагом советской России, горячим патриотом которой Поэт был не только на словах, но и на деле. (Поэма «Алёшка — сын солдата»);

Не знал отец —
настанет год,
И над селом зардеет стяг.

Красный цвет — это цвет огня и крови. В поэтическом представлении Поэта это также цвет бессмертия:

Мы в бессмертье входили
Дорогой героев,
Кровь свою проливали
За волю Отчизны.

Красному цвету приписывались целительные свойства, способность противостоять сглазу и колдовству, и это свойство цвета также не забыто Поэтом.

Белый цвет появляется в стихотворениях реже, но в поэме «Сказание о белой голубке» он является стержневым в образной системе. В стихах белой цвет, который ассоциируется с цветом мела, выступает на первый план, когда Поэт пишет о своей деревне:

Белое наше село в перелесках,
Тополь высокий, обрыв меловой.
(«Сельщина»).

Именно эти цвета — цвета Родины — видит ослепший лётчик Иван Курганов, когда к нему постепенно возвращается зрение:

Однажды ослепший лётчик
От радости чуть не вскрикнул:
Цвет красный во тьме различил он!..
За красным зелёный увидел…
И — белый!
(«Песнь о крылатом сердце», гл. 4).

Звук Родины — это звуки родной природы. Здесь всё поёт: смеясь, вода бежит («Певучая вода»), звенят пушинки снега («Блестят леса в алмазах инея»), стонет, свистит и воет метель («Вьюга»), свистит на морозе лоза (Без названия; первая строчка: «Не бывать бы ветрам, да повеяли») и т. д. Звукопись природы можно продолжить. Ясно одно: способ передачи звуков природы основан на семантике, а не на фонетике. Даже там, где есть прямая ономатопея, («Прямое звукоподражание»), она не поддерживается косвенными средствами:

Частой скороговоркой —
Тлюи! Тлюи-тви-твид! —
Щебеча над пригорком,
Снова к хате летит.
(«Ласточка»).

Близки к косвенной ономатопее слова «Скороговорке» и «щебеча», но они не только не поддерживают, но даже как будто вступают в конфликт с песней ласточки, т. к. в ней нет ни одного звука, повторяющегося в — звукоподражательных словах. Поэта не интересует создание звукообраза. Он создаёт его, опираясь на интуицию читателя, и благодарный читатель воссоздаёт в своей асскумативной памяти симфонию под названием «Сказки русской природы».

Вкус Родины передан в «Землянике», «Иван-чае», «Иду полями», «Кринице» и многих других стихах. Это вкус, который дарит Поэту природа, а пьёт он из замечательной кружки, которую не купишь за деньги:

Кружка моя лёгкая, зелёная —
Свёрнутый воронкою лопух.
(«Криница»).

Квинтэссенция его понятия Родины дана в следующих стихах, которые вобрали в себя звук, запах, цвет и вкус Родины:

Дам тебе соловьиный горошек серебряный,
Медовеющий ветер в лугах и во ржи,
Дух лесной земляники, полыни обветренной,
Цвет вишнёвых садов и росистой межи.

Напою тебя соком душистой смородины,
Ключевою, студёной водой напою.

Расскажи, моя песня, полям моей родины
Про любовь и про душу сыновью мою.
(«Иду полями»).

Читая стихотворения В. Буханова о природе, я ощущаю себя в музейном зале. На экспозиции выставлены десятки пейзажей. Каждый из них прекрасен, но ни один из них не привлечёт к себе неповторимым изяществом ракурса или неисчислимым богатством красок, подобно тому, как в живописи Ван Гог притягивает своими подсолнухами. Другое дело поэмы Виталия Буханова. Здесь он непревзойдён. Развёрнутая метафора «Сказание о белой голубке» оставила для нас неповторимый образ Белгорода. Метафора зарождается уже на уровне названия, разворачивается постепенно, проходя в своём развитии четыре этапа. Покажу это сначала на схеме:

Итак, развёрнутая метафора скреплена четырьмя аллюзионными узлами. Напомню, что аллюзия — это иносказательный намёк. Прежде чем объяснять суть первого аллюзионного узла, напомню символику белого цвета, ибо первый узел завязывается на белом цвете голубки и аллюзия на этот же цвет в названии города.

Белый цвет символизирует чистоту, не запятнанность, неосквернённость, добродетель, радость. Голубь тесно связан со всеми этими понятиями. Голубь — это христианское воплощение земли обетованной. Образ основан на библейской легенде о Ное. Выпущенный Ноем из ковчега, чтобы узнать, скоро ли суша, голубь вернулся с оливковой ветвью в клюве, что означало благую весть — он долетел до земли обетованной. Но и в названии города и в его окрестностях преобладающий цвет — белый:

За меловыми горами,
В зареве, словно медный,
Гордый красавец города —
Завод белгородский цементный.
(«Северский Донец»)

Второй аллюзионный узел — расстрел голубей и белгородцев во время фашистской оккупации Белгорода. Известно, что массовые расстрелы проводились в дальнем парке. Но по приказу бургомистра массовый расстрел ожидал всех голубей, т. к. они выполняли роль почтальонов партизанских отрядов:

Тут-то обер-ефрейтор вызвал
Из конвоя солдата с клеткой
И велел голубей поштучно
Выпускать на расстрел.

Массовость казни голубей передаётся поимённым их перечислением: Незабудка, Чебрец, Грива, Туча, Зарница, Лебедь, Орлик, Баян, Молния, Бунчук. Этим перечислением Поэт подтверждает распространённый идеологический лозунг: никто не забыт, и ничто не забыто.

Нетипично ведёт себя Снежинка. Пока не наступила её очередь, мы видим, что каждая вылетающая птица взмывает вверх, где её настигает автоматная очередь. Снежинка же устремляется вниз:

Словно камень,
К земле устремилась,
Понеслась по-над самой травою,
За кустами шиповника скрылась,
За опушку лесную свернула,
И лишь там, над крутыми холмами,
К облакам взмыла молнией белой.

Её друг Ураган спасается тем, что летит назад, в лес. Параллель между поведением голубя и партизана бесспорна:

Голубь взвился, блеснув опереньем,
Опрокинулся на спину, хлопнул
Над конвоем крылом, но метнулся
Не туда, куда дула глядели,
А назад, прямо в лес, прямо в чащу.

Третий этап параллелизма — мифологическая аллюзия. Поэт вспоминает древнегреческое сказание о боге Войны Марсе, который, собравшись на войну, не мог найти шлема. В бешенстве кричит он: «Где мой шлем?» и видит:

Шлем его боевой опрокинут,
Свив гнездо, в нём сидела голубка.

Отказался тогда Марс от войны и походов, а голубь наречён был голубем мира.

Четвёртый аллюзионный узел в обрамляющем поэму зачине и в конце. Действие происходит спустя три года после войны на стадионе в Белгороде, когда дети на празднике по сигналу «Миру-мир» выпускают в небо сотни белых голубей. Среди них — Снежинка, но это уже другая птица. В рамочной конструкции образной системы, когда повторяется начало и конец текста, заключается глубокий философский смысл: в моём конце — моё начало, в моём начале — мой конец. Иными словами: жизнь нельзя убить, как нельзя покорить наш прекрасный город, а вместе с ним и всю нашу великую и прекрасную Родину.

В своих произведениях Виталий Степанович Буханов редко говорит о собственных переживаниях. Он называет себя «Искоркой России», обозначая этим лейтмотивом своего труда как страстную любовь к Родине.

Патриотизм как философское понятие складывается из нескольких составляющих. На первом месте в творчестве В. С. Буханова стремление к защите родной страны от чужеземных захватчиков. Об этом свидетельствует содержание всех его поэм. В «Северском Донце» он развивает тему защиты в её антипод — тему предательства, которое разъедает душу человека с малолетства стремлением к наживе. Валька Подметов воспитался под девизом: «Деньги — крылья!» Когда началась война, он добровольно пошёл служить немцам и бежал вместе с ними, когда они начали отступать. И вот он в Германии:

С подобострастной улыбкой
Шныряет с подносом лакея.
Назавтра — джаз и дебоши…
От умиления тающий,
Он смотрит, как пёс, ожидающе,
Дадут ли на чай?
Кто больше?
Но по ночам предателя душит тоска по Родине:
Валька глаза прикроет,
Вспомнит о тридцать пятой,
Видит Донец за горою,
Видит родные хаты.

Развивая тему патриотизма, следует особо подчеркнуть, что Виталий Степанович Буханов воспевает свою малую Родину — Белгородчину. В его поэмах мы видим топографические реалии Белгорода: Белая гора, Волчанский мост, Северный Донец, районы Белгорода Савино и Жилая. По частотности употребления на первом месте тридцать пятая школа. Со школой прощается Андрей Чумак («Северный Донец»):

Уходят наши… —
Андрейка шепнул.
Глянул на школу.
— Прощай тридцать пятая.

Над тридцать пятой школой пролетает в свой последний полёт бомбардировщик Ивана Курганова («Песнь о крылатом сердце»):

Потом только лётчик увидел
Фашистами занятый город,
Заметил среди развалин
Одну знакомую школу…

Сейчас происходит стирание исторической памяти. На карте Белгорода появляются незнакомые названия, подчас чуждые восприятию современного человека. Коренные белгородцы уже пережили переименование родных улиц в период фашистской оккупации. Я не коренная белгородка, но боль за город, в котором я живу уже сорок лет, и он стал для меня родным, побуждает обратиться с призывом к Великому Братству тридцать пятой школы:

Не в мундире третьего рейха
Враг России на жизнь промышляет,
Карту города вынув из сейфа,
Он названия улиц меняет.
Но за улицы эти и здания
Жизни отданы на заклание,
И солдаты, что в землю зарыты,
Не должны быть никем позабыты.

Тридцать пятая, вспомни детство,
Они жили с тобой по соседству
Защити память Вити Буханова
И бесстрашного Вани Курганова!

Одной из граней патриотизма является стремление людей к экономическому, социальному и культурному развитию своей страны. В этом плане Виталий Буханов отдаёт дань

уважения Владимиру Ильичу Ленину. Ему поэт посвятил стихотворение «Проспект Ленина». С личностью В.И. Ленина он связывает всестороннее развитие Родины:

Рука вождя
Над проспектом простёрта —
Зовущая в завтра
Рука Ильича.

Сейчас, когда с подачи Волкогонова, идёт пляска на костях Ленина уместно процитировать маленький фрагмент из поэмы В. С. Буханова «Песнь о крылатом сердце». Немецкий офицер вынимает из кармана гимнастёрки погибшего смертью храбрых лётчика Ивана Курганова его комсомольский билет:

Нетленной тенью ударил
В глаза силуэт знакомый,
И враг вслух назвал его:
— Лэнин!

Гениальность Поэта состоит в том, что он не мог сознательно запланировать расширение контекста. Это сделано интуитивно. Художественная деталь имплицирована, но она проявляется в противопостановлении слов «враг» (т. е. фашист) и «Лэнин». Имя Ленина, произнесённое врагом, подчёркивает распространённость ленинского учения за пределами Советского Союза. Последняя географическая реалия исчезла с политической карты мира. Но осталась Родина, за которую отдавали молодые жизни солдаты и офицеры, чей нетленный подвиг навечно воспет Виталием Степановичем Бухановым — золотой искоркой Белогорья.

Лидия МАРКИНА,
кандидат филологических наук, доцент

Встреча читателей с Виталием Бухановым в белгородском книжном магазине № 2

ТВЕРИТИНОВ
МИХАИЛ ДЕНИСОВИЧ
1926-1993

У СОЛНЦА ПОД КРЫЛОМ
К 80-летию со дня рождения

С Мишей Тверитиновым я познакомился в одной из поездок по области с выступлениями перед читателями по линии Бюро пропаганды художественной литературы при Белгородской писательской организации. С тех пор и завязалась наша дружба, хотя… рядом мы лежали сорок лет назад.

Родился Михаил Денисович 22 июля 1926 года в селе Солдатское Ракитянского района Курской, ныне Белгородской, области в крестьянской семье. В своей автобиографии он писал: «…родился как есть перед Михайловым днём, отчего и унаследовал имя Михаил.

Насколько я помню, родители мои уважали крестьянский труд, к нему приучали и своего сына. Годы моей жизни совпали с очень важными историческими периодами в судьбе моей Родины. Туманно, но не бесследно, прошли через моё детское сознание годы коллективизации. До сих пор помнятся перепуганные лица сельчан, которые неоднозначно приняли новые реформы. Некоторые из моих соотечественников оказали властям сопротивление. Они выступали против коллективизации, убивали активистов, жгли снесенное до кучи общественное добро. Но вскоре эта преступная «банда», как их потом называли, была разгромлена…

В 1934 году с каким-то особым желанием пошёл в сельскую школу, где учился прилежно. В июне 1941 года закончил семилетку с отличием и передо мной открывались светлые перспективы дальнейшей учёбы. Я поступил в Готнянскую среднюю школу. Однако, тёмная туча войны надвигалась неотвратимо с запада и не дала этим надеждам сбыться. С октября 1941 года по апрель 1943 года пришлось жить в оккупированном захватчиками селе. Как ни странно, но именно в эту сумрачную пору во мне зародилось страстное желание писать стихи. И я писал, изливал в них состояние своей души. Во мне жила вера в победу Красной Армии, в светлое будущее наших людей. Да так оно и вышло».

Его селу выпала судьба стать «кусочком Курской дуги», всё оно было «высмолено огнём». Несколько раз переходило из рук в руки, было больше тысячи изб — осталось 17…

Потом, семнадцатилетним он ушёл на фронт. Сначала в запасный полк. Здесь и застигла его чёрная весть о гибели отца на фронте.

В годы войны

…«я при всех слезу не уронил», а, «уйдя в дальний угол казармы», «там плакал и отца похоронил»…

Помню и я свой запасный полк на Холодной горе в Харькове, маршевую роту весной сорок четвёртого, в то самое время, когда и Мишка-пацан прокладывал свою ратную тропу, чтобы лечь нам где-то рядом в окопах Сандомирского плацдарма, я — пэтээровцем, он — автоматчиком. Ясно, что тогда мы не знали друг друга. И лишь совершенно случайно, сорок лет спустя, на одном из совместных выступлений перед читателями, он прочёл стихотворение о Сандомире. Тут, при людях, мы и скрестили руки в объятиях…

Пацанами шли мы плечо в плечо — и так всю жизнь, сменив штык на перо.

Совпало, что и мой отец начал войну… а довершать её пришлось сыновьям.

С войны вернулся Миша девятнадцатилетним инвалидом, работал в колхозе, потом на почте, более тридцати лет — в исполкоме сельского Совета: сначала секретарём, потом председателем. Персональный пенсионер, член Союза журналистов СССР. За форсирование реки Одер награждён орденом боевого Красного Знамени.

Первая публикация М. Тверитонова появилась в армейской газете «Вперёд на врага». С тех пор его стихи публикуются регулярно в газетах, журналах, коллективных сборниках.

Всю жизнь Михаил Денисович мечтал увидеть свои произведения, собранные в книгу. И он успел увидеть, даже две: «У солнца под крылом» — 1992, и «Испытание жизнью» — 1993.

Суть подлинного искусства в том, что идёт оно не от начитанной литературщины и формалистических вывертов, а от земли, родного народа, Отечества, которые Михаил ни при каких невзгодах не предавал и от которых никогда не отрывался. Стихи М. Тверитинова иному критику могут показаться и простыми, и незамысловатыми. Но сила их не в надуманных изысках, а в народной почве и национальном духе. И я свидетель того, как стихи Михаила Тверитинова тепло и сердечно, с глубоким пониманием воспринимает простой народ. А язык… так Михаил впитал его с молоком матери.

Может, мой друг, отдаваясь любимому делу, не задумывается над этими «высокими материями», он чувствует законы творчества природно. Душеоткровения М. Д. Тверитинова приобретают особую ценность: они формируют русскую душу, национальное мышление, утверждают народные традиции, благотворно влияют на воспитание подрастающего поколения, укрепление семьи — не случайно у него самого трое детей и пятеро внуков, своя семья, сохранившаяся до старости лет, «крепкие» семьи детей.

Поэтическая палитра Михаила Тверитинова обширна, диапазон переживаний неизмеримый.

Ему ещё памятно то время, когда он в свои семнадцать лет становится солдатом Родины, вспоминает, как в родном селе, ставшем фронтовым, под обстрелом пекла ему бабка в дальний путь-дорогу ржаной хлеб:

И всё же хлеб был с горем испечён,
И в вещмешок уложен был как надо,
И я услышал жалкий бабий стон:
«Храни, Господь, от пули и снаряда»..

В его поэзии есть на всю жизнь врезавшиеся в память картины фронтовой жизни.

На долю поэта выпала нелёгкая судьба. Прошёл он с боями долгий путь и уже почти что на пороге долгожданной Победы его тяжёло ранило. Фронтовые госпиталя, операции, затем долгий путь на Родину. Всё это запечатлено в стихотворениях «Был месяц май», «Баллада о смерти» и других. Твёрдая вера в жизнь придавала солдату сил и он выжил.

Жизнь входила в свою известную колею. Радовала она необычной мирной тишиной, красотою русской природы, золотящимся колыханием волн пшеничного поля. Были в ней и житейские успехи, иногда и печали. Всё это закономерно: была своя независимая Родина, родная земля…

И вдруг…

Да думал ли кто из нас, гадал, что вся наша жизнь, все устремления и силы, отданные строению Родного Дома, пойдут в итоге насмарку…

Наше поколение оказалось самым несчастным в нашей многовековой истории: конец жизни не менее, а более трагичен, чем её военное начало, ибо трудно было оборонять Отечество, но тяжелее потерять то, что отстояли…

Несу с трудом, не зная где
Закончится дорога.
Мне б участь тяжёлую людей
Облегчить хоть немного.

То, чего мы боялись больше всего — предательства извергов доморощенной номенклатуры и вмешательства подлой иностранщины в нашу внутреннюю жизнь — свершилось! Вот так весь век жили, надеялись, что будет лучше, что нашим детям и внукам обеспечено благополучие — как вдруг в Наш Дом ворвался сатанизм в обличие-маске «демократии». То, что было там, за бугром, что мы всегда критиковали, оголтело вломилось в наши сердца. «Демократия» пришла во всей своей красе: насилие, разврат, наркомания, спекуляция… Пришла долгожданная свобода — свобода безобразий.

Жили-жили спокойно, сытно — обуты, одеты — всё у нас было, и вдруг встал вопрос: надо выжить. Без большой войны, без губительной засухи, без повального мора… Вот так! Всю жизнь мы надеялись, что будет лучше, что вот скоро «будем жить». А жизнь прошла… и все мы оказались у разбитого корыта: без Отечества, без перспективы, без надежд…

Какое страшное зло пришло на нашу землю! Какая жестокая по отношению к народу власть прорвалась обманным путём на трон! Какая началась вакханалия развала!

Мир, в который шёл, разрушен.
Ночь, сырые облака.
Освети, звезда, мне душу.
Выведи из тупика.

Не светит звезда…

А тем временем поспехом, под лжерусский радиотрёп, внедряются реформы удушения. И вскорости дерьмократы обуют нас в лапти… Идёт ликвидация государственности, уничтожение страны — её экономики, родной армии, институтов культуры. Жизнь постепенно замирает: сокращается производство, урезается потребление,

снижается жизненный уровень народа («сливки общества» — не народ, это избранные богом сверхчеловеки), уменьшается деторождение, увеличивается смертность… Осуществляется триединая цель: разрушить, обесценить, скупить. И всё вроде по закону! Заокеанские мордовороты хотят очень дёшево скупить Россию. Ещё никогда её ценности не отдавались так за бесценок, и никогда жизнь человека не стоила так дёшево. Народ пропал. Славянскому племени и в первую очередь — русскому народу — пришла окончательная гибель. Если мы этого вовремя не осознаем — крест нам всем. И в первую очередь на нашем потомстве.

У Михаила Денисовича трое детей, пятеро внуков. И вот это родовое гнездо разорвано… все трое детей оказались в трёх странах — на Украине, в Казахстане, в Карелии… А он — кряж — в России…

Что же это на свете творится!
Чьею волею так решено?
Что Россия теперь заграница
Для республики бывшей…

Старая, как мир, тактика: разделяй и властвуй — набирает обороты. И нет подлее политики, чем разобщение людей, уж не говоря о родственниках и семьях. Пока люди не поймут, что их стравливают специально, они будут стрелять друг в друга. Пока люди, до последнего человека, не осознают, что у всех народов мира один и тот же тайный враг, остающийся всегда в стороне, они не отвернут оружие друг от друга. Но самое страшное — это то, что сатанисты отняли у нас радость жизни. Была война, был голод, были концлагеря. Но мы знали, что у нас есть Отечество. Одно, единое! Своё, независимое, могучее! Мы видели, что не всё в этой большой и общей хате хорошо, что многое не ладится. Что кое-что следовало бы переделать. Но мы знали: жизнь наша не в воле чьего-то чужеродного злого врага!

Идёт методическое, неотступное разрушение нашей тысячелетней цивилизации. Только начали обустраивать себе русичи гнездо — гады развалили в 1917 году. Опять же только начали возводить себе гнездо к восьмидесятым годам — начали появляться добротные вещи, повысился уровень жизни — снова те же тёмные силы, теперь со знаком наоборот (социализм-капитализм), развалили. Враги зашли в наш Большой Дом через кремлёвский гнидник посредством продавшихся хомяков в галстуках и со знаком зверя в подлых душонках. Наступила эпоха поопаснее монголо-татарского ига. Речь идёт о сокращении и дальнейшем уничтожении славянства как этноса, как геопопуляции. Идёт величайший в истории Отечества обман: никто нашу жизнь обустраивать не собирается. Осуществляется чудовищный план развала жизни для вырождения славян и в первую очередь русских, составляющих в славянстве самую численную общность. Такое горе, как принесли нам сатанократы, никому и не снилось. Так испаскудить нашу жизнь, как испаскудили её лжедемократы, никому ещё не удавалось.

Сатанократы принесли нам страх. Страх за цены. Страх за рабочее место. Страх за детей. За свою жизнь. За своё Отечество. Рецепт давно известный: держать народ в трепете, в постоянном напряжении, в ожидании чего-то плохого. Путём устрашения личности народ легче превращается в скотоподобное быдло.

Дети, внуки! Услышьте нас. Плохую страну оставляем мы вам. Не прощайте нам! Проклятие! Чтобы ваши внуки не были такими. И всё, что сказано выше, нашло отражение в творчестве Михаила Тверитинова.

Так давайте же бездну отыщем,
Ту, что с жадностью и злорадством,
Пожирает широким ротищем
Нашу гордость и наше богатство.

Да нарубим побольше колюки,
Да терновника срубим в охапку,
Все дотянем до бездны той крюком
И запахнём ненасытную глотку.
(«Прикреплю лунный колокол к небу»).

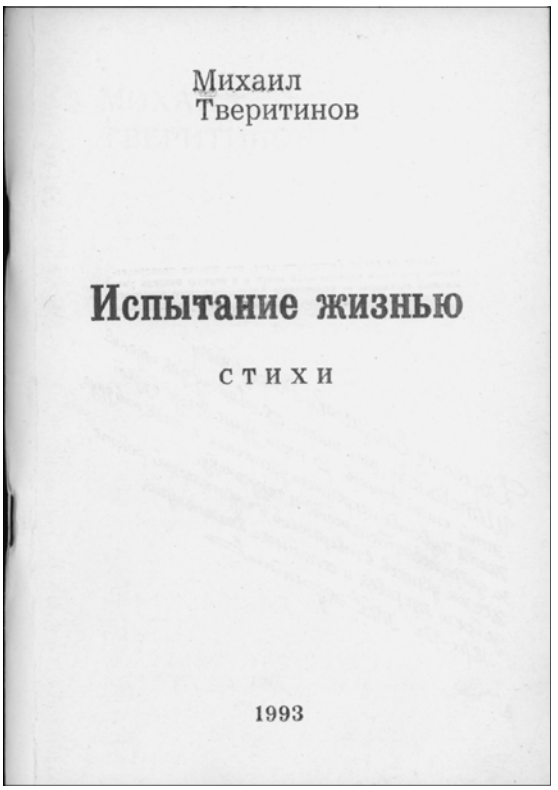
Нас можно победить. Но не покорить. Нас можно подавить внешне. Но внутренне переделать — никогда! Спасение наше в том, что русская душа хорошо защищена от инородного влияния. Она самобытна, изолирована сама в себе, защищена родовым иммунитетом. Сила наша в русском духе. Космополитическая идеология здесь имеет слабую кучность попадания. Это в том случае, если мы укрепляем национальное самосознание, усиливаем родовые традиции, утверждаем народные обычаи, моральные, идущие из глубин древности, устои. Враги наши это хорошо знают. Потому и бьют по главным и самым уязвимым целям.

Путь демократии — это пагубный для Отечества путь. Спасти Отечество может только сила, вставшая на стезю патриотического движения, опирающегося на истинно национальное самосознание народа. Патриотическая идея непобедима, она всё больше овладевает массами.

Чем сильнее развито национальное самосознание, тем нация больше защищена и лучше сохраняет себя. Обретает русский народ своё национальное самосознание, замешанное на патриотизме — выживет. Спасётся. Не обретёт — исчезнет. Об этом говорят книги Михаила Тверитинова.

В. ШАПОВАЛОВ

1993

ДОНЧАК
АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

ДЕЛО, КОТОРОМУ СЛУЖИТ ЧЕСТНО
К 80-летию со дня рождения

Уважение к тем, кто участвовал в Великой Отечественной войне, по-моему, должно быть нравственной нормой. Сегодня для потомков уже не столь важно, в каком качестве, сколько времени и где человек воевал, — одно то, что он бился с врагом, пережил страх, перемог боль достойно поклонения. А если этот человек, спустя более чем полвека после Победы, старается рассказать о том, что он видел и испытал, стремится не просто существовать, а жить в полной мере — это не может не восхищать. Все сказанное выше с полным правом относится и к Александру Васильевичу Дончаку.

Он родился 29 мая 1926 года в Туле. Отец работал на рафинадном заводе. Вскоре семья переехала в Одессу, где Саша закончил девять классов. Здесь и застала семью война. Отца призвали в армию в погранвойска, сын остался за старшего.

Когда фронт приблизился к Одессе, Александр с матерью был эвакуирован в Краснодарский край в город Кропоткин. Перед посадкой на пароход он в последний раз видел отца, который вскоре погиб при обороне Севастополя.

С вести о гибели отца у мальчишки началась взрослая жизнь. Он работал, где мог и как мог, а однажды заявился к командиру летной части, что стояла на окраине городка. Сказал:

— Хочу занять место в строю вместо отца.

— А что умеешь делать?

Парнишка к тому времени уже приобрел навыки киномеханики, о чем и сказал командиру.

— Ну что же, в свободное время будешь кино крутить.

И в шестнадцать лет Александр стал солдатом. Обучился профессии электромеханика, готовил оборудование крылатых машин к полетам, провожал и встречал экипажи. Случалось, что кто-то из летчиков не возвращался. Сначала он это переживал тяжело, даже плакал украдкой от старших товарищей, но постепенно привык. Когда исполнилось восемнадцать лет, принял присягу.

В годы войны

Полк штурмовиков, в котором служил Дончак, бомбил немецкие оборонительные позиции, так называемую «голубую линию» под Керчью, потом была Белоруссия, Польша, Германия. Победу молодой солдат встретил под городом Грауденцем, а потом еще пять лет служил, последнее время в Таганроге, в школе высшего офицерского состава, где все так же готовил самолеты к полетам.

Уйдя на гражданку, окончил вечернюю школу и радиотехнический институт, работал в «почтовом ящике», потом переехал в Донецк, где прожил до середины семидесятых годов и, наконец, оказался в Белгороде.

Александр Васильевич о войне много не рассказывает: «Да что там — служил, как все, подвигов особых не совершал». Но когда я слушал его, то воображал: шестнадцатилетний пацан вскакивает в любое время суток по команде «Подъем!», готовит к полетам мощные штурмовики, отворачивает поблескивающие слезами глаза, когда узнает о том, что кто-то из летчиков не вернулся с задания — это, по-моему, тоже сродни подвигу.

Задаю вопрос:

— А в книгах вы рассказали о своей войне?

— В какой-то мере. Некоторые эпизод из увиденного, услышанного и пережитого вошли в повесть «Если можешь, прости…» и ее продолжение «Не все можно простить»; к 61-й годовщине Победы вышла книга о Герое Советского Союза белгородце Григории Тимофеевиче Левине — в ней тоже есть что-то из моей военной биографии. Но, если честно, я, наверное, еще только приближаюсь к теме «Моя война», и чем дальше, тем острее во мне желание выписать ее.

Началом своей литературной деятельности он считает учебу в институте, где познакомился с Зиновием Высоковским, ныне известным артистом. Тогда они, молодые, сочиняли стихи и сценарии, ставили спектакли на студенческой сцене. Эта дружба продолжается до сих пор посредством редких встреч и телефонных разговоров.

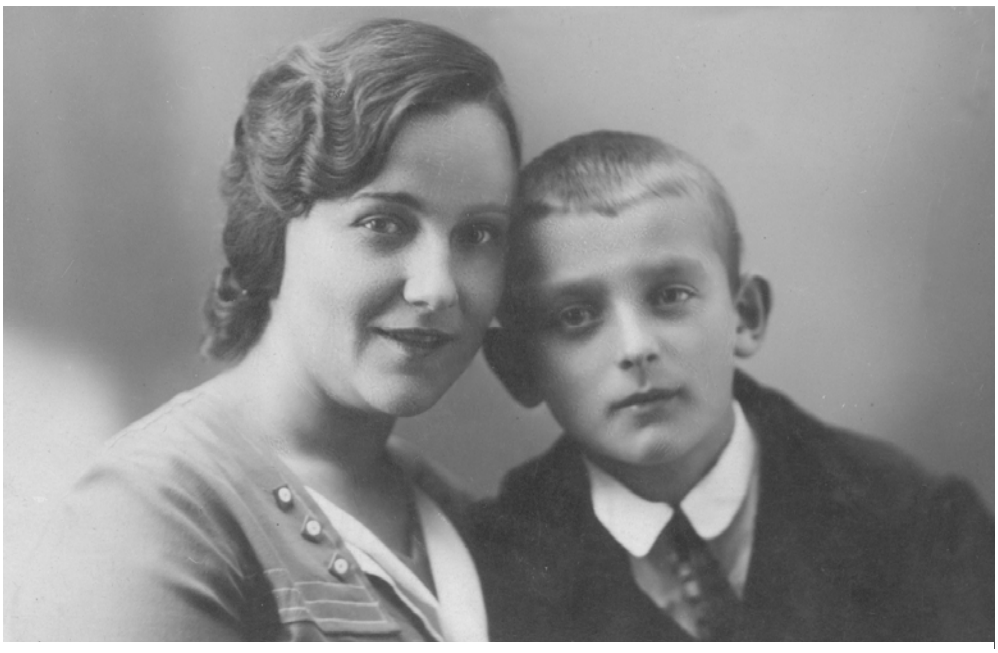
Уже живя в Донецке, Александр Васильевич написал повесть о тогдашней милиции «Накипь», но она так и осталась неопубликованной: редакцию, куда автор обратился, книга вроде бы заинтересовала, но когда рукопись послали в Москву, высшее милицейское начальство не дало «добро».

А вот вторая повесть Дончака «Если можешь, прости…» увидела свет в 1993 году. Это было уже перестроечное время, и книгу пришлось выпускать на свои, заработанные нелитературным трудом деньги. Она быстро разошлась по библиотекам и читателям, была ими оценена. И принесла автору, пусть небольшой, но все-таки капитал, за счет которого он издал последующие книги: «Тайна старого кортика», «На засечной черте», «Взлетай, сокол! Взлетай!».

Я не стану давать оценки произведениям Дончака: если они читаются, то уже имеют право на литературную жизнь, а я видел в библиотеках его книги зачитанны-

ми. Скажу лишь, что тяга автора к истории, к прошлому Белгородчины, не только заслуживает внимания, но и признания, и всяческих похвал. Он рассказывает, пишет, как может, в силу своих способностей. Так же в грозовые тяжкие военные годы юный солдат честно делал свое скромное, но такое необходимое для страны дело, приближая Великую Победу.

Валерий ЧЕРКЕСОВ

С матерью. Тула. 1930

УРАКОВ
ГЕННАДИЙ СЕМЕНОВИЧ
1926-2000

ПОД ЗНАКОМ ВОДОЛЕЯ
К 80-летию со дня рождения

Геннадий Семенович Уроков был поэтом, хотя в Союз писателей России его приняли как прозаика. Поэтом по складу характера, образу жизни, творческому поведению. Он и начинал со стихов, печатал их в журналах и газетах, в 1977 году в Воронеже вышел небольшой сборник «Тепло земли», но потом стал больше писать прозу, были изданы книги «Белые крылья зимы», «Ребята, я живу в Ольховке», «Плывущая колыбель», и только в 2000 году увидела свет довольно объемная книга стихотворений и поэм «Осеннее эхо», ставшая, увы, его посмертным изданием.

А еще он был солдатом. До конца своей жизни. В армию Геннадий попал в 1943 году, приписав себе год. А до этого было детство в небольшом городке Тара Омской области, детские дома, речное училище в Енисейске, ходил рулевым по Енисею и Оби. О своей войне он много не рассказывал, но то, что был комсоргом артдивизиона в Манчжурии во время войны с империалистической Японией — факт, подтвержденный документами.

Война закалила характер Геннадия Уракова, научила его радоваться жизни, быть оптимистом. Да и как он мог иначе относиться к своему бытию, если многие его товарищи, его сверстники остались лежать на поле боя? Демобилизовавшись, капитан запаса Ураков работал на разных работах, потом закончил Абаканский пединститут, был учителем, тренером по боксу, журналистом, и где только не побывал. В его книгах — вся биография и география. Вот названия стихов из «Осеннего эха»: «Север», «На реке Чусовой», «Под звездой азиатской», «Полтава», «Письма из Киргизии», «Могила Грина» и так далее. А еще — «Короча», «Август в Прохоровке» — эти стихи написаны уже на Белгородчине, куда поэт переехал в 70-х годах и обрел здесь настоящий дом.

Мы сошлись с ним и поняли друг друга при первом же знакомстве. Я оказался в Белгороде в мае 1982 года, в конце того же месяца проходил областной семинар молодых литераторов. Узнав, что я — дальневосточник, Геннадий подошел, мы разговорились, вспомнили Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток, у нас даже оказался общий знакомый — поэт Николай Касьянов, с которым Ураков дружил, когда тот жил в Омске, а я, когда судьба занесла Касьянова в Благовещенск. Позже я не раз нахо-

Встреча с читателями в Вейделевском районе. 1985
В центре — В. М. Шаповалов, справа — Г. С. Ураков

дил в стихах Уракова приметы знакомых мне мест. К примеру: «Тында, Тында, соком брусничным окропила в детстве меня» (я много раз сидел у речки Тында, будучи на строительстве Байкало-Амурской магистрали) или «На берегах Байкала по ночам...» (и я бывал на Байкале, бродил по его берегам).

Мы дружили, как могут дружить люди, когда один старше другого на целую Великую Отечественную войну. У Геннадия Семеновича была та широта души, которая присуща людям, родившимся и жившим за Уралом, у великих рек, на бескрайних таежных просторах. Он был в какой-то мере бесшабашен, не мог лукавить, даже когда обстоятельства заставляли это делать, но его хитрости были немудрены, как у малого ребенка. Я никогда не видел его в унынии, он ни на что не жаловался, хотя судьба порой была так немилосердна, что, не приведи Господи, испытать это кому-нибудь еще.

Я редактировал две его книги «Ребята, я живу в Ольховке» и «Осеннее эхо». Первую до сих пор считаю едва ли не лучшей книгой для детей, среди написанных белгородскими литераторами. Недавно перечитал её, еще раз попереживал вместе с главным героем Кузей Чаповым мальчишеские приключения и порадовался: каким простым и одновременно образным языком написана повесть! И пожалел, что эта книга неизвестна нынешним мальчишкам и девчонкам, ибо издана более десяти лет назад всего-то двухтысячным тиражом. Может быть, когда-нибудь кто-то переиздаст «Ребята, я живу в Ольховке». Думаю, юные читатели будут премного благодарны.

Над рукописью «Осеннего эха» мне как редактору пришлось поработать довольно-таки основательно. Дело в том, что Геннадий Ураков, следуя своей натуре, писал стихи легко, сразу, так сказать, набело и почти никогда не возвращался к текстам. Небрежности языка — следствие скорописи, длинноты — следствие его прозаического таланта — все это было в стихах. А в книге хотелось представить его, как сложившегося поэта, со своим голосом и интонацией, каким он и был на самом деле.

Геннадий Семенович, прочитав верстку сборника, был доволен, я тоже. Но по независящим ни от автора, ни от редактора причинам книга долго лежала в изда-

тельстве (были какие-то проблемы с финансированием), а потом поэт тяжело заболел... Когда мы отмечали годовщину его ухода из жизни, новенькое «Осеннее эхо» читалось как поэтическое завещание:

Жизнь теплится
Под знаком Водолея.
И по ночам,
Владея в забытье,
Ищу солдат,
Родную батарею,
Как воин умирающий —
Копье.

Я бы с превеликим удовольствием процитировал еще добрую половину стихов из «Осеннего эха», но, думаю, это сделают читатели, которые заинтересуются творчеством поэта. И все же еще несколько строк из небольшой поэмы «Деревья».

Деревья, как зеленые шатры.
Они весной питают жизнью реки.
Они корнями держатся за землю.
Они с ветрами спорят и дождем.
В деревьях есть душа и сердце тоже.
Возьми, послушай старую сосну.
Она тебе посетует на боли...
Пока стоят зеленые шатры,

«Осеннее эхо» должно было открываться авторским предисловием, но Геннадий Семенович не успел его дописать. В моем архиве сохранились его наброски: «Когда солнце своим прощальным золотом осыпает горизонт, я чувствую: оно устало, оно утомилось. Не так ли бывает с поэтом?..».

Да, так!

Валерий ЧЕРКЕСОВ,
член Союза писателей России

МАМАТОВ
ДМИТРИЙ АКИМОВИЧ
1931-2004

НА СТРЕМНИНЕ ЕГО ПЕРЕПРАВЫ

К 75-летию со дня рождения

На излёте он обещал:

Все равно я тоску сокрушу
На стремнине моей переправы
И такие стихи напишу,
Что от света проснутся дубравы...

Дмитрий Акимович слово своё сдержал, но задолго до того, как дал обещание. Каждое стихотворение, каждая строфа и каждая строка Дмитрия Маматова изначально были наполнены тихим добрым светом, от которого просыпались дубравы, начинали петь птицы, и колосилась рожь.

Переворачиваю чудом сохранившиеся, желтоватые страницы его крайне скудного архива и удивляюсь надписям на полях, кропотливой, въедливой правке, вполне возможно, уже опубликованных стихотворений.

Он очень не любил так называемые «датские» стихи, написанные к знаменательным датам. Но к Дмитрию Акимовичу довольно часто обращались знакомые, односельчане, приятели, и он не мог устоять. Однако маматовские стихи выплёскивались за рамки праздничных дат.

Восьмое марта. Пробуждение природы. Предощущение весны, так плотно связанное со знаменитым женским праздником. И вот из-под пера уже побежали очаровательные по искренности и удивительно душевные строки. И туг же драматическое продолжение:

Помню, порохом пахли метели,
По России гремели бои.
Вы пилотки и каски надели
На девичьи прически свои...

Праздник сразу же обрел трагическую окраску. Это, очевидно, удел всех русских женщин.

Конечно, пилотки и каски надели не все женщины. Но и тем, кто оставался в тылу, было ни чуть не легче.

Вижу ясно сегодня до боли
Вас в пожарищах Курской дуги
И в изрытом воронками поле
До рассвета впряженных в плуги.

Курская дуга — особая сердечная боль Дмитрия Маматова. Вот строчки из автобиографии поэта: «В моей родной школе немцы заживо сожгли около семисот русских военнопленных. Над их братской могилой теперь шумит уже больше полувека тополиная роща, посаженная нашими детскими руками...»

Помню, как при подготовке видеофильма о Дмитрии Маматове «Душою радостен и чист», мы приехали с ним в его родное село Призначное и завуч местной школы по памяти читала стихи Дмитрия Акимовича, посвященные этой страшной трагедии.

Когда смыкает сон ресницы,
И ночь встает над головой,
Мне неотступно часто снится
Овчаркой лающий конвой.
…….
Вы здесь сражались и спасались,
Вы славны будете в веках,
Что в жизнь из пламени бросались
И повисали на штыках!

Акимыч стоял, насупившись, и особым своим маматовским молчанием как бы одобрял чтение.

Почему я так много внимания уделяю стихам Маматова о войне? Ведь у него такая необыкновенно чистая, истинно есенинская прозрачная лирика, столько тончайших стихов о русской природе, о неповторимой красоте Святого Белогорья. А потому, что Великая Отечественная кровавой раной прошла через детство, через всю жизнь и через всю поэзию абсолютно честного и предельно искреннего поэта.

Причем страшная, глобальная, унесшая десятки миллионов человеческих жизней война вдруг появлялась в стихах Дмитрия Маматова в таких обыденных житейских деталях, что становилось просто не по себе. Вот поэма-быль «Микола»:

Покорял он в молодости беды,
Бойким нравом славился орлиным,
Но ему за месяц до Победы
Оторвало ногу под Берлином...

И с чем же вернулся домой защитник Отечества и освободитель Европы?

Летним днем к заветному окошку
Он пришел в родимую обитель
И на стол трофейную гармошку
Водрузил как воин-победитель.

Ну а дальше и вовсе грустное:

Занимал он пост потом солидный:
Громыхал на бочке водовозной.
Не добившись льготы инвалидной,
Дотянул до пенсии колхозной...

Финал, как и у сотен тысяч инвалидов войны, печален. Экономически облегчая свою жизнь, заквасил Микола бражку. Но появились в его хибаре две строгие красные фуражки и холодный, суровый милицейский протокол поставил последнюю точку в душе ветерана: все свои боевые награды он отправил в столицу министру обороны...

Мало кто знает, что Дмитрий Акимыч очень любил театральное искусство. Но и эта любовь прошла испытание войной.

В застрехах птицы мерзли за ночь,
Был той зиме сам черт не рад.

В те дни решил наш добрый завуч
Поставить пьесу «Маскарад»...

Такое можно встретит только в России, только в самой далекой сельской глубинке. И будущий поэт Дима Маматов требует себе главную роль.

Играть бы мне лакея Гришку,
Но нет! Арбенина гони!

Самое же главное, что в зале — солдаты. Им завтра в бой, а их потчуют Лермонтовым. И тем не менее спектакль не только тронул души советских воинов. Он пробудил в них самые человеческие чувства и один из бойцов в порыве благодарности поднялся на сцену с солдатским котелком, зная, что сельские артисты валятся с ног от голода.

Шутил лишь: «Ешь, Арбенин, кашу,
И выше ложку за Тамань!»

В каждой книжке Дмитрия Маматова есть раздел «Строки, опаленные войной». В сборнике «На острие судьбы» около семидесяти таких опаленных стихотворений — вполне самостоятельная книга. И что ни строка — трагедия.

Стоит танкист, молчание храня,
Идут в атаку яростные танки,
Горит земля и плавится броня,
И смерти тень танцует на болванке ...

Уже в самих названиях стихов ощущаются военные сполохи: «Песня перед боем», «Пашня войны», «Прощание славянки», «Бой за церковь»...

Разгулялся пожар войны
По деревне ржаной и кроткой,
Словно с ведома сатаны
Бьют по церкви прямой наводкой.
Под снарядный утробный свист
Пыль течет по Христовым ранам,
Вещий колокол тяжко свис
Над истерзанным божьим храмом...

Дмитрий Акимович умел увидеть в жизни самые точные детали, чтобы ярче показать драматичность ситуации. Поэтому и появилось это стихотворение. Но храм у Маматова не просто трагическая жертва. Это еще и неразрывная историческая связь времен и поколений. Здесь и святые лики, и рублевский иконный мир, и неожиданный библейский полководец:

И ведет в рукопашный бой
Нас Георгий — Победоносец!

Война оставила глубокий след в душе босоногого подростка. Она и после Победы долго еще напоминала о себе. В стихотворении «На роду» Дмитрий Акимович вспоминает страшный случай, когда любопытная пацанва решила разрядить артиллерийский снаряд. Закончилось все трагедией. И только случайность спасла от гибели юного пастушка Диму Маматова, который в самый жуткий момент отбежал, чтобы выгнать свою корову из чужого огорода.

Вдруг подо мною вздрогнула земля
И семерых друзей моих не стало.
Семь холмиков могильных на селе,
Семь матерей до срока поседели,
Лишь на бессмертной, горестной земле
Живет судьба
И это в самом деле.

В стихах Маматова известное народное словосочетание «кровь с молоком», символ здоровья, вдруг обретает жуткий сюрреалистический смысл, раскрывая противочеловеческую суть войны:

Мне тревожно и страшно поныне,
Только в прошлое чуть загляну:

Подорвалась корова на мине,
Тронув задним копытом войну.

Стон коровы был жутким и долгим,
Лугу, стаду, заре незнаком,
И в траву из разорванной дойки
Густо капала кровь с молоком.

Помню, как Акимыч задумал написать поэму «Прохоровское поле». Эта идея долго не давала ему покоя, но что-то сдерживало поэта. И вот телефонный звонок. Глуховатый голос в трубке.

Земля страданий! Танковое поле!
Земля Руси, и черный смерч над ней.
Моя поэма — это капля в море
Событий тех и тех великих дней.

Потом были довольно частые звонки и каждый раз новые строчки.

Мчатся годы, в пространстве тая,
Обгоняя житье-бытье.
Здравствуй Прохоровка святая,
Детство огненное мое!

Правда-быль негасимой боли
Прописалась в людской судьбе.
Друг-потомок, про это поле
Как смогу — расскажу тебе.

Он рассказал так искренне и так сердечно, что многие строки невозможно читать без душевной боли. Не случайно эта поэма стала литературной основой книги известного фотохудожника Виталия Собровина «Священная земля».

Дмитрий Акимович вписал свою яркую страницу и в летопись Великой Отечественной войны, и в летопись нашего Святого Белогорья.

У МОГИЛЫ МАМАТОВА

С поднебесья курлыканья льются,
Пролетая Отчизны межу,
И ко мне они вновь не вернутся,
Как я вслед им с тоской ни гляжу.
Дм. Маматов

Такого дня я больше не припомню:
Над Петропавловкой сиял пасхальный свет
И щебет птиц, как будто богомольный
Душевный благовест звучал сквозь толщу лет.
Вся пташья рать Святого Белогорья
Слетелась на возвышенный погост,
Рыдал удод, убитый птичьим горем,
Почуяв — на земле он тоже гость.
Кукушка умостилась на опоре —
И над покоем полилась печаль.
И только дятел над святым простором
Привычной дробью что-то не стучал.
Взирал он молча на гранитный камень
И на маматовский таинственный прищур,
Оставленный на память сельским дамам,
Не изменявшим дому и борщу.
Синички, благодарные за сало,
Шептались робко, всё рыдал удод
И почему-то сердцу показалось —

Вот-вот Акимыч снизу подойдет.
А мимо шли как будто пилигримы
Селяне в лавку с горсточкой грошей...
И слушал омолчаленный Акимыч
Тот птичий плач по собственной душе.

2006

ПАМЯТИ ДРУГА

Ты теплом пронизан был небесным,
Тишиной наполнен до краёв.
А душа кипела буйной песней,
Будто вихрем взбитый водоём.
Ты светился кротостью овинной,
Памятью поруганных полей
Каждый вечер, приходя с повинной,
К Родине обиженной своей.
Выпестован разнотравным лугом,
Истинный крестьянин во плоти,
Ты бежал от дедовского плуга,
Чтобы плуг поэзии найти.
Ты тоской треножил свою душу,
Видя повсеместный беспредел.
Раздвоеньем музу горько рушил,
Но фальшиво никогда не пел.
Ты ушёл, но песнь твоя осталась
Над простором белгородских круч...
Где душа в тоске святой металась,
Там теперь мерцает светлый луч.

2006

ТЕРПЕНИЕ

Сколько раз тебя в стране зелёной
Я ходил встречать за поворот…
Дм. Маматов

Меня терпел ты по одной причине —
Да просто не с кем всласть поговорить.
Ведь каждый пресмыкается по чину
И каждый — гений, где в одном — все три!
Лудят, паяют, гимны сочиняют —
Творят на славу, но не на добро,
А ты искал талантливую няню,
И болдинское щедрое перо.
А ты искал свой плуг среди хореев,
Среди анапестов, онегинской строфы,
Чтоб только в городе, пусть даже брадобреем,
Чтоб средь стихов, пусть даже без лафы…
И ты, певец есенинской оправы,
Не знал, что город — хитрый плут и мот,
Где все пропитано копеечной отравой
И где поэт — балбес и обормот,

Способный лишь кутить и куролесить
Да нравы устоявшие хулить…
С бесстрашием бездомного повесы
Ты взялся по чиновникам палить.
Душа твоя металась отрешённо,
Ты ненавидел омут городской.
И вот в село как блудный сын прощённый
Вернулся ты под говорок людской.
Вернулся к Петропавловской кринице
И заливным некошеным лугам…
Здесь твой Париж, Милан и твоя Ницца,
Здесь музыка души — весёлый птичий гам.
Здесь всё твоё — легенды, сказки были.
Здесь нет завистников и некому корить…
И чувства добрые, на счастье, не остыли
И ты зовёшь меня, чтоб всласть поговорить.

2006

Евгений ДУБРАВНЫЙ,
член Союза писателей России

Я ЭТОТ МИР БОГОТВОРЮ

Эту строку из стихотворения Д. Маматова «В деревне» я считаю центральной в его книге «Родная чужбина». Безусловно, о Д. Маматове в первую очередь нужно говорить как о певце деревни. Он — истинный наследник и проводник творческой линии С. Есенина, которому поэт посвятил несколько стихотворений.

Тема одиночества в мире людей пронизывает творчество Д. Маматова, но через фаунистическую и флористическую символику поэт передаёт своё ощущение единства с природой. Центральным фаунистическим символом деревенской природы является иволга. С ней у поэта выработан общий язык, т. к. в песне иволги он слышит обращение к себе: «Митя пиво пил», «Митрий, выпей!» Неудивительно, что именно Д. Маматов, не слыша характерного свиста иволги, обратил наше внимание на исчезновение иволги в предместьях Белгорода. Птица не выдержала вредных выбросов в атмосферу и погибла. В этом — предупреждение людям о грядущей экологической катастрофе. Другие животные и птицы оказались более выносливыми: кошки, грачи, синички, собаки, а к ослепшей из-за работы в шахте лошади даже возвращается зрение, когда её выводят на поверхность («Баллада о слепой лошади»).

Флористические символы не отличаются оригинальностью: калина в снегу, берёзка в заснеженной шали, ромашки, васильки, колосья ржи и незабудки. (Последние выражают уверенность автора в своей посмертной славе).

Повторяемость фаунистических и флористических символов нельзя причислять к недостаткам образной системы в творчестве того или иного поэта из-за ограниченности количества этих символов в языке.

Таблица фаунистического кода в русском языке

№ п/п	Название животного или птицы	Фаунистический код
1.	Бык	Сила, здоровье
2.	Баран	Глупость
3.	Воробей	Воровство
4.	Боров	Лень
5.	Волк	Жадность
6.	Голубь	Миролюбие
7.	Гусь	Ловкачество
8.	Галка	Болтливость
9.	Змея	Злоба и неблагодарность
10.	Заяц	Трусость
11.	Журавль	Тоска по родине
12.	Кузнечик	Трудолюбие
13.	Крыса	Предательство
14.	Кошка	Живучесть
15.	Комар	Ничтожность
16.	Лебедь	Девичья краса
17.	Лошадь	Добросовестность
18.	Мартышка	Подражательство
19.	Медведь	Неуклюжесть
20.	Муравей	Трудолюбие
21.	Муха	Надоедливость
22.	Мышь	Робость
23.	Пчела	Трудолюбие
24.	Петух	Задиристость
25.	Павлин	Тщеславие
26.	Орёл	Власть
27.	Собака — амбивалентный символ	Преданность; злоба и глупость
28.	Слон	Неуклюжесть
29.	Сокол	Мужская красота
30.	Сова	Мудрость
31.	Свинья	Распущенность и неблагодарность
32.	Утка	Женская красота
33.	Улитка	Медлительность
34.	Тигр	Жестокость
35.	Кукушка	Вероломство по отношению к детям

Таблица флористического кода в русском языке

1.	Анютины глазки	Память
2.	Вероника	Женская верность
3.	Василёк	Деликатность, преимущество
4.	Белая роза	Платоническая любовь
5.	Герань	Меланхолия, утешение
6.	Жимолость	Расположение
7.	Жёлтый нарцисс	Внимание и заступничество
8.	Жёлтый тюльпан	Безнадёжная любовь
9.	Жёлтая роза	Измена
10.	Ирис	Послание
11.	Красный тюльпан	Признание в любви
12.	Ландыш	Вернувшееся счастье
13.	Лилия	Чистота, девственность
14.	Мак	Экстравагантность
15.	Маргаритка	Невинность
16.	Орхидея	Красота
17.	Ноготок	Скорбь
18.	Настурция	Патриотизм
19.	Пион	Стыд
20.	Сирень	Первые волнения любви
21.	Плющ	Верность
22.	Подсолнух	Высокомерие
23.	Фиалка	Скромность, верная любовь
24.	Флокс	Согласие
25.	Чёрный тюльпан	Смерть

Необходимо заметить, что обе таблицы передают узуальное содержание символа, т. е. привычное и знакомое всей нации. Сущность поэтического мастерства заключается в умении передать через символ окказиональное (т. е. случайное, не закреплённое в национальном сознании) содержание. В творчестве Д. Маматова на фоне устойчивого фаунистического или флористического содержания появляется свой, только ему присущий смысл. Так кошка вместо живучести передаёт радость (стих «Радость», «Кошачий дом», «Кошки»).

Сложен и противоречив внутренний мир автора. Читатель осознаёт это, ещё не читая книги. В словах «Родная чужбина» сталкиваются два логически несовмести-

мых понятия — родина и чужбина. Но здесь «Родина» представлено прилагательным «родная». В стилистике такое парадоксальное сочетание прилагательного и существительного называется оксюморонным сочетанием. Первое слово в оксюмороне по смыслу противоречит или логически исключает второе слово. Обычно автор прибегает к оксюморону, чтобы вскрыть внутренние противоречия, заложенные в явлениях или фактах окружающей действительности. Но в данном случае поэт прежде всего обнажает внутренние противоречия собственной души. Следующие двуединые оппозиционные пары помогут нам наглядно представить единство и борьбу этих противоположностей.

1. Родина-мать ↔ Родина-мачеха.
2. Гордость за Россию ↔Боль за унижение России.
3. Жизнь ↔ Смерть.
4. Радость ↔ Печаль
5. Семья ↔ Одиночество.
6. Смерть деревни ↔ Бессмертие деревни.
7. Дружба ↔ Обида.
8. Блаженство прикосновения ↔ Блаженство не прикосновения.

О **Родине-матери** Д. Маматов написал много стихов. Для анализа возьму «Пасхальное», которое поэт, по-видимому, считал основным в блоке стихов о Родине. В нём он проводит параллель между Воскресеньем Христовым и постсоциалистическим возрождением России. Понятие «мать» и «Родина» сливаются в едином радужном всплеске солнечного света, цветущих фиалок, радостных песен, всеобщего цветения и благоденствия под золотым венцом. Мысль не окончена. Венцом — чего? Золотого двуглавого орла? Посмотрим на фаунистическую таблицу. Венец может быть метонимическим символом двуглавого орла. Тогда поэт желает России усиления государственной власти. Но судя по заглавию, нужно понимать: «под золотым венцом Христа», тем более, что каждый из шести куплетов заканчивается эпифорическим поворотом: «Христос воскрес! Воистину воскрес!». Но у Христа никогда не было золотого венца. Учение Христа тем и непоколебимо, что он был далёк от всяких материальных помыслов, и после него остался лишь хитон да пара сандалий. А его нимб — это **светлое**, а не золотое сияние вокруг головы. Безусловно, мысль автора была связана с положительной коннотацией золотого венца, но недосказанность образа вызывает у меня лично протест. Золото — это обоюдоострый образ, который может обратить какой-то абстрактный золотой **венец** в золотой **телец**. Неоспоримо здесь только одно — поэт возвеличивает Родину-мать через Пасхальное Воскресенье.

Однако в реальной жизни Родина часто оборачивается мачехой, о чём свидетельствуют, к примеру «Быль 51-го», когда «в одночасье сгинули калеки из вагонов, с улиц и углов». В стране победившего социализма не могло быть нищих. Распространена была песня:

На наших дорогах нет места нужде,
На наших дорогах счастливый народ
О близком, великом и мудром вожде —
О Сталине песню поёт!

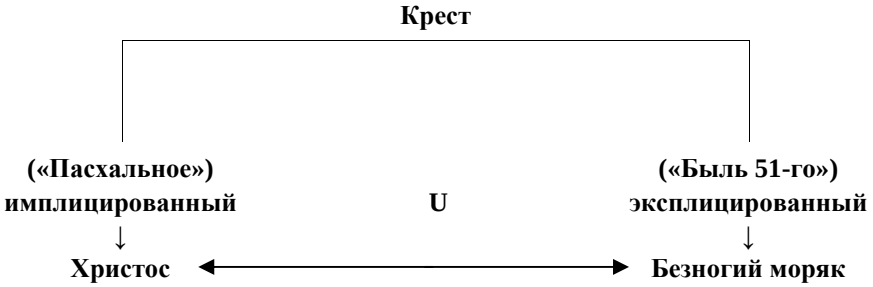
Но искалеченные войной воины, получавшие от родины пенсию, на которую не только нельзя было жить, но и выжить, ходили с гармошкой по вагонам или садились на тротуар, положив перед собой пилотку или бескозырку. Их репертуар состоял из народных песен. Люди останавливались, подавали мелочь, помогая обездоленным калекам.

Но государственная машина объявила войну с нищетой. Проводилась она при помощи арестов калек.

Их везли в глухом автомобиле,
Завывали злобно тормоза,
А в застенках их нещадно били,
Выбивая зубы и глаза.

Бескозырки и крестом лежащие костыли — это два метонимических образа нищеты и страданий: через костыли передаются физические страдания моряка, потерявшего на войне ноги, а через бескозырку — его моральное страдание, т. к. он вынужден просить милостыню. Крестом из костылей Д. Маматов даёт читателю художественный сигнал о гибели моряка в застенках. Даже если «борцы с нищетой» выпустят его на волю, он обречён на смерть из-за неспособности передвигаться без костылей.

Но крест — слишком сложный образ, чтобы можно было ограничиться первым этапом его интерпретации. Хочется обратить внимание читателя на сцепление двух текстов образом креста. В «Были 51-го» крест эксплицирован, в «Пасхальном» — имплицирован, но он представляет собой интуитивную читательскую данность, т. к. мы все знакомы с историей Христа и знаем, что Его Воскресению предшествовало Распятие на Кресте. Сцепление имплицированного и эксплицированного креста приводит к уравниванию поэтического восприятия Христа и безногого моряка. Для наглядности проиллюстрирую сказанное схемой, где знак сцепления U взят из математической логики. Так он обозначает объединение.

Очевидно, что поэт отдаёт дань глубочайшего уважения всем безымянным изувеченным солдатам и матросам в любой войне, будь то Великая Отечественная, Афганская или Чеченская. Проводя параллель между страданиями и унижением Христа римскими легионерами, которые глумились над Ним и даже проткнули Его пикой, и страданиями и унижением защитников Родины со стороны представителей власти своей Родины, он призывает:

Почтим святой минутою молчанья
Родную Русь, тоскуя и любя.
(«Прощание славянки»).

Во всех стихах, посвящённых Родине-матери, чувствуется **гордость за Россию.** Противовесом для них идут стихи, где поэт страдает за «бомжиху» — Русь:

На бутылках катится
В пропасть Русь моя.
«Деревенские картинки с натуры»).

Незабываем неологизм поэта — «босоножество». В нем и боль за стариков, и оценка правительству с его откровенным презрением к народу во все времена, т. к. нужда сопровождает поэта с раннего детства до почтенного возраста:

Пронеслось босоногое детство,
Босоногая юность прошла,
А теперь, как родное наследство,
Босоногая старость пришла!

Оппозиционная пара **жизнь — смерть** представлена, в основном, символически. Символы жизни могут быть фаунистическими (оса) и флористическими (картошка, колосья). Безусловно, оса как символ жизни — это удачная находка в окказиональной образной палитре поэта. В общепринятой поэтической системе за ней закреплено представление об агрессивности из-за её жала. Поэт восхищается бесстрашием осы, когда она рискует головой, воруя из блюдечка мёд. Символика жизни передаётся аллитерацией звука [Ж]: «Жужжи, оса, жужжи!» В каждом слове звук [Ж] повторяется дважды, отчего наблюдается усиление его акустического воздействия. Помимо звукоподражательного звука [Ж] поэт останавливается на звуке [С]. Происходит сближение далёких по смыслу, но неожиданно похожих по звучанию слов: о**с**ы, о**с**оты, **с**оты, вы**с**оты, кра**с**оты. Такой приём называется косвенным звукоподражанием. Сцепление прямого звукоподражания [Ж] с косвенным звукоподражательным [С] создаёт звуковую метафору полёта осы. Звукообраз, который английский поэт А. Поуп назвал «Эхом смысла», вплетается в лексическую канву стиха и усиливает его эмоциональное воздействие.

Похожая перекличка фонем наблюдается и в другом символе жизни — картошке. Здесь [Ж] перекликается со своим глухим инвариантом [Ш]:

Хлеб конечно, всему голова,
Но карто**ш**ка — надё**ж**ная **ш**ея.
(«Материнское замечание»).

Тема смерти ассоциируется в творчестве Д. Маматова с могилами. («Холмы»). Душевная боль поэта выражена в анафорическом повторе слова «холмы», но его анафорическая повторяемость неожиданно нарушается в последней строке.

Этим автор усиливает чувство вины перед погибшими за то, что своей смертью они оплатили жизнь последующих поколений.

Холмы лесов глядят из-под листвы,
Холмы полей за плугом сеют кости.
Холмы церквей, холмы крестьянских мест,
Холмы лугов, истерзанных в рассвете…
Холмы, холмы мне видятся окрест,
Как будто я за все холмы в ответе
(«Холмы»).

Представление о вороне как о символе смерти идёт от библейского предания о том, что это одно из обличий Сатаны. Когда Сатана хочет узнать, что делается в Раю, он принимает вид ворона и перелетает в райские кущи. Там он сидит на Древе Жизни и помышляет о способах обречь на смерть людей. В русском менталитете ворону также приписывается роль предсказателя беды. Поэтому вольно или невольно Д. Маматов оказывается предсказателем гибели социалистической системы, т. к. его птицы, восседая на лысинах бронзовых, «объедки обкомов клюют».

Исходная предпосылка **радости** начинается с заглавия двух несвязанных между собой стихотворений, которые имеют одинаковое название «Радость». (с. 26 и с. 103). Сближает их то, что они оба основаны на фаунистических символах. В одном случае это котята, в другом — петушок. Но фраза «Нёс мужик у сердца два котёнка» вызывает вопрос о неоправданном отступлении от литературно-разговорного стиля, в котором написаны все произведения Д. Маматова (кроме стиха «Пасхальное», которое претендует на возвышенный стиль). Название детёнышей с окончанием — «ёнок» во множительном числе имеют форму — «ята». Значит, автору надо было написать «двух котят». В. В. Виноградов допускает вариант «два котёнка» в родительном падеже, но это допустимо лишь в просторечии (В. В. Виноградов, «Русский язык», издательство «В.Ш.», М., 1972. с. 93) У автора в данном случае было два пути. Знаток деревни, безусловно, владеющий просторечием, он мог бы всё стихотворение написать просторечием. Или всё стихотворение — привычным ему литературно-разговорным стилем. Он выбрал третий путь — смешение стилей. Мне этот путь представляется ошибочным.

Лучше всего столкновение **радости — печали** показано в стихотворении «На свадьбе». В небольшом по объёму тексте присутствуют два семантических центра, представленных двумя поэтическими образами — свободы и старухи.

Лексемы радости	**Лексемы печали**
Свобода	Бабка
Общее веселье	Песня о догоравшей лучине
Невеста	Чёрный лик певицы
Жених	Печаль из бабушкиных уст

Несложный монтаж лексем создаёт картину деревенского быта, где печаль соседствует вплотную с радостью, Слова «веселье» и «печаль» повторяются несколько раз, что в пределах такого небольшого текста говорит об их частотности и усиливает их выразительность.

Противоречивость темы **семья — одиночество** передаётся контрастом настроения в стихах, посвящённых любимой жене. Порой столкновение этих взаимоисключающих себя тем наблюдается в пределах одного и того же текста. В качестве примера предлагаю «Кольцо». Заглавие предполагает тему свадьбы, семьи. Вначале представление о кольце с его предвосхищением семейного счастья не противоречит общепринятому смыслу:

Может, свидится, может, сбудется,
Чтоб с любимой лицо в лицо.
Всё мне кажется, всё мне чудится,
Что найду под луной кольцо

Но вслед за ожиданием счастья идёт четверостишие, основанное на повторе морфемы «без» — «бес», которая исключает положительную коннотацию:

Бесконечное, **без**начальное,
Без истории, **без** герба..

Кроме частоты повторяемости этой морфемы, наблюдается повторяемость одного и того же фонетического сочетания — **чаль** в рядом стоящих прилагательных: безна**чаль**ное, вели**чаль**ное, обру**чаль**ное, пе**чаль**ное. Получается «сверхорганизация» (термин Ю.М. Лотмана), соединяющая не связанные между собой слова в языке, в новую смысловую группу, объединённую темой «пе**чаль**».

А дальше поэт трансформирует тему печали в тему беды:

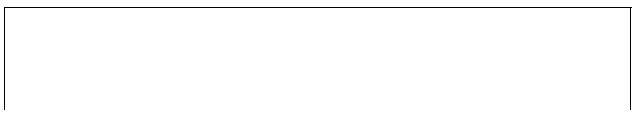
Покачу его по дороженьке
Да навстречу беде самой…

Структурная формула стихотворения «Кольцо» свидетельствует о наличии у кольца как у символа семьи и домашнего очага отрицательной коннотации в поэтике Д. Маматова.

Кольцо → счастье → печаль → беда.

В стихотворении «Лук» лексемы счастья рассыпаны по всему тексту: август **пляшет** в огороде, лук **сияет** с высоты, жена **горит** лучами, как **богиня красоты**, ангел счастья едет в дом поэта. Но настораживает деталь: ангел счастья едет на луковице. Лук как художественный образ амбивалентен. Он несёт выздоровление от семи недуг, но снимая его шелуху, человек заливается слезами. Слово несёт в себе предметно-логическую и эмоционально-оценочную информацию. Нередко эти виды информации конфликтуют внутри одного и того же понятия, т. к. обладают одновременно и положительной, и отрицательной коннотацией.

Схема амбивалентности лука

В этом стихотворении оттенок горечи, который сопровождает его семейное счастье, не фигурирует открыто. Его отмечает лишь чуткая душа поэта на уровне подсознания. Но в стихотворении «Обращение к филину» он открыто признается:

Я земной неудачливый житель,
Что-то горькое бродит в крови.

Существенная черта поэтического мироощущения Д. Маматова заканчивается не только в отказе от общепринятого символа (кольцо как символ семьи). Он создаёт собственную образную систему, подчас резко отличающуюся от общепринятой системы. Так яблоко он выбирает для передачи блаженства прикосновения, хотя в общепринятой системе яблоко — это аллегория раздора. Такая трактовка закрепилась за ним из-за древнегреческого мифа о богине раздора Эриде. Это она бросила в толпу приглашённых на свадьбу Фетиды и Пелея яблоко с надписью «прекраснейшей». Это вызвало распрю между Афродитой, Афиной и Герой, каждая из которых считала, что яблоко должно принадлежать ей. Троянский царевич Парис отдал яблоко Афродите, что привело к Троянской войне.

По библейскому преданию яблоко считалось причиной изгнания Адама и Евы из Рая. Как поэтический образ любви яблоко было «реабилитировано» царём Соломоном. В «Песне песней Соломона» Суламифь образом яблони и её плода говорит о своём чувстве к Соломону: «Что яблонь между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени её люблю я сидеть, а плоды её сладки для гортани моей». (гл. 2).

Д. Маматов берёт яблоко как аллегорию любви («яблоко»), но в другом ракурсе — блаженстве прикосновения. Противовесом этому настроению можно считать стихи, посвящённые А. В. Носковой (с. 98, 107, 114). Сюда же я причисляю и «Прерванную песню». Главным мотивом второй группы является блаженство неприкосновения. Во всех причисленных случаях речь идёт о платонической любви.

В неожиданном и неповторимом ракурсе сияет ещё одна аллегория любви — две шахтёрские лампы. («Лампы»). Это лампы его отца и матери. Они работали в Донбассе на шахте. Поэт образом шахтёрских ламп говорит не только о любви своих родителей друг к другу, но и о своей любви к ним:

Зажигаю те лампы я в даты святые,
И они, как сердца дорогие, горят.

В очерке о Д. Маматове нельзя обойти молчанием такое понятие, как дружба, но к нему трудно подобрать антоним, чтобы рассмотреть этот вопрос, как и все другие, с позиции парадоксальности сочетаемости. Классическим вариантом было бы «предательство», но как явствует из его собственных признаний, он не знал, что такое дружба, а следовательно, не мог пережить и предательство. Ключевым в этом вопросе является его высказывание:

Друга нет — враги его навяжут,
Нет врага — друзья его найдут.
(«Время»).

В разные времена в дружбе ценились разные качества: Дамон и Пифиас, Диоскуры (способность умереть за друга), Давид и Ионафан (способность спасти жизнь друга ценой смертельной опасности), два Аякса (неразлучность). Д. Маматов значительно снижает планку дружбы. Судя по стихотворению «Обида» больше всего он ценил в друге способность выслушать его, обменяться мыслями:

Жаль, что больше нет тебе дороги
В деревеньку белую мою.
(«Обида»).

Самое большое место в его творчестве занимает природа и его дорогая деревенька. Он восхваляет природу смиренной любовью младшего брата к старшему. Многие поэты, восхищаясь природой, стоят на холме, обозревая окрестности и благословляя:

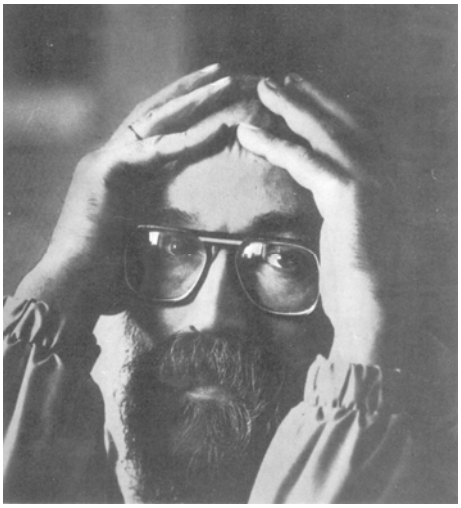
Благословляю вас, леса, долины, нивы
(А. К. Толстой).

Д. Маматов растворяется в природе, он — микрочастица её. Он понимает «и в поле каждую былинку, и в небе каждую звезду». Он слышит неуёмную дрожь родника в предчувствии своей гибели от бульдозерного ножа. Смерть родника — это аллегория смерти деревни. Однако образом неутолимой труженицы-телеги поэт передаёт её бессмертие в маленькое стихотворение «Телега времени». Телега бессмертна, потому что она на колёсах, а колесо — это общепринятая аллегория бессмертия. В стихотворении к тому же телега соединена с временем, а бог Времени — Сатурн — тоже бессмертен. Настоящее время глагола «гореть» — это тоже своеобразный знак бессмертия России. Этими словами я и заканчиваю очерк о Поэте-патриоте:

Горит, горит осенняя лампада
Звездой любви над Родиной моей!

Лидия МАРКИНА,
кандидат филологических наук, доцент

КОСЕНКОВ
СТАНИСЛАВ СТЕПАНОВИЧ
1941-1993

ПОСТИЖЕНИЕ СВЕТА
К 65-летию со дня рождения

Наша Белгородчина удивительно богатый край, и богата она и не только своими лучшими в мире чернозёмами и железной рудой, но, прежде всего, талантливыми людьми. Многие белгородцы достигли успеха и на военном, и на трудовом поприще, в литературе и искусстве.

Один из ярких представителей нашего края — художник Станислав Степанович Косенков. Его работы известны не только у нас в стране, но и в дальнем и ближнем зарубежье. Творчество этого художника несомненно войдёт в летопись истории нашего края, а яркие, неповторимые работы ещё долго будут радовать жителей Белгородчины и их потомков своей красочной выразительностью, светлой элегической образностью и своеобразной символикой.

Впервые я познакомилась с работами Станислава Степановича Косенкова три года назад в его мастерской — музее, хранительницей которой является вдова художника Анна Константиновна Косенкова. С тех пор творчество художника продолжает волновать меня, и у меня появился интерес к его жизни. Я долго беседовала с А. Косенковой о творческом пути её безвременно ушедшего из жизни мужа. Она рассказала мне о его детских годах, о времени учёбы и постижения тайн художественного искусства и зрелых годах жизни — времени его творческого взлёта. Кроме того я прочла работы друга Ст. Косенкова Станислава Минакова о художнике и его творческом пути и монографию Николая Шевченко о жизни и творчестве Ст. Косенкова, познакомилась с дневниками художника.

Мой папа, белгородский поэт Н. Грищенко, тоже был хорошо знаком с художником и его работами. Сохранилась видеозапись, где папа и тележурналист Евгений Дубравный беседуют со Станиславом Степановичем о его творчестве в мастерской художника. Папа мне тоже рассказывал о творчестве рано ушедшего из жизни художника и его непростом жизненном пути.

Хорошо написал, на мой взгляд, о Косенкове его друг Станислав Минаков в статье «Свидетель света». С его описания портрета художника я и хочу начать свою работу.

«Он не был Свет, он был послан, чтобы свидетельствовать о свете.

Иоанн 1, 8

Отсвет горнего был очевиден во всем облике Косенкова. А более всего — в лике. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на любую его фотографию. Перед его лицом — как будто предстоишь православной житийной иконе с каноническим средневековым изображением святого. Огромный, будто вывернутый обратной перспективой, лбище. Борода. Очки вот еще… Интересно, будут ли когда-нибудь канонизироваться изображения святых в очках?

Нет, святым он, конечно, не был. Он был земным и страстным. Он был раним и мучим. Он сам мог ранить и мучить. Не злонамеренно, а просто потому, что человек. Но от обыденных смертных отличался тем, что вещий ангел всегда выглядывал из-за его плеча. Ангел Вечной Жизни. Косенков же ощущал его и понимал Ангелом Смерти, Ангелом Небытия». *(Ст. Минаков).*

«Бытие — эфемерно, временно; небытие — реально и вечно…» — писал Косенков в дневнике.

Станислав Степанович Косенков — родился 11октября 1941 года в селе Рождественка, Яковлевского района, Белгородской области. В этом селе протекло его послевоенное детство. Война к этому времени уже успела унести одного из самых дорогих Косенкову людей — отца. Война прочно вошла в сердце и разум Станислава Косенкова. В будущем это способствовало созданию серий «Детство», «Стога», «Прохоровское поле».

Рос художник в семье учительницы начальных классов Ефросинии Ивановны Косенковой. Об отце он знал только по фотографиям и рассказам. Тоска ребенка, не знавшего своего отца, красной нитью проходит через все его творчество, и практически во всех его циклах, работах присутствует ребенок, детство которому «улыбнулось лишь краешком губ». Казалось бы, маленький Станислав был простым деревенским мальчишкой, разве что долго смотрел на звезды, знал название каждой травинки и цветочка и дольше всех деревенских мальчишек сидел на берегу реки. В 1956 году он закончил семь классов в селе Непхаево, которое находилось в нескольких километрах от Рождественки.

Первый шаг к будущей карьере художника Косенков сделал еще в школьные времена, когда в Непхаевской школе объявили конкурс на лучший рисунок, Станислав оказался победителем, это его окрылило и способствовало его дальнейшему увлечению художественным ремеслом.

В 1956 году после окончания школы он поступил в Курское художественно-графическое педучилище, где принимает участие в своей первой выставке. Профильной подготовки у Станислава Степановича не было. Первые уроки рисования дал ему солдат-инвалид, который вернулся с фронта в село. Вот с такой «подготовкой» приехал в Курск будущий художник. По рисунку получил отлично, но когда перед ним поставили натюрморт, то он обыкновенной кисточкой для клея пытался «мазать белилами чашку» — как говорил сам Косенков. За его спиной стояли городские ребята, которые закончили либо детскую художественную школу, либо брали частные уроки у профессиональных художников, и хохотали. Обливаясь слезами, Косенков пришел в приемную комиссию и сказал, что не готов поступать, и попросил вернуть документы. Тогда преподаватель, который пожалел деревенского мальчишку, сказал: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Жизнь подтвердила правоту этих слов.

Однажды преподавательница черчения сказала Косенкову: «Славочка, наверное, из тебя получится хороший учитель рисования или черчения, но ты никогда не станешь художником». И в этот день, придя домой, Станислав записал в своем дневнике: «Неправда, художником я все равно стану, обязательно стану!». И вот, спустя много лет, будучи уже семьянином и метром, известным художником, имевшим зо-

лотые медали на международных выставках, отмеченный многими дипломами, Косенков был приглашен на встречу одногруппников. Все рассказывали о тех «высотах», которые они добились в жизни, кто-то стал директором художественной школы, кто-то профсоюзным босом, и когда все высказались и посмотрели в сторону Станислава Степановича Косенкова и спросили почему он молчит, Косенков встал, улыбнулся и сказал: «Моей дочери сегодня исполнился ровно год, и я счастлив!».

Станислав Степанович Косенков не любил рассказывать о своих достижениях, он просто занимался любимым делом. В тот же вечер на встрече одногруппников художник увидел ту самую учительницу черчения, она подошла к Косенкову, поклонилась в пояс и сказала: «Славочка, прости меня старую за то, что я тебе тогда такое сказала!». Но художник поцеловал ей руку и ответил: «Напротив, это был толчок, чтобы я под действием ваших слов сделал все, чтобы стать художником!».

Творческий потенциал и индивидуальность рано проявились в характере Косенкова. Он очень любил читать, всю жизнь собирал книги и пластинки. Продолжил свое обучение Станислав Степанович в Харьковском художественно-промышленном институте на отделении графики у В. Д. Ермилова и М. З. Фрадкина, куда поступил в 1962 году. Дипломные работы Косенкова попали на Всесоюзную выставку дипломных работ выпускников художественных вузов в городе Москве в 1967 году — в год окончания учёбы. Его дипломная работа носила название «Интернационал».

В начале своей творческой биографии он работал на худграфе Орловского педагогического института. В основе его педагогической практики лежал незыблемый принцип: учить делом, а не словом только. В решении постановочных задач педагог участвовал сам. Он был тут, рядом, со своим мольбертом, обучающе-рисующим. Может, пройдя подобную «школу», некоторые из них потому и вошли в большое искусство? Среди них: Любовь Фроликова (живописец), одна из ведущих художников Таджикистана; Анатолий Шишков — один из лучших скульпторов Черноземья; Юрий Орлов (график) — живет и работает в Эстонии; Валерий Комаров — талантливый живописец, живет в Брянске. Но этими фамилиями, кто прошел «косенковскую школу», список не заканчивается.

Все это — грани творческой и гражданской сущности Косенкова, каждая из которых высвечивается своим огнем, иллюминируя преодоление проблемы «ясности своего предназначения и своего пути». Осмысленная художественно-изобразительными средствами, она образовала, в философском развитии, единый смысловой стержень, вдоль которого следует художник, увлекаемый внутренним голосом своего поиска. Все началось, вероятнее всего, еще с его дипломной работы — «Интернационала», где художник стремится средствами искусства осмыслить и показать поиск «своего пути» и «своего предназначения» пролетарских масс.

На выставке В. Козьмина. 1992

Станислав Степанович Косенков является возродителем цветной линогравюры. Увлечение живописью для него не было тем, чтобы оно подмывало берега его полно-

Разговор за чаем.
Фото А. Дорогана

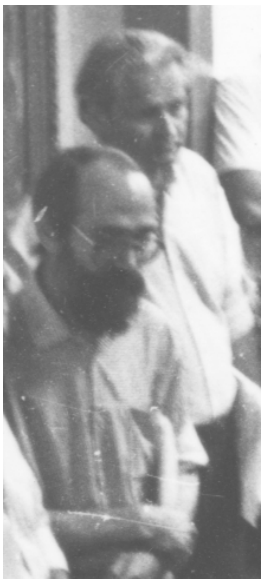
водной реки — предпочтительность и повышенный интерес к такой демократической технике как графика. Занимаясь живописью, он ставит определенные задачи: понять эмоциональную силу цвета, его конструктивно-созидательные особенности, проникнуть посредством цвета в глубинную суть окружающего мира. Постановка таких задач привела Косенкова, по наставлению его учителя В.Д. Ермилова, который считал: для становления художника необходимо «пропитаться» живописно-изобразительными достижениями таких величин XIX века как Поль Гоген, Ван Гог и Сезанн — к овладению методом и тайнами их искусства. Когда обращаешься памятью в далекий 1963 год, во многом переломный для художника, — в художественном образном мышлении, в его мировоззрении, в отношениях к многообразному проявлению мира, — то вспоминаешь работы — «Георгины в вазе на синем фоне», «Подсолнухи в полосатой вазе на сине-зеленом и голубом», «Георгины в стеклянной вазе на желтом фоне», «Капуста на нашем огороде», «Сарай летом против солнца» и т.д. Все эти работы, — не единственные в значительном их списке, — обнаруживают исследование художником «тайн цвета», его поведения в различных сочетаниях.

Когда сегодня мы одним разом пытаемся охватить более чем тридцатилетний период его творческой деятельности, чтобы осознать и понять тайны нечеловеческой работоспособности, поступательного восхождения его к глубинам и вершинам искусства, то с необходимостью надо признать, что истоки его — в далеком детстве, в тех обстоятельствах жизни, где он складывался как художник, в его природной одаренности — трудиться до самозабвения.

«Особая психологическая острота» — таится в свойственной Косенкову недоговоренности. В линогравюре «У калитки. Ожидание», например, зритель не видит всей сцены проводов отца на фронт. Ее попросту нет здесь. Художник не показывает ее. Но он прибегает к изображению убедительно говорящих об этом деталей: к зрителю обращена спиной женщина, которая готовится стать матерью; на перекладине покосившихся ворот полотенце, вздымаемое ветром в сторону ушедшего за горизонт солдата; он ушел внезапно — топор в недоструганном бревне продолжает, кажется, дрожать; по опустелому двору ветер гонит стайку сиротливых стружек.

Большое внимание художник уделил работам, посвященным роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Достоевский «пришел» в жизнь Косенкова совершенно случайно, это было задание Воронежского книжного издательства. В первый раз прочитать Достоевского Косенкову пришлось в 29 лет, художник нашел, насколько близко ему творчество писателя. В 1969 году приступил к работе над «Преступлением и наказанием» Ф. М. Достоевского. Узнав о конкурсе в Лейпциге в 1971 году, который назывался «Искусство книги», Косенков отправил свои иллюстрации к «Преступлению и наказанию», которые не могли оставить равнодушными членов жюри. За свои иллюстрации художник получил в 1971 году золотую медаль.

Косенков принимал участие во многих выставках, был отмечен дипломами и награжден медалями. Все больше и больше появлялось поклонников творчества Ко-

Соратники

сенкова. Косенков очень любил Достоевского, его восхищение им изложено в дневниках художника: «Господи! Достоевский! Какое он наслаждение мне доставляет каждой своей фразой, словом, буквой даже! Он — мой, или я — его до мозга костей, и в этом — все. Как страшно иногда увидеть себя, также страшно погружаться в Достоевского». *Из дневников (7.05.1980)*

В 1987 году Косенков приступает к работе над циклом «Детство». В этой серии художник как будто объясняется со зрителем с помощью символики. Работы из цикла «Детство» исполнены эхом войны, безотцовщиной, болезнями, смертями, горем. Серия «Детство» моя любимая, она, как нельзя лучше, раскрывает всю правду жизни военного и послевоенного времени. В них ничего не приукрашено, они глубоко проникнуты людскими бедами.

Началом создания этого цикла были иллюстрации к повести Е. Дубровина «В ожидании козы», подтолкнувшие художника к осмыслению судьбы детей, родившихся от тех, кто погиб на фронте и чье детство, как и его собственное, было «помечено» фугасом Великой Отечественной войны 40-х годов 20-го столетия.

В поиске нравственных ответов в классике, Косенков обращается к поэзии Пушкина. В 1984-87 годах художник работает над созданием иллюстраций к «Руслану и Людмиле». По словам самого художника, если человек «осознал в себе самую малую толику Пушкина», он «начинает поверять в жизни все содеянное им самим и творимое другими».

Косенков три года проработал над «Русланом и Людмилой». Можно только представить степень его погружения в эпоху, в плоть и дух поэмы, в пушкинское письмо. Станислав Косенков был очень богат духовно, это выражается во всех его работах, в облике, в его речи и даже в предметах, окружающих его.

Давайте рассмотрим их повнимательнее. Мастерская автора — место, где он проводил так много времени. Впервые побывать там мне довелось года три назад, в то время там проводилась выставка цикла «Детство», наверное поэтому эта серия так полюбилась мне и произвела на меня колоссальное впечатление своей глубиной и искренностью. Поразила меня и сама мастерская. Несмотря на то, что была дождливая, серая осень, комнаты ее были залиты светом, показалось, что, поднимаясь на десятый этаж дома, где находится музей, поднимаешься с земли на небеса. Находясь в музее, наполняешься какими-то возвышенными чувствами, погружаешься в творческую атмосферу, в ней так тихо и спокойно, все предметы напоминают о художнике. В углу, у окна, расположен стол с кистями, углем, краской, множеством каких то свертков, рядом стоит мольберт, к которому, казалось, вот-вот должен подойти художник и начать рисовать. На полу стоит ваза с желтыми цветами, которые всегда находили место в мастерской. В другом углу комнаты стоит старое пианино, а рядом с ним подставка для нот, на ней лежит роза, сухая увядшая роза, которая никогда больше не сможет распуститься. Увядшая, но притягивающая взгляд, не оставленная без внимания, она чем-то символизирует Косенкова.

Множество картин, висящих на стенах, поражают своим глубоким смыслом. Одна из самых любимых мною работ — это картина, созданная Косенковым в 1988 году «Трава забвения». На ней изображена кровать, поросшая высокой травой, выкинутая за ненадобностью, отслужившая свой век, старая, забытая. Среди стихотворных произведений моего отца Николая Грищенко, мне запомнилось стихотворение, близкое по духу картине Косенкова и носившее такое же название. Смотря на эту картину, в голове невольно всплывают эти строки:

К 60 - летию со дня рождения С.С. КОСЕНКОВА

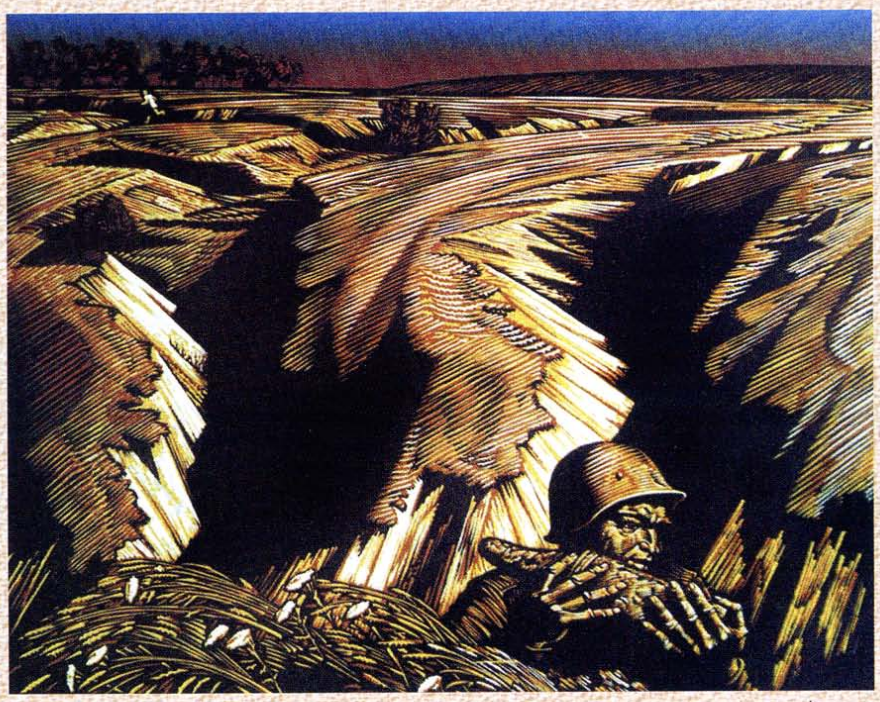
Музей - мастерская Станислава Косенкова
Витраж В. Ситникова

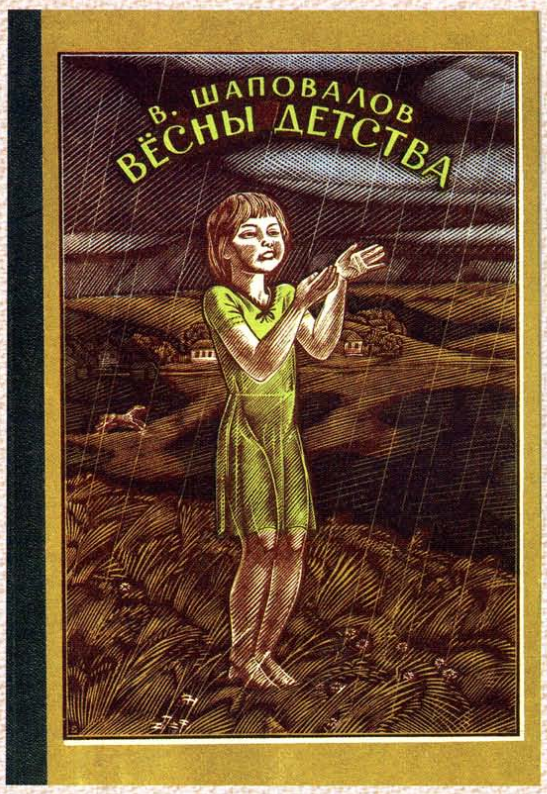
Уголок музея - мастерской Ст. Косенкова в Белгороде

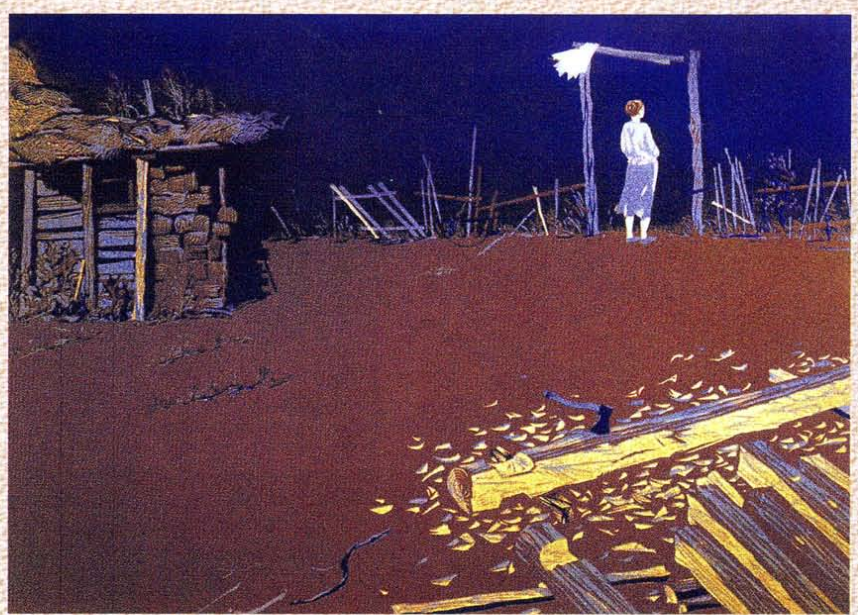
Бой Руслана с Головой. Из серии илл. к сказке - поэме А.С. Пушкина “Руслан и Людмила”

Эхо войны. Из серии “Прохоровское поле”.
Цв. линогравюра. 1985 г.

Книга В.М. Шаповалова “Вёсны детства”
в иллюстрациях С.С. Косенкова

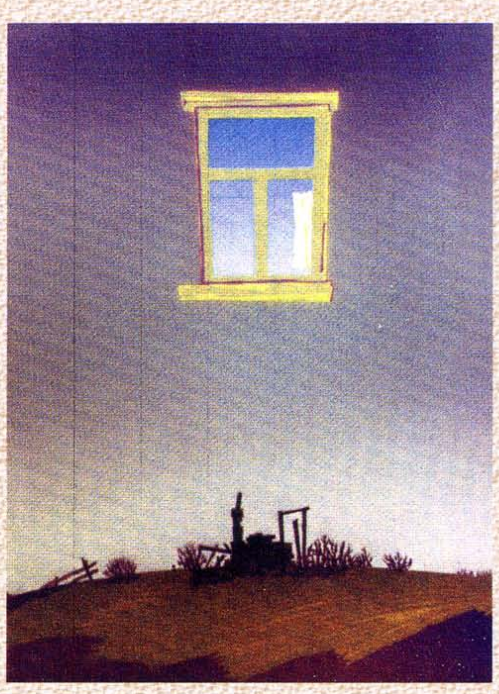
У калитки. Ожидание. Из серии “Детство”.
Цв. линогравюра. 1976г.

1941 год. Из серии "Детство".
Цв. линогравюра. 1976 год.

Утрата. По мотивам повести Е. Дубровина "В ожидании козы".
Цв. линогравюра. 1976 год.

Память. По мотивам повести Е. Дубровина "В ожидании козы".
Цв. линогравюра. 1976 год.

Трава забвения, жестокая трава,
Она растет, не ведая печали.
Она не помнит горькие слова
И ни за что уже не отвечает…
Она права, по-своему права,
Когда растет над отшумевшим миром,
Когда опять по- новому жива,
И мы остановить ее не в силах…
Она укрыла старые кресты,
Она укрыла старые могилы
И скоро образует здесь пустырь…
И мы остановить ее не в силах…

Жизнь Станислава Косенкова оборвалась в расцвете творческих сил 26 марта 1993 года. Словно предчувствуя недоброе, он ночью стучался в двери областной больницы, но ему никто не открыл. Утром его нашли мертвым во дворе этой больницы.

Работа над «Русланом и Людмилой». 1986
Фото А. Дорогана

Трава забвения никогда не покроет могилу великого художника, имя которого навсегда останется в наших сердцах, тепло его рук будет согревать наши души, ярким пламенем озаряя их и неся миру Свет.

Изучая жизнь и творчество Станислава Косенкова, я поражалась его огромной трудоспособности. За несколько десятилетий, им было создано большое количество работ в живописи, рисунке, графике, линогравюре. Всё это говорит о его творческой незаурядности, полифоничности, умении вживаться в создаваемые образы и доносить до зрителя глубокий философский смысл земного существования.

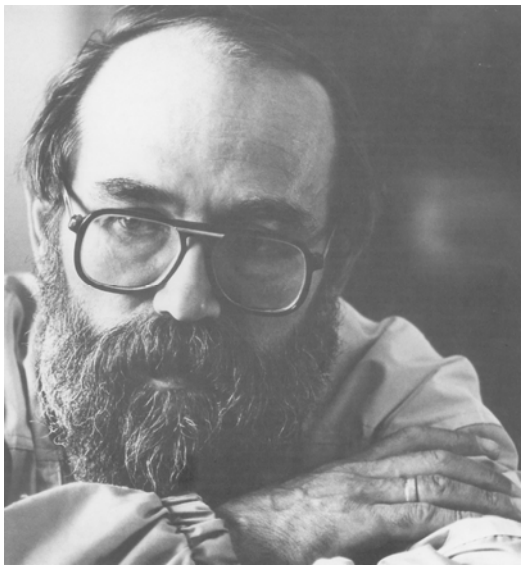
Он писал и с натуры — портреты, натюрморты, пейзажи, и широко пользовался воображением, особенно при создании иллюстраций к Достоевскому и Пушкину, чего стоят только одни его неповторимые иллюстрации к «Руслану и Людмиле». А какого труда стоит создание линогравюр, когда художник по суткам не отходил от своего печатного станка, создавая свои шедевры.

Станислав Косенков много занимался самообразованием, что очень помогало ему при создании своих оригинальных работ. Изучив опыт мировых и отечественных художников, он создал свой неповторимый, косенковский стиль и его не спутаешь ни с каким другим. Всё это говорит о том, что Станислав Косенков незаурядная личность и выдающийся художник не только Белгородчины, но и всей нашей страны. Недаром некоторые его работы приобретены лучшими музеями России, в том числе и Третьяковской галереей. Я уверена, что творчество художника будет радовать своей образностью и яркой изобразительностью не только нас, но последующие поколения, которые будут изучать по его картинам историю жизни своих предков.

Евгения ГРИЩЕНКО

По итогам Всероссийского конкурса «Моя малая родина», который проходил в Москве с 24 по 29 апреля 2006 года, первое место в номинации «История родного края» присуждено учащейся 11 класса белгородской гимназии № 3 Евгении Грищенко. Второе и третье места присуждены учащимся из Башкирии и Карачаево-Черкессии.

НУЖНА ВЕРА В СВЕТ

«Нужна вера в свет…» — эта четкая пронзительная фраза принадлежит одному из трагических художников земли Белгородской С. С. Косенкову.

Под впечатлением от прочитанных стихов поэта С. Минакова С. Косенков сказал: «В любом трагическом должна просвечивать надежда. Мы (художники, писатели — **С. М.)** не должны толкать человека к краю пропасти…Сколько дерьма на земле, каждый знает и так. Нужна вера в свет…Я вот резал, резал надломленных мальчиков в черно-белой линогравюре — все не то. Перешел в цвет — все заиграло, преодолелось гармонией, пением цвета. Цвет дал второй план, мажорный… Не надо насилия над собой: все должно быть естественно, как в игре детей, как у Велемира Хлебникова — сегодня так, завтра иначе, как Бог на душу положит… Сверхконцентрированность эмоций не нужна — она жжет, но мешает. Такая причастность поверхностей отстраненного рассматривания предмета, надо стараться вглядываться поглубже. Как у Пушкина — спокойный «розыгрыш» темы, а потом — остро, всплеск, и опять — плавно. Так в восточной культуре — самоценен предмет в пустоте…» (Станислав Косенков. Альбом. Белгород, 2002, с. 4).

Судьба подарила мне 10 лет близкого общения и сотрудничества с этим удивительным человеком. Воспоминания о нем, его заветы и заповеди, анализ творческого наследия, перечитывание книг, которые он иллюстрировал — это огромное духовное богатство, обращение к которому наполняет Душу зрителя особым Светом. Станислав Степанович часто повторял: «Настоящий художник должен бояться быть вульгарным». Он как молитву повторял 5 критериев, по которым в Японии оценивали неудавшуюся работу:

вульгарный ритм,
вульгарная кисть,
вульгарный цвет,
вульгарный рисунок,
вульгарный человек-художник.

Когда мне приходилось со студентами художественных специализаций БелГИК делиться этими воспоминаниями о художнике, меня всегда поражала реакция молодых людей. Сдержанный и предельно скупой язык графики С. Косенкова, его сложный и глубокий мир философских ощущений притягивает и завораживает студентов как с аналитическим, так и синтетическим типами восприятия.

Трудно себе представить на бытовом уровне, как можно оставаться предельно собранным, четким, выразительным и точным создав 6,5 тыс. работ?! С. С. Косенков в совершенстве владел многими техниками: линогравюрой (цветной и черно-белой), офортом, литографией, ксилографией, монотипией, рисунком, сангиной и т.д.

Закрытие выставки С. С. Косенкова. Благотворительный аукцион в Фонд культуры. В. Н. Колесник, Я. И. Косьминов, С. С. Косенков. 1987

Станислав Степанович никогда не дарил людям не совсем удачно получившийся оттиск. Даже если едва заметно смазанной оказывалась маленькая линия, он лист уничтожал. Он дорожил своим именем настоящего профессионала.

Произведения С.С. Косенкова — это образцы предельно ясной композиции, четко выверенного рисунка и глубоко прочувствованного и выстраданного образа. Он всегда хотел быть в искусстве точным и убедительным. Его любимый художник Жан Франсуа Милле писал: «В искусстве человек должен сосредоточиться на одной главной мысли, найти для нее убедительное выражение, выносить ее в себе и передать другим с такой точностью, с какой чеканятся медали».

Иллюстрации С. Косенкова к произведениям А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, А. Прасолова, Е. Носова, В. Шаповалова, цикл «Детство», серии линогравюр «Прохоровское поле», «Память», «Чернобыль России — деревня», работы, посвященные М. С. Щепкину, В. Ф. Раевскому, Н. В. Станкевичу и др. восхищают и поражают именно чеканной ясностью и философской наполненностью образов.

С. Минаков писал: «Его кредо — вхождение, введение читателя в пространство, эмоционально-психологическую атмосферу книги, в эпоху. Он лишен в своих работах-иллюстрациях въедливой скрупулезности. Он всегда точен в передаче общего состояния, тональности». Глубокое знание художником эпохи и изображаемых им людей всегда позволяли избежать размытости образных представлений.

В дневнике 1.01.1975 С.С. Косенков записал: «Идея не идентична изображению, которое вызвало ее. Идея, содержание должны играть роль факта в изображении (почему изображен мальчик, а не старуха). Изображение же обладает своей собственной идеей и содержанием, которые гораздо важнее первоисточника (исходной идеи). Здесь в силу вступает философия изобразительной формы, которая в сочетании с сюжетом (анекдотом) создают совершенно свое, новое содержание. Поэтому художник должен мыслить линией, пятном, цветом и всеми другими изобразительными средствами, чтобы добиться пластического содержания. Все словесные идеи, образы надо выражать в соответствующей им литературной форме».

В одном исследовании о С. С. Косенкове читаю: «Будучи художником большого таланта, Станислав Косенков чувствовал и понимал необходимость насыщения своего искусства нравственным содержанием». (Н. И. Шевченко «Нравственная и философская определенность творчества С.С. Косенкова. // Социокультурная динамика региона. Вып. 2. Белгород, 2003, с. 116).

Не могу понять, но, «что-то» меня зацепило и больно ранило в этой фразе. Слово «талант» отдельно, «искусство» отдельно, «нравственность» отдельно. «Надо насыщать….». У кого-то может быть и так, но не у Станислава Степановича. Он был нравственным человеком, с высокими духовными ориентирами, которые и помогли стать художником такого масштаба, реализоваться как творческой личности. Ему не надо было «насыщать»… Он был органичен. Душа Косенкова, это Душа, взыскующая Красоту. Он стремился к этой Красоте, он страстно хотел и пытался гармонизировать свой мир, несмотря на «свинцовые мерзости жизни». Он стремился к Свету, потому, что он для него и был ощущением Красоты.

В одной из записей дневников 8.01.1976, когда художнику было 35 лет, он поражает своей зрелостью и мудростью: «Не надо стремиться к цельности в работе, ибо такое стремление закончится чисто формальной организацией листа. Нужно просто быть цельным во всем, это должно быть сплавом: жизнь, работа, искусство».

О. Воронова, рассуждая о причинах заметности косенковских линогравюр, писала в журнале «Юность» (№ 12, 1979): «В чем дело? Думается, что в глубине и серьезности чувства и мысли художника, в своеобразии его интонации, в самобытности героя. Рассказывая о мирном времени, он тоже стремится к непосредственному и ясному восприятию жизни, тоже старается говорить только о главном, основополагающем. О красоте и чуде жизни, о прекрасной своей любви к отчей деревне, к родине, о невозможности жить без нее».

Вся жизнь Станислава Степановича Косенкова — это стремление к Свету.

Казалось бы раннее заслуженное признание должно было стабилизировать жизнь художника. За цикл работ к «Преступлению и наказанию» он дважды в 70-х годах в Брно и Лейпциге получает золотые медали на биеннале книжной графики. В 1973 г. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина приобретает 5 иллюстраций С. С. Косенкова к «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского.

Другой художник мог бы почивать на лаврах и используя свою творческую книгу добиться социального успеха, стать функционером в культуре и т.д.

Но Косенкова волнует другое. «Как мало кругом простоты и величия, немного его и в искусстве. Преобладает суета и мелочность перечисления, приобретение ценности за счет массы потребностей… Активность, направленная вне себя — это выстрел сразу во все стороны. Нужно погасить в себе всякое желание действия, чтобы найти единственно необходимое действие», — пишет он в дневнике, посещая свою малую родину с. Рождественка 6.08.1974 г.

Единственно необходимое действие, по Косенкову, — это поиск Света и вера в него. О хрупкой грани между жизнью и смертью Станислав начинает задумываться еще в детстве.

Когда-то о средневековом живописце Су Ши, изображавшем скалистые пейзажи, его современники говорили: «Резкие очертания и складки этих скал — словно морщины горя, накопившегося в его душе». Так же можно было бы сказать и о графике С. Косенкова, которая посвящена теме Великой Отечественной войны. Война рвется из глубины ранних, детских впечатлений, ставших частью его личности. Он родился через 3 месяца после начала Великой Отечественной войны. Мать Станислава — Ефросинья Ивановна Косенкова ехала в телеге из села Киселево в село Рождественку (ныне Яковлевский район). По дороге в селе Сажное у нее начались роды. 11 октября 1941 родился будущий художник. Позже одной из знаковых работ в творчестве Станислава Степановича станет баллада о русской телеге. И в этой серии линогравюр, и в листах «В начале судьбы» и «1 сентября 1943» из серии «Жизнь про-

жить», и в цветной линогравюре «Домой» из цикла «Детство» с особо щемящей нежностью и грустью воссоздается светлый образ матери, прекрасной русской женщины. Всмотритесь в черты учительницы, которая ведет урок в разрушенной сельской школе. Это она — статная, гордая, сдержанная, мудрая и добрая — Ефросиния Ивановна Косенкова. Она так и не вышла больше замуж. Так всю жизнь и осталась верна памяти своего мужа Степана Егоровича Косенкова, погибшего в первые дни войны, в 24 года от роду.

Встреча с С. С. Косенковым в школе № 40. 1989

Как-то в школе № 40 г. Белгорода на встрече с художником одна девочка задала С. С. Косенкову вопрос: «Почему у Вас часто встречается образ мальчика, всматривающегося вдаль или стоящего в ожидании у калитки?» После мучительно затянувшейся паузы С. Косенков ответил: «А я и сейчас жду своего отца». Это было в 1990 году. Художнику было 49 лет. Но именно «с рождением вошло» «от тела матери тепло, от рук отца — бездомный холод…» Может именно этим объясняется секрет пронзительной точности иллюстраций стихотворений А. Прасолова. Тема войны никогда не покидала художника. Но не сама война как бойня, а ощущение войны как страдания стариков, сирот и вдов, чьи души опалены ее огнем, а хрупким Светом надежды озарена мечта о том, что отец вернется… ведь пропал без вести…

Трепетная и нежная любовь С. Косенкова к матери и подвижнический труд Ефросиньи Ивановны — это особая страница в биографии художника. В трудные годы Ефросинья Ивановна, работая сельской учительницей, смогла дать сыну хорошее образование. Она стремилась всегда быть рядом с ним и в горестях и в радостях. Умела особым материнским чутьем распознавать самые сокровенные переживания. Могла брать на себя всякие хлопоты и заботы. Облегчала его страдания от непонимания и нелюбви некоторых окружающих. И только волею судьбы не смогла быть с ним рядом в те роковые дни холодного марта 1993 года. Она не смогла надолго пережить его. Он был ее Надеждой, Верой, Славой и Любовью. Без него все потеряло смысл для нее в этом мире. Он для нее был Светом. Светоносность образа матери неотделима от темы малой родины в творчестве С. С. Косенкова.

Любимая и дорогая сердцу художника Белгородская земля воспета во всей красе ее оврагов и полей, деревьев и трав, человека и братьев наших меньших. Удивительно, но никогда в работах мастера нет одинаковости и однообразия при изображении деревьев. Трактовка деревьев в сериях «Жизнь прожить», «Контрасты», «Чернобыль России — деревня» и т.д. поражает своей нервной, вибрирующей фактурностью, волнистостью и узловатостью контуров, ощущением особой внутренней напряженности и символичностью. А. Прасолов писал: «Я услышал: корявое дерево пело». Станислав Косенков сумел донести до зрителя и эту песню и «листа несорванного дрожь», и стоны нашей многострадальной земли. Наверное, не случайно, что одним из знаковых портретов художника является портрет-символ, где человек телом своим, плотью, сутью словно перетекает в ветвистую и шершавую фактуру дерева.

Станислав Степанович поражает и восхищает различными подходами в раскрытии темы малой родины. Неторопливый, спокойный ритм движений. Пластичны позы, плавны и размеренны жесты героев поэмы В. Шаповалова «Медвяный звон». Используя классические приемы мировой графики, С. С. Косенков обращается то к твердому и к плотному штриху, то уводит зрителя в легкий как бы сходящий на нет

В. Колесник и В. Шаповалов. 1989

мир линий. Этот мир завораживает и околдовывает. Он органично сливается со стилистикой поэмы «Медвяный звон» и зачастую помогает читателю зримо ощутить всю прелесть наполненного медвяным звоном дня. У художника потрясающая способность простой жизненный мотив отразить так, что он воспринимается как большое философское исследование о судьбе простого человека, который ухаживает за пчелами, возделывает хлеб, учит в школе детей и т.д.

На юбилейном вечере, посвященном 70-летию писателя Шаповалова, вдова художника А. К. Косенкова вспоминала, как впервые писатель пришел в мастерскую художника. «Это было еще в старой мастерской, на Фрунзе, 5. Когда Владислав Мефодьевич вошел, снял свой тулупчик, у него было необыкновенное лицо… Я увидела человека, с невероятным трепетом и благоговением переступившего порог мастерской художника. Этот человек и сам художник. Когда я прочла его книги, я поняла, какого это уровня творец, писатель. Подбирая музыку к Славиным работам для передачи о нем, я думаю, что к иллюстрациям «Медвяного звона» точнее всего подходит Рахманинов. Он также прямо и просто выражает свое отношение к природе, к земле, как это делаете Вы, Владислав Мефодьевич!.. За Славу Вам спасибо. За то, что Вы его понимали и были рядом. Он был невероятно сложный в жизни и творчестве человек». В ответ на эти слова Владислав Мефодьевич с болью выдохнул: «Я когда вспоминаю Косенкова, всегда плачу». Это не только боль утраты, но и боль за то, что все мы его не уберегли…

«Медвяный звон» В. Шаповалова в иллюстрациях С. Косенкова для меня — чтение на все времена. С любой страницы, в любом душевном состоянии эта проза врачует. Будь то горе, отчаяние, тоска, тревога, святая грусть или ожидание покоя, предчувствие тишины и тихой радости — все равно в этом произведении найдешь особый эмоциональный отклик и мудрый Свет, полученный то ли вербально, то ли на невербальном уровне. Да для читателя это и не столь важно. Важно, что душу эта книга исцеляет, как молитва.

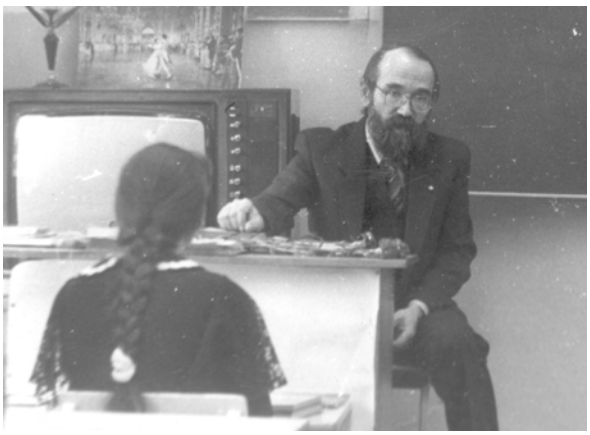
Как-то в очередной раз взяв с полки любимую книгу, поразилась тому, что имена ее создателей однокоренные. Владислав — владей Славой. Станислав — стань Славой. В каждом имени звучит как приказ: «Владей!» и «Стань!». Оба они его выполнили: достигли славы, владели ею и стали славой земли Белгородской.

Другое дело, что нам, землякам, величию духовных дел этих людей трудно соответствовать в наше суетное время, да и не всегда мы помним, что живем в лучах их славы, в ее духовном поле.

Спасибо, что в городе появился памятник С. Косенкову, выполненный его учеником, заслуженным художником России А. А. Шишковым, что работает уникальный музей-мастерская, возглавляемый вдовой художника А. К. Косенковой, а также просветительской деятельностью занимается частное издательство В. Шаповалова и к Свету зовет его «Звонница».

Анализируя работы мастера из серий: «Детство», «Стога», «Прохоровское поле», поражаешься эмоциональной и знаковой силе цвета.

Присутствие синего, голубого, фиолетового, а также золотого наталкивает на мысль о том, что насмотренность и начитанность художника помогли ему аккумулировать духовно-религиозные смыслы русской иконы и осмыслить семантику цвета ее и условный язык.

«Я и сейчас жду своего отца...» 1990

В русской иконе голубой цвет символизирует мир ангельский. Синий и голубой цвета — символы иного вечного мира, рая, приюта души человеческой, цвет неба, где в багре и синёте Бог пребывает. Темно-вишневый цвет — любовь. Следует заметить, что вишневый цвет получается благодаря соединению двух цветов — красного и фиолетового, т.е. это соединение начала и конца спектра. Вишневый цвет в русской иконе означает Христа, который являет нам начало и конец всего сущего. «В Иисусе Христе эти противоположные миры соединяются, как соединены в нем две природы, божественная и человеческая, ибо он и есть совершенный Бог и совершенный человек», — пишет И. К. Языкова, преподаватель общедоступного православного университета. Не это ли ответ на вопрос: «Почему в цветных линогравюрах, посвященных воспоминаниям о детстве, много голубого и синего цвета, переходящего в фиолетовый?!» Здесь невольно вспоминаются слова М. Волошина, который в работе «Чему учат иконы» пишет: «Лиловый цвет образуется из слияния красного с синем. Лиловый цвет, цвет молитвы, противополагается желтому — цвету царственного самосознания и самоутверждения. Оранжевый, дополнительный к синему, является слиянием желтого с красным. Самосознание в соединении со страстью образуют гордость. Гордость символически противопоставляется чистой мысли, чувству тайны. Если мы с этими данными подойдем к живописным памятникам различных народов, то увидим, как основные тона колорита характеризуют устремление их духа».

Неслучайно образ неба — один из ключевых образов у Косенкова. И не просто небо, а небо Родины. Оно и голубей, и прозрачнее, и вселяет веру и надежду. Оно пронизано Светом. В русской иконе золотой цвет — это божественное сияние. Видимо поэтому умиротворяюще голубым и золотым звоном наполнены Косенковские воспоминания о детстве.

Пусть детство обездоленное, голодное, но это золотая пора в жизни. Космизм мироустремлений этих работ поражает своей одухотворенностью, спокойной и благородной простотой и моральной ясностью Косенкова-Человека. Здесь трансформировано земное и небесное, материальное и имматериальное, фактологический материал и мечта… Золото в русской иконе является совершенным цветом Света, который выступает, как и в жизни, трансцендентным творческим началом и объективной, метафизической причиной бытия. Икона писалась светом. Технология иконописания предполагала наложение цвета от темного к светлому.

По воспоминаниям С. Минакова С. Косенков православных иконописцев называл самыми вопиющими формалистами. «Чистейший формальный прием — прямоугольник красного плаща в изображении Победоносца, но как удивительно этим достигается горнее», — говорил С. Косенков. Мне Станислав Степанович неоднократно говорил о том, что форма круга как емкого образа гармонии потрясающе разработана в русских иконописных школах.

Думается, что в творчестве С. Косенкова не было ничего случайного, даже если на первый взгляд выбор цвета может показаться импульсивным.

Но обращаясь к пониманию черного цвета художником, вновь убеждаешься, что выбор цвета покоится на вполне реальных основах. С. Косенков был книжным чело-

Е. И. Косенкова с сыном. 1946

веком. В его мастерской были книги об А. Рублеве, Ф. Греке, Дионисии Феропонтовском и т.д.

Ад, смерть, зло, символ конца, максимальную удаленность от Бога символизировал черный цвет. С точки зрения живописи в нем нет света (цвета), с точки зрения философского осмысления: без божественного света, без духовного начала, без нравственных ориентиров трудно быть в мире. В русской классической иконе символически золото связывали с идеей очищения страданием. Самый драгоценный металл переплавляется и очищается в горниле земли. Некоторые русские философы сравнивают путь от черных монашеских одежд через горнило испытаний к преображению в белое и золотое сияние с путем, который проходит золото по дороге к блеску сквозь огонь истязаний.

Золотой ассист в одеждах ангелов и Богородицы, золотые нимбы святых, золотое изображение Евангелия, Престола спасителя — все это символизировало выражение идей, истин, живущих в Вечности, где нет суетности, текучести и времени.

Всмотритесь в цветную линогравюру С. Косенкова (из цикла «Домой», «Детство») (1974-1976). Она написана Светом. Материальная основа куска линолеума в потоке золота словно растворилась. Так художник изображает свою мать. А рядом образ бабушки, закутанной в темные одежды, подчеркивающее ее благородный профиль.

Золотистый цвет, окутывающий фигуру матери, перекликается с золотым сиянием рубашки ребенка.

Какая-то особая космическая, эфемерная субстанция, манящая и ускользающая, вибрирующая между двумя мирами, запечатлена в этой работе. До комка в горле узнаваем белгородский ландшафт, на фоне которого разворачивается незатейливый сюжет. Мама, бабушка и босоногий мальчишка возвращаются домой. Тонкая линия оконтуренности холма словно та хрупкая грань между прошлым и будущим, которая так рано начала будоражить пылкий ум Косенкова.

Уже в зрелом возрасте, пройдя через моральные и физические испытания, С. Косенков писал: «Ах, если бы кто знал, какое наслаждение испытываешь, когда из черного мрака небытия возникают постепенно бесформенные пятна света, потом части предмета, какой здесь восторг постижения таинства бытия, чувствуешь себя если не Богом, то Создателем!… И в наиболее полной мере испытываешь это таинство созидания именно в гравюре, где все возникает из черного… Это как видение самого Времени: появилось из мрака, улыбнулось краешком губ и глазами, и вновь исчезло… На белом (листе) это все как-то не то. Потому что нет этой светлой, созидающей надежды мрака!» Эта мысль художника в дневнике в апреле 1984. Ему 43 года. Он многого достиг. О его успехах писали, одни земляки им гордились и обожали художника, другие ему завидовали, третьи раздражались от непонимания, что очень «мрачно» и «заумно» он размышляет в своих работах…

Станислав Степанович, как многие на Руси, свою душевную тоску пытается заглушить вином… Много ходило всяких легенд по городу. Зачастую распространяли их и те, которые после смерти художника выдавали себя за его друзей, а при жизни Станислава Степановича при любом удобном моменте использовали этот недуг против человека.

Мне ни разу не довелось его видеть не в форме. Хотя мне Станислав Степанович мог звонить в любое время суток. Мог позвонить и ночью: «Вот завершил работу, зайдите посмотрите, интересно Ваше мнение». И никогда он не звонил мне в *таком* состоянии. Этой темы мы старались не касаться. Лишь однажды, объясняя причину, почему его не пустили в Италию, с тоской сказал: «У меня есть большой грех, я пьющий…». Было это в Фонде культуры, в том первом здании, что на ул. Некрасова. Сидел он возле стены, на которой висел большой календарь с репродукцией иконы «Троица». Он встал, посмотрел на икону и сказал: «Спасибо Всевышнему за то, что Рублева видел в подлиннике», и тихо вышел.

К чести заслуженного художника РФ Г. И. Гритчина надо заметить, что он всегда подчеркивал, что «из всех нас заслуженных, Косенков самый настоящий и большой художник».

Обращаясь к русской классике, к великим мастерам слова, всякий раз поражаешься простоте и ясности мысли.

Анализируя поведение одной из своих пьющих героинь, А. П. Чехов подчеркивает, что это уже «не совсем она, а та мерзость, которая в ней живет…».

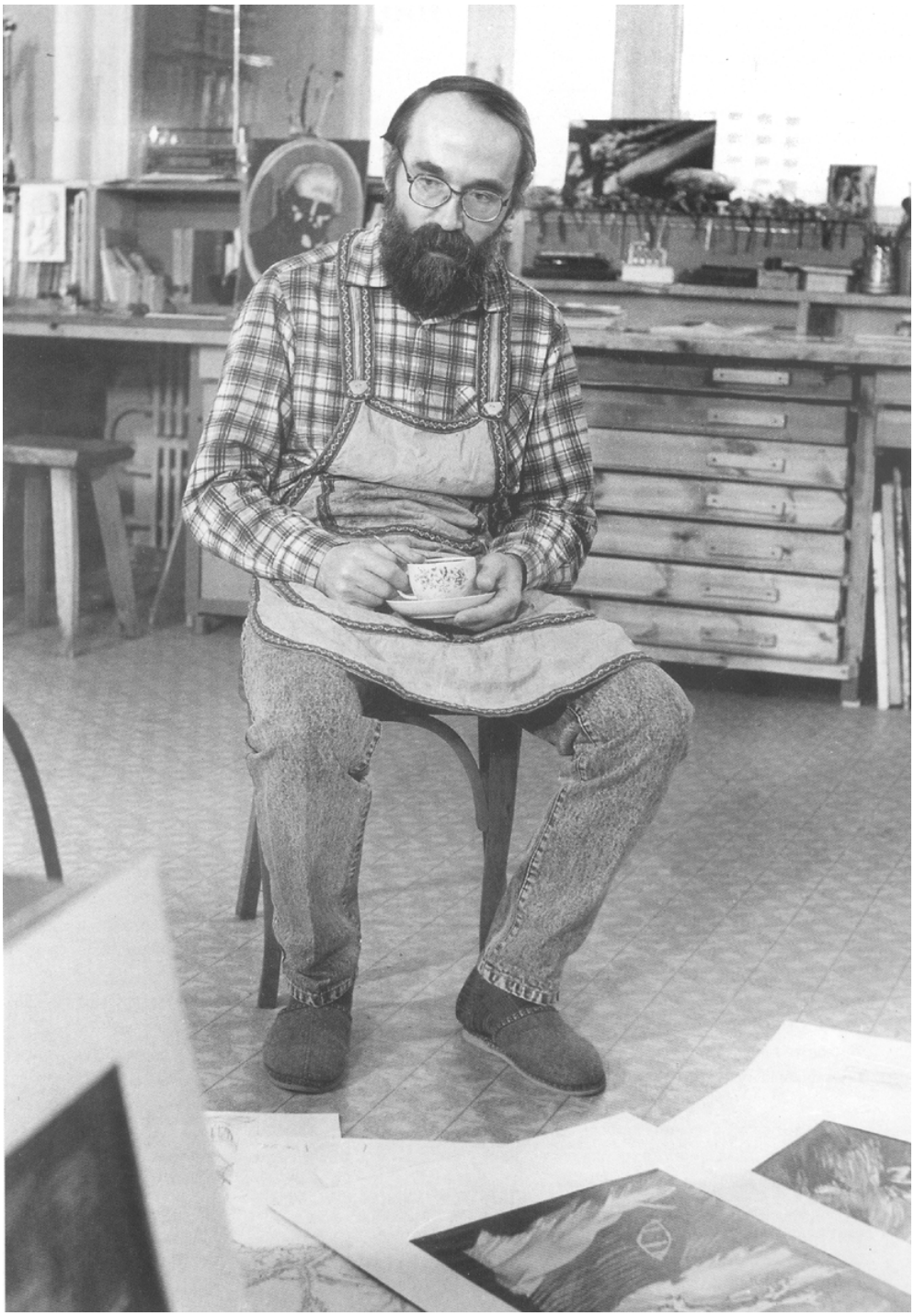
И Косенков был не совсем он, уходя в запой. Все те свинцовые мерзости, которые он как истинный художник в тысячу раз острее воспринимал и пропускал через себя, тянули его на дно, ломали и избивали в кровь… А потом прозрение и покаяние… Тема покаяния в творчестве художника — это трансформация православной ментальности русского рода Косенковых в зримые образы. Не случайно в его работах многократно повторяется образ окна. («Ожидание», «Память», «Утрата» по мотивам повести Е. Дубровина «В ожидании козы», в серии линогравюр к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»…). Окно как око Всевышнего.

Покаяние Раскольникова нужно было не зевакам, на виду у которых он целует землю, оно было необходимо ему для первого шага на долгом пути к духовному выпрямлению через раскаяние…

Покаянным плачем за Чернобыль души звучит серия С. Косенкова «Чернобыль России — деревня». Это покаяние не только его как гражданина. В этих работах он

Обсуждение выставки С. С. Косенкова в областном художественном музее. Рядом с художником Ю. Н. Петинов. 1987

покаянными листами отмаливает все наши грехи… Он берет на себя боль за весь род людской.

А ведь как он хотел мира и покоя. В 1989 г. Станислав Степанович подарил мне книгу стихов А. Прасолова с его иллюстрациями и написал: «Мира на земле и в небе, и в душе человеческой и делах его… Валерии Николаевне от автора рисунков на память о земле нашей сажновской, русской, многострадальной… с добрыми пожеланиями».

Сколько в этих словах устремлений к спокойному и гармоничному бытию и умиротворяющему Свету!

Он был человек с содранной кожей. Как-то на одном из вечеров — встрече с художником я подарила ему букет роз с тысячелистником. Во многих работах художника живет этот цветок. («Цветы» из серии «Контрасты», «Окопы зарастают», «Мой дом», «Незабываемое», из цикла «Детство» и др.).

У Косенкова в мастерской этот букет долго стоял. На мое предложение заварить чай из этих высохших зонтиков, как делал герой книги Шаповалова «Медвяный звон», которую иллюстрировал художник, Станислав Степанович улыбнулся и сказал: «На некоторых зверобой нужен…». Актер Г. Жженов как-то с пронзительной точностью выразил подобные ощущения от злобных действий окружающих тебя людей: «Как они не ведают, что волкодав прав, а людоед нет…».

Прошло 13 лет, как умер «на рассвете в предназначенный час»… Станислав Косенков…

Что ж одним на планете
Стало меньше из нас…

Но с каждым днем и уходящим годом все острее и отчетливее осознается невосполнимость потери… Знакомство с его наследием организовывает и делает человека более вдумчивым, воспитывает чувство законной гордости и уважения к культуре провинции, которая чистым и звонким родником влилась в отечественную и мировую культуру, потому что она наполнена верой в Свет.

Валерия КОЛЕСНИК,
кандидат философских наук

Фото Дмитрия Федосеева

ВОЛОБУЕВ
ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

БЫТЬ ПОЭТОМ
К 50-летию со дня рождения

Наш век трудно назвать золотым веком поэзии, но как это ни покажется странным, писать стихи стали вряд ли меньше, чем сто или двести лет назад. Пишут очень много. Кругом стихи, море стихов… Книги, сборники, рукописи. Стихи повсюду: на страницах журналов и газет, в Интернете… Жадно читая, иногда просто просматривая, в надежде встретить мысль, вопрос, чувство, золотое, драгоценное слово, что укрепило бы, а может и расширило рубежи вселенной своего «Я», увы, читатель зачастую испытывает разочарование. Стихов много, но, видно, мало поэтов. Да, поэтов мало, пишущих много. Впрочем, так было всегда. Не стоит думать, что наше время — это эпоха интеллектуального вырождения. Многочисленное присутствие разного рода творческих экспериментов необходимо в качестве своеобразного балласта, заполняющего собой порожнее пространство единого сложного литературного процесса. Балласт обеспечивает стабильность системы (если в качестве таковой рассматривать литературу) в периоды кризисов и переходов. Кто-то пишет лучше, кто-то хуже, но в общем нужно отдать должное всем, потому что в результате все причастные к этому процессу делают одно большое дело, состоя на службе божественного (то есть непостижимого) — искусства поэзии. И в любом случае, на мой взгляд, здесь никакие старания не проходят напрасно, результат есть всегда. Ведь именно благодаря этим многочисленным усилиям, не смолкает лира, рождая порой из глубин своей возвышенной сути звёзды, что светят нам как маяки в тёмном, бушующем океане познания окружающего нас мира и того мира, что бескрайне простирается в нас самих.

Промелькнуть искоркой на звёздном небосводе литературы, искоркой чистого сотворённого слова, удаётся немногим, а стать заметной фигурой в этом многоликом живом потоке размышлений, эмоций, образов и характеров суждено, пожалуй лишь тому, кто отмечен знаком Провидения. Каждое такое знамение — торжество правды. Правда оживляет отражённый внутренний мир творца и мы, читатели, получаем этот мир как новую возможность существования. Да, да, именно — творца, потому как поэт не тот, кто пишет стихи, а лишь тот, кто творит миры; и это его творчество, которое сливается в целостное мироощущение, олицетворяет в себе всю глубину личности поэта. Лишь такое творчество может быть живым, а потому бесценным, пото-

му как оно само воплощение живой души художника. Можно написать множество разнообразных стихов, но поэтом не быть. При этом даже самые безупречные по всем канонам стихосложения строки останутся мертвыми, лишёнными души. А людям нужны стихи живые, и живые, открытые настежь миры, беспрепятственно общаясь с которыми человек мог бы исцелять и пестовать свою душу.

Родной дом. 1956

Можно ли научиться писать стихи? Пожалуй. Однако нельзя научиться быть поэтом! Говорят, — поэтом нужно родится. Если говорить яснее, это означает иметь талант, если ещё яснее — иметь врождённый поэтический вкус. Многие пишут стихи в юности, но продолжают их писать дальше лишь те, в ком начинает пробуждаться сознание поэта, понимание того, что значит — поэт, понимание и принятие роли, судьбы, участи поэта.

Виталий Волобуев известен многим, причём в совершенно разных *ипостасях*. Для одних Волобуев — скандальная личность, известная своими «похождениями», для других — это философ, имеющий собственную мировоззренческую концепцию, свою точку зрения на извечные вопросы бытия; для третьих — это нежный лирик, для четвёртых — член Союза писателей и т. д. Однако феномен Волобуева в том, что несмотря на такие разные точки зрения, его заслуженное место, авторитет в литературе бесспорно признан всеми теми, кто в разной степени причастен к современному литературному процессу на Белгородчине, не говоря уже о читателях и почитателях его творчества. Да, видимо однажды звёзды встали таким образом над хутором Дружный, что возникла причина рождения нового поэта. Родившись поэтом, Виталий Волобуев тем самым получил дар трансцендентного виденья, которым не замедлил воспользоваться. Говорят, что действие этого дара похоже на то, как будто видишь впереди себя путь, как будто в образе привычной, может быть даже живописной деревенской дороги, уводящей куда-то в прохладный предрассветный туман, где проступают лишь неясные, но узнаваемые очертания чего-то до боли знакомого, родного. И ты идёшь по ней странником зачарованным, увлекаемый постоянно разворачивающейся перспективой, в которой открываются тебе всё новые картины мира, встречаются люди со всеми их заботами, печалями и радостями, и ты уходишь всё дальше и дальше, отдавая по пути всё, что имеешь в душе и принимая всё, что уготовано тебе судьбой и ни чему не удивляешься, потому что знаешь всё наперёд.

Фото Анатолия Волобуева

Отец Николай Митрофанович Волобуев. 1995

Именно способность такого виденья создаёт удивительную гармонию человека в пути. В данном случае, человек и его путь неразделимы в своём величественном единении, и родиться поэтом — значит принадлежать этому пути, никогда не отрекаясь от своего предназначения; даже если однажды, усомнившись, отречёшься, свернёшь куда-нибудь на более твёрдое обжитое местечко, — потом снова встанешь на тот же путь, ведущий навстречу

новым озарениям, потому что невозможно родиться поэтом и не быть им в обычной жизни.

В обиходе поэтом могут запросто назвать человека, который помимо всего прочего, время от времени, скажем, пишет стихи. Что касается Волобуева — это прежде всего поэт, а уж потом всё прочее. Именно поэтому, исходя из своего высокого предназначения, он как поэт правдив в жизни и творчестве перед самим собой и перед людьми. Искренность его творчества — зеркально-естественная, проникновенная, животворная, волнующая, исцеляющая. Именно искренность поэзии Волобуева — простое для одних и совершенно недоступное для других авторов душевное качество, оживляет его стихи. Открытость, внешняя простота и глубоко психологичное, чувственное содержание выделяют автора как уникальную, самобытную личность, органично, неразделимо связанную с самим его поэтическим творчеством.

Фото Бориса Ечина

Мать Евдокия Емельяновна Беседина. 1995

Несомненно, что своей яркой самобытностью Волобуев обязан, прежде всего тем, что он случайно ли, по воле Бога ли родился и вырос в деревне и по сути своей поэт деревенский, народный, знающий и чувствующий деревню в её первозданности, природной мудрости, (граничащей с магическим знанием), и естественной красоте. Волобуев — поэт, понимающий деревню, так, как знали и понимали её во все века люди, чей творческий путь навсегда стал частью нашей духовной культуры. И так же, как не многим удаётся, ему удалось почувствовать и передать в своих стихах всю силу очарования пробуждающейся или увядающей природы, растения или зверя, горячей земли под босой ногой, небесной и речной благодати, жаркого утомлённого бескрайнего поля, рождающего смутную тоску в сердце русского человека, теплоты родного дома, грозной, но всегда отступающей стихии, вьюги за окном, расцветающего по весне сада — всё это многообразие форм, цвета, ароматов, которыми наполнена вокруг живая природа! Он сумел передать читателям всю эту огромную вселенную, где человек — её лишь малая часть, и что величие человека лишь в том, что он способен осознать себя и эту свою причастность.

Творчество Виталия Волобуева неразрывно связано с его малой родиной; местом, где он родился, где впервые осознал себя поэтом. Свой творческий путь начал ещё со школьной скамьи. Писал много, легко и естественно просто.

Дождь идет, и я иду,
Сочиняю на ходу.
Капли прыгают в руке,
В каждой капле — по строке!

Пройдёт время до той поры, когда Виталий осознает себя поэтом. Он принимает свой поэтический дар не только как знак избранности, но и как ответственную личностную позицию. Однако высокая степень органичности поэта не позволяют ему в точности определить: решает ли он стать поэтом или это сама муза делает его своим избранником, посланцем добра и света. Для самого Волобуева второе кажется более верным, чем первое. Зачастую, когда человек уже выбрал путь, он всё равно неизбежно испытывает определённые сомнения, колебания, трудности самоидентификации, здесь же, всё несколько иначе. Несмотря на существующее противоречие извечного «Быть или не быть», отголоски которого слышны в поэзии Волобуева, он всегда выбирал это ясное как белый день слово — БЫТЬ!

Однажды, я спросил Виталия:

— Скажи, Виталий, было ли у тебя когда-нибудь сомнение в правильности выбранного пути?

— Конечно было, — ответил он тогда, слегка наклонив голову, задумавшись. Потом усмехнулся в бороду: — Вот только выбор мой… Выбор ли? Ведь если не стихи, то что?

Я понял, что в отличие от многих, однажды «решивших» писать стихи, Виталий связан с поэзией неразрывно, также как и его стихи невозможно отделить от личности самого поэта. Они — продолжение его души, а душа его неразделимо связана с милой сердцу родиной.

И я судьбы такой не променяю
На жизнь иную, в духоте столиц,
Здесь каждую травинку понимаю
И вижу небо в зеркале криниц.
И вижу лишь единственно возможной
Свою судьбу в дороге полевой,
Да в васильке в канаве придорожной,
Да в чьей-то песне там, над головой.

«Чья-то песня» над головой звучала и звала; и, внимая этой небесной, возвышенной музыке, поэт невольно отрывался от земли, а заодно от жизни простого сельского труженика. Его стихи, полные тонкого чувствования родной природы, глубокого понимания человеческой души, полные созерцательности и проникновенности возносили поэта над полями, где грохотал его трактор, туда, откуда, радуясь весеннему небу, лилась звонкая песня жаворонка.

Зальется ли где жаворонок,
Комбайны ли где зашумят…

«Песня жаворонка» — первая, увидевшая свет книга поэта. В ней уже звучит главный аккорд всего творчества Волобуева — душевные переживания человека, обречённого судьбою на долгое странствие в поисках однажды утраченного *блаженного* мира. Первые стихи Волобуева наполнены ожиданием этого пути, ведущего к неизбежным переменам в жизни поэта.

Верится, верится, верится —
Жизнь моя скоро изменится,
Кроме больших перемен,
Мной ничего так не ценится.

Ожидание пути; начало пути; путь… Каждый человек проходит эти этапы в своей жизни. И от этого никак нельзя ни уменьшить, ни увеличить великого значения жизни каждого человека, потому что невозможно ничем измерить глубину и силу его переживаний на этом пути и у каждого человека они свои собственные. И так же, как у каждого из нас в душе живёт светлый и чистый живительный путеводный родник, в душе поэта живёт, раскинувшись среди полей, его зелёный полустанок.

Книга стихов **«Зелёный полустанок»** — новый этап в творчестве поэта, раскрывающий новые грани его таланта. В этот период жизни Виталий разрывается между городом и селом. В городе друзья, работа, а в селе продолжала жить его душа.

Привет, зеленый полустанок,
Среди распахнутых полей,
К тебе, издерганный, усталый,
Я возвращаюсь поскорей.
……
И вот — калитка, дуб старинный,
Скамейка с формулой любви,
Сажусь — и путь окончен длинный,
И воробьи кричат — живи!

В то время ещё было достаточно просто вернуться, чтобы «путь окончить длинный», можно предположить, что **непосредственная** связь с духовным истоком в то время ещё не была утрачена навсегда. Пройдут годы, до той поры, когда поэт, окончательно оторвавшись, устремится в иную жизнь. Нельзя сказать, плохо это или хорошо — это неизбежно, так же, как, рождаясь, ребёнок неизбежно покидает материнскую обитель, получает автономию и утрачивает связь с чем-то самым родным,

близким, самым необходимым. Тем, что потом переносится на окружающую нас природу, в лоне которой продолжается существование, для того, чтобы снова уйти и жить уже в людской обители, сохранив в себе то первородное чувство любви, которое изначально дадено нам от Бога.

Уже позднее поэт полностью осознаёт и переживает дорогое утраченное, безвозвратно ушедшее, до боли любимое своё родное село, образ которого живёт в его сердце как самый прекрасный из миров.

Я приеду, села не узнаю,
Поброжу между каменных стен,
Провожу милых ласточек стаю
И уеду отсюда совсем…

Фото Анатолия Волобуева

Хутор Дружный. 1983

Разочарование, которое испытывает поэт, сопоставляя идеальный мир своей души реальному миру, естественно и объяснимо. Он приезжает, казалось бы, туда, откуда происходит его фантастический мир, но увы… Поэт понимает, что село уже не то, да и, самое главное, что он сам теперь другой. Обратно дороги нет, и действительно это так, но чудесный, тёплый, желанный сказочный мир, который внешне так похож на этот (в нём ласточки такие же милые), ждёт где там впереди, за гранью возможного, излучая таинственный блуждающий свет.

Книга стихов **«Блуждающий свет»** своим названием и содержанием символизирует очередной этап осознания себя поэтом, переосмысление собственной судьбы, жизненного пути и творческого поиска.

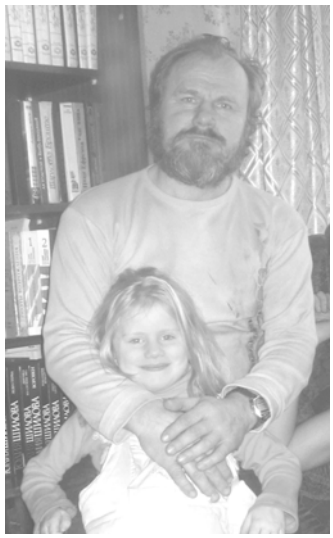
Иду без опаски, торю новый след,
На необъяснимый блуждающий свет.
……
Быть может, он видим лишь мне одному,
Но путь доверяю я только ему.
Кто светит, не знаю, но выбора нет —
Иду на неясный блуждающий свет.

В жизни каждого человека бывает период утраты твёрдой почвы, потери ориентиров. Куда выведет неясный блуждающий свет? А может быть действительно это лучше, чем совсем ничего. Да, выбора нет…Выбора нет… Остаётся верить.

Поэт верил, что свет выведет туда, где его ждёт дорогая сердцу обитель. Вера позволила ему быть правдивым с самим собой и с читателем. И это значит, что он уже не стремится к внешней красивости стиха, не пренебрегает своим истоком, своей природой.

Волобуев — поэт деревенский и в этом его уникальность. Уникальность его ещё и в том, что он, в отличие от многих, не бежит деревни, не чурается своих исконно-народных корней. И хотя, вероятно, всё же были такие периоды в творчестве поэта, когда он пытался уйти от деревни, в частности, это заметно по сборнику стихов «Блуждающий свет», в дальнейшем поэт уже сознательно видит себя народным, деревенским поэтом.

Стихи Виталия Волобуева порой удивительно гармоничны, порой как бы нарочито непричёсанные, их нельзя назвать гладкими. Они, как правило, лишены искусст-

Дочери Юлия, Полина, Елена

венного лоска: строк, отточенных в угоду традиционной поэтической «красивости». Его стихи похожи скорее на дикорастущее растение, которое и просто и естественно, но оно, в отличие от его искусственных, внешне красивых подобий — живое, оно дышит, растёт, в нём очарование жизни, и потому всегда волнующий, глубокий, не всегда сразу открывающийся читателю смысл.

Виталий Волобуев — поэт, сумевший сформировать собственное, индивидуальное философское отношение к жизни, сумевший вместить в себя всё многообразие мира, человек принимающий, понимающий и любящий многообразие проявлений жизни. Отсюда и всё многообразие его поэзии. Это и великолепные картины природы, едва уловимые, но наполняющие жизнь, состояния любящей, страдающей и радующейся человеческой души, это философские, мудрые стихи-размышления (впрочем, стихи Волобуева всегда философичны). Но по-настоящему душа поэта раскрывается там, где речь заходит о его малой родине, а если говорить точнее — о том ключевом переживании в его жизни, связанном с вечным внутренним противоречием, вызванном маргинальностью, столь присущей людям творческим. В данном случае это состояние связано с отрывом от земли, утратой непосредственной связи со своим родовым предназначением, с одной стороны, и затерянностью в бездушной пучине социально-экономических реформ, нагрянувших в конце XX-го столетия, с другой.

На самом деле нельзя сказать, что творчество Волобуева исторически актуально. Культурно-психологическая проблема отрыва человека от своих природных корней, утрата мифов, наполняющих жизнь смыслом целостного мифологического мировоззрения существовала всегда. Это связано с процессом деидеализации мифов, эволюцией сознания и неизбежными при этом кризисными периодами развития. С утратой мифа разрушается ценностная составляющая человеческой психологии, с чем, собственно говоря, и бывает связан кризис, жизнь просто теряет свою смысловую составляющую. Задача поэта — вернуть человечеству утраченный смысл жизни, вернуть радость существования, воссоздав в своём творчестве новый идеальный мир, где вновь гармонично сосуществуют мифы и реальность. И прежде всего это касается не внешнего материального, а внутреннего духовного мира человека. Парадокс заключается в том, что чем выше духовная организация человека, тем он чувствительнее и острее переживает подобные кризисы, связанные с неизбежным прогрессом, вернее, он переживает их лишь благодаря внутренней творческой работе по воссозданию собственной, внутренней мировоззренческой концепции, существующей независимо от материального преобразования мира. Виталий Волобуев сумел воссоздать такую реальность, жить в ней и с радостью предложить её всем ищущим в наше стремительное время духовной опоры.

В своём творчестве Волобуев не создаёт новые ценности, он возвращает утраченные, может быть, тысячу лет назад, поэтому самые проникновенные стихи его — это стихи об утраченном, но до боли близком, любимом. Любовью, созерцанием, невыразимой болью, и, наконец, грустной, по-деревенски наивной иронией и надеждой наполнены его стихи о сорняках:

Эх, сорняки, вы, мои сорняки,
Эх, васильки полевые!
Вы, да ромашки, что солнцу близки,
Эх вы, такие-сякие!
Будет вам горькую долю терпеть,
Будет вам скромно таиться,
Мой огород вам доверен теперь,
Мой палисад и криница.
Все заселяйте, я так проживу,
Я уж косить вас не стану,
Выйду под утро, да кинусь в траву,
В дождь из росы и тумана.
И никому вас в обиду не дам,
Вы ли виной недороду,
Травка-муравка, лопух-лебеда,
Цвет моего огорода?

Стихотворение эмоционально очень сильное и это связано, прежде всего, с тем, что здесь личные и очень личные переживания поэта. Всякий настоящий поэт как личность неформальная (маргинальная), чувствует себя заброшенным, одиноким, время от времени ненужным никому и тяжело переживает свою неформальность. И лишь принятие себя в такой сложной роли, прощение себя, признание того, что всё-таки он, возможно, также любим кем-то, как им любимы и милы эти сорняки, спасает поэта в этом кризисном переживании.

В этом, казалось бы, простом стихотворении — вся судьба, вся гамма чувств, начиная от начального незамысловатого чувства заброшенности своей крестьянской доли, где усматривается отношение к самому себе с точки зрения самого же себя, но в позиции обычного человека от земли (первое четверостишие «Эх, вы такие сякие»), постепенно утверждаясь в осознанности своего выбора и принятия новой своей участи открыто: «Будет вам горькую долю терпеть…»

В библиотеке. Новый Оскол. 2005

А это означает, что поэт, самоотождествляемый с сорной травой, мучается, страдает (терпит), находясь в состоянии неопределённости своего предназначения. Кто он — действительно избранный, поэт, или рядовой землепашец, чего в нём больше? И дальше, в итоге, он всё-таки отдаёт свою душу, свою судьбу, жизнь — поэзии. Стихи его, опять же с точки зрения его как опытного земледельца — помеха, сорняк — вещь ненужная, но он отдаёт им самое ценное, самое дорогое, что у него есть — землю — душу крестьянина, а именно свою душу: «… мой огород вам доверен теперь, мой палисад и криница…»

Поэт стоит перед сложным выбором: дорогое сердцу крестьянство или стихи и нелегко, но выбирает… стихи, относясь к ним, как чужим детям, внезапно поселившимся у него в доме, принимает их с любовью к новому и грустью по утерянному старому: «Вы заселяйте, я так проживу, Я уж косить вас не стану…» И наконец, эмоциональная вершина стихотворения: «Выйду под утро, да кинусь в траву, В дождь из росы и тумана».

В этих строчках поэт выражает всю боль утраты, перерождения, после чего он уже окончательно выбирает новый путь, иррационально утверждая, что причина всех его жизненных неурядиц (недорода) вовсе не стихи (Вы ли виной недороду?) и дальше уже иронично признаёт, что вместо того чтобы заниматься растениеводством, «выращивает» стихи, которые, вместо картошки и помидор, (возможно!) и есть цвет огорода поэта-земледельца.

Ироничность — ещё одна особенность поэзии Волобуева. Это касается особенно тех стихов, в которых он изображает сильное переживание: страсть, одиночество, тоску. И всякое подобное стихотворение, связанное с сильными эмоциональными состояниями, как бы непроизвольно, невзначай завершается или предваряется ироничным отношением к силе этих эмоций, к безысходности самой ситуации. Как будто поэт заранее знает, что всё это закончится и будет другая история, а эта именно, которая его пугает, мучает, беспокоит — она мимолётна, преходяща.

В стихах, посвящённых переживанию утраченного прошлого, передающих всю глубину одиночества, где поэт задаёт много вопросов, предвещающих не меньшее количество отнюдь не оптимистичных ответов, он в конце темы находит, как правило, самый ироничный, какой бы только мог быть, выход.

Так, рисуя картины деревенской жизни, легко владея искусством творческой интерпретации культуры бытовой речи, поэт преобразует простой диалог деревенских баб в язык поэтический, гармонично включающий в себя особенности речевых конструкций, характерных для диалектов родного края. Напевность и лиричность поэзии Волобуева как нельзя лучше представлены в деревенской лирике.

Разговоры говорили,
Примеряли женихов,
Бабки все давно решили,
Провели подсчет грехов:
— Вот не взял ее Василий.
— И Сергей ее не взял.
— Не погнался за красивой!
— Может что-нибудь узнал?
А она, чиста хрустально,
Мимо них, и плоть, и стать,
Так прошлась — старухи встали:
— Ну и девка — божья мать!
— И бровей, гляди, не красит!
— Мать такая ж вот была!
— Не пошла она за Васю!
— И Сергея прогнала!

Здесь и присущий поэту юмор, и придающий стихотворению необычную реалистичность, (буквально оживляющую картину, нарисованную автором), диалогизм, и, одновременно, что-то грустное, вечное, томительное, непостижимо и недостижимо идеальный образ женщины — тайны; подобный образу самой обожествлённой в творчестве поэта природы.

Обладая чутким, понимающим сердцем, Виталий с ранних, ещё бессознательных лет впитал в своё сердце и печальную, и радостную долю русской деревни. Отсюда способность необыкновенно тонко предавать душевное состояние, связанное с жизнью, близкой к природе. Различные состояния души удивительно созвучны бесконечно многообразным состояниям природы. Эти ассоциации способны вызывать настоящие глубокие человеческие чувства, делая читателя сопричастным душе поэта. Переживать вместе с ним состояния пронзительно тихой грусти, созерцательной задумчивости, огромной нежности ко всему, что мы храним в себе и что называем родиной.

Клоками рваными все небо
Заволокло.
Поля не разодеты хлебом —
Ушло тепло.
У речки холодно и зябко —
Рябит вода.
И мать моя у старой хатки
Стоит одна.

Душа поэта исполнена любовью к родному краю, где каждый колосок, каждая птаха — это часть его сердца, его боль и радость. В этом стихотворении слова «И мать моя у старой хатки стоит одна» являются отражением — противовесом другой, предваряющей части стихотворения (описания осенней увядающей природы), усиливая её до крайне возможной точки, попадающей прямиком в самый центр сердца каждого человека.

Мир природы в поэзии Виталия Волобуева открывается в своём гармоничном, первозданном единении с человеком, его душой. Что означает это единение? Это означает, что поэт видит внешний, природный мир как продолжение мира духовного, потому как человек воспринимает не всё, а лишь то, с чем сообразна его внутренняя природа. Не всем дано понять и принять это, особенно в наш машинный век, когда продолжением внутреннего мира человека видится скорее машина и действительно человеческое восприятие поглощено взаимодействием с миром машин. Немногие всерьёз задумываются, что именно составляет их внутреннее духовное содержание. На самом деле, если и существует бессмертие души, то унесём мы с собой в будущую вечную жизнь лишь то, что наполняет и составляет её, душу, в нашей земной жизни. С чем человек действительно хотел бы отправиться в вечность? Какие ценности хотел бы унести с собой, если учесть, что они не могут быть материальными? Ответ и сложен и прост — истинная ценность то, что дорого сердцу. Всё что дорого сердцу, требует заботы и внимания, бережного отношения — ведь это самое дорогое, что есть у человека — его душа. Отсюда такое бережное отношение Виталия Волобуева к родной природе.

Здравствуй, родимое поле,
Милой земли лоскуток,
Трав молодое раздолье,
Старый заросший мосток.
Здравствуй, тихоня-речушка,
Мой вам привет, камыши,
Где затаились лягушки
В летней полдневной тиши…

В своих стихах поэт одушевляет и наполняет эмоциональным содержанием всё, что связано с деревенской природой.

Скошенное поле, брошенное поле —
Срезали колосья, отняли детей.

Здесь эмоциональный образ земли-матери проникает в душу читателя естественно и гармонично. Одушевленность природы в творчестве поэта следствие того, что природа — часть его души, впрочем, не только его, но и каждого из нас. И потому деревенская природа также одинока и несчастна без человека, как и он без неё.

Брошено жилище, буйствует бурьян,
Ветер в трубах свищет, ищет поселян.…

Если назначение человеческой жизни состоит в том, чтобы уберечь душу, сохранить способность любить, радоваться и сострадать, сохранить и преумножить то, что дорого сердцу, что составляет наш внутренний духовный опыт — бесценное сокровище, делающее нас людьми, если это так, то поэт — пророк света, указующий нам путь туда, где жизнь наша наполняется своим высоким смыслом.

Так же, как мать открывает для ребёнка мир природы и детская душа раскрывается навстречу этому миру, и так как всё в итоге так или иначе повторяется, природа открывает человеку новый мир и эта вселенная зовётся **любовь**.

Восприятие красоты природы, основанное на врождённой любви, открывает для взрослеющего человека красоту женщины. Однако и в последующей взрослой жизни человек не отделяет образы природы от образа своей любимой. В поэзии Волобуева природное происхождение любви к женщине проявляется особенно ярко и метафорично.

Например, в одном из его стихотворений сборника «Блуждающий свет» романтический образ незнакомки сливается воедино с природной стихией и становится стихией самой:

Ах, эта женщина не мимо
Меня, унылого, прошла,
Она меня заполонила,
Как половодье унесла.

В другом стихотворении — рассерженная женщина также неотделима от угрожающей стихии половодья.

Что с рекою сотворилось —
У порога уж вода,
Ты ли, что ли, рассердилась,
Не дождавшись, как всегда?

Можно сказать, что чувства, которые испытывает поэт к женщине, столь же многообразны как выделяемые им явления и образы природы. Это может быть и дождь и метель, река, осень, расцветающая вишня…

И вот — навстречу вышла,
Как много лет назад.
Так расцветает вишня
И оживает сад.

Любовная лирика поэта живописует образы через природные явления с нежностью, а иногда и тёплой иронией — искренней и открытой, иногда с грустью о несбывшемся, неуловимом, ушедшем, потерянном.

Ладони помнят твое тело,
Оно в них облаком летело,
Оно светило и блистало,
Покуда воздухом не стало.
И этим воздухом дыша
И до сих пор живет душа.

Поэзия Волобуева светлая. Если даже и грусть, то это светлая, тёплая грусть, если это боль, то слёзы очищения и возрождения. Ночь плохо удаётся ему. День — его стихия. И если он говорит о чём-то тёмном или чёрном, то лишь для того, чтобы с большей силой выразить свет. Свет в творчестве Волобуева, также как и белый цвет, символичен и означает чистоту, дух, высь, мужское начало, точку совершенного равновесия, истину.

Незаурядный ум, способность мыслить философскими категориями, понимание сути душевной жизни и ещё что-то фантастически глубокое и непостижимое в сочетании с поэтическим даром Виталия Волобуева рождают, несмотря на кажущуюся порой простоту, необыкновенно сложные, в своей способности смыслового и чувственного саморазвития, стихи, растущие прямо из земли кряжистой ветвью вьющейся и расплетающейся какими-то непостижимыми путями туда, где солнечный свет дарит её изумрудным влажным побегам живительное тепло.

Творчество Волобуева многогранно, и без всякого сомнения самая волшебная его часть уходит своими истоками в драгоценные мгновения переживаний детства. Это те стихи, которые наполнены радужным сиянием крыльев стрекоз, голубою прохладой речной воды, чем-то ослепительно ярким и невыразимо волнующим. Благодаря именно этим стихам Виталий Волобуев видится нам прежде всего поэтом солнечно-магическим.

Будет небо изнеженно-синим,
Будто век не видало грозы,
И на пятки мои на босые,
Прилетят две больших стрекозы.

Просто и непостижимо. Две стрекозы… По одной на каждую пятку… Что это, если не сами ангелы-хранители в разворачивающемся действе своего магического ритуала спасения души? Будет… Небо… Синим… Да, будет… Всё будет… Что это, если не молитва? И потому невозможно оторваться от этих строк: будет, всё будет… Они прилетят… Обязательно. Состояние передаётся как беспрерывно развивающийся, бесконечно волнующий процесс экстатического погружения в таинство бытия.

Солнечность поэзии Волобуева открывает нам светлый мир радости и счастья, где небо нежно-синее не ведает гроз, где долгожданное лето никогда и ничем не может быть омрачено.

Век бы жил минуты этой ради —
Утро, солнце, счастье впереди…

И если сияет весеннее солнце,
И сердце дрожит от предчувствия лета…

Без всякого сомнения, эта страна — детство; первые, яркие переживания которого есть и были источником творчества как такового. А сейчас, мы можем отчётливо себе представить этого белокурого, с вьющейся шевелюрой деревенского мальчугана, пропадающего целое лето на речке. Оттуда эти фантастические существа, похожие на сказочных эльфов. Стрекозы… Дыхание рая… Они, сами по себе горячие, лёгкие, весёлые, играющие, символизируют собой некую святую благодать, и вот оно недостижимое, непостижимое, близкое, понятное, пронзительное, несбыточное, лёгкое, воздушное, мучительное, радостное, лучезарное, возвышенное, ослепительное, бесконечное, невыразимое… Вот оно…

И стрекозы летали над тихой водой,
Нашу лодку за лист принимая,
И, садясь на раскрытую солнцу ладонь,
Приносили дыхание рая.
Так и плыть бы по этой густой тишине,
И катать на ладонях стрекоз,
И качаться на тихой случайной волне
Вдалеке от ветров и от гроз.

Валерий СЕРГИЕНКО

Фото Анатолия Волобуева

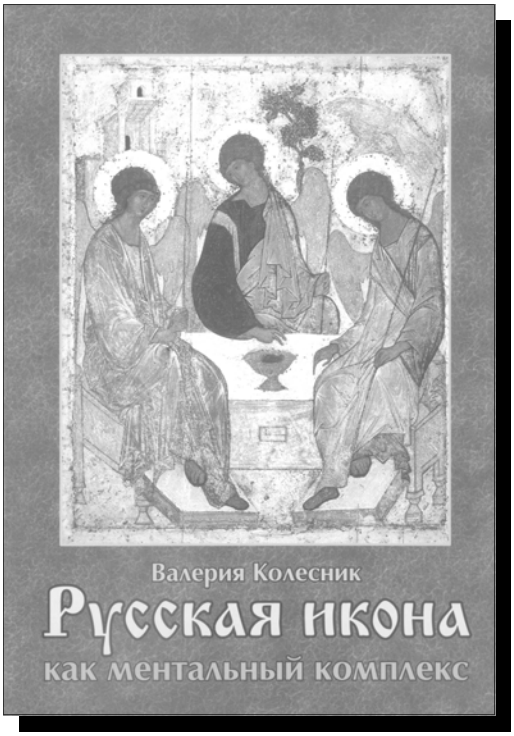

Хутор Дружный. 1980

ЕРЕМКИН
АНАТОЛИЙ ИЛЬИЧ
доктор педагогических наук,
профессор Белгородского государственного университета

НАУЧЕНИЕ ВЗИРАТЬ НА ОБРАЗ МИРА НЕВИДИМОГО

Колесник В. Н. Русская икона как ментальный комплекс
«Константа», Белгород, 2005. 152 с.

В далекой молодости, когда в солнечной степи за Днепром появился у меня домик в деревне, захотелось купить старинную икону и, повесив ее в уютный уголок, молиться Богу, поверяя ему свои мысли, чаяния и горести. Много раз возвращалось желание дать объявление и потом выбрать самую, что ни на есть лучшую икону. Однако все не было то времени, то подходящего условия, чтобы осуществить его. И только сейчас понял две очень важные вещи, связанные с неосуществленным намерением: во-первых, меня специально «уводили» от последнего акта — дать такое объявление; во-вторых, приобретение чужой иконы связано с нарушением одного из важнейших энергетических законов Бытия.

Почему же меня «уводили» от этого деяния? Кто меня «уводил» от него? Оказывается, икона в чужом доме накопила энергию ее хозяев. Она является наиболее притягивающим энергию объектом дома. Вокруг нее, как и она сама, все пронизано энергией хозяев. Икона впитала все радости и горести жильцов, слезы и обиды униженных, чаяния и надежды обиженных, сетования и восклицания горемычных, покаяния и благодарственные слова во Славу Божию. Поэтому икона должна «жить» в своем доме. А «уводили» меня от этого намерения те силы, которые в православии называются ангелами.

Об этих особенностях русской иконы, о ее ясности и красоте, почти прозрачных фигурах святых и обо всем сильном ее духовном воздействии на человека пишет в своей замечательной книге Валерия Николаевна Колесник. Можно с уверенностью заметить, что этот труд — результат многолетнего постижения «богатейшего по сво-

ему духовному потенциалу пласта русской национальной культуры — иконографии» (О. Кобец).

Листая страницы книги, поражаешься глубоким знанием истории русской иконы. Постижение философско-культурологических аспектов ее творения позволили автору рассмотреть икону не как свод религиозных правил и канонов или специфических художественно выразительных приемов, а как образ жизни древнего русича, его основной синкретический ритм. Не потому ли святые отцы называли икону «Библией для неграмотных»?

Икона создавалась как прообраз грядущего храмового человечества. Этот образ освещался «внутренним взглядом», «духовными очами»; и в этом раскрывалась первооснова всего Бытия. Через такое понимание иконы автору удается доказать, что православие — это культурообразующая религия.

За этим положением просматриваются ценностные ориентиры религии, которые выступали детерминирующим мотивом поведения нашего предка, были совокупностью философских, политических, нравственных убеждений человека, постоянными глубинными принципами его жизни, осью сознания, его миропониманием.

На страницах книги открываются широчайший обзор творцов русской иконы. И если кому-то вспоминался русский иконописец Андрей Рублев, то здесь мы узнаем имена Алимпия, Алексы Петрова, Феофана Грека, Даниила Черного, Прохора с Городца, Дионисия Ферапонтовского и многих других мастеров. Их кистью созданы истинной красоты иконописные образы, с помощью которых познаются непреходящие ценности духовных устремлений человека.

Благодаря проникновению в таинственный мир иконы, созданный замечательными мастерами прошлого, В. Н. Колесник поэтапно подводит читателя к осознанию того, что ценностные ориентиры христианства были важнейшими элементами структуры личности русского человека. Ей удалось выявить и осмыслить сконцентрированные в русской иконе культурные универсалии, которые выступали в роли глубинных программ предопределяющих различные, конкретные виды поведения и деятельности, характерные для исторически определенного типа социальной организации, содержащие своеобразные инварианты человеческого поведения.

Заслуживает внимания чутье исследователя, позволившее ввести впервые в научный обиход систему социокультурных функций иконы, обосновать взаимосвязь духовно-религиозных смыслов, сюжетов и образов русской иконы и их интегрированность в социальную жизнь, проанализировать семантику цвета и определить ее роль в понимании условного языка иконы, охарактеризовать семиотику древнерусской иконы как средство выражения духовного мира русского человека, определить культурное значение теургии иконы в доме и повседневности древнего русича.

В наше время, когда понятия добра и зла, святости и греха потеряли четкие очертания, мы все чаще ощущаем, что современная ситуативная мораль их границы размыла и порой совсем разрушила. Приоритет материальных ценностей по отношению к духовным, вульгарно-материалистический перекос массового общественного сознания и массовой культуры, жесткий прагматизм, возрастающая бесчувственность, свидетельствуют о глубоких кризисных явлениях в общественном сознании. Многолетнее отчуждение человека от подлинной духовной культуры, национальных корней и традиции привело к утрачиванию осознания благоговения перед жизнью, понимания высшего смысла и надежды.

Появление книги В. Н. Колесник «Русская икона как ментальный комплекс» своевременно. Это результат того, что она с середины 80-х гг. XX века занималась исследованием русской иконописи. Возглавляя работу в Белгородском областном отделении Всероссийского фонда культуры, Валерия Николаевна осуществляла деятельность по объединению усилий творческой интеллигенции края в деле духовного возрождения, была инициатором и одним из организаторов проведения первого концерта духовной музыки, первой нравственной проповеди в школе, акции возвраще-

ния здания Преображенского собора Церкви. Более 13-ти лет она преподавала культурологические дисциплины. И действительно эта книга стала результатом многолетней культурно-просветительской деятельности автора и отражением ее пути к Храму.

Включение этого издания в современный образовательный процесс будет способствовать пониманию значения не только иконы как универсума, но и самой теологии, как самостоятельной области духовно-интеллектуального знания необходимого для «собирания» сегодняшнего человека, растерявшего в своей секулярной сути высокие смыслы собственного предназначения. Неслучайно главная идея книги выражена словами митрополита Антония Сурожского, в которых звучит мысль о необходимости видеть в человеке икону, пострадавшую от жизни или от человеческой небрежности, или от кощунства, и « благоговеть перед тем, что осталось от этой иконы и ради этой божественной красоты, которая в нем есть, работать над тем, чтобы устранить то, что уродует этот образ».

В православной педагогике спасение человека может совершаться через возврат его к своей глубине, личности, Образу Божиему. Книга наполнена «духом христианской гуманности» и восхищения высокими общечеловеческими принципами, которые составляли особенность русского народа, специфическое пространство русской культуры, ее содержательное поле, особенности русской души.

Русская икона как предмет русской культуры и «Русская икона» как научный труд слились в едином ритме истории русской культуры, православной традиции и житейского знания, без которого любому человеку трудно узнать о своем прошлом и тем более трудно представить свое будущее. Недаром авторская позиция строится на том положении, что икона является Православным культурным Космосом, через который духовная красота действует на значительную часть человечества.

Среди функций, которые выполняет лик русской иконы в Космосе, числятся следующие: познавательная, историческая, социальная, эстетическая и, несомненно, воспитательная. Но самое главное, русская икона напоминает о присутствии во всех своих образах высшего Божества и рождает мысль о всечеловечности, в которой сошлись в одно целое как усопшие, так и ныне живущие. И это единство, целостность человеческого мира объединяет каждого из нас со множеством поколений русского человека. В этом единстве воскрешает идеал русскости, в которой очень нуждается современный человек и сообщество всех людей. Гуманизм, любовь к Родине, чистота отношений, воплощение прекрасного в жизнь семьи и в дела каждого человека проглядывают из иконных образов прошлого. Эти образы таят в себе мечты и чаяния, величие жизни и заветы ушедших предков. Так и кажется, что с этих бабушкиных и прабабушкиных икон смотрят на тебя твои далекие родственники, которые могучими корнями ушли в историю русской жизни, без которой не было бы тебя. И под взглядами наших предков все время ощущаешь их вопросы, в которых пульсирует один из наболевших: «А так ли ты живешь? Все ли ты сделал из того, что тебе завещано?» И от этих вопросов, и от ненайденных порою на них ответов ты начинаешь думать о жизни, своей и других, и становишься чище душой, светлее сердцем и возвышеннее духом. Икона зовет стать цельным, не размельчаться в суете буден и думать как о своем будущем, так и о том, что ты оставишь своим детям, внукам и правнукам. И здесь же возникает твой собственный сокровенный вопрос: сможешь ли ты таким же чистым взором смотреть на них, сможешь ли им задавать те же вопросы, которые возникают сейчас в твоем сердце.

Духовная связь поколений, как связь истинно Божественного духа и духа изображенного художником лика иконы, неразрывна. Это единая и вечная жизнь, это единое и неразрывное энергетическое поле, в котором живет народ, живет каждый отдельный человек, живет наш еще не рожденный потомок. Нас всех, кого уже нет и кого еще нет, связывает зримый образ иконы. Пусть она выражена в определенных символах одежд и красок, движений и бликов, оформления и ритуальных подтек-

стов, но во всех иконах есть то общее, что делает их исключительно внушаемыми и воспитывающими: спокойствие, уверенность, возвышенность и небесность. Выражение глаз обладает неподдельным магнетизмом, влекущим к мысли, духу, хранимому этим образом. Он завораживает своей уверенностью в содеянном, чего нам так часто не хватает. Это и есть сила духа, которая передается через икону от Божественного Духа к духу человеческому.

Благодаря иконе так одухотворяется богослужение в храме, благодаря иконе так оживляется уголок в доме. И когда в чужом доме, куда ты вошел, видишь икону, проникает в сердце некое удивительное ощущение добра, доверия и благозвучия речи. Этот духовный настрой в сочетании с колеблющимися бликами свечей и создает тот настрой, который у ребенка остается на всю жизнь, а у взрослого смягчает сердце, наполняет душу святостью и чистотой, хотя бы на то время, пока ты в храме или дома перед иконой.

Заключая свою работу, В. Н. Колесник приходит к закономерному выводу: русская классическая икона призывает всех людей к согласию. И это очень важный момент одухотворения человека. Этого момента удалось добиться и автору книги своим видением места иконы в современной жизни русского человека.

Валерия Николаевна Колесник -

Заслуженный работник культуры РФ, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и документоведения Белгородского университета потребкооперации, преподаватель курса «Иконоведение» в Белгородской православной семинарии с миссионерской направленностью, автор ряда публикаций, посвященных философско-культурологическому подходу в постижении ценностных основ Православия.

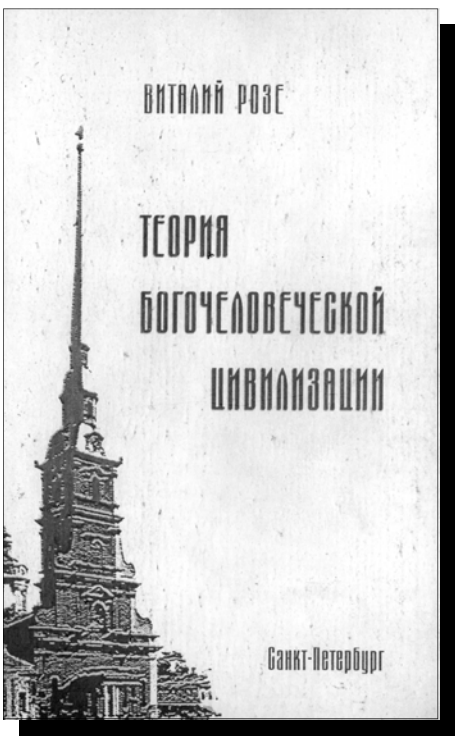
Предлагаемое читателям издание является итогом многолетнего постижения ценностных основ Православия, определяющее, по мнению автора, специфическое пространство русской культуры, её содержательное поле, особенности русской души. Работа в Белгородском областном отделении и правлении Всероссийского фонда культуры, в учреждениях культуры и искусств Латвии, Украины, городов Москвы, Кирова, Белгорода, преподавание культурологических дисциплин в Белгородском государственном институте культуры позволили автору в течение более чем 20 лет собирать уникальный материал.

Главная идея книги может быть выражена словами митрополита Антония Сурожского. В них звучит мысль о необходимости видеть в человеке икону, пострадавшую от жизни или от человеческой небрежности, или от кощунства, «видеть в нём икону и благоговеть пред тем, что осталось от этой иконы и ради этой божественной красоты, которая в нём есть, работать над тем, чтобы устранить то, что уродует этот образ».

КОЛЕСНИК
ВАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВНА
кандидат философских наук,
доцент Белгородского университета потребительской кооперации

ВОССТАНОВИТЬ ПЕРВОЗВАННОСТЬ РОССИИ

Розе В. Е. Теория богочеловеческой цивилизации
«Петербург-Классика», Санкт-Петербург, 2002. 136 с.

В условиях современного социального дарвинизма, когда выживает каждый, кто как может, когда безверие освобождает от ответственности перед Богом, когда забыт смысл народной мудрости «волкодав прав, а людоед нет», когда свойственная православной ментальности потребность человека в покаянии цинично называется никому ненужным «душевным стриптизом», осмысливать духовную ситуацию в русском обществе крайне сложно. Сложно, но необходимо. Актуальной является проблема ценностной переориентации как возможности сохранения глубинных — этических, духовно-онтологических и нравственных оснований человеческого рода.

В контексте вышесказанного особую значимость приобретает выход в свет книги кандидата экономических наук Виталия Егоровича Розе «Теория богочеловеческой (соборной) цивилизации».

Анализируя основы современного общественного жизнеустройства, В. Розе глубоко исследует рационально выверенную мировоззренческую и практическую парадигму Российского общества, которая, по мнению автора, с трудом соотносится с устоявшимися в веках традициями православной культуры.

Автор убедительно показывает, что современная материально-гуманитарная цивилизация находится в идеологическом тупике и идет к неминуемой катастрофе, если не изменит направление своего развития.

Теория богочеловеческой цивилизации В. Е. Розе — это новая оригинальная модель выхода из тупика, пересматривающая смену существующей парадигмы развития цивилизации на новую парадигму, основанную на социально-религиозной доктрине соборного общества.

Лейтмотивом книги является мысль о том, что «тип экономики и государственного устройства не может быть произвольным, он зависит от нас. Какие мы,

такая экономика и такое государство. «Экономика не может объяснить собственных законов из самой себя. Эти законы только действуют в ней, являясь частными проявлениями Законов СОЗНАНИЯ, Законов Духа, данных человеку Творцом. Основной Закон мироздания — господство Духа над материей, поэтому основной закон эволюции звучит так: «Измени себя к лучшему, и к лучшему изменится мир» — рассуждает ученый. Виталий Егорович приводит яркий пример проявления вышеназванного закона: «Все, что вовне (экономика в том числе), определяется тем, что внутри. Это тоже один из законов развития сознания. Вспомните фильм «Собачье сердце», где Профессор Преображенский говорит: «Разруха в клозетах у нас от разрухи в головах».

В. Е. Розе приходит к базовому выводу, суть которого заключается в следующем: «Продуктивно развиваются те страны, экономические и социальные модели которых максимально сориентированы и опираются на доминирующие в обществе духовно-нравственные ценности, лучшие традиции, культуру, этику трудовых и межличностных отношений. Одним словом, успех имеет тот, кто опирается на лучшие качества национального самосознания и духа».

Как здесь не вспомнить слова Гегеля: «Что человек делает, таков он есть».

Заслуживает особого внимания оценка эффективности хозяйствования с точки зрения христианской этики, учитывающей высоту норм хозяйственного права, равенство сторон по договорам, неукоснительную и неизбежную ответственность за несоблюдение условий исполнения обязательств.

Автор выступает против добровольной культурной вторичности. Как истинный патриот он озабочен тем, что многие экономические реформы, проводимые в стране, зачастую не принимаются народом, потому что они противоречат его менталитету. По мнению ученого, идея соборного общества, как гражданского общества духовного типа, концепция «соборной экономики» и «религиозного индивидуализма» содержит в себе пути выхода в смене парадигмы развития цивилизации.

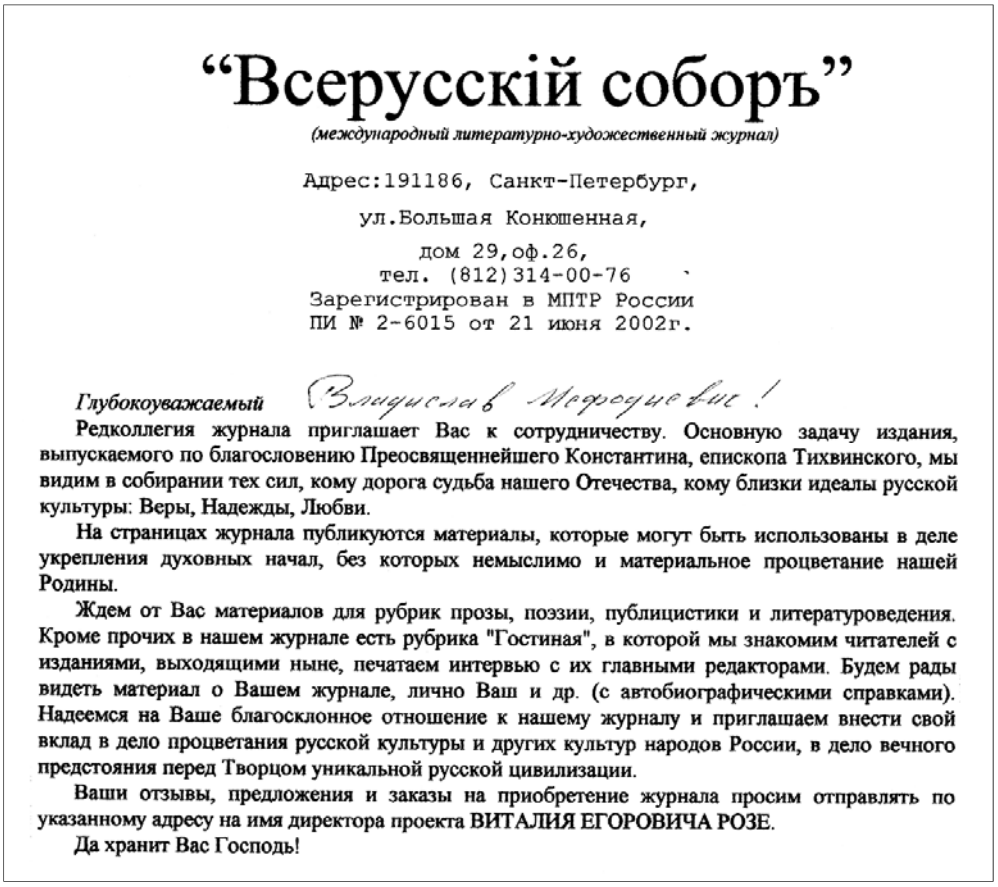
Знаковым является и сам выбор представленных в качестве иллюстративного материала икон. Они свидетельствуют о глубинном понимании автором тех ментальных комплексов, которые содержала в себе русская икона. В них запечатлены сгустки бытия наших предков и сохранившиеся на уровне глубинных социокодов устремления современных людей жить по совести, по-человечески, соборно решать коренные проблемы личного и общественного бытия, обращение к Православию как к оплоту духовно-нравственных ценностей.

Главный итог исследования В. Розе заключается в следующем: руководствуясь сугубо материалистическим принципом (бытие определяет сознание), навязываемыми прагматическими западными нормами и стандартами материального и культурного потребления, общество не дооценивает такую компоненту бытия, как духовность, которая определяет не в меньшей мере сущность бытия, а, по мнению автора, обращение к наследию Православия, его Духовным Заветам, способствует активизации поиска путей обогащения сложившейся духовной и социокультурной ситуации в современной России изначальными ценностными императивами, основанными на традициях религиозной культуры.

Полноценное цивилизационное развитие российского общества, его духовно-нравственное возрождение немыслимо, по мнению автора, без смены рационально выверенной мировоззренческой и практической парадигмы на религиозную доктрину соборного общества.

Призывая к преображению цивилизации материально-гуманитарного типа в цивилизацию духовного типа, автор аргументировано убеждает читателя в понимании необходимости преодоления глубокого культурно-цивилизационного кризиса всего общества.

Труд В. Розе — это событие в культурной жизни современной России, который нуждается в глубоком прочтении и вдумчивом осмыслении различными категориями читателей.

“Всерусскій соборъ”

(международный литературно-художественный журнал)

Адрес:191186, Санкт-Петербург,
ул.Большая Конюшенная,
дом 29,оф.26,
тел. (812)314-00-76
Зарегистрирован в МПТР России
ПИ № 2-6015 от 21 июня 2002г.

Глубокоуважаемый Владислав Мефодиевич!

Редколлегия журнала приглашает Вас к сотрудничеству. Основную задачу издания, выпускаемого по благословению Преосвященнейшего Константина, епископа Тихвинского, мы видим в собирании тех сил, кому дорога судьба нашего Отечества, кому близки идеалы русской культуры: Веры, Надежды, Любви.

На страницах журнала публикуются материалы, которые могут быть использованы в деле укрепления духовных начал, без которых немыслимо и материальное процветание нашей Родины.

Ждем от Вас материалов для рубрик прозы, поэзии, публицистики и литературоведения. Кроме прочих в нашем журнале есть рубрика "Гостиная", в которой мы знакомим читателей с изданиями, выходящими ныне, печатаем интервью с их главными редакторами. Будем рады видеть материал о Вашем журнале, лично Ваш и др. (с автобиографическими справками). Надеемся на Ваше благосклонное отношение к нашему журналу и приглашаем внести свой вклад в дело процветания русской культуры и других культур народов России, в дело вечного предстояния перед Творцом уникальной русской цивилизации.

Ваши отзывы, предложения и заказы на приобретение журнала просим отправлять по указанному адресу на имя директора проекта ВИТАЛИЯ ЕГОРОВИЧА РОЗЕ.

Да хранит Вас Господь!

По приглашению администрации области летом этого года Санкт-Петербургский международный журнал «Всерусский соборъ» побывал у нас, на Белгородчине, в гостях. Журнал представляли главный редактор Владимир Иванович Шемшученко и директор проекта Виталий Егорович Розе.

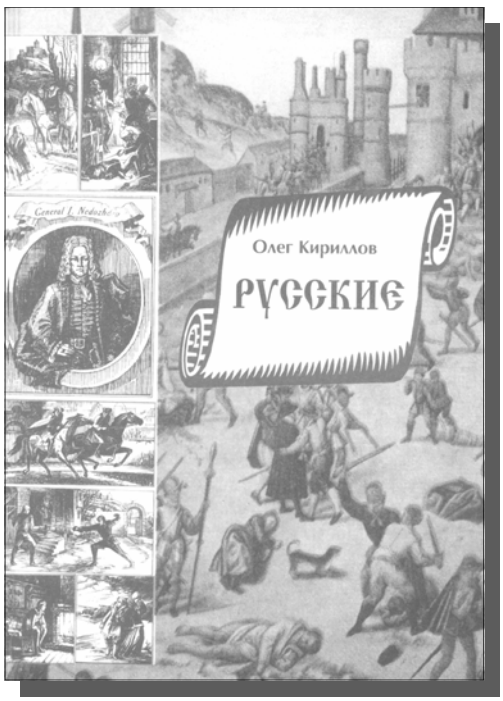
Гости посетили достопримечательности нашей области, встречались с читателями в Белгородской государственной универсальной научной библиотеке.

В журнале публикуются произведения наших писателей, планируется сотрудничество между «Всерусским собором» и журналом «Звонница».

МАРКИНА
ЛИДИЯ СТЕПАНОВНА
кандидат филологических наук, доцент

ОЖИВШИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Олег Кириллов. «Сыны Белогородины». ИПК «Кириллица». 2002
Олег Кириллов. «Выбор». ИПК «Кириллица». 2004
Олег Кириллов. «Отечества ради». ИПК «Кириллица». 2005
Олег Кириллов. «Русские». ИПК «Кириллица». 2006

«СЫНЫ БЕЛГОРОДИНЫ»

Творческим импульсом для работы над романом «Сыны Белгородины», как сказано в аннотации, послужила судьба генерала Недождева.

Читатель знакомится с Иваном Петровичем Недождевым, когда в 14-летнем возрасте ему приходится убегать вместе с матерью от преследования подьячего Зосимы Шацкого. Отец с преданным ему стрельцом Порфирием остаётся прикрывать их отход к лесу. Стрелец был убит сразу, а отец крепко сел в оборону, убил четверых преследователей и расправился бы с остальными, но Шацкий на кресте поклялся, что не будет препятствовать уходу. Слова своего, однако, не сдержал, убил воеводу и его жену выстрелами в спину. Подростка спас проезжавший в карете дворянин герцога Баварского, граф Хохкарт. Он не дал Шацкому расправиться с Иваном, взял его с собой в Мюнхен, но вскоре умер от испанки. Сюжетную основу романа составляет описание необычной и многотрудной жизни русского человека за рубежом, оставшегося без покровителя.

Предательское поведение Шацкого — центральный мотив экспозиции этой сюжетной линии, объясняющий последующее поведение Ивана (он же Дерр в Саксонии, он же Исповедник во Франции, он же Блицменш в Пруссии). Он неустанно тренирует свою волю, ловкость, бесстрашие. Его искусство в фехтовании называют дьявольским, т. к. он непобедим в рыцарских поединках. Перед его мысленным взором всегда стоит высокий человек с палашом в одной руке и пистолетом в другой руке. По его щеке струйкой стекает кровь:

«Ваня… — доносил ветер, — беги, Ваня… Маманю береги… Выживи, Христом богом прошу тебя, выживи… Вернись сюда сильной рукой. Сквитайся, Ванюша, да на могиле моей Господу поклонись. Жил для тебя, с тем и уйду… Живи, сын!»

О. Е. Кириллов. 2005

Как заклинание сын шепчет в ответ:

«Выживу, батя, выживу. Вернусь и сквитаюсь за всё, за каждую кровинку твою на снегу». (стр. 179).

А вот другой пример экспозиции. Он показывает, как формировалось умение Ивана «уходить от пут». На современном языке это называется тренировкой эскапизма. «Сколь раз крепким ремешком вязал ему руки отец, закрывал в сарае. Нужно было найти исход, чтоб узилище покинуть».

Бывало, кричал за помощью: «Батя, не можно уйти… Отвяжи». Отец презрительно усмехался, развязывал ему руки и молча показывал на свои: вяжи, дескать. Старался из последних сил, будто басурмана вязал. Закрывал сарай, сверху ещё ворота бревном приваливал, а сам к верхнему Волчку в игрища. Гонял с собакой по двору, время от времени поглядывая на тяжкий воротный запор: а ну как батя себя там?.. Оно ж в ремнях несподручно… И тут же могучие отцовские руки железной хваткой брали за плечи. Потом вдвоём шли в сарай, отпирали запоры, и отец показывал, как подползал к стене, как на старом дубовом распоре перетирал ременную петлю, как влезал на чердак, раздирал добротно сработанную соломенную стреху и прыгал вниз, как ужом полз к нему сквозь заросли крапивы, чтобы нежданно застать врасплох. Удивлялся Ванятка ловкости, с которой отец, при его дородном теле, управлялся с воинскими приёмами. И в следующий раз, на очередном испытании, искал способ уйти самыми необычными путями. Когда год спустя, посаженный в погреб, отыскал-таки трухлявую доску, выгреб за ночь волчью нору аж за тын, отец молча обнял его, и это было знаком высшего одобрения». (стр. 313).

Экспозиционные данные о кулачном бое (стр. 95-96) дают читателю представление о двух других персонажах романа — Никите и Дмитрии.

Первому как самому сильному бойцу слободских жителей, а второму — как представителю Жилой, пришлось встретиться в поединке. Именно в кулачном бою выработалась у русского мужика мораль: упавших наземь не бьют, ударивших сзади преступившими считают. В поединке сильнейших мораль была ещё строже и бережнее к противнику: «Коль стенка на стенку — там можно всяко, только спереди. А ежели единоборство — в обличье не бьют. Не богатырское это дело. Славы оттуда не будет». (Стр. 98). С этого поединка и зародилась дружба двух богатырей Белгородины, которая не позволила им бросить друг друга в беде на чужбине.

Таким образом, сынов Белгородины в романе трое: Иван, Никита и Дмитрий. Но я позволю себе причислить к ним и автора, Олега Евгеньевича Кириллова, ибо только истинный сын может так написать о родной природе.

«Широк, могуч Донец. Привольно катит желтоватые воды свои, легко несёт на игривых волнах и торговые кочи, и струги казацкие, с низовьев Дона добравшиеся сюда с трофейным турецким товаром, и лёгкие челноки рыбарей. С горы над рекой в утренних туманах видятся дальние сказочные города, диковинные корабли в клубах белого салютного дыма. Под стенами города принимает Донец в свои объятья ласковую, игривую Весёлку, рождённую в глухих лесах таинственного Чёрного бора, возникающего от города и дотянувшегося до дальнего Хотмыжска. Под белыми скалами рождаются там мощные родники, где вода сладка и живительна. Меж лесистых

холмов бежит она, торопится, бурлит на перекатах и успокаивается только здесь, у Бела Города, влившись с Донцом, затерявшись в его волнах на этот раз уже навсегда…» (с. 8).

По экспрессивности эта эпиталама Донцу и Везелице напоминает поэму П. Б. Шелли «Аретуза», где он воспевает слияние Аретузы и Алфея, символизирующих бессмертную любовь:

И сверкающей пеной
Под обрывистой энной
Плещет двух водомётов струя,
Словно подали руки
После долгой разлуки
Неразлучные сердцем друзья.

С позиций стилистики гимн Донцу и Везелице построен на олицетворении природы. Слияния двух рек — это аллегория бессмертной любви, в результате которой рождаются живительные родники. Композиционно это описание природы не способствует напрямую развитию какой-то сюжетной линии, но оно найдёт благодарный отклик в сердце любого жителя Белгорода. Согласно древнегреческому мифу Антей, сын Посейдона и Геи (Земли), был непобедим, пока он соприкасался со своей матерью, дававшей ему новые силы. Жители Белгорода, как мы имеем возможность наблюдать в очередях за родниковой водой, набираются сил от живительных родников — детей Донца и Везелицы.

Структурно автор разделил повествование на три части. Действие первой части происходит в России 17-го века, что объясняет большое число архаизмов и историзмов. Ниже приводятся три небольшие таблицы, иллюстрирующие архаичность лексики первой части романа. Следует оговориться, что в таблицах приводятся лишь существительные. Но к архаизмам относятся также и устаревшие формы слова, другие части речи, фразеологические обороты. Войти в рассмотрение всех словесных богатств даже одного писателя невозможно — слишком необозримо открывающееся перед нами поле для наблюдений. Признаюсь, что мне так и не удалось выяснить даже по словарю В.И. Даля, что означают «Захист» (с. 92) и «Ферязи» (с. 88). Свидетельствую, что личный тезаурус О. Е. Кириллова значительно шире имеющихся словарей. Как филолог, я понимаю, какой труд стоит за этим богатством языка, сколько надо было сделать записей в фольклорных экспедициях по Белгородскому краю.

В таблице № 1 представлено несколько примеров архаизмов, т.е. слов, которые устарели и не используются в современном языке, потому что у них появились синонимы.

Таблица № 1

Понятие	**Значение понятия**
Жонка	Жена, женщина
Корабеля	(искажённое «парабеллум) — Род огнестрельного оружия
Мушкет	Короткое боевое оружие
Палаш	Прямая и широкая сабля, двулезая к концу
Пищаль	Огневое орудие
Порты	Платье, одежда
Расшива	Большое парусное судно
Риторик	Оратор, мудрец
Роспыт	Допрос

Негоциант	Купец
Трудник	Сподвижник, мученик
Шлафрок	Халат
Штоф	Четурёхугольная стеклянная посуда с коротким горлом, ёмкостью в 12 или 16 чарок
Целовальник	Продавец в питейном заведении

В таблице № 2 представлены примеры историзмов, т.е. слов, не имеющих современных синонимов в связи с исчезновением или изменением понятий.

Таблица № 2

Понятие	**Значение понятия**
Аманат	Заложник
Бертыш	Широкий штопор, иногда с гвоздевым обухом и копьём
Гультяй	Лентяй
Дормец	Дорожная карета, в которой можно лежать вытянувшись
Зипунник	Мужик, сермяжник
Перей	Христианский священник
Кунтуш	Род верхней мужской одежды, иногда на меху, со шнурами и откидными рукавами
Лайдак	Лодырь, негодяй, шатун, плут и гуляка
Мыто	Пошлина за товар
Ретирада	Отступление
Ременная праща	Ручное боевое оружие для метания камней
Правёж	Изыскание долга, пени и вообще денег, с истязанием
Ярыга	Пьяница, шатун, мошенник

В таблице № 3 представлены промежуточные случаи: слова употреблялись как в старину, так и в наши дни, но значение их с течением времени кардинально изменилось. Для примера приведу лишь короткий отрывок: «Зараз писца Никешина позову. Расспроси подробно про воровство ночное, да пусть Никишин все сказки со старанием запишет». (с. 77). В переводе на современный язык это звучит так: «Расспроси подробно про мошенничество ночное, да пусть Никешин все свидетельские показания со старанием запишет».

Таблица № 3

Понятие	**Архаичный смысл понятия**
Вор	Мошенник, бездельник, обманщик
Воровство	Обман, плутовство, мошенничество, бездельничество, подлог
Мёд	Напиток из мёда с водой, хмелем и пряностями
Помин	Дар, подарок, принос, поклон, гостинец
Рогатка	Продольный брус, со вдолбленными накрест палисадинами, для преграды пути
Рухлядь	Движимое имущество
Рыло	Человек (мыто с рыла — пошлина с каждого человека)
Сказка	Всякое деловое показание, объяснение, ответ подсудимого, речи свидетелей, отчёт о случае, происшествии

Действие второй и третьей частей романа происходит в различных государствах Западной Европы. Язык повествования кординально меняется. В нём исчезают архаизмы, уступая место иностранным словам. Строго говоря, они уже перешли в разряд варваризмов, т.е. слов, которые ещё ощущаются как иностранные, но они уже укоренились в русском языке. Их задача — создание местного колорита, обрисовка местных условий жизни, нравов и обычаев страны, в которой происходит действие. Приведу лишь некоторые из них, но и этого достаточно, чтобы показать читателю перипетии судьбы, которая забрасывает Дерра из одной страны в другую: рекрут, книксен, талер, дилижанс, волонтёр, курфюрст, кирасир, Шевалье, салон, лютня, фрейлины, мадемуазель, парик, маркиз, леди.

Интересна авторская манера повествования. Она распадается на отдельные сегменты, границы которых предопределены географически. Материал повествования представляет собой готовый сценарий многосерийного фильма, где автор выступит в роли не только сценариста, но и режиссёра. Приведу для примера отрывок из предложения, в котором моя мысль о кинематографичности прозы романа подчёркивается дважды. Я укажу эти места латинским словом sic! Его ставят в скобки после слова, которое хотят выделить. Здесь их два: «сюжет» и «пауза». Напомню, что действие происходит на собрании разбойников в пещере: «…Его ничуть не смущал ни лёгкий шум среди присутствующих, обсуждающих перспективы возникающего сюжета (sic!), ни затягивающаяся пауза (sic!) перед появлением вожака»(с. 227). Явно в театральной манере изъясняется и сам вожак разбойников Конради. Посмотрите, каким эвфеллизмом он воспользовался для передачи сексуальных переживаний: «Ни одна женщина в мире не стоит жизни мужчины. Мужчина умрёт, а она всё равно, хоть через годы, но застонет под другим». (с. 238). Так же изящно обходит скользкие места и сам автор в своём повествовании. Вот как он говорит от импотенции Эгона: «Ходят упорные слухи, что на одной охоте лошадь ударила его копытом в запретное мужское место, имеющее непосредственное отношение к исполнению брачных обязанностей. И с той поры Эгон, якобы, уже не увлекается женщинами». (с. 261).

Фигура Эгона прокладывает для читателя мостик к женскому персонажу романа, с которым связана любовная линия сюжета. На мой взгляд, любовная линия менее удалась автору из-за искусственности завязки. Любовный треугольник Дерр — Лизелотт — Эгон распадается ввиду болезни Эгона. Конфликта между Дэрром и Лизелотт нет, т.к. оба взаимно любят друг друга. Но если конфликта нет, в дело вступают

искусственные препятствия. Даже похищение Дэрром Лизелотт происходит с согласия девушки. Зачем нужно было её оставлять, чтобы потом спасать, рискуя своей жизнью и жизнью двух других людей? Разумеется, в сюжете появляется тюрьма и угроза смертного приговора Дэрру. Но смертный приговор отменяется Дэрру при условии, что он высадится в Англии с несколькими сотнями людей и добудет корону герцогу Бервину, т.е. совершит государственный переворот в чужой стране. Только после этого Лизелотт может стать его женой. Развязка любовной линии кажется близкой, т.к. перед отъездом Лизелотт назначает ему свидание. Но здесь автор выступает как мастер саспенса. (Английское слово suspense принято русским языком в юриспруденции и литературоведении в значении «временная приостановка»).

— Иди ко мне, возьми меня как брали добычу наши древние рыцари… Сделай мне больно — не бойся сделать мне больно — шептала она, пытаясь уложить его на себе — ты мой рыцарь, ты моя мечта, и я хочу иметь от тебя сына. Отец сказал, что ты не вернёшься, так вот, я хочу иметь частицу тебя в себе. Я всё посчитала… дай мне своего сына и я буду с ним вместе ждать твоего возвращения. Тогда ты вернёшься, потому что тебя будут ждать двое самых дорогих тебе людей… Ну?

Он лежал между её ног». (с. 389). По законам многосерийного фильма здесь объявляется конец очередной серии. Но и в следующей ничего не происходит, т.к. Дэрр говорит: «Подожди, милая. Пусть всё будет по-другому, всё будет так, как мы с тобой заслужили. Пусть будет храм, музыка, торжественные лица». (с. 390).

Мы видим, как Дэрр проявляет своё умение «уходить от пут».

Сила романа О. Е. Кириллова не в сюжете, а в его идее, которая заключается в авторском разоблачении деятельности иезуитов в России. Носителями иезуитской идеи являются француз Депрей и поляк Шацкий. Депрей излагает программу иезуитов князю Голицыну: «Русь без помощи Европы не сможет стать сильной. Но Европа сделает её сильной только при выполнении главного условия: Русь должна стать заслоном Европы против Азии. Вы постоянно должны быть обращены лицом на восток, но не на запад. Вы должны быть нашим непреодолимым рубежом, и тогда мы сделаем всё, чтобы Москва крепла и рождала новых солдат». (с. 79).Представителю Ордена Зосиме Шацкому посланец кардинала Пирелли сказал: «Пусть они врастают в народы, куда их послали, пусть пускают там корни, пусть, умирая, создают ту почву на которой вырастет потом могучее дерево истинной веры. Если каждый, проживший в Московии жизнь, подарит свет истинной веры хотя бы сотне новообращённых, тень собора святого Петра упадёт на всю еретическую землю до самого Тихого Океана. «Мы вечны — сказал кардинал — нам некуда спешить, и мы не торопимся, потому что рано или поздно придёт наш час». (с. 74).

Исторический жанр силён тем, что рассказывая о делах давно минувших дней, помогает нам понять суть сегодняшних событий. В смутное время правления царевны Софьи иезуиты активизировали свою деятельность по уничтожению самых предприимчивых, энергичных русских людей, способствовавших экономическому процветанию России. В смутное время последних двух десятилетий 20-го века мы были свидетелями активизации деятельности разного рода религиозных обществ, чуждых православию. Люди, будьте бдительны! — предупреждает нас автор «Сынов Белгородины», и в этом пафос этого романа и величайшая заслуга его автора.

«ВЫБОР»

Заглавие передаёт его основную тему: какой станет Русь, миновав смутное время правления царевны Софьи? Она может сохранять патриархальное устройство жизни или пойдёт по европейскому пути…

Иезуиты делают ставку на молодого Петра, приставив к нему члена своего Ордена Лефорта. Пётр ещё не настоящий правитель, но они понимают, что если он возьмёт власть в свои руки, он сделает то, что планируют иезуиты. Пока Де Пру говорит

о нём в будущем времени: «Строить европейскую Россию он будет на костях своего народа. Стремясь сделать армию европейской, он покроет могилами своих солдат чужие земли в борьбе за чужие интересы. Он даст Европе бесплатных наёмников. Он обезлюдит Россию». (с. 217).

Основным препятствием для иезуитов является православие. И здесь автор, опережая события, рассказывает о том, как Пётр расправился с церковью, которая помогла и защитила его от заточения или смерти. Интерес представляет этот эпизод с позиции грамматической стилистики, т.к. автор прибегает к редчайшему стилистическому приёму в русской литературе — транспозиции грамматического времени. Он рассказывает о происшедших событиях в будущем времени: «После смерти патриарха Иоакима и его преемника решением царя патриаршество на Руси будет ликвидировано. Престарелый тяжело больной Викентий приедет в Санкт-Петербург, чтобы молить государя о спасении церкви. Ему не дадут аудиенции. Он умрёт в санях на обратном пути». (с. 241).

Вот это «будет ликвидировано» несёт дополнительную информацию. Пётр I как будто бы получает указание извне и действует не по своей воле. Если бы он действовал самостоятельно, ему полагалась бы уважить просьбу архимандрита Викентия — ведь это он был настоятелем Троицкого монастыря, который укрыл его за своими стенами, когда Пётр, спасаясь от преследования войскового отряда царевны Софьи, попросил дать ему убежище: «Спаси, отче… Беда нагрянула. Всю ночь к тебе спешил. Защити…»

Слёзы ручьём катились по его щекам. Архимандрит прижал его голову к груди: «Господь оборонит, государь. Жизнь положим, а недругам твоим не будет пути за стены сие…Будь в надёже». (с. 241).

Таким образом, мы видим, что Пётр I принял идеологию иезуитского Ордена, для которого православие было главным препятствием на пути установления своего господства на Руси. Шотландец Гордон так говорил о роли православия: «В Московии единственной, охранительной силой является именно православная церковь в силу того, что она удерживает от разрушения своеобразные, унизительные народные традиции, являющиеся становым хребтом государства. Лишите московитов этих традиций и вы увидите перед собой просто толпу, которая заменит идеалы инстинктами. Именно народ Московии более всего подвержен этой опасности, в силу того, что различные, порой совсем разнородные племена слились в один народ совсем недавно, что русские приняли в себя много иноплеменных потоков, предложив им свои обычаи и традиции. Потому каждый из врагов Московии прежде всего старается осмеять их и обругать, зная, что иных обычаев и традиций этому народу уже не выработать и в случае их исчезновения он станет только питательной средой для ассимиляции другими». (с. 186).

Каждое пророческое слово Гордона больно отзывается в сердце истинного, а не квасного, патриота России. Мы видим сейчас, как сдаёт православная церковь свои позиции чуждым нам не только «Обществу Иисуса», но и «Адвентистам седьмого дня», и «Свидетелям Иеговым». Губят нас и нескончаемые реформы, о которых прекрасно говорит автор, вкладывая свои слова в уста шотландца Гордона. «В этой стране самое большое желание любого правителя, едва лишь он усядется в главное кресло, сломать то, что сделано предшественниками. А чтобы его не подняли при этом на вилы, он называет свои деяния реформами. Всё что сделано, он ломает десятки лет, пока держит в руках скипетр. Когда же приходит другой — он ломает то, что сделано этим. И тоже не построит своего, потому что для этого просто не хватает жизни… Каждый задумавший реформы, уничтожает громадную часть своего народа: то ли голодом, то ли бедностью, то ли принесенными издалека несвойственными ему обычаями и строем самой жизни. Когда топчутся на твоей святыне, для тебя исчезает смысл жизни и ты уходишь из неё, потому что не находишь и не можешь найти в ней для себя осмысленного места». (с. 185-186).

Автор отдаёт должное Петру I, сделавшего Россию могучей державой, но отмечает высокую цену этого могущества. За двадцать лет своего правления он уложил в могилы третью часть населения страны. Увеличение налогов, внедрение подушной подати в 1724 г., рекрутские наборы, массовые мобилизации на строительные работы, приписка крестьян к заводам — всё это привело к массовым восстаниям (Астраханское восстание 1705-06 гг., Башкирское восстание 1705-11 гг., Булавинское восстание 1707-08 гг., на Дону и др.), которые были жестоко подавлены правительством Петра I. Распутство царя и его приближённых в Немецкой слободе привели к растлению российской семьи. Это он внедрил табакокурение, пьянство, венерические болезни. Он присвоил себе абсолютистское право помимо народа решать за него как ему жить, какие обычаи исповедовать, кого чтить, кого ненавидеть. Автор справедливо отмечает такие положительные стороны в характере Петра I, а именно: его страсть к науке и к разного рода ремёслам, но его неуёмное стремление европеизировать Московию автор называет «одурью» (с.192), прекратившуюся только с воцарением потомка Петра царя Александра III.

Личность Петра I и направленность иезуитского движения составляют стержень второй части романа, с которого мне пришлось начать свой анализ из-за масштаба фигуры Петра I и его роли в истории Российского государства.

Структурно роман «Выбор» состоит из трёх частей. Героем первой части является Дмитрий Сычёв уже известный нам по роману «Сыны Белогородины». С ним связано развитие сюжета, который связывает роман «Сыны Белогородины» и «Выбор». Настоящим же героем первой части следует назвать нашего земляка, выдающегося разведчика Максима Степановича Кречетова.

В наши дни молодых людей для внешней разведки готовят специальные учебные заведения. Во времена М. С. Кречетова таких специализированных учебных заведений не существовало. У Кречетова был трактир, но даже воевода не знал про его тайную главную жизнь. Трактир этот был в нашем Бела Городе. Ночами спешивались возле него неизвестные конники и, кутаясь в плащи, заходили в помещение. Иной отсыпался день-два в гостевой горнице, а иной, перекусив, снова садился на коня и исчезал в ночной темноте. Гонцы прибывали в Бела Город из разных стран, т.к. Кречетов находил способных к розыскному делу людей всюду. Иногда он сам исчезал на два-три месяца. Он вёл разведывательную работу в Вене под фамилией Гухман, в Бахчисарае был ходжой Мухури. В канцелярии гетмана Мазепы был полесским есаулом Криничным.

Все наблюдения он хранил в уме, натренированным за годы. Его агентура насчитывала более ста человек, начиная от северокавказских улусов до Стамбула и Вены. Многие приходили к нему в трактир работать половыми и проходили науку сбора информации, владения оружием и языками. Но когда настал черёд проникнуть в Орду, чтобы сорвать план ордынцев, помешать иезуитам натравить крымских татар на Русь, организовать большой поход к Москве, разрушить её форпосты вплоть до предместий Москвы, Максим Степанович Кречетов берёт эту ответственную миссию на себя. Ему удалось поссорить ордынцев с иезуитами ценой собственной жизни.

Организация Тайной палаты, судьба выдающихся разведчиков — это ещё одна, очень значительная, тема романа, которая не потеряла актуальности и в наши дни.

О. Е. Кириллов заслуживает самой высокой награды по линии ФСБ России за кропотливое исследование деятельности тайной палаты в России конца 17-го начала 18-го веков. Он восстанавливает из небытия фамилии выдающихся разведчиков, благодаря которым были выиграны сражения и спасены тысячи жизней. Разумеется, в пределах исторических рамок романа он может дать лишь несколько имён: Шитин, Матвеев, Языков, Бударин, Говоров, Минеев, Кикотев, Мехоношин, Татищев.

Тяжкую долю выбрали они себе. Принимая на себя обязанности разведчиков, целовали крест, что тайна их второй жизни никогда не будет открыта никому — ни

отцу, ни матери, ни невесте. Многие были убиты после жесточайших пыток, а те, что доживали до старости, заканчивали жизнь в нищете, как Татищев, прося подаяние на паперти у Храма Вознесения. Они не винили Родину. «Не Родина в том виновата, не на неё напраслину гнать, а на правителей её, севших в место не по уму». (с. 120).

Не лучше обстояло дело и с армией. Задачей Кречетова было помешать активизации военных действий против России со стороны сына крымского хана Нураддина. Под его началом было около двадцати тысяч конницы. Если бы лавой пошёл, наши пушки и два раза выстрелить бы не успели: не было у нас хорошей конницы и мало было солдат. Вопрос витал в воздухе: «Зачем же идти, коль не готовы?» Но ответ был ясен: Софью надо было укрепить на престоле любой ценой.

«Тяжкая доля у Руси», — с болью пишет автор. «Испокон века народу приходится расплачиваться и за мздоимство правителей, и за их бездарность, и за глупость. И того, и другого, и третьего, а также и пятого и десятого в нашей истории хватило. И отрывали от матерей единственных их сыновей, чтобы те, кто побогаче, своих сынов уберегли, чтоб имели возможность пока другие воюют, в жизни укрепиться, наукой подразжиться, а придут назад воины кто калека, кто умом ослаб от ранений — живи как хочешь, хоть с голоду сдохни, это твоё личное дело». (с. 127).

Сегодня эти слова актуальны как никогда. Много войн и локальных конфликтов пережила Россия за три столетия после описываемых в романе событий. Сегодня обыватель правит бал. Он захватил телевидение, он танцует и поёт, его реклама настырно рекомендует любимые им товары, и ему наплевать на каких-то изувеченных солдат. Он помнит только то, что его не огорчает. А солдат бабы ещё нарожают…

Завершает эту тему авторское отступление о судьбе России.

«Несчастная моя Россия! Такой ли должна бы быть твоя судьба? Так ли виновата ты, что земля твоя богата и обильна? Так ли виновата ты, что соседям твоим постоянно снятся твои безбрежные просторы, которыми они хотели бы владеть? Виновата ли ты в том, что народ твой добр и доверчив, что его легко обмануть, и «обыграть», обставить? Почему твои предатели всегда страшнее пришельцев-завоевателей? Почему гениальные творения ума твоих сынов всегда раскрадываются и присваиваются более шустрыми? Зачем Господь не остановит желающих ворваться в твой мирный дом и разломать его очередными реформами? И почему за простое желание жить хотя бы чуток лучше, ты расплачиваешься обязательно приходом к власти авантюристов и воров?» (с. 315-316).

Писатель не даёт ответов на свои вопросы. Он хочет, чтобы их дал сам читатель, и я позволю сделать предположение, связав по смыслу этот отрывок с отрывком из «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя. «Куда ты несёшься, Русь, дай ответ… не даёт ответа…» Но ответ заложен всем текстом романа. В бричке сидит Чичиков. Это он даёт указание вознице, куда следует ехать. Это Чичиковы управляют Россией, а для них кумир — золотой телец. Так два российских писателя, Н. В. Гоголь и О. Е. Кириллов, обменялись дружеским рукопожатием через два столетия, и объединяющих их стимулом является одна, но пламенная, страсть — любовь к России.

Единство темы связывает третью часть романа с двумя предыдущими, но главным персонажем здесь является Дэрр, он же русский дворянин Иван Недождев. Основная идея автора — показать несгибаемость русского характера, бесстрашие русского воина, умение находить выход из любого положения. На мой взгляд, автор отступает от системного изложения событий. На стр. 339 он даёт сжатую картину событий, которые должны произойти с Дэрром и которые обусловили провал его операции в Англии. Завершает автор своё описание фразой: «Всё это было потом, а сейчас бригадир Роквуд… зашагал к замку». (с. 339). Как и в случае с Петром I, здесь автор снова прибегает к грамматической транспозиции, употребляя несвойственное русскому менталитету время, которое по-английски называется «будущее-в-прошедшем» (Futurein-the Past). Но покажите мне читателя, которому захочется читать текст дальше, если он уже знает конец!

Несколько слов о языке литературного произведения. В первой части я уже показывала роль варваризмов, но гораздо большее внимание было обращено на историзмы и архаизмы. Во втором романе на первое место выходят варваризмы творческого происхождения, когда автор показывает быт и нравы Крымского ханства. Татарские слова нужны автору для создания местного колорита. Они не стали фактом русского языка, поэтому в таблице я привожу их толкование.

Таблица татарских варваризмов в романе «Выбор».

Понятие	**Толкование понятия**
Баурши	Слуга
Бакшиш	Выкуп
Батырь	Татарский воин
Богатур	Богатырь
Буза	Хмельной напиток
Гяур	Русский воин
Гурия	Наложница
Джагун	Начальник воинского отряда
Дервиш	Нищий
Кази	Мудрец
Кипчак	Степной воин
Кюрюльтю	Желанная женщина
Мурза	Князь
Нойон	Военачальник
Нукер	Татарский воин
Тургауд	Гонец
Тумен	Воинский отряд
Улигерчи	Певец, аккомпанирующий себе на хуре
Улус	Становище кочевников; табор; кибитка.
Ференги	Влиятельный иностранец
Хатун-тайджи	Княжна
Хура	Национальный инструмент
Чекмень	Кафтан или полукафтан
Юрджи	Писарь

Приведённая таблица показывает обширный словарный запас автора, за которым стоит трудоёмкая многолетняя работа. Писатель изучил татарский быт и нравы, чтобы употреблять эти слова в соответствии с их содержанием.

Единственное, что может вызвать возражение — это употребление автором слова «вояка», которое в словаре имеет помету «презр». Впервые оно употребляется на стр. 60 и относится к князю Голицыну. Затем мы видим его на стр. 66, оно относится

к казакам. С натяжкой можно согласиться с этим словом, когда речь идёт о 14-летних мальцах из народного ополчения (с. 91), но уж никак оно непримерно к пятисотенному Елизарьеву, прослужившему на военной службе 20 лет (с. 197), или к генералу Гордону, который назван почему-то «старым воякой» (с. 230). Оно так же не сочетается со словом «старый», как и со словом «опытный»(с. 230). «Опытным» может быть только «воин».

«Одна дождинка — ещё не дождь, одна снежинка — ещё не снег», — как говорится в известной песне, так и моё возражение против «вояки» не может повлиять на общую положительную оценку романа.

В аннотации роман характеризуется как приключенческий. Я вижу главную идею романа не в приключениях героев, а в его общей патриотической направленности и актуальности вопросов, рассматриваемых О. Е. Кирилловым.

«ОТЕЧЕСТВА РАДИ»

Заглавие романа может вызвать недоумение читателя, т.к. действие первых двух его частей происходит не в России, а в Англии и Саксонии, но когда приходит черёд третьей части, становится понятным, почему автор дал именно такое название. Неторопливо развивается сюжет первых двух частей, несмотря на то, что на главного героя обрушивает свои капризы «непостоянная мадам судьба» (с. 153). Это кокетливое выражение я заимствовала у автора, хотя, по правде говоря, здесь можно говорить не о капризах Судьбы, а о строгом повелении Фатума, или Фата, как его называли в древнем Риме. Каждый этап в жизни Дэрра заканчивается либо смертью его противника, когда Дэрр вынужден либо спасаться бегством, либо он попадает в заточение, и тогда друзья спасают его самого. Для усиления сюжетной линии автор использует ретроспективу, что с позиций грамматической стилистики означает ещё одну разновидность трансформации грамматического времени, а именно употребление редкого для русского языка давно прошедшего времени. На фоне прошедшего времени, в котором излагается повествование, появляется ещё одна его разновидность — изложение давно минувших событий, которое и называется давнопрошедшим временем. Грамматически оно должно быть основано на перегласовке корневых гласных (ходил — хаживал, читал — читывал), но автора не интересует словообразование. Он употребляет давнопрошедшее время, чтобы показать трансформацию образа Дэрра через восприятие француза Де Пру: «Поначалу я оценивал вас довольно низко. Искатель приключений, человек не без способностей, но довольно неразборчивый в средствах достижения своих целей, самомнение беспредельно, связи беспорядочные, готов за деньги выполнять самую грязную и неблагодарную работу… Ваше стремление стать зятем барона Альтенбурга воспринималось мной тоже весьма однозначно: стремление получить богатое приданое». (с. 367). Далее Де Пру излагает вкратце содержание романа «Выбор», сам того не ведая. Но это нужно автору для объективной характеристики будущего петровского генерала И.П. Недождева. Исполнение миссии герцога Бервика в Англии могло привести читателя к мысли, что Петру I нужны были люди, умеющие отлично орудовать секирой и палашом, но не обладающие умом. Однако анализируя поступки Дэрра в Англии и Саксонии, Де Пру, несмотря на неприязнь к Дэрру, помогает нам осознать, что Дэрр относится к ключевым фигурам политики Европы. Вот почему ему предлагают поездку в Варшаву. От лица французского короля руководитель внешней разведки Франции Ла Рейни ставит перед ним задачу выяснить, будет ли король Польши союзником Франции или её врагом. Король Франции не верит Августу. Для получения польской короны он отказывается от протестантства и принял католическую веру. Определить, означает ли это, что он — союзник Франции, или это просто политический ход предстоит Дэрру. Даже несговорчивый герцог Бервик, у которого Дэрр состоит на службе, вынужден согласиться с просьбой французского короля и отпустить Дэрра в Варшаву.

Но именно в Польше, по дороге в Варшаву, Дэрр сталкивается с предательством со стороны извозчика-поляка. Интересно наблюдение автора, отлично знающего национальную психологию. В данном случае речь идёт о национальной особенности русского характера: «Обычная ошибка русского человека, готового раскрыть объятия любому единоверцу или родичу по крови. Будто не было Смутного времени и польских расправ над московитами, будто не было потоков крови под польскими саблями и пожаров святых храмов. Каждое поколение русских получает свой урок этой безоглядной самоотверженной любви к братьям-славянам, то ли к полякам, то ли к чехам, то ли к болгарам, и урок этот не идёт впрок, ибо братья охотно сдают русского его врагам, получив от него всё, что возможно». (с.с. 85-86).

В другом месте мы читаем удивительно точный отзыв о русских со стороны Курфюрста Бранденбургского: «У русских удивительное самоуничтожение. Я не знаю другой нации, столь низко себя оценивающей, чем русские. Их вождей нужно сразу же поставить на наш уровень, сообщить им исполнение их великой мечты — приобщиться к европейским ценностям, сказать им, что они равны всем прочим европейцам, может быть, даже покровительственно обнять за плечи, назвать своими друзьями, и они уже ваши. За звание друга и равного нам они отдадут всё, что угодно…» (с. 256). Курфюст ошибся лишь в одном: несколько лет тому назад один из наших вождей даже получил звание «Лучшего немца года», в чём немцы, кажется, даже превзошли своих далёких предков.

Доброта и вера в человека отличали русского от европейца. Купцы отдавали целые обозы с товаром под честное слово, и никому в голову не приходило усомниться в том, что слово будет сдержано. Часто сделка заключалась в трактире. Когда хмель разбирал до костей, купцы обнимались и крест-накрест целовались. Это была клятва в нерушимости сделки, которая троекратным целованием скреплялась надёжнее, чем в письменном договоре, ибо договаривающиеся стороны клялись в нерушимом договоре крестом. «В Европе был иной порядок. Даже небольшая сумма оформлялась бумагой, векселем, чеком. За всё требовался залог. Неграмотный прикладывал оттиск пальца». (с. 237).

С великой болью говорит автор о своём Отечестве. Он — наш современник и видит плоды европеизации России. Благо, что царь Пётр I очнулся от преклонения перед Европой: «Ехали мы в сию Европу как на остров Буян, где чудеса на деревьях растут. Поглядели и поняли, что слова тут ласковые да приветливые говорить умеют, а зазеваешься — мигом остригут. А науки и всё иное никто нам не подарит по дружбе, всё купим за наши кровные. И благодеяний нам тут не от кого ждать». (с. 388).

Апофезом патриотической линии первых двух частей романа можно считать авторское отступление на стр. 128. Оно подготавливает читателя к третьей части романа, где эта тема будет продолжена описанием битвы казачьей станицы с татарским войском. «Если говорить правду, держалось всё на великом мужестве и самоотверженности русского человека, готового за землицу родную, за свой национальный уклад, за веру православную отдать и самоё жизнь, не торгуясь и не рассуждая. На том и стояла русская армия, потому что мощь её была мощью многих тысяч безвестных людей, слитой воедино стремлением защитить Отечество, под которым понималась и семья, и своя убогая хата, и огородик, с которого снимался скудный урожай, и церквушка, где старенький попик творил воскресную службу, и песни, которые пелись в обнимку с соседом, приняв заветную чарку. А ещё Отечество было и в старом погосте, где под почерневшими крестами лежали отцы и деды, прожившие такую же немудрёную святую жизнь и покоившиеся задолго до положенного срока под кривой басурманской саблей или предательской стрелой в спину из засады». (с. 128).

Третью часть автор назвал «За други своя». Её можно назвать также «Слово о полку атамана Крюкова», т. к. по описанию битвы с войском Крымского ханства и

по выразительности художественных приёмов напрашивается параллель со «Словом о полку Игореве». Отличие сюжетной линии «Слова о полку Игореве» от описываемых в романе событий состоит в том, что князь Игорь был инициатором похода на половцев, в то время как атаман Крюков со своим полком отбивался от нападавших татар. Мощь татарской армии передана автором непривычной для русского менталитета аллегорией с орлом, а русские воины сравниваются автором со стаей чёрных скворцов. Вначале мне показалось, что я ошибаюсь, и всё нужно понимать наоборот: орёл — это русское войско, а чёрные скворцы — это татарские воины. Но начало и конец этой аллегории убедили меня в том, что мои предположения неверны. Судите сами: «Над Чуфут-кале высоко в небо поднялся громадный орёл» (с. 422).

Чуфут-кале — это территория Крымского ханства, следовательно, орёл олицетворяет силу и мощь татарского войска. Орла встречает стая чёрных скворцов. «Вот эта туча подобралась к орлу, вот захлестнула его, и сразу же вниз полетели десятки чёрных точек. Каждый удар смертельного клюва, страшных ногтей отбрасывал в небытие десятки птичьих жизней, но вместо погибших поднимались другие и слабыми клювами своими наносили орлу десятки, сотни ран. И через несколько минут люди на земле увидели, как посыпались на землю орлиные перья, а следом за ними, нелепо перевернувшись и став похожим на бесформенную тряпку, тело орла начало падать вниз и исчезло среди вершин растущих на склоне горы деревьев». (с.с. 422-423).

Вот эта «бесформенная тряпка» — ещё одно доказательство, что орёл в данном случае символизирует татарское войско. Пройдёт ещё много лет, когда за российской армией закрепится образ сильного, могучего орла, а в 17-ом веке она одерживает победы ценой неимоверных усилий. От полка атамана Крюкова останется всего лишь 7 человек. Остальные, как пишет автор, разменяли свои жизни на военную победу.

Но откуда взялись «чёрные скворцы?» Ведь полк не был готов к бою. На шестьсот солдат было всего девять унтер-офицеров. Командиров батальонов не было совсем. Пушки старые, многим уже по пятьдесят лет.

Но ударили в набат, обратились к населению: «Люди! За Харьковом ордынцы рвутся на наших казаков. Их сотни. Наших чуток боле пятидесяти. Не дадим погибнуть ребятам. Полковник Недождев готов срочно выйти с войском на помощь казакам. Нужны подводы. Каждая с двумя лошадьми. Нужно много — двести. Прошу вас, помогите. Знаю, урожай гибнет, но если мы не придём — погибнут наши ребята». (с. 473).

На колени встал перед народом полковник Мучицкий. И дрогнули сердца горожан. Три роты выступили в поход. Четыреста восемнадцать нижних чинов, одиннадцать офицеров. Многие горожане решили сами сопровождать своё имущество, вооружились и сели на облучок. Все они были из бывших стрельцов, военную науку знали хорошо. Не отстали от них даже инвалиды. Три деревянных ноги найдут татары на поле, дивясь неслыханному мужеству урусутов.

Вся станица собралась вокруг атамана. Оставшиеся обошли уходящих, рывком обнимались, говорили каждому короткое слово: «Помни!» Все знали, о чём идёт речь: оставшиеся в живых отныне берут на плечи заботу о семьях оставшихся.

И началась битва великая. Победа в ней означала бы не только ордынское преимущество в бою, а уступку Руси в политическом отношении, т.к. принц Нураддин отослал русскому воеводе с доверенным лицом секретные бумаги о том, что он хочет дружить с русским царём и что с земли Крыма никогда не будут организованы походы на Русь. Но оказалось, что это лишь дипломатический ход Нураддина, который был известен своим коварством. «Спиной к нему нельзя поворачиваться. Наверняка ударит кинжалом», — так характеризует его русский разведчик Шеин. Этот же Нураддин отдаёт приказ Каир-беку: «Из крепости завтра повезут в Москву важные бумаги. Бери три, четыре, пять сотен воинов, ночами скачи к речке Орёл. На пере-

праве возьмёшь гонцов. Если привезёшь бумаги, я не пожалею ничего, чтобы наградить тебя. Помни: этим бумагам нет цены». (с. 462-463).

Битва казаков с ордынцами описана автором столь живописно, что читатель всё может представить своим живым воображением. По этой, как и по предыдущим книгам, можно ставить российский сериал, и он должен быть выше по замыслу, чем иноземные сериалы, т.к. автор главной своей задачей ставит патриотическое воспитание молодёжи, которая должна, как О.Е. Кириллов пишет в посвящении, «Знать, помнить и преумножать великие традиции наших предков, память об их славных делах во имя великой России».

Однако никакой фильм не передаст всей образности языка автора. Вчитайтесь лишь в одну фразу: «На дне балки озабоченно бормотал ручей» (с. 464). Озабоченное бормотание делает нашу природу соучастницей трогических событий, которые сам автор характеризует, проводя параллель между спартанцами, которые остановили в Фермонилах персидского царя, с казачьим полком, остановившем ордынцев.

О. Е. Кириллов оставил след не только как автор цикла из шести романов, а также других произведений, перечисленных в предисловии к первому тому. Он обогатил русский язык афоризмами. Вот некоторые из них:

— Если занимаешь лисью нору, вначале изгони из неё лисий запах» (с. 425).

— Шакалы страшны даже для льва, потому что их много (с. 458).

— Воистину, что птица, что баба, везде сразу после разору гнездо вить починает (с. 467).

— Русский завсегда братством побеждает (с. 471).

— На ладный кусок и собак много (с. 490).

Осмелюсь высказать лишь одно замечание, связанное с нарушением принципа историзма. Оно относится к слову «девушка». «Вперёд! — скомандовал он, и девушки бросились бежать» (с. 347). «Обе девушки громко рассмеялись» (с. 344)

Девушки — это баронесса Лизелотт и её служанка Кэтрин. Очевидно, что автор употребляет слово «девушка» в современном значении «лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности», или «такое лицо, достигшее половой зрелости, но ещё не вступившее в брак». Но в этом значении его впервые употребил В. В. Маяковский в 30-х годах 20-го века. (Кстати, сам В. В. Маяковский снимался в фильме «Барышня и хулиган»). В 17-ом веке «девушкой» называлась горничная в барских домах, молодая служанка». (словарь С. И. Ожегова, с. 159). К её госпоже обращались словом «барышня».

Несколько слов о женских образах. Больше всех окружён женщинами Дэрр. В случае с Эдит и её служанкой не проходит и десяти минут, как он из спальни Эдит перемещается в комнату её служанки. Его нельзя осуждать за донжуанство. Даже в момент непреодолимой страсти она называет Дэрра именем своего покойного мужа — Ричард. Разумеется, это не может не оскорбить Дэрра, поэтому его приход к другой женщине психологически оправдан. Наиболее устойчива связь двух имён — Дерра и Лизелотт, которая заканчивается свадьбой и спокойным семейным счастьем. Однако, если принять точку зрения, что образность — это синоним наглядности, что литературный образ нужно «осязаемо» представить, следует признать, что все женщины Дэрра выписаны схематично. Их поведение наиболее подобно описано автором в постельных сценах, но здесь, опуская детали, всё сводится к одной фразе — закрыв глаза, она стонала в его объятиях.

Другое дело Салтанат и Глафира. Это живые женщины, каждая со своим характером и ярко выраженной индивидуальностью. К сожалению, Салтанат быстро погибает от пули соплеменника. Но образ Глафиры ставит автора в один ряд с М. А. Шолоховым, создавшим в «Тихом Доне» незабываемые женские персонажи Аксиньи и Натальи. Однако судьба определяет Глафире более высокое предназначение. Она совершает подвиг Отечества ради, т.к. именно ей поручает атаман Крюков доставить

секретные бумаги полковнику Мучицкому. «Спасись, девонька… только про то и молю господа», — такими словами провожает он Глашу, понимая, что видит её в последний раз. Много испытаний приняла Глаша, добираясь через лес к своим, но пакет с секретными бумагами доставила по назначению. Мало у кого из мужчин хватило сил сдержать слёзы при виде этой «пичуги», как выразился полковник Мучицкий; «Великое дело сия пичуга сотворила, за что ей вечная благодарность Отечества нашего». (с. 490).

Вечная благодарность и писателю Олегу Евгеньевичу Кириллову за то, что он рассказал нам о далёких наших предках. Двадцать лет своей жизни посвятил Олег Евгеньевич работе над этим циклом романов, и это можно назвать его персонажным подвигом во имя Отечества, горячим патриотом которого он предстаёт перед читателями.

В личной беседе Олег Евгеньевич сказал мне, что в последующих изданиях он собирается изменить название 3-го тома. Он будет назван словом «Помни». Это слово говорили раньше воины, уходившие в бой, т.к. на долю оставшихся в живых приходилась забота об их детях и жёнах. Но «Помни» относится также и к нам, жителям России. Помни, какой ценой добывалась независимость государства нашего, и делай всё, чтобы сохранить её. Такова главная тема и идея романа.

«РУССКИЕ»

В четвёртом томе своего цикла «Порубежье» автор описывает эпизоды истории нашего государства в период Северной войны. Она началась в 1700 г., когда Пётр I в союзе с Саксонией и Польшей вступил в войну против Швеции. Роман заканчивается победой русской армии под Полтавой в 1709 г., но Северная война ещё будет продолжаться до 1721 года. Ништадский мирный договор закрепит за Россией берега Балтийского моря.

Повествование основывается на четырёх основных эпизодах:

— Осада Нарвы и поражение русской армии;

— Попытка освобождения русских военнопленных из лагеря под Дрезденом под руководством полковника Недождева;

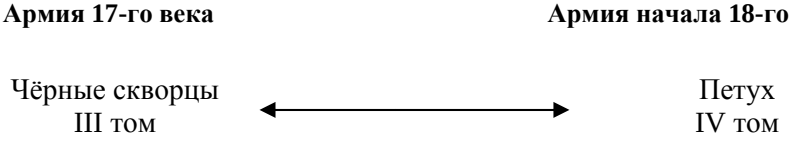
— Гибель русского полка под Тиллероже;

— Победа под Полтавой, которая ознаменует становление России как великой страны;

Этой победе предшествовал успех под Калишем, всколыхнувшем изумлённую Европу. Описание военных событий не входит в задачу настоящего эссе. В противном случае нужно было бы пересказывать содержание книги. Лирической линии отводится незначительное место, т.к. основные герои, знакомые читателю по трём предыдущим романам, почти всё время проводят на войне.

В центре внимания автора — русские солдаты и офицеры. Это уже не те «чёрные скворцы», которые атаковали ордынского «орла». На этот раз готовность русской армии к победе над врагом передана аллегорическим образом петуха, который отбивается от драгуна. «Птица злобно орала, иногда вспархивая и пролетая над землёй два-три метра, а драгун, растопырив руки, всё гнал и гнал её в угол. Наконец, петух оказался притиснутым к стене сарая и забору, и драгун начал подбираться к нему мелкими шагами. Птица застыла в одном положении, прижав к бокам крылья и чуть наклонившись вперёд, и вдруг, резко взмахнув крыльями, ринулась на человека, целясь прямо ему в лицо. Драгун замахал руками, отбиваясь, а петух, грудью ударив его в лицо, взлетел на забор и победно уселся там». (с. 106).

Графически аллегорическую трансформацию русской армии можно представить так:

Остаётся предположить, что к концу 18-го века петух превратится в орла. Но пока это произойдёт, много горя хлебнёт народ. Самый сильный удар по армии нанесло предательство иноземных офицеров. На этом фоне геройским надо считать поведение Людвига, когда он понял, что на поле боя шведы добивают раненых, презрев благородные законы войны, «ярость и протест всколыхнули его душу, и на мгновение он почувствовал себя причастным к категории людей, которыми ещё сутки назад командовал… — Я русский — хрипло крикнул он, и тотчас же что-то огненно-острое пронзило левую сторону его груди» (с. 355). Его проткнули пикой. Чтобы успокоить читателя, скажу, что пика прошла мимо сердца, и Бастион остался жив.

Но русскому солдату приходилось несладко, когда иноземные командиры нещадно били их палками по плечам и спине. Оправданием было то, что «во всех европейских армиях принято наказывать провинившихся» (с. 49). Офицер имел право делать то, что он считал нужным, чтобы поддержать дисциплину. Русскому мужику, одетому в мундир, трудно было подчас понять команду на немецком или на ломанном русском языке. Предлагаемая таблица военной терминологии имеет целью показать современному читателю, владеющему подчас несколькими языками, сколь трудна терминология того времени даже для большинства ныне грамотных людей.

Понятие	**Объяснение понятия**
Апроши (с. 7)	Ходы сообщения для скрытого и безопасного подступа к осаждённой крепости
Аппарель (с. 206)	Пологий спуск
Кираса (с. 264)	Металлические латы, надевавшиеся на спину и грудь для защиты от ударов холодным оружием.
Кирасир (с. 42)	Кавалерист, носивший кирасу
Колонель (с. 199)	Полковник
Кулеврина (с. 200)	Старинное военное орудие
Рейтары (с. 42)	Наёмная тяжёлая конница
Ретрашемент (с. 49)	Вспомогательная фортификационная постройка для усиления внутренней обороны
Сикурс (с. 28)	Обеспеченность
Фузел (с. 58)	Кремневое ружьё
Фузилёр (с. 58)	Солдат, вооружённый кремневым оружием
Фашины (с. 36)	Пучок хвороста, применяемый для укрепления насыпи.
Фашинник (с. 51)	Солдат, следивший за прочностью насыпи
Фольварк (с. 115)	Усадьба
Фортеция (с. 220)	Опорный пункт, способный вести круговую оборону

Даже этого небольшого списка достаточно, чтобы судить о трудностях взаимопонимания между иноземными офицерами и неграмотными солдатами.

Положение русских было отягощено тайным договором о сепаратном мире между королями Августом и Карлом XII. Пётр I, не зная о тайном договоре в Альтранштете, прислал на подмогу своему «сердечному другу и брату» королю Августу целую дивизию!

Русские солдаты были плохо вооружены. Каждому перед осадой Нарвы выдавали по 24 патрона с пулями. Голод душил солдат. «В котлах варили затирку: в кипяток сыпали затхлую муку, добавляли соли, перцу. Получалось мутное вязкое хлёбово. Туда крошили ещё немного сухарей, и солдат мог хоть чуток заглушить голод, и согреться» (с. 49).

Нельзя без слёз читать слова сержанта Лисавцова, умирающего от ран. Своему шагавшему рядом с подводой земляку Склярову он говорит: «Слышь, Тихон… Ты хлебец-то мой съешь. Тебе в атаку идтить. А мне-то всё одно кранты. Нога почернела, лекарь приходил, поглядел на неё, постучал пальцем и говорит: «Ты, браток, видать, отгулял своё. Антонов огонь у тебя… Скоро перед Господом предстанешь…» Так что получается, что для меня это дело — сплошной перевод харчей. А ты съешь, Тиша… Швед-то он здоровый мужик, и жрёт, видать, досыта. Не сдюжишь в рукопашной. А про меня не думай». (с. 444).

Глотая слёзы, жевал Скляров кусок чёрного с опилками хлеба. Лисовцов умер вечером того же дня. А Скляров погиб в рукопашной два дня спустя.

Кто не ходил в рукопашную, тот не видел войны, — такова суровая и страшная правда войны. Огненный металл рвёт тела солдат, но оставшиеся в живых встают и идут на противника с единственной целью: добраться бы хоть до одной шведской груди и в последнем вздохе погрузить в неё уже обагрённый кровью багинет. Старались отдать жизнь подороже, потому что всем было ясно, что её, жизнь, отдавать всё равно придётся, что дороги к родному дому и даже родной земле уже не будет и придётся помирать на этой чужой негостеприимной, холодной земле. Только одно оставалось главным и непременным: умереть надо было ПО-ЛЮДСКИ. (с. 354).

Народная память сохранила память о Северной войне в балладной песне «Под славным городом под Полтавой».

Под славным городом под Полтавой
Подымалась Полтавская баталья.
Запалит шведская сила
Из большого снаряда — из пушки;
Запалит московския сила
Из мелкого ружья — из мушкета.
Не крупен чеснок рассыпался —
Смешалась шведская сила.
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.
(«Русский фольклор»).

Любая победа российской армии — это «радость со слезами на глазах». Но автор передаёт также восхищение поведением русских глазами офицера саксонской армии Вильгельма фон Альтенбурга: «Я видел, как себя вели русские солдаты под шведским огнём. Картечь вырывала из их рядов целые взводы, но они стояли в каре… вы

себе не представляете, как они стояли… Это была насмешка над смертью, презрение к ней. Наши офицеры кричали солдатам: «Смотрите как стоят русские…» Но наши рассыпались по ложбинам, и когда шведы ударили, наших на позициях уже не было. Тогда русские перестроили ряды и ещё больше часа отбивались в полном окружении». (с. 194).

Насмешку над смертью демонстрирует и Роман Стёпушкин (с. 242-243) во время инсценировки его расстрела… «Он расхохотался рыжему в лицо и, подхваченный волной своего превосходства, сунул под нос офицеру наспех слепленный кукиш: «Накося…» (с. 243).

Безусловный приоритет в насмешке над смертью следует присудить главному герою этого романа — Ивану Петровичу Недождеву. Чего стоит одна лишь сцена, когда после урока стрельбы из пистолета Лизелотт потребовал, чтобы он выступил в роли Вильгельма Телля. Вместо яблока она взяла еловую шишку. Единственное, что ему удалось добиться — установить шишку не на голову, а на шляпу. Благо, что Лизелотт оказалась отличной ученицей!

По современной терминологии Недождев — это офицер спецназа. Он прекрасно владеет шпагой, саблей и пистолетом, находчив, бесстрашен, инициативен. И только в эпизоде его встречи с конём мы осознаём, что все эти качества выработаны в нём тренировкой воли. Он не может сдержать слёзы, видя, как из глаза Витезя поползла слеза.

«Нежданное чувство жалости к себе и старому надёжному другу сдавило сердце Недождева, и он сам почувствовал, как защипало в глазах». (с. 129). Честь для русского офицера дороже жизни, поэтому он отказывается от приглашения царя сесть за один стол со шведским генералом Рёншильдом, за что разгневанный Пётр приказывает ему сдать оружие и отправляться под арест. Надо отдать должное царю: опомнившись и проанализировав ситуацию, он наделяет Недождева генеральским званием и приказывает выплатить ему трёхмесячное жалование.

Излагая исторические события, автор должен быть беспристрастен. Поэтому Олег Евгеньевич отстраняется от собственной оценки событий. Но разве может русский писатель оставаться беспристрастным, когда речь идёт о страданиях русского народа?! Патриотическая позиция автора чувствуется с первых строк, начиная с заглавия. Ни в одном месте автор не позволяет сказать, как страдает его душа. За него это делает природа. Она враждебна, когда нашим плохо. «Злая речная волна по-змеиному шипела у его ног» (с. 100). «Испуганно ухал филин» (с. 278). «В лесу дико захохотала сова» (с. 180). Даже когда автор ставит себе задачу дать беспристрастное описание природы, его сверх — Я (по терминологии З. Фрейда) не позволяет ему оставаться равнодушным. Я покажу это на примере всего лишь одного предложения. «Белёсое солнце в венчике рваных облаков равнодушно взирало на землю» (с. 440). Обратите внимание на «равнодушно». Это значит «беспристрастно». Но облака «рваные». Да это русские солдаты идут, преодолевая колючий встречный ветер, закрывая рот башлыками, кусками конских попон, разнокалиберными по цвету ***тряпками*** (выделено мной — ***Л. М.,*** с. 441). Не солдаты, а тени молчат на подводах. Но едва только подводы добирались до места боя, с них соскакивали яростные бойцы, почти по пояс в снегу рвавшиеся в атаку, собравшие последние силы, чтобы добраться, наконец, до вражеской груди и вколотить в неё смертельно отточенный багинет. Две лавины людей сходились на мёртвой безжизненной равнине, чтобы в очередной раз посчитаться на заснеженном поле, до весны прикрытой ***заботливой*** (выделено мной — ***Л. М.)*** метелью». (с. 441).

Рваные облака, заботливая метель — это индикатор персонального отношения и свидетельства того, что я называю гениальностью.

Здесь два пласта образной системы автора — линия отсутствия заботы о русской армии со стороны военного чиновничества (рваный — куски попоны — тряпки) и забота о них со стороны матушки природы, ибо когда от 40-тысячной русской армии

остаётся всего 23 тысячи, хоронить убитых уже некому. Трудно представить, чтобы садясь за стол, писатель осознанно поставил себе задачу посредством эпитетов «рваный» и «заботливый» показать своё сострадание нашим воинам. Скорее всего, это было подсказано его подсознанием, а это уже работа его Гения.

В очерке о третьем томе я отмечала чрезмерное увлечение автора словом «вояка». В этом томе «вояка» употребляется к месту и в свойственном ему презрительном значении. Так после измены фельдмаршала Де Круи русские офицеры о нём говорят: «Мы завсегда со всех европейских помоек вояк собираем» (с. 73). Или о старых воинах, которые не знают современных правил боя: «Вояки там что надо. Большинству за пятьдесят. Привыкли за татарами гоняться, а нынешнего боя не знают. На смерть поставил людей. Не устоят ведь». (с. 52).

Но в этом томе появился синоним «вояки» — Аника-воин (с. 29). Так боярин Шереметев характеризует Мельникова, у которого в полку триста сорок сабель и восемьдесят палашей, но он тем не менее, призывает Шереметева выступить против шведов. Личность Аники-воина была хорошо известна русским с XVI века. В одном из произведений русской народной поэзии этого периода рассказывается о воине, которой гордился своей силой и ловкостью, но, встретив Смерть, испугался и был побеждён ею.

Оставляет в недоумении слово «вояка», которым Меньшиков характеризует Недождева: «Хороший он вояка, Недождев. Умом и хитростью военной крепок». (с. 385). Возможным объяснением этому может быть страх Меньшикова перед царём. Он предвидит критику царя. В самом деле, царь резко отвечает Меньшикову: «Знаю, что крепок. Языком больно волен. Не по чину». (с. 385).

Возражение вызывают два слова. Первое — французское «рандеву». Оно означает встречу, но преимущественно любовную, поэтому фраза Маргит выглядит двусмысленно, т.к. она явно имеет в виду не себя, а своего мужа Людвига: «Ты напишешь барону, что хочешь с ним встретиться по срочному делу. Он назначит тебе рандеву». (с. 297). И, наконец, военная команда: «Пали!» (с. 22). Сейчас она заменена словом: «Огонь!» Но вплоть до середины XX века была команда: «Пли!»

В целом, необходимо отметить богатство языка автора. Литературоведение отмечает пять основных функций языка литературного произведения: интеллектуально-коммуникативную, эмотивную, волюнтативную, аппелятивную и эстетическую. Наиболее широко представлена интеллектуально-коммуникативная функция. О. Е. Кириллов исследовал на протяжении четырёх романов более двух столетий нашу историю, дал необъятную картину горя и страданий народа и её армии в противостоянии врагам нашей Родины. Повторюсь: этому отдано 20 лет его жизни. Огромная работа проведена им с архивными материалами в различных странах: России, Франции, Германии, Великобритании, Польши, Швеции. Для того, чтобы читатель осознал, что такое работа в архиве, позволю себе сослаться на собственный опыт работы в Санкт-Петербургской библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В работе над диссертацией мне понадобилось ознакомиться всего лишь с двумя статьями в прижизненном издании « Тезауруса» французского лексикографа Роже. Мне дали войлочные бахилы и телогрейку. В сопровождении архивариуса, одетого так же, я поднялась по винтовой лестнице на самый верхний этаж. С каждым этажом температура помещения становилась всё ниже и ниже, т.к. редчайшие издания хранятся при температуре 12-14 градусов выше нуля. Проработав там два часа, я спустилась вниз, дрожа от холода. На первом этаже работники библиотеки любезно угостили меня горячим чаем с лимоном, после чего я согрелась.

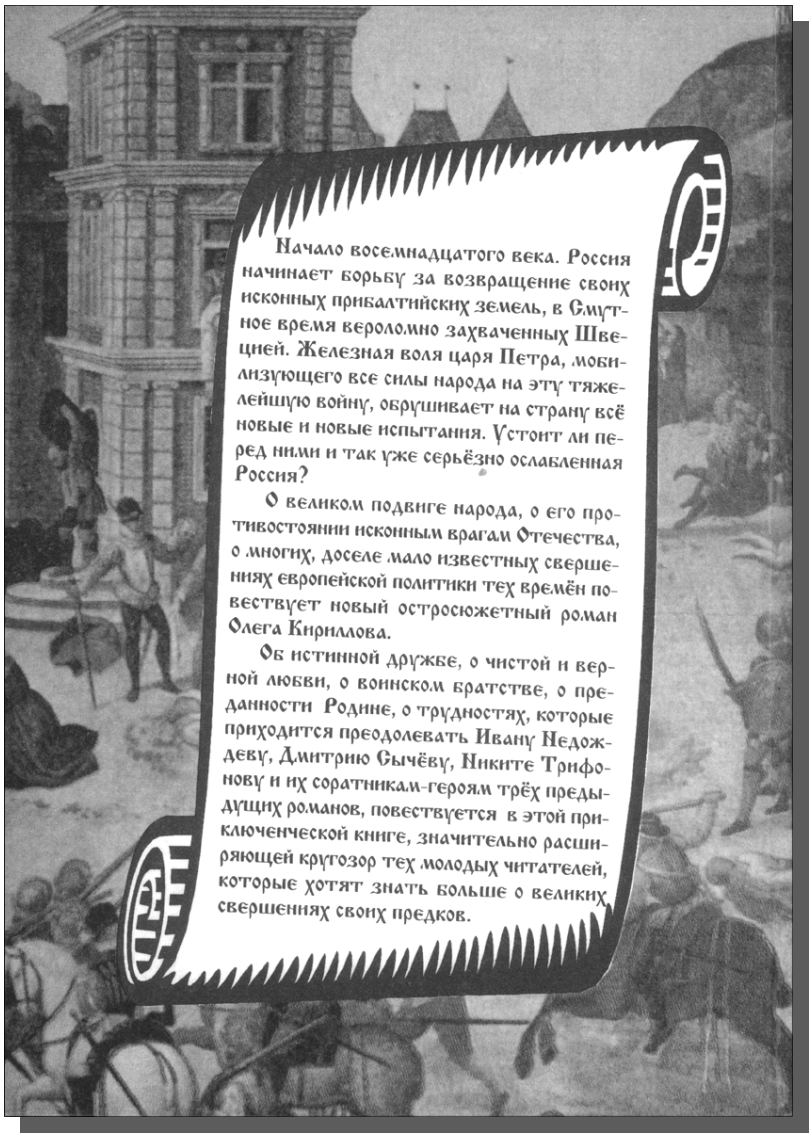
Олег Евгеньевич провёл в архивах годы, поэтому его работу справедливо можно назвать подвигом. Содержание его книги, как и его жизнь, побуждает читателя быть достойными своих далёких предков, уважать и ценить их жизни. Это особенно актуально в наши дни, когда мы видим пренебрежительное отношение к старикам, а ведь это их трудами создавалось нынешнее благополучие. Огромной заслугой писателя

нужно считать и то, что он рассказал нам о нашей малой Родине — Белогородине, поимённо назвав тех, кто отдал свои жизни во имя Родины.

Перечисленные выше функции языка — это научная абстракция, необходимая в исследовательских целях. На практике они все переплетаются в единую канву сюжета. Но основной узел этой канвы, на мой взгляд, в авторском отступлении на стр. 268-269. Здесь и коммуникация, и эмоции, и волеизъявления, и аппеляция к Господу. Этим отрывком я и заканчиваю свой очерк.

«Великая вещь — история. Великая потому, что говорит она о цене той или иной ошибки. Захочешь научиться — вот тебе готовый пример, как надо и как не надо поступать. Потому и переписывают её часто, чтобы убрать тот или иной её эпизод, если хочется по давнему, уже забытому примеру, направить страну и народ по уже испытанному тупиковому, но кому-то выгодному пути. И опять мы идём по кругу, раз за разом наступая на уже давно опостылевшие грабли.

Господи Иисусе, научи, наконец, Россию думать о Себе!»

© Оцифровка Виталий Волобуев 2015